

NIION 2003-0059
MOSURED 77/27-003

ISSN 2073-0454 (Print)
ISSN 2782-5698 (Online)

ВЕСТНИК

Московского университета МВД России

Рекомендован Перечнем ВАК при Министерстве науки
и высшего образования Российской Федерации

Журнал включен
в Российский индекс
научного цитирования
(РИНЦ)

2

2025

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Е. Н. Бегалиев,
доктор юридических наук, профессор, почетный работник
образования РК (Республика Казахстан)

С. А. Боголюбов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

Г. А. Василевич,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РБ (Республика Беларусь)

К. К. Гасанов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный сотрудник органов внутренних дел РФ

В. И. Елинский
доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник Следственного комитета РФ

А. Е. Епифанов,
доктор юридических наук, профессор

С. С. Жевлакович,
кандидат социологических наук, доцент,
заслуженный работник высшей школы РФ

О. В. Зиборов,
доктор юридических наук, профессор

И. А. Калининченко,
кандидат педагогических наук

О. Г. Карпович,
доктор юридических наук, доктор политических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ

В. Л. Кубышко,
заместитель Министра внутренних дел РФ,
кандидат педагогических наук

С. С. Маляев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Л. Миронов,
кандидат юридических наук, доцент

А. А. Реан,
доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

Н. В. Румянцев,
доктор юридических наук, доцент

Д. Субошич,
кандидат юридических наук, профессор
(Республика Сербия)

В. Ю. Федорович,
кандидат юридических наук, доцент

Ю. А. Цыпкин,
доктор экономических наук, профессор

Б. С. Эбзеев,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный
деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ,
судья Конституционного суда РФ (в отставке)

Н. Д. Эриашвили,
кандидат исторических наук, кандидат юридических наук,
доктор экономических наук, профессор, почетный работник
сферы образования РФ, лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники, лауреат премии Правительства РФ
в области образования

E. N. Begaliev,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker
of Education of the RK (Republic of Kazakhstan)

S. A. Bogolyubov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

G. A. Vasilevich,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the RB (Republic of Belarus)

K. K. Gasanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Employee of the internal affairs bodies of Russia

V. I. Elinskiy,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of Investigate Committee of Russia

A. E. Epifanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

S. S. Zhevlakovich,
Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Honored Worker of Higher school of Russia

O. V. Ziborov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

I. A. Kalinichenko,
Candidate of Pedagogical Sciences

O. G. Karpovich,
Doctor of Legal Sciences, Doctor of Political Sciences,
Professor, Honored Scientist of Russia

V. L. Kubyshko,
Deputy Minister of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Pedagogical Sciences

S. S. Mailyan,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. L. Mironov,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

A. A. Rean,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honored Worker of Sciences of Russia

N. V. Rumyantsev,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

D. Subošić,
PhD, Professor
(Republic of Serbia)

V. Yu. Fedorovich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Yu. A. Tsyarkin,
Doctor of Economic Sciences, Professor

B. S. Ebzееv,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker
of Science of Russia, Honored Lawyer of Russia,
Judge of the Constitutional Court of Russia (retired)

N. D. Eriashvili,
Candidate of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences,
Doctor of Economic Sciences, Professor, Honorary Worker
of Education of Russia, Winner of an Award of the Government
of Russia in the Field of Science and Technology, Winner
of an Award of the Government of Russia in the Field of Education

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

EDITORIAL COUNCIL

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- А. Х. Абашидзе,**
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
заслуженный деятель науки РФ
- С. В. Алексеев,**
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего профессионального образования РФ,
заслуженный юрист РФ
- Ю. М. Антонян,**
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
- А. В. Барков,**
доктор юридических наук, профессор
- А. Р. Белкин,**
доктор юридических наук, профессор, академик РАН
- Е. В. Богданов,**
доктор юридических наук, профессор
- А. А. Власов,**
доктор юридических наук, профессор
- Т. М. Гандилов,**
доктор юридических наук профессор,
заслуженный юрист России
- М. М. Дикажев,**
доктор юридических наук, доцент
- В. В. Долинская,**
доктор юридических наук, профессор
- А. В. Ендольцева,**
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ
- Л. Г. Ефимова,**
доктор юридических наук, профессор
- О. Д. Жук,**
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник прокуратуры РФ
- С. М. Зырянов,**
доктор юридических наук, профессор
- С. В. Иванцов,**
доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник МВД России
- О. Ю. Ильина,**
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ
- Н. Г. Кадников,**
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего
профессионального образования РФ
- Р. А. Каламкарян,**
доктор юридических наук, профессор
- В. П. Камышанский,**
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего образования РФ

LEGAL SCIENCES

- A. Kh. Abashidze,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia,
Honored Worker of Science of Russia
- S. V. Alekseev,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher Professional Education of Russia,
Honored Lawyer of Russia
- Yu. M. Antonyan,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia
- A. V. Barkov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- A. R. Belkin,**
Doctor of Legal Sciences, Professor, Member of RANS
- E. V. Bogdanov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- A. A. Vlasov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- T. M. Gandilov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
Honored Lawyer of Russia
- M. M. Dikazhev,**
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor
- V. V. Dolinskaya,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- A. V. Endoltseva,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia
- L. G. Efimova,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- O. D. Zhuk,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Prosecutor of Russia
- S. M. Zyryanov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- S. V. Ivantsov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia
- O. Yu. Ilyina,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia
- N. G. Kadnikov,**
Doctor of Law, Professor,
Honored Worker of Higher Professional Education
of the Russian Federation
- R. A. Kalamkaryan,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- V. P. Kamyshanskiy,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher education of Russia

И. Б. Кардашова,
доктор юридических наук, профессор

А. И. Клименко,
доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник МВД России

Н. А. Колоколов,
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного Суда РФ (в отставке)

М. В. Костенников,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный сотрудник органов внутренних дел РФ

А. Н. Кузбагаров,
доктор юридических наук, профессор

Р. А. Курбанов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ

С. Я. Лебедев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Н. Левушкин,
доктор юридических наук, профессор

Н. П. Майлис,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ

В. П. Малахов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Н. Ф. Медушевская,
доктор юридических наук, доцент

Г. Б. Мирзоев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Н. В. Михайлова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Р. С. Мулукаев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

Н. Г. Муратова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Татарстан

С. М. Никитюк,
кандидат юридических наук

С. Л. Никонович,
доктор юридических наук, доцент

Ш. М. Нурадинов,
доктор юридических наук, профессор

А. М. Осавелюк,
доктор юридических наук, профессор

Р. Б. Осокин,
доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник МВД России

А. С. Прудников,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

К. Е. Сигалов,
доктор юридических наук, профессор

А. В. Симоненко,
доктор юридических наук, профессор

I. B. Kardashova,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. I. Klimenko,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia

N. A. Kolokolov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Judge of Supreme Court of Russia (resigned)

M. V. Kostennikov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Employee of internal affairs bodies of Russia

A. N. Kuzbagarov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

R. A. Kurbanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia, Honored Worker of Science of Russia

S. Ya. Lebedev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. N. Levushkin,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N. P. Maylis,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia, Honored Worker of Science of Russia

V. P. Malakhov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher school of Russia

N. F. Medushevskaya,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

G. B. Mirzoev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

N. V. Mikhaylova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

R. S. Mulukaev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS

N. G. Muratova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan

S. M. Nikityuk,
Candidate of Legal Sciences

S. L. Nikonovich,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

S. M. Nuradinov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. M. Osavelyuk,
Doctor of Legal Sciences, Professor

R. B. Osokin,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia

A. S. Prudnikov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

K. E. Sigalov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. V. Simonenko,
Doctor of Legal Sciences, Professor

Д. П. Стригунова,
доктор юридических наук, доцент

Л. В. Туманова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Е. Н. Хазов,
доктор юридических наук, профессор

О. В. Химичева,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей
школы России

Л. А. Чеговадзе,
доктор юридических наук, профессор

Н. М. Чепурнова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. П. Шергин,
доктор юридических наук,
заслуженный деятель науки РФ

Б. С. Эбзеев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
судья Конституционного суда РФ (в отставке)

А. Б. Янишевский,
доктор юридических наук

D. P. Strigunova,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

L. V. Tumanova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

E. N. Khazov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

O. V. Khimicheva,
Doctor of Law, Professor,
Honored Worker
of Higher School of Russia

L. A. Chegovadze,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N. M. Chepurnova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. P. Shergin,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,

B. S. Ebzeev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Honored Lawyer of Russia,
Judge of the Constitutional Court of Russia (retired)

A. B. Yanishevskiy,
Doctor of Legal Sciences

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Т. А. Агапова,
доктор экономических наук, профессор

Ю. Т. Ахвледиани,
доктор экономических наук, профессор

В. И. Бобошко,
доктор экономических наук, профессор

Р. П. Булыга,
доктор экономических наук, профессор

Л. П. Дашков,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Д. В. Дианов,
доктор экономических наук, профессор

А. Ф. Дятлова,
доктор экономических наук, профессор

Р. В. Илюхина,
доктор экономических наук, профессор

В. Г. Когденко,
доктор экономических наук, профессор

Е. Н. Колесникова,
доктор экономических наук, доцент

Е. И. Кузнецова,
доктор экономических наук, профессор

Н. П. Купрешенко,
доктор экономических наук, профессор

А. Н. Литвиненко,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный экономист РФ

ECONOMIC SCIENCES

T. A. Agapova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

Yu. T. Akhvlediani,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. I. Boboshko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R. P. Bulyga,
Doctor of Economic Sciences, Professor

L. P. Dashkov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

D. V. Dianov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. F. Dyatlova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R. V. Ilyuhina,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. G. Kogdenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E. N. Kolesnikova,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

E. I. Kuznetsova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

N. P. Kupreshchenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. N. Litvinenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Economist of Russia

И. А. Майбуров,

доктор экономических наук, профессор
заслуженный деятель науки РФ

В. Б. Мантусов,

доктор экономических наук, профессор

В. С. Осипов,

доктор экономических наук, профессор

Г. Б. Поляк,

доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

С. Г. Симагина,

доктор экономических наук, профессор

А. Е. Суглобов,

доктор экономических наук, профессор,
заслуженный экономист РФ, заслуженный деятель науки РФ

Н. В. Цхададзе,

доктор экономических наук, профессор

I. A. Mayburov,

Doctor of Economic Sciences, Professor
Honored Worker of Science of Russia

V. B. Mantusov,

Doctor of Economic Sciences, Professor

V. S. Osipov,

Doctor of Economic Sciences, Professor

G. B. Polyak,

Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS

S. G. Simagina,

Doctor of Economic Sciences, Professor

A. E. Suglobov,

Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Economist of Russia, Honored Scientist of Russia

N. V. Tskhadadze,

Doctor of Economic Sciences, Professor

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

В. С. Агапов,

доктор психологических наук, профессор

И. В. Groшев,

доктор психологических наук, доктор экономических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ, лауреат премии
Правительства РФ в области образования

В. Ф. Енгальчев,

доктор психологических наук, профессор

А. Г. Караяни,

доктор психологических наук, профессор, заслуженный
деятель науки РФ, лауреат Государственной премии РФ
им. Маршала Советского Союза Г. К. Жукова

В. М. Крук,

доктор психологических наук, профессор

Л. Н. Костина,

доктор психологических наук, профессор

И. Б. Лебедев,

доктор психологических наук, профессор

Л. В. Ситников,

доктор психологических наук, профессор

С. Н. Федотов,

доктор психологических наук, профессор

В. Л. Цветков,

доктор психологических наук, профессор

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

V. S. Agapov,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

I. V. Groshev,

Doctor of Psychological Sciences, Doctor of Economic Sciences,
Professor, Honored Worker of Science of Russia, Winner
of an Award of the Government of Russia in the field of Education

V. F. Engalychev,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

A. G. Karayani,

Doctor of Psychological Sciences, Professor, Honored Worker
of Science of Russia, Laureate of the State Prize of Russia
named after Marshal of the Soviet Union G. K. Zhukov

V. M. Kruk,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

L. N. Kostina,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

I. B. Lebedev,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

L. V. Sitnikov,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

S. N. Fedotov,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

V. L. Tsvetkov,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

С. Р. Аблеев,

доктор философских наук, доцент

В. Ю. Бельский,

доктор философских наук, профессор

В. А. Волох,

доктор политических наук, профессор
почетный работник ФМС России

А. Л. Золкин,

доктор философских наук, доцент

А. Д. Иоселиани,

доктор философских наук, профессор

S. R. Ableev,

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

V. Yu. Belsky,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor

V. A. Volokh,

Doctor of Political Sciences, Professor,
Honorary Employee of the Federal Migration Service of Russia

A. L. Zolkin,

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

A. D. Ioseliani,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor

УЧРЕДИТЕЛЬ:

**Московский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации**
117997, Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

*Научный редактор,
ответственный за издание,
лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники, лауреат
премии Правительства РФ в области
образования, доктор экономических
наук, кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук,
профессор, почетный работник
сферы образования РФ*
Н. Д. Эриашвили
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Тел. 8 499 740-68-30

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор
М. А. Андронаки

Старший редактор
В. С. Клементьева

Редактор
М. В. Пешков

Ответственный секретарь
А. В. Петрушина

Номер подготовили:
**Л. С. Антоненко,
А. И. Антошина**

При участии:
М. И. Никитин

Дизайн и верстка:
А. П. Яковлев

Журнал зарегистрирован
Министерством Российской
Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций

**Свидетельство о регистрации
№ 77-14723**

**Индекс по каталогу Агентство
«Урал-Пресс Округ» — 84629**

**Адрес редакции: 117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12
Тел. 628-57-16
vestnik.mosu.mvd@mail.ru
https://vk.com/mosumvd.official**

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

Содержание № 2 • 2025

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

*Теоретико-исторические правовые науки
Публично-правовые (государственно-правовые) науки
Частноправовые (цивилистические) науки
Уголовно-правовые науки
Международно-правовые науки*

АРЗАМАСОВ Ю. Г. Новые цифровые технологии, применяемые в нормотворческой деятельности: плюсы и минусы	10
БАРИКАЕВА А. Ф. Конституционно-правовое регулирование прекращения права муниципальной собственности	26
БОРИСОВ И. Б. Обеспечение электорального суверенитета в условиях гибридных войн	32
ВАГАПОВ М. А. Внесудебное разрешение конфликта (спора): историческая ретроспектива содержания и понятия	42
ГОРБУНОВ М. А. Влияние правовой практики римских провинций Македония и Ахайя на формирование института узурфрукта в системе римского частного права во II в. до н.э. – III в. н.э.	47
ДАВЫДОВ В. О. О некоторых тактических особенностях производства невербальных следственных действий по делам о преступлениях в сфере киберэкстремизма: аспект осмотра компьютерного устройства	52
ДОЙНИКОВ И. В. Материалистическая концепция права в сфере хозяйствования: история и современность	57
ЖАНДРОВ В. Ю. Технологическая трансформация криминального рынка наркотиков и ее влияние на содержание задач оперативно-розыскной деятельности	63
ЖИГАРЕВ Е. С. Социологическая криминология и постсоветский путь ее развития	72
ЖУКОВА О. В. Вопросы эффективности системы профилактики правонарушений несовершеннолетних в контексте обеспечения их прав и законных интересов	78
ЗАЙЦЕВА С. Е. Достижения и перспективы беспилотных летательных аппаратов в полицейской деятельности и вооруженных силах России и зарубежных стран	88
ЗУЕВА А. С., ТОКОЛОВ А. В. SMART-контроль в финансово-бюджетной сфере	95
КЛЕЩЕНКО Ю. Г. Проблемы правовой регламентации и применения реабилитации по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 285 УК РФ, и пути их решения	101
КОРОТКОВА М. В. К вопросу о краткосрочном найме жилых помещений в многоквартирных домах	107
МАЗУРОВ И. И. Мифологическое измерение правовой жизни: рецензия на монографию В. А. Вострокнутова и А. И. Клименко «Мифологический компонент в правосознании современного общества» (М. : Проспект, 2024)	114
МУРАТОВА Н. Г. Законодательная терминология в механизме обоснованности уголовно-процессуальных решений	120

• Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. В первую очередь редакция публикует материалы своих подписчиков.

• При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов журнала «Вестник Московского университета МВД России» ссылка на журнал обязательна.

• В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажается смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не в праве обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письмо, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

Формат 60x84 1/8.
Печать офсетная.
Тираж 1500 экз.
(1-й завод — 300).

Заказ № 54

Подписано в печать 21.04.2025 г.
Цена договорная

**Московский университет
МВД России имени В. Я. Кикотя
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12**

Подписной индекс Агентства
«Урал-Пресс Округ» 84629,
или на сайте Научной
электронной библиотеки:
<http://elibrary.ru>

ПАНФИЛОВ П. О. Этнокультура уголовного судопроизводства и ее влияние на уголовно-процессуальную политику.....	127
ПИЛЯВЕЦ Ю. Г. Борьба с побегами из исправительно-трудовых лагерей и колоний в начале 1950-х годов.....	137
ПРУДНИКОВ А. С. Особенности осуществления контроля за иностранными гражданами в сфере трудовых отношений в современной России.....	142
РЫЖИК А. В. Обязательство в английском праве.....	146
САЙТБЕКОВ А. М. Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием: теоретические и практические аспекты.....	152
СВИРИН Ю. А. Цифровые технологии в исполнительном производстве.....	157
СИТНИКОВ К. А. Реализация мемориальной функции права в контексте историко-правовых дисциплин (к 100-летию со дня рождения профессора В. М. Курицына).....	163
ХОДЖАЛИЕВ С. А. Сравнительно-правовой анализ проблем назначения наказания в уголовном праве: теоретические, законодательные и практические аспекты.....	170
ЧЕРВОНЮК В. И. Судебное право в структурной организации права: поиск новой парадигмы.....	178
ЭБЗЕЕВ Б. С. Системное единство и непротиворечивость принципов конституционного строя Российской Федерации.....	183

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Региональная и отраслевая экономика

Финансы

АБЛЕЕВ С. Р., МИРЗАЗЯНОВ Р. Х. Экономический кризис и политическая турбулентность: американские корни международного экстремизма.....	188
ГРИЦАЕНКО Г. И., КАЛЬЧЕНКО С. В. Социальный капитал малых форм хозяйствования в развитии социального предпринимательства и формировании инклюзивности экономики.....	197
КОЛЕСНИКОВА Е. Н. Методические аспекты ведения бухгалтерского учета токенов.....	208
КУПРЕЩЕНКО Н. П. Основные вызовы и угрозы экономической безопасности регионов России, порождаемые рынком труда.....	215
СТАРОВЕРОВА О. В. Сравнительная характеристика систем бюджетного федерализма в федеративных государствах.....	219
ЦХАДАДЗЕ Н. В. Дистанционная занятость в России: преимущества, недостатки и перспективы развития.....	224

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Общая психология, психология личности, история психологии

БАЛАШОВА В. А., ЕФИМКИНА Н. В. Психологический потенциал профессиональной подготовленности курсантов.....	232
ЗУЙКОВА А. А. Психологическая травма развития как предиктор наркозависимого поведения.....	237
КАЛИНИЧЕНКО И. А., КОСТИНА Л. Н. Развитие рефлексивных способностей и профессиональной идентичности у будущих психологов органов внутренних дел Российской Федерации.....	242
ЦВЕТКОВ В. Л., НОВОСЕЛЬСКАЯ С. Р. Психологические особенности профессиональной Я-концепции курсантов образовательных организаций МВД России.....	249

FOUNDER:

**Moscow University of the
Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation**

117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12

Scientific Editor, responsible for the publication, the Winner of the Award of the Government of the Russian Federation in the field of a science and technics, Winner of the Award of the Government of Russia in the field of Education, Doctor of Economic Sciences, Candidate of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of Education of Russia

N. D. Eriashvili

E-mail: nodari@unity-dana.ru

Tel. 8 (499)740-68-30

EDITORIAL STAFF:

Editor-in-Chief

M. A. Andronaki

Senior editor

V. S. Klementieva

Editor

M. V. Peshkov

Executive secretary

A. V. Petrushina

This issue has been prepared by:

L. S. Antonenko,

A. I. Antoshina

With participation of:

M. I. Nikitin

Design and layout:

A. P. Yakovlev

The journal is registered
by Ministry for Press,
Broadcasting and Mass
Communications of the Russian
Federation

The certificate of registration

№77-14723

Zip Code at the List of the Agency

«Ural-Press Okrug» — 84629

Editorial Staff address:

117997, Moscow,

ul. Akademika Volgina, d. 12

Tel. 628-57-16

vestnik.mosu.mvd@mail.ru

<https://vk.com/mosumvd.official>

BULLETIN

OF THE MOSCOW UNIVERSITY OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Contents № 2 • 2025

JURISPRUDENCE

Theoretical and historical legal sciences

Public law (state law) sciences

Private law (civilistic) sciences

Criminal law sciences

International law sciences

ARZAMASOV YU. G. New digital technologies used in standard setting activities: pros and cons	10
BARIKAEVA A. F. Constitutional and legal regulation of termination of municipal property rights	26
BORISOV I. B. Ensuring electoral sovereignty in the context of hybrid wars	32
VAGAPOV M. A. Out-of-court settlement of conflict (dispute): a historical retrospective of content and concepts	42
GORBUNOV M. A. The influence of legal practice of the Roman provinces of Macedonia and Achaia on the formation of the institution of usufruct in the system of Roman private law in the 2nd century BC – 3rd century AD	47
DAVYDOV V. O. On some tactical features of production of non-verbal investigative actions in cases of crimes in the sphere of cyber extremism: aspect of inspection of a computer device	52
DOYNIKOV I. V. The materialistic concept of law in the sphere of management: history and modernity	57
ZHANDROV V. YU. Technological transformation of the criminal drug market and its impact on the content of operational investigative tasks.....	63
ZHIGAREV E. S. Sociological criminology and the post-Soviet path of its development.....	72
ZHUKOVA O. V. Issues of effectiveness of the juvenile delinquency prevention system in the context of ensuring their rights and legitimate interests.....	78
ZAITSEVA S. E. Achievements and prospects of unmanned aerial vehicles in policing and the armed forces of Russia and foreign countries.....	88
ZUEVA A. S., TOKOLOV A. V. SMART control in the financial and budgetary sphere.....	95
KLESHCHENKO YU. G. Problems of legal regulation and application of rehabilitation in cases of crimes under Art. 285 of the Criminal Code of the Russian Federation and ways to solve them.....	101
KOROTKOVA M. V. On the issue of short-term rental of residential premises in apartment buildings.....	107
MAZUROV I. I. The mythological dimension of legal life: a review of the monograph by V. A. Vostroknutov and A. I. Klimentko «The mythological component in the legal consciousness of modern society» (Moscow : Prospekt, 2024)	114
MURATOVA N. G. Legislative terminology in the mechanism of validity of criminal procedural decisions	120

• The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.

• At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials of the Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia the reference to the journal is obligatory.

• In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

Format 60x84 1/8.
Offset printing
Circulation 1500 copies
(1st batch—300)

Order № 54

It is sent for the press 21.04.2025
Contractual price

**Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs
of Russia named after V.Ya. Kikot'
117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12**

Zip Code at the List of the
Agency «Ural-Press Okrug» 84629,
or on the website Scientific
electronic library:
<http://elibrary.ru>

PANFILOV P. O. Ethno culture of criminal justice and its impact on criminal procedure policy.....	127
PILYAVETS YU. G. Combating escapes from correctional labor camps and colonies in the early 1950s.....	137
PRUDNIKOV A. S. Peculiarities of control over foreign citizens in the sphere of labor relations in modern Russia.....	142
RYZHIK A. V. Obligation in English law.....	146
SAITBEKOV A. M. Exemption from criminal liability due to active repentance: theoretical and practical aspects	152
SVIRIN YU. A. Digital technologies in enforcement proceedings.....	157
SITNIKOV K. A. Realization of the memorial function of law in the context of historical and legal disciplines (on the 100th anniversary of the birth of Professor V. M. Kuritsyn).....	163
KHODZHALIEV S. A. Comparative legal analysis of the problems of sentencing in criminal law: theoretical, legislative and practical aspects...	170
CHERVONYUK V. I. Judicial law in the structural organization of law: the search for a new paradigm	178
EBZEEV B. S. Systemic unity, coherence and consistency of the principles of the constitutional system of the Russian Federation	183

ECONOMIC SCIENCE

Regional and sectoral economics
Finance

ABLEEV S. R., MIRZAZYANOV R. KH. Economic crisis and political turbulence: the American roots of international extremism.....	188
HRY TSAIENKO H. I., KALCHENKO S. V. The social capital of small businesses in the development of social entrepreneurship and the formation of an inclusive economy	197
KOLESNIKOVA E. N. Methodological aspects of accounting for tokens	208
KUPRESCHENKO N. P. The main challenges and threats to the economic security of Russian regions generated by the labor market.....	215
STAROVEROVA O. V. Comparative characterization of fiscal federalism systems in federal states	219
TSKHADADZE N. V. Remote employment in Russia: advantages, disadvantages and development prospects.....	224

PSYCHOLOGICAL SCIENCE

General psychology, personality psychology, history of psychology

BALASHOVA V. A., EFIMKINA N. V. Psychological potential of professional training of cadets.....	232
ZUIKOVA A. A. Psychological developmental trauma as a predictor of drug-dependent behavior.....	237
KALINICHENKO I. A., KOSTINA L. N. Development of reflective abilities and professional identity in future psychologists of the internal affairs bodies of the Russian Federation	242
TSVETKOV V. L., NOVOSELSKAYA S. R. Psychological characteristics of the professional self-concept of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia.....	249

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-10-25>

EDN: <https://elibrary.ru/wsnpzh>

НИОН: 2003-0059-2/25-257

MOSURED: 77/27-003-2025-02-456

Новые цифровые технологии, применяемые в нормотворческой деятельности: плюсы и минусы

Юрий Геннадьевич Арзамасов

Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Москва, Россия,

mikheeva.i@gubkin.ru

Аннотация. Определяется подход к пониманию юридических технологий, рассматриваются различные технологии, применяемые в нормотворческой деятельности, выделяются их плюсы и минусы. Сделан вывод, что перспективным технико-юридическим решением при подготовке проектов нормативных правовых актов, с точки зрения повышения их качества, является дальнейшее внедрение в нормотворческую деятельность системы «Нормотворчество». Отмечено, что возможности современных систем искусственного интеллекта (ИИ) не так высоки, нейросети еще не могут качественно разрабатывать проекты нормативных правовых актов, однако в отдельных случаях, например, при проведении правовых экспертиз, ИИ можно применять, но проходить это должно всегда под непосредственным контролем не просто правосубъектных лиц, а опытных экспертов.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые технологии, цифровые программы, компьютерные программы, проекты законов, цифровые платформы, нормотворчество, нормативный правовой акт, информационная система, система искусственного интеллекта, экспертиза, краудсорсинг, юридические термины, тезаурус

Для цитирования: Арзамасов Ю. Г. Новые цифровые технологии, применяемые в нормотворческой деятельности: плюсы и минусы // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 2. С. 10–25. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-10-25>. EDN: WSNPZH.

Original article

New digital technologies used in standard setting activities: pros and cons

Yuri G. Arzamasov

Gubkin Russian State University of Oil and Gas, Moscow, Russia, mikheeva.i@gubkin.ru

Abstract. An approach to understanding legal technologies is defined, various technologies used in standard setting activities are considered, their advantages and disadvantages are highlighted. It is concluded that a promising technical and legal solution in the preparation of draft regulatory legal acts, from the point of view of improving their quality, is the further introduction of the «Rulemaking» system into the normative activity. It is noted that the capabilities of modern artificial intelligence (AI) systems are not so high, neural networks cannot yet develop high-quality drafts of regulatory legal acts, however, in some cases, for example, when conducting legal examinations, AI can be used, but it should always take place under the direct supervision of not just legal persons, but experienced specialists.

Keywords: digitalization, digital technologies, digital programs, computer programs, draft laws, digital platforms, rulemaking, regulatory legal act, information system, artificial intelligence system, expertise, crowdsourcing, legal terms, thesaurus

For citation: Arzamasov Yu. G. New digital technologies used in standard setting activities: pros and cons. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(2):10–25. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-10-25>. EDN: WSNPZH.

© Арзамасов Ю. Г., 2025

Часть 1. Нормотворческие технологии: детерминанты исследования; понятие; новеллы, связанные с цифровизацией

Актуальность обозначенной в названии темы, в условиях современных вызовов цифровизации, обусловлена, главным образом, следующими детерминантами.

Во-первых, теми экономическими, политическими, и, конечно, технологическими изменениями, которые происходят в государствах, и необходимостью использования цифровых технологий в таком направлении управленческой деятельности, как законодотворчество. Современная Россия в условиях обозначенных вызовов не должна быть аутсайдером среди стран мирового сообщества в применении цифровых технологий при создании законодательных актов. При чем это касается не только федерального, но также и регионального уровня.

Во-вторых, те технологии, которые раньше успешно применялись в законодотворчестве, в том числе и при передаче информации (проектов законов, сопроводительных к ним документов, и т. д.), при согласовании отдельных вопросов между органами власти, сегодня уже безнадежно устарели. В прошлое уходят телеграммы, использование телетайпов, селекторные совещания и т. п. В этой связи современная юридическая наука и технаука должны:

а) идти «рука об руку», то есть, применяя комплексные методы исследования, рассматривать имеющиеся в наличии возможности современной техники (компьютерных программ, цифровых платформ, систем искусственного интеллекта (ИИ) и т. п.) для оптимального их использования в законодательном процессе;

б) ученые юристы, с одной стороны, должны провести серьезный телеологический анализ для определения необходимости и возможностей использования новых технико-юридических технологий при подготовке проектов законодательных актов, предлагаемых современной наукой, но которые еще не применялись в законодотворчестве, а с другой стороны, им следует провести анализ и спрогнозировать возможности использования тех новелл технико-юридического характера, которые не так давно стали применяться в законодотворчестве, но по каким-то причинам еще недостаточно исследованы с точки зрения выявления их положительных и отрицательных последствий для дальнейшего развития и совершенствования российского законодательства.

Между тем в ряде научных и учебных работ креативные юристы в области нормографии поднимали и сейчас продолжают исследовать данные проблемы [21; 26; 40; 31].

В-третьих, модернизация технико-юридических приемов, используемых при подготовке проектов законодательных актов, как важное направление развития Российской Федерации закреплена в программных документах. Так, в Паспорте национального проекта Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», которая утверждена президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 4 июня 2019 г. № 7, отмечается, что «Федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды» направлен на разработку и принятие ряда нормативных правовых актов, направленных на снятие первоочередных барьеров, препятствующих развитию цифровой экономики, в частности, в таких сферах как: гражданский оборот, финансовые технологии, интеллектуальная собственность, телекоммуникации, судопроизводство и нотариат, стандартизация и иных» [2].

Расширительное толкование слова «иных» позволяет нам предположить, что это касается и нормотворчества. Такая не четкая фраза могла бы вызвать серьезную дискуссию у научной общественности, если бы дальше в анализируемом документе не говорилось, что «планируется поэтапная автоматизация отдельных процессов нормотворчества и формирования правоприменительной практики, включая внедрение механизмов формирования и использования машиночитаемых норм и использования возможностей современных и перспективных технологий искусственного интеллекта, обработки больших данных, технологий распределенных реестров и других перспективных технологий» [2].

В-четвертых, появление новых цифровых программ, внедрение новых цифровых платформ, а также применение инновационных решений в оценке проектов нормативных правовых актов в процессе нормотворчества нашло свое отражение также и в Докладах Аналитического управления Аппарата Совета Федерации [48]. Однако впервые идею представить государство в виде открытой цифровой платформы, где можно будет привлекать ко взаимодействию с органами власти различных партнеров, была выдвинута писателем Тимом О'Райли, который провел аналогию с рынком, где платформа соединяет поставщиков с потребителями товаров и услуг [55].

В этой связи данное исследование может быть полезно не только для выбора, одобрения, либо признания нецелесообразными для использования новых технико-юридические решения, которые в данном случае, с научной и методологической точки зрения мы в дальнейшем будем называть технологиями, но и для определения этапов автоматизации отдельных процессов нормотворческой деятельности.

При этом, при проведении данного исследования,

мы поддерживаем не только научно и методологически, но также и эмпирически обоснованную позицию профессора В. М. Баранова, который считает, что содержание юридических технологий составляют не только приемы, способы, правила создания нормативно-правовых и иных юридических актов, но и определенные действия, стадии, этапы, обуславливающие процесс подготовки, обсуждения, принятия, опубликования соответствующих юридических актов [18].

Здесь также следует вспомнить классификацию юридической технологии, предложенную профессором Н. А. Власенко, который еще в 2001 г. выделил следующие пять видов юридической технологии:

- нормотворческая;
- правоприменительная;
- праворазъяснительная;
- систематизационная;
- доктринальная [20].

Как видим, на первое место, что в принципе является правильным, профессор поставил нормотворческую технологию. Такой подход является вполне научно обоснованным, поскольку правотворчество является первичным, начальным этапом механизма правового регулирования.

При этом для определения авторской позиции, считаем важным сделать две ремарки. Суть первой заключается в том, что средства нормотворческой юридической техники (нормативное построение, юридическая терминология, презумпции, фикции и т. д.) по отношению к юридическим технологиям выступают как «часть» «целого» явления.

Смысл второй ремарки в том, что в современных условиях цифровой трансформации общества, именно, данные технологии, следует рассматривать, опираясь на комплексную методологию общей теории права и нормографии, соприкасаясь также с терминологией и методологией информационного права.

Таким образом, **под технологиями нормотворчества следует понимать определенные действия, стадии, этапы, которые включают в себя, как юридические средства и приемы, так и автоматизированные и современные цифровые достижения, способствующие подготовке и принятию качественных нормативных документов.**

В этой связи для придания четкости и системности настоящему исследованию, считаем необходимым структурировать новые цифровые технологии, используемые при подготовке проектов законов, рассмотренные в настоящей статье, подразделив их на следующие группы:

- технологии, применяемые при прогнозировании действия проекта нормативного правового акта;
- технологии, связанные с оценкой подготовлен-

ного проекта нормативного правового акта;

- технологии подготовки и применения цифровых платформ;
- технологии краудсорсинга, используемые в законотворческом процессе;
- технологии контроля за законотворческим процессом;
- технологии, связанные со систематизацией юридических терминов.

Взяв на вооружение представленную классификацию, приступим к ответу на такие актуальные вопросы, которые в условиях цифровизации государства, волнуют не только научную общественность, но и всех образованных граждан:

- когда разработчик норм права должен применять возможности новых компьютерных программ и систем ИИ для подготовки текстов проектов нормативных правовых актов;
- можно ли полностью заменить юристов, занимающихся подготовкой проектов законов и других нормативных правовых актов, как бы мы их не называли (нормодатели [31], норморайтеры [17] и т. п.), на нейросети, которые будут выполнять функции разработки проектов нормативных правовых актов;
- смогут ли нейросети качественно разрабатывать проекты нормативных правовых актов;
- нужен ли контроль за деятельностью нейросетей, участвующих в подготовке проектов нормативных правовых актов;
- каковы «плюсы» использования нейросетей при подготовке проектов нормативных правовых актов.

Отвечая на первый вопрос нельзя не подчеркнуть, что сегодня многие ученые юристы при подготовке проектов используют, как различные цифровые платформы, так и цифровые программы.

Например, при обработке статистических данных, полученных от респондентов, в целях прогноза необходимости разработки проекта закона перед его инициированием в процессе проведения оценки регулирующего воздействия при подсчете мнения о законопроекте, перед проведением систематизации законодательства, а также оценки эффективности нормотворческой деятельности и норм права современные юристы применяют такую программу, как Big Data, которая позволяет работать с большими базами данных, осуществляя необходимые подсчеты.

Между тем использование в законотворчестве Big Data осложнено следующими факторами:

- не все лингвистические формулировки в виде юридических дефиниций, используемые в современном российской праве, можно легко перевести в машиночитаемый формат;

- из-за технических особенностей не со всеми цифровыми платформами и программам данная программа может быть совместима.

Однако это не означает, что программисты и юристы не должны совместно решать данные вопросы.

Современные юристы, исследуя возможности Big Data, называют его не просто программой, а даже методом, при чем в этом есть определенное здоровое зерно. Как верно подметил в своем исследовании В. Д. Чураков, сегодня «одним из перспективных направлений является использование метода больших данных (Big Data Analysis) при оценке эффективности правотворческой деятельности и реализации норм права. Данный метод представляет собой кардинально иной подход к оценке эффективности, как минимум, из-за значительного объема данных и автоматизированных средств их обработки» [50].

Уверены, что многие согласятся с мнением, что любая деятельность юриста должна начинаться с оборудования его рабочего места. Уже давно канули в лету те времена, когда юрист сидел в маленькой комнатке с полочкой, где ютились несколько кодексов и сборников постановлений пленумов. Сегодня в условиях построения цифрового государства разительно меняются требования к оборудованию рабочего места юриста. При этом важную роль здесь играет не кресло, не качество офисной мебели, а специальные автоматизированные программы. Не являются в этой связи исключением здесь и юристы в области нормотворчества, при этом проблему автоматизации рабочего места им успешно помогают решать такие программы, как XSUD, в которой юристы ведут все свои дела и выполняют поставленные задачи. Здесь также можно назвать и такие программы, как: Aupie, Case.one, Heretik, LEAP, LexisNexis. Однако, правды ради, следует заметить, что данные программы только помогают облегчить труд специалистов в области нормографии.

В этой связи в нашей работе следует провести анализ цифровых платформ, именно, в области нормотворчества. Определенным триггером в этом является то, что большие надежды в условиях цифровых вызовов, которые, с одной стороны, современной России делает Запад, а с другой, Китай, органы публичной власти нашего государства сегодня возлагают на новые цифровые платформы, используемые в процессе законотворческой работы. Однако их разрозненность, а зачастую и несовместимость технологий привели к идее разработать в России комплексную, то есть общую для всех органов публичной власти программу «ГосТех». Такая идея была зафиксирована в апреле 2020 на Президиуме Правительственной комиссии. С 1 ноября по 31 декабря 2022 г. был запланирован эксперимент по созданию такой платформы. Предусма-

тривалось, что мультитенантная платформа «ГосТех» представляет собой конструктор сервисов, архитектура которого включает:

- прикладные сервисы поддержки взаимодействия с внешними пользователями;
- прикладные сервисы обработки государственных данных;
- прикладные сервисы управления бизнес-процессами и обеспечения деятельности;
- инструменты разработки, интеграция приложений, работа с СУБД;
- единую среду динамического управления инфраструктурой;
- оборудование, каналы связи, средства защиты информации;
- безопасную среду для разработки (компоненты платформы аттестованы ФСТЭК и ФСБ России);
- маркетплейс цифровых продуктов для госорганов;
- инструменты управления разработкой, тестированием и разворачиванием ГИС.

Концепция создания и функционирования платформы «ГосТех» разработана в рамках реализации Федерального проекта «Цифровое государственное управление» государственной программы РФ «Информационное общество». Положительным моментом здесь является то, что переход различных органов власти, учреждений и организаций на платформу «ГосТех» сегодня проходит постепенно, поэтапно, что позволяет избежать многих ошибок — неразберихи, авралов, нервных срывов у государственных гражданских служащих и т. п. Таким образом, органы власти, собирающиеся переходить на эту платформу в спокойном режиме, планомерно, поэтому они смогут провести обучение своих сотрудников, которые будут ее использовать, а также получить необходимые консультации и рекомендации от специалистов.

Однако к идее создания «ГосТех» государство пришло не сразу. Изначально цифровые платформы в государственном управлении нашли свое применение в палатах федерального парламента. Например, в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации существует интернет-сайт (www.council.gov.ru), который предоставляет всем желающим доступ к базе данных «Федеральные законы», которая содержит федеральное законодательство России. При этом интересным является то, что эта база данных разработана и поддерживается коммерческой компанией «Гарант».

В Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации депутаты и сотрудники Аппарата успешно применяют электронную платформу «Система обеспечения законодательной деятельно-

сти» (СОЗД). Данная платформа изначально носила название «Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности» (АСОЗД). В современных условиях все субъекты правовых отношений свободно пользуются данной программой, что лишнее раз подчеркивает реализацию принципа гласности. Таким образом, анализируемая программа является большим подспорьем не только для депутатов и сотрудников Аппарата Государственной Думы, то есть лиц, обладающих специальной правоспособностью, но и для ученых, студентов, а также для всех дееспособных лиц, кто интересуется проблемами законодательной деятельности. В СОЗД можно найти различную информацию, например, о предстоящих заседаниях Совета Государственной Думы, заседаниях палаты, о внесенных законопроектах и их рассмотрении, о проектах постановлений Государственной Думы, об отклоненных федеральных законах и проектах постановлений Государственной Думы, о порядке работы Государственной Думы, о протоколах заседания Государственной Думы, о стенограммах заседаний и т. д.

На сегодняшний день данная программа представляет собой важный шаг на пути создания «досье закона», в котором можно будет проследить весь путь формирования регуляции общественных отношений в конкретной сфере, от выявления проблемы с помощью инструментов «прикладной социологии» (проведение опросов, интервьюирования конкретных групп респондентов и т. д.), сегодня сюда добавились также инструменты электронного анкетирования на автоматизированных платформах, обсуждения идеи о необходимости разработки и принятия проекта закона в органах государственной власти, на научных мероприятиях (форумах, конференциях, симпозиумах, «круглых столах» и т. д.) до вступления закона в силу.

Первоначально эта программа была запущена в режиме опытной эксплуатации еще в 1997 году, но уже с 2001 года она действует в режиме постоянной эксплуатации. Вторая очередь программы стала действовать с 2006 г., когда был создан официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (duma.gov.ru).

Как отмечает профессор В. Б. Исаков, «с момента начала своей деятельности и особенно после запуска систем АСОЗД Государственная Дума была одним из лидеров среди федеральных органов государственной власти по уровню компьютеризации основных рабочих процессов» [37, с. 23].

Такой подход является технологически и экономически обоснованным и, поэтому, верным. Государству его необходимо всецело поддерживать, поскольку качество нашей жизни наполовину зависит от качества принимаемых федеральных законов.

Проведенный анализ деятельности данной плат-

формы показал, что сейчас в СОЗД размещаются, как внесенные в парламент законопроекты, так и сопроводительные к ним документы (пояснительные записки, заключения Правительства, заинтересованных органов власти, финансово-экономические обоснования, перечни нормативных правовых актов, которые необходимо принять и отменить и т. д.), что очень удобно для разработчиков норм права, которые оперативно могут найти интересующую их информацию для решения проблем нормотворчества.

Однако у этой платформы есть и свои недостатки. Так, определенным ее «минусом» является отсутствие размещения на ней научных работ, а также результатов социологических исследований по рассматриваемой проблематике. Из этого следует, что для всех федеральных конституционных и федеральных законов должно быть сформировано и оцифровано «досье закона», тем более, что в сегодняшних условиях ресурсы данной программы, а также людские ресурсы Аналитического и Правового управлений Аппарата Государственной Думы позволяют это сделать.

Внедрение цифровых платформ позволило разработчикам норм права не только оперативно находить необходимую информацию об органах власти, их компетенции, иницируемых и принятых законах, но и установить постоянную связь органов публичной власти с институтами гражданского общества, а также определить пути дальнейшего совершенствования этих платформ, что является весьма важным.

Современные сотрудники правовых управлений и департаментов, участвующие в законотворческом процессе при подготовке проектов законов успешно используют, помимо своих программ, также такие известные справочно-правовые программы как «КонсультантПлюс», «Гарант». Иногда применяют программу «Кодекс», что характерно, например, для Правительства Москвы.

Однако основная проблема их адаптации на единой цифровой платформе заключается в том, что справочно-правовые программы («КонсультантПлюс», «Гарант» и др.) не являются официальными, их владельцы реализуют в первую очередь коммерческие функции, а уже потом информационные и юридические. Также определенным минусом данных программ является то, что на распечатки нормативных документов, сделанных из этих программ, пусть хоть и по формальным признакам, но нельзя ссылаться в суде, поскольку они не являются официальными источниками опубликования нормативных правовых актов.

Переходя к рассмотрению технологий краудсорсинга, используемых в законодательном процессе проектов нормативных правовых актов следует заметить, что для этих целей, а также для установления обратной связи с гражданами, широко используется

платформа (regulation.gov.ru), где размещается вся информация о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов для проведения публичного их обсуждения в ходе осуществления процедуры оценки регулятивного воздействия. Также на данной платформе, в целях реализации принципа гласности нормотворчества, обнародуются результаты общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов, что содействует установлению столь необходимой связи между органами публичной власти и институтами гражданского общества, поскольку субъекты нормотворчества и субъекты законодательной инициативы могут не только оценить социальную значимость законопроекта, но и перспективы его одобрения и выполнения рядовыми гражданами.

Между тем, проведенный нами анализ показал, что существует два основных недостатка в работе данной платформы. Первый носит нормативно-организационный характер, поскольку согласно п. 3.1 Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации не все проекты нормативных правовых актов во время процедуры ОРВ выносятся на общественное обсуждение, а только «проекты нормативных правовых актов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, содержащие обязательные требования, регулирующие отношения в области организации и осуществления государственного контроля (надзора), отношения по взиманию налогов и сборов в Российской Федерации, отношения, возникающие в процессе осуществления налогового контроля, обжалования актов налоговых органов, действий (бездействия) их должностных лиц, отношения в области создания, реорганизации и ликвидации юридических лиц и осуществления ими своей деятельности, отношения в области установления, применения и исполнения обязательных требований к продукции или связанным с ними процессам проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, к выполнению работ и оказанию услуг, в области порядка и правил регулирования таможенного дела в Российской Федерации, в области оценки соответствия, в области безопасности процессов производства, а также в области применения мер ответственности за нарушения законодательства Российской Федерации в указанных сферах, проекты актов, устанавливающие требования к осуществлению полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации и осуществлению полномочий органов местного самоуправления, под-

лежат оценке регулирующего воздействия» [3]. Такое положение дел значительно сужает количество проектов нормативных правовых актов, проходящих процедуру ОРВ, что сказывается не только на качестве законов и конкретизирующих их подзаконных нормативных правовых актов, но и на реализации социальных и культурных прав граждан.

Второй недостаток связан с отходом от такого принципа нормотворчества, как «профессионализм». Данный недостаток заключается в том, что в ходе публичных обсуждений не всегда высказывают конструктивные и деловые предложения по тому или иному проекту, что объясняется, в большинстве своем, низким уровнем правовой культуры граждан, не обладающих необходимыми для нормотворца знаниями правил, приемов, средств нормотворческой юридической техники, а также эмоциональным характером отзывов многих граждан, которые фактически не разделяют институты общественных обсуждений от подачи жалобы на действия должностных лиц и органов власти.

Определенным инструментом краудсорсинга для создания четкой системы законодательства, направленного на реализацию прав, свобод и законных интересов граждан, а также на развитие институтов гражданского общества в современной России, является такая цифровая платформа, как Российская общественная инициатива (РОИ), которая сейчас размещается на интернет-ресурсе РОИ (www.roi.ru). Как справедливо подчеркивает в своем диссертационном исследовании М.С. Зайцев, «в структуре права на непосредственное участие граждан в управлении делами государства выдвижение инициативы на сайте РОИ рассматривается как право на участие в законодательном процессе» [22, с. 22].

Алгоритм действия данной платформы следующий. Не более чем два месяца модераторы платформы проверяют выдвинутую гражданами, либо общественными организациями законодательную инициативу, потом они размещают информацию о ней на сайте www.roi.ru, где ей присваивается порядковый номер, после чего инициатива становится доступна любому зарегистрировавшемуся на платформе. Сбор голосов происходит в срок не более одного года с даты размещения общественной инициативы. На 26 февраля 2025 г. обсуждение прошли 22782 инициативы.

Однако, как показал проведенный анализ, на практике не каждая выдвинутая инициатива получает свое воплощение в форме федерального, либо регионального закона. Здесь можно выделить следующие отрицательные моменты:

- для принятия федерального закона следует набрать огромное количество подписей — 100 тыс.;
- экспертная рабочая группа федерального

уровня, как показывает практика, может взять и отклонить законодательную инициативу, даже если она получила необходимую поддержку голосов;

- «... экспертная рабочая группа может просто проигнорировать общественную инициативу даже федерального уровня, которая набрала 100 тыс. и более голосов» [13].

В этой связи считаем необходимым внести изменения в Правила рассмотрения общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива», указав, в каких случаях экспертная рабочая группа дает отрицательное экспертное заключение.

Сегодня в Российской Федерации нет конкретных статистических данных, сколько в настоящее время существует цифровых платформ, где граждане могут принимать непосредственное участие в делах государства. Такие данные отсутствуют и на сайте Росстата и Минцифры. Между тем в своей статье, опубликованной в 2018 г. С. А. Ревякин указал, что «в России существует более 40 различных электронных платформ общественного участия на разных уровнях государственного управления», при этом он с сожалением заметил, что «их типологии, равно как и рекомендуемых параметров конфигурации для использования в системе государственного управления, не разработано» [38, с. 214].

По нашему мнению, это является определенным упущением специалистов в области информационного права, статистики и социологии в исследовании возможностей краудсорсинга. Если мы хотим строить современное государство, основываясь на теоретических идеях правового, социального государства, построения такого гражданского общества, когда между органами федеральной и региональной власти и институтами гражданского общества будут налажены современные, цивилизованные партнерские отношения, когда ряд своих функций (подфункций), задач государство может спокойно передавать структурным элементам развитого гражданского общества, то данные исследования необходимо осуществлять и государство должно поощрять такие исследования.

В современных условиях цифровизации важное значение приобретает оценка, как разрабатываемых, так и принятых нормативных правовых актов с помощью цифровых программ.

Например, сотрудники Счетной палаты при подготовке проектов нормативных правовых актов в качестве эксперимента использовали методологию Индекса синтаксической сложности нормативно-правового акта СС (ИСЗ).

Определенной ее характеристикой является то, что данная методология позволяет быстро определить в

тексте проекта сложно читаемые части текста, длинноты и другие лингвистические недостатки текстов нормативных правовых актов и их проектов. Применение ИСЗ фактически было ни как невозможно использовать без специальных инструментов, так называемой «компьютерной лингвистики», «поэтому для расчетов ИСЗ одним из авторов исследования (А. М. Успенской) было разработано специальное программное решение. Веб-версия данного решения доступна в сети Интернет (<https://texthighlight.ml>). Данное программное решение позволяет автоматически вычислять показатели синтаксиса и размечать сложные места в тексте после обработки. Сервис написан на языке программирования Python и оформлен в виде docker-контейнеров для удобного разворачивания и масштабирования» [39, с. 69]. При этом, авторами методики применялись такие технические инструменты, как: фреймворк Django для создания интерфейса; MyStem для морфологического анализа; синтаксический парсер ru-syntax17; синтаксический парсер MaltParser [39, с. 69].

Положительным моментом является то, что данную программу следует применять, главным образом, при подготовке и экспертизе проектов нормативных правовых актов в тех случаях, если разрабатываемый акт будет носить общий, то есть не специальный характер. В данном случае, эксперты (юрисконсульты), применяя данную программу, могут быстрее, чем при проведении обычной лингвистической экспертизы, найти в тексте акта трудно читаемые места, длинноты, связанные с количеством деепричастных оборотов, ненужных повторений в рамках одной статьи закона одних и тех фраз, состоящих из восьми слов и более и другие недостатки.

Однако здесь у нас имеются определенные сомнения по поводу широкого применения данной программы, то есть возможности ее использования и адаптации с платформой «Нормотворчество», разработанной и проверенной в пилотном варианте Министерством экономического развития Российской Федерации.

Часть 2. Разработка и внедрение в нормотворческий процесс ГИС «Нормотворчество»: плюсы и минусы

Разработка программы «Нормотворчество», согласно Концепции развития технологий машиночитаемого права, утвержденной 15 сентября 2021 г. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности была поручена Министерству экономического развития. В частности, в данном документе говорилось, что министерству следует провести работы «... по созданию Федеральной

государственной информационной системы «Национальная единая среда взаимодействия всех участников нормотворческого процесса при подготовке регуляторных решений» [4].

Данная платформа предполагала соединить такие уже успешно действующие платформы, как: СОЗД; официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru); «Согласование документов» и иные государственные порталы.

Краткое название данной платформы — «Нормотворчество».

Согласно Концепции развития технологий машиночитаемого права в платформу «Нормотворчество» должны были быть интегрированы не только сайты органов государственной власти, но и абсолютно новые цифровые инструменты, среди которых «ассистент федерального государственного гражданского служащего». Предполагалось, что основной задачей такого ассистента станет автоматическая проверка проекта нормативного правового акта на соответствие актам большей юридической силы, а также определение необходимости внесения изменений в акты меньшей юридической силы. Также ассистент должен был оценивать соблюдение правил юридической техники и проводить антикоррупционную экспертизу.

Как видим, разработчики программы возлагали на «Ассистента» довольно большие надежды — проводить не много ни мало общеправовую, а также антикоррупционную экспертизы

Помимо этого сотрудники Минэкономразвития также выявили целый ряд проблем данной программы, среди которых: «отсутствие средств аналитической обработки, моделирования и визуализации отраслевой информации, включая системы искусственного интеллекта; невозможность построения современной интегрированной системы на основе одной или через объединение нескольких функционирующих в настоящее время информационных систем ввиду решения специализированных задач каждой из них, отсутствия единства организационных и программно-технических решений, возможности использования единой интеграционной шины унифицированного обмена данными; незрелость интегрированных механизмов и инструментов миграции сведений между информационными системами, низкая адаптивность к новым видам сведений, обменным форматам и новым участникам обмена данными»¹.

Фактически те платформы, которые предполагалось объединить на базе системы «Нормотворчество» оказались по своим технологическим характеристикам и особенностям фактически несовместимыми

¹ Внедрение цифровых технологий в российском госуправлении обойдется в 4,8 миллиарда // URL: https://www.cnews.ru/news/top/2022-06-27_vnedrenie_tsifrovyyh_tehnologij

между собой. В результате договор на создание системы «Нормотворчество» между Минэкономразвитием России и госпредприятием НИИ «Восход» в 2022 г. пришлось расторгнуть.

Между тем, работы в этом направлении продолжались, и Минэкономики России осуществило так называемое «пилотное тестирование» государственной информационной системы (ГИС) «Нормотворчество». Результаты тестирования показали, что наиболее востребованы у юристов были функции: совместного редактирования документов; формирования таблицы разногласий; «цифровая разметка», которая помогает переводить обычный печатный текст в машиночитаемый формат; автоматического выбора программой шаблонов типовых актов.

На сегодняшний день в структуру ГИС «Нормотворчество» входят:

- информационная система мониторинг ключевых задач Правительства РФ, которая позволяет осуществлять контроль за сроками разработки законопроектов;
- платформы нескольких федеральных органов исполнительной власти (Минфина, Минэкономики и др.);
- платформа государственного электронного документооборота;
- портал regulation.gov.ru.

Проведенный эксперимент также показал, что к положительным моментом программы «Нормотворчество» является то, что она уже используется для межведомственного согласования и направления проектов на портал regulation.gov.ru для общественного обсуждения. Кроме этого, ГИС включает в себя мониторинг всех этапов подготовки различных законов, что также положительно сказывается на исполнительской дисциплине субъектов, разрабатывающих проекты нормативных правовых актов.

Однако, как показывает проведенный анализ, есть и негативные моменты внедрения данной программы.

Во-первых, «минусом» данной платформы является то, что весь сложный нормотворческий процесс фактически уже стал зависеть от слаженной работы платформы, которая должна не просто действовать безукоризненно, но еще она должна иметь, как минимум, мощную защиту от вирусов и хакерских атак на нее.

Во-вторых, минусом данной платформы является то, что данная система предназначена исключительно для госаппарата.

В-третьих, может сократиться число парламентских слушаний, экспертных советов по проблемам нормотворчества и других научных площадок, что на практике реально может нанести удар по демократизации нормотворчества.

По нашему мнению, для продолжения реализации

данного проекта необходимо изучить имеющийся, как за рубежом, так и в России положительный опыт в этом направлении для его внедрения в ГИС «Нормотворчество». В этой связи имеет смысл обратиться к опыту таких технологичных стран, как Дания, США, КНР.

Выбор на данные страны пал неслучайно, поскольку они, как показывают рейтинги, постоянно занимают высокие позиции среди технологически развитых стран. По результатам исследования проведенного «Ростелекомом» Россия в 2021–2022 гг. заняла 14-е место и находится в топ-20 стран по развитию цифровых технологий. «Первое место в рейтинге занимает Китай, второе — США, следом идут Индия, Великобритания...».

Несколько разнятся от отечественных зарубежные рейтинги. Так, например, по рейтингу электронных правительств известного японского Университета WASEDA Дания в 2021 г. заняла первое место. Второе место занял Сингапур, третье место — Великобритания, а четвертое место заняли США.

В США активно внедряют «машинное обучение» (ML-модель), что позволяет «уже на начальной стадии выявлять недостатки и противоречия в тексте акта. Также ML-модель дает возможность прогнозировать предполагаемые результаты внедрения нормативного акта в практику. ML-модель успешно используется во многих правовых сферах зарубежных государств» [54, с. 8]. Помимо этого, в США стали применять ИИ для «выявления и устранения неактуальных и избыточных требований, содержащихся в нормативных актах Правительства США», такой пилотный эксперимент был проведен в Министерстве труда, Министерстве транспорта, Министерстве сельского хозяйства и в Министерстве здравоохранения и социальных служб США [4].

В России, как и в ряде зарубежных стран, данные технологии нормотворчества называют «регуляторной гильотиной». Под ней принято понимать определенную часть реформы контроля и надзора, осуществляемую в целях снижения административной нагрузки на бизнес и инвесторов путем отмены актов, которые негативно влияют на бизнес-климат и регуляторную среду. Фактически регуляторная гильотина стала формой дерегулирования в сфере предпринимательской деятельности.

Положительным результатом для обновления системы законодательства Российской Федерации стало то, что в результате проведения «регуляторной гильотины» было отменено более 12000 нормативных правовых актов, большинство которых были приняты еще в советское время и, в большинстве своем, не регулировали как необходимо общественные отношения, а только тормозили их развитие в сфере предпринимательства.

Также результатом проведения «регуляторной гильотины» стало принятие ФЗ от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации».

Проведенный анализ показал, что аналогом платформы «Нормотворчество», только меньшего объема, является успешно действующая сейчас автоматизированная информационная система «Согласование документов», которая с мая 2019 г. применяется в Аппарате Мэра и Правительства Москвы. Согласно п. 1.5 Положения об автоматизированной информационной системе «Согласование документов», программа направлена на осуществление следующих важных функций в нормотворческом процессе:

- «управление процессами подготовки проектов правовых актов города Москвы;
- координация деятельности участников информационного взаимодействия по подготовке и согласованию проектов правовых актов города Москвы;
- автоматизация процесса подготовки сопроводительных материалов к проектам правовых актов города Москвы;
- обеспечение мониторинга процедур подготовки и согласования проектов правовых актов города Москвы;
- обеспечение оперативного доступа к электронному архиву правовых актов города Москвы;
- взаимодействие АИС СД с иными информационными системами осуществляется в установленном порядке» [6].

Определенными плюсами данной программы является не только то, что она облегчает согласование и визирование проектов нормативных правовых актов города Москвы с заинтересованными структурными подразделениями Правительства Москвы и другими органами власти, но также процесс разработки и принятия, именно, совместных актов. Также ее использование фактически исключает порчу, кражу и утилизацию «грифованных» нормативных правовых актов, то есть совершенно секретных и секретных нормативных правовых актов.

Однако ее определенным минусом является возможность использования данной программы только государственными гражданскими служащими исполнительной власти города Москвы, Аппарата Мэра и Правительства Москвы, а также еще в отдельных подведомственных ему организациях.

Пользователи данной программы в процессе ее применения выявили также еще такой ее минус, как невозможность совмещения с использованием систем искусственного интеллекта (ИСС), в виду серьезных сбоев в программе. В этой связи сотрудникам, при использовании данной программы, было запрещено

применять различные системы искусственного интеллекта (ИСС).

В современных условиях цифровизации, как показал проведенный анализ, меняется и ее направленность, поскольку у ученых появляются интересные инновационные идеи, а в сфере государственного управления возникают новые приоритеты. Так, еще в 2018 г. академик РАН, профессор Т. Я. Хабриева обозначила проблему того, что в России существует «потребность в обеспечении правового регулирования необходимым высокотехнологическим инструментарием, прежде всего позволяющим осуществлять контроль за деятельностью субъектов права ...» [46, с. 5–16].

Как видим, проблема цифрового контроля поставлена широко. Между тем определенные шаги в данном направлении уже сделаны. В частности, это контроль, осуществляемый в целях определения уровня готовности разработанных Правовым управлением Правительства Российской Федерации и федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов, указанных в ежегодном плане законопроектных работ Правительства Российской Федерации. Например, для реализации данной задачи «с 2020 года в Аппарате Правительства Российской Федерации запущена информационная система мониторинга ключевых задач, куда включен отдельный модуль по законопроектам и нормативным правовым актам»¹.

Алгоритм действия данной программы выглядит следующим образом. Вся информация, связанная с реализацией плана законопроектных работ, выводится на соответствующие мониторы, которые доступны Правительству, а также всем федеральным органам исполнительной власти, поэтому субъекты нормотворческого процесса отслеживают факты просрочки разработки и принятия проектов нормативных правовых актов.

Следует отметить, что «плюсом» применения данного модуля является то, что повышается исполнительская дисциплина, во-первых, субъектов, разрабатывающих проекты нормативных правовых актов федеральных органов власти; во-вторых, субъектов нормотворчества, то есть органов принимающих эти проекты; в-третьих, субъектов, обеспечивающих нормотворческий процесс, то есть сотрудников правовых управлений, департаментов и отделов, занимающихся экспертизой, согласованием, визированием проектов нормативных правовых актов.

Аналогичная программа действует и в МВД России, где для обеспечения деятельности модуля «Мониторинг» 25 августа 2017 г. был принят приказ № 680 «Вопросы организации информационно-право-

вого обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации», который утвердил Инструкцию по работе с модулем «Мониторинг» сервиса обеспечения деятельности правовых подразделений системы МВД России. Данный подзаконный нормативный правовой акт установил «порядок сбора, обобщения, анализа и оценки информации по совершенствованию нормативно-правового регулирования и правоприменительной практики в сфере внутренних дел посредством использования модуля «Мониторинг», входящего в состав сервиса обеспечения деятельности правовых подразделений системы МВД России <1> единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации» [5].

Из сказанного следует, что МВД России одно из первых федеральных министерств, которое уже около 7 лет применяет современную цифровую платформу, объединяющую все виды правовой работы в министерстве, что неминуемо отражается не только на качестве, но и скорости реализации поставленных руководством задач в сфере деятельности правовых подразделений органов внутренних дел.

В этой связи С. М. Зубарев и А. В. Сладкова довольно категорически утверждают, что цифровые технологии — это средство, инструмент для решения задач контрольной деятельности, не меняющих сам механизм контроля в сфере государственного управления [24, с. 53–59].

Конечно, функция контроля в новых цифровых технологиях законодательной деятельности имеет важное значение, но она не является при этом единственной.

Что касается России, то у нас в стране имеются лишь несколько неудачных попыток подготовить текст проекта нормативного правового акта с помощью искусственного интеллекта. Хотя многие исследователи видят определенную перспективу в осуществлении данной функции у цифровых программ и платформ.

В этой связи актуализируется проблема выявления рисков, связанных с внедрением в нормотворческий процесс новых цифровых платформ.

Если говорить с точки зрения исторического развития, то юридическая научная общественность совсем недавно стала исследовать риски в правовой сфере [16; 43; 41; 10], хотя первое исследование в данной области было проведено еще в 1999 году [28]. Данное научное направление, претендующее называться правовой рискологией [19], как показало проведенное исследование, стало распространяться и на машиночитаемое право [25].

Говоря о «минусах» новых технологий, следует заметить, что к последним следует также отнести риски применения технологий машиночитаемого права,

¹ Правительство Российской Федерации : офиц. сайт. Москва. Обновляется в течение суток // URL: <http://government.ru/news/49122/> (дата обращения: 08.01.2024).

которое по мысли профессора И. В. Понкина, «является сегодня одним из важнейших направлений перспективного развития в праве» [35, с. 231]. Согласно «Концепции развития технологий машиночитаемого права» к ним относятся: «Неверная квалификация произошедших событий в связи с сокращением участия человека в правоприменении; сложность перевода норм-принципов в машиночитаемый вид и т. д.» [4].

В этой связи при внедрении технологий машиночитаемого права Концепция развития технологий машиночитаемого права рекомендует формировать механизмы защиты от вышеуказанных рисков. При этом такими механизмами являются:

- «экспертный и общественный контроль за соответствием норм права, изложенных на формальном языке, нормам, содержащимся на естественном языке;
- представление физическому лицу права отказаться от принятия автоматических решений по вопросам, затрагивающим его права и законные интересы (по аналогии со статьями 21 и 22 Регламента № 2016/679 Европейского парламента и Совета Европейского Союза);
- создание механизма оперативного реагирования на обращения физических лиц в случае некорректного применения норм машиночитаемого права в автоматическом режиме» [4].

Однако здесь сразу возникает вопрос: кто будет осуществлять экспертный контроль и кто возьмет на себя функции общественного контроля?

Отвечая на него, следует обратить внимание на то, что 26 октября 2021 г. на международном форуме «Этика искусственного интеллекта: начало доверия» заинтересованные стороны подписали Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. Этот своеобразный по своей природе документ рекомендательного характера закрепил как моральные нормы и принципы, так и корпоративные нормы права. При этом он был принят в рамках федерального проекта «Искусственный интеллект», который является важным этапом реализации Стратегии развития информационного общества на 2017–2030 гг. Среди подписантов данного документа было много различных корпораций (ООО, IT-компания), в этой связи «... можно прийти к выводу о том, что данный документ следует рассматривать как определенный вид корпоративных соглашений» [11, с. 140]. При этом большинство подписантов данного документа (ООО, IT-компания, вузы), внесенные в Реестр «акторов» ИИ, с одной стороны, представляют собой профессиональное сообщество, а с другой стороны, их можно рассматривать и как институты гражданского общества.

В этой связи организации, внесенные в указанный реестр, вполне могут осуществлять экспертный и об-

щественный контроль, при чем, делая это на высоком профессиональном уровне, поскольку, как показывает практика, в данный процесс нельзя включать «энергичных», но не профессиональных лиц.

Анализ положений Концепции развития технологий машиночитаемого права показал, что «по итогам разработки предлагаемого решения исследователи сделали вывод, что для машиночитаемых норм права необходимо адаптированное под них законодательство, поскольку обычные нормативные акты с трудом поддаются переводу на языки программирования» [4]. Помимо этого, по результатам проведенных исследований в данном документе был сделан важный в современных условиях цифровых вызовов вывод о том, что «... не все нормативные акты могут быть изложены в машиночитаемом виде» [4].

Данная проблема, как видим, не просто затруднит процесс перевода нормативных правовых актов в машиночитаемый вид, но и весь процесс их систематизации, поскольку правоприменителю, как и законодателю, будет неудобно, когда часть актов будет находиться на бумажных носителях, а другая часть найдет отражение в современной машиночитаемой форме.

Актуальным решением, связанным, именно, со систематизацией, является применение технологий цифровизации не только для систематизации нормативных правовых актов, что делает сейчас Министерство юстиции в целях создания качественной системы законодательства Российской Федерации, но для систематизации юридических терминов, что является определенной новеллой. Начальным этапом в этом процессе должно быть создание «дорожной карты» систематизации юридической терминологии [12]. При этом, «начинать такой крупномасштабный проект следует с наблюдения за сложившейся ситуацией, потом провести полноценный ее анализ, мониторинг общественных отношений, связанных со систематизацией, а также терминов, которые должны быть унифицированы» [12, с. 30]. Затем нужно провести не просто лингвистическую экспертизу, а, именно, терминологическую экспертизу всех применяемых в законодательстве терминов. Также здесь важное значение будет иметь научная экспертиза, предусмотренная ст. 112 Регламента Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [1].

Результатом такой систематизации должно стать электронное издание тезауруса, содержащего все используемые в российском законодательстве юридические термины, поскольку таких терминов по экспертным оценкам сотрудников Совета Федерации насчитывается более 15 тыс., это, как видим, лишний раз актуализирует данную проблему. При чем действующий словарь терминов, используемых в законодательстве, содержит всего 5276 терминов и их опре-

делений, что создает определенные сложности, как для федеральных и региональных законодателей, так и для правоприменителей.

При этом электронный словарь должен иметь статус федерального закона. Принятие ФЗ «О правовом тезаурусе Российской Федерации» имеет следующие «плюсы» (положительные моменты):

- его легко можно будет адаптировать и разместить на платформе «Нормотворчество»;
- гораздо легче, чем в федеральный закон, опубликованный на бумажном носителе, в него можно будет вносить новые термины и их определения, а также необходимые изменения;
- закрепленные в нем термины будут легализованы, их применение станет обязательным, то есть их нельзя будет заменять их другими терминами;
- всеобщая доступность;
- компактность, электронная форма закона освобождает от необходимости нахождения мест для хранения сборников нормативных правовых актов (Собрание законодательства Российской Федерации и т. п.) и газетных подборок.

Проведенный анализ новых цифровых технологий, применяемых в законодательной деятельности России, позволил сделать следующие выводы.

Самым перспективным технико-юридические решением при подготовке проектов законодательных актов с точки зрения повышения их качества является продолжение работы по совершенствованию системы «Нормотворчество». Нужно продолжать исследования, связанные с возможностью качественного и быстрого перевода нормативных правовых актов с естественного языка в машиночитаемый формат. Помимо этого, необходимо продолжать работу над программой под названием ИИ «Ассистент», поскольку внедрение данной программы не только предусмотрено положениями Концепции развития технологий машиночитаемого права, но и имеет реальные перспективы совершенствования нормотворческого процесса, сокращение времени на подготовку и экспертизу проектов нормативных правовых актов.

Для совершенствования работы платформы «Нормотворчество» необходимо шире нужно использовать, как отечественный опыт применения автоматизированной информационной системы «Согласование документов», которая уже несколько лет успешно применяется в Аппарате Мэра и Правительства Москвы, так и зарубежный опыт таких высоко технологичных стран, как США, Дания, КНР.

Предполагается, что программа «Нормотворчество» не будет ограничиваться только функцией осуществления различных видов контроля, поскольку у нее есть уже хорошо показавшие себя функции со-

гласования нормативных документов и заключений, а также осуществления прогнозирования последствий принятия проектов нормативных правовых актов. В этой связи для реализации функции прогнозирования данной программы субъектам ее разработчики следует использовать знания не только юриспруденции и технонауки, но также социологии, политологии, экономики и других наук.

Определенным блоком в программе «Нормотворчество» необходимо разместить ФЗ «О правовом тезаурусе Российской Федерации», что, во-первых, позволит за долгие годы проведенных правовых реформ навести порядок в юридической терминологии, систематизировав ее; во-вторых, оформление тезауруса в форму федерального закона повысит его авторитет и обяжет юристов при подготовке различных видов правовых документов активно его использовать; в-третьих, он будет иметь открытый, а не корпоративный доступ, что способствует не просто реализации принципа гласности, но и повышению правовой культуры всех субъектов, проживающих в России.

В современных условиях цифровизации возможности современных систем искусственного интеллекта (ИИ) не так высоки, нейросети еще не могут качественно разрабатывать проекты нормативных правовых актов. Еще нет такого «сильного» ИИ, который бы полностью позволил исключить юристов из подготовки проектов законодательных и иных нормативных правовых актов. При этом в отдельных случаях при проведении правовых экспертиз, для освобождения рабочего времени, возможности ИИ можно применять, но проходить это должно всегда под непосредственным контролем не просто правосубъектных лиц, а опытных экспертов.

Список источников

1. Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации // URL: <http://duma.gov.ru/duma/about/regulations>
2. Паспорт национального проекта Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Правила подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации (утв. постановлением Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009) // URL: https://base.garant.ru/166045/#block_1000
4. Концепция развития технологий машиночитаемого права, утверждена Правительственной

- комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 15 сентября 2021 г. № 31 // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396491/4d52921b1f618431d7eafe992291c40c81a963aa/
5. Приказ МВД России от 25 августа 2017 г. № 680 «Вопросы организации информационно-правового обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // URL: <https://base.garant.ru/72617376/>
 6. Постановление Правительства Москвы от 25 сентября 2019 г. № 1239-ПП «Об автоматизированной информационной системе «Согласование документов» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72675368/#review>
 7. Антиторррупционная экспертиза проектов нормативных правовых актов / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Е. И. Спектор. М., 2012.
 8. Арзамасов Ю. Г., Наконечный Я. Е. Концепция мониторинга нормативных правовых актов : монография. М. : Юрлитинформ, 2011.
 9. Арзамасов Ю. Г. Ведомственное нормотворчество : современное состояние, проблемы модернизации // Юридическая техника. 2012. № 6. С. 28–36.
 10. Арзамасов Ю. Г. Оценка регулирующего воздействия и риски в праве: опыт России и континентальной Европы. 2019. № 5. С. 4–31.
 11. Арзамасов Ю. Г. Оптимальная модель правового регулирования в сфере искусственного интеллекта // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 2 (53). С. 133–148.
 12. Арзамасов Ю. Г., Певцова Е. А. Роль цифровизации в систематизации юридической терминологии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 4.
 13. Арзамасов Ю. Г. Реализация права законодательной инициативы в современной России : правовая регламентация, проблемы, практика // Государство и право. 2018. № 5. С. 5–17.
 14. Арзамасов Ю. Г. Теория и практика ведомственного нормотворчества : монография. М. : Юрлитинформ, 2013.
 15. Арзамасов Ю. Г., Наконечный Я. Е. Мониторинг в правотворчестве: теория и методология : монография. М. : Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2009.
 16. Арямов А. А. Общая теория риска : юридический, экономический и психологический анализ. 2-е изд. М., 2010.
 17. Баранов В. М. Норморайтер как профессия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6 (119). С. 16–29.
 18. Баранов В. М. Юридическая техника : обзор материалов научно-методического семинара // Юрист. 2000. № 1. С. 59–76.
 19. Баранова М. В., Купцова О. Б., Гудкова А. В. Правовая рискология : доктрина, практика, техника // Вестн. Владим. юрид. ин-та. 2019. № 2(51). С. 193–206.
 20. Власенко Н. А. Законодательная технология : Теория. Опыт. Правила. Иркутск, 2001.
 21. Давыдова М. Л., Кушнирук Р. П. Электронная правотворческая инициатива в системе форм электронной демократии // Современное общество и право. 2017. № 1(26). С. 37–42.
 22. Зайцев М. С. Конституционное право граждан РФ на участие в управлении делами государства : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015.
 23. Залоило М. В. Современные юридические технологии в правотворчестве : научно-практическое пособие / М. В. Залоило ; под ред. Д. А. Пашенцева. М. : ИЗиСП : Норма : ИНФРА-М, 2020.
 24. Зубарев С. М., Сладкова А. В. О понятии и сущности цифровых технологий контроля в сфере государственного управления // Административное право и процесс. 2019. № 9. С. 53–59.
 25. Корнев А. В. Цифровые технологии, правовые риски и проблема их минимизации // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 9. С. 11–20.
 26. Лазарев В. В. Юридическая наука в сфере перспектив цифровизации // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 2. С. 5–19.
 27. Липень С. В. Информационные технологии в правотворческой деятельности // Lex russica. 2019. № 8. С. 111–120.
 28. Мамчун В. В. Правоприменительный риск : дисс. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999.
 29. Механизм правового мониторинга : науч.-практ. пособие / отв. ред. А. В. Павлушкин. М., 2012.
 30. Научно-методическое пособие по разработке законопроектов в современной России / Ю. Г. Арзамасов и др. ; Федеральное Собрание Российской Федерации, Гос. Дума. М. : Гос. Дума, 2009.
 31. Нормография : теория и технология нормотворчества : учебник для вузов / под ред. Ю. Г. Арзамасова. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2020.
 32. Нормотворческая юридическая техника : монография / Н. А. Власенко, А. И. Абрамова, Ю.

- Г. Арзамасов и др. ; отв. ред. Н. А. Власенко ; ИЗиСП. Москва : Юстициформ, 2011.
33. Парламентское право / под ред. Т. Я. Хабриевой. М., 2013.
 34. Пашенцев Д. А. Модели правотворческой деятельности в условиях цифровизации // Образование и право. 2021. № 9. С. 72–75.
 35. Понкин И. В. Концепт машиночитаемого права // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 231–235.
 36. Правовые модели и реальность / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Е. Е. Рафалюк, Н. И. Хлуденева. М., 2014.
 37. Проблемы системы и систематизации законодательства : сборник статей / под ред. В. Б. Исакова и Е. Н. Салыгина. М., 2018.
 38. Ревякин С. А. О рекомендациях по конфигурации электронных платформ общественного участия : обзор российского и международного опыта // Вестник Омского университета. Сер. «Экономика». 2018. № 3(63). С. 213–225.
 39. Сложность российских законов. Опыт синтаксического анализа / А. В. Кнутов, С. М. Плаксин и др. М., 2020.
 40. Стырин Е. М., Дмитриева Н. Е., Синятуллина Л. Х. Государственные цифровые платформы: от концепта к реализации // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 4. С. 31–60.
 41. Тихомиров Ю. А. Прогнозы и риски в правовой сфере // Журнал российского права. 2011. № 3. С. 5–16.
 42. Тихомиров Ю. А. Право : прогнозы и риски. М., 2015.
 43. Тихомиров Ю. А., Шахрай С. М. Право и риск. М., 2012.
 44. Тихомиров Ю. А. Юридическое прогнозирование. М., 2018.
 45. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2017. № 1. С. 85–102.
 46. Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5–16.
 47. Цифровизация правотворчества : поиск новых решений : монография / Д. А. Пашенцев, М. В. Залоило, О. А. Иванюк, А. А. Головина ; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Д. А. Пашенцева. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019.
 48. Цифровые технологии в обеспечении парламентской деятельности. Доклад Аналитического управления Аппарата Совета Федерации // Аналитический вестник. Серия «Международный опыт парламентской деятельности». 2018. № 16. С. 26–28.
 49. Черногор Н. Н., Залоило М. В. Актуальные проблемы правотворчества : учеб. пособие. М., 2018.
 50. Чураков В. Д. Методы экономического анализа права и больших данных в оценке эффективности правовых норм : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023.
 51. Шаршун В. А. О некоторых вопросах применения информационных технологий в нормотворческом процессе : новации закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. «О нормативных правовых актах» // Право.by. 2018. № 6(56). С. 118–224.
 52. Эффективность законодательства : вопросы теории и практика / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, В. П. Емельянцева. М., 2015.
 53. Юридическая техника : учеб. пособие / Н. А. Власенко, А. И. Абрамова, Г. Т. Чернобель и др. 2-е изд. М., 2016.
 54. Ягофарова И. Д. Цифровые технологии в правотворческой деятельности : теоретико-правовой аспект // Пролог: журнал о праве. 2021. № 2. С. 4–13.
 55. O'Reilly, T. (2010). Government as a Platform. Opening Government: Transparency and Engagement in the Information Age. Vol. 6. № 1. P. 37–44.
 56. The seven principles for digital-ready legislation // URL: <https://en.digst.dk/policy-and-strategy/digital-ready-legislation/guidances-and-tools>

References

1. Regulations of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation // URL: <http://duma.gov.ru/duma/about/regulations>
2. Passport of the national project National Program «Digital Economy of the Russian Federation» (approved by the minutes of the meeting of the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for Strategic Development and National Projects dated June 4, 2019 № 7) // LRS «ConsultantPlus».
3. Rules for the preparation of regulatory legal acts of federal executive authorities and their state registration (approved by Decree of the Government of the Russian Federation dated August 13, 1997 № 1009) // URL: https://base.garant.ru/166045/#block_1000
4. The concept of development of machine-readable law technologies, approved by the Government Commission on Digital Development, the Use of Information Technologies to Improve the Quality of Life and Business Conditions, Protocol № 31

- dated September 15, 2021 // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396491/4d52921b1f618431d7eafe992291c40c81a963aa/
5. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated August 25, 2017 № 680 «Issues of organizing information and legal support for the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation» (with amendments and additions) // URL: <https://base.garant.ru/72617376/>
 6. Decree of the Government of Moscow dated September 25, 2019 № 1239-PP «On the Automated Information system «Document Approval» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72675368/#review>
 7. Anti-corruption expertise of draft regulatory legal acts / ed. by Yu. A. Tikhomirov, E. I. Spector, Moscow, 2012.
 8. Arzamasov Yu. G., Nakonechny Ya. E. The concept of monitoring regulatory legal acts : monograph. Moscow : Yurlitinform, 2011.
 9. Arzamasov Yu. G. Departmental rulemaking : current state, problems of modernization // Legal technology. 2012. № 6. P. 28–36.
 10. Arzamasov Yu. G. Assessment of regulatory impact and risks in law : the experience of Russia and continental Europe. 2019. № 5. P. 4–31.
 11. Arzamasov Yu. G. Optimal model of legal regulation in the field of artificial intelligence // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 2 (53). P. 133-148.
 12. Arzamasov Yu. G., Pevtsova E. A. The role of digitalization in the systematization of legal terminology // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence. 2022. № 4.
 13. Arzamasov Yu. G. Implementation of the right of legislative initiative in modern Russia : legal regulation, problems, practice // State and law. 2018. № 5. P. 5–17.
 14. Arzamasov Yu. G. Theory and practice of departmental rulemaking : monograph. Moscow : Yurlitinform, 2013.
 15. Arzamasov Yu. G., Nakonechny Ya. E. Monitoring in lawmaking: theory and methodology : monograph. Moscow : Publishing House of Bauman Moscow State Technical University, 2009.
 16. Aryamov A. A. General theory of risk : legal, economic and psychological analysis. 2nd ed. Moscow, 2010.
 17. Baranov V. M. Standard writer as a profession // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2017. № 6 (119). P. 16–29.
 18. Baranov V. M. Legal technology : a review of the materials of the scientific and methodological seminar // Lawyer. 2000. № 1. P. 59–76.
 19. Baranova M. V., Kuptsova O. B., Gudkova A.V. Legal riskology : doctrine, practice, technique // Vestn. Vladimir. jurid. in-ta. 2019. № 2(51). P. 193–206.
 20. Vlasenko N. A. Legislative technology : Theory. Experience. Rules. Irkutsk, 2001.
 21. Davydova M. L., Kushniruk R. P. Electronic law-making initiative in the system of forms of electronic democracy // Modern society and law. 2017. № 1(26). P. 37–42.
 22. Zaitsev M. S. The constitutional right of citizens of the Russian Federation to participate in the management of state affairs : Abstract. diss. ... cand. jurid. sciences. Saratov, 2015.
 23. Zaloilo M. V. Modern legal technologies in lawmaking : a scientific and practical guide / M. V. Zaloilo ; edited by D. A. Pashentsev. Moscow : IZiSP : Norm : INFRA-M, 2020.
 24. Zubarev S. M., Sladkova A.V. On the concept and essence of digital control technologies in the field of public administration // Administrative law and Process. 2019. № 9. P. 53–59.
 25. Kornev A.V. Digital technologies, legal risks and the problem of their minimization // Actual problems of Russian law. 2021. Vol. 16. № 9. P. 11–20.
 26. Lazarev V. V. Legal science in the field of digitalization prospects // Journal of Russian Law. 2023. Vol. 27. № 2. P. 5–19.
 27. Lipen S. V. Information technologies in law-making // Lex russica. 2019. № 8. P. 111–120.
 28. Mamchun V. V. Law enforcement risk : diss. ... kand. jurid. Nauk. N. Novgorod, 1999.
 29. Mechanism of legal monitoring : scientific and practical manual / ed. by A. V. Pavlushkin, Moscow, 2012.
 30. Scientific and methodological guide to the development of draft laws in modern Russia / Yu. G. Arzamasov et al. ; Federal Assembly of the Russian Federation, State Duma. Moscow : State Duma, 2009.
 31. Normography : theory and technology of rulemaking : textbook for universities / edited by Yu.G. Arzamasov. 2nd ed., ispr. and add. Moscow : Yurait, 2020.
 32. Normative legal technique : monograph / N. A. Vlasenko, A. I. Abramova, Yu. G. Arzamasov et al. ; ed. by N. A. Vlasenko ; IZiSP. Moscow : Justicinform, 2011.
 33. Parliamentary Law / edited by T. Ya. Khabrieva, M., 2013.
 34. Pashentsev D. A. Models of law-making activity

- in the context of digitalization // Education and law. 2021. № 9. P. 72–75.
35. Ponkin I. V. The concept of machine-readable law // Legal technology. 2021. № 15. P. 231–235.
 36. Legal models and reality / edited by Yu. A. Tikhomirov, E. E. Rafalyuk, N. I. Khludeneva. M., 2014.
 37. Problems of the system and systematization of legislation : collection of articles / edited by V. B. Isakov and E. N. Salygin. M., 2018.
 38. Revyakin S. A. On recommendations for the configuration of electronic public participation platforms : a review of Russian and international experience // Bulletin of Omsk University. Ser. «Economics». 2018. № 3(63). P. 213–225.
 39. Complexity of Russian laws. The experience of syntactic analysis / A. V. Knutov, S. M. Plaksin et al., Moscow, 2020.
 40. Styrin E. M., Dmitrieva N. E., Sinyatullina L. H. State digital platforms : from concept to implementation // Issues of state and municipal management. 2019. № 4. P. 31–60.
 41. Tikhomirov Yu. A. Forecasts and risks in the legal sphere // Journal of Russian Law. 2011. № 3. P. 5–16.
 42. Tikhomirov Yu. A. Law : forecasts and risks. Moscow, 2015.
 43. Tikhomirov Yu. A., Shakhrai S. M. Law and risk. Moscow, 2012.
 44. Tikhomirov Yu. A. Legal forecasting. Moscow, 2018.
 45. Khabrieva T. Ya., Chernogor N. N. Law in the conditions of digital reality // Journal of Russian Law. 2017. № 1. P. 85–102.
 46. Khabrieva T. Ya. Law before the challenges of digital reality // Journal of Russian Law. 2018. № 9. P. 5–16.
 47. Digitalization of lawmaking : the search for new solutions : monograph / D. A. Pashentsev, M. V. Zaloilo, O. A. Ivanyuk, A. A. Golovina ; under the general editorship of Dr. Yurid. D. A. Pashentseva, M. : Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: INFRA-M, 2019.
 48. Digital technologies in ensuring parliamentary activity. Report of the Analytical Department of the Federation Council Staff // Analytical bulletin. The series «International parliamentary experience». 2018. № 16. P. 26–28.
 49. Chernogor N. N., Zaloilo M. V. Actual problems of law-making : textbook. Moscow, 2018.
 50. Churakov V. D. Methods of economic analysis of law and big data in assessing the effectiveness of legal norms : dis. ... cand. jurid. M., 2023.
 51. Sharshun V. A. On some issues of the use of information technologies in the rule-making process: innovations of the Law of the Republic of Belarus dated July 17, 2018 «On regulatory legal acts» // Право.by . 2018. № 6(56). P. 118–224.
 52. Effectiveness of legislation : issues of theory and practice / ed. by Yu. A. Tikhomirov, V. P. Yemelyantsev, Moscow, 2015.
 53. Legal technology : textbook. manual / N. A. Vlasenko, A. I. Abramova, G. T. Chernobel et al. 2nd ed. Moscow, 2016.
 54. Yagofarova I. D. Digital technologies in law-making : theoretical and legal aspect // Prologue: Journal of Law. 2021. № 2. P. 4–13.
 55. O'Reilly, T. (2010). Government as a Platform. Opening Government: Transparency and Engagement in the Information Age. Vol. 6. № 1. P. 37–44.
 56. The seven principles for digital-ready legislation // URL: <https://en.digst.dk/policy-and-strategy/digital-ready-legislation/guidances-and-tools>

Информация об авторе

Ю. Г. Арзамасов — профессор кафедры публичного и международно-правового обеспечения национальной безопасности Российского государственного университета нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

Yu. G. Arzamasov – Professor of the Department of Public and International Legal Support of National Security of the Gubkin Russian State University of Oil and Gas, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 15.01.2025; одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 10.03.2025.

The article was submitted 15.01.2025; approved after reviewing 20.01.2025; accepted for publication 10.03.2025.

Научная статья

УДК 342.7

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-26-31>

EDN: <https://elibrary.ru/wfupxf>

НИОН: 2003-0059-2/25-258

MOSURED: 77/27-003-2025-02-457

Конституционно-правовое регулирование прекращения права муниципальной собственности

Айгуль Фаргатовна Барикаева

Международный научно-исследовательский центр судебной экспертизы и исследований, Москва, Россия,
aigul.2970808@ya.ru

Аннотация. Рассматриваются экономико-правовые основы прекращения права муниципальной собственности. Исследована юридическая природа и место муниципальной собственности в политико-правовой системе России, выявлены публично-правовые и частноправовые элементы в сущности муниципальной собственности. Приведена и подробно раскрыта классификация оснований прекращения права собственности муниципальных образований.

Ключевые слова: муниципальная собственность, местное самоуправление, прекращение права собственности

Для цитирования: Барикаева А. Ф. Конституционно-правовое регулирование прекращения права муниципальной собственности // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 2. С. 26–31. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-26-31>. EDN: WFUPXF.

Original article

Constitutional and legal regulation of termination of municipal property rights

Aigul F. Barikaeva

International Research Center for Forensic Science and Research, Moscow, Russia, aigul.2970808@ya.ru

Abstract. The economic and legal bases of termination of the right of municipal property are considered. The legal nature and place of municipal property in the political and legal system of Russia are investigated, public-legal and private-law elements in the essence of municipal property are revealed. The classification of grounds for termination of ownership of municipalities is given and disclosed in detail.

Keywords: municipal property, local government, termination of property rights

For citation: Barikaeva A. F. Constitutional and legal regulation of termination of municipal property rights. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(2):26–31. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-26-31>. EDN: WFUPXF.

Современный период развития российской государственности отличается демократическим политическим режимом, отличительной чертой которого является более активное и вовлеченное участие населения нашей страны в решении широкого круга вопросов, касающихся управления. Если до нашего времени предыдущие форму государственности выстраивали определенную дистанцию между властью и населением, что в первую очередь объяснялось демографическими и территориальными масштабами России, то на исходе прошлого тысячелетия нашим обществом

было осознано, что наибольшая эффективность организации власти может быть достигнута только при повсеместном внедрении институтов демократии, в качестве одного из которых, безусловно, выступает местное самоуправление.

Указанный институт в контексте отечественной государственной традиции не имеет аналогов в прошлом, при этом важно отметить, что и за рубежом понятие местного самоуправления принципиальным образом отличается от его российского правопонимания. Так, связано это с тем, что в большинстве иностран-

ных государств муниципалитеты, представляющие собой институционализированные формы местного самоуправления, относятся к низшему уровню государственной власти, в то время как в нашей стране муниципальные органы с конституционно-правовой точки зрения принципиальным образом сепарированы от государства. В российской политико-правовой системе выделяется понятие публичной власти, которая не отождествлена государственной власти, но, напротив, представляется более широким понятием, в которое помимо государственной власти также входит власть местного самоуправления, что однозначно представляет собой интересную особенность устройства Российской Федерации.

Указанный подход, в свою очередь, делает муниципальные образования, на территории которых осуществляется местное самоуправление, достаточно специфическим субъектом права, который, с одной стороны, противопоставлен физическим и юридическим лицам в силу своей властной природы, одновременно с этим обладая значительным количеством отличий от государства, хотя вместе с ним составляет такую категорию субъектов права, как публично-правовые образования. Данная особенность представляет собой особый интерес как с теоретической, так и с практической позиции ввиду того, что, с одной стороны, демонстрирует своеобразие и сложность российской правовой системы, которые в свою очередь раскрывают ее демократическую природу на современном этапе исторического развития, но, с другой стороны, при такой ситуации в законодательстве существует огромное количество выявленных и не выявленных коллизий, пробелов и недостатков нормативно-правового регулирования во всех сферах, связанных с местным самоуправлением, что бесспорно представляет собой серьезный вызов для отечественного юридического сообщества.

В этой связи стоит отметить, что на сегодняшний день различные аспекты муниципального права достаточно хорошо изучены, так можно отметить работы таких ученых, как О. Е. Кутафин, В. И. Фадеев, С. А. Авакьян, Н. Н. Тарасов, И. В. Бабичев, А. А. Акмалова, Д. Б. Сергеев и др. Наука муниципального права, бесспорно, относится к публично-правовым дисциплинам ввиду того, что местное самоуправление, являющееся ее основным объектом для исследования, представляет собой нижний уровень публичной власти, ввиду чего муниципальные правоотношения, однозначно носят публично-правовой характер. Однако следует отметить, что юридические феномены, изучаемые правовой доктриной, редко замкнуты в пределах одной отрасли или подсистемы права. Этот факт объясняется как природой общественных отношений, являющихся предметом правового регулирования, так и сущностной особенностью самой системы права — жизнедеятельность общества слишком слож-

на и комплексна, чтобы состоять из изолированных объектов, что отражается и на правовых институтах, которые, обладая принадлежностью к определенной правовой отрасли, практически всегда связаны с другими правовыми отраслями, что по понятным причинам всегда представляет собой исследовательский интерес. В этой связи стоит отметить, что правовое регулирование местного самоуправления также не ограничивается исключительно нормами собственно муниципального права, что не соответствовало бы существующей общественной реальности, напротив, огромное количество вопросов, возникающих в связи с муниципалитетами и их деятельностью, охватывается значительным количеством правовых отраслей, при этом в основном нормами отраслей не публичного права, а частного.

Важно отметить, что, будучи отдельным субъектом права, наряду с государством, гражданами и юридическими лицами, муниципальные образования соответствующим образом являются участниками огромного количества общественных отношений, в которые они вступают на ежедневной основе по самым разнообразным поводам. Так как действующее федеральное законодательство нашей страны наделяет муниципалитеты значительным количеством функций, имеющих принципиальное значение как для государства, так и для общества, деятельность органов местного самоуправления должна быть должным образом обеспечена материально, так как без материально-технической базы невозможна реализация ни одного вида власти, в том числе и муниципальной. Поэтому, в контексте правовой природы муниципалитетов приобретает особое значение имущественный аспект правосубъектности муниципальных образований, так как благодаря ему указанные субъекты публичной власти могут вступать в различного рода экономические отношения, обеспечивающие осуществление их конституционно-правовых полномочий. В связи с этим, современная юридическая наука России на нынешнем этапе своего развития должна больше уделять внимания проблематике муниципальной собственности, так как благодаря доктринальной рефлексии на этот феномен юридическое сообщество может многое раскрыть как в отношении правовой природы местного самоуправления, так и относительно сущности права собственности как такового.

Примечательно, что муниципальная собственность упоминается в ст. 132 Конституции Российской Федерации, в которой установлено, что управление муниципальной собственностью является одним из важнейших экономических основ местного самоуправления [2, с. 40]. Данный вид собственности указывается в контексте того, что органы местного самоуправления обладают правом самостоятельно распоряжаться имуществом, находящимся в муниципальной собственности. Это правомочие однознач-

но является одним из базовых прав муниципального образования, так как обеспечивает с имущественной точки зрения материально-техническую базу муниципальной деятельности, благодаря которой органы местного самоуправления могут полноценным и наиболее эффективным образом реализовать имеющуюся у них публичную власть.

Помимо этого, посредством данной конституционной нормы закреплён важный элемент правосубъектности муниципального образования, заключающийся в том, что муниципалитет является субъектом права собственности, что выводит его за рамки исключительно предмета публично-правового регулирования. Факт наличия права собственности у муниципального образования тем самым демонстрирует сложность правовой природы указанного субъекта публичной власти, расширяя его политико-правовое существование за пределы исключительно властной деятельности. Однако, в данном контексте важно подчеркнуть, что муниципальная собственность тем не менее именно обеспечивает реализацию конституционно-правовых функций муниципальных образований, то есть имеет вторичную по отношению к публично-правовой деятельности данного субъекта позицию, несмотря на свой безусловно частноправовой характер.

Одновременно с этим, нельзя ни отметить, что подобное конституционно-правовое положение муниципальной собственности, безусловно, аналогично государственной собственности, так как, несмотря на принципиальный характер разницы между государственной и муниципальной деятельности, оба вида собственности обеспечивают реализацию публичной власти. В данном случае стоит отметить, что не всегда разница между субъектами права самих по себе как феноменов права отражается на правовой природе их правомочий, если по своей сути данные права выполняют одну и ту же функцию. Таким образом, можно заключить, что конституционное закрепление права собственности за муниципальными образованиями, выраженном в том, что органы местного самоуправления могут осуществлять управление указанной собственностью, однозначно сближает муниципалитеты с государством как субъектов публичного права, так как в п. д) ст. 71 Конституции к предмету ведения Российской Федерации отнесена федеральная собственность и управление ею. Однако, основным законом российского государства не является единственным нормативно-правовым актом, раскрывающим природу муниципальной собственности.

В свою очередь, в основном источнике муниципального права, Федеральном законе № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее — ФЗ «О местном самоуправлении») от 6 октября 2003 г. муниципальной собственности посвящена ст. 49. В п. 1 указанной статьи установлено, что наряду со сред-

ствами местного бюджета и имущественными правами муниципальных образований муниципальной собственностью является одной из экономических основ местного самоуправления. Безусловно, для того, чтобы муниципальные органы власти имели возможность непосредственным образом реализовывать свои функции по удовлетворению потребностей и интересов местного населения, им необходимы материально-технические средства, ввиду чего указанные средства автоматическим образом приобретают особое значение в контексте природы публичной власти в России, так как без них данный вид власти был бы невозможен на местном уровне. Несмотря на то, что вопросы местного значения, бесспорно, не столь сложны и значимы, как вопросы, составляющие предмет ведения федеральных и региональных органов государственной власти, тем не менее, их решение имеет важное значение для населения муниципального образования, на территории которого оно проживает, так как потребность в решении указанной категории вопросов непосредственным образом связана с интересами этого населения. Таким образом, как и собственность государственная собственность, муниципальная собственность служит материальной базой для органов публичной власти, благодаря которой эти ведомства получают реальную возможность осуществлять свои функции, направленные на удовлетворения потребностей и интересов местного населения.

В свою очередь, в ст. 50 ФЗ «О местном самоуправлении» перечислено, какие виды имущества могут находиться в муниципальной собственности:

- 1) имущество, предназначенное для решения установленных законодательством вопросов местного значения;
 - 2) имущество, предназначенное для осуществления отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления;
 - 3) имущество, предназначенное для обеспечения деятельности органов местного самоуправления и деятельности муниципальных должностных лиц и служащих;
 - 4) имущество, предназначенное для обеспечения деятельности сотрудников муниципальных учреждений и предприятий;
 - 5) имущество, предназначенное для решения вопросов, которые отнесены к ведению местного самоуправления, одновременно не являясь при этом вопросами местного значения;
 - 6) имущество, предназначенное для решения ряда вопросов местного значения, которые в соответствии с федеральным законодательством отнесены к вопросам определенных видов муниципальных образований.
- Однозначно, перечисленные в статье ФЗ «О местном самоуправлении» категории муниципальной собственности демонстрируют, что его основополагающей функцией является обеспечение удовлетворение

потребностей местного населения, проживающего на территории определенного муниципального образования, а также его использование для сопутствующих с указанным целей, таких как обеспечение деятельности муниципальных предприятий, что, безусловно, отражается на правовом статусе указанного имущества. Так, в соответствии с Общероссийским классификатором форм собственности, муниципальная собственность выделяется в качестве отдельной формы собственности, расположенной между собственностью субъектов Федерации и частной собственностью физических и юридических лиц, что подчеркивает его отдельную юридическую сущность, обусловленную характеристиками субъекта указанной собственности, муниципального образования.

Ввиду этого, современная наука муниципального права должна подробным и целостным образом исследовать муниципальную собственность, представляющую собой интересное правовое сочетание публичного и частного права, а именно муниципальной и гражданской правовых отраслей. Действительно, с одной стороны правовой режим имущества, находящегося в муниципальной собственности, бесспорно, содержит в себе нормы вещного права, регулирующего имущественные отношения, связанные с правом собственности. Однако, помимо нормативных положений цивилистического характера, указанный режим однозначно включает в себя также и нормы муниципального права, также направленные на регулирования отношений по поводу собственности, принадлежащей муниципальному образованию, так как субъект этой собственности реализует местное самоуправление, являющегося низшим уровнем публичной власти. В контексте подобного конвергентного характера представляет собой отдельный интерес проблематика прекращения права собственности муниципальных образований, которое имеет важное значения как в плоскости частного права ввиду непосредственной природы прекращения основного вещного правоотношения, так и в публично-правовом измерении, так как прекращение права муниципальной собственности представляет собой умаление материально-технической базы, обеспечивающей реализацию местного самоуправления. В связи с этим, рассмотрение и анализ оснований прекращения права муниципальной собственности также послужит очередным и одновременно интересным примером сочетания публичного и частного начал в юридической сущности муниципальных образований.

Так, исходя из содержания действующего гражданского законодательства, право собственности муниципальных образований на имущество прекращается по следующим основаниям:

- 1) в случае гибели или уничтожения имущества;
- 2) при отчуждении имущества другим лицам;
- 3) в порядке разграничения муниципальной соб-

ственности;

4) путем обращения взыскания на имущество по обязательствам муниципального образования в порядке, предусмотренном законом РФ или договором;

5) по иным основаниям, предусмотренным законом РФ.

Так, первое из указанных оснований прекращения права муниципальной собственности, уничтожение или гибель имущества, является одним из самых очевидных и базовых оснований прекращения права любой формы собственности, так как указанные обстоятельства приводят к исчезновению объекта указанного правомочия. Ввиду того, что собственность направлена на материальные объекты, она подвержена различным видам воздействия сил природы или же деятельности отдельных людей. При этом стоит отметить, что, несмотря на единый характер юридических последствий обоих обстоятельств — исчезновение вещи и прекращения права собственности на нее, в том числе муниципальной, уничтожение и гибель сущностно не тождественны друг другу. По своей природе уничтожение является результатом человеческой воли, в не зависимости от мотивации лица, так как уничтожить вещь может как собственник, так и злоумышленник, и добросовестный человек, совершивший указанное деяние, однако очень важно, что среди категорий юридических фактов уничтожение относится к деянию в форме действия. Однако, принципиальный характер утраты им тех преимуществ, благодаря которым из данного предмета можно было извлекать пользу, приводит и к прекращению права собственности, в то время как именно гибель или уничтожение являются единственными из оснований прекращения данного правомочия, которые объективно приводят к данной утрате [1, с. 6].

В свою очередь, отчуждение имущества иным лицам представляет собой одно из важнейших оснований прекращения собственности, так как указанный процесс является одним из фундаментальных элементов экономики наряду с правом собственности. Объясняется это тем, что благодаря отчуждению имущества одно лицо утрачивает право собственности или иное вещное или имущественное право, но одновременно с этим другое лицо приобретает его, благодаря чему осуществляется обмен имуществом, с древнейших времен являющийся основой экономического существования человеческого общества. При этом, отчуждение собственности по своей природе является крайне разнообразным процессом, что объясняется его значимостью и распространенностью, в связи с чем можно выделить два вида отчуждения — добровольное и принудительное.

Так, под добровольным отчуждением имущества можно считать любой отказ собственника от принадлежащего ему имущества, что может быть выражено как оставлением его на улице, так и продажей или

дарением. Однако в контексте проблематики права муниципальной собственности важно отметить, что органы местного самоуправления ограничены в своих возможностях по отчуждению имущества исключительно различного вида обязательствами, разумеется, в первую очередь, договорными. При этом вступление муниципального образования в любую сделку должно осуществляться исключительно в соответствии с его публично-правовыми функциями — решением вопросов местного значения и вопросов, переданных ему от федеральных и региональных органов государственной власти. Данный факт является одной из важнейших черт обязательственной правосубъектности муниципалитета, которая помимо него характерна только для государства. Бесспорно, это связано с особенностями конституционно-правового статуса муниципальных образований, являющихся третьим уровнем публичной власти, что отражается также в таких чисто цивилистических вопросах, как прекращение собственности. Именно поэтому органы местного самоуправления не могут подарить или заложить принадлежащую им собственность по своему личному усмотрению, вступление муниципального образования в любое обязательство должно быть обусловлено причинами, непосредственным образом связанными с исполнением муниципалитетом своих публично-правовых функций. Однако, вступление в те обязательства, которые связаны с реализацией деятельности муниципальных образований, также требует определенных формальностей, несоблюдение которых будет препятствием для действительности сделки.

В контексте отчуждения имущества, особое значение относительно муниципалитета как публично-правового субъекта по своей юридической природе имеет приватизация, которая в основном ассоциируется с государственным имуществом, при этом в соответствии с ст. 1 Федерального закона № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» от 21 декабря 2001 г. Указано, что под приватизацией понимается возмездное отчуждение имущества, находящегося в собственности Российской Федерации, субъектов федерации и муниципальных образований в собственность физических и юридических лиц. В этом контексте имущество муниципальных образований приравнивается к государственному имуществу именно в силу публично-правовой природы субъектов указанной собственности, ввиду чего отчуждение должно осуществляться в определенном порядке. Данный факт является свидетельством того, что особенности юридической сущности муниципальных образований, обусловленных публичной властью, которой они наделены, что отражается на реализации органами местного самоуправления имущественных прав муниципалитетов, так как его участие в обязательственных отношениях особым образом регулируется нормативными положениями федерального законодательства.

Также, еще одним важным основанием прекращения права муниципальной собственности является разграничение муниципальной собственности, наличие которого обусловлено публично-правовой природой муниципалитета в большей мере, чем в отношении остальных оснований. Важной особенностью подобного основания прекращения права муниципальной собственности заключается в том, что разграничение устанавливается правовыми актами региональных органов государственной власти. Данная особенность подчеркивает место муниципальных образований в политико-правовой системе Российской Федерации, так как, несмотря на наличие у муниципалитетов публичной властью, которой также наделены и государственные органы, муниципальные образования на конституционно-правовом уровне все же не относятся к российскому государству, ввиду чего лишены функций государственной власти. Исходя из этого муниципальные образования, безусловно, находятся в подчиненном положении по отношению как к федеральным, так и региональным органам государственной власти, что объясняется их местом в иерархии субъектов публичной власти. Однако важно отметить, что подобное положение муниципальных образований не означает, что государственные органы могут произвольным образом принимать решения и осуществлять действия, нарушающие права муниципалитетов, так как иначе деятельность органов публичной власти будет неэффективна и с высокой степенью вероятности вреда, ввиду чего их взаимодействие осуществляется в рамках законности. Эта особенность также проявляется в разграничении муниципальной собственности, так как правовые акты органов государственной власти субъектов принимают решения с учетом мнения органов местного самоуправления и в том числе по их предложению, ввиду чего следует отметить, что в данном основании прекращения муниципальной собственности проявляется сочетание публичных интересов региональных и муниципальных властей, что представляет собой интересный тип взаимодействия органов государственной власти субъекта Федерации и органов местного самоуправления как субъектов публичной власти.

Список источников

1. Белоножкин А. Ю. Содержание субъективного гражданского права // Российская юстиция. 2015. № 7. С. 5–7.
2. Бледный С. Н., Шиловская А. Л. Владение, пользование и распоряжение муниципальным недвижимым имуществом // Инновации в отраслях народного хозяйства, как фактор решения социально-экономических проблем современности. Сб. докладов и материалов 2-й Межд. науч.-практ. конф. М. : Моск. гос. академия коммунального хозяйства и строительства, Центральный научно-исследовательский

институт экономики и управления в строительстве. 2012. С. 40–48.

References

1. Belonozhkin A. Yu. Contents of subjective civil law // Russian justice. 2015. № 7. P. 5–7.
2. Bledny S. N., Shilovskaya A. L. Ownership, use and disposal of municipal real estate // Innovations in sectors of the national economy as a factor in solving modern socio-economic problems. Collection of reports and materials of the 2nd Int. scientific-practical. conf. Moscow : Moscow State Academy of Public Utilities and Construction, Central Research Institute of Economics and Management in Construction. 2012. P. 40–48.

Библиографический список

1. Авакьян С. А. Современные проблемы конституционного и муниципального строительства в России // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 3. С. 2–12.
2. Акмалова А. А. Особенности правового регулирования и организации местного самоуправления в Российской Федерации : теоретико-методологический аспект : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003.
3. Бабичев И. В. Муниципальное право : системно-структурный анализ юридических конструкций. М. : Норма, 2010. 336 с.
4. Кутафин О. Е., Фадеев В. И. Муниципальное право Российской Федерации. Учебник. М. : Юрист, 1997. 428 с.

5. Сергеев Д. Б. Методология исследования муниципального образования : организационные аспекты // Конституционное и муниципальное право. М. : Юрист, 2011, № 3. С. 69–71.
6. Тарасов Н. Н. Методологические проблемы современного правоведения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002.

Bibliographic list

1. Avakyan S. A. Modern problems of constitutional and municipal construction in Russia // Constitutional and municipal law. 2010. № 3. P. 2–12.
2. Akmalova A. A. Features of legal regulation and organization of local self-government in the Russian Federation : theoretical and methodological aspect : dis. ... Doctor of Law. Moscow, 2003.
3. Babichev I. V. Municipal law : systemic and structural analysis of legal structures. Moscow : Norma, 2010. 336 p.
4. Kutafin O. E., Fadeev V. I. Municipal law of the Russian Federation. Textbook. Moscow : Jurist, 1997. 428 p.
5. Sergeev D. B. Methodology for studying a municipality : organizational aspects // Constitutional and municipal law. Moscow : Jurist, 2011, № 3. P. 69–71.
6. Tarasov N. N. Methodological problems of modern jurisprudence : author's abstract of diss... Doctor of Law. Ekaterinburg, 2002.

Информация об авторе

А. Ф. Барикаева — научный сотрудник Международного научно-исследовательского центра судебной экспертизы и исследований, кандидат экономических наук.

Information about the author

A. F. Barikaeva — Scientific Researcher of the International Research Center for Forensic Science and Research, Candidate of Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 03.03.2025; одобрена после рецензирования 24.03.2025; принята к публикации 10.04.2025.

The article was submitted 03.03.2025; approved after reviewing 24.03.2025; accepted for publication 10.04.2025.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-32-41>

EDN: <https://elibrary.ru/vvqaci>

НИОН: 2003-0059-2/25-259

MOSURED: 77/27-003-2025-02-458

Обеспечение электорального суверенитета в условиях гибридных войн¹

Игорь Борисович Борисов

Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, Москва, Россия, borisov@roiip.ru

Аннотация. Анализируются современные вызовы человечеству, оказавшемуся заложником глобалистских идей однополярного мира и его фаворитов в лице США и их сателлитов, развязавших противоправные гибридные войны по всему миру. Выделяются субъекты, объекты, цели, задачи и формы гибридных войн при организации электоральных процессов, а также возможные меры и способы противодействия им. Делается вывод о том, что в отличие от военных конфликтов гибридные войны де-юре не имеют победителя и будут продолжаться перманентно с разной степенью интенсивности в различных сферах общественных отношений. А в период организации и проведения выборов и референдумов потребуются специальные правовые подходы регламентации избирательных процедур и методы их реализации для обеспечения электорального суверенитета, обеспечения избирательных прав и свобод граждан в полном объеме в непростых условиях внешнего воздействия. В работе анализируются практические направления работы, связанные с противодействием вмешательству в выборы и обеспечением электорального суверенитета.

Ключевые слова: выборы, референдумы, гибридные войны, избирательные права, электоральный суверенитет, безопасность выборов, противодействие вмешательству в выборы, многополярный мир

Для цитирования: Борисов И. Б. Обеспечение электорального суверенитета в условиях гибридных войн // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 2. С. 32–41. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-32-41>. EDN: VVQACI.

Original article

Ensuring electoral sovereignty in the context of hybrid wars

Igor B. Borisov

Central Electoral Commission of the Russian Federation, Moscow, Russia, borisov@roiip.ru

Abstract. The modern challenges to humanity are analyzed which has become a hostage to the globalist ideas of a unipolar world and its favorites in the person of the United States and its satellites, which have unleashed illegal hybrid wars around the world. The subjects, objects, goals, objectives, and forms of hybrid warfare in the organization of electoral processes are highlighted, as well as possible measures and ways to counter them. It is concluded that, unlike military conflicts, hybrid wars have no winner de jure and will continue permanently with varying degrees of intensity in various spheres of public relations. And during the period of organizing and holding elections and referendums, special legal approaches to regulating electoral procedures and methods of their implementation will be required to ensure electoral sovereignty, ensure the electoral rights and freedoms of citizens in full in difficult conditions of external influence. The paper analyzes practical areas of work related to countering interference in elections and ensuring electoral sovereignty.

Keywords: elections, referendums, hybrid wars, electoral rights, electoral sovereignty, election security, counteracting interference in elections, multipolar world

For citation: Borisov I. B. Ensuring electoral sovereignty in the context of hybrid wars. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(2):32–41. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-32-41>. EDN: VVQACI.

¹ Материал подготовлен на основе выступления И. Б. Борисова на IV Международной научно-практической конференции «Мировые войны : социально-правовые вызовы национальной идентичности», прошедшей 28 ноября 2024 г. в рамках XXVI Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения» «Российская правовая система: в поисках национальной идентичности».

Позитивное развитие информационно-коммуникационных технологий, как, пожалуй, и любые новации, содержит и определенную долю негативных факторов, связанных с новыми вызовами и угрозами нашему обществу, в том числе и системе народовластия, свободного участия избирателей в выборе своего будущего, демократической организации государственного управления. А вкуче с начавшимся процессом перехода к справедливому многополярному миру и неистовым сопротивлением ряда государств, привыкших жить в логике глобального доминирования и неокOLONIALИЗМА, развязавших по всему миру гибридные войны, — потребовала организации новых подходов к вопросам обеспечения прав и свобод наших граждан, поддержания устойчивого развития общества и государственности в текущих реалиях нашего бытия.

В период гибридных войн на передовой оказываются не только воинские подразделения и военнослужащие, ценою своих жизней защищающие свободу и независимость, но и представители правоохранительных органов (Министерство внутренних дел Российской Федерации, Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации, Генеральная прокуратура Российской Федерации), а также сугубо гражданских учреждений и ведомств (Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, Министерство финансов Российской Федерации, Министерство экономического развития Российской Федерации, Центральный Банк России, Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Министерство просвещения Российской Федерации и многие др.). И далеко не последнее место в этом перечне государственных органов, попадающих под активные атаки из-за рубежа, занимает ЦИК России и вся избирательная система Российской Федерации, призванная обеспечить свободный выбор избирателей без какого-либо вмешательства извне, в том числе и в условиях непрекращающихся попыток внешнего давления и активного ведения гибридных войн.

При военном положении, которое вводится на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях Президентом Российской Федерации в случае агрессии против России или непосредственной угрозы агрессии в соответствии с Федеральным конституционным законом от 30 января 2002 года № 1-ФКЗ «О военном положении», установлен специальный порядок назначения и организации выборов и референдумов¹.

Однако термин «агрессия» подразумевает, как

правило, только применение вооруженной силы, которая далеко не всегда открыто задействуется в современных гибридных войнах.

Общепризнанная формулировка понятия «агрессия», являющаяся необходимым условием введения военного положения для принятия специальных мер по организации выборов или референдумов, дается в принятом 14 декабря 1974 г. Генеральной Ассамблеей ООН определении, согласно которому: «агрессией является применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций»².

При современных методах и способах ведения гибридных войн не всегда можно выделить «агрессию», даже в широком смысле этого понятия, и зачастую маскируемую под защиту «прав и свобод гражданина и человека» в сопредельных государствах с задействованием сетки международных неправительственных организаций для оказания многовекторного давления на «государство-нарушителя».

Даже термин «гибридная война» еще не имеет юридического закрепления, но постепенно обретает достаточно четкие правовые контуры.

Так, в Концепции внешней политики Российской Федерации указано, что «США и их сателлиты развязали гибридную войну нового типа. Она направлена на всемерное ослабление России, включая подрыв ее созидательной цивилизационной роли, силовых, экономических и технологических возможностей, ограничение ее суверенитета во внешней и внутренней политике, разрушение территориальной целостности»³.

В Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации⁴ предпринята попытка обозначить субъект, объект, средства и цели гибридных войн: «Некоторые государства используют экстремистские и террористические организации в качестве средства для ведения гибридных войн против внешнеполитических противников и достижения своекорыстных геополитических целей, в том числе за счет вмешательства во внутренние дела других государств в целях дестабилизации общественно-политической обстановки в этих государствах, нарушения их территориальной целостности или развязывания в них гражданских войн, инициирования «цветных револю-

¹ С мая 2023 г. действует норма закона, разрешающая проведение выборов на территориях России даже при военном положении. Глава региона, на территории которого введено военное положение, может направить заявку в ЦИК России с целью проведения выборов или референдума. ЦИК России обязан рассмотреть заявку в течение пяти дней, проконсультировавшись с ФСБ и Министерством обороны. Если ЦИК России одобряет проведение выборов или референдума, она обязана уведомить об этом Президента России. (ст. 10.1 ФЗ-67 «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // URL: <https://base.garant.ru/184566/fc1be7af257dca0e2da60f6f1d18f9a1/>).

² Утверждено резолюцией 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1974 года // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml

³ П. 13 Концепции внешней политики Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229) // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406543869/>

⁴ П. 11 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124) // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411135491/>

ций», а также для создания обстановки «контролируемого хаоса» в отдельных регионах мира».

Методы ведения указанных специальных операций основываются на скрытых действиях, обмане, дезинформации, введении в заблуждение, шантаже и угрозах. А цели далеки от демократии и верховенства права — корысть, выгода, нажива, территориальная экспансия и порабощение целых народов, ослабление государственного суверенитета, нарушение территориальной целостности, подрыв экономических, финансовых, технологических возможностей.

Субъектом ведения гибридных войн, как правило, выступают отдельные государства или группа государств, экстремистские и террористические организации, крупные коммерческие корпорации, действующие под прикрытием или по согласованию со своими правительствами или военно-экономическими союзами.

Справедливо замечает Л. В. Голоскоков, что «сегодня гибридные войны представляют собой, как правило, тонкие и не всегда заметные процессы...». Их гибридность проявляется во множестве аспектов — в использовании и комбинации самых различных методов, стратегий, тактик, разнообразных ресурсов: финансы, средства массовой информации, идеи, пропаганда, реклама, стиль жизни, технологи, Интернет — что угодно» [1, с. 52–57].

Объектом воздействия и нападения, по мнению уже упомянутых исследователей, может быть что угодно — система управления и организация жизнедеятельности государства, системы обеспечения обороны и безопасности государства и населения, экономика, финансовая, энергетическая, транспортная или другие отрасли хозяйства, система образования, военные либо гражданские объекты, СМИ, телекоммуникационные и информационные каналы и другие объекты, атаки на которые могут подорвать устойчивость и стабильность государственных институтов, разрушить жизненно важные системы функционирования общества.

Но одним из основных объектов воздействия являются люди, населяющие страну, против которой развязана гибридная война. «Это люди страны-жертвы, которые под руководством или тонким управлением извне сами разрушают свою страну в степени, несравнимой с усилиями зарубежных профессионалов, которых, возможно, не так уж и много. Для этого профессионалы страны-агрессора разрабатывают сложные и невидимые комбинации, заставляющие людей страны-жертвы работать против своей страны» [1, с. 52–57].

Методы ведения гибридных войн охватывают практически весь существующий спектр форм и видов воздействия для причинения вреда и ущерба противнику. Общим является для них то, что все они:

1) нарушают основополагающие принципы построения международного правопорядка, прежде все-

го — невмешательство во внутренние дела государства;

2) несут разруху, хаос, страдания, человеческие жертвы (но, в отличие от обычной войны, большинство жертв гибридной войны это не военные, а мирные жители);

3) проводятся внезапно, скрытно под прикрытием «благородных целей» якобы во имя построения «демократии», «защиты свободы», «победы над автократией» и т. д. и т. п.;

4) не имеют границ ни правовых, ни моральных, ни нравственных (т. к. в отличие от обычных военных конфликтов проводятся скрытно).

Наиболее точно, на наш взгляд, для целей настоящего исследования дал определение гибридной войны В. Ю. Лукьянов — «различные военно-силовые, политико-дипломатические, финансово-экономические, информационно-психологические, информационно-технические меры оказания негативного внешнего или внутреннего воздействия, угрожающие безопасности государства по технологиям цветных революций, через пособничество экстремизму и терроризму и другие враждебные акты» [3, с. 5–14].

Справедливо отмечает Л. В. Голоскоков, что «гибридная война в своем идеальном случае и предназначении такова, что противник вообще не знает, что против него уже идет гибридная война, а самый идеальный случай — когда противник будет уничтожен, так и не узнав, что против него велась гибридная война» [2, с. 31].

П. А. Цыганков указывает, что в гибридной войне «трудно разделить вооруженные действия, угрозы, переговоры, четко разграничиваемые в классическом понимании войны. Не менее сложно идентифицировать носителя главной угрозы: являются ли таковыми террорист (террористическое формирование), враждебная идеология, акт вооруженного насилия, экономическое преступление» [5, с. 253–258].

Более того, по мнению ряда авторов, сложность ведения и участия в такой войне состоит в том, что в ней практически невозможно победить, и она может продолжаться неограниченное время, что требует выработки соответствующих мер организации деятельности государственных институтов, в том числе связанных с организацией и проведением выборов, в условиях перманентного противодействия гибридным войнам различной степени интенсивности и направленности.

Сегодня гибридные войны являются не только вызовом устойчивому развитию, но и новым видом межгосударственного противостояния, требующим особой разработки стратегии противостояния [4, с. 246–250], в том числе в наиболее чувствительной сфере общественных правоотношений — при организации и проведении выборов и референдумов.

Фактически любые действия в ходе гибридной

войны, инициированные из-за рубежа, могут нести в себе риски и являться одним из элементов скрытой атаки на объект воздействия своего противника.

И то, что раньше воспринималось как международное сотрудничество, взаимовыгодный обмен, свобода слова, содействие в реализации прав граждан, гуманитарная помощь и т. п. в период гибридных войн несет в себе потенциальную угрозу и риски. Прежде, чем принимать подобные «подарки» в виде «демократической помощи» или «в интересах развития нации» от наших потенциальных противников, необходимо осуществлять их оценку (экспертизу) на предмет наличия рисков иностранного вмешательства во внутриполитические процессы, особенно в такой политически нестабильный период организации и проведения выборов и референдумов, связанный с определением избирателями своего будущего.

Организация противодействия по отдельным направлениям гибридных войн со стороны Российской Федерации на системном уровне осложняется, помимо прочего, недостаточностью научного осмысления сущности, содержания и природы современных гибридных войн, которые, уже став частью объективной реальности, в научном сообществе все еще не нашли достаточного отражения в конкретных сферах жизнедеятельности нашего общества, включая организацию и проведение выборов и референдумов.

Несомненно, в подходах противодействия атакам в условиях гибридных войн следует придерживаться научно-аналитических подходов на всех стадиях анализа ситуации (оценка защитных механизмов и качества координации), а также оценки и прогнозирования угроз (мониторинг и оценка угроз, оценка уязвимостей), включая сбор данных, анализ, оценку и разработку рекомендаций¹.

Исследуя влияния гибридных войн на организацию электорального процесса, необходимо проанализировать методы и формы внешнего воздействия на российские выборы и предусмотреть конкретные направления противодействия этим попыткам исказить свободную волю российского народа.

* * *

Россия в ответ на недружественные действия Запада «намерена отстаивать свое право на существование и свободное развитие всеми имеющимися средствами»².

Для обеспечения свободного выбора избирателей, недопущения вмешательства извне, защиты электо-

рального суверенитета со стороны ЦИК России и всех нижестоящих избирательных комиссий во взаимодействии с партнерами из профильных министерств, ведомств, учреждений и служб осуществляется значительная работа, направленная на обеспечение возможности организовать и провести выборы в достаточно сложных внешнеполитических условиях без ущерба избирательным правам и свободам наших граждан на законодательном, организационном, административном, межведомственном, информационном уровнях.

Комплекс мер, предусматривающий ответы на внешние вызовы электоральному суверенитету, нарабатывался относительно продолжительное время и являлся по своей сути реакцией на попытки вмешательства во внутренние дела государства. Осторожность и соразмерность в принятии ответных мер были необходимы в этой чувствительной сфере правоотношений, затрагивающей политические и избирательные права и свободы граждан и их объединений.

Первым законодательным актом, положившим начало системной и плановой работе в Российской Федерации по противодействию внешнему вмешательству с использованием так называемой «мягкой силы» и методов гибридных войн, можно назвать внесение в 2012 году законодательных поправок³, направленных на регламентацию деятельности лиц, находящихся под иностранным влиянием — иностранных агентов. К тому моменту по данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации только с ноября 2012 года по апрель 2013 года 2226 российских НКО получили из-за рубежа 30,8 млрд руб., 358 из них учреждены госструктурами и профинансированы на сумму 6,6 млрд руб⁴.

В 2014 г. был законодательно установлен запрет иностранным гражданам, международным организациям и международным общественным движениям, некоммерческим организациям, выполняющим функции иностранного агента, в любых формах участвовать в избирательной кампании (поправка в п. 6 ст. 3 ФЗ-67 в ред. Федерального закона от 24 ноября 2014 г. № 355-ФЗ)⁵.

В 2015 году нормативно установлено юридическое понятие «нежелательная организация», сформирован соответствующий реестр. В 2017 году создан первый специальный публичный орган — временная Комис-

¹ Противодействие иностранному вмешательству. Аналитическая схема ЦИК // URL: https://cprk.ru/issledovaniya/inostrannoe-vmeshatelstvo/protivodeystvie-inostrannomu-vmeshatelstvu/?ysclid=m6bosmx1tlg_672126947

² Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.) // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406543869/>

³ Внесение изменений в Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ Федеральным законом от 28 июля 2012 г. № 134-ФЗ «О внесении изменений в статью 28 Федерального закона «О некоммерческих организациях» // URL: <https://base.garant.ru/70207724/>

⁴ URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2231119>

⁵ Федеральный закон от 24 ноября 2014 г. № 355-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу финансовой отчетности политических партий, избирательных объединений, кандидатов на выборах в органы государственной власти и органы местного самоуправления» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 48. Ст. 6636.

сии СФ по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации (в настоящее время приставка «временная» упразднена). В 2018 г. законодательно введено понятие «недружественное иностранное государство». В 2019 г. образована Комиссия Государственной Думы по расследованию фактов вмешательства иностранных государств во внутренние дела России. В 2021 г. в Центральной избирательной комиссии Российской Федерации выделено специальное направление работы, связанное с мониторингом и противодействием попыткам внешнего вмешательства в выборы.

В период организации и проведения выборов или референдумов отмечается усиление активности гибридных войн (вмешательства и давления извне) практически по всем направлениям с целью получения желаемого политического результата.

Электоральные процедуры во время гибридных войн выступают своеобразным катализатором активизации всех внешних врагов и их агентов на территории «государства-жертвы» для достижения противоправных целей скрытой агрессии в период политической активности населения и национальных политических сил. Именно в этот период предвыборной конкуренции общество находится в наиболее «возбужденном» состоянии, перенасыщенное призывами кандидатов и политиков к активным действиям, и может с легкостью попадаться на спланированные за рубежом уловки и вражеские ловушки, о чем свидетельствует вспышки разного рода «цветных революций» по всему миру.

Попытки нанести ущерб противнику, взломать национальный электоральный суверенитет, исказить свободную волю избирателей осуществляются даже за пределами избирательной кампании: начиная от давления на законодателей, принимающих соответствующие регулятивные нормы до начала избирательной кампании, влияния на выдвижение кандидатов, атаки на цифровые ресурсы организаторов выборов, заканчивая попытками вмешаться в ход голосования и делегитимации итогов выборов.

Методы и способы вмешательства в электоральные процессы продолжают совершенствоваться, видоизменяться, расширяться, приобретать более враждебные формы. Неизменным у врагов народной демократии остается только одно — желание подавить или (в крайнем случае) исказить волю избирателя в своих корыстных политических интересах.

Несмотря на совершенствование технологий ведения гибридных войн в период электоральных процедур можно выделить основные направления атак на примере последних выборов Президента Российской Федерации, состоявшихся 17 марта 2024 г. и выборов в единый день голосования 8 сентября 2024 г.

1. Атаки на цифровые электоральные сервисы: 12 млн кибератак на избирательную систему только

на выборах Президента 17 марта 2024 г.¹ средствами защиты сайта ЦИК России, ПАО «Ростелеком» и Роскомнадзора все атаки были заблокированы.

2. Интенсивное деструктивное информационное воздействие на избирателей и организаторов выборов. В процессе информационного вмешательства, дезинформации и давления были даже задействованы технологии искусственного интеллекта, многочисленные фабрики ботов, армейские подразделения стран НАТО². Поток недостоверной информации впечатляет. В 2024 году Роскомнадзор заблокировал около 800 тысяч интернет-страниц с запрещенной информацией, что на 19 % больше прошлогоднего уровня. В четвертом квартале совместно с профильными ведомствами было удалено свыше 228 тысяч ресурсов³. Новое опасное направление дезинформационного воздействия является информация, генерируемая с помощью искусственного интеллекта, в частности — дипфейки. Достаточно широкая апробация этой технологии осуществлена в единый день голосования 8 сентября 2024 г. В частности, были смонтированы и запущены высококачественные ролики, в которых должностным лицам Крыма и Севастополя приписывались деструктивные фразы, связанные с электоральным процессом⁴.

3. Побуждение избирателей к противоправным действиям. По результатам выборов Президента Российской Федерации, состоявшихся 17 марта 2024 г., возбуждено 33 уголовных дела по фактам проноса красящих веществ и легковоспламеняющихся жидкостей на избирательные участки. По информации МВД России, люди пошли на подобный шаг из-за обмана, шантажа или прямых угроз по телефону в большинстве случаев с украинских номеров⁵.

4. Активизация экстремистских проявлений (электоральный экстремизм). Прошедшие в 2024 г. избирательные кампании были отмечены попытками, поддерживаемыми коллективным Западом, перехода к радикальным способам вмешательства в политические процессы. Речь о террористической атаке на территорию Курской области и обстрелы приграничных субъектов Российской Федерации, где были организованы выборы. Вооруженные формирования Украины активно обстреливали избирательные участки в приграничных регионах и применяли против заведо-

¹ URL: <https://rg.ru/2024/03/18/pamfilova-na-izbiratelnuui-sistemu-bylo-soversheno-12-mln-kiberatak.html>

² URL: <https://www.pnp.ru/politics/cik-vo-vmeshatelstve-v-vybory-uchastvuyut-armeyskie-podrazdeleniya-stran-nato.html>

³ URL: https://tsargrad.tv/novost/roskomnadzor-uvlichil-blokirovku-internet-stranic-na-19-v-2024-godu_1130956

⁴ Ежегодный доклад Комиссии Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации за 2024 год // URL: http://council.gov.ru/structure/commissions/iccf_def/plans/163959

⁵ URL: <https://tass.ru/proisshestviya/20262281>

мо гражданских объектов беспилотные летательные аппараты, несущие взрывчатые вещества. В данном случае можно говорить о переходе «коллективного Запада» к методам электорального экстремизма.

Предпринимались единичные попытки поджога избирательной документации (Воронеж)¹ и запуска петард прямо в помещении участковой избирательной комиссий (Пермь)².

Даже факты запугивания избирателей и членов избирательных комиссий, оказания давления на них означает переход на методы электорального экстремизма³ со стороны наших идеологических оппонентов.

5. Акты запугивания избирателей и организаторов выборов с целью отказа от своих избирательных прав и от участия в процессе формирования органов власти. Члены Комиссии отмечали практически непрерывное поступление разного рода угроз извне в адрес сотрудников ЦИК России и их коллег в регионах. Например, официальный представитель внешнеполитической службы Европейского Союза П. Стано грозно предупреждал, что все причастные к проведению голосования в новых регионах России будут «привлечены к ответственности»⁴.

6. Деструктивное воздействие на избирательный процесс агентурной сетки «коллективного Запада» иностранных агентов. «Коллективный Запад» продолжил работу по вербовке путем обмана, дезинформации, подкупа, запугивания в свои ряды наших граждан. К единому дню голосования 8 сентября 2024 в Реестре иностранных агентов⁵ Министерства юстиции Российской Федерации числилось 654 иностранных агента с действующим статусом⁶. К моменту начала голосования на выборах Президента Российской Федерации (15 марта 2024 г.) их было — 583.

¹ В Воронеже мужчина поджег стол избирательной комиссии // URL: <https://ria.ru/20240315/vybyory-1933383932.html?in=t>

² URL: <https://tass.ru/proisshestviya/20262281>

³ Под электоральным экстремизмом автор понимает противоправные деяния, направленные на ограничение либо ущемление избирательных прав и свобод, воспрепятствование работе избирательных комиссий, других государственных органов и общественных объединений, участвующих в электоральном процессе, соединенные с насилием либо угрозой его применения, а также публичные призывы к подобным деяниям, равно как и к осуществлению других экстремистских деяний в период организации электоральных процедур либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения, включая публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей экстремистских деяний, являющихся преступлением.

⁴ URL: <https://ria.ru/20230902/vybyory-1893844783.html>

⁵ Под иностранным агентом понимается лицо, получившее поддержку и (или) находящееся под иностранным влиянием в иных формах и осуществляющее деятельность, виды которой установлены статьей 4 настоящего Федерального закона (п. 1 ст. 1 Федерального закон от 14 июля 2022 г. № 255-ФЗ (ред. от 13.12.2024) «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием»).

⁶ URL: <https://minjust.gov.ru/ru/activity/directions/998/>

7. Попытки незаконного получения специального статуса (кандидат, наблюдатель, доверенное лицо и др.) и проникновения на должности (депутат, член избирательной комиссии и др.), занятие которых определенным категориям лиц запрещено (иностранцы, агенты, экстремисты, террористы). Так, за период с декабря 2022 г. было выявлено 8 членов избирательных комиссий, сведения о которых были включены в реестр иностранных агентов, из них 2 — в 2024 г. (3 члена ТИК и 5 членов УИК). Также в 2024 г. из резерва состава УИК был исключен гражданин, имеющий статус иностранного агента.

8. Дискредитация выборов официальными лицами иностранных государств и зависимых от них международных организаций. Зафиксированы факты, когда представители государственных органов власти отдельных «западных демократий» и их межгосударственные объединения открыто выступили против демократических процессов. В борьбу против права народа на свободный выбор подключились даже некогда авторитетные международные организации — ПАСЕ, ОБСЕ, ЕС. 13 октября 2023 г. Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) приняла (не имеющую юридической силы) резолюцию «о признании Владимира Путина нелегитимным президентом после окончания его текущего срока»⁷. 19 февраля 2024 г. было опубликовано совместное заявление министров иностранных дел Эстонии, Латвии, Литвы о президентских выборах в России, в котором заявляется, что эти страны не будут признавать проведение президентских выборов и их результаты в ряде российских регионов. 29 февраля 2024 г. председатель Европарламента Р. Метсола заявила в отношении России, что «ЕС никогда не признает результаты предстоящих выборов»⁸. После окончания выборов Президента России Европарламент принял резолюцию 2024/2665 «о недемократических выборах в России и их незаконном проведении на оккупированных территориях»⁹, в которой бездоказательно было объявлено, что «в ходе так называемых президентских выборов не было настоящих альтернативных кандидатов, свободных СМИ, заслуживающих доверие наблюдателей, отсутствовали политические свободы. В резолюции также содержится призыв «ЕС и его государствам-членам активно оказывать поддержку российской демократической оппозиции». Этот факт сам по себе ярко иллюстрирует незаконное иностранное вмешательство во

⁷ URL: <https://pace.coe.int/en/news/9254/pace-urges-the-international-community-no-longer-to-recognise-putin-s-legitimacy-as-president-beyond-2024>

⁸ См.: Ежегодный доклад Комиссии по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации за 2024 год. Приложение № 2 // URL: <http://council.gov.ru/media/files/pJvoTaoJAuRjBBQjv7AlbJAD77H5oRE.pdf>

⁹ Резолюция Европейского парламента 2024/2665 (RSP) принята 25 апреля 2024 г. // URL: [https://oeil.secure.europarl.europa.eu/oeil/en/procedure-file?reference=2024/2665\(RSP\)](https://oeil.secure.europarl.europa.eu/oeil/en/procedure-file?reference=2024/2665(RSP))

внутригосударственные политические процессы.

9. Воспрепятствование голосованию за пределами государства. На прошедших 17 марта выборах Президента Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации образовано 288 избирательных участков и 7 в городе Байконур (в 144 иностранных государствах). Число избирательных участков за рубежом по сравнению с выборами Президента России в 2018 г. сократилось на 113. По заявлению председателя ЦИК России Э. А. Памфиловой российские граждане столкнулись с беспрецедентным ограничением своих прав на территории западных стран¹.

10. Попытки дестабилизации избирательного процесса через институт международного наблюдения рядом прозападных организаций. Отсутствие четких методик оценки национальных электоральных процедур дает возможность миссиям наблюдения на выборах БДИПЧ ОБСЕ, ПА ОБСЕ, ПАСЕ и другим прозападным (финансово зависимым от «коллективного запада») объединениям не только становиться коллективным актором внутривнутриполитического процесса, но и влиять на свободную волю избирателей.

11. Другие методы и способы дезорганизации электорального процесса и создания атмосферы хаоса.

Все атаки на российскую избирательную систему в ходе прошедших выборов успешно предотвращены². Воля народа достоверно отражена в официальных результатах голосования на выборах Президента России 17 марта 2024 г. и на выборах в единый день голосования 8 сентября 2024 г., что дает основания утверждать о возможности организации и проведения выборов, обеспечении избирательных прав и свобод даже не в простых условиях гибридных войн.

Попытки вмешиваться в чужие политические и электоральные процессы не остались незамеченными и международным сообществом. При этом более активно повели себя государства, чей электоральный суверенитет пытались взломать или надломить под внешним воздействием.

Активно включились в работу по противодействию иностранному вмешательству в выборы государства – члены Содружества Независимых Государств (СНГ) и государства – участники Организации договора коллективной безопасности (ОДКБ).

Осуществляются первые шаги по формированию международных институтов по защите национального суверенитета и электорального суверенитета, в частности, на противодействие вмешательству во внутривнутриполитические дела государства, воспрепятствование внешнему воздействию на свободные выборы. Фактически начали создаваться основы для комплексного противодействия организации и ведению гибридных

войн.

22 ноября 2024 г. на 57-м пленарном заседании МПА СНГ принят первый в мире международных акт, который не только закрепил право государств на электоральный суверенитет, но и определил основные направления его защиты — Рекомендации по обеспечению и защите электорального суверенитета³.

Работа над документом велась с 2022 г. при активном участии ЦИК России. Организацией-разработчиком выступил Российский общественный институт избирательного права (РОИИП)⁴. В указанных рекомендациях систематизирована международная практика по противодействию вмешательству в выборы и предложены меры, направленные на обеспечение и защиту электорального суверенитета, как составную часть суверенитета государства, в том числе и в ходе ведения гибридных войн.

Чуть ранее приняты Рекомендации по совершенствованию законодательства в области обеспечения защиты электоральных процессов и электорального суверенитета в государствах – членах ОДКБ⁵ (утверждены постановлением ПА ОДКБ от 5 декабря 2022 г.), Рекомендации по противодействию иностранному вмешательству в национальные выборы и референдумы⁶ (приняты постановлению МПА СНГ от 28 октября 2022 г. № 54-4), Заявление о защите избирательных прав граждан и гарантиях электорального суверенитета государств – участников Содружества Независимых Государств⁷ (принято Советом глав государств СНГ 31 декабря 2021 г.).

Уже сегодня формируются основные направления по обеспечению невмешательства в суверенные права народов на выбор своего политического будущего и противодействию гибридным войнам в период электоральных процессов, среди которых можно выделить следующие группы мер — законодательные, организационные, технические, просветительские (образовательные).

По степени охвата обеспечительные меры можно разделить на: индивидуальные (точечные), ведомственные, межведомственные, общегосударственные, международные.

В зависимости от жесткости воздействия ответные меры на внешнее воздействие могут включать в себя: повышенный контроль (например, за потенциально уязвимыми акторами и процессами), активное реагирование (от информационных интервенций, до привлечения к ответственности и запрета деятельности), меры противодействия (создание новых защит-

¹ URL: <https://tass.ru/politika/22961051>

² URL: <https://rg.ru/2024/03/18/pamfilova-na-izbiratelnuuiu-sistemu-bylo-soversheno-12-mln-kiberatak.html>; <https://1prime.ru/20240317/846396601.html>; URL: <https://vz.ru/news/2024/3/21/1259279.html>

³ URL: https://iacis.ru/mod_file/p_file/1257

⁴ URL: <https://www.roiip.ru>

⁵ URL: <https://paodkb.org/documents/rekomendatsii-po-sovershenstvovaniyu-zakonodatelstva-v-oblasti-obespecheniya>

⁶ URL: https://iacis.ru/mod_file/p_file/1066

⁷ URL: <https://normativka.by/lib/document/500318199>

ных механизмов, нейтрализация каналов воздействия, ответственное «принуждение к невмешательству»¹) и другие действия, направленные на обеспечение или восстановление конституционного порядка.

В период подготовки и проведения выборов в 2024 г., отметившимся высокой интенсивностью гибридных атак на Российскую Федерацию, в избирательной системе заблаговременно приняты превентивные меры, направленные на обеспечение свободного выбора и безопасного голосования по всем направлениям и на всех этапах избирательного процесса:

- налажен мониторинг и анализ попыток воздействия на избирательную систему Российской Федерации;
- осуществлялся обмен мнениями, и проходили консультации с профильными подразделениями, ведомствами, учреждениями и министерствами по вопросам новых вызовов и угроз избирательной системе;
- внесены соответствующие законодательные изменения в федеральное законодательство и в соответствующие законы субъектов Российской Федерации (дополнительные электоральные сервисы — многодневное голосование, мобильный избиратель, ДЭГ, доп. формы голосования вне помещения; ужесточены требования по проникновению иностранных агентов и экстремистов во власть, по ограничению их участия в институтах формирования и воспроизводства власти);
- осуществлялся постоянный мониторинг на предмет соответствия требованиям законодательства избирательных действий всеми участниками избирательного процесса, выявление и пресечения нарушений закона;
- проведены соответствующие организационные мероприятия на федеральном уровне и в субъектах Российской Федерации;
- был предпринят целый ряд технических превентивных мер, начиная от усиления безопасности участников и организаторов выборов, непосредственно электоральных сервисов, до полного перехода на российский софт и установления источников бесперебойного питания в помещениях для голосования);
- проведены мероприятия, направленные на предотвращение или снижение степени влияния вызовов и угроз на устойчивое функционирование, ГАС «Выборы»;
- установлены различные форматы межведомственного взаимодействия;
- подготовлены методические и инструктивные

материалы;

- организовано обучение и проведена специальная подготовка;
- налажено взаимодействие в обозначенной сфере с иностранными и международными партнерами (прежде всего, в таких международных организациях как СНГ, ОДКБ, ШОС, БРИКС и др.);
- разработан и принят ряд международных актов, направленных на обеспечение электорального суверенитета, среди которых рекомендательные акты МПА СНГ и ПА ОДКБ.

Однако методы вмешательства и давления на свободные выборы продолжают совершенствоваться, идет активная подпитка «пятой колонны», формы дезинформации и введения в заблуждение избирателей приобретают все более изощренный вид, атаки на цифровые ресурсы избирательной системы России продолжают, осуществляются попытки персонализированного воздействия — обман, запугивание, шантаж и пр. — на представителей избирательных органов и избирателей с переходом к радикальным способам вмешательства и давления на внутригосударственные процессы.

Еще одним негативным «элементом» гибридных войн, который в настоящее время не задействован в полную силу, станут национальные платформы искусственного интеллекта. Уже сегодня можно выделить три основных направления угроз для электорального суверенитета со стороны больших языковых моделей искусственного интеллекта (ИИ) с «юрисдикцией» недружественных стран — манипуляция общественным мнением и распространение дипфейков, использование ИИ для кибератак на инфраструктуру выборов и манипуляция электоральным поведением избирателей. Теневые идеологи ИИ будут стремиться к скрытому управлению поведением людей и общества в целом, что может привести к потере сначала электорального и, как следствие — национального суверенитета государств. Но эта тема уже отдельного исследования.

Методы и формы ведения «гибридных войн», несмотря на отсутствие нормативного закрепления этого понятия в международных актах, де-факто являются попытками вмешательства извне во внутривнутриполитические дела государства, в электоральные процессы, в частности, что противоречит всем международным актам² и конституциям суверенных государств.

¹ См., например: Противодействие иностранному вмешательству. Аналитическая схема // Центр политической конъюнктуры (ЦПК) // URL: <https://cpkr.ru/issledovaniya/inostrannoe-vmeshatelstvo/protivodeystvie-inostrannomu-vmeshatelstvu/?ysclid=m6kwx0kba8431089260>

² Запрет на вмешательство во внутривнутриполитические дела содержат: Устав ООН, Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета (1965), Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН (1970), Декларация об укреплении международной безопасности (1970), Заключительный акт совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинский акт, 1975); Декларация о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств (1981) и др.

В отличие от военных конфликтов, гибридные войны де-юре не имеют победителя и будут продолжаться перманентно с разной степенью интенсивности в различных сферах общественных отношений. А в период организации и проведения выборов и референдумов потребуются специальные правовые подходы регламентации избирательных процедур и специальные методы их реализации для обеспечения электорального суверенитета, сохранения и обеспечения избирательных прав и свобод граждан в полном объеме.

В основу работы по обеспечению электорального суверенитета и безопасности выборов и референдумов в период непрекращающихся гибридных войн должны быть положены комплексный и системный подходы на всех уровнях электорального процесса с единой координацией и взаимодействием всех заинтересованных государственных органов, ведомств и учреждений для достижения максимальной безопасности электоральных процедур от внешних воздействий. Как известно «запретный плод сладок»¹, и вне зависимости от дальнейшего развития международной ситуации в мире методы гибридных войн будут пытаться использовать и в дальнейшем в качестве инструмента дестабилизации общественно-политической обстановки, ослабления России, разрушения ее территориальной целостности и единства народа.

Масштабы и применяемые методы латентного вмешательства извне во внутренние дела государств путем развязывания гибридных войн, основанных на современных технологиях, требуют не только серьезной и глубокой аналитической проработки, но и принятия уже сегодня определенных практических шагов по обеспечению населения, гражданских объектов, предприятий, учреждений и ведомств, обеспечивающих жизнедеятельность человека, от гибридных угроз и опасных атак, инициированных извне для сохранения суверенитета и целостности народа, что требует постоянной системной и плановой работы в этом направлении, включая правовое обоснование и правовое регулирование элементов защиты.

Список источников

1. Голоскоков Л. В. Уголовное право и гибридные войны // Журнал прикладных исследований. 2020. № 4.
2. Голоскоков Л. В. Уязвимость современной уголовно-правовой системы России от методов и средств ведения гибридных войн // Российский журнал правовых исследований. 2020. Т. 7. № 3.
3. Лукьянов В. Ю. Гибридные войны как угроза безопасности в XXI веке // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2021. Т. 21. № 3.
4. Потанина О. В. Понятия «гибридная угроза» и

«гибридная война» в политологических исследованиях // Сборник материалов национального научного форума магистрантов, аспирантов и молодых ученых. Владивосток, 2023.

5. Цыганков П. А. Гибридная война : политический дискурс и международная практика // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 4.

References

1. Goloskokov L. V. Criminal law and hybrid wars // Journal of Applied Research. 2020. № 4.
2. Goloskokov L. V. Vulnerability of the modern criminal-legal system of Russia from methods and means of waging hybrid wars // Russian Journal of Legal Research. 2020. Vol. 7. № 3.
3. Lukyanov V. Yu. Hybrid wars as a threat to security in the 21st century // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences. 2021. Vol. 21. № 3.
4. Potanina O. V. The concepts of «hybrid threat» and «hybrid war» in political science research // Collection of materials of the national scientific forum of master's students, graduate students and young scientists. Vladivostok, 2023.
5. Tsygankov P. A. Hybrid war : political discourse and international practice // Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science. 2015. № 4.

Библиографический список

1. Борисов И. Б. Иностранное (международное) участие в электоральных процессах суверенных государств // Российский ежегодник международного права. 2022. С. 127–145.
2. Борисов И. Б. Иностранные (международные) организации на выборах в Российской Федерации : правовая «халатность» или вынужденная необходимость // Гражданин. Выборы. Власть. № 3. 2018. С. 40–57.
3. Борисов И. Б. Электоральный суверенитет. М. : РОИИП, 2010. 156 с.
4. Борисов И. Б. Электоральный экстремизм : понятие и система противодействия // Представительная власть – XXI век. 2024. № 7-8 (2148-2150). С. 1–14.
5. Борисов И. Б., Игнатов А. В. БДИПЧ ОБСЕ в действии. 25 лет наблюдения за наблюдателями. М. : Российский общественный институт избирательного права. 2017. 160 с.
6. Иващенко М. А. К вопросу о понятии и признаках гибридной войны // Российский следователь. 2021. № 12.
7. Кабанов П. А. Криминальный электоральный экстремизм : понятие, содержание, виды // Следователь. 2011. № 1. С. 51–53.

¹ Выражение приписывается древнеримскому поэту Публию Овидию Назону (43 г. до н.э. – 18 г. н.э.).

8. Красинский В. В. Конституционно-правовой механизм защиты конституционного строя в избирательном процессе // Право и образование. № 6. 2010. С. 81–88.
9. Мирзоев С. Б. Гибель права : легитимность в «оранжевых революциях». М. : Европа, 2006.
10. Чимаров Н. С. Методологические аспекты электорального экстремизма в контексте юридикализации понятия «экстремизм» // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 2. С. 70–76.
11. Чистобородов И. Г. Органы внутренних дел как субъект обеспечения правопорядка и общественной безопасности в период проведения избирательных кампаний // Вопросы гуманитарных наук. № 6. 2013. С. 94–99.
4. Borisov I. B. Electoral extremism : concept and system of counteraction // Representative power – the XXI century. 2024. № 7-8 (2148-2150). P. 1–14.
5. Borisov I. B., Ignatov A. V. ODIHR OSCE in action. 25 years of observing observers. Moscow : Russian Public Institute of Electoral Law. 2017. 160 p.
6. Ivaschenko M. A. On the concept and features of a hybrid war // Russian investigator. 2021. № 12.
7. Kabanov P. A. Criminal electoral extremism : concept, content, types // Investigator. 2011. № 1. P. 51–53.
8. Krasinsky V. V. Constitutional and legal mechanism for protecting the constitutional order in the electoral process // Law and Education. № 6. 2010. P. 81–88.
9. Mirzoev S. B. The death of law : legitimacy in the «orange revolutions». Moscow : Evropa, 2006.
10. Chimarov N. S. Methodological aspects of electoral extremism in the context of the juridification of the concept of «extremism» // Trends in the Development of Science and Education. 2020. № 2. P. 70–76.
11. Chistoborodov I. G. Internal affairs bodies as a subject of ensuring law and order and public safety during election campaigns // Issues of Humanitarian Sciences. № 6. 2013. P. 94–99.

Bibliographic list

1. Borisov I. B. Foreign (international) participation in the electoral processes of sovereign states // Russian Yearbook of International Law. 2022. P. 127–145.
2. Borisov I. B. Foreign (international) organizations in elections in the Russian Federation : legal «negligence» or forced necessity // Citizen. Elections. Power. № 3. 2018. P. 40–57.
3. Borisov I. B. Electoral sovereignty. Moscow : ROIP, 2010. 156 p.

Информация об авторе

И. Б. Борисов — член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, Председатель Совета Российского общественного института избирательного права, член Общественного совета ГУ МВД России по г. Москве (2013–2021 гг.), кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации.

Information about the author

I. B. Borisov — Member of the Central Electoral Commission of the Russian Federation, Chairman of the Council of the Russian Public Institute of Electoral Law, Member of the Public Council of the Main Directorate of the Russian Ministry of Internal Affairs for the city of Moscow (2013–2021), Candidate of Economic Sciences, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 12.01.2025; одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 14.03.2025.

The article was submitted 12.01.2025; approved after reviewing 20.01.2025; accepted for publication 14.03.2025.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-42-46>

EDN: <https://elibrary.ru/vxoriw>

НИОН: 2003-0059-2/25-260

MOSURED: 77/27-003-2025-02-459

Внесудебное разрешение конфликта (спора): историческая ретроспектива содержания и понятия

Муса Алимпашаевич Вагапов

Грозненский государственный нефтяной технический университет им. академика М.Д. Миллионщикова, Грозный, Россия, vagapov.musa@list.ru

Аннотация. Представлено современное состояние реализации примирительных процедур во внесудебной практике, в том числе и с помощью медиации. Обобщен исторический опыт Российской Империи, советской власти по внесудебным процедурам устранения конфликтов, в том числе и с использованием обычного права. С учетом исторического опыта предложен правовой механизм проведения примирительных процедур при разрешении гражданско-правовых и иных споров в форме их внесудебного урегулирования.

Ключевые слова: примирительная процедура, спор, внесудебный порядок, конфликт, медиация

Для цитирования: Вагапов М. А. Внесудебное разрешение конфликта (спора): историческая ретроспектива содержания и понятия // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 2. С. 42–46. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-42-46>. EDN: VXORIW.

Original article

Out-of-court settlement of conflict (dispute): a historical retrospective of content and concepts

Musa A. Vagapov

Grozny State Petroleum Technical University named after Academician M.D. Millionshchikov, Grozny, Russia, vagapov.musa@list.ru

Abstract. The modern practice for the implementation of conciliation procedures in out-of-court practice, including through mediation is described. The historical experience of the Russian Empire, the Soviet authorities on out-of-court procedures for resolving conflicts, including using customary law is summarized. Taking into account the historical experience, a legal mechanism has been proposed for conducting conciliation procedures when settling civil and other disputes in the form of out-of-court settlement.

Keywords: conciliation, dispute, out-of-court order, conflict, mediation

For citation: Vagapov M. A. Out-of-court settlement of conflict (dispute): a historical retrospective of content and concepts. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(2):42–46. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-42-46>. EDN: VXORIW.

Учеными отмечено, что к внесудебному разрешению конфликта, примирительной процедуре в России прибегали с далеких времен. Они прошли длительную эволюцию, по-разному применялась в различных исторических условиях и играла стабилизирующую роль в обществе.

Возникает вопрос: что понимается под «примирительной процедурой», чем она отличается от других,

схожих с ней по содержанию, категорий, в том числе от категории «внесудебное разрешение конфликта»?

В Большом толковом словаре русского языка «процедура» рассматривается как официально установленная последовательность действий для осуществления или оформления чего-либо, а примирения — сближение с кем-либо [9, с. 516], то есть примирительная процедура — это официально установленные, последова-

тельные действия по сближению сторон друг к другу.

Полагаем, что примирительная процедура, применяемая для разрешения конфликта (спора), является одной из форм внесудебного урегулирования спора, осуществляемая посредством третьего лица.

Таким образом, выделяются участники примирительной процедуры: спорящие (конфликтующие) стороны и третье лицо.

Следует отметить, что сущность примирительных процедур составляет не разрешение спора сторон кем-то третьим (пусть даже лицом, которое избрано по взаимному соглашению сторон) путем вынесения обязательного для них решения, а выработка соглашения. При этом отличительной особенностью примирительной процедуры является то, что в ходе их применения стороны должны сами найти взаимоприемлемый путь разрешения конфликта.

Необходимо отличить «третье лицо», примеряющее стороны, от государственного суда — ветви государственной власти, судебного органа.

Различается примирительная процедура, как форма внесудебного разрешения конфликта (спора), и от добровольного досудебного порядка урегулирования спора — простого примирения, суть которого заключается в разрешении спора без посредничества (третьего лица) путем переговоров между сторонами.

По нашему мнению, нельзя отнести к примирительной процедуре предусмотренные законодательством альтернативные средства разрешения споров, к которым, в частности, относятся деятельность третейских судов, третейское разбирательство (арбитраж, международный коммерческий арбитраж). Указанная деятельность осуществляется по соглашению спорящих сторон, находят взаимоприемлемый путь разрешения конфликта неюрисдикционным способом, однако орган разбирательства, в отличие от примирительной процедуры, разрешает спор в окончательной форме, принимаемые ими решения обязательны [1].

Нельзя отнести к примирительной процедуре введенный Федеральным законом от 4 июня 2018 года № 123-ФЗ институт финансового уполномоченного, который является самостоятельной формой внесудебного производства и предназначен для разрешения спора в обязательном досудебном порядке между финансовой организацией и гражданами в сфере гражданско-правовых отношений [2].

Полагаем, что разграничение различных форм внесудебного разрешения конфликта (спора) крайне важно, позволяет развивать каждую из них с учетом своих особенностей, что будет способствовать освобождению государственных судов от мелких споров и сосредоточиться на более сложных делах.

Примирительная процедура в российском обществе возникла не вдруг, а имела свое историческое развитие и преемственность.

Примирение и соответствующие ему процедуры

сохранились на протяжении длительного исторического периода.

По мнению исследователей, на Руси существовали третейский, игуменский, метрополичий суды, не связанные с государственным принуждением. В средние века на Руси предпринимались попытки закончить миром княжеские междоусобицы при посредничестве духовенства. Дальнейшее развитие примиренчество получило в Судебнике Ивана III (1497 г.). В нем закрепилось право примирения сторон по тяжбам «до суда и в ходе него». В Сборнике уложений 1649 года содержались нормы, позволяющие спорящим лицам обращаться к третейскому суду за разрешением спора [11].

Примирение и соответствующие ему процедуры сохранились на протяжении длительного исторического периода. Если у древних славян примирение было закреплено обычаем (побратимство), то в XVIII–XIX вв. примирение получило законодательное закрепление.

Первым актом, нормативно закрепившим примирительную процедуру во внесудебном порядке, был именной Указ Царя Петр I от 14 февраля 1700 г. о снижении пошлин с истцов и ответчиков, помирившихся прежде суда или оставивших дело в суде неоконченным [14].

В 1721 г. был составлен Регламент или Устав Главного магистрата, купцам было дано предписание вводить купеческий суд, который походил на третейский суд.

В 1775 г. Указом Екатерины Великой были учреждены совестные суды, которые рассматривали дела в порядке примирительной процедуры «не по праву, а по совести». Особенностью примирительных процедур посредством совестного суда являлось то, что стороны должны дать согласие на решение и сами должны найти приемлемый путь разрешения конфликта. Следует отметить, что совестные суды создавались в целях рассмотрения уголовных дел, которые «в силу смягчающих обстоятельств требовали снисхождения к преступнику, а в делах гражданских должны были играть роль третейских судов».

Исследователи отмечают, что совестные суды не получили широкого распространения, поскольку столкнулись с сопротивлением и некомпетентностью на местах [15].

Русский историк В. О. Ключковский описал случай, когда уфимский совестный судья за 12 лет работы не рассмотрел и 12 дел, «его камердинер по просьбам виновных из тяжущихся сторон обыкновенно гонял всех челобитчиков» [15]. Описанный случай отражает общую тенденцию «неприживаемости» негосударственных форм правосудия в российском обществе, члены которого в целом были сориентированы на стремление обратиться за защитой скорее к сильной государственной власти в лице государственного суда.

В XIX веке отношение к примирительным проце-

дурам изменилось в пользу широкого их применения. По нашему мнению, это было связано с еще тогда возникшей проблемой загруженности государственных судов. По этому поводу Николай Михайлович Карамзин между 1817–1826 гг. (точная дата не установлена) писал на имя министра юстиции Лобанова-Ростовского: «благоразумные советы и посредничество лиц, удостоенных общественной достоверности, могли бы устранить или вначале прекращать многие судебные дела способом примирения» [12]. Полагаем, что именно обстоятельства загруженности государственных судов подтолкнуло Царскую администрацию на принятие в тот период ряда нормативных актов, обеспечивающих разрешение возникающих споров во внесудебном порядке, в особенности посредством третьего лица.

Так, Указом Александра I от 15 мая 1808 года был учрежден местный суд для удельных крестьян. Судьям предписывалось склонять стороны к «миру», а если «мир» не состоится, представлять дело в удельный приказ. Затем, в Общем положении о крестьянах, утвержденном Законом 1861 г., аналогичные обязанности по подталкиванию сторон к «миру» возлагались на волостную судью [8].

Устав гражданского судопроизводства 1864 г. — первый российский «гражданско-процессуальный кодекс» — впервые в гражданское процессуальное законодательство заложил принципы: «о прекращении процесса по взаимному согласию», «отказ истца от требований», «согласия ответчика с иском», «заключение мирового соглашения» в форме мировой сделки, «прекращение производства по делу», последствия прекращения производства по делу — «дело, прекращенное миром, считается навсегда окончательным и возобновлению не подлежит» [13].

Тогда же, в XIX в., начались процессы по обустройству народов в составе Российской Империи, их интеграции в российское общество.

Однако Царская администрация не могла без серьезных трений устранить действовавшие у многих народ обычное право, традиции, образ жизни, существовавшее управление.

Этим объясняется сохранение за народами имевшиеся до присоединения к России права, привилегии, обычаи, в том числе существовавшее посредничество в разрешении конфликтов.

Следует обратить внимание на следующие акты в этом направлении.

Устав об управлении инородцев 1822 года, в котором подчеркивается роль обычно-правовых норм в урегулировании общественных отношений. Особенно это касалось традиционной судебной системы коренных народов [5].

В 1827 году принят Устав для управления ногайцами и другими магометанами, кочующими в Кавказской области. Согласно этому уставу все дела по спо-

рам между ногайцами, равно как и «иски к ногайцам, должны разбираться и решаться по их древним обычаям, законам и обрядам через посредников в аулах или голов и старшин» [6].

В советский период законодатель регулировал правоотношения в этой сфере, хотя правовая система характеризовалась отказом от многих предыдущих юридических институтов.

Среди чеченцев и ингушей сохранились правила по примирению спорящихся сторон с применением процедуры, основанной на обычаях (адаты). Их значение для чеченцев и ингушей в регулировании общественных отношений хорошо описал А. Солженицын [10, с. 366–370].

Заметим, что суды в Чеченской Республике привлекают для примирения сторон в конфликте, в особенности по семейным делам, Муфтият — орган религиозной (мусульманской) организации, который использует обычаи и исламские правила [7].

В постсоветский период институт примирительной процедуры закреплен в ГПК, АПК, КАС, КоАП, Трудовом кодексе РФ.

В УПК РФ не предусмотрена примирительная процедура, однако примирение имеет значение для принятия процессуальных решений.

В действующем законодательстве более широкое применение примирительных процедур предусмотрено в гражданском судопроизводстве.

В современных условиях регулирование отношений в этой сфере неоднократно менялось.

Отметим, в действовавшем до 1 июля 2003 года гражданско-процессуальном кодексе РСФСР 1964 года отсутствовали специальные нормы о примирительных процедурах [4]. В нем содержалось лишь положение о праве сторон обратиться за разрешением спора в третейский или товарищеский суд. При этом стороны могли закончить спор признанием иска, отказом от иска или утверждением мирового соглашения. Разрозненность действовавших на тот период времени правовых норм о внесудебном разрешении спора не позволяла институту примирительных процедур стать эффективным инструментом урегулирования конфликта в гражданско-правовых отношениях.

Принятие 2002 году гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации не дало импульса в развитии данного института. В нем содержалась лишь одна статья о возможности проведения примирительной процедуры посредством медиатора, что не могло удовлетворить потребности практики, интерес к проблематике и требовало модернизации нормативной базы.

С введением Федеральным законом от 27 июля 2019 года № 197-ФЗ в гражданско-процессуальный кодекс новой главы о примирительных процедурах расширились механизмы окончания спора без проведения судебного разбирательства. Стало возможным

урегулировать спор с использованием любых примирительных процедур, не противоречащих закону [3]. Это позволяет участникам судебного разбирательства прибегать к исторически сложившимся мерам, в том числе использовать в качестве примирителей религиозные и другие объединения, использовать нормы обычного права и т. д.

Нормативную базу в указанной сфере нельзя признать совершенной.

Следует отметить, что примирительные процедуры не получили широкого применения. Полагаем, что этому препятствует ограниченность обязательного досудебного порядка урегулирования спора.

Хотя действующим процессуальным законодательством и предусмотрена обязанность суда по примирению сторон, однако отсутствуют нормы о правовых последствиях за неисполнение этой обязанности.

Итак, можно сформулировать, что выделяются следующие формы *внесудебное разрешение конфликта (спора)*:

- простое примирение путем обращения конфликтующих сторон друг к другу;
- альтернативные (внесудебные) средства разрешения споров (третейские суды, третейское разбирательство, арбитраж, международный коммерческий арбитраж);
- обязательный досудебный порядок разрешения спора;
- примирительные процедуры, в том числе медиация.

При этом примирительная процедура — это исторически сложившаяся деятельность по разрешению спора на основании воли сторон конфликта, в порядке, предусмотренном правом (обычным, нормативно закрепленным), вне государственного суда, посредством третьего лица (третейство), в целях выработки соглашения между конфликтующими сторонами.

Список источников

1. Федеральный закон от 29 декабря 2015 года № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 04.01.2016. № 1 (часть I), ст. 2.
2. Федеральный закон от 4 июня 2018 года № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» // Собрание законодательства Российской Федерации. 11.06.2018. № 24. ст. 3390.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 года № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 18.11.2002. № 46, ст. 4532.
4. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24, ст. 407.

5. Свод Законов Российской Империи. 1832. Т. 2. С. 531–571.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. II. № 1878. СПб : Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. 1560 с.
7. Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Чеченской Республики от 13 июля 2023 года по гражданскому делу № 2-8/2023 // Архив Грозненского районного суда Чеченской Республики.
8. Галицкая В. А. Институт примирительных процедур в России : история становления и развития // Электронный вестник Ростовского социального экономического института. 2016. № 1. С. 150–159.
9. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. Авторская редакция, Москва. 2000. 1536 с.
10. Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ // Собрание сочинений. Т. 7. Гл. 5. Москва : Изд. Владимирская типография Госкомпечать СССР, 1991.
11. Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 г. М., 1961.
12. Чернышова Т. В. Понятие и виды примирения в российском праве // Журнал российского права. 2010. № 12. С. 116–124.
13. Ясеновец И. Законодательство и процессуальная литература об институте мировых соглашений по Уставу гражданского судопроизводства 1864 года // <http://www.jurportal.com/documents/1019.htm>
14. Полное собрание законов Российской Империи. Т. IV. № 1754.
15. Старикова Н. В. Совестьный суд в судебной системе Екатерины II (по материалам Нижегородской губернии) // Вестник Минского университета. № 4. 2013.

References

1. Federal Law № 382-FZ of December 29, 2015 «On arbitration (arbitration proceedings) in the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 04.01.2016. № 1 (Part I), art. 2.
2. Federal Law № 123-FZ dated June 4, 2018 «On the commissioner for consumer rights of financial services» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 11.06.2018. № 24. art. 3390.
3. Civil Procedure Code of the Russian Federation dated November 14, 2002, № 138-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 18.11.2002. № 46, article 4532.
4. RSFSR Code of Civil Procedure (approved by the Supreme Council of the RSFSR on 11.06.1964) //

- Vedomosti VS RSFSR. 1964. № 24, art. 407.
5. Code of Laws of the Russian Empire. 1832. Vol. 2. P. 531–571.
6. Complete Collection of laws of the Russian Empire. The second collection. Vol. II. № 1878. St. Petersburg : Printing House of the Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830. 1560 p.
7. Ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Chechen Republic dated July 13, 2023 in the civil case № 2-8/2023 // Archive of the Grozny District Court of the Chechen Republic.
8. Galitskaya V. A. The Institute of conciliation procedures in Russia : the history of its formation and development // Electronic Bulletin of the Rostov Social Economic Institute. 2016. № 1. P. 150–159.
9. Kuznetsov S. A. The great explanatory dictionary of the Russian language. The author's editorial office, Moscow. 2000. 1536 p.
10. Solzhenitsyn A. The GULAG Archipelago // Collected Works. Vol. 7. Ch. 5. Moscow: Ed. Vladimir printing house Goskompechat USSR, 1991.
11. Tikhomirov M. N., Epifanov P. P. The Cathedral Code of 1649, Moscow, 1961.
12. Chernyshova T. V. The concept and types of reconciliation in Russian law // Journal of Russian Law. 2010. № 12. P. 116–124.
13. Yasenovets I. Legislation and procedural literature on the Institute of settlement agreements under the Statute of Civil Proceedings of 1864 // <http://www.jurportal.com/documents/1019.htm>
14. Complete Collection of laws of the Russian Empire. Vol. IV. № 1754.
15. Starikova N. V. The Conscience court in the judicial system of Catherine II (based on the materials of the Nizhny Novgorod province) // Bulletin of the Minsk University. № 4. 2013.

Информация об авторе

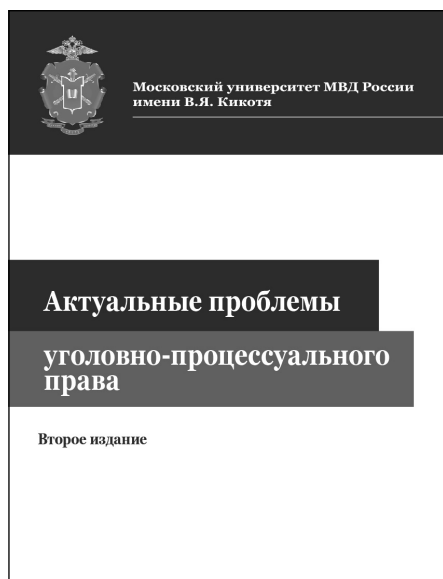
М. А. Вагапов — старший преподаватель Грозненского государственного нефтяного технического университета им. академика М.Д. Миллионщикова, кандидат юридических наук, федеральный судья.

Information about the author

M. A. Vagapov — Senior Lecturer of the Grozny State Petroleum Technical University named after Academician M. D. Millionshchikov, Candidate of Legal Sciences, Federal Judge.

Статья поступила в редакцию 03.03.2025; одобрена после рецензирования 24.03.2025; принята к публикации 10.04.2025.

The article was submitted 03.03.2025; approved after reviewing 24.03.2025; accepted for publication 10.04.2025.

Актуальные проблемы уголовно-процессуального права. Под ред. О. В. Химичевой, О. В. Мичуриной. 2-е изд., перераб. и доп. 303 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Курс лекций подготовлен в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования для обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция», квалификации «магистр».

Цель пособия — вычлнить наиболее актуальные в теоретическом и практическом плане проблемы, требующие более глубокого изучения в отдельном учебном курсе.

Для слушателей (студентов), адъюнктов (аспирантов) и преподавателей образовательных организаций, осуществляющих обучение по направлениям подготовки (специальностям), входящим в укрупненную группу направлений подготовки (специальностей) «Юриспруденция», а также для всех интересующихся проблемами уголовного судопроизводства.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-47-51>

EDN: <https://elibrary.ru/vuhvsu>

НИОН: 2003-0059-2/25-261

MOSURED: 77/27-003-2025-02-460

Влияние правовой практики римских провинций Македония и Ахайя на формирование института узуфрукта в системе римского частного права во II в. до н.э. – III в. н.э.

Михаил Александрович Горбунов

Государственный университет управления, Москва, Россия

Аннотация. Исследуется взаимосвязь между институтом *ususfructus* в системе римского частного права и схожим с ним институтом посмертных пожертвований жителей провинции Македония, а также институтом *επικαρπια*, существовавшим в праве древних Афин. На основе анализа исторических источников делается вывод о том, что провинциальный институт посмертных пожертвований стал известен римскому частному праву уже в середине второй половины второго века до н.э. Делается вывод о прямом влиянии *επικαρπια* на формирование *ususfructus* в системе римского частного права.

Ключевые слова: Roman law, эллинистическое право, *επικαρπια*, *ususfructus*, *ex codicillis*, *ex testamento*

Для цитирования: Горбунов М. А. Влияние правовой практики римских провинций Македония и Ахайя на формирование института узуфрукта в системе римского частного права во II в. до н.э. – III в. н.э. // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 2. С. 47–51. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-47-51>. EDN: VUHVSU.

Original article

The influence of legal practice of the Roman provinces of Macedonia and Achaia on the formation of the institution of usufruct in the system of Roman private law in the 2nd century BC – 3rd century AD

Mikhail A. Gorbunov

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract. This article examines the relationship between the institution of *ususfructus* in the system of Roman private law and the similar institution of posthumous donations of the inhabitants of the province of Macedonia, as well as the institution of *επικαρπια*, which existed in the law of ancient Athens. Based on the analysis of historical sources, it is concluded that the provincial institution of posthumous donations became known to Roman private law already in the middle of the second half of the second century AD. It is concluded that *επικαρπια* had a direct influence on the formation of *ususfructus* in the system of Roman private law.

Keywords: Roman law, Hellenistic law, *επικαρπια*, *ususfructus*, *ex codicillis*, *ex testament*

For citation: Gorbunov M. A. The influence of legal practice of the Roman provinces of Macedonia and Achaia on the formation of the institution of usufruct in the system of Roman private law in the 2nd century BC – 3rd century AD. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(2):47–51. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-47-51>. EDN: VUHVSU.

В исходящих с территории Македонии эпитафических документах обнаруживается некоторое количество свидетельств о существовании института

посмертных пожертвований, очень отдаленно напоминающие римский легатарный узуфрукт. В основном это содержащиеся в завещаниях указания о выделении

© Горбунов М. А., 2025

умершим части имущества, за счет которого должны происходить церемонии на его могиле, либо иные церемонии публичного характера¹. Исследователями отмечается широчайшее распространение института таких посмертных пожертвований в Греции. Он был знаком практически каждому греческому полису².

Особенно важно то, что в текстах некоторых обнаруженных македонских завещаний используются синонимичные по смыслу, но разноязыковые понятия. Часто встречается словосочетание *κατὰ διαθέτην*, которое можно перевести как «по желанию». Имеется в виду желание умершего относительно посмертного распоряжения имуществом. В другой части текстов, написанных на греческом языке, содержится латинское понятие *ex testamento* (по желанию)³.

Причем самый ранний фрагмент имеет датировку конца второго – начало первого века до н. э.⁴. И можно предположить, что последний и вышеуказанные документы составлены жившими в провинциальных городах Македонии выходцами из Рима, переселенцами или ветеранами, которые, как мы уже описывали выше, сохраняя статус римских граждан, были обязаны следовать в части завещания нормам римского права⁵.

В части документов содержится латинское слово-

сочетание *ex codicillis*. Например, фрагмент из CIGLPh 59 и 146, датированных первым и вторым веками н. э. А также много других фрагментов, среди которых нет ни одного, датированного ранее первого века нашей эры⁶.

Поскольку институт кодициллы никогда не был свойственен ни Македонии, ни праву Афин, то приведенные фрагменты, несомненно, отражают процесс влияния римского права на право провинции.

Однако гораздо сложнее ситуация с теми фрагментами, где греческое и римское словосочетания *κατὰ διαθέτην* и *ex testamento* используются одновременно⁷. Еще интересней то, что самые ранние из них датированы вторым веком до н. э.⁸.

Последние, несомненно, свидетельствуют о том, что как минимум в середине второго в до н. э. составлявшие завещательные распоряжения жители провинций не видели сколь-нибудь существенной разницы между греческими и римскими завещательными распоряжениями, полагали, что их наследниками и иными заинтересованными лицами указанные институты будут восприниматься как тождественные (хотя очевидно, что последнего быть в действительности не могло). Очевидно, что наследование в греческих полисах вообще и в Македонии в частности могло иметь под собой различные религиозные основания и различия в процедурах. К тому же сейчас нельзя однозначно установить, что наследодатели и их наследники имели один и тот же статус и всегда следовали одному и тому же праву. И в этой связи важно обратить внимание на время, когда институт посмертных пожертвований стал известен римскому частному праву.

Анализ Права Дигест позволяет сделать однозначный вывод, что указанный институт стал известен римскому частному праву уже при жизни Квинта Цервудия Сцеволы, то есть в середине второй половины второго века н. э.⁹. Анализ указанного фрагмента, по нашему мнению, обнаруживает прямое влияние провинциального права на систему римского частного права. И вот почему.

¹ Reference to endowments in the decision of the Roman governor in Beroia 7 (II в. н. э.); IG (Inscriptiones Graecae) x (2) (2) 300 (Styberra, 95 г. н. э.). Decree of acceptance of an endowment: IG (Inscriptiones Graecae) x (2) (2) 322–8 (Styberra, I–II вв. н. э.); IG (Inscriptiones Graecae) x (2) (2) 348 (Derriopos-Alkomena, 192–193 гг. н. э.). Endowments with funerary purpose from the area of Philippi, II в. н.э и позднее, BCH (Bulletin de correspondance hellénique) 24 (1900) 305 no. 2 (*Καλλιπορευεῖται*) and 60 (1936) 336 (*πισιασταὶ ἥρωνος*, transferring the amount of the endowment to a different group in case of non-fulfilment); SEG (Supplementum Epigraphicum Graecum) 50.605 (Serrai-Vergì, II–III вв. н. э.). Donation *sub modo?*; SEG (Supplementum Epigraphicum Graecum) 31.639 (Serrai-Terpni, , II–III вв. н. э.). Reference to an endowment to a *gerousia* in IGBulg v 5925 (181–8 вв. н. э.). IG (Inscriptiones Graecae) x (2) (2) 322–8 (I–II вв. н. э.) IG (Inscriptiones Graecae)x (2) (2) 348 (Derriopos-Alkomena, 192–193 гг. н. э.). Пожертвование Endowments with funerary purpose from the area of Philippi, second cent.or later, BCH (Bulletin de correspondance hellénique) 24 (1900) 305 № 2.

² J. Velissaropoulos-Karakostas. Droit grec Alexandre a Auguste. Athenes-Paris, (2011). P. 477–510; Hatzopoulos, M., 2008. Le grec et le latin dans les inscriptions de Beroia. In : F. Biville et al., ed. *Bilinguisme gréco-latin et épigraphie* (Actes du colloque, 17–19 mai 2004). Lyon. P. 129–39. Brélaz, C. 2015. La langue des *incolae* sur la territoire de Philippos et les contacts linguistiques dans les colonies romaines d'Orient. In: Fr. Colin et al. (eds.), *Interpretatio. Traduire l'altérité culturelle dans les civilisations de l'antiquité*. Paris. P. 371–405.

³ Словосочетание *ex testament*, например, в: IG (2) (1) suppl.1197 (II–I вв. до н. э.); IG (Inscriptiones Graecae) (2) (1) 927 (I в. н. э.); IG (Inscriptiones Graecae)(2) (2) 160 Pelagonia-Mariovo (I в. н.э.); IStobi 58 (I–II вв. н. э. per testamentum); EKM (*Epigraphes Katō Makedonias*) II.70 (Едесса II–III вв. н. э.).

⁴ IG (Inscriptiones Graecae) (2) (1) suppl. 1197.

⁵ IG x (2) (2) 160 (Pelagonia-Mariovo, I в. н. э.); IG x (2) (2) 163 (Pelagonia-Vitoliste, I в. н. э.); IG (Inscriptiones Graecae) x (2) (2) 236 (Pelagonia-Belovodica, I в. н. э.); IG (Inscriptiones Graecae)x (2) (2) 309 (Derriopos-Pasino Ruvci, 112/3 гг. н. э., SEG (Supplementum Epigraphicum Graecum) 53.664 (Sintike-Neine,II в. н. э.) IG x (2) (2) 218 (Pelagonia, 193–211 гг. н. э.).

⁶ См., например: CIL (Corpus Inscriptionum Latinarum) III 592 (Dion); 672 (Philippi); IG (Inscriptiones Graecae) (2) (1) 659 (II–III в.в. н. э.); ILGR (*Inscriptiones Latinae in Graecia repertae*) 191 (Dion); IG (Inscriptiones Graecae) (2)(1) suppl. 1284 (II в. н. э.); CIL (Corpus Inscriptionum Latinarum) III 546 (Megara) 653 (Doxato Phillippoi).

⁷ EAM (*Epigraphes Anō Makedonias*) 11 (Elimeia, 149 н. э.); EKM (EKM (*Epigraphes Katō Makedonias*)) II 574 (Pella); IG (Inscriptiones Graecae) x (2) (1) 133 SEG (Supplementum Epigraphicum Graecum) 26.738 (I в. н. э.); 1384 (II в. н. э.); SEG (Supplementum Epigraphicum Graecum) 56.760 (I в. н. э.).

⁸ IK (*Die Inschriften von Priene*) 69 (Priene) 266–75 (III–II вв. до н. э.); IG (Inscriptiones Graecae)x (2) (1) Suppl. 1197 (II–I вв. до н. э.).

⁹ D. 33.2.17 «*Quidam praedia rei publicae legavit, de quorum reditu quotannis ludos edi voluit, et adiecit: «Quae legata peto, decuriones, et rogo, ne in aliam speciem aut alios usus convertere velitis».* Res publica per quadriennium continuum ludos non edidit: quaero, an reditus, quos quadriennio res publica percepit, hereditas restituere debeat vel compensare in aliam speciem legati ex eodem testamento. Respondit et invitit hereditibus possessione adprehensa perceptos fructus restituendos esse et non erogatum secundum defuncti voluntatem in alia quae deberentur compensari».

Во-первых, упоминание Сцеволой декурионов свидетельствует о том, что речь не идет о Риме и дело происходит в провинции. Речь, несомненно, идет о муниципии, которые, как указывались выше, создавались по римскому образцу на основании специально принимаемых для каждого из них законов. Это давало Сцеволе основание употребить «нейтральный» термин *res publica*, не указывая конкретно, где (в Риме или провинции) имел место казус. Наконец, будучи сам выходцем из восточной провинции и став в 176 г. н. э. префектом Рима, входя в консилиум императора Марка Аврелия, Сцевола не мог не сталкиваться с ситуациями разрешения дел, поступавших в консилиум из тех или иных провинций¹. Тут необходимо отметить, что в первом и втором титуле 33 книге Дигест, посвященных ежегодно выплачиваемым легатам или федеикомиссам и предоставлении по легатам узурфрукта, дохода, проживания в чужом жилище или услугах соответственно, встречается большое количество фрагментов Квинта Цервидия Сцеволы². Это обнаруживает знакомство Сцевола с этой проблематикой, которая во многом схожа с македонской практикой, направлена как бы на гармонизацию *ius civile* и практик эллинистического востока.

Анализ показывает, что завещательным практикам Македонии так же было свойственно понимание жесткой обусловленности границ необходимых действий наследников (*κληρονόμοι*) пожеланиями наследодателя (*κατὰ διαθήκην*), как, например, в этих фрагментах³.

Наличие в македонских погребальных памятниках таких фраз, как «ἐκ τῶν ἐκείνου/ἐκείνης» (от него/нее) в погребальных памятниках, несомненно, указывает на безусловную обязанность наследника предоставлять денежные средства из имущества завещателя согласно его воле⁴, либо категорично указывает наследникам (*κληρονόμοι*) строго следовать воле наследодателя⁵.

Сильнее всего такая обязанность проявляется в случаях, связанных с ритуальными действиями на могиле. Например, в двух инскрипционных надписях (датируемой третьим веком нашей эры):

«ταῦτα δὲ σοί, γαμετή, ἐντέλλομαι τύμβον μου

¹ Cantarone Pasqua – Q.Cervidii Scaevolae digestorum et responsorum grafmenta selecta. Prassi e diritto nei digesta – response di Q. Cervidio Scaevola – ed. Cacucci. 2010.

² D.33.1.18, D 33.1.19, D 33.1.20, D 33.1.21; D 33.2.27, D 33.2.32, 3 D 3.2.33, D 33.2.34, D 33.2.35, D 33.2.36, D 33.2.37, D 33.2.38.

³ IG (Hiller von Gaertringen F. et al., Inscriptiones Graecae, Berlin (depuis 1873)) X (2) (2) 49 (III в. н. э.) EAM (*Epigraphes Anō Makedonias*) 11 (Elimeia, 149 г. н. э.).

⁴ ЕКМ (ЕКМ (*Epigraphes Katō Makedonias*)) II 198 (Edessa, 195/6 в. н. э.)

⁵ BCH (Bulletin de correspondance hellenique) 56 (1932) 291 IG (Inscriptiones Graecae) X (2) (1) 478 (второй век н. э.); IG (Inscriptiones Graecae) X (2) (2) 247 (Pelagonia, второй век нашей эры); SEG (Supplementum Epigraphicum Graecum) 39.591 (Serrai-Vergi, II-III в. н. э.).

ποῖσαι καὶ γράμμασι ταῦτ' ἐπιγράψαι . . .»⁶.

И в более ранней (II в. н.э.) надписи:

«τὸ θανῖν σπεύδων τοῦτο ἐποίησα, φίλε, ἀλλὰ εἰδὼς κληρονόμων τὴν ἐπιλησμοσύνην . . .»⁷.

Вышеуказанные фрагменты, конечно же, не дают основание сделать вывод о том, что свойственный римскому праву принцип наиболее полной реализации воли наследодателя возник в системе римского частного права под влиянием практик македонских и афинских завещаний. Считается общепризнанным, что право оставления легатов, в системе римского частного права, восходит к Законам XII таблиц: «*paterfamilias uti super familia pecuniaque sua legassit, ita ius esto*»⁸.

Однако вышеуказанные фрагменты Дигест, относящиеся ко II в. н. э., отражающие институт завещательных распоряжений в тесной связи с периодическими посмертными пожертвованиями, что являлось, в том числе, характерным для македонских и афинских завещаний, несомненно, отражают влияние указанных провинциальных практик на римское *ius civile* и *ius gentium*.

Невозможно согласиться с Илиас Арнатоглу, которым исследуется частное право провинции Македония, основываясь лишь на одном факте проникновения римского юридического языка в практику провинции, и который делает вывод, что на формирование провинциальной практики завещаний сильное влияние оказывало гражданское право [10]. Однако он не приводит других и более подробных доказательств такого влияния.

Им совершенно не исследован вопрос о том, что могло иметь место более раннее влияние института греческого завещания *διαθήκη*: на практику римского тестаменты, как это отражено в цитированных нами фрагментах Сцеволы, который, несомненно, знал провинциальные практики.

А предполагать подобное есть все основания. Лежащий как в основе римского завещания, так и в основе *διαθήκη* принцип универсального правопреемства имеет очень древнюю историю, как в Афинах, так и в Риме.

В этой связи нет ничего удивительного в том, что проживавшие в колонии римские граждане, многие из которых, несомненно, владели греческим языком, могли легко отождествлять римский тестамент и *κατὰ διαθήκην*, суть которых составляло универсальное преемство.

В доказательство вышеприведенного вывода о

⁶ IG (Inscriptiones Graecae) X (2) (1) Suppl. 1428 (III в. н. э.): «и этим повелеваю тебе содержать и поддерживать мою могилу...».

⁷ IG (Inscriptiones Graecae) X (2) (1) 819 (II в. н. э.), «сделала это надгробье, чтобы видеть себя в обществе наследников...».

⁸ Таблица V. 3. Так же Цицерон De inv. II.50.148 «*uti legassit super pecunia tutelave sua rei, ita ius esto*» («как распорядится относительно своего имущества и опеки над ним, то пусть и будет правом»).

том, что институт узурфрукта возник в системе римского частного права под сильным влиянием провинциальных практик, приведем фрагмент Модестина:

«Titia cum nuberet gaio seio, dedit in dotem praedia et quasdam alias res, postea decedens codicillis ita cavuit: «Γαίου Σείου τον άνδρα μου παρακατατίθεμαι σοι, ω θυγααατερ.ω βουλομαι δοθηναι εις βίου χρηση και επικαρπιαν μετοχην κομης naklynwn, hyn efvasa dedwkuia eis proika, sun swmasi tois emferomenois ty proiki, kai kata myden enoxlyvynai auton peri tys proikos: estai gar meta tyn teleutyng autou sa kai twng teknwn sou» : praeterea alia multa huic eidem marito legavit, ut quamdiu viveret haberet. quaero, an propter haec, quae codicillis ei extra dotem relicta sunt, possit post mortem gatii seii ex causa fideicommissi petitio filiae et heredi titiae competere et earum rerum nomine, quas in dotem gavius seius accepit. modestinus respondit: licet non ea verba proponuntur, ex quibus filia testatricis fideicommissum a gaio seio, postquam praestiterit quae testamento legata sunt, petere possit, tamen nihil prohibet propter voluntatem testatricis post mortem gatii seii fideicommissum peti¹».

Прежде всего, в указанном фрагменте обращает внимание, что текст завещательного распоряжения сделан на греческом языке. Не подлежит сомнению, что в III в. н. э. многие представители римской аристократии, даже постоянно проживая в Риме, хорошо знали греческий и могли составлять на нем кодициллы. Можно предположить и то, что римский тестамент мог быть составлен на греческом языке женщиной. Но невозможно представить, чтобы проживающая в Риме женщина (весьма богатая) использует термин, несомненно отражающий эллинистические провинциальные практики. Очевидно, что это завещание составлено жительницей провинции и вот почему.

Использованный термин *επικαρπιαν* «эпикарпиа», как институт эллинистического права, не обозначает узурфрукт в том виде, как он понимается в системе римского частного права². Логические границы этого

термина относительно точно указаны у Аристотеля, который понимает под ними получение какого-либо дохода от какой-либо вещи [1]³. Причем такой доход мог быть получаем не только тем лицом, который использует вещь, но и собственником вещи, который использует труд кого-то другого. Фрагмент Аристотеля описывает события 364 г. до н. э. и написан Аристотелем около двадцати лет после указанной даты. Фрагмент Модестина датируется приблизительно 220 г. н. э. Нет никакого сомнения, что практика *επικαρπιαν* гораздо более древняя, чем институт римского узурфрукта. И в этой связи в принципе нельзя говорить о каком-либо влиянии римского узурфрукта на эллинистические практики.

Но явно видно обратное. Римское право узурфрукта хоть и позволяло извлекать плоды, которые поступали в собственность узурфруктария, признавало их владением (собственностью) последнего, в то время как узурфрукт после смерти узурфруктария принадлежал наследнику. Сам факт постановки в указанном суждении вопроса о том, может ли дочь умершей, после смерти мужа, вернуть себе имущество переданное матерью по завещанию, говорит о том, что имел место не римский узурфрукт, поскольку последний подразумевал автоматический возврат вещи титульному собственнику или владельцу, которым без сомнения была дочь умершей. Имел место именно *επικαρπιαν*, сутью которого, так же, как и сутью римского узурфрукта, являлась возможность пожизненного извлечения плодов и доходов с той, однако, разницей, что последние не включались в доминий узурфруктария и тем самым образовывали бы собой его имущество. В некоторых случаях характерная для эллинистического права неурегулированность вещных прав порождала необходимость возврата таких доходов собственнику, либо владельцу вещи. Поэтому и возник вопрос о возможности истребования переданного имущества.

Не наблюдается никаких объективных свидетельств того, что право колонии оказало какое-либо прямое влияние на формирование системы римского частного права в период до I в. до н. э.

В то же время могильные памятники жителей провинций с греческими именами свидетельствуют о формировании в указанной колонии института наследованных погребальных пожертвований, который в это же время зарождается в системе римского частного права. Наличие идентичных надписей на памятниках лиц, не являвшихся коренными македонцами (торговцы, ремесленники, переселившиеся в провин-

¹ Dig. 31.34.7 «Выходя замуж за Гая Сея, Тиция дала в приданое имени и еще кое-какие вещи, а затем, умирая, посредством кодициллов сделала такое распоряжение: «Поручаю тебе, о дочь, моего мужа Гая Сея. Велю дать ему пожизненно право узурфрукта на часть деревни Наклены, которую я раньше дала ему в приданое, вместе с рабами, внесенными в приданое, и не беспокоить его никоим образом по поводу приданого: ведь после его смерти это будет принадлежать тебе и твоим детям». Сверх этого отказала по завещанию этому самому мужу еще много другого, с тем чтобы он имел это, покуда будет жив. Спрашиваю: может ли после смерти Гая Сея дочери и наследнице Тиции принадлежать право требования на основании фиденкомисса не только в отношении того, что посредством кодициллов было оставлено ему сверх приданого, но также и в счет тех вещей, который Гай Сей получил в приданое? Модестин ответил: хотя и не приведено таких слов, на основании которых дочь завещательницы может истребовать от Гая Сея после того, как исполнила то, что было отказано по завещанию, однако ничто не препятствует ввиду волеизъявления завещательницы истребовать фиденкомисс после смерти Гая Сея». Перевод цитируется по: Дигесты Юстиниана. Т. V. Полумом I. М., Статут, 2004 г., Пер. фрагм. Е. В. Ляпустиной.

² D.7.1.1 «Paulus libro tertio ad Vitellium. Usus fructus est ius alienis rebus utendi fruendi salva rerum substantia».

³ Кондал, гиппарх Мавсола, всякий раз, когда при объезде страны кто-нибудь подносил ему овцу, свинью или теленка, записав имя давшего и время, велел, чтобы они, отведав их обратно домой, кормили до его возвращения. А когда время, по его мнению, было уже как раз подходящим, он, составив расчеты, требовал вернуть и само выращенное животное, и доход от него (*την επικαρπιαν*). Если части деревьев нависали над царскими дорогами или с деревьев что-нибудь падало на них, он продавал на откуп доходы с них (*τας επικαρπιας*) (14a).

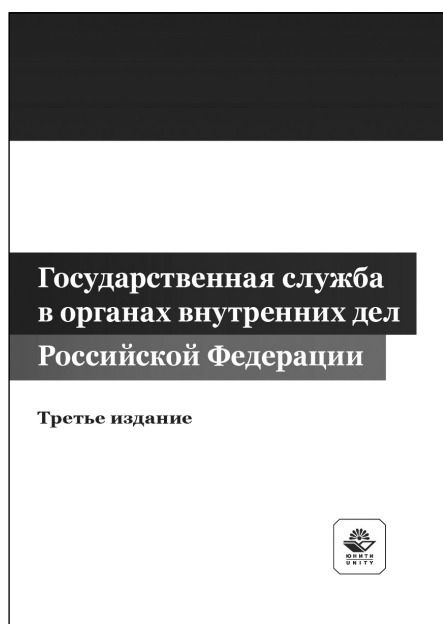
цию римские колонисты), объективно указывает на возникновение схожего института узуфрукта одновременно в двух правовых системах.

Библиографический список / Bibliographic list

1. Аристотель. Экономика. Книга II. Текст приводится по изданию: «Вестник древней истории». 1969. № 3. Перевод с древнегреческого Г. А. Тароняна. (1. Aristotle. Economy. Book II. The text is given according to the publication: «Bulletin of Ancient History». 1969. № 3. Translation from ancient Greek by G. A. Taronyan).
2. Дигесты Юстиниана. Т. V. Полутом I. М., Статут, 2004 г. Пер. фрагм. Е. В. Ляпустиной. (2. Digests of Justinian. T. V. Half-volume I. M., Statute, 2004. Trans. fragments by E. V. Lyapustina).
3. BCH (Bulletin de correspondance hellénique (Paris)).
4. Cantarone Pasqua — Q.Cervidii Scaevolae digestorum et responsorum graementa seleca. Prassi e diritto nei digesta — response di Q. Cervidio Scaevola — ed. Cacucci. 2010.
5. EAM Rizakes, Thanasis, and Giannis Touratsoglou, Epigraphes Anō Makedonias (Elimeia, Eordaia, Notia Lynkēstis, Orestis). Tomos A', Katalogos epigraphōn. Athens, 1985.
6. ЕКМ (Epigraphes Katō Makedonias) Institute of historical research — Section of Greek & Roman Antiquity / Athens 2015, in Greek. 2 volumes. 1143 p.
7. IG X Inscriptiones Graecae, X. Inscriptiones Epiri, Macedoniae, Thraciae, Scythiae. Pars II: Inscriptiones Macedoniae. Fasc. 1: Inscriptiones Thessalonicae et viciniae, ed. Charles Edson. Berlin, 1972.
8. IK Priene Blümel, Wolfgang, and Reinhold Merkelbach (†), in collaboration with Frank Rumscheid. Die Inschriften von Priene. 2 vols. «Inchriften griechischer Städte aus Kleinasien», 69. Bonn, 2014.
9. ILGR Inscriptiones Latinae in Graecia repertae. Additamenta ad CIL III, ed. Marjeta Šašel Kos. «Epigrafia e antichità», 5. Faenza, 1979.
10. Law in the Roman Provinces. Kimberley Czajkowski, Benedikt Eckhardt. Oxford University Press 2020, 539 p. / An Outline of Legal Norms and Practices in Roman Macedonia (167 bce–212 ce). Ilias N. Arnaoutoglou. P. 299.
11. J. Velissaropoulos-Karakostas. Droit grec Alexandre a Auguste. Athenes-Paris, (2011). P. 477–510.
12. Hatzopoulos M. 2008. Le grec et le latin dans les inscriptions de Beroia. In: F. Biville et al., ed. Bilinguisme gréco-latin et épigraphie (Actes du colloque, 17–19 mai 2004). Lyon. P. 129–39. Brélaz C. 2015.
13. La langue des incolae sur la territoire de Philippes et les contacts linguistiques dans les colonies romaines d'Orient. In: Fr. Colin et al. (eds.), Interpretatio. Traduire l'altérité culturelle dans les civilisations de l'antiquité. Paris. P. 371–405.

Статья поступила в редакцию 16.01.2025; одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 11.03.2025.

The article was submitted 16.01.2025; approved after reviewing 20.01.2025; accepted for publication 11.03.2025.

Государственная служба в органах внутренних дел Российской Федерации. Под ред. О. В. Зиборова, Б. Н. Комахина, Е. Н. Хазова. 3-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. 223 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Изложены теоретические положения, на основе которых осуществляется практическая деятельность при прохождении государственной службы в правоохранительных органах. Учтены многочисленные изменения и дополнения законодательства, а также положительный опыт и практика деятельности различных подразделений органов внутренних дел и войск национальной гвардии России.

Для студентов вузов, курсантов и слушателей, обучающихся в юридических учебных заведениях МВД России по специальностям «Правовое обеспечение национальной безопасности», «Правоохранительная деятельность».

Научная статья
УДК 343.326/98
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-52-56>
EDN: <https://elibrary.ru/ywmpxe>
НИОН: 2003-0059-2/25-262
MOSURED: 77/27-003-2025-02-461

О некоторых тактических особенностях производства невербальных следственных действий по делам о преступлениях в сфере киберэкстремизма: аспект осмотра компьютерного устройства

Владимир Олегович Давыдов

Тульский государственный университет, Тула, Россия, VladDv71@yandex.ru

Аннотация. Проводится анализ научных позиций понимания категории «цифровое доказательство». Автор рассматривает тактические аспекты проведения осмотра компьютерных устройств с целью выявления и собирания доказательств такого рода применительно к делам о преступлениях в сфере киберэкстремизма, анализирует возникающие при этом ошибки, предлагает рекомендации по их разрешению. Отмечается, что при этом следователю надлежит руководствоваться рядом узловых принципов современной криминалистики — принципами сохранения изымаемых следов в неизменном виде, а также детального отражения в протоколе осмотра всех манипуляций, произведенных как с самим компьютерным устройством, так и непосредственно с цифровыми объектами. По итогам проведенного исследования выделены научно обоснованные подходы к выстраиванию алгоритма действий субъекта расследования по идентификации, собиранию и сохранению цифровых доказательств.

Ключевые слова: преступление, киберэкстремизм, цифровая среда, невербальные следственные действия, компьютерное устройство, цифровое доказательство, осмотр, криминалистически значимая информация

Для цитирования: Давыдов В. О. О некоторых тактических особенностях производства невербальных следственных действий по делам о преступлениях в сфере киберэкстремизма: аспект осмотра компьютерного устройства // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 2. С. 52–56. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-52-56>. EDN: YWMPXE.

Original article

On some tactical features of production of non-verbal investigative actions in cases of crimes in the sphere of cyber extremism: aspect of inspection of a computer device

Vladimir O. Davydov

Tula State University, Tula, Russia, VladDv71@yandex.ru

Abstract. The analysis of scientific positions on understanding the category of «digital evidence» is made. The author examines the tactical aspects of inspecting computer devices to identify and collect evidence of this kind in relation to cases of crimes in the field of cyber extremism, analyzes the errors that arise, and offers recommendations for their resolution. It is noted that the investigator should be guided by a number of key principles of modern forensics — the principles of preserving the seized traces unchanged, as well as a detailed reflection in the inspection report of all manipulations performed both with the computer device itself and directly with digital objects. Based on the results of the study, scientifically based approaches to building an algorithm of actions of the subject of the investigation to identify, collect and preserve digital evidence are identified.

Keywords: crime, cyber extremism, digital environment, non-verbal investigative actions, computer device, digital evidence, inspection, forensically significant information

For citation: Davydov V. O. On some tactical features of production of non-verbal investigative actions in cases of crimes in the sphere of cyber extremism: aspect of inspection of a computer device. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(2):52–56. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-52-56>. EDN: YWMPXE.

© Давыдов В. О., 2025

В условиях современных глобальных вызовов национальной безопасности Российской Федерации фиксируется стабильный рост преступлений экстремистской направленности. При этом в последние годы общественно опасные деяния данного рода все чаще совершаются с использованием инструментов цифровой коммуникации.

Анализ статистических данных, формируемых Главным информационно-аналитическим центром МВД России, позволяет сделать вывод о тенденции увеличения числа преступлений в сфере киберэкстремизма (особенно, ответственность за которые предусмотрена статьей 280 УК РФ)¹: если в 2020 году было зарегистрировано 340 данных деяний, то в 2024 году — уже 447 [1].

Проведенное нами исследование приводит к еще одному немаловажному выводу: активность действий правоохранительных органов по противодействию экстремистским проявлениям в сети Интернет детерминировала факт переноса деструктивной активности в скрытый сегмент глобальной сети, так называемый «DarkNet». Именно последний, ввиду использования нестандартных транспортных протоколов² передачи данных, стал базовой виртуальной площадкой для осуществления вербовочных действий, связи с кураторами, финансирования экстремистской деятельности, распространения методических рекомендаций по совершению преступлений рассматриваемого рода [2, с. 121].

Следствием данного тезиса закономерно выступает потребность использования в обозначенной нами сфере всего круга методов и средств, сформированных науками уголовно-правового блока, применительно к работе с цифровыми доказательствами.

В аспекте выявления, фиксации и систематизации доказательственной информации такого рода одним из узловых невербальных следственных действий является следственный осмотр. Подобное положение, на наш взгляд, вытекает из следующих тезисов:

- осмотр выступает наиболее информативным и типичным следственным действием, реализуемым в рамках подавляющего большинства уголовных дел о деяниях экстремистской на-

правленности (и киберэкстремизм, безусловно, не является исключением);

- результаты осмотра определяют логику версии работы по делу;
- ошибки при производстве осмотра практически невозможно устранить ходе дальнейшей следственной работы.

Типичным объектом осмотра по делам о преступлениях в сфере киберэкстремизма выступает компьютерное устройство. Аналогичный вывод делает и профессор Е. Р. Россинская в монографическом исследовании «Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности» [3, с. 87].

Полагаем, что анализ современной практики криминалистического обеспечения расследования преступлений в сфере киберэкстремизма позволяют прийти к выводу о возможности (безусловно, в порядке научной дискуссии) введения в научный оборот универсального понятия «компьютерное устройство» для характеристики потенциальных объектов осмотра применительно к рассматриваемой сфере. Под последним нами предлагается понимать функциональное устройство, действующее на основе процессора, а также аппаратных и программных алгоритмов, обеспечивающее доступ пользователя к информационно-телекоммуникационным ресурсам.

При этом дополнительными объектами осмотровых мероприятий по делам о преступлениях в сфере киберэкстремизма могут выступать:

- место установки компьютерного устройства и находящиеся на нем различные объекты (съёмные носители цифровой информации, письменные документы, записные книжки и блокноты, стикеры и т. п.);
- сетевые ресурсы, которые могли быть потенциально использованы субъектом преступления (серверы электронной почты, ресурсы провайдера по предоставлению доступа в интернет-пространство, сетевой трафик и т. п.).

Заметим, что грамотно проведенный субъектом расследования осмотр, а также последующее за ним предварительное исследование компьютерных устройств по делам о преступлениях в сфере киберэкстремизма предоставляет возможность для формирования и использования в процессе доказывания доказательств особого рода — доказательств цифровых.

Обобщение научных подходов, наличествующих в зарубежной криминалистике, позволяет толковать категорию «цифровое доказательство» или «digital evidence» (англ.) как цифровую информацию, извлеченную из компьютерного устройства, сохраненную в

¹ В настоящем исследовании понятие «киберэкстремизм» используется нами в качестве термина-описания современного поколения преступной деятельности экстремистской направленности, в механизме которой в качестве значимого средства совершения преступных деяний подобного рода выступают интерактивные и динамичные веб-интерфейсы коммуникации в информационно-телекоммуникационном пространстве.

² Заметим, что ключевое отличие архитектуры «DarkNet» от иных видов распределенных одноранговых сетей заключается в использовании технологий маршрутизации и шифрования, позволяющих скрывать персональные данные (т. е. сохранять анонимность), препятствуя контролю над передачей данных и слежке за пользователями.

цифровой либо иной форме, используемую субъектом расследования в процессе доказывания в целях подтверждения либо опровержения проверяемых обстоятельств преступного события [4; 5; 6; 7].

Российские ученые-криминалисты предлагают толкование рассматриваемой категории достаточно близкое к зарубежному: цифровые доказательства это доказательственная информация, представленная в цифровой форме, на основе которой следователь в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию [3, с. 67; 8 и др.].

Соглашаясь с озвученным научным подходом, считаем важным сделать акцент на следующем обстоятельстве: информативное содержание цифрового доказательства становится доступным для восприятия субъектом расследования только в результате процедуры его интерпретации, реализуемой путем использования прикладного программного обеспечения и средств вывода.

Основу технологии процесса собирания цифровых доказательств (и дела о преступлениях в сфере киберэкстремизма не являются исключением), осуществляемого путем проведения осмотра компьютерных устройств, должно составлять применение технико-криминалистических средств, предназначенных для поиска следов такого рода, их обработки и фиксации с соблюдением уголовно-процессуальных правил, предъявляемых к собиранию доказательств. Данное положение, как справедливо указывает профессор Е. Р. Россинская, обуславливает «многократно возрастающую роль специалиста и требований, предъявляемых к профилю программы последнего» [9, с. 753].

В аспекте расследования преступлений в сфере киберэкстремизма методически грамотно организованный осмотр компьютерного устройства, на наш взгляд, предоставляет следователю потенциальную возможность уже на начальном этапе, в условиях информационного вакуума, разрешить следующие ключевые задачи:

– обнаружить цифровые (в определенной степени нетрадиционные) следы преступной деятельности экстремистской направленности и предварительно уяснить их информативное содержание;

– получить сведения о способе совершения деяния (например, способе обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности), а также выявить иные обстоятельства преступного события, имеющие значение в аспекте последующего формирования версий по делу.

Очевидно и то, что формальный подход к про-

ведению осмотра компьютерного устройства влечет безвозвратную утрату цифровых доказательств (например, категории короткоживущих данных¹) ввиду высокой скорости модификации следов в информационно-телекоммуникационной среде, а также возможности их дистанционного уничтожения либо фальсификации.

Исходя из закономерностей, присущих механизму совершения преступлений в сфере киберэкстремизма, алгоритм осмотра компьютерного устройства можно представить в виде последовательности следующих этапов:

- этап идентификации компьютерного устройства;
- этап собирания цифровых доказательств;
- этап сохранения цифровых доказательств.

Охарактеризуем каждый из названных нами этапов подробнее.

На этапе идентификации компьютерного устройства субъекту расследования (безусловно, совместно с привлеченным к проведению осмотровых мероприятий специалистом) целесообразно осуществить следующий комплекс действий:

- выявить компьютерные устройства, которые потенциально могут содержать цифровые доказательства по делам рассматриваемого рода;
- уяснить приоритеты в производстве осмотра данных компьютерных устройств, исходя из степени риска возможной утраты (модификации) цифровой информации с целью сокрытия (маскировки) следов преступления;
- определить последовательность изучения цифровых данных компьютерных устройств в зависимости от установленных приоритетов, перечень технико-криминалистических средств и специализированного программного обеспечения, подлежащих использованию для этих целей, а также порядок их применения.

Реализуя этап собирания цифровых доказательств, субъекту расследования надлежит руководствоваться следующими узловыми принципами современной криминалистики.

Первый из таких принципов — принцип сохранения изымаемых следов в неизменном виде. В случае же невозможности следования данному правилу, как отмечают И. Г. Чекунов и С. Ю. Голованов (и нами поддерживается предложенный подход), собирание цифровых следов должно производиться исключительно путем создания их копий посредством использования

¹ В настоящем исследовании под категорией «короткоживущие данные» нами предлагается понимать недолговечную цифровую информацию, существующую лишь до момента выключения компьютерного устройства либо до завершения определенной программы.

функционала специальных технико-криминалистических средств извлечения цифровой информации (например, UFED, XRY, «Тарантул» и другие), исключая возможность внесения каких-либо модификаций [10, с. 94].

Второй значимый принцип — принцип детально отражения в протоколе осмотра всех манипуляций, произведенных субъектом расследования и специалистом, как с самим компьютерным устройством, так и непосредственно с цифровыми объектами.

Помимо сведений о последних в протоколе осмотра надлежит фиксировать и круг сведений, касающихся иных обстоятельств совершения деяния в сфере киберэкстремизма:

- описание объекта осмотра, в том числе особенности помещения, в котором находится осматриваемое компьютерное устройство;
- сведения о наличии в данном помещении иного электрического оборудования;
- иные следы преступления и самого преступника, обнаруженные на объекте размещения компьютерного устройства, а также пути подхода (отхода) к нему;
- факт наличия (либо отсутствия) соединений осматриваемого компьютерного устройства с компьютерными устройствами, находящимися вне помещения объекта осмотровых действий;
- наличие (отсутствие) учетно-справочной документации к осматриваемому компьютерному устройству.

На заключительном этапе (этап сохранения цифровых доказательств) субъекту расследования надлежит принять меры, направленные на обеспечение сохранности как полученных цифровых доказательств, так и самого компьютерного устройства, в котором они были непосредственно обнаружены. Результаты проведенного нами исследования позволяют в числе мер такого характера особо выделить следующие:

- компьютерное устройство должно изыматься только в выключенном состоянии;
- компьютерное устройство надлежит упаковывать сообразно с его чувствительностью к внешним воздействиям (предпочтительный вариант упаковки — специальная тара предприятия-изготовителя), опечатывая таким образом, чтобы исключить возможность физического доступа вовнутрь корпуса, а также подключения электропитания без нарушения целостности упаковки;
- съемные электронные носители, содержащие изъятые цифровые доказательства, подлежат

отдельной упаковке посредством помещения в бумажную либо пластиковую тару таким образом, чтобы исключить посторонний доступ к их USB-разъемам;

- непосредственная транспортировка изъятых в ходе осмотра объектов должна происходить в таком порядке, чтобы исключить любой тип внешнего воздействия (механического, атмосферного, электромагнитного) на них.

Безусловно, данные правила должны последовательно соблюдаться субъектом расследования на всех этапах осмотрового мероприятия, преследуя ключевую цель — предупредить повреждение объектов, утрату и фальсификацию изъятых цифровых доказательств.

В заключение позволим сделать еще один акцент на значимости стадии подготовки к проведению осмотра по делам рассматриваемого рода. Действия субъекта расследования на нем, на наш взгляд, должны быть посвящены заблаговременному решению следующих задач:

- с учетом следственной ситуации определить категории лиц, которые будут привлечены к осмотровым мероприятиям и, ключевое из них — специалист соответствующего профиля;
- определить номенклатуру необходимых технико-криминалистических средств (в т. ч. программное обеспечение), упаковочного и маркировочного материала;
- подобрать понятых, владеющих хотя бы минимальными цифровыми знаниями;
- определить последовательность действий для каждого из участников осмотра, провести их инструктаж о мерах предосторожности в плане обращения с компьютерным устройством и с цифровыми доказательствами, разъяснить права и обязанности, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством.

Список источников

1. Статистика и аналитика // URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics>
2. Давыдов В. О. Научные основы базовой методики расследования преступлений и их развитие в практике борьбы с транснациональным экстремизмом : монография. М. : Юрлитинформ, 2019. 484 с.
3. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности : монография // под редакцией Е. Р. Россинской. М. : Проспект, 2023. 256 с.
4. Maras Marie-Helen. Cybercriminology / М-Н.

- Maras. Oxford University Press. 2016. 448 p.
5. Brian J. Network file system forensic analysis. Addison-Wesley Professional, 2005. 600 p.
 6. Easttom C. Digital forensics, investigation and response. Jones & Bartlett Learning, 2021. 403 p.
 7. Nelson B., Steuart C., Phillips A. Guide to computer forensics and investigations. Course Technology, 2018. 688 p.
 8. Вехов В. Б. Электронные доказательства : проблемы теории и практики // Правопорядок: история, теория, практика. № 4 (11). 2016. С. 46–50.
 9. Россинская Е. Р., Семикаленова А. И. Основы учения о криминалистическом исследовании компьютерных средств и систем как часть теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. Том 11. Выпуск 3. 2020. С. 745–759.
 10. Методические рекомендации по расследованию преступлений и сфере компьютерной информации : учебное пособие / под редакцией И. Г. Чекунова. М. : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2019. 105 с.
- their development in the practice of combating transnational extremism : monograph. М. : Yurlitinform, 2019. 484 p.
3. Theory of information and computer support for forensic activity : monograph // edited by E. R. Rossinskaya. М. : Prospect, 2023. 256 p.
 4. Maras Marie-Helen. Cybercriminology. Oxford University Press. 2016. 448 p.
 5. Brian J. Network file system forensic analysis. Addison-Wesley Professional, 2005. 600 p.
 6. Easttom C. Digital forensics, investigation and response. Jones & Bartlett Learning, 2021. 403 p.
 7. Nelson B., Steuart C., Phillips A. Guide to computer forensics and investigations. Course Technology, 2018. 688 p.
 8. Vekhov V. B. Electronic evidence: problems of theory and practice // Law and order: history, theory, practice. № 4 (11). 2016. P. 46–50.
 9. Rossinskaya E. R., Semikalenova A. I. Fundamentals of the doctrine of forensic examination of computer tools and systems as part of the theory of information and computer support for forensic activities // Bulletin of St. Petersburg University. Law. Volume 11. Issue 3. 2020. P. 745–759.
 10. Methodological recommendations for the investigation of crimes and the field of computer information : a tutorial / edited by I. G. Chekunov. М. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2019. 105 p.

References

1. Statistics and Analytics // URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics>
2. Davydov V. O. Scientific foundations of the basic methodology of crime investigation and

Информация об авторе

В. О. Давыдов — профессор кафедры правосудия и правоохранительной деятельности Тульского государственного университета, доктор юридических наук, доцент, почетный сотрудник МВД России, лауреат премии МВД России в области науки.

Information about the author

V. O. Davydov — Professor of the Department of Justice and Law Enforcement of the Tula State University, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Laureate of the Prize of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the field of Science.

Статья поступила в редакцию 23.12.2024; одобрена после рецензирования 19.01.2025; принята к публикации 14.02.2025.

The article was submitted 23.12.2024; approved after reviewing 19.01.2025; accepted for publication 14.02.2025.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-57-62>

EDN: <https://elibrary.ru/zfdxxg>

НИОН: 2003-0059-2/25-263

MOSURED: 77/27-003-2025-02-462

Материалистическая концепция права в сфере хозяйствования: история и современность

Игорь Валентинович Дойников

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия,
igo4352@yandex.ru

Аннотация. Прослеживается история развития материалистической концепции права в сфере хозяйствования (хозяйственного права). Раскрыты основные школы науки хозяйственного права. Показана концепция «двухсекторного права». Рассмотрена довоенная концепция хозяйственного права. Дана характеристика третьей школы хозяйственного права. Анализируются причины перехода к концепции предпринимательского права. Представлена методология либерально-цивилистической концепции предпринимательского права. Показан поиск обеспечения подлинного суверенитета и модели развития.

Ключевые слова: материалистическая концепция права в сфере хозяйствования (хозяйственного) права, основы политической экономии социализма, основные школы науки хозяйственного права, концепция «двухсекторного права», довоенная концепция хозяйственного права, третья школа хозяйственного права, основные черты либерально-цивилистической концепции предпринимательского права, поиск модели развития

Для цитирования: Дойников И. В. Материалистическая концепция права в сфере хозяйствования: история и современность // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 2. С. 57–62. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-57-62>. EDN: ZFDXXG.

Original article

The materialistic concept of law in the sphere of management: history and modernity

Igor V. Doynikov

Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSLA), Moscow, Russia, igo4352@yandex.ru

Abstract. The history of the development of the materialistic concept of law in the field of management (economic law) is traced. The main schools of the science of economic law are revealed. The concept of «two-sector law» is shown. The pre-war concept of economic law is considered. The characteristics of the third school of economic law are given. The reasons for the transition to the concept of business law are analyzed. The methodology of the liberal civil concept of business law is revealed. The search for ensuring genuine sovereignty and a model of development is shown.

Keywords: materialistic concept of law in the sphere of economic law, fundamentals of the political economy of socialism, main schools of science of economic law, concept of «two-sector law», pre-war concept of economic law, third school of business law, main features of the liberal civil concept of business law, search for a development model

For citation: Doynikov I. V. The materialistic concept of law in the sphere of management: history and modernity. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(2):57–62. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-57-62>. EDN: ZFDXXG.

Данная работа посвящена истории развития материалистическая концепция права в сфере хозяйствования (хозяйственного права). Отметим особенности этой концепции в сфере хозяйствования. В юридической науке она своего рода «юридическая золушка» на «кухне» современного правоведения. Так как, во-первых, в курсах по истории политических и правовых учений — главный объект изучения государство и право, а не проблемы экономики и хозяйствования. Во-вторых, в теории и методологии юридической науки и главный объект внимания, прежде всего, наука гражданского права.

В советский период подробное освещение истории хозяйственного права давался в учебной литературе по хозяйственному праву — это учебник 1977 года под ред. В. П. Грибанова и учебник 1983 года по под ред. В. В. Лаптева. В постсоветский период в учебнике МГЮА 2016 года по предпринимательскому праву под ред. И. В. Ершовой и учебнике МГУ 2016 года по предпринимательскому праву под ред. Е. П. Губина и П. Г. Лахно.

1. Разработка К. Марксом и Ф. Энгельсом исходных положений политической экономии как научной основы материалистическая концепция права в сфере хозяйствования.

В «Капитале» и в других работах «Манифест Коммунистической партии (1848 г.), «Критика готской программы» (1875 г.), «Развитие социализма от утопии к науке» (1880 г.) дается общая характеристика экономики будущего общества. Маркс и Энгельс в отличие от социалистов-утопистов, полагавших, что чем подробнее будет описано будущее общество, тем скорее оно завоеует сторонников. К. Марксом и Ф. Энгельсом не считали нужным «гадать» о будущем, давать готовые ответы на конкретные вопросы. Они раскрыли основное направление движения общества, дали научную разработку многих сторон экономики социализма. Наследие К. Маркс и Ф. Энгельс в области экономической теории социализма вошло в политическую экономию социализма.

Основы политической экономии социализма как науки о реально существующих производственных отношениях созданы В. И. Лениным. Это работы «Государство и революция» (1917 г.), «Очередные задачи советской власти» (1919 г.), «О кооперации» (1923 г.) и др.

Политическая экономии социализма выясняет содержание и формулирует законы, управляющие общественным производством — наиболее существенные, устойчивые причинно-следственные связи, внутренне присущие производственным отношениям.

Основные школы науки хозяйственного права.

Став собственником заводов и фабрик, банков, средств производства, земель, природных ресурсов советское государство вынуждено было за достаточ-

но короткий срок найти оптимальные способы рационального управления своим имуществом и создания мощной экономики.

Первый опыт централизованного управления имуществом, предприятиями в период политики военного коммунизма показал его полную несостоятельность. И государству пришлось отложить до лучших времен процесс внедрения коммунистических принципов производства и распределения материальных благ.

А в период НЭПа оно реализует новый подход, включающий в себя взаимно связанные меры: 1) создание органа, призванного осуществлять координацию деятельности различных наркоматов, отделов исполкомов, иных органов на уровне РСФСР, области, губернии, уезда, волости; 2) составление государственного хозяйственного плана; 3) перевод промышленных предприятий, заводов и фабрик на хозяйственный расчет.

Если окинуть взглядом более чем вековую историю развития хозяйственно-правовой мысли то нельзя не видеть, что проблемы правового регулирования хозяйственного оборота привлекают к себе внимание юридической науки. В юридической науке выделяют следующие концепции хозяйственного права.

Концепция «двухсекторного права». Концепция «двухсекторного права» была выдвинута в конце двадцатых годов П. И. Стучкой, который различал гражданское и хозяйственно-административное право в качестве отраслей, регулировавших различные секторы экономики того времени. Согласно этой концепции хозяйственно-административное право регулирует отношения, складывающиеся в социалистическом секторе хозяйства между социалистическими организациями.

Огромный вклад в становление советского хозяйственного права внесли В. А. Краснокутский, И. Б. Новицкий, П. И. Стучка, М. М. Агарков, А. Г. Гойхбарг, Д. И. Курский. Благодаря их усилиям, в 20-е годы были приняты Гражданский и Земельный кодексы, разработаны проекты Хозяйственного, Торгового, Промышленного, Кооперативного кодексов.

Довоенная концепция хозяйственного права. На смену теории «двухсекторного права» пришли другие идеи, в частности довоенная концепция хозяйственного права, выдвинутая в середине тридцатых годов Л. Я. Гинцбургом и Е. Б. Пашуканисом. Они подвергли критике теорию «двухсекторного права». Согласно их точке зрения хозяйственное право представляет собой «особую форму политики пролетарского государства в области организации управления хозяйством и организации хозяйственных связей» [6, с. 21].

Послевоенная концепция хозяйственного права. Третья школа хозяйственного права была выдвинута в конце 50-х – начале 60-х годов В. В. Лаптев,

В. К. Мамутов. Наиболее последовательно позиции о самостоятельности хозяйственного права развивали В. С. Мартемьянов, А. Г. Быков, В. С. Якушев.

В сжатом виде существо рассматриваемой концепции можно изложить следующим образом: хозяйственное право представляет собой самостоятельную отрасль (в единой системе советского права), которая обладает специфическим предметом правового регулирования (хозяйственные отношения) и присущим ей особым методом правовой регламентации.

В начале 2000-х на Украине на базе обновленной концепции хозяйственного права был подготовлен и принят Хозяйственный кодекс (принят 16 января 2003 г. и вступил в законную силу с 1 января 2004 г.). Видные украинские юристы-хозяйственники В. К. Мамутова, Г. Л. Знаменский, Г. В. Пронская, В. С. Щербина, И. Г. Побирченко, В. Н. Гайворонский, О. П. Подцерковный и другие сыграли решающую роль в обосновании отраслевой самостоятельности хозяйственного права.

Научный руководитель донецкой школы права академик НАН Украины В. К. Мамутов, сформулировал следующие подходы к определению сущности хозяйственного права [10].

Во-первых, современное хозяйственное право рассматривается как самостоятельная отрасль права, определяющая правовые основы хозяйствования и регулирующая отношения, возникающие в процессе организации и осуществления хозяйственной деятельности, связанной с изготовлением и реализацией продукции, выполнением работ и оказанием услуг для удовлетворения потребностей отдельных потребителей и общественных нужд. Нормативной основой хозяйственного права является хозяйственное законодательство.

Во-вторых, при этом хозяйственная деятельность как предмет регулирования хозяйственного права выделяется своей сложностью, многоэтапностью, профессиональным и систематическим характером, отличающим эту деятельность от потребительских отношений, где всецело действуют нормы гражданского права.

В-третьих, концепция хозяйственного права основана на согласовании частноправовых (горизонтальных) и публично-правовых (вертикальных) отношений в сфере хозяйствования, что предполагает формирование соответствующих правовых норм на основе сочетания рыночного саморегулирования экономических отношений и государственного регулирования макроэкономических процессов.

Считается, что вне такого согласования частноправовые и публично-правовые отношения в сфере хозяйствования развиваются разнонаправлено, противоречат друг другу, сдерживая развитие экономиче-

ских отношений и создавая коллизии в их правовом регулировании.

В-четвертых, хозяйственное право позволяет охватить единством регулирования не только коммерческие, но и некоммерческие отношения в сфере хозяйствования.

Это позволяет, как считал академик В. К. Мамутов (руководитель донецкой школы хозяйственного права), говорить о большей инструментальной ценности концепции хозяйственного права, чем концепции *предпринимательского права*, с чем мы полностью согласны.

В Российской Федерации позиции сторонников концепции хозяйственного права не так сильны, как на Украине, где был принят самостоятельный Хозяйственный кодекс. Среди современных российских юристов-хозяйственников выделяются В. С. Мартемьянов, М. И. Пискотин, И. В. Дойников, А. Е. Черноморец др.

II. Основные черты либерально-цивилистической концепции предпринимательского права.

Методология либерально-цивилистической концепции предпринимательского права. Создатель теории — предприниматель-новатор американский экономист Йозеф Шумпетер. Он дал определение предпринимателю: «Это человек, пытающийся превратить новую идею или изобретение в успешную инновацию. В частности, предпринимательство представляет собой силу креативного разрушения, действующую на рынках и в производстве, одновременно создавая новые продукты и модели бизнеса. Креативное разрушение обеспечивает динамичный и долгосрочный экономический рост» [8, с. 5–14; 9].

С начала 90-х годов XX века в странах СНГ большинство ученых-обществоведов перешло на позицию либерально-западного толка, опирающуюся на доктрину Вашингтонского консенсуса. Изначально принципы Вашингтонского консенсуса разрабатывались для установления элементарного контроля над формированием экономической политики слаборазвитых государств (в основном афро-азиатского региона).

В нашей стране, по итогам «либеральных рыночных реформ», делает вывод С. Батчиков, создана и действует уникальная по мировым меркам модель экономики: нелегитимная, с точки зрения общественного мнения; незаконная с точки зрения источников формирования прав собственности; крайне неэффективная и непроизводительная с точки зрения общественного воспроизводства; неконкурентоспособная на мировом и внутреннем рынке; системно управляемая и манипулируемая извне; социально несправедливая; крайне ресурсо- и энергоемкая; примитивная по своей структуре; деиндустриализированная и дезинтегрированная [2].

В постсоветских исследовательских проектах преимущество отдавалось и отдается западноевропейскому категориально-понятийному аппарату и моделям, сконструированным для анализа специфической (западной правокультурной и этнополитической) среды. Идеологическим обоснованием этого направления, как правило, выступал либеральный фундаментализм.

С конца 90-х годов XX века начинают выходить в свет многочисленные учебники (в том числе по гражданскому и предпринимательскому праву), ориентированные на либерально-монетаристские ценности, оформлявшие и освящавшие радикальный курс реформ в экономике. Этому способствовала и правительственная политика, проводившая конкурсы, так же как и конкурс «Гуманитарное образование в высшей школе», который был организован Государственным комитетом РФ по высшему образованию и Международным фондом «Культурная инициатива». Конкурс являлся составной частью программы «Обновление гуманитарного образования в России». Спонсором программы являлся известный американский предприниматель и общественный деятель Дж. Сорос.

Переход к концепции предпринимательского права. В начале 2000-х гг. в России завершается переход от концепции хозяйственного права к праву предпринимательскому. Происходит оформление либерально-цивилистической концепции школы предпринимательского права, когда «Гражданский кодекс выступает в роли «повивальной бабки» предпринимательского права» (А. Г. Быков).

Современная школа предпринимательского права изменила представление о предмете хозяйственного права. Происходит переход от правового регулирования реальной экономики (промышленной деятельности) к торгово-посреднической деятельности.

Российский законодатель не стал (или не захотел) разграничивать понятия «предпринимательская деятельность» и «незаконное обогащение», хотя Российская Федерация подписала Конвенцию ООН против коррупции 9 декабря 2003 года, а ратифицировала 8 марта 2006 года (№ 40-ФЗ). Федеральный закон о ратификации содержит заявления по отдельным статьям и пунктам, по которым Россия обладает юрисдикцией и обязательностью для исполнения. В этот список не вошла ст. 20 «Незаконное обогащение», что стало серьезным препятствием на пути формирования публичного экономического правопорядка, превратив борьбу с коррупцией и сделками, совершенными с целями противными основам правопорядка (противоправные приватизационные сделки, «распил» бюджета и т. д.) в политическую трескотню.

III. На валдайском форуме (ноябрь 2024 г.) Владимир Путин назвал обеспечение суверенитета перво-

степенной задачей страны. А его слова о невозвращении к курсу до 2022 г. обозначили смену вех и поиск модели развития. Поиск модели развития осложняется тем, что упущено время на три года (с начала СВО), а также отсутствием официально утвержденной идеологии (а с другой стороны, господством либерализма). Социолог А. Дугин пишет, что совершенно никого не смущает, что за последние 40 лет почти одна и та же российская элита многократно меняла свою идеологию на противоположную. Не объясним никому и, прежде всего, самим себе, как комсомолец становится либералом, а либерал антилибералом и патриотом, а потом вполне возможно и снова либералом и антипатриотом... Вместе с тем как отмечает А. Дугин, во многих отношениях Россия, уже стала полным антиподом Запада и почти прекратилось огульное охаивание советского прошлого [5].

Во-вторых, даже после конституционной реформы 2020 г. остается много вопросов к действующей Конституции России. Вопреки тезису Президента о том, что либеральная идея устарела и противоречит интересам большинства населения, основной закон по-прежнему остается либеральным по духу.

Либеральная идея в ее нынешнем виде, замечает социолог С. Батчиков, противоречит интересам подавляющего большинства населения и традиционным духовным ценностям россиян. Противоречит она и концепции суверенного государства. Она, безусловно, является оружием наших врагов, и ни в каком виде (ни в явном, ни в скрытом) не должна присутствовать в Конституции страны-победителя.

Наша военная Победа не может быть полной и окончательной без победы над либеральным западничеством, которое помимо Конституции как основы организации всей нашей жизни пустило корни и в образовании, и в политике, и в культуре, и даже в быту. До сих пор по-геббельсовски системная либеральная пропаганда продолжает зомбировать россиян через СМИ, похабный шоу-бизнес, продукцию Голливуда, компьютерные игры [1].

Конституции России является центром системы законодательства и прежде всего законодательства в сфере экономики. Экономист Л. Пайдиев пишет, что в ходе экономических реформ, которые проводились со времен Б. Ельцина, Российская Федерация как высокоразвитое государство прекратила свое существование. Промышленность была ликвидирована, и страна стала поставщиком сырья и покупателем дешевой и самой простейшей промышленной продукции.

В-третьих, в публицистике используется термин «рыночная экономика». К таким понятиям относится, например, рынок (англ. — market). Это понятие возникло за много тысячелетий до появления термина экономика. Широко используется в современных

учебниках положение «о переходе от социализма к рынку», по мнению профессора Валового Д. В., образно говоря, предоставляет собой сапоги всмятку. Рынок как сфера обращения функционировал при социализме более организованно, чем при капитализме.

В советской экономике не существовало рынка как абстрактной экономической категории, выражающей стихийные отношения между производителями и потребителями, т. е. рынка как стихийного регулятора производства. В этой ипостаси рынок является синонимом слова «стихийность». Ведь приставка «рыночная» к слову «экономика» была сделана лишь в 20-е гг. XX в. для отличия плановой экономики Советского Союза от стихийной экономики на Западе. Поэтому, когда российские «реформаторы» объявили курс на переход от социализма к рынку, с научной точки зрения это означало замену планового управления экономикой ее стихийным. Но тут реставраторы капитализма не учли одну «мелочь», которая ввергла Россию в самый глубокий в истории экономический кризис [7].

Как известно, в капиталистической экономике, главным действующим лицом является — акционерное общество или по терминологии гражданского законодательства — корпорация.

Журнал «Эксперт» провел исследование внутрисоветского рынка капитала или той среды, где существуют корпорации. Авторы исследования Е. Огородников и М. Ремизов в статье «Капитализм без капитала» делают важные выводы: во-первых, в России отсутствует системная работа с рынком капитала, а сам он замкнут на внешние рынки. Кроме того, в России нет класса внутреннего инвестора. Не занимаясь фондовым рынком, государство упускает массу возможностей и усложняет свою же задачу роста экономики.

Во-вторых, когда государство спонсирует зарубежную экономику, компании планомерно разрушают свою стоимость, а граждане слишком бедны, не будет развитого рынка капитала. И самое важное — в-третьих, сегодня отечественного капитала хватает для благосостояния только 6,5 млн. россиян, это всего лишь половина Москвы [7].

Также в патриотических изданиях обозначены основные черты новой модели социально-экономического и политического развития это:

- повышение роли государства в экономической политике при оптимальном сохранении рыночных механизмов;
- создание национальной независимой финансовой системы с учетом перекрытия каналов вывоза капиталов из страны;
- увеличение доли государственных предприятий, особенно в сфере производства средств

производства;

- восстановление системы планирования, причем не только краткосрочного (пятилетнего), но и, самое главное, — среднесрочного и долгосрочного с помощью современных автоматизированных систем управления, основанных на цифровых технологиях;
- обеспечения максимальной защиты от внешних факторов, реальной деофшоризации экономики;
- создание системы государственного контроля как важнейшего условия укрепления исполнительской дисциплины на всех уровнях [3].

Поиск модели развития. Раскрывая сущность новой модели социально-экономического и политического развития нужно указать:

- на позитивный опыт противостояния молодого Советского государства жесточайшей западной финансовой блокаде. Именно мобилизационная модель, проведенная ударными темпами, позволила обеспечить ускоренную и успешную индустриализацию и модернизацию молодого Советского государства;
- опыт США для выхода из Великой депрессии 30-х годов;
- опыт Советского Союза, Германии и других стран для восстановления экономики после отечественной войны 1941–1945 годов;
- опыт Китая при разворачивании стратегии построения социализма с местной спецификой.

В нынешних сложных для России условиях начать процесс построения новой модели социально-экономического и политического развития придется весьма жестко.

Прежде всего, необходимо развернуть экономическую политику от сырьевой ее направленности в сторону восстановления отечественного производства. Ускоренного роста производительности общественного труда на основе стимулирования научно-технического прогресса. Слом ущербной монетаристской модели экономического «роста» России [4].

В патриотических изданиях выдвинуто требование, что для обеспечения подлинного суверенитета необходимо выполнить как минимум три взаимосвязанных условия: 1) обновление элиты; 2) смена экономической модели и 3) идеологическая мобилизация... Но, как говорил Александр Васильевич Суворов: «медленность наша умножит силы неприятеля». А этого Россия, которая уже четвертый год ведет спецоперацию, себе позволить больше не может [1].

Список источников

1. Батчиков С. Когда мосты сожжены // Завтра. 2024. № 47.

2. Братчиков С. Гниль либерализма // Завтра. 2019. № 33.
3. Воронин Ю. Пришло время вводить мобилизационную экономику // Московский комсомолец. 4 марта 2022 г.
4. Глазьев С. Экономика русской победы // Завтра. 2022. № 10.
5. Дугин А. Программный код // Завтра. 2025. № 4.
6. Курс советского хозяйственного права. Т. 1. М. : изд-во «Советское законодательство», 1935.
7. Огородников Е., Ремизов М. «Капитализм без капитала» // Журнал «Эксперт». 2019. № 18-19.
8. Предпринимательство : учебник для вузов / Под ред. проф. В. Я. Горфинкиля, проф. Г. Б. Поляка, проф. В. А. Швандера. М., 1999.
9. Горфинкиль В. Я. Предпринимательство : учебник для вузов. М., 2008.
10. Хозяйственное право : учебник / В. К. Мамутов, Г. Л. Знаменский, К. С. Хахулин и др. Под ред. Мамутова В. К. К. : Юринком Интер, 2002.
11. Экономическая теория (политэкономика) / Под ред. проф. Валовой Д. В. М., 2005. С. 12–14.

References

1. Batchikov S. When the bridges are burned // Tomorrow. 2024. № 47.
2. Bratchikov S. The rot of liberalism // Tomorrow. 2019. № 33.
3. Voronin Yu. The time has come to introduce a mobilization economy // Moskovsky Komsomolets. March 4, 2022.
4. Glazyev S. The economics of the Russian Victory // Tomorrow. 2022. № 10.
5. Dugin A. Program code // Tomorrow. 2025. № 4.
6. The course of Soviet economic law. Vol. 1. Moscow : publishing house «Soviet legislation», 1935.
7. Ogorodnikov E., Remizov M. «Capitalism without capital» // Journal «Expert». 2019. № 18-19.
8. Entrepreneurship : textbook for universities / Edited by prof. V. Ya. Gorfinkel, prof. G. B. Polyak, prof. V. A. Shvander. Moscow, 1999.
9. Gorfinkel V. Ya. Entrepreneurship : textbook for universities. Moscow, 2008.
10. Economic law : textbook / V. K. Mamutov, G. L. Znamensky, K. S. Khakhulin et al. Edited by Mamutova V. K. K. : Yurinkom Inter, 2002.
11. Economic Theory (political Economy) / Edited by Prof. Valovoy D. V. M., 2005. P. 12–14.

Информация об авторе

И. В. Дойников — профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

I. V. Doynikov — Professor of the Department of Business and Corporate Law of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSLA), Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 03.03.2025; одобрена после рецензирования 24.03.2025; принята к публикации 10.04.2025.

The article was submitted 03.03.2025; approved after reviewing 24.03.2025; accepted for publication 10.04.2025.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-63-71>

EDN: <https://elibrary.ru/zyfwzv>

НИОН: 2003-0059-2/25-264

MOSURED: 77/27-003-2025-02-463

Технологическая трансформация криминального рынка наркотиков и ее влияние на содержание задач оперативно-розыскной деятельности

Владимир Юрьевич Жандров

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, vaisvladimir74@gmail.com

Аннотация. Предлагается оперативно-розыскная характеристика криминального рынка незаконного оборота наркотиков, сформировавшегося на базе онлайн-платформ даркнета и размещенных на них наркомагазинов. По аналогии с легальными экосистемами выделяются и анализируются преимущества информационно-телекоммуникационных технологий, использованных организованными преступными группами для обеспечения масштабируемости, анонимности, эффективности и минимизации рисков наркобизнеса. Определяются направления приложения усилий по выявлению и использованию уязвимостей криминального онлайн-рынка наркотиков для решения задач оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: борьба с преступностью, незаконный оборот наркотиков, наркобизнес, криминальный рынок, задачи оперативно-розыскной деятельности, информационно-телекоммуникационные технологии, негласный контроль, оперативно-розыскное мероприятие

Для цитирования: Жандров В. Ю. Технологическая трансформация криминального рынка наркотиков и ее влияние на содержание задач оперативно-розыскной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 2. С. 63–71. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-63-71>. EDN: ZYFWZV.

Original article

Technological transformation of the criminal drug market and its impact on the content of operational investigative tasks

Vladimir Yu. Zhandrov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, vaisvladimir74@gmail.com

Abstract. The operational-search characteristic of the criminal market of illegal drug trafficking formed on the basis of online darknet platforms and drug stores located on them are offered. By analogy with legal ecosystems, the advantages of information and telecommunication technologies used by organized criminal groups to ensure scalability, anonymity, efficiency and minimize the risks of the drug business are identified and analyzed. The directions of application of efforts to identify and use the vulnerabilities of the criminal online drug market to solve the problems of operational-search activities are determined.

Keywords: fight against crime, illegal drug trafficking, drug business, criminal market, tasks of operational-search activities, information and telecommunication technologies, covert control, operational-search measure

For citation: Zhandrov V. Yu. Technological transformation of the criminal drug market and its impact on the content of operational investigative tasks. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(2):63–71. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-63-71>. EDN: ZYFWZV.

© Жандров В. Ю., 2025

Стремительное увеличение масштабов незаконного оборота наркотиков превратило его в значительный сектор мировой криминальной (нелегальной [3], черной [5]) экономики, в рамках которой производятся продукция и услуги, прямо запрещенные законом [1, с. 22; 4]. Современный наркобизнес, как справедливо отметила Т. А. Сафонова, получил собственную внутреннюю структуру, кадровую иерархию, систему взаиморасчетов и рынок сбыта, подчиненный общим экономическим законам [7, с. 131].

Быстрое развитие цифровых технологий и широкая доступность Интернета преобразили картину криминальной деятельности в сфере наркоторговли, общим трендом которой стало использование онлайн-операций. Практически во всех странах правоохранительные органы сталкиваются со значительными проблемами в борьбе с налаженными преступными сетями, приобретшими транснациональный характер. Действующие в этой сфере организованные преступные группировки обнаружили и смогли воспользоваться преимуществами, которые в условиях отставания государственного контроля над «электронной» средой, позволили им уйти от традиционных методов преступной деятельности и применять нестандартные решения в сфере преступного взаимодействия.

Понимание организационной модели, структурных особенностей, логистики и системы безопасности криминального наркорынка имеет решающее значение для разработки эффективной стратегии по борьбе с данной незаконной деятельностью, осуществляемой в информационно-телекоммуникационной среде. Следует отметить, что некоторые характеристики виртуальных наркорынков назывались исследователями, обращалось внимание на их функциональную схожесть с легальными структурами электронной коммерции [6, с. 66–67]. Вместе с тем с позиций оперативно-розыскной деятельности данная проблема к решению не ставилась, что определяет необходимость ее специального исследования.

Преимущества технологической трансформации существенно изменили облик криминального рынка наркотиков, сформировали ряд особенностей, подлежащих учету при решении задач оперативно-розыскной деятельности. Основными из них стали: (1) масштабируемость, (2) анонимность, (3) эффективность и (4) минимизация рисков.

Масштабируемость. Достижения цифровизационного прогресса позволили организованным преступным группам масштабировать криминальный наркобизнес — удовлетворять все возрастающий спрос на запрещенные вещества путем налаживания электронно-социальной сети наркосбыта с инфраструктурой, адаптированной под изменяющийся потребительский спрос. Новые участники могут быть быстро интегрированы в иерархическую структуру наркосети, а географическое расширение сбыта до-

стигнуто без ущерба для безопасности.

Высокие показатели масштабируемости наркорынка обеспечиваются путем *создания специфической электронной инфраструктуры, обеспечивающей взаимозависимость платформы и размещенных на ней наркомагазинов*. В системе онлайн-торговли наркотиками платформы (маркетплейсы) служат всеобъемлющей инфраструктурой, централизованными цифровыми площадками, где размещенные на них интернет-магазины функционируют как независимые поставщики запрещенных товаров или услуг. Количество электронных поставщиков на одной платформе может достигать нескольких сотен. Связность платформы и наркомагазинов отражает структуру законных платформ электронной коммерции, таких как Amazon или eBay, на которых продавцы выставляют свои продукты и используют инфраструктуру платформы для наибольшего охвата потребителей.

Организационная структура и операционные стратегии наркомагазина отражают подобие платформы, на которой он работает. Оба субъекта разделяют общие принципы иерархии, автоматизации и опоры на анонимность, создавая симбиотические отношения, которые укрепляют более широкую экосистему наркоторговли, где каждый полагается на другого для эффективного функционирования.

С одной стороны, платформа предоставляет поставщикам техническую инфраструктуру, включающую защищенные серверы, зашифрованные каналы связи и автоматизированные системы управления заказами. Наркомагазины используют эту инфраструктуру для управления своими ресурсами, обработки заказов клиентов и общения как с потребителями, так и с администраторами платформы. Исполненная технически в виде маркетплейса платформа выполняет роль организатора и посредника в незаконных сделках — на ней происходит взаимодействие покупателей и продавцов, предлагающих наркотики, платежные услуги и сопутствующие товары.

Выгоды размещения на маркетплейсе для поставщиков очевидны. Благодаря ему они получают доступ к объемной и разнообразной клиентской базе, устраняя необходимость в индивидуальных маркетинговых усилиях. Платформа привлекает клиентов, поддерживая репутацию надежности, безопасности и разнообразия продукции. Поставщики же заинтересованы в централизованной базе потребителей, которую они не смогли бы сформировать без использования ресурсов маркетплейса.

Основной функционал маркетплейса включает в себя предоставление цифрового пространства, где наркомагазины могут демонстрировать свои продукты в виде категоризированных списков подконтрольных веществ и запрещенных услуг, подробного описания предлагаемых продуктов, включая виды наркотиков, их качество, цены и доступные регионы для достав-

ки, а также функции поиска, адаптированные к предпочтениям пользователя. Содержание электронного контента постоянно меняется, подстраиваясь под потребительский спрос. Быстрое корректирование продуктовых предложений, ценовой стратегии и географической привязки в ответ на спрос или конкурентное давление позволяет магазинам мгновенно реагировать на динамику рынка запрещенных веществ. К тому же платформа располагает значительными рекламными возможностями, системами ранжирования, оказывает услуги по разрешению споров, которые повышают авторитет магазина и объем его продаж.

С другой стороны, наркомагазины платят маркетплейсу комиссию или сбор за размещение своей организации. Это может включать в себя листинговые сборы, проценты от проведенных транзакций по продажам (в среднем, 3–5 % от сделки) или дополнительных услуг (взносы, связанные с задействованием специальных ресурсов). Широкий перечень магазинов привлекает больше покупателей, повышая общую популярность и доминирование платформы.

Цифровая коммуникация наркомагазинов отражает инфраструктуру более крупных платформ. При этом оба субъекта полагаются на схожие системы для управления, что стирает различие между отдельными магазинами и платформами. Выстроенная таким способом модульная структура позволяет платформам расширять свою деятельность, добавляя новых поставщиков, курьеров или технический персонал, не нарушая существующие рабочие процессы. При этом оба субъекта (наркомагазины и платформа) масштабируют свою деятельность за счет:

– *автоматизации процессов*. Высокотехнологичность является фундаментом современной онлайн-торговли наркотиками интернет-платформы, созданные для продажи наркотиков, и наркомагазины активно используют автоматизированные системы и технологические достижения. Интеграция передовых технологий автоматизации является их отличительной чертой, она позволяет оптимизировать рабочие процессы и операции за счет снижения человеческого участия в режиме ручного контроля и тем самым помогает обрабатывать большие объемы процессов с минимальными задержками. Интегрируя эти системы, онлайн-торговля наркотиками достигает масштабируемости за счет упрощения координации и снижения риска ошибок в высоко рискованной криминальной среде.

Программирование нашло свое применение в следующих процессах:

а) обработка получаемых заказов. Автоматизированные системы управляют заявками клиентов от получения до выполнения, распределяют задачи между курьерами в зависимости от географической близости и доступности, обеспечивая эффективную доставку наркотиков;

б) проверка платежей. Платформы и наркомагазины используют похожие платежные модели, интегрируя криптовалютные кошельки и автоматизированные системы проверки для подтверждения транзакций и безопасного перемещения финансовых средств. Программы выполняют проверку платежей в криптовалюте, гарантируя, что транзакции будут выполнены безопасно и быстро. Механизм автоматизированных платежей и чат-ботов разработан таким образом, чтобы скрыть личности участников, обеспечивая при этом функциональность проводимых криминальных операций;

в) поддержка клиентов. Чат-боты и предварительно запрограммированные ответы являются неотъемлемой частью управления запросами клиентов, жалобами и отзывами. Инструменты автоматизации обеспечивают круглосуточную поддержку, создавая оптимизированную клиентскую поддержку. Чат-боты используются для обработки текущих жалоб клиентов на качество продукции, сроки доставки или недостающие заказы, мгновенно отвечают на поступающие запросы, тогда как операторам-людям передается решение только сложных проблем. Боты позволяют операторам работать, постоянно масштабируя объем информации, одновременно взаимодействуя с клиентами.

Автоматизация помогает поддерживать лояльность клиентов, сводя к минимуму риски проникновения в сеть через персонал. Программные оповещения также уведомляют участников о потенциальных рисках, таких как активность правоохранительных органов в конкретном регионе, что позволяет им оперативно корректировать операции по сбыту наркотиков.

В целом внедрение автоматизированных процессов означает трансформацию в онлайн-торговле наркотиками, где успех все больше зависит от технологических инноваций. Автоматизация преобразила онлайн-торговлю наркотиками, создав высокоэффективную и устойчивую систему, которая отражает структуру и работу законных платформ электронной коммерции. По мере того, как платформы и наркомагазины совершенствуют эти системы, их способность избегать обнаружения в киберсреде и оптимизировать криминальные бизнес-процессы, делает их критически важными объектами оперативного внимания для правоохранительных органов. Технологическая эволюция подчеркивает необходимость для правоохранительных органов разрабатывать столь же инновационные контрмеры для эффективного пресечения наркооборота в информационно-телекоммуникационной среде;

– *обеспечения связности маркетплейса с другими электронными ресурсами*. Платформы упрощают доступ к большому количеству пронаркотических электронных сайтов, прежде всего, пронаркотическими форумами, тем самым повышая многофункциональ-

ность наркосети и увеличивая охват потребителей. Данные коммуникационные сообщества служат центрами для обсуждений различного рода направлений в наркоторговле, подбора персонала и обмена информацией. Наибольшее распространение получили форумы, организованные в виде досок обсуждений, на которых наркоориентированные участники обмениваются опытом, вербуют участников и рекламируют услуги. Подобного рода доски часто предоставляют рекомендации по работе в анонимной среде, использованию криптовалют и уклонению от преследования правоохранительных органов;

– *дистанционного выполнения заказа и взаимодействия с клиентами.* Наркомагазины действуют на платформе как поставщики, отвечая за предоставление фактических продуктов и управление логистикой. После получения заказа, либо работая на опережение, магазин подготавливает и отправляет наркотики «закладчикам» или курьерам, которые создают места тайников для покупателей. В процессе сделки вслед за получением соответствующей оплаты координаты «закладок» передаются потребителям. Возможность делать «закладки» заранее в расчете на возможного потребителя существенно расширяет возможности масштабирования преступного бизнеса. Магазины в обязательном порядке взаимодействуют с покупателями через системы обмена сообщениями платформы как для купли-продажи наркотиков, так и для решения различных спорных вопросов, и, в первую очередь, в случае не обнаружения потребителем оплаченного товара;

– *вовлечения в потребление и незаконный оборот запрещенных веществ новых участников.* Осуществляется путем пропаганды, рекламы либо прямого склонения в потребление или незаконный оборот наркотиков через электронные ресурсы, позволяющие охватить широкую аудиторию.

Таким образом, использование прорывных достижений в цифровой среде помогает наркомагазинам и маркетплейсам адаптироваться к колебаниям рынка и технологическим новинкам без существенных структурных изменений, позволяет успешно масштабировать свою деятельность и удовлетворять растущий спрос на запрещенные вещества.

Анонимность. Быстрое развитие инструментов анонимности лежит в основе технологической основы современного наркобизнеса, снижая барьеры для входа в преступную деятельность и усложняя усилия правоохранительных органов. Зашифрованные каналы общения между участниками этих сетей в значительной степени зависят от IT-архитектуры цифровых платформ, которые эту анонимность обеспечивают.

С технологической стороны к базовым инструментам и каналам, обеспечивающим анонимность в сетях оборота наркотиков, относятся:

– *технологии Tor (The Onion Router) и VPN (виртуальные частные сети),* позволяющие скрывать

участникам коммуникации свою личность и местоположение. Как правило, участники наркосетей взаимодействуют между собой в даркнете, ресурсы которого оказываются доступными только при использовании специализированного программного обеспечения;

– *расширенное шифрование.* Платформы используют надежные протоколы шифрования, такие как PGP (Pretty Good Privacy) и приложения для обмена сообщениями (Proton Mail, Signal, Telegram, Wickr и др.), обеспечивающие защиту передачи информации между участниками. Встроенные функции безопасности, такие как самоуничтожающиеся сообщения и протоколы сквозного шифрования, гарантируют прочтение сообщений только теми пользователями, для которых они предназначены, ознакомиться с их содержанием третьим лицам не удастся, даже если они смогут осуществить их перехват. Приложения обеспечивают операционную безопасность и позволяют наркоторговцам координировать логистику, заключать сделки и управлять цепочками поставок;

– *пользовательские системы обмена сообщениями.* Некоторые продвинутые платформы разрабатывают собственные системы обмена сообщениями, адаптированные к их операционным потребностям, что еще больше повышает безопасность и снижает зависимость от сторонних инструментов. Использование шифрования гарантирует конфиденциальность обмена данными, не позволяя правоохранительным органам получить доступ к важной информации, даже если к устройству или учетной записи получен доступ;

– *блокчейн-механизм транзакций, осуществляемых посредством использования криптовалют (Bitcoin, Monero и др.).* Использование криптовалютных платежных систем является фундаментальным элементом онлайн-торговли наркотиками. Данный способ движения средств позволил выстроить самостоятельную финансовую инфраструктуру, существенно затрудняющую отслеживание денежных потоков. Криптовалюты используются как в качестве средства обмена, так и в качестве инструмента отмыывания денег, полученных незаконным путем. С целью усиления конспирации злоумышленники прибегают к услугам «миксеров» — автоматизированных сервисов, позволяющих эффективно добиваться сокрытия происхождения и назначения средств, полученных от незаконной продажи наркотиков, путем запутывания цепочки транзакций;

– *псевдонимные учетные записи* (связанные с основной учетной записью дополнительные адреса электронной почты, помогающие сохранить основной адрес в тайне), которые встраиваются в систему безопасности наркоориентированных платформ и обеспечивают защиту как покупателей, так и продавцов;

– *правила конфиденциальности.* Платформы, стремясь гарантировать операторам магазинов анонимность, вводят строгие правила конфиденциальности, касающиеся как коммуникации, так и транзакций.

Защищая каналы связи между поставщиками, клиентами и администраторами, платформы поддерживают доверие наркопотребителей и непрерывность работы магазинов.

Эффективность. Достижение максимальных результатов с минимальными издержками достигается за счет:

– *функциональной специализации участников.* Среди явных преимуществ онлайн-сетей торговли наркотиками следует отметить уникальность сформированной организационной структуры, в которой присутствует высокая эффективность за счет специализации и сбалансированного делегирования полномочий участникам. Лицам, задействованным в организованном сбыте наркотиков, назначается определенная функция, предполагающая точное выполнение поставленных задач, что снижает количество ошибок при исполнении.

Платформы организованы в несколько уровней, каждому из которых определены различные роли и обязанности причастных лиц. Каждый уровень фокусируется на определенных задачах, таких как логистика, управление клиентами или обслуживание информационной системы платформы, что позволяет вовлеченным развивать экспертные знания в своих соответствующих областях. Указанное разделение функционала отражает структуру законных корпораций с четкими линиями подчинения и определенными сферами ответственности, однако незаконный характер операций требует дополнительного акцента на специализацию.

Эффективность выполнения функций, соответствующих выбранной роли в наркосети, повышается за счет использования стандартизированных протоколов, содержащих четкую последовательность действий для решения всех операционных задач. Они обеспечивают согласованность, эффективность и безопасность во всей сети. Каждый участник получает точные инструкции, соответствующие его роли в преступной организации, и в случае возникновения инцидентов должен сообщить о проблемах (споры с клиентами, технические сбои и т. п.) с помощью стандартных форм или процедур, что гарантирует последовательное и эффективное решение проблем. Так, курьеры получают инструкции о том, как подготовить и разместить тайники с наркотиками, избегая его обнаружения; диспетчеры обучаются обрабатывать жалобы клиентов и предоставлять точную информацию о состоянии заказов; технический персонал проходит инструктаж по устранению проблем платформы — простоя серверов или DDoS-атаки. Поставщики наркотиков и курьеры должны следовать также протоколам обеспечения качества товаров и услуг, соответствующих требованиям платформы. Например, курьерам может быть дано указание сфотографировать места хранения наркотиков в определенных ракурсах и локациях для доказательства доставки;

– *внутреннего контроля маркетплейса над магазинами.* Платформы осуществляют значительный контроль над деятельностью размещенных в их цифровом пространстве наркомагазинов с целью поддержания их авторитета и функциональности. Таковые стимулируются к соблюдению свода заранее прописанных и согласованных с участниками стандартов и правил, как например, порядок ценообразования, рекомендации по качеству продукции, своевременная доставка наркотика, запрет на манипулирование отзывами клиентов, общение с клиентами вне мессенджера маркетплейса и т. п.

В числе процедур внутреннего контроля особое место занимает использование системы репутации поставщиков наркотиков, размещающих свои магазины на платформе, которая играет наиважнейшую роль в формировании доверия и привлечении клиентов. Таковая формируется за счет активной базы отзывов и рейтингов, аккумулирующей пользовательские оценки наркомагазины, формируемые на основе качества наркотиков, скорости доставки и условий размещения тайника (надежности).

Положительные отклики потребителей служат повышению рейтинга и узнаваемости магазина на наркомаркете. Возникающая при этом конкуренция заставляет наркомаркеты стимулировать клиентов оставлять хорошие отзывы и выставлять высокие оценки после успешной сделки покупки наркотиков. С целью поддержания высокого рейтинга помимо своевременной и качественной доставки запрещенных веществ приоритет отдается лояльности клиентов, рассмотрению поданных жалобы и корректному разрешению споров. Магазины активно используют различные маркетинговые инициативы, такие как скидки на предлагаемый товар или бесплатные образцы наркотиков, даже вопреки тому, что данная практика признается недобросовестной и пресекается площадками. Таким образом, система поддержания репутации наркомаркета служит не только механизмом обеспечения качества, но и маркетинговым инструментом, поощряющим повторные покупки, тем самым влияя на количество продаж с использованием платформы.

Со своей стороны, торговые площадки используют похожие системы отзывов для обеспечения общего качества и надежности своей экосистемы. Объединяя отзывы и рейтинги пользователей, они создают условия прозрачности торговли наркотиками на площадке, где клиенты могут принимать обоснованные и взвешенные решения. Указанная система стимулирует магазины поддерживать высокие стандарты торговли, поскольку их поисковый рейтинг на площадке и общая клиентская база напрямую зависят от этих показателей.

В перечне контролируемых мер присутствуют проверки достоверности поставки наркотиков и соответствия его качества, как например, в случае с программой сертификации лабораторий Hydra для про-

изготовителей синтетических наркотиков. Магазины, которые не соответствуют стандартам платформы, имеющие частые жалобы клиентов, отрицательные отзывы, рискуют получить санкции за несоблюдение принятых правил, в числе которых штрафы, приостановка или постоянный запрет деятельности. Это заставляет поставщиков придерживаться операционных правил платформы;

– *доверенного посредничества*. Разрешение возникающих споров — весьма важный аспект поддержания операционной стабильности поставщика. Эффективные примирительные механизмы гарантируют, что проблемы клиентов будут решаться оперативно, что укрепляет доверие и сводит к минимуму потенциальные негативные отзывы.

На уровне наркомагазина полномочиями на урегулирование споров, как правило, наделяются диспетчеры или специальные представители службы поддержки клиентов. Эти споры могут включать проблемы с доставкой, претензии к качеству или отсутствие самого наркотика в обозначенном месте тайника. При этом быстрое реагирование и объективное разбирательство не только удерживает клиентов как потенциальных покупателей магазина, но и предотвращает эскалацию споров на уровень платформы, где могут быть наложены штрафы. В целях компенсации понесенных затрат наркомагазины могут предлагать клиентам возвраты, замены или другие формы приемлемого возмещения, ставя основной своей целью поддержание положительного репутационного имиджа.

В случае невозможности разрешения спора на уровне наркомагазина платформы предоставляют арбитражные механизмы посредничества. Данная медиация действует как беспристрастный орган, рассматривающий доказательства обеих сторон с целью вынесения справедливого решения. Соглашаясь с таким подходом, магазины усиливают свою надежность как партнера в сделках и соответствие политике платформы.

Маркетплейсы выступают в качестве доверенных посредников при производстве транзакций и в спорах между покупателями и магазинами. В ходе коммуникаций наркомагазины полагаются на модераторов платформы для разрешения конфликтов и управления репутацией, обеспечивая устойчивость бизнес-процесса и адаптацию к вновь возникающим внешним условиям. Если покупатель сообщает о недоставке или низком качестве товара, платформа может задержать оплату магазину до тех пор, пока проблема не будет решена. С целью избежания подобных инцидентов, платформы используют специальных модераторов или арбитражные системы эскроу для обеспечения справедливого рассмотрения споров, как это видно на примере системы «AutoGarant» Hydra, позволяющей платформе удерживать поступившие средства от покупателей до тех пор, пока от них не поступит

подтверждение о получении и надлежащем качестве приобретенного «товара». Использование системы депонирования для хранения средств до подтверждения транзакций предотвращает мошеннические действия покупателей и продавцов, обеспечивая доверие между участниками сделки.

Анонимность и эффективность являются основой сетей онлайн-торговли наркотиками, которые используют передовые методы и инструменты для обеспечения бесперебойной работы и также нуждаются в минимизации рисков обнаружения и проникновения в систему.

Минимизация рисков проникновения, разоблачения и разрушения сети наркосбыта. Использование инновационных методов, таких как иерархическая сегментация с контролем доступа, децентрализация и меры безопасности позволило онлайн-рынкам наркотиков выстроить высокоэффективный барьер противодействия усилиям правоохранительных органов.

Иерархическая сегментация. Многоуровневая структура платформ устроена таким образом, который сокращает их взаимодействие между собой до минимума, что стало фундаментальным принципом координации в рассматриваемых сетях. Ограничивая объем информации для участника определенного уровня, платформа минимизирует риск выявления преступных действий, в случае если один из участников будет скомпрометирован и его дальнейшее участие в преступной организации станет невозможным.

Участники криминальных онлайн-сетей, как правило, не знают личности своих коллег, находящихся на более высоких или низких иерархических позициях. Взаимодействие на пронаркотических маркетплейсах ограничено непосредственными руководителями или подчиненными, что создает барьер, защищающий сотрудников более высокого уровня от нежелательных для него инцидентов. Например, наркокурьер редко имеет прямую связь с организаторами или техническим персоналом. Кроме этого, все участники работают под псевдонимами, что еще больше скрывает их личность и препятствует установлению связей между распределенными ролями. Такой многоуровневый подход снижает вероятность крупномасштабных сбоев в работе платформы в случае задержания участников, не относящихся к организаторам или администраторам, поскольку остальные лица не обладают какими-либо значимыми данными в отношении других членов преступной организации, занимающих более высокое положение.

Децентрализация. Платформы используют методы децентрализации, географически распределяя серверы, используя нескольких администраторов и распределяя финансовые операции. Децентрализация — преднамеренная тактика онлайн-сетей, гарантирующая, что захват одной части цепи не поставит под угрозу всю конструкцию. И торговые площадки, и

наркомгазины организованы для работы с минимальным централизованным контролем, что позволяет им быстро адаптироваться к различным инцидентам, таким как арест участников или отключение канала связи, снижает уязвимость к действиям правоохранительных органов.

Маркетплейсы, которые располагаются на централизованных серверах для хостинга, особенно подвержены несанкционированному контролю или отключению. В этой связи закономерным результатом адаптации маркетплейсов к высоким рискам централизации стала их географическая децентрализация. Географическая децентрализация заключается в операционном распределении по различным регионам, часто охватывающих несколько стран. Операции распределены по разным регионам, и ни одно местоположение не служит центральным узлом. Эта стратегия усложняет усилия по эффективному нацеливанию на сеть, снижает влияние локальных действий правоохранительных органов. Например, если нарколаборатория в одном регионе ликвидируется, поставщики и курьеры в других регионах могут продолжать работать без сбоев.

В отличие от географической, функциональная децентрализация подразумевает то, что каждый компонент сети, такой как производство, распределение и финансовое управление, работает полунезависимо. Онлайн-платформы используют схожие легальным торговым площадкам стратегии, разделяя обязанности между отдельными командами — техническими, финансовыми, маркетинговыми и модераторскими. Эти меры ограничивают потенциальный ущерб онлайн-сетям, гарантируя, что торговая площадка может продолжать функционировать, даже если один компонент (функция) будет скомпрометирован и подвергнется несанкционированному контролю.

Преднамеренное разделение ролей среди членов преступной организации является ключевой особенностью не только платформ, но и наркомгазинов. Обработка заказов, логистика и обслуживание клиентов, разделены между разными лицами или командами. Фрагментация на этом уровне отражает структуру наркомгазинов с дополнительным уровнем координации на всей платформе. Обособление обрабатываемых данных ограничивает объем информации, доступной конкретному участнику онлайн-торговли. Каждый из них получает информацию только о тех деталях, которые непосредственно связаны с возложенными задачами, соответствующими выполняемой конкретной роли. Такое разграничение не позволяет ни одному участнику получить полное представление обо всей операции, поскольку лица, участвующие в одной части операции, ограничены в информации о других фрагментах криминальной схемы.

Так, например, информация, которой обладают курьеры, диспетчеры и химики, строго определены

содержанием их функционала с минимальным дублированием. Наркокурьеры, отвечающие за физическую доставку, могут знать только местоположение тайников и инструкции по доставке, но при этом не знают о более широких сетевых действиях по сбыту наркотиков, что ограничивает поток конфиденциальной информации. В свою очередь диспетчеры сосредоточены на обработке заказов и общении с клиентами, но не имеют прямого контакта с «химиками» или финансовыми операторами. Разделение функционала гарантирует, что участники не смогут предоставить исчерпывающую информацию о сети, несмотря на все усилия правоохранительных органов.

Децентрализация — не просто защитная стратегия, но операционный императив в экосистеме онлайн-торговли наркотиками. Она позволяет наркомгазинам и платформам работать с минимальным риском, сохраняя при этом высокий уровень эффективности. Децентрализуя свою деятельность, платформы достигают уровня избыточности, который делает их исключительно устойчивыми к сбоям. Применяя эту стратегию, обе цифровые организации создают надежную и устойчивую систему со значительным запасом прочности.

Использование технологических мер безопасности. Постоянный мониторинг и контрмеры против киберугроз, прежде всего DDoS-атак, обеспечивают стабильность платформы и бесперебойное обслуживание клиентов.

Кроме того, предпринимаемое платформами внедрение надежных протоколов безопасности (анонимные учетные записи и криптовалютные платежи) защищает наркомгазины от прямого взаимодействия с правоохранительными органами, обеспечивает непрерывность их работы. В случае возникновения угрозы разрушения/разоблачения со стороны государственных силовых структур, как, например, захват серверов или задержание значимых участников преступной организации, платформы могут переместить операции, заменить персонал или перейти на альтернативные технологии с минимальными перебоями.

Деадаптивность государственного контроля, выражающаяся в недостаточном регулировании оборота криптовалют, сети Интернет, цифровых технологий, ориентированных на использование среды даркнета. В своей совокупности данные пробелы создают условия, при которых наркопреступники могут действовать с минимальной возможностью обнаружения и привлечения к уголовной ответственности. Видимым подтверждением влияния деадаптивности государственного контроля на снижение рисков криминальной деятельности является тот факт, что в юрисдикциях с развитой технологической инфраструктурой и ограниченным регулирующим контролем над киберпространством наблюдается наиболее заметный рост киберпреступности, связанной с наркотиками.

Таким образом, анонимность, эффективность и минимизация рисков вкуче с инструментами масштабируемости обеспечивают бесперебойное функционирование сетей онлайн-торговли наркотиками. Их архитектура отличается надежностью и способна выдерживать значительные угрозы, обеспечивать не только функционирование платформы, но и поддерживать ее способность адаптироваться и развиваться во все более конкурентной среде. Понимание этих преимущественных механизмов имеет решающее значение для правоохранительных органов, поскольку оно позволяет получить представление о потенциальных уязвимостях выстроенной системы. Сосредоточившись на этих слабостях, правоохранительные органы могут разрабатывать меры для разрушения и ликвидации незаконных сетей.

Для борьбы с растущей угрозой онлайн-торговли наркотиками государственные силовые структуры должны принять инновационные стратегии, нацеленные на структурную и технологическую динамику наркобизнеса. С учетом выявленных особенностей криминального наркорынка приоритетами задач оперативно-розыскной деятельности должны стать:

1) *сужение масштабируемости*. Работа в этом направлении должна включать прежде всего разработку и последующее использование программных инструментов, препятствующих функционированию платформы. Симбиотическая зависимость платформы и наркомагазинов наряду с взаимовыгодностью создает их операционную зависимость. Магазины жестко привязаны к инфраструктуре платформы, поэтому в случае ее ликвидации закрываются автоматически, что влечет потерю основного канала продаж и вынужденность миграции на альтернативные платформы;

2) *преодоление анонимности*. Решению данной задачи будет способствовать эксплуатация уязвимостей: а) технологических. Следует разработать и внедрить передовые киберинструменты взлома протоколов шифрования и нарушения каналов связи; б) финансовых. Достигается посредством отслеживания транзакций криптовалют. Платформы зависят от криптовалютных бирж или сервисов, связанных с отмыванием денег для их дальнейшего использования в незаконной деятельности. Целенаправленная работа правоохранительных органов по такого рода чувствительным позициям маркетплейсов может парализовать финансовые операции и деанонимизировать бенефициаров сделок; в) коммуникативных, связанных с проникновением в сети онлайн-наркоторговли. Оперативные подразделения могут осуществлять мероприятия по внедрению с использованием специально подготовленных цифровых профилей или учетных записей для получения информации о сетевых операциях и выявления ключевых участников преступной организации;

3) *снижение эффективности*. Получить данный

результат возможно посредством: а) дискредитации наркомагазинов, в том числе путем использования их конкуренции на одной и той же платформе, что приводит к разжиганию ценовой войны, спорам о качестве и даже саботажу через отрицательные отзывы; б) выведения из сети квалифицированного персонала. Потребность в высококвалифицированных ИТ-специалистах для разработки и поддержания безопасной инфраструктуры увеличивает риск нарушения работы маркетплейса при утрате квалифицированных специалистов, связанной с их задержанием правоохранительными органами, переходом на другой маркетплейс или другим причинам. Аналогичным образом выглядит ситуация, связанная с финансовыми операторами, которые осуществляют обработку сложных криптовалютных транзакций и отмывание незаконных средств. Нарушение в этом сегменте может подвергнуть платформу финансовому контролю и преследованию со стороны государственных силовых структур; в) обеспечения неотвратимости привлечения к ответственности наиболее уязвимой категории членов преступной организации — курьеров. Высокая текучесть кадров в этом сегменте приводит к неэффективности работы маркетплейса, увеличению расходов на обучение и уязвимости наркосети из-за недостатка опыта новых участников;

4) *увеличение рисков преступной деятельности*. Результата возможно достичь посредством: а) использования регулятивных инноваций. Усиление контроля над прекурсорами и другими химическими веществами, используемыми при производстве наркотиков, совершенствование законодательства в области кибербезопасности и усиление мониторинга криптовалютных бирж могут нарушить цепочки поставок подконтрольных веществ и осуществляемые с ними финансовые операции; б) разрушения географической децентрализации. Выявление и ликвидация географически распределенных криминальных операций посредством международного сотрудничества может подорвать устойчивость сети; в) целенаправленных атак и организованных сбоев, снижающих безопасность распределенных систем; г) использования человеческого фактора в целях совершения ошибок вовлеченными лицами, отклоняющимися от протоколов безопасности. Ошибки отдельных участников повышают риски попасть в поле зрения правоохранительных органов.

При обеспечении надлежащей роли субъектов оперативно-розыскной деятельности принятие данных мер позволит нивелировать полученные организованными преступными группами от использования информационно-телекоммуникационных технологий преимущества для налаживания криминального рынка наркотиков.

Список источников

1. Барсукова С. Ю. Лекции по неформальной эко-

номике : кратко, понятно, наглядно : учебное пособие. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 232 с.

2. Гончаров В. Н. Теневая экономика: государственные меры борьбы / В. Н. Гончаров, И. А. Денисенко, М. Н. Шевченко // Право и управление. XXI век. 2020. Т. 16. № 2(55). С. 106–115.
3. Кийко М. Ю. Противодействие наркобизнесу как стратегическое направление обеспечения экономической безопасности России : дис. ... д-ра эконом. наук : 08.00.05 / Кийко Михаил Юрьевич. М., 2017. 286 с.
4. Костин А. В. Теневая экономика и государственное управление // Мир экономики и управления. 2012. № 12(1). С. 18–25.
5. Латов Ю. В. Экономика вне закона : Очерки по теории и истории теневой экономики. М. : Московский общественный научный фонд, 2001. 284 с.
6. Новокшонов Д. В., Смелова С. В., Стишак А. А. Основные характеристики рынка наркотиков как криминального сектора теневой экономики // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1 (26). С. 61–72.
7. Сафонова Т. А. Наркобизнес — сегмент теневой экономики: взаиморасчеты за наркотики на платформе черного рынка даркнета // Академическая мысль. 2022. № 2(19). С. 130–135.

References

1. Barsukova S. Yu. Lectures on the informal economy : brief, clear, visual: a tutorial. Moscow : Publishing house of the Higher School of Economics, 2021. 232 p.
2. Goncharov V. N. Shadow economy : state measures to combat it / V. N. Goncharov, I. A. Denisenko, M. N. Shevchenko // Law and management. XXI century. 2020. Vol. 16. № 2 (55). P. 106–115.
3. Kiiko M. Yu. Counteraction to drug trafficking as a strategic direction for ensuring Russia's economic security : dis. ... doctor of economics : 08.00.05 / Kiiko Mikhail Yuryevich. Moscow, 2017. 286 p.
4. Kostin A. V. Shadow economy and public administration // The world of economics and management. 2012. № 12(1). P. 18–25.
5. Latov Yu. V. Economy outside the law : Essays on the theory and history of the shadow economy. Moscow : Moscow Public Scientific Foundation, 2001. 284 p.
6. Novokshonov D. V., Smelova S. V., Stishak A. A. Main characteristics of the drug market as a criminal sector of the shadow economy // Bulletin of the St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. 2024. № 1 (26). P. 61–72.
7. Safonova T. A. Drug business — a segment of the shadow economy: mutual settlements for drugs on the platform of the darknet black market // Academic Thought. 2022. № 2(19). P. 130–135.

Информация об авторе

В. Ю. Жандров — доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

V. Yu. Zhandrov — Associate Professor of the Department of Operative Investigative Activity and Special Techniques of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 14.02.2025; одобрена после рецензирования 22.02.2025; принята к публикации 03.03.2025.

The article was submitted 14.02.2025; approved after reviewing 22.02.2025; accepted for publication 03.03.2025.

Научная статья

УДК 122:34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-72-77>

EDN: <https://elibrary.ru/tnkpju>

НИОН: 2003-0059-2/25-265

MOSURED: 77/27-003-2025-02-464

Социологическая криминология и постсоветский путь ее развития

Евгений Семенович Жигарев

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, office@unity-dana.ru

Аннотация. Рассматривается актуальный вопрос — сущность криминологической науки. Дело в том, что прошлую теоретическую криминологию советские юристы сформировали на основе диалектического и исторического материализма, объявленного идеологами КПСС методологией всех без исключения наук. Это обстоятельство предопределило превращение криминологии в социально-правовую науку, главным предметом познания которой стала преступность в качестве объективного социального явления, развивающегося в силу собственных причин. Ложная теория задвинула на задний план познание самого продуцента — человека, совершающего преступления, и его мотивы, являющиеся психическими (духовными) категориями, а не социальными. В этой связи определен иной путь развития постсоветской криминологии, направленный на изучение человека, являющегося истинным детерминативом преступлений.

Ключевые слова: Конституция РФ, марксистская философия, социологическая криминология, гегелевские законы мышления, преступность, криминология как отрасль человековедческих наук, принципы

Для цитирования: Жигарев Е. С. Социологическая криминология и постсоветский путь ее развития // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 2. С. 72–77. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-72-77>. EDN: TNKPJU.

Original article

Sociological criminology and the post-Soviet path of its development

Evgeny S. Zhigarev

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, office@unity-dana.ru

Abstract. The article considers a topical issue — the essence of criminological science. The fact is that Soviet lawyers formed the previous theoretical criminology on the basis of dialectical and historical materialism, declared by the ideologists of the CPSU to be the methodology of all sciences without exception. This circumstance predetermined the transformation of criminology into a socio-legal science, the main subject of knowledge of which was crime as an objective social phenomenon developing due to its own reasons. The false theory pushed into the background the knowledge of the producer himself — a person committing crimes, and his motives, which are mental (spiritual) categories, not social ones. In this regard, a different path of development of post-Soviet criminology has been defined, aimed at studying a person who is the true determinant of crimes.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, Marxist philosophy, sociological criminology, Hegelian laws of thinking, crime, criminology as a branch of human sciences, principles

For citation: Zhigarev E. S. Sociological criminology and the post-Soviet path of its development. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(2):72–77. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-72-77>. EDN: TNKPJU.

© Жигарев Е. С., 2025

Кризис и саморазрушение СССР и его так называемого «реального социализма с человеческим лицом» привели к глобальным сдвигам сознания людей. И этому факту способствовала в первую очередь новая Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. Она отменила доминирование «единственно правильного мировоззрения», установленного идеологами КПСС на основе «верного» материалистического учения классиков марксизма. Конституция РФ признала высшей ценностью государства человека, его права и свободы. На это установление должны были бы обратить внимание и криминологи, основным предметом познания которых являлась преступность, а не человек, который своим криминальным поведением лишает людей этих ценностей¹.

Но если предыдущая материалистическая философия марксизма являлась для советских криминологов единственной методологической основой, то Конституция РФ признает идеологическое многообразие и каждому гражданину гарантирует свободу мысли и слова. Таким образом, Конституция РФ, можно сказать, освободила криминологов от оков объективного детерминизма, основанного на действиях надуманных всеобщих, универсальных законов материалистической диалектики, и дала свободу научному творчеству.

Однако когорта советских криминологов по известным причинам не стала внимать этим конституционным положениям и по-прежнему тиражировала свои криминологические догмы, сформулированные на основе объективного детерминизма. И по учебникам советского образца до сих пор продолжается распространение мнимых теоретических положений по криминологии.

Но, как представляется, непринятие иной идеологии советскими криминологами, сформировавшими на основе объективного детерминизма мнимую криминологическую теорию, объяснимо. Ведь смена материалистической методологии непременно привела бы и к изменению основополагающих положений советской криминологии, за разработку которой были получены награды и научные звания. Этот шаг означал бы и признание не совсем верных, мягко говоря, пропагандируемых догм советскими криминологами.

Ошибочность объясняется приверженностью ушедшему с идеологической арены диалектическому материализму, являвшемуся долгое время для советских криминологов и политическим ориентиром. Например, один из известных советских криминологов (ничьих фамилий указывать не буду) на полном серьезе полагал, что криминология изучает социальные явления с классовых, партийных позиций, и этим она

осуществляет свою идеологическую функцию. Другой не менее известный ученый исходные методологические положения науки криминологии связывал с классово-политическими позициями криминолога.

Таким образом, советские криминологи нешуточно считали, что они обязаны заниматься в первую очередь политикой, поддерживая тем самым государственную идеологию, а затем уже, собственно, наукой. В связи с этим нам необходимо знать смысл терминов «политика» и «идеология», чтобы понять, насколько необходимы (и необходимы ли) эти области государственного управления для криминологов. В этой связи обратимся к соответствующим справочным источникам.

Итак, политический словарь объясняет, что политика есть «деятельность общественных классов, партийных группировок, определяемая их интересами и целями, а также деятельность органов государственной власти и государственного управления, отражающая общественный строй и экономическую структуру страны» [2, с. 271].

Словарь по социологии констатирует, что «политика (греч. *politika* — государственные или общественные дела) — сфера отношений между классами, связанная с их борьбой за власть в государстве, с определением форм, задач, содержания деятельности государства» [3, с. 236].

Философский словарь поясняет, что политика (от греч. *politike* — искусство управления государством) «в широком смысле является партийной политикой, цель которой — завоевание государственной власти для осуществления определенного идеала государства, выраженного в партийной программе» [9, с. 352].

Названные определения политики, раскрывая ее сущность с разных сторон, никоим образом не касаются криминологии. Но философский словарь по отношению к политике приобщает ряд вспомогательных наук, к числу которых относит: историю, политическую и экономическую географию, государственное право, народное (автор, видимо, имел в виду гражданское) право, социологию, учение об экономике народного хозяйства, психологию и этику. Как видим, криминологии здесь тоже не нашлось места. И действительно она со своим основным предметом познания — человеком криминального поведения — как-то не вписывается в политический образ идеального государства. Однако здесь мне могут возразить: как это не вписывается? Ведь советские криминологи ставили задачу — искоренить преступность, что соответствовало политической идее КПСС — построению коммунизму как идеального общества. Однако распространение советскими криминологами подобной химеры — раз и навсегда покончить с преступностью — только нанесло вред советскому государству, в частности, его идеологии.

Кстати, об идеологии, раскроем и ее сущность.

¹ Однако через двадцать лет Г. А. Аванесов пытался переориентировать криминологию на познание мотивов поведения преступного человека и даже в одной из своих монографий назвал ее мотивационной. Но такое определение криминологии ограничивает предмет ее познания.

Названный политический словарь поясняет, что идеология есть «совокупность форм общественного сознания — политических, правовых, научных, философских, религиозных, моральных (этических), художественных (эстетических) взглядов» [2, с. 117]. Но на самом деле в обществе, разделенном на классы, идеология носит классовый характер и господствующей является идеология того класса, который обладает и экономической, и политической властью. В СССР господствующей идеологией являлся марксизм-ленинизм — самая прогрессивная идеология, как отмечали сами же партийные идеологи, могучее оружие в борьбе за преобразование общества на коммунистических началах.

Словарь по социологии трактует этот термин несколько иначе. «Идеология (от греч. *idea* — идея, образ и *logos* — слово, понятие, участие) — система идей, выражающая интересы, мировоззрение, идеалы какого-либо класса, общества или социального движения» [3, с. 80]. Но суть ее все равно остается такой же, классовой. В марксистском общественном сознании, как свидетельствует этот словарь, утвердилось понимание идеологии как целостной области общественного сознания, включающей в себя научно-теоретические, ценностно-нормативные и философско-мировоззренческие компоненты. В советскую эпоху философской компонентой был так называемый марксизм-ленинизм¹, представляющий собой учение об основных законах развития природы и общества.

Философский словарь констатирует, что «в настоящее время понятие идеологии употребляется почти исключительно как характеристика неистинного мировоззрения, предназначенного для обмана ради материальных, а также политических интересов» [9, с. 170]. Такое отношение к идеологии осталось после пережившим обществом идеологии КПСС, которая содержала ложные представления об устройстве мира, как физического, так и социального. Вместе с тем даже извращенное отражение действительности в идеологии может получить поддержку и распространение, если оно насильственным путем повсеместно насаждается политической структурой в обществе, как это было в СССР.

И действительно советская идеология была ложной, поэтому марксистская философия, состоящая из диалектического и исторического материализма, была легко отвергнута практикой. А практика, по мнению адептов марксизма, «является подлинным критерием истинности». Ложность советской идеологии объясняется вымышленными классиками марксизма законами материалистической диалектики, на основе которых якобы развиваются и природа, и общество. Но клас-

сики не являлись учеными-естествоиспытателями, поэтому использовали открытые Гегелем три идеалистических закона развития мышления человека, и, подправив их, объявили, что их действию подчинено объективное развитие общества.

В этой связи необходимо кратко пояснить суть гегелевских законов логики (мышления). Итак, наука логики Гегеля составляет главную часть его философской системы, сложность которой отмечали многие его современники. Для криминологов она тем более неподъемная. Однако, что именно подменили и изменили классики марксизма для формирования материалистической диалектики, объяснить можно.

Во-первых, гегелевский закон перехода количества в качество и обратно не применим для обеспечения развития неорганической (неживой) материи в органическую (живую). Ибо до сих пор никому не удавалось объяснить движение молекул внутри отдельного неорганического тела, благодаря чему оно переходит из одной формы в другую самостоятельно без внешнего целеполагающего воздействия.

Во-вторых, классики марксизма гегелевский закон взаимного проникновения противоположностей, касаемый противоположных мыслей, понятий, идей и т. п., переименовали на материалистический лад и сформулировали как закон единства и борьбы противоположностей. В гегелевском идеалистическом законе нет и не может быть в принципе борьбы в мышлении, даже между противоположными мыслями, так как оно, проникая друг в друга, образуют новое, более совершенное понятие. В этом процессе и проявляется диалектическое мышление. В материалистической интерпретации классики марксизма в свой закон включили два противоположных термина «единство» и «борьба», которые в реальной действительности уже по определению не могут встретиться, ибо взаимно исключают друг друга.

Однако классикам необходима была категория «противоречие», которое В. И. Ленин назвал ядром, сутью материалистической диалектики. Это противоречие они представляли как происходящее между противоположными сторонами процессами внутри каждого материального образования. Но так как раскрыть и доказать внутреннее диалектическое противоречие невозможно (ибо нет в предметах борьбы), догматики марксистского учения перенесли борьбу противоположностей на внешние предметы и явления. Например, они увидели диалектическое противоречие между такими противоположностями, как низ и верх, внешнее и внутреннее, северный и южный полюсы, сложение и вычитание, деление и умножение, движение и покой, человек и общество и т. д. и т. п. [см.: 1, с. 281]. И между этими обозначениями должна вестись некая борьба, а иначе не будет диалектического развития. Абсурдность этих «находок» очевидна.

В-третьих, в основном законе отрицания отрицания диалектической логики (или мышления) Ге-

¹ Но создателями марксизма являются К. Маркс и Ф. Энгельс, которые и сформировали три его составные части: диалектический и исторический материализм, политическую экономиию и научный коммунизм, так что ленинизм здесь ни при чем.

гель глубоко и конкретно трактовал природу самого противоречия. Оно для него не есть простое отрицание той мысли, которая только что полагалась (думалась) и утверждалась. Это — двойное отрицание: первое отрицание есть обнаружение противоречия, второе — его разрешение, когда исходная антиномия (противоречие) одновременно исполняется и снимается. А снимается противоречие не путем его исключения, а взаимного проникновения первой мысли и последующей друг в друга. Гегель никогда не представлял, что идеалистический закон отрицания может пониматься буквально как исключение первого (абстрактного) понятия последующим (конкретным) понятием. Быть отрицаемым, согласно Гегелю, значит, быть одновременно и сохраняемым, возвышаемым, ибо общее явилось основой последующему, конкретному. С помощью открытых им объективных законов мышления Гегель обнаружил напряженную диалектику развития человеческого сознания, связанного с процессом постоянного отрицания каждой наличной мысли последующей, вызревшей в недрах сознания в виде конкретного, имманентного ей противоречия. В этом процессе и проявляется диалектическое развитие познания.

Классики марксизма этот идеалистический закон применили для обоснования объективного процесса развития общественно-экономической формации, или общества. То есть они полагали обосновать объективный характер насильственного захвата власти путем политических революций. В этой связи они отмечали, что «революция не вызывается каким-либо произволом, но представляет объективный процесс, в котором старые противоречия, достигшие высшей степени напряжения, преодолеваются, а возникшее на этой основе явление развивается в силу новых противоречий» [8, с. 512]. Подобное объяснение затушевывает противоправную деятельность политической партии, борющейся за свержение насильственным путем законной власти.

Но если признать на самом деле действие неких объективных законов, по которым развивается общество, то тогда нужно согласиться, что люди, составляющие общество, безвольные существа, подчиняющиеся обстоятельствам, развивающимся сами по себе без их участия. Но с таким абсурдным выводом вряд ли кто согласится. Следовательно, никаких объективных законов развития общества нет и не может быть. Значит, законы так называемой материалистической диалектики — это необходимая выдумка классиков марксизма.

Подтвердив проведенным анализом, что марксистская социология не может являться основой для постсоветской криминологии, необходимо в этой связи и пересмотреть основные догмы, которые сегодня продолжают позиционировать криминологи.

Возьмем для рассмотрения учебник «Криминология», рекомендованный Министерством образова-

ния Российской Федерации в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 030501 «Юриспруденция». Авторы учебника относят науку криминологию к области социально-правовых [5, с. 5]. В другом учебнике эта мысль повторяется точь-в-точь, что криминология — социально-правовая наука [6, с. 18]. Однако нужно отметить, что эта мысль принадлежала Н. Ф. Кузнецовой, которая еще в семидесятые годы в одном из учебников отмечала: «советская криминология располагается на стыке двух общественных наук — социологии и права, является социолого-правовой наукой» [4, с. 4]. Это определение объясняется тем фактом, что марксистская социология, основывающаяся на историческом материализме, была методологическим ориентиром для советской криминологии.

Классики марксизма социологию, являющуюся учением об обществе, в котором истинным продуцентом являются люди, то есть субъективное, объективировали, подчинив все социальные процессы не людям, а надуманным диалектическим законам. В этой связи в советское время социологию трактовали учением об обществе и законах его развития. Нас учили, что подлинно научная социология есть исторический материализм, созданный Марском и Энгельсом. Именно они видели определяющими общество не людей, а производственные отношения, поэтому считали законы истории и общества объективными, и в этой связи процесс развития общества предстал в их глазах как естественноисторическая смена общественно-экономических формаций, и на этой основе предсказали смену капитализма коммунизмом.

Однако обанкротившаяся эта идея, стоившая миллионов жертв в различных странах, все еще не совсем отброшена. Идеал полного равенства еще живет в сознании некоторых людей, хотя очевидно, что справедливо лишь положение, при котором существует только равенство прав и возможностей. Ибо уравнение людей неравных по способностям, инициативе, стремлению, энергии, моральным качествам и т. д., было бы вопиющей несправедливостью, концом совершенствования людей и общества, смертью прогресса и свободы, началом деспотизма и нищеты.

В советский период криминологи, как известно, были вынуждены позиционировать социологическую теорию марксизма-ленинизма, которая видит вещи, но не видит людей. Выдвинув в качестве основного предмета познания преступность в виде вымышленного социально-правового явления, развивающегося в силу собственных причин, советские криминологи назвали свое учение социально-правовой наукой. В этой связи им пришлось задвинуть на задний план личность индивида — истинного продуцента криминальных деяний.

Современная же социология развивается по четырнадцати направлениям [см.: 9, с. 430–432]. Для науки криминологии, являющейся на самом деле специфиче-

ской отраслью человековедческих наук, важным являются психологическое и социально-психологическое направления. Ибо они исходят от того, что вся социальная действительность обусловлена психическими действиями людей и поэтому может быть понята только изнутри, из психического, из духовно-душевных качеств. Кстати, Н. Ф. Кузнецова уже через пять лет изменила свою социологическую позицию и в своей монографии написала, что причины преступных деяний всегда субъективны, относящиеся к сфере сознания и социальной психологии [7, с. 29].

Данная точка зрения Н. Ф. Кузнецовой созвучна положению, что криминология является специфической отраслью человековедческих наук, но не марксистской социологии, рассматривающей человека совокупностью всех общественных отношений.

Отсюда следует, что преступность как совокупность криминальных деяний и лиц, их совершивших, по определению не может быть на первой позиции в познании. Приоритет должен принадлежать изучению продуцента (производителя) преступлений. Умышленно назвав преступность социальным явлением, советские криминологи только тогда смогли развить теорию классиков марксизма-ленинизма о преходящем ее характере и возможном искоренении путем устранения коренных социальных причин.

Однако нельзя бездумно соглашаться с догматическими утверждениями советских криминологов, ибо они жили и творили, исходя из требований, предъявляемых партийными идеологами.

Если обратить внимание на то, как сами классики марксизма понимали явление, то станет ясным, что преступность никакого отношения к нему не имеет. Явление — поясняет философский словарь марксистского толка — есть совокупность многообразных, внешних, подвижных свойств и отношений предмета, непосредственно открытых чувствам [8, с. 443]. Подвижные свойства предмета предполагают, что сущность и явление (сам предмет) находятся в противоречии. А иначе невозможно было бы представить эволюционное развитие неорганических материальных образований внешнего мира в органические. Из данного представления следует, что явление, во-первых, это единичные предметы, которыми наполнена объективная действительность, то есть явление объективно. Во-вторых, каждое явление-предмет наблюдаем. В-третьих, любое явление чувственно переживаемо. Преступность ни одним из названных признаков не обладает. Следовательно, она к естественным явлениям не относится. И тем более преступность не относится к социальным явлениям, так как общество состоит из людей. Классики марксизма называли общество «продуктом взаимодействия людей» [цит. по: 3, с. 204]. Таким образом, можно сказать, что поставлена окончательно точка, означающая, что диалог о признании преступности социальным яв-

нием, якобы самостоятельно развивающимся в силу собственных причин, прекращен.

В этой связи скажем, что термин «преступность» является всего лишь криминологическим понятием, отражающим совокупность зарегистрированных преступлений и выявленных лиц, их совершивших. Состоящая из многомиллионных событий и объемного числа криминальных субъектов, преступность не может быть предметом познания теоретической криминологии.

Но если криминология — не социально-правовая наука, так как преступность не относится к явлениям, тогда нужно определить, к какой отрасли знаний криминология относится. Представляется, что теоретическая криминология должна быть полностью ориентирована на познание человека, являющегося истинным продуцентом преступлений. В этой связи можно сформулировать следующее определение. **Криминология** — это специфическая отрасль человековедческих наук, основным предметом познания которой является человек как биопсихосоциальное существо. В этой дефиниции человек представлен в трех его ипостасях. Ведь личность лишь его метафизическая часть, которую изучить в натуре невозможно. В этой связи человек, совершивший преступление, требует познания в целом. Только тогда станет понятным, почему преступность является вечным атрибутом человеческого общества. Социологическое же ориентирование советской криминологии в истории этой науки пусть останется как некая издержка политико-идеологического периода ее развития.

Однако криминологам, чтобы иметь представление о человеке вообще, необходимо владеть в определенной мере знаниями и философии, и антропологии (в том числе и христианской), и биологии, и генетики, и психологии; ну хотя бы следить за человековедением ученых этих отраслей знаний.

Сама же криминологическая наука как учебная дисциплина должна быть представлена, как и прежде, двумя самостоятельными частями: теоретической и практической, и каждая собственными темами.

Теоретическая криминология:

1. История развития науки криминологии.
2. Методология криминологии и ее характеристика как науки.
3. Сущность человека как основного предмета криминологии.
4. Криминологическая теория личности преступника.
5. Модели механизма преступного поведения.
6. Основы криминологической виктимологии.
7. Предупреждение преступности органами внутренних дел.
8. Характеристика преступности.
9. Организация криминологического исследования преступности.

10. Криминологическое прогнозирование и планирование профилактики преступности.

Практическая криминология формируется из тем частного характера, исходя из сложившейся практики преподавания, учитывая изменяющуюся криминогенную ситуацию в стране. В этой связи практическая криминология должна быть динамичная (подвижна), отвечать запросам практики.

С изменением сущности теоретической криминологии ученый-криминолог должен придерживаться следующих двух принципов. Первый — он должен быть вне политики. В противном случае криминолог, как только станет распространителем каких-либо идей партии, изживет себя как ученый. Не случайно же в начале 1991 года всех сотрудников ОВД вывели из рядов КПСС. И второй принцип: криминолог должен оставаться диалектиком-идеалистом в хорошем смысле этого слова. Он обязан постоянно, влекомый диалектическим мышлением, продолжать доискиваться до истины каких бы трудов это ни стоило. Таким образом, ученый-криминолог должен беспрестанно, не останавливаясь на достигнутом, развивать эту науку, обогащаясь знаниями о человеке, являющимся главным звеном в цепочке «причина-преступление». Он тем самым будет постоянно подтверждать, что теоретическая криминология — это отрасль человеко-ведческих наук, но не сфера социологии.

Список источников

1. Диалектический материализм. Учеб. пособие / под ред. А. П. Шептулина. М. : Политиздат, 1974.
2. Краткий политический словарь. Изд. 2-е, доп. и переработ. М. : Политиздат, 1969.
3. Краткий словарь по социологии / под общ. ред. Д. М. Гвишиани, Н. И. Лапина ; сост. Э. М. Кожева, Н. Ф. Наумова. М. : Политиздат, 1989.
4. Криминология. М. : Юрид. лит., 1979.

Информация об авторе

Е. С. Жигарев — профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, почетный член (академик) Российской академии естественных наук (РАЕН).

Information about the author

E. S. Zhigarev — Professor of the Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Member (Academician) of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS).

Статья поступила в редакцию 15.02.2025; одобрена после рецензирования 22.02.2025; принята к публикации 03.03.2025.

The article was submitted 15.02.2025; approved after reviewing 22.02.2025; accepted for publication 03.03.2025.

5. Криминология : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [Г. А. Аванесов и др.] ; под ред. Г. А. Аванесова. 6-е изд., переработ. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015.
6. Криминология : учебник / коллектив авторов ; под общ. ред. В. И. Гладких. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЮСТИЦИЯ, 2021.
7. Кузнецова Н. Ф. Проблемы криминологической детерминации. М. : Изд-во Московского университета, 1984.
8. Философский словарь / под ред. М. М. Розенталя и П. Ф. Юдина. М. : Политиздат, 1963.
9. Философский энциклопедический словарь. М. : ИНФРА-М, 2003.

References

1. Dialectical Materialism. Textbook / edited by A. P. Sheptulin. Moscow : Politizdat, 1974.
2. Brief Political Dictionary. 2nd ed., supplemented and revised. Moscow : Politizdat, 1969.
3. Brief Dictionary of Sociology / edited by D. M. Gvishiani, N. I. Lapin ; compiled by E. M. Kozhev, N. F. Naumov. Moscow : Politizdat, 1989.
4. Criminology. Moscow : Legal Literature, 1979.
5. Criminology : textbook for university students majoring in Jurisprudence / [G. A. Avanesov et al.] ; edited by G. A. Avanesov. 6th ed., revised and enlarged. Moscow : UNITY-DANA, 2015.
6. Criminology : textbook / collective of authors; general editor V. I. Gladkikh. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow : JUSTICE, 2021.
7. Kuznetsova N. F. Problems of criminological determination. Moscow : Moscow University Press, 1984.
8. Philosophical Dictionary / edited by M. M. Rosenthal and P. F. Yudin. Moscow : Politizdat, 1963.
9. Philosophical Encyclopedic Dictionary. Moscow : INFRA-M, 2003.

Научная статья

УДК 342.72

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-78-87>

EDN: <https://elibrary.ru/swgwnr>

НИОН: 2003-0059-2/25-266

MOSURED: 77/27-003-2025-02-465

Вопросы эффективности системы профилактики правонарушений несовершеннолетних в контексте обеспечения их прав и законных интересов

Олеся Витальевна Жукова

Тверской государственной университет, Тверь, Россия, Zhukova.OV@tversu.ru, ORCID: 0000-0001-6716-3726

Аннотация. Анализируются вопросы эффективности системы профилактики правонарушений несовершеннолетних с точки зрения обеспечения их прав и законных интересов. Обосновывается вывод о том, что вопросы, затрагивающие профилактику правонарушений несовершеннолетних, должны разрешаться в порядке административного судопроизводства. Поскольку любой несовершеннолетний правонарушитель нуждается в особой заботе или попечении, по стольку и судебный порядок применения к ним мер воздействия должен быть закреплен в особой форме — осуществление попечительского надзора. В КАС РФ необходимо ввести отдельную гл. 29.1 «Производство по административным делам о попечительском надзоре за несовершеннолетними правонарушителями». Так как судебный контроль предполагает рассмотрение не только законности действий лица, совершившего общественно опасное деяние, но и целесообразности установления определенных профилактических мер. Именно для несовершеннолетнего такие меры должны быть закреплены в судебном акте и иметь обязательное исполнение со стороны государственных органов. Обосновывается вывод об установлении особых административных ограничений в отношении несовершеннолетних правонарушителей.

Ключевые слова: несовершеннолетний, права и законные интересы, профилактика правонарушений, административное судопроизводство

Для цитирования: Жукова О. В. Вопросы эффективности системы профилактики правонарушений несовершеннолетних в контексте обеспечения их прав и законных интересов // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 2. С. 78–87. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-78-87>. EDN: SWGWNR.

Original article

Issues of effectiveness of the juvenile delinquency prevention system in the context of ensuring their rights and legitimate interests

Olesya V. Zhukova

Tver State University, Tver, Russia, Zhukova.OV@tversu.ru, ORCID: 0000-0001-6716-3726

Abstract. Analyzed issues of effectiveness of the system of prevention of juvenile delinquency from the point of view of ensuring their rights and legitimate interests. The conclusion is substantiated that issues affecting the prevention of juvenile delinquency should be resolved through administrative proceedings. Due to the fact that any juvenile offender needs special care or care, the judicial procedure for applying measures of influence to them should be fixed in a special form — the implementation of guardianship supervision. It is necessary to introduce a separate chapter 29.1 in the CAS of the Russian Federation «Proceedings in administrative cases of guardianship supervision of juvenile offenders». After all, judicial control involves considering not only the legality of the actions of a person who has committed a socially dangerous act, but also the expediency of establishing certain preventive measures. It is for minors that such measures should be fixed in a judicial act and must be enforced by state authorities. The conclusion on the establishment of special administrative restrictions in relation to juvenile offenders is substantiated.

Keywords: minors, rights and legitimate interests, prevention of offenses, administrative proceedings

For citation: Zhukova O. V. Issues of effectiveness of the juvenile delinquency prevention system in the context of ensuring their rights and legitimate interests. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(2):78–87. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-78-87>. EDN: SWGWNR.

© Жукова О. В., 2025

Профилактика правонарушений несовершеннолетних должна осуществляться на основе баланса частных и публичных интересов. Защита публичных интересов предполагает обеспечение целостности, устойчивости и нормального развития общества в целом [20, с. 54–55], что невозможно без создания государством эффективного механизма предотвращения совершения правонарушений несовершеннолетними. Частный интерес заключается в применении таких воспитательных и принудительных мер к несовершеннолетнему, которые не только не смогут в дальнейшем причинить ему вред, но позволят несовершеннолетнему и дальше развиваться, получать образование, медицинскую помощь и т. д. Поэтому пристальное внимание следует уделять вопросам применения к несовершеннолетним мер административной или уголовной ответственности, а также правил помещения в центр временного содержания или специальное учебно-воспитательное учреждение. Несовершеннолетний, совершивший правонарушение, уже оказался в трудной жизненной ситуации, поэтому применение профилактических мер, скорее всего, направлено на его исправление и перевоспитание. Целесообразно разработать такие меры, которые будут направлены на устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также установить со стороны государства особый надзор за несовершеннолетним, который обеспечит не только защиту его прав и законных интересов, но и не допустит совершения им повторных общественно опасных деяний. А в этом уже прослеживается больше публичный интерес, потому что государство тем самым защищает общество от противоправных действий. Ведь органы системы профилактики реагируют, как правило, на факт совершения противоправных деяний, который уже свидетельствует об асоциальном поведении несовершеннолетнего.

Представляется, что профилактика правонарушений несовершеннолетних должна начинаться в семье [4], поскольку поведение, установки, избираемые модели общения, а также существующая в семье система ценностей усваиваются детьми достаточно прочно, с раннего детства [14, с. 98–106]. Именно семья относится к традиционным российским духовно-нравственным ценностям, защита которых обеспечивается, прежде всего, укреплением института семьи, сохранением традиционных семейных ценностей. В семейном законодательстве установлено общее положение о том, что родители обязаны воспитывать своих детей, заботиться об их здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии (ст. 63 СК РФ). Но современные реалии предопределяют необходимость предусмотреть и обязанность родителей препятствовать вовлечению ребенка в противоправную деятельность.

Особое внимание должно быть уделено проведе-

нию профилактических мероприятий в образовательных учреждениях соответствующими психологическими службами. Ведь наиболее эффективной является профилактика правонарушений, когда подросток еще не совершил преступление [16], или выявлены первые признаки девиантного поведения [6, с. 12]. Поскольку в этом случае меры профилактического воздействия направлены на раннюю коррекцию отклоняющегося поведения, без которой исправление склонности к совершению антиобщественных поступков в будущем становится затруднительной. К сожалению, корни данного явления проистекают из совокупности событий, произошедших в России в последние несколько десятилетий: коренных политических и экономических преобразований, глубочайшего социального расслоения, кризиса морально-культурных ценностей, информационной вседозволенности и т. д. Увеличивается число несовершеннолетних, употребляющих запрещенные вещества, падает авторитет института семьи, существуют проблемы в системе образования. Отдельную «группу риска» образуют воспитанники детских домов, учащиеся школ-интернатов, дети, растущие в неблагоприятной семейной обстановке, — они оказываются особенно уязвимыми к воздействию криминального мира, легче переступают грань закона и, однажды это сделав, сложнее возвращаются к «правопослушному поведению». Они же в последующем образуют «благоприятную» среду для взрослой, в том числе, что особенно опасно, рецидивной преступности [19, с. 101–102].

Необходимо отметить, что применение таких мер, как принудительное помещение несовершеннолетних правонарушителей в специальные учреждения всегда осуществлялось в судебном порядке, но при этом не было закреплено специальной процедуры. Первоначально такие дела рассматривались по нормам уголовного, а затем гражданского процесса. Но только административное судопроизводство призвано обеспечить надлежащий судебный контроль по делам, затрагивающим такие основные права, как право на свободу и личную неприкосновенность. Давно ожидаемое дополнение в КАС РФ гл. 31.2 и 31.3 было принято только в ноябре 2022 г. Безусловно, существовавший ранее подход явно не соотносился со значимостью ограничиваемого в результате рассмотрения права несовершеннолетних на свободу и личную неприкосновенность, не учитывал особый статус несовершеннолетних в публичных правоотношениях, требующих принятия государством особых мер в целях наилучшего обеспечения интересов ребенка [5, с. 211]. Вместе с тем остаются неурегулированными вопросы, затрагивающие профилактику правонарушений несовершеннолетних, которые также должны разрешаться в порядке административного судопроизводства.

Так, учитывая исторический опыт отечественного дореволюционного законодательства о применении

мировыми судьями мер воздействия к несовершеннолетним правонарушителям и их родителям в форме попечительского надзора [13], представляется необходимым установление судебного контроля и дополнение КАС РФ специальными положениями, закрепляющими порядок установления особого надзора в отношении несовершеннолетних правонарушителей. Кроме того, в настоящее время в законодательстве ряда государств установлен пробационный надзор, целями которого является создание условий для исправления и ресоциализации несовершеннолетних, предупреждение совершения ими новых правонарушений. Например, несовершеннолетний может быть принужден к прохождению курса психологической реабилитации; или на него может быть возложена обязанность по участию в пробационной программе или по прохождению курса обязательного обучения [14, с. 221–230]. Поэтому сложно согласиться с утверждением о том, что эффективность и возможность реализации на различных этапах противоправной деятельности может быть достигнута именно административно-правовыми средствами предотвращения неправомерного поведения несовершеннолетних [10; 15].

Так, в гл. 29 КАС РФ установлен судебный контроль за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, в форме административного надзора (последипенциарный контроль), который не является мерой публично-правовой ответственности, наступающей за совершение какого-либо конкретного преступления [1]. Основная цель — это профилактика совершения новых преступлений со стороны осужденных, а также оказание на них воспитательного воздействия. При этом данная мера не имеет целью какого-либо унижения человеческого достоинства или компрометации поднадзорного по месту его работы, учебы или жительства [12, с. 286, 292]. Ограничения устанавливаются в связи с тем, что в условиях лишения свободы личность осужденного подвергается значительной деформации, в результате которой начинают преобладать криминальные и антисоциальные ценности. Это во многом предопределяет поведенческие установки осужденного на продолжение активной преступной деятельности после отбывания наказания [2, с. 340–347].

Эффективность административного надзора зависит не только от внимательного наблюдения за образом жизни и контроля за поведением поднадзорного, но и от создания условий для их исправления. Поэтому в юридической литературе и обосновываются положения о необходимости установления в рамках административного надзора не только определенных ограничений, но и предписаний, которые способны облегчить ресоциализацию и социальную адаптацию. Например, повысить профессиональный уровень, улучшить общеобразовательную подготовку, пройти курс лечения и т. п. [8]. Или высказываются

предложения о закреплении профилактических мер по отношению ко всем лицами, освобожденными из мест лишения свободы [7], в связи с тем, что административный надзор направлен на устранение причин и условий, побуждающих поднадзорное лицо к совершению противоправных деяний [11]. Представляется, что установление подобных мер особо важно и для несовершеннолетних правонарушителей.

Выбор конкретных административных ограничений не носит произвольного характера, их применение направлено на обеспечение индивидуального профилактического воздействия. В частности, судом учитываются характер и степень общественной опасности совершенного поднадзорным лицом преступления, его поведение за весь период отбывания наказания и поведение после освобождения из мест лишения свободы, семейное положение указанного лица, место и график его работы и (или) учебы, состояние здоровья, а также иные заслуживающие внимания обстоятельства. В том случае, если лицо, освобожденное из мест лишения свободы, имеет неотбытое наказание, не связанное с лишением свободы, суды при выборе административных ограничений учитывают ограничения, назначенные данному лицу в связи с исполнением такого наказания в целях предотвращения возможности нарушения порядка и условий отбывания наказания, не связанного с лишением свободы [3, с. 513–522].

В настоящее время законодательством предусмотрено положение о том, что государство гарантирует судебную защиту прав детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, в т. ч. детей, отбывающих наказание в виде лишения свободы в воспитательных колониях; детей, находящихся в образовательных организациях для обучающихся с девиантным (общественно опасным) поведением, нуждающихся в особых условиях воспитания, обучения и требующих специального педагогического подхода (специальных учебно-воспитательных учреждениях открытого и закрытого типа); детей с отклонениями в поведении; детей, жизнедеятельность которых объективно нарушена в результате сложившихся обстоятельств и которые не могут преодолеть данные обстоятельства самостоятельно или с помощью семьи. Кроме того, обязательными являются обеспечение приоритета личного и социального благополучия ребенка, обеспечение специализации правоприменительных процедур (действий) с его участием или в его интересах, учет особенностей возраста и социального положения ребенка [21, ст. 15].

Так, например, в соответствии со ст. 180 Уголовно-исполнительного кодекса РФ в случае освобождения от отбывания наказания несовершеннолетнего осужденного администрация учреждения, исполняющего наказание, уведомляет о его предстоящем освобождении комиссию по делам несовершеннолетних и защите

их прав по месту его жительства и направляет характеристику несовершеннолетнего и рекомендации о необходимости проведения с ним индивидуальной профилактической работы и оказания ему содействия в трудовом и бытовом устройстве. Безусловно, такой несовершеннолетний нуждается в педагогической, психологической, медицинской, юридической помощи, в социальной реабилитации. Вместе с тем в настоящее время не определен порядок проведения профилактической работы комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав с несовершеннолетними, которые уже совершили общественно опасное деяние. Каждая территориальная комиссия самостоятельно принимает такие решения, поэтому и отмечается разрозненность региональной практики в области профилактики правонарушений. Несмотря на то, что территориальные комиссии являются коллегиальными органами, членами комиссии которых могут быть, например, руководители (их заместители) органов и учреждений системы профилактики, представители общественных объединений, религиозных конфессий, граждане, имеющие опыт работы с несовершеннолетними, депутаты, другие заинтересованные лица [22]. В составе комиссий просто нет специалистов, которые могли бы разработать индивидуальную программу профилактических мероприятий, направленных на ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию несовершеннолетнего правонарушителя. У комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав нет и финансовой возможности привлечь таких специалистов.

К сожалению, Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» [23], положения которого в части постпенитенциарной пробации начинают применяться с 1 января 2025 г., не содержит отдельной главы, которая бы закрепляла постпенитенциарную пробацию в отношении несовершеннолетних. Только в приказе Министерства юстиции РФ (далее — приказ) [24] указано, что к лицам, нуждающимся в социальной помощи, относятся несовершеннолетние осужденные к лишению свободы, в том числе дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей (п. 53). Вместе с тем ряд положений этого приказа вызывает вопросы с точки зрения оценки эффективности правоприменительной практики, поскольку не только не принят регламент межведомственного взаимодействия, не определен порядок реализации положений приказа, но и не закреплены источники финансирования всех этих мероприятий. Например, в п. 58 приказа предусмотрено, что если у освобождаемого несовершеннолетнего осужденного к лишению свободы отсутствуют родственники, подразделение социальной работы направляет запрос в орган опеки и попечительства, подразделение по делам несовершеннолетних органа внутренних дел и комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав по его прежнему месту жи-

тельства с просьбой решить вопрос устройства такого лица на работу или учебу и обеспечения его жилой площадью. При необходимости запросы об оказании содействия в решении указанных вопросов направляются в региональные органы опеки и попечительства, комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав, уполномоченному по правам ребенка в субъекте Российской Федерации по месту нахождения воспитательной колонии. А в п. 59 приказа установлено, что несовершеннолетний осужденный к лишению свободы после освобождения может быть передан в органы опеки и попечительства.

Анализ судебной практики также подтверждает необходимость закрепления именно комплексного подхода к системе профилактики правонарушений несовершеннолетних. Можно привести пример из судебной практики, когда суд отказывает в удовлетворении административных исковых требований о помещении несовершеннолетних в Центр временного содержания несовершеннолетних правонарушителей. Так, Нелидовским межрайонным судом Тверской области рассмотрено четыре административных исковых заявления МО МВД России «Нелидовский» о помещении несовершеннолетних жителей города Нелидово в Центр временного содержания несовершеннолетних правонарушителей УМВД России по Тверской области. В судебном заседании установлено, что несовершеннолетние совершили хищение денежных средств на сумму 35 200 руб. В действиях несовершеннолетних усматриваются признаки состава преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ, однако на момент совершения преступления они не достигли возраста привлечения к уголовной ответственности. В целях предупреждения повторного общественно опасного деяния со стороны несовершеннолетних административный истец просил суд поместить ответчиков в Центр временного содержания несовершеннолетних правонарушителей УМВД России по Тверской области. Заслушав несовершеннолетних, участников процесса, прокурора, исследовав материалы дела, суд пришел к выводу, что административным истцом не представлено достаточных доказательств того, что несовершеннолетние продолжают в будущем совершать правонарушения, находятся в социально опасном положении и нуждаются в профилактическом ограничении свободы, а также что предприняты достаточные меры, направленные на профилактику и недопущение совершения несовершеннолетними преступлений. Решением суда в удовлетворении административных исковых требований МО МВД России «Нелидовский» отказано [25]. Получается, что непредставление административным истцом достаточных доказательств того, что несовершеннолетние продолжают в будущем совершать правонарушения, а не сам факт кражи, является достаточным основанием не применять профилактические меры к несовершеннолетнему. Напро-

тив, несовершеннолетний уже совершил общественно опасное деяние, он уже находится в опасном положении и нуждается в том, что государство в лице определенных органов и учреждений системы профилактики определило профилактические меры, которые не допустят совершения им повторных правонарушений. Только в этом случае можно будет говорить о том, что государство в лице суда, прокуратуры, других государственных органов предприняло все необходимые меры к исправлению несовершеннолетнего, в т. ч. закрепило принудительные меры воспитательно-го воздействия. Понятно, что недостижение возраста уголовной ответственности является условием для освобождения от уголовной ответственности. При этом следует подчеркнуть, что защита прав и интересов несовершеннолетних правонарушителей предполагает определение комплекса профилактических мер, направленных на недопущение совершения ими повторных общественно опасных деяний. Кроме того, данное судебное решение вызывает определенные сомнения с точки зрения его мотивировки, поскольку положениями КАС РФ прямо предусмотрен принцип активной роли суда (ст. 6). Такое судебное решение можно было принять только в рамках гражданского судопроизводства, где мотивацией мог стать тот факт, что истец не представил необходимых доказательств по делу. В административном судопроизводстве суд может выйти за пределы заявленных требований, истребовать дополнительные доказательства, принять необходимые меры для установления действительных обстоятельств дела.

Можно привести и другой пример судебной практики, в котором прокурор обратился с административным иском к родителям несовершеннолетней К. о возложении обязанности продолжить обследование и диспансерное наблюдение в детском реабилитационном центре, пройти лечение от наркомании [26]. Требования прокурора обоснованы тем, что в результате проверки эффективности индивидуально-профилактической работы было установлено, что несовершеннолетняя К., состоящая на учете в комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав для организации профилактической работы, реабилитационный центр не посещает, от наблюдения уклоняется. Судом установлено, что мать несовершеннолетней не признает проблему дочери, препятствует выздоровлению несовершеннолетней, уменьшая значимость ее асоциального образа жизни. Неоднократные предложения специалистов по оказанию содействия в посещении врача-психиатра и врача-нарколога матерью и несовершеннолетней были проигнорированы. Административные исковые требования прокурора были удовлетворены полностью. Судом возложена обязанность на несовершеннолетнюю К. продолжить обследование и диспансерное наблюдение в научно-практическом центре наркологии, а в случае необходимости — пройти лечение от наркомании. Суд возложил обязан-

ность обеспечить обследование К. до достижения совершеннолетия, диспансерное наблюдение, а в случае необходимости — прохождение лечения от наркомании, только на мать несовершеннолетней. Представляется, что в этом случае диспансерное наблюдение и прохождение лечения от наркомании являются только одним из направлений профилактической работы. Возможно, необходимо было провести комплексную психолого-психиатрическую экспертизу и рассмотреть целесообразность установления и других профилактических мер.

Представляется, что применяемые в настоящее время профилактические меры по своему характеру также являются мерами определенного надзора за поведением несовершеннолетних. Но тогда возникает вопрос, почему законодательно не закреплён судебный порядок установления таких мер по отношению к несовершеннолетним правонарушителям. Ведь судебный контроль предполагает рассмотрение не только законности действий лица, совершившего общественно опасное деяние, но и целесообразности установления определенных профилактических мер. Именно для несовершеннолетнего такие меры должны быть закреплены в судебном акте и иметь обязательное исполнение со стороны государственных органов. Вряд ли несовершеннолетний, совершивший правонарушение, может самостоятельно без помощи взрослых вернуться к активной социальной жизни [18, с. 34], продолжить обучение, выбрать для посещения спортивные секции или кружки дополнительного образования, пройти реабилитацию в медицинском учреждении, а может быть, найти работу. Несовершеннолетний правонарушитель находится в трудной жизненной ситуации, в таких условиях жизни, последствия которых он не может самостоятельно преодолеть [9].

Дальнейшее совершенствование судебного порядка применения мер воздействия к несовершеннолетним правонарушителям должно быть обусловлено, прежде всего, необходимостью обеспечения их прав и законных интересов. В связи с тем, что любой несовершеннолетний правонарушитель нуждается в особой заботе или попечении, то и судебный порядок применения к ним мер воздействия должен быть закреплён в особой форме — осуществление попечительского надзора, как это было установлено в отечественном дореволюционном законодательстве. В КАС РФ целесообразно предусмотреть отдельную гл. 29.1 «Производство по административным делам о попечительском надзоре за несовершеннолетними правонарушителями». Введение дополнительной главы обусловлено тем, что, с одной стороны, судебный порядок рассмотрения дел должен иметь особенности, продиктованные спецификой субъекта и необходимостью повышенной защиты конституционных прав и законных интересов ребенка [19, с. 98]. С другой стороны, специальные положения об установлении постепенного судебного контроля в отношении несо-

вершеннолетних позволят закрепить дополнительные гарантии защиты прав и интересов несовершеннолетних: определить состав лиц, участвующих в деле, правила подсудности и требования к административному исковому заявлению; обеспечить независимое квалифицированное представительство; предусмотреть специальный порядок рассмотрения дел с участием несовершеннолетних и исследования доказательств по делу; установить дополнительные требования к содержанию судебного решения.

Так, необходимо законодательно закрепить перечень лиц, которые имеют право обращаться в суд с требованиями об установлении попечительского надзора в отношении несовершеннолетних правонарушителей. Таким правом должны быть наделены прокурор, орган внутренних дел, комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав, уголовно-исполнительные инспекции, специальные учебно-воспитательные учреждения. В качестве заинтересованных лиц могут быть привлечены и иные органы власти, входящие в систему профилактики правонарушений несовершеннолетних (образовательные и медицинские учреждения, орган опеки и попечительства и другие).

Важным является и вопрос содержания требований, предъявляемых к административному исковому заявлению и прилагаемых к нему документов. Представляется, что при обращении в суд с целью защиты интересов несовершеннолетнего необходимо отразить не столько перечень ограничений, сколько меры, направленные на предупреждение, выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению новых правонарушений. Ведь несовершеннолетний уже совершил общественно опасное деяние, и необходимо не допустить повторное правонарушение.

Например, перечень административных ограничений, которые могут устанавливаться в отношении «совершеннолетних» лиц законодательно закреплен [27, ч. 1 ст. 4]. В отношении несовершеннолетних правонарушителей предусмотрено только положение о том, что комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав могут принимать участие в работе по ресоциализации несовершеннолетних осужденных, содержащихся в воспитательных колониях, несовершеннолетних, находящихся в специальных учебно-воспитательных учреждениях, дислоцируемых в других субъектах РФ [28, п. 7], а также то, что подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел (далее — ПДН) вправе вносить в уголовно-исполнительные инспекции предложения о применении к несовершеннолетним, контроль за поведением которых осуществляют указанные учреждения, мер воздействия, предусмотренных законодательством РФ и (или) законодательством субъектов РФ [29, ст. 21].

Представляется, что в определенной части перечень административных ограничений, которые уста-

навливаются в отношении совершеннолетних, может применяться и к несовершеннолетним правонарушителям. Например, запрещение пребывания в определенных местах; запрещение посещения мест проведения массовых и иных мероприятий и участия в указанных мероприятиях; запрещение пребывания вне жилого или иного помещения, являющегося местом жительства либо пребывания поднадзорного лица, в определенное время суток и др. Вместе с тем должны быть установлены и особые меры, которые отражают специфику несовершеннолетних. Поэтому соответствующие изменения необходимо предусмотреть в законодательстве об основах системы профилактики несовершеннолетних. Кроме того, при установлении административного надзора за совершеннолетними лицами предполагается, что вся ответственность за невыполнение административных ограничений возлагается на самих осужденных, а органы власти осуществляют только контроль за их выполнением. Но в отношении несовершеннолетних правонарушителей должны быть определены конкретные физические или юридические лица (например, родители, иные законные представители либо учреждение, в котором находится несовершеннолетний), которые будут осуществлять дополнительный контроль за соблюдением несовершеннолетними установленных ограничений. И такое лицо обязательно должно быть назначено в судебном порядке.

В административном исковом заявлении должна быть также отражена информация о самом несовершеннолетнем, условиях его жизни, воспитании, образовании, уровне психического развития, иных особенностях, и соответственно предложены меры, направленные на предупреждение, выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений, на проведение индивидуальной профилактической работы с этим несовершеннолетним. Например, требование об обязанности несовершеннолетнего пройти курс социально-педагогической реабилитации (психолого-педагогической коррекции) в учреждениях, оказывающих педагогическую и психологическую помощь несовершеннолетним, имеющим отклонения в развитии; либо указание на обязанность несовершеннолетнего возвратиться в образовательную организацию для продолжения обучения. При наличии сведений о злоупотреблении несовершеннолетним алкоголем, наркотическими или токсическими веществами — пройти обследование в наркологическом диспансере, а при необходимости и отсутствии противопоказаний — пройти курс лечения от алкоголизма (наркомании, токсикомании) [30]. Поэтому необходимо предусмотреть исключительную территориальную подсудность таких дел — по месту жительства или месту пребывания административного ответчика — несовершеннолетнего правонарушителя.

В связи с тем, что при рассмотрении дела об уста-

новлении надзора затрагиваются интересы несовершеннолетнего, необходимо закрепить правило о закрытом судебном заседании.

Дополнительной гарантией для несовершеннолетних правонарушителей должно стать обеспечение независимого квалифицированного представительства и назначение в качестве представителя адвоката по аналогии с положениями гл. 31.2 и 31.3 КАС РФ.

Кроме того, в рассмотрении административного дела обязательно участие самого несовершеннолетнего, который может изложить свою позицию по административному делу, его законных представителей, представителя несовершеннолетнего, прокурора.

Безусловно, целесообразно предусмотреть и особый порядок исследования доказательств по делу. В ст. 178 КАС РФ закреплено, что в предусмотренных законом случаях суд может выйти за пределы заявленных требований (предмета административного искового заявления или приведенных административным истцом оснований и доводов). В целях обеспечения прав и интересов несовершеннолетних по делам об установлении попечительского надзора необходимо предусмотреть право суда истребовать дополнительные документы и материалы от любых органов власти, входящих в систему профилактики правонарушений несовершеннолетних. Вместе с тем эффективная защита несовершеннолетних правонарушителей предполагает установление конкретных индивидуальных мер, направленных на недопущение совершения им повторных общественно опасных деяний. Ведь психика несовершеннолетних имеет отличительные от психики взрослого человека черты, в частности более высокая степень внушаемости, повышенная эмоциональность, возбудимость, конфликтность и большая степень нестабильности, которая прямо связана с интенсивностью формирования личности. Следует учитывать, что хотя определенные черты характера несовершеннолетних уже могут быть сформированы к моменту совершения ими правонарушений, но окончательное формирование характера еще не завершено. Важно, что несовершеннолетние правонарушители все еще находятся в процессе социализации, могут приобрести навыки социальных коммуникаций и найти свой жизненный путь [6, с. 53]. Поэтому необходимо предусмотреть положение об обязательном назначении по всем делам об установлении надзора комплексной психолого-педагогической экспертизы, в рамках которой должен быть разработан индивидуальный план профилактических мероприятий для несовершеннолетнего правонарушителя. Так, например, в Инструкции по организации деятельности ПДН подробно указано, что должно быть отражено в акте обследования семейно-бытовых условий жизни несовершеннолетнего, характеристики с места учебы или работы [31]. Безусловно, представление этой информации имеет важное значение для рассмотрения дела по

существу. Вместе с тем только эксперт в соответствующем заключении может установить, какие именно необходимы профилактические меры, последовательность их проведения, сроки реализации, дать оценку их эффективности для несовершеннолетнего.

Важное значение имеет и вопрос о сроках установления такого надзора. Представляется, что по аналогии с положениями ч. 8 ст. 272 КАС РФ суд не должен быть связан изложенным в административном исковом заявлении требованием о сроке установления административного надзора и (или) видах административных ограничений, предлагаемых к установлению, и с учетом конкретных обстоятельств административного дела вправе установить иные предусмотренные профилактические меры, а также иные сроки. Ведь процесс ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей достаточно сложен и, безусловно, индивидуален [14, с. 200–202].

Дополнительные требования должны быть установлены и к решению суда. В частности, судебное решение должно содержать указание не только на конкретные меры профилактики, но и соответствующие учреждения и органы власти, входящие в систему профилактики правонарушений несовершеннолетних, их действия по отношению к несовершеннолетнему; порядок и сроки установления надзора (например, до достижения им совершеннолетия).

В связи с тем, что, принимая решение об установлении постпенитенциарного контроля, суд указывает срок и одновременно устанавливает административные ограничения, а в течение этого срока, возможно, потребуется их изменение или дополнение, обусловленное поведением несовершеннолетнего, поэтому необходимо предусмотреть и порядок коррекции профилактических мер.

Рассматривая вопрос об установлении контроля, суду необходимо определить и своеобразную меру воздействия на родителей несовершеннолетнего. Ведь во многих случаях совершение несовершеннолетним правонарушения обусловлено условиями его жизни [17, с. 8, 14–20]. В таких случаях можно говорить об уклонении родителей от выполнения своих обязанностей по воспитанию и заботе о ребенке, поэтому они на определенный срок должны быть ограничены в своих родительских правах.

Кроме того, потребуется внесение изменений и в законодательство об основах системы профилактики несовершеннолетних [29], в котором установлено, что администрация специального учебно-воспитательного учреждения закрытого типа направляет в комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав по месту жительства или месту пребывания несовершеннолетнего извещение о его выпуске из указанного учреждения не позднее, чем за один месяц до выпуска, а также характеристику несовершеннолетнего и рекомендации о необходимости проведения с ним в

дальнейшем индивидуальной профилактической работы и оказания ему содействия в трудовом и бытовом устройстве. Вместе с тем порядок осуществления контроля за поведением несовершеннолетнего и возможные меры, принимаемые к освобожденному несовершеннолетнему, совершившему преступление, законодательно не закреплены. Кроме того, положения закона должны быть приведены в соответствии с требованиями КАС РФ — не позднее, чем за два месяца до истечения срока. Введение данного требования позволит комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав своевременно подготовить обращение в суд.

В заключение необходимо отметить, что в статье рассмотрены только некоторые вопросы эффективности системы профилактики правонарушений несовершеннолетних в контексте обеспечения их прав и законных интересов, и изложенными предложениями о необходимости изменения законодательства проблема не исчерпывается, но они представляются первоочередными.

Список источников

1. Абатуров А. И. Правовое положение административного ответчика при установлении постпенитенциарного контроля // Уголовно-исполнительное право. 2017. Т. 12. № 3. С. 312–316.
2. Административное судопроизводство в вопросах и ответах : учебное пособие / под общ. ред. А. А. Муравьева. М. : Проспект, 2019.
3. Административное судопроизводство : учебник / отв. ред. В. В. Ярков. М. : Статут, 2021.
4. Бубнов С. В. Привлечение родителей и законных представителей к административной ответственности за правонарушения, совершенные несовершеннолетними // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 1. С. 17–20.
5. Бурашникова Н. А. Особенности рассмотрения дел, связанных с пребыванием несовершеннолетних в специальных учреждениях // Актуальные вопросы обеспечения и защиты публично-правовых интересов : монография. М. : Проспект, 2023.
6. Быстрова Ю. В. Проблемы предупреждения правонарушений, совершаемых несовершеннолетними в Российской Федерации : монография. Орел, 2024.
7. Давыдова Е. А. Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2017. № 2. С. 66–70.
8. Дугенец А. С., Самойлова А. А. К вопросу о совершенствовании некоторых правил и ограничений административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Административное право и процесс. 2021. № 11. С. 45–48.
9. Зайцев О. В. Тенденции развития судебной практики по защите прав несовершеннолетних при профилактике антиобщественного и противоправного поведения // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 2. С. 106–115.
10. Занина Т. М., Бутова М. В. К вопросу о компетенции органов внутренних дел (полиции) по предупреждению и пресечению административных правонарушений несовершеннолетних // Административное право и процесс. 2020. № 10. С. 22–25.
11. Кашкина Е. В. Индивидуализация как приоритетный принцип административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Вестник Казанского юридического института МВД России 2017. № 1(27). С. 31–35.
12. Комментарий к Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации : в 2 ч. Ч. 2 / под общ. ред. Л. В. Тумановой. М., 2025.
13. Кузнецов Д. Ю. Опыт реализации специальных мер по предупреждению преступлений несовершеннолетних в России во второй половине XIX века // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2021. № 2(87). С. 50–57.
14. Несовершеннолетние как субъекты уголовно-правовых отношений : монография / под ред. С. У. Дикаева. СПб, 2023.
15. Павлова Е. В. Административно-правовые средства предупреждения девиантного поведения несовершеннолетних // Закон и право. 2025. № 1. С. 95–99.
16. Писаревская Е. А. К вопросу об эффективности деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 1 (15). С. 94–99.
17. Побегайло А. Э. Семейное неблагополучие в системе детерминации преступного поведения несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
18. Санташов А. Л. Ответственность несовершеннолетних, совершивших преступление : de lege lata et de lege ferenda: монограф. М., 2021.
19. Тенькаев А. Ю. Производство по делам неисккового характера в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2023.
20. Тихомиров Ю. А. Публичное право : учебник. М., 1995.
21. Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-

- ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // Российская газета. 1998. 5 августа.
22. Постановление Администрации города Твери от 20 июня 2018 г. № 746 «Об утверждении Положения о комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав» // Вся Тверь. 2018. 22 июня.
 23. Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 6. Ст. 917.
 24. Приказ Министерства юстиции РФ от 29 ноября 2023 г. № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) 30 ноября 2023 г. № 0001202311300040.
 25. Решение Нелидовского межрайонного суда Тверской области от 1 июня 2024 г. по делу № 2а-284/2024 // URL: <https://nelidovsky--twr.sudrf.ru>
 26. Решение Солнцевского районного суда г. Москвы от 30 июня 2023 г. по делу № 2а-0206/2023 // URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/solncevskij>
 27. Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 15. Ст. 2037.
 28. Постановление Правительства Российской Федерации от 6 ноября 2013 г. № 995 «Об утверждении Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 45. Ст. 5829.
 29. Федеральный закон от 24 июля 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 26. Ст. 3177.
 30. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (п. 29) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4.
 31. Приказ МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2014. № 11.

References

1. Abaturov A. I. The legal status of an administrative defendant in the establishment of post-penitentiary control // Penal Enforcement law. 2017. Vol. 12. № 3. P. 312–316.
2. Administrative proceedings in questions and answers : textbook / under the general editorship of A. A. Muravyov. M. : Prospekt, 2019.
3. Administrative legal proceedings : textbook / ed. by V. V. Yarkov. M. : Statute, 2021.
4. Bubnov S. V. Bringing parents and legal representatives to administrative responsibility for offenses committed by minors // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 1. P. 17–20.
5. Burashnikova N. A. Peculiarities of consideration of cases related to the stay of minors in special institutions // Actual issues of ensuring and protecting public legal interests : monograph. M. : Prospekt, 2023.
6. Bystrova Yu. V. Problems of prevention of offenses committed by minors in the Russian Federation : monograph. Orel, 2024.
7. Davydova E. A. Administrative supervision of persons released from prison // Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law. 2017. № 2. P. 66–70.
8. Dugenets A. S., Samoilova A. A. On the issue of improving certain rules and restrictions of administrative supervision over persons released from places of deprivation of liberty // Administrative Law and Process. 2021. № 11. P. 45–48.
9. Zaitsev O. V. Trends in the development of judicial practice to protect the rights of minors in the prevention of antisocial and illegal behavior // TvSU Bulletin. Series: Law. 2024. № 2. P. 106–115.
10. Zanina T. M., Butova M. V. On the issue of the competence of the internal affairs bodies (police) for the prevention and suppression of administrative offenses of minors // Administrative Law and Process. 2020. № 10. P. 22–25.
11. Kashkina E. V. Individualization as a priority principle of administrative supervision of persons released from prison // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2017. № 1(27). P. 31–35.
12. Commentary to the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation : at 2 p.m. 2 / under the general editorship of L. V. Tumanova. M., 2025.
13. Kuznetsov D. Yu. The experience of implementing

- special measures to prevent juvenile delinquency in Russia in the second half of the 19th century // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2021. № 2(87). P. 50–57.
14. Minors as subjects of criminal law relations : monograph / edited by S. U. Dikaev. St. Petersburg, 2023.
 15. Pavlova E. V. Administrative and legal means of preventing deviant behavior of minors // Law and Pravo. 2025. № 1. P. 95–99.
 16. Pisarevskaya E. A. On the issue of the effectiveness of the commissions for minors and the protection of their rights // Bulletin of Tomsk State University. Right. 2015. № 1 (15). P. 94–99.
 17. Pobegailo A. E. Family problems in the system of determining the criminal behavior of minors : Abstract. dis. ... cand. of legal sciences. M., 2007.
 18. Santashov A. L. Responsibility of minors who have committed a crime : de lege lata et de lege ferenda : monograph. M., 2021.
 19. Tenkaev A. Yu. Proceedings on non-criminal cases in the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation : dis. ... cand. of legal sciences. Saratov, 2023.
 20. Tikhomirov Yu. A. Public law : textbook, M., 1995.
 21. Federal Law № 124-FZ of July 24, 1998 «On Basic Guarantees of Children's Rights in the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. 1998. August 5th.
 22. Resolution of the Tver City Administration dated June 20, 2018 № 746 «On approval of the Regulations on the Commission for minors and protection of their rights» // All Tver. 2018. June 22.
 23. Federal Law № 10-FZ of February 6, 2023 «On probation in the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2023. № 6. Article 917.
 24. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation № 350 dated November 29, 2023 «On the re-socialization, social adaptation and social rehabilitation of persons subject to probation in accordance with Federal Law № 10-FZ dated February 6, 2023 «On probation in the Russian Federation» // Official Internet Portal of Legal Information (pravo.gov.ru) on November 30, 2023, № 0001202311300040.
 25. Decision of the Nelidovsky Interdistrict Court of the Tver region dated June 1, 2024 in case № 2a-284/2024 // URL: <https://nelidovsky--twr.sudrf.ru>
 26. The decision of the Solntsevsky District Court of Moscow dated June 30, 2023 in case № 2a-0206/2023 // URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/solncevskij>
 27. Federal Law № 64-FZ of April 6, 2011 «On Administrative Supervision of persons Released from places of deprivation of liberty» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. № 15. Art. 2037.
 28. Decree of the Government of the Russian Federation of November 6, 2013 № 995 «On approval of the Approximate Regulations on commissions for minors and protection of their rights» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2013. № 45. Art. 5829.
 29. Federal Law № 120-FZ of July 24, 1999 «On the fundamentals of the system of prevention of neglect and juvenile delinquency» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1999. № 26. Art. 3177.
 30. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 1, 2011 № 1 (as amended on 10/28/2021) «On judicial practice of applying legislation regulating the specifics of criminal liability and punishment of minors» (paragraph 29) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2011. № 4.
 31. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated October 15, 2013 № 845 «On Approval of Instructions on the organization of activities of juvenile affairs units of the internal affairs bodies of the Russian Federation» // Bulletin of Normative Acts of Federal Executive authorities. 2014. № 11.

Информация об авторе

О. В. Жукова — заведующая кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности Тверского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

O. V. Zhukova — Head of the Department of Judiciary and Law Enforcement of the Tver State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 31.03.2025; одобрена после рецензирования 03.04.2025; принята к публикации 04.04.2025.

The article was submitted 31.03.2025; approved after reviewing 03.04.2025; accepted for publication 04.04.2025.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-88-94>

EDN: <https://elibrary.ru/txnekh>

НИОН: 2003-0059-2/25-267

MOSURED: 77/27-003-2025-02-466

Достижения и перспективы беспилотных летательных аппаратов в полицейской деятельности и вооруженных силах России и зарубежных стран

Серафима Евгеньевна Зайцева

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

sima-zaitseva@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются основные направления использования беспилотных летательных аппаратов, их значение и роль при решении задач военной и правоохранительной деятельности в целом. Проведено сравнение российских и зарубежных БПЛА. Среди главных направлений применения беспилотников при выполнении оперативно-служебных и военных задач автором определена реализация перспективных видов оперативно-розыскных мероприятий, а именно, выявление, пресечение, раскрытие и расследование преступлений, розыск преступников, а также использование беспилотников при решении боевых задач. Описываются возможности и особенности применения БПЛА.

Ключевые слова: беспилотные летательные аппараты, правоохранительные органы, вооруженные силы, эффективность раскрытия преступлений, анализ места преступления, оперативно-профилактические операции, разведка, идентификация личности

Для цитирования: Зайцева С. Е. Достижения и перспективы беспилотных летательных аппаратов в полицейской деятельности и вооруженных силах России и зарубежных стран // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 2. С. 88–94. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-88-94>. EDN: TXNEKH.

Original article

Achievements and prospects of unmanned aerial vehicles in policing and the armed forces of Russia and foreign countries

Serafima E. Zaitseva

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

sima-zaitseva@yandex.ru

Abstract. The main directions of the use of unmanned aerial vehicles, their importance and role in solving the tasks of military and law enforcement activities in general are examined. A comparison of Russian and foreign UAVs is carried out. Among the main areas of use of drones in the performance of operational and military tasks, the author identified the implementation of promising types of operational search activities, namely, the identification, suppression, disclosure and investigation of crimes, the search for criminals, as well as the use of drones in combat missions. The possibilities and features of using UAVs within their framework are described.

Keywords: unmanned aerial vehicles, law enforcement agencies, armed forces, crime detection efficiency, crime scene analysis, operational and preventive operations, intelligence, identification of the person

For citation: Zaitseva S. E. Achievements and prospects of unmanned aerial vehicles in policing and the armed forces of Russia and foreign countries. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(2):88–94. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-88-94>. EDN: TXNEKH.

© Зайцева С. Е., 2025

В настоящее время во всех национальных государствах объектом самого углубленного исследования считается проблема гарантии государственной безопас-

ности. В течение последних 10–15 лет российские вооруженные силы и правоохранительные органы уделяют особое внимание беспилотным летательным аппаратам.

Рис. 1. Перспективы развития беспилотной техники в России

Целью статьи является анализ современных российских и зарубежных публикаций в сфере разработки инновационных методов использования беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) в деятельности правоохранительных органов и вооруженных сил. В исследовании используются метод перевода, анализ и сопоставление.

Можно с уверенностью утверждать, что изучение зарубежного опыта может содействовать модернизации отечественных разработок БПЛА в российских вооруженных силах и правоохранительной деятельности, а также решению выбора наиболее эффективных методов по пресечению антигосударственной преступной деятельности.

В последние годы технологии беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) все чаще позволяют полицейским командам, которые когда-то базировались на земле, перемещаться в воздухе. Полиция неоднократно применяла БПЛА в связи с пандемией Covid-19. В то же время правила, касающиеся эксплуатации беспилотных летательных аппаратов, упрощаются, а стоимость оборудования для них снижается. Все эти

факторы способствуют внедрению беспилотных летательных аппаратов полицейскими силами.

Беспилотные летательные аппараты находят широкое применение в правоохранительных органах, включая картографирование мест преступлений, предоставление аэрофотоснимков и 3D-картографирование мест аварий. Беспилотники также используются для организации крупномасштабных мероприятий, таких как крупные спортивные соревнования или другие массовые мероприятия, и могут использоваться при оказании помощи при стихийных бедствиях, таких как торнадо, наводнения и крупномасштабные отключения электроэнергии [4].

Полицейская служба Квинсленда (QPS), Австралия, например, использует беспилотники для оказания помощи в оперативных ситуациях. К ним относятся картографирование мест дорожно-транспортных происшествий, сбор улик на местах преступлений, записи для средств массовой информации, помощь в ликвидации последствий разрушений и получение информации о ситуации во время стихийных бедствий, таких как наводнения и лесные пожары [5].

Подразделение экстренных служб (ESU) полицейской службы Оттавы (OPS), Канада, в основном использует беспилотники для поиска и спасения людей. В целях обеспечения общественного порядка подразделение ESU OPS в настоящее время определяет целесообразность использования беспилотного летательного аппарата в информационных целях. Сложность заключается в том, чтобы найти баланс между полетом большого оборудования над большой толпой и учетом аспектов общественной безопасности, а также преимуществ аэрофотосъемки большого скопления людей. В таких ситуациях основное внимание всегда уделяется общественной безопасности [6].

Беспилотные и безэкипажные системы всех классов показали свой потенциал и хорошо зарекомендовали себя и в военной деятельности.

Наибольшее развитие к настоящему времени получило направление беспилотной авиации. БПЛА решают широкий круг задач разного рода. Они действуют самостоятельно или обеспечивают боевую работу других родов войск.

Одной из главных задач беспилотной авиации является разведка. Например, в России для этого используются самые разнообразные БПЛА: от легких коммерческих коптеров Mavic до тяжелых беспилотных самолетов, таких как «Форпост» и «Иноходец». Полученные разведданные используются для координации действий пехоты, танков, ракетно-артиллерийских систем и т. д. Тяжелые БПЛА могут выполнять функции бомбардировщиков-ракетоносцев, и для них были разработаны специализированные управляемые боеприпасы. Легкие беспилотники тоже способны решать такие задачи. Они получают специальные системы сброса импровизированных «бомб» или оснащаются несъемной боевой частью для поражения цели прямым попаданием.

Беспилотники могут нести полезную нагрузку в виде радиоэлектронных систем различного назначения. В зависимости от установленного прибора БПЛА ведет радиотехническую разведку, выполняет задачи радиоэлектронной борьбы или обеспечивает ретрансляцию сигналов.

На данный момент российская армия располагает большим количеством разнообразных беспилотных систем. На военном вооружении официально состоит целый ряд БПЛА и наземных робототехнических комплексов. Российская армия активно применяет беспилотные летательные аппараты различных классов и типов безэкипажной сухопутной и морской техники. Проанализировав ситуацию в этой сфере, военное и политическое руководство страны решило сформировать войска беспилотных систем.

Анализируя тенденцию развития БПЛА в армейской деятельности зарубежных стран, можно отметить, что, например, вооруженные силы США разрабатывают и адаптируют стратегию, тактику и оборудование для беспилотных летательных аппаратов, чтобы

противостоять внешней угрозе. Каждая служба использует тактику и системы вооружения, оптимизированные в соответствии со своими собственными оперативными приоритетами. Армия США выбрала устанавливаемую на транспортном средстве Raytheon систему интегрированного поражения LIDS (Low, slow, small unmanned aircraft system) в качестве перспективного решения для беспилотных летательных аппаратов. LIDS состоит из беспилотного летательного аппарата Raytheon Coyote (оснащенного активной радиолокационной головкой самонаведения и боеголовкой и фактически используемого в качестве ракеты класса «земля-воздух») и многофункционального радара с датчиком радиочастот Ku-диапазона (KuRFS) или его более легкого аналога, Ku-720. В LIDS также интегрированы система командования и контроля противовоздушной обороны передового района Northrop Grumman (FAAD C2) и система радиоэлектронной борьбы (РЭБ) производства Sugasuse Research Corporation [1]. Система вооружения может быть установлена на тактическом транспортном средстве или использоваться для точечной обороны в виде системы на паллетах. Она предоставляет как кинетические, так и некинетические возможности для нейтрализации отдельных вооруженных и разведывательных дронов, а также групп беспилотников. Боевой дебют системы состоялся в январе 2023 года, когда «Койоты» сбили два ударных беспилотника, нацеленных на аванпост США на юго-востоке Сирии.

Независимо от того, называются ли они БПЛА, беспилотными летательными аппаратами, беспилотными летательными системами (БАС) или квадрокоптерами, беспилотные летательные технологии быстро становятся обычным явлением по всему миру.

Разработка и модернизация беспилотных транспортных средств не прекращается. Продолжается также производство устройств по существующим и вновь появляющимся контрактам. Осваиваются новые направления. Все это позволяет предполагать, что российский парк беспилотных летательных аппаратов, как минимум, не уменьшится в количественном выражении, но в плане качества его ждут настоящие прорывы.

За последнее десятилетие Россия значительно продвинулась в разработке различных типов беспилотных летательных аппаратов, особенно значительный прогресс был достигнут в разработке небольших тактических разведывательных систем с беспилотными летательными аппаратами. Наиболее известными беспилотниками являются «Гранат», микро-беспилотник Ижмаша «Муха» и беспилотник «Тахион». «Корсар» — это боевой беспилотник весом 200 кг с размахом крыльев шесть с половиной метров. Платформа способна выполнять ударную функцию, применяя как управляемые, так и неуправляемые боеприпасы, а также вести разведку с больших высот. Беспилотник предназначен для полетов в радиусе 200 км [3].

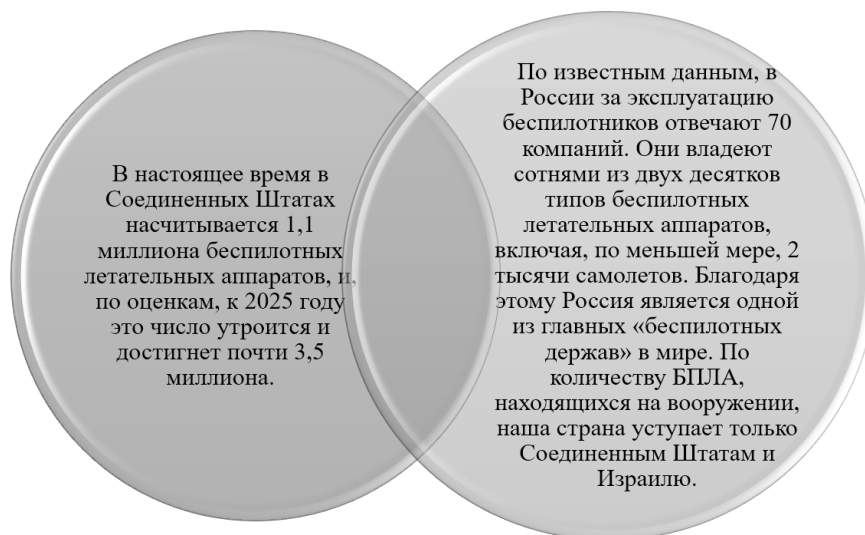

Рис. 2. Сравнительный анализ БПЛА среди стран, которые являются ведущими в этой области

Возможности зарубежных беспилотных летательных аппаратов постоянно совершенствуются по мере развития технологий. Например, беспилотный летательный аппарат Tactical Searcher производства Israel Aircraft Industries (IAI) может нести тяжелую (140 фунтов) полезную нагрузку более 24 часов в результате недавнего прорыва в конструкции крыла беспилотного летательного аппарата. Совместный франко-немецкий проект Brevet оснащен защищенным от помех каналом передачи данных, а также малозаметными функциями, которые снижают радиолокационную и инфракрасную заметность БПЛА, а также уровень шума.

Многие западные аналитики считают, что Китай лидирует в определенных областях искусственного интеллекта и автономии. Военные КНР, по сути, регулярно используют современные беспилотные летательные аппараты в ходе крупномасштабных боевых маневров вокруг острова Тайвань, демонстрируя способность использовать такие системы в сложных операциях.

В США компания Boeing завершила летные испытания своего огромного беспилотного летательного аппарата Condor. Этот аппарат имеет более широкий размах крыльев (200 футов), чем Boeing 747, и может совершать полеты на высоте более 65 000 футов в течение нескольких лет. Усовершенствованные технологии в области полезной нагрузки от датчиков, переносимых беспилотными летательными аппаратами, также открывают многообещающие возможности для военного командования в будущем. Однако стоит отметить, что, по данным зарубежной прессы, репутация американской индустрии военных беспилотников находится под серьезной угрозой из-за плохой работы беспилотников в зоне боевых действий. Ранее Пентагон считал это снаряжение достаточным даже для американских солдат, но неспособность справиться с современной военной действительностью показала,

что технологии вооруженных сил США устарели и срочно нуждаются в изменениях, чтобы противостоять новым вызовам современной войны.

Относительно использования БПЛА в правоохранительной деятельности можно отметить, что дроны играют ключевую роль в документировании и реконструкции мест преступлений и несчастных случаев, предоставляя полиции возможность точно анализировать инциденты. В таких ситуациях, как активные перестрелки, угрозы применения самодельных взрывных устройств или захват заложников, беспилотники предоставляют разведывательную информацию в режиме реального времени, не подвергая опасности сотрудников полиции. Это повышает осведомленность о ситуации и помогает правоохранительным органам реагировать более эффективно.

Первый эксперимент, разрешенный для проверки работоспособности беспилотных летательных аппаратов для оказания помощи полицейским патрулям, был проведен в Департаменте полиции Чула-Виста, штат Калифорния, в 2018 году. В партнерстве с CAPE Aerial, CVPD и FAA провели 60-дневную пилотную программу с использованием беспилотных летательных аппаратов для реагирования на текущие вызовы на службу в радиусе одной мили от штаб-квартиры полицейского управления. Всего за четыре дня испытаний беспилотник был задействован 29 раз для выполнения текущих вызовов. Из них 30 % были связаны с вызовами о нарушении общественного порядка. Примерно в 17 % случаев пилоты беспилотных летательных аппаратов смогли проверить местность и отменить вызов без необходимости реагирования патрульных офицеров [2].

В России ресурс применения БПЛА как специального технического средства весьма велик и может быть реализован как в отдельном устройстве, так и в комплексе с другой аппаратурой, используемой на практике.

США предлагают широкий ассортимент использования полицейских беспилотников и аксессуаров, включая Matrice 30, Mavic 3 Enterprise, Teledyne Flir SIRAS и Parrot Anafi Gov. Эти средства являются экономичной альтернативой вертолетам, обеспечивая аналогичные возможности при меньших затратах, что делает их незаменимыми для обеспечения общественной безопасности.

Франция. Французской полиции разрешено использовать беспилотные летательные аппараты, оснащенные камерами, для решения широкого спектра задач, включая мониторинг толпы и пограничный контроль. Это произошло чуть более чем за год до Олимпийских игр 2024 года в Париже, когда оппозиция пенсионной реформе президента Эммануэля Макрона вызвала массовые протесты, которые порой перерастали в насилие.

Швеция. Шведская национальная полиция применила более радикальный подход: в течение первого года они не только планировали создать общенациональный парк беспилотных летательных аппаратов из более чем 300 единиц, но и разработали фирменное руководство, которое изменит правила игры, чтобы добиться масштабного внедрения этого проекта. Это руководство предоставило каждому начинающему оператору беспилотных летательных аппаратов в организации необходимые знания для использования беспилотных летательных аппаратов в своих миссиях, что привело к огромному успеху шведской программы беспилотных летательных аппаратов.

Норвегия. Национальная полиция Норвегии запустила экспериментальный проект для повседневных операций. Результаты были впечатляющими, поскольку дроны часто могли добраться до места чрезвычайной ситуации всего за 50 секунд, что давало сотрудникам служб экстренного реагирования важную информацию о ситуации. Они могли планировать тактику выполнения задания уже во время поездки на место происшествия, благодаря прямой трансляции с беспилотника. В миссиях, где на счету каждая секунда, возможность получения визуальной информации о месте чрезвычайной ситуации в течение минуты после получения вызова является потенциальным спасением.

Рис. 3. Примеры использования зарубежных БПЛА

Беспилотные летательные аппараты, удаленно управляемые с мест, могут стать частью будущего правоохранительных органов, но, прежде чем это станет реальностью, все большему числу правоохранительных органов необходимо регулярно использовать беспилотные летательные аппараты. Поскольку все больше и больше агентств принимают решение о внедрении беспилотных летательных аппаратов, им необходимо обеспечить надлежащую подготовку своих сотрудников и использование беспилотных летательных аппаратов таким образом, чтобы общественная безопасность и неприкосновенность частной жизни были во главе угла при их внедрении. Агентствам также следует обратиться к компаниям, которые лидируют в области разработки беспилотных летательных аппаратов, чтобы изучить, как наилучшим образом интегрировать беспилотники в работу правоохранительных органов по реагированию на текущие вызовы.

Существует множество информационных технологий, которые разрабатываются для повышения

эффективности деятельности полиции. Некоторые из них включают в себя следующие системы.

Системы аналитики данных: разработка программных и аппаратных средств для анализа и обработки огромных объемов данных о преступлениях, что помогает выявлять тенденции, распознавать угрозы и принимать оперативные меры.

Системы видеонаблюдения и аналитики видео: развитие средств видеонаблюдения с функциями распознавания объектов, автомобильных номеров, поведенческого анализа и других возможностей для обеспечения безопасности и расследования преступлений.

Беспилотные системы (дроны): создание и развитие беспилотных летательных аппаратов для наблюдения за территорией, поиска преступников, контроля массовых мероприятий и поддержки оперативных действий.

Системы связи и дистанционного управления: разработка средств коммуникации и управления для обеспечения эффективного взаимодействия между сотрудниками МВД в различных ситуациях.

Рис. 4. Возможности использования БПЛА в России

Эти и другие технологии повышают эффективность работы МВД, делая правоохранительные органы более современными и профессиональными. Инновации в этой сфере способствуют не только борьбе с преступностью, но и обеспечивают защищенность гражданских прав и свобод на новом уровне.

На текущий момент применение БПЛА в армейских нуждах требует особого внимания.

Беспилотные летательные аппараты ряда классов уже стали неотъемлемым атрибутом армии. Продолжается производство существующих видов техники, что позволяет осуществить перевооружение и создание новых подразделений разведки и мониторинга. Параллельно ведется разработка новейших образцов, в т. ч. беспилотных летательных аппаратов совершенно нового класса с иными рабочими и боевыми возможностями.

Таким образом, к настоящему времени «воздушный флот» беспилотников превратился в крупную и полноценную силу, способную решать поставленные задачи. Созданы аппараты новых классов с расширенными возможностями, и в ближайшее время они поступят в полноценную эксплуатацию.

Кроме создания новейшей боевой военной техники различные вооруженные силы разрабатывают оружие, способное поражать беспилотные летательные аппараты, а также другие воздушные угрозы, начиная от артиллерийских снарядов и заканчивая крылатыми ракетами и пилотируемыми вертолетами. Хотя для поражения сложных целей требуется мощность от 300 кВт до 1 МВт, мощность в диапазоне 50–100 кВт

считается достаточной для выведения из строя БПЛА. Современные системы продемонстрировали эту способность.

Список источников

1. Буренок В. М. Формирование новых взглядов на применение беспилотных летательных аппаратов на основе анализа опыта специальной военной операции // Вооружение и экономика. 2024. № 1(67). С. 5–8.
2. Косовский В. Б., Мартынюк С. М. Актуальные вопросы практического применения беспилотной техники в органах внутренних дел Российской Федерации // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 3. С. 25–30.
3. Моисеев Н. А., Новоселов Н. Г. Об использовании беспилотных летательных аппаратов в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2019. № 1(46). С. 125–130.
4. Mario Pierobon. Eyes in the sky : How UAVs are increasingly used in police search and rescue and surveillance // AirMed and Rescue. 2021. № 7 (118). P. 22–26.
5. Michail Gargalakos. The role of unmanned aerial vehicles in military communications : application scenarios, current trends, and beyond // The Journal of Defense Modeling and Simulation Applications Methodology Technology. 2021. № 7(19). P. 22–25.
6. Pavel Luzin. Russian military drones. Past, Present,

and Future of the UAV Industry. Philadelphia, PA : Foreign Policy Research Institute, 2023. P. 23–25.

References

1. Burenok V. M. Formation of new views on the use of unmanned aerial vehicles based on the analysis of the experience of a special military operation // Armament and economics. 2024. № 1(67). P. 5–8.
2. Kosovskiy V. B., Martynyuk S. M. Actual issues of practical application of unmanned vehicles in the internal affairs bodies of the Russian Federation // Society: politics, economics, law. 2020. № 3. P. 25–30.
3. Moiseev N. A., Novoselov N. G. On the use of unmanned aerial vehicles in operational search activities // Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 1(46). P. 125–130.
4. Mario Pierobon Eyes in the sky : How UAVs are increasingly used in police search and rescue and surveillance // AirMed and Rescue. 2021. № 7(118). P. 22–26.
5. Michail Gargalakos. The role of unmanned aerial vehicles in military communications : application scenarios, current trends, and beyond // The Journal of Defense Modeling and Simulation Applications Methodology Technology. 2021. № 7(19). P. 22–25.
6. Pavel Luzin. Russian military drones. Past, Present, and Future of the UAV Industry. Philadelphia, PA : Foreign Policy Research Institute, 2023. P. 23–25.

Информация об авторе

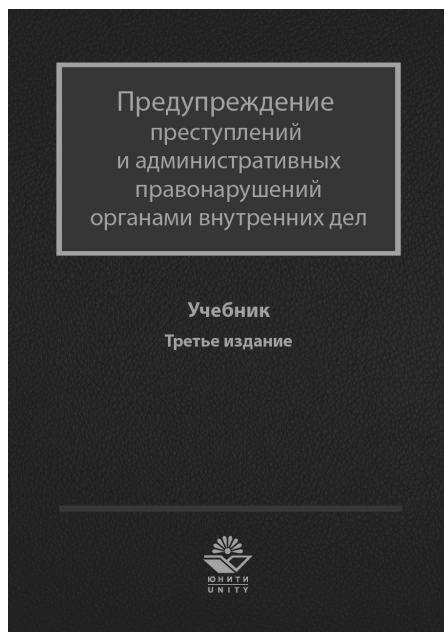
С. Е. Зайцева — доцент кафедры иностранных языков Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат педагогических наук, доцент.

Information about the author

S. E. Zaitseva — Associate Professor of the Department of Foreign Languages of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 29.01.2025; одобрена после рецензирования 11.02.2025; принята к публикации 19.03.2025.

The article was submitted 29.01.2025; approved after reviewing 11.02.2025; accepted for publication 19.03.2025.

Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел. 3-е изд., перераб. и доп. Учебник. Под ред. В. Я. Кикотя, С. Я. Лебедева. 639 с. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Раскрыты основные теоретические и практические положения организации и осуществления деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений и административных правонарушений. Показаны ее правовые, организационные и тактические основы, вопросы предотвращения, профилактики и пресечения противоправных деяний, входящие в предупредительную компетенцию органов внутренних дел. Определена полицейская специфика общей, индивидуальной и виктимологической профилактики правонарушений.

Особое внимание уделено предупреждению полицией преступлений и административных правонарушений несовершеннолетних; насильственных преступлений против личности; правонарушений в сфере экономики; рецидивной, профессиональной и организованной преступности; террористической и экстремистской преступной деятельности; преступлений и правонарушений, связанных с оборотом наркотических средств и психотропных веществ, с незаконным оборотом оружия, с миграционными процессами; преступлений и правонарушений коррупционной направленности; дорожно-транспортных правонарушений и др.

Дана оценка перспективам развития ведомственной системы предупреждения преступлений и административных правонарушений, обоснованы стратегические направления предупредительной деятельности ОВД.

Для курсантов, слушателей, адъюнктов и преподавателей образовательных учреждений МВД России, студентов, аспирантов и преподавателей юридических образовательных учреждений, практических работников правоохранительных органов.

Научная статья

УДК 343.721

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-95-100>

EDN: <https://elibrary.ru/tqbthc>

НИОН: 2003-0059-2/25-268

MOSURED: 77/27-003-2025-02-467

СМАРТ-контроль в финансово-бюджетной сфере

Анна Сергеевна Зуева¹, Александр Владимирович Токолов²

^{1,2} Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ aszueva@fa.ru

² altok40@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы разработки и внедрения системы СМАРТ-контроля в финансово-бюджетной сфере, что является актуальным в условиях цифровой трансформации государственного управления. Исследуются ключевые функции и этапы внедрения СМАРТ-контроля, направленные на автоматизацию и повышение эффективности процессов управления государственными финансами. Анализируются подходы к созданию информационной системы, интеграции данных, а также обеспечению информационной безопасности в рамках новой системы контроля. Делается вывод о том, что СМАРТ-контроль в финансово-бюджетной сфере позволит повысить прозрачность, подотчетность и устойчивость финансовой системы, а также эффективность взаимодействия участников бюджетного процесса.

Ключевые слова: информационное право, государственный финансовый контроль, информационная безопасность, СМАРТ-контроль, цифровизация, электронный бюджет, цифровая трансформация, социально-опасная деятельность, проникновение криминала в сферу информационных технологий

Благодарности: статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Для цитирования: Зуева А. С., Токолов А. В. СМАРТ-контроль в финансово-бюджетной сфере // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 2. С. 95–100. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-95-100>. EDN: TQVTHC.

Original article

SMART control in the financial and budgetary sphere

Anna S. Zueva¹, Alexander V. Tokolov²

^{1,2} Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ aszueva@fa.ru

² altok40@mail.ru

Abstract. The issues of developing and implementing SMART control system in the financial and budgetary sphere are considered, which is relevant in the context of the digital transformation of public administration. The key functions and stages of SMART control implementation aimed at automating and improving the efficiency of public finance management processes are investigated. The approaches to creating an information system, integrating data, and ensuring information security within the framework of the new control system are analyzed. It is concluded that SMART control in the financial and budgetary sphere will increase transparency, accountability and stability of the financial system, as well as the effectiveness of interaction between participants in the budget process.

Keywords: information law, state financial control, information security, SMART control, digitalization, electronic budget, digital transformation, socially dangerous activities, penetration of crime into the field of information technology

© Зуева А. С., Токолов А. В., 2025

Acknowledgements: the article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

For citation: Zueva A. S., Tokolov A. V. SMART control in the financial and budgetary sphere. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(2):95–100. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-95-100>. EDN: TQVTHC.

Государственный финансовый контроль активно развивается и трансформируется под давлением постоянно меняющихся экономических и политических процессов, происходящих как внутри страны, так и за ее пределами. В механизмы контроля внедряются инновационные инструменты. Совершенствуются подходы, методики, способы и даже процессы в контрольной деятельности. Некогда сложные и трудоемкие управленческие процессы теперь полностью автоматизированы.

Стоит отметить, что в современных реалиях повысить эффективность и качество государственного финансового контроля без использования средств цифровизации практически не предоставляется возможным. Помимо этого, современные технологии создают условия комплексного мониторинга, позволяя сделать предварительный контроль наиболее эффективным и результативным. В этой связи приоритетным направлением развития является рассмотрение системы SMART-контроля [1, с. 139].

Сфера государственного управления непосредственно связана с огромным массивом поступающей информации, которую необходимо хранить и анализировать для принятия комплексных управленческих решений. Вопрос документооборота является сложным аспектом организации управления, поскольку база поступающей и перерабатываемой информации весьма большая [2, с. 35]. В связи с этим процесс цифровизации затрагивает процессы трансформации и организации государственного управления. Целью комплексной модернизации процессов стало обеспечение формирования качественной, достоверной и оперативной информации, которая позволила бы в кратчайшие сроки принимать важные управленческие решения на различных уровнях власти и управления. Именно переход на применение электронных первичных документов можно знаменовать как этап становления новых элементов организации управления в целом государственными финансами. Все вышесказанное позволяет говорить о необходимости внедрения соответствующих технологий в государственный сектор для автоматизации процессов [3, с. 31].

В отличие от классического процесса контроля деятельности субъекта, SMART-контроль представляет собой комплексную систему контроля, которая использует современные цифровые технологии и методы для повышения эффективности и качества процессов. SMART-контроль концентрирует в себе авто-

матизированную систему мониторинга и управления, которая позволяет оперативно получать информацию о состоянии объектов и процессов, анализировать данные и принимать обоснованные аргументированные решения.

В государственном секторе SMART-контроль может применяться в различных областях, включая управление публичными финансами, управление государственным имуществом, предоставление государственных услуг, контроль за соблюдением законодательства и нормативных актов.

Внедрение SMART-контроля в финансово-бюджетной сфере (далее также — SMART-КвФБС) является необходимостью в связи с активизацией цифровой трансформации и острой необходимостью повышения эффективности использования федеральных и иных ресурсов.

Основными функциями, выполняемыми SMART-контролем в финансово-бюджетной сфере, являются:

- прогнозирование будущего состояния объекта финансово-бюджетной сферы в зависимости от влияния внутренних и внешних факторов;
- планирование деятельности объекта финансово-бюджетной сферы, формулирование целей, постановка задач, определение путей, средств и мероприятий для их достижения;
- обеспечение организационных мероприятий с учетом распределения ресурсов и полномочий, функциональных зон подразделений, а также формирование или внесение изменений в структуре объекта финансово-бюджетной сферы;
- регулирование функционирования системы в рамках заданных параметров, путем принятия правовых актов, определяющих правовой статус субъекта финансово-бюджетной сферы и правовой режим реализации бюджетных процедур;
- создание условий для стимулирования государственных служащих и сотрудников субъектов финансово-бюджетной сферы.

Для реализации SMART-контроля в финансово-бюджетной сфере необходимо определить конкретные цели и задачи, которые должны быть достигнуты с помощью него. Далее требуется разработать систему показателей и критериев оценки эффективности данной системы. После следует этап внедрения автоматизированной системы мониторинга и управления SMART-контроля. С учетом результативности эксплуатации

рассматриваемого метода контроля является актуальным обеспечение обучения и информационной и технической поддержки персонала, ответственного за реализацию SMART-контроля.

Применение метода SMART в финансово-бюджетной сфере позволит повысить прозрачность и подотчетность финансовых операций, оптимизировать процессы управления публичными финансами, сократить финансовые риски и обеспечить устойчивость финансовой системы, улучшить взаимодействие между органами финансового контроля и другими участниками бюджетного процесса.

Современная российская государственная сфера нуждается в эффективном инструменте для управления финансами и бюджетом. В этом контексте была разработана модель SMART-контроля в финансово-бюджетной сфере, предназначенная для автоматизации и оптимизации управленческих процессов в государственных организациях.

В представленной модели система SMART-контроля включает в себя внутреннюю среду (функциональную зону, информационную систему контроля) и внешнюю среду (блок внешнего информационного потока). Причем внутренняя среда объединяет не только аппаратное обеспечение и массив данных, но и программное обеспечение, пользователей среды, сотрудников субъекта финансово-бюджетной сферы — пользователей программных продуктов, которые являются источником информации для среды контроля, а также персонал, обслуживающий данную систему.

В рамках реализации функционирования автоматизированной системы SMART-контроля важную роль играет информация, на базе которой проводятся контрольные мероприятия. Для этого нужна информация как из внутренних источников о всех бюджетных процедурах, так информация из внешних источников.

К таким внешним источникам относятся:

- нормативные правовые акты, регулирующие деятельность как субъекта, так и объекта финансово-бюджетной сферы;
- публикации в средствах массовой информации о финансово-бюджетной сфере и о деятельности субъектов и объектов контроля;
- информация из подведомственных организаций о реализуемых бизнес-процессах, если отсутствует единая централизованная автоматизация информационного обмена внутри ведомства;
- информация о населении страны из Единого регистра;
- данные из государственной интегрированной информационной системы управления общественными финансами «Электронный бюджет», если представленная система SMART-контроля не является частью данной информационной системы.

Автоматизированная модель системы SMART-контроля в финансово-бюджетной сфере должна формироваться в виде государственной информационной системы на базе Единой цифровой платформы «ГосТех».

Данная платформа является технологическим решением на поступающие вызовы перед Правительством Российской Федерации. В рамках решения стратегических задач по обеспечению национальной безопасности в целом и информационной и финансовой безопасности в частности, в России создана единая цифровая платформа, позволяющая соблюсти требования конфиденциальности хранящейся и аккумулирующей информации в государственных информационных системах. Кроме того, ГосТех позволяет интегрировать все существующие и вновь создаваемые информационные системы.

При формировании системы SMART-КвФБС необходимо пройти через ряд последовательных этапов создания, разработки новой информационной системы: от создания заявки до подключения пользователей. Представленный порядок основывается на требованиях, содержащихся в действующих нормативных правовых актах по разработке государственных информационных систем.

Далее кратко рассмотрим примерное содержание каждого из этапов. Первый этап включает в себя создание заявки на рассматриваемую систему. В данном этапе, как правило, участвуют функциональный заказчик и технолог. Функциональный заказчик непосредственно отвечает за формирование заявки на SMART-КвФБС и определяет потребности в интеграции существующих информационных систем участника бюджетного процесса. Технолог после рассмотрения заявки принимает решение, требуется ли дополнительная информация к имеющемуся содержанию. На принятие такого решения необходимо 7 рабочих дней. Если технологю нужна более подробная информация об имеющихся информационных системах или любая другая информация, функциональный заказчик ее предоставляет за 5 дней.

После согласования содержания заявки Технолог принимает решение о перспективах исполнения заявки и утверждает ее или отклоняет. При этом любое решение должно быть обосновано. После регистрации утвержденной заявки она передается на исполнение для разработки технического задания на SMART-КвФБС, что является следующим самостоятельным этапом.

Функциональный заказчик, технолог, ответственный за эксплуатацию, инфраструктуру и архитектуру, ответственный за информационную безопасность, руководитель организации (участника бюджетного процесса) обладают отдельными полномочиями в рамках участия в разработке технического задания.

Данный этап начинается с того, что функциональ-

ный заказчик разрабатывает проект технического задания на SMART-КвФБС в том числе на основании полученной от остальных участников информации для создания проекта. Технолог готовит предложения и замечания по проекту на предмет его реалистичности (возможности реализации). Ответственный за эксплуатацию, инфраструктуру и архитектуру отвечает за то, чтобы в проекте технического задания перечислялись требования к системной архитектуре, информационным технологиям, инфраструктуре, реалистичные сроки готовности инфраструктуры для выполнения пусконаладочных работ, проведения приемки и испытаний. Ответственный за информационную безопасность проверяет наличие требований по защите информации и по обеспечению юридической значимости электронного документооборота. После всех процедур информационного обмена технологи и ответственные должны согласовать проект технического задания, а руководитель организации — утвердить. При этом согласование проводится в два этапа: первичное и основное, 7 и 3 рабочих дня соответственно. На каждом из этапов проект технического задания может быть отправлен на доработку. Утверждение занимает до 7 рабочих дней, с момента которого наступает следующий этап — разработка технического задания на систему защиты информации SMART-контроля в финансово-бюджетной сфере и проекта модели угроз безопасности информации.

Ответственный за информационную безопасность, прежде всего, должен определить возможные угрозы на основе изучения содержания утвержденного варианта технического задания и акта классификации информационной системы. После анализа потенциальных угроз данный участник создания SMART-КвФБС принимает решение, необходимо ли создание модели угроз безопасности информации. На его составление выделяется до 7 рабочих дней с учетом выполнения запросов на дополнительную информацию у технолога, функционального заказчика и ответственного за эксплуатацию, инфраструктуру и архитектуру. На исполнение каждого запроса отводится до 5 рабочих дней.

Модель угроз безопасности информации проходит последовательное согласование у функционального заказчика, технолога, утверждение руководителем организации. Далее проводятся работы по составлению и заключению контракта на создание SMART-КвФБС. Функциональный заказчик готовит проект финансово-экономического обоснования и согласовывает его с ответственным за эксплуатацию, инфраструктуру и архитектуру, делает заявку с запросом информации об имеющихся информационных системах в участника бюджетного процесса и возможности их интеграции, материалы по вопросу защиты информации, содержащейся в системе, а также создания системы защиты информации.

В стремительно меняющихся условиях функционирования государственного сектора и органов местного

самоуправления логичным развитием рассмотренной темы должно стать рассмотрение цифровых инструментов контроля на базе искусственного интеллекта и технологии документарного блокчейна. SMART-контроль при всех его преимуществах не является панацеей для автоматического повышения эффективности государственного (муниципального) управления, что потребует значительной работы по совершенствованию нормативно-методических документов, повышению цифровой зрелости работников объектов и субъектов контроля, синхронизации деятельности органов внешнего и внутреннего муниципального финансового контроля. Целесообразность внедрения SMART-контроля на муниципальном уровне подтверждена позитивным опытом его использования Контрольно-счетной палатой России и Федеральным казначейством, а также рекомендациями ведомственного проекта Министерства финансов РФ. В качестве последующих этапов создания и внедрения SMART-КвФБС можно выделить разработку, согласование и утверждение документации на систему SMART-контроля в финансово-бюджетной сфере, разработку системы и подключение пользователей и, кроме того, механизм открытости всех процедур, связанных со SMART-контролем, требует нормативно-закрепления.

Список источников

1. Исаев Э. А. Актуальные вопросы к цифровизации контроля в финансово-бюджетной сфере // Вестник университета. 2022. № 8.
2. Гузь Н. А., Царева Л. М. Трансформация внутреннего государственного финансового контроля на современном этапе и в ближайшей перспективе // Финансы. 2023. № 8.
3. Исаев Э. А. Курс на цифровизацию аналитических полномочий Казначейства России // Журнал Бюджет. 2023. № 5.

References

1. Isaev E. A. Actual issues of digitalization of control in the financial and budgetary sphere // Bulletin of the University. 2022. № 8.
2. Guz N. A., Tsareva L. M. Transformation of internal state financial control at the present stage and in the near future // Finance. 2023. № 8.
3. Isaev E. A. Course on digitalization of analytical powers of the Treasury of Russia // Budget Journal. 2023. № 5.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 12.12.2023) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.
2. Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ

- (ред. от 04.08.2023) «Об электронной подписи» (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 15. Ст. 2036.
3. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (ред. от 11.03.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5018.
 4. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 2901.
 5. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 г. № 7) // URL: <https://digital.gov.ru>
 6. Цифровая сущность финансового права : прошлое, настоящее, будущее : монография / Н. Е. Абрамова, С. Я. Боженок, О. В. Веремеева и др. ; под ред. И. И. Кучерова, Н. А. Поветкиной. М. : ИЗиСП, Юриспруденция, 2022. 272 с.
 7. Электронный SMART-контроль : что это такое и как он изменит жизнь учреждений и ревизоров // URL: <https://www.garant.ru/news/1624807/>
 8. Минфин России создаст единую электронную систему формирования данных госфинансов // URL : <https://minfin.cap.ru/press-centr/2021/08/03/minfin-rossii-sozdast-edinuyu-elektronnuyu-sistemu>
 9. Наумов В., Авакян Е., Чубурко А., Янковский Р., Белова С., Тевс М., Махносов Э., Рыбалко В. Цифровая среда доверия // Закон. 2019. № 9. С. 25–38.
 10. Степанова Д. И., Николаева Т. Е., Иволгина Н. В. Особенности организации и направления развития криптовалютных платежных систем // Финансы и кредит. 2016. № 10 (682). С. 33–45.
 11. Аюпов А. А., Бадыкова А. Р. Гибридный токен как перспективный финансовый инструмент на рынке ICO // Инновации и инвестиции. 2021. № 1. С. 93–97.
 12. Федотова В. В., Емельянов Б. Г., Типнер Л. М. Понятие блокчейн и возможности его использования // European science. 2018. № 1 (33). С. 40–48.
 13. Карпычев В. Ю. Правовое регулирование больших данных : пусть будет // Юрист. 2022. № 4. С. 68–73.
 14. Бычков С. При SMART-контроле учреждения не будут знать о проверке // Учет в учреждении. 2023. № 7.
 15. Минбалеев А. В., Петровская О. В. Проблемы реализации принципа достоверности информации в условиях цифровой трансформации // Российский юридический журнал. 2022. № 4. С. 20–28.
 16. Попов О. В., Прокопенко А. Н. Особенности правового регулирования использования биометрических персональных данных в системе государственного управления на современном этапе цифровой трансформации общества // Административное право и процесс. 2023. № 2. С. 22–24.

Bibliographic list

1. Federal Law of July 27, 2006 № 149-FZ (as amended on December 12, 2023) «On Information, Information Technologies and Information Protection» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. № 31 (part 1). Art. 3448.
2. Federal Law of April 6, 2011 № 63-FZ (as amended on August 4, 2023) «On Electronic Signature» (as amended and supplemented, entered into force on August 5, 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. № 15. Art. 2036.
3. Federal Law of July 31, 2020 № 259-FZ (as amended on March 11, 2024) «On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» (as amended and supplemented, entered into force on July 1, 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. № 31 (Part I). Art. 5018.
4. Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017 № 203 «On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2017. № 20 Art. 2901.
5. National Program «Digital Economy of the Russian Federation» (approved by the Presidium of the Presidential Council of the Russian Federation for Strategic Development and National Projects, minutes of 04.06.2019 № 7) // URL: <https://digital.gov.ru>
6. Digital essence of financial law: past, present, future : monograph / N. E. Abramova, S. Ya. Bozhenok, O. V. Veremeeva et al. ; edited by I. I. Kucherov, N. A. Povetkina. Moscow : IZiSP, Jurisprudence, 2022. 272 p.
7. Electronic SMART control: what is it and how will it change the lives of institutions and auditors // URL: <https://www.garant.ru/news/1624807/>
8. The Ministry of Finance of the Russian Federation will create a unified electronic system for

- generating public finance data // URL: <https://minfin.cap.ru/press-centr/2021/08/03/minfin-rossii-sozdast-edinuyu-elektronnyu-sistemu>
9. Naumov V., Avakyan E., Chuburko A., Yankovsky R., Belova S., Tevs M., Makhnonosov E., Rybalko V. Digital trust environment // Law. 2019. № 9. P. 25–38.
 10. Stepanova D. I., Nikolaeva T. E., Ivolgina N. V. Features of the organization and directions of development of cryptocurrency payment systems // Finance and Credit. 2016. № 10 (682). P. 33–45.
 11. Ayupov A. A., Badykova A. R. Hybrid token as a promising financial instrument in the ICO market // Innovations and investments. 2021. № 1. P. 93–97.
 12. Fedotova V. V., Emelianov B. G., Tipner L. M. The concept of blockchain and the possibilities of its use // European science. 2018. № 1 (33). P. 40–48.
 13. Karpychev V. Yu. Legal regulation of big data: let it be // Jurist. 2022. № 4. P. 68–73.
 14. Bychkov S. With SMART control, institutions will not know about the audit // Accounting in the institution. 2023. № 7.
 15. Minbaleev A. V., Petrovskaya O. V. Problems of implementing the principle of reliability of information in the context of digital transformation // Russian Law Journal. 2022. № 4. P. 20–28.
 16. Popov O. V., Prokopenko A. N. Features of legal regulation of the use of biometric personal data in the public administration system at the present stage of digital transformation of society // Administrative law and process. 2023. № 2. P. 22–24.

Информация об авторах

А. С. Зуева — доцент кафедры «Финансовый контроль и казначейское дело», ведущий научный сотрудник Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат экономических наук, доцент;

А. В. Токолов — доцент кафедры международного и публичного права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, старший преподаватель кафедры противодействия преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the authors

A. S. Zueva — Associate Professor of the Department of Financial Control and Treasury, Leading Researcher of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor;

A. V. Tokolov — Associate Professor of the Department of International and Public Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Senior Lecturer of the Department of Combating Crimes in the Sphere of Information and Telecommunication Technologies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 19.12.2024; одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 05.02.2025.

The article was submitted 19.12.2024; approved after reviewing 20.01.2025; accepted for publication 05.02.2025.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-101-106>

EDN: <https://elibrary.ru/nrmyau>

НИОН: 2003-0059-2/25-269

MOSURED: 77/27-003-2025-02-468

Проблемы правовой регламентации и применения реабилитации по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 285 УК РФ, и пути их решения

Юрий Григорьевич Клещенко

Гуманитарно-социальный институт, Москва, Россия, iurii.kleshchenko@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы правовой регламентации в современной правоприменительной практике, а также применение реабилитации по делам о преступлениях, которые предусмотрены ст. 285 Уголовного кодекса Российской Федерации (злоупотребление должностными полномочиями), через призму деятельности судов по разрешению указанных дел. Российские авторы, ученые и практики уделяют проблеме реабилитации особое внимание в рамках уголовного законодательства. Весьма серьезный интерес в проведении научных исследований, касающихся вопроса реабилитации, а также ее применения по делам о преступлениях представляет ст. 285 Уголовного кодекса РФ, квалифицирующая составы преступлений, в контексте применения реабилитации.

Ключевые слова: преступление, процесс, уголовно-процессуальный кодекс

Для цитирования: Клещенко Ю. Г. Проблемы правовой регламентации и применения реабилитации по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 285 УК РФ, и пути их решения // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 2. С. 101–106. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-101-106>. EDN: NRMYAU.

Original article

Problems of legal regulation and application of rehabilitation in cases of crimes under Art. 285 of the Criminal Code of the Russian Federation and ways to solve them

Yuri G. Kleshchenko

Humanitarian Social Institute, Moscow, Russia, iurii.kleshchenko@mail.ru

Abstract. In modern law enforcement practice, the problems of legal regulation, as well as the application of rehabilitation in cases of crimes, which are provided for by Article 285 of the Criminal Code of the Russian Federation (abuse of office), should be considered through the prism of the activities of the courts to resolve these cases. Russian authors, scientists and practitioners, pay special attention to the problem of rehabilitation and consider it through criminal law. Article 285 of the Criminal Code, which qualifies offences in the context of the application of rehabilitation, is of great interest in conducting scientific research on the issue of rehabilitation, as well as its application in cases of crimes.

Keywords: crime, process, criminal procedure code

For citation: Kleshchenko Yu. G. Problems of legal regulation and application of rehabilitation in cases of crimes under Art. 285 of the Criminal Code of the Russian Federation and ways to solve them. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(2):101–106. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-101-106>. EDN: NRMYAU.

На сегодняшний день реабилитация в уголовном праве является весьма обсуждаемым и актуальным вопросом. Несмотря на то, что указанный институт является достаточно изученным, на практике возникают некоторые трудности, вызванные, в том числе законодательными пробелами и коллизиями. Это касается

© Клещенко Ю. Г., 2025

и реабилитации лиц, обвиняемых в преступлениях, предусмотренным ст. 285 УК РФ (Злоупотребление должностными полномочиями). Специфика в данном случае заключается, во-первых, в малом количестве реабилитируемых и уголовных дел по указанной статье в целом, и, во-вторых, в том, что обвиняемые по указанной статье так или иначе являются или являлись должностными лицами.

Научный деятель А. Н. Петрухина в своих работах по уголовному праву, определяет понятие «реабилитация», как последовательность восстанавливающего процесса, направленного на возвращение тех прав и свобод, которых было лишено лицо во время безосновательного уголовного преследования судебными органами и представителями следственного комитета [1, с. 79].

Сегодня в правовой регламентации и применении реабилитации по делам о преступлениях имеется ряд проблем, первой из которых является тот факт, что реализация права на реабилитацию зависит от волеизъявления пострадавшего от незаконного и необоснованного проведения следствия за лицом, непричастным к уголовному преступлению [2, с. 56; 3, с. 222].

В российском уголовном законодательстве реабилитация лиц регламентируется различными законами и другими нормативно-правовыми актами. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 29 ноября 2011 г. № 17, которое разъясняет порядок реабилитации лиц. В соответствии с пунктом 10 данного постановления, судебные органы, занимающиеся рассмотрением дел, в которых реабилитированное лицо требует, на основании гл. 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, восстановления прав и свобод, а также возмещения причиненного вреда, имеют право удовлетворить полностью или частично выдвинутое требование гражданина. Кроме того, суд может отказать реабилитированному лицу, при условии, что у представителей судебных органов будет достаточно оснований, фактов и доказательств, согласно которым гражданину выносится отказ от его заявленных требований [4].

В научных материалах по уголовному праву, например в работе Я. Н. Ермоловича, уделяется достаточно много внимания изучению проблем, связанных с организацией и проведением следствия по делам, выражающихся в том, что должностные лица нарушают служебные права и злоупотребляют своими полномочиями [5, с. 185].

Судебная практика свидетельствует о том, что по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 285 УК РФ, выявлены различные данные, среди которых имеются показатели в пользу реабилитации лиц. Но при этом, в отечественной уголовной практике, существует достаточно много проблем, связанных

с правовой регламентацией и применением реабилитации по делам о преступлениях [6, с. 39].

Имеются суждения относительно данной проблемы, касающиеся необходимости усовершенствования законодательства, путем внесения изменений, касающихся прямой обязательности суда, выраженной в урегулировании практики отказа обвиняемым/подсудимым, в дальнейшем имеющим право на реабилитацию, в принятии требований о реабилитации, и априори в рамках рассматриваемого уголовного дела одновременно решать вопросы о реабилитации лица, без открытия нового производства.

Необходимо отметить, что большинство современных авторов согласны с тем, что в настоящее время требуется совершенствование и внесение корректировок в российское уголовное законодательство. Так, В. Н. Яшин и М. Н. Буслаева в своем научном труде, посвященном проблемам реабилитации, отмечают, что в российском уголовном законодательстве научная терминология, которая используется в гл. 18 Уголовно-процессуального кодекса РФ, нуждается в доработках, так как не соответствует логической связи реабилитации и признания на нее права. С точки зрения авторов, признание права на реабилитацию лица будет целесообразным не только в случае его оправдания и восстановления репутации, но и когда выдвинутые требования на возмещение вреда остались неудовлетворены. В связи с этим можно констатировать тот факт, что понятийный аппарат уголовного законодательства разработан не в полной мере, так как имеются основания в его дополнении, а, следовательно, и усовершенствовании [7, с. 232; 8, с. 20; 9, с. 248].

В качестве еще одной проблемы реабилитации лиц, ранее обвиняемых по ст. 185 УК РФ, можно обозначить исключение эпизода из приговора или переквалификация преступного деяния. В соответствии с п. 4 ПП ВС РФ № 17 от 29 ноября 2011 г., право на реабилитацию имеют не все категории лиц, участвующие в судебных разбирательствах. Например, в ст. 133 (ч. 2) УПК РФ указано, что на реабилитацию не имеют права следующие граждане: осужденный, подозреваемый, обвиняемый, противоправные действия которых были переквалифицированы [10]. Р. Б. Осокин в одной из своих научных работ отмечает, что в данную категорию попадают лица, которые были осуждены за совершение преступного деяния, однако срок отбывания в колонии им был существенно снижен, тем самым судебные органы проявили снисхождение к осужденным лицам, но при этом не наделили их правом реабилитации [11, с. 62].

Обратимся к судебной практике, в которой наглядным образом отражены преступления в финансово-бюджетной сфере [12, с. 111–114]. В Московский городской суд поступила апелляционная жалоба от

имени И. А. С., в которой говорилось о том, что гражданину И. А. С. ранее, в Тверском районном суде, было отказано в удовлетворении требования компенсации морального ущерба со стороны Минфина РФ. В апелляции было обозначено, что И. А. С. требовал возместить нанесенный моральный ущерб, вследствие незаконного преследования в рамках уголовного дела. При этом отмечается, что в 2008 г. И. А. С. был осужден по ст. 292 УК РФ, и наказан в виде обязательной выплаты, сумма которой составила 30 000 руб. Также гражданину был вынесен приговор заключения под стражу общего режима на срок 6 месяцев (по 1 ч. ст. 285 УК РФ). Однако 6 ноября 2008 г., Судебная коллегия по уголовным делам Тверского областного суда, изменила приговор, и отменила наказание по ст. 285 УК РФ. Истец И. А. С. по причине незаконного привлечения к уголовной ответственности потребовал с ответчика компенсировать нанесенный моральный ущерб в сумме 1 632 000 руб. Рассмотрев апелляцию истца, Московский городской суд пришел к решению, что исключение из приговора о квалификации действий по ч. 1 ст. 285 УК РФ не является основанием для возмещения морального ущерба (вреда), поэтому постановление Тверского районного суда от 10 ноября 2016 г. не было изменено, а апелляция гражданина И. А. С. осталась без удовлетворения [13].

Данная проблема находит свое отражение в том, что иногда преступления квалифицируются стороной обвинения или стороной правосудия неправильно, что порождает невозможность обвиняемого/подсудимого отстоять свои законные права, свободы и интересы. По данной проблеме законодателю стоит внести в УПК РФ в ст. 133 УПК РФ положения о том, что переквалификация действий или исключение эпизода преступления, являются серьезным основанием как для возникновения прав на реабилитацию лица, так и для компенсации морального ущерба (вреда) потерпевшего.

Еще одной проблемой, которая зачастую встречается в судебной-правовой практике, является установление размера суммы возмещения морального ущерба реабилитированному лицу. Согласно ст. 133 (ч. 1) УПК РФ, а также ст. 1070 (ч. 2) ГК РФ, моральный вред, который был нанесен представителями следственного комитета реабилитированному лицу, по причине преследования и возбуждения против него уголовного дела, должен быть возмещен в полной мере [14].

Сумма морального ущерба устанавливается представителями судебной власти, на основании страданий потерпевшего. При оценке степени страданий судьи учитывают следующие факторы:

- личностные качества и особенности потерпевшего;
- реальные обстоятельства нанесения вреда.

Затем, судья на основании ст. 1101 ГК РФ и выдвиг-

нутых требований пострадавшего, определяет размер морального ущерба, который обязана возместить сторона, причинившая вред потерпевшему.

Рассмотрим пример из судебной практики по делу № 14-КГ20-7-К1 от 29 сентября 2020 г. В Судебную коллегия по гражданским делам ВС РФ обратилась гражданка Л. А. О. с иском к Министерству финансов РФ, в котором требовала возместить моральный вред в размере 600 000 руб., а также понесенные личные расходы, потраченные на услуги адвоката (47 950 руб.) и специалиста, занимающегося разбором гражданских дел (34 000 руб.). Гражданка Л. А. О. мотивировала свои требования тем, что ранее являлась сотрудником областной больницы, и работала на должности заместителя. Затем Л. А. О. уволилась по собственному желанию, однако сразу после увольнения против нее было возбуждено уголовное дело по ст. 285 УК РФ (ч. 1). Уголовное дело было закрыто, так как в действиях подозреваемой не было обнаружено состава преступления. Гражданка указывает, что в результате противоправных действий следственных органов ей был причинен значительный моральный вред.

Определением суда первой инстанции было прекращено производство по указанному искомому заявлению в части требований о взыскании 47 950 руб. в счет возмещения понесенных расходов по ведению уголовного дела.

Коминтерновский районный суд города Воронежа удовлетворил требования Л. А. О. частично, то есть суд принял решение в пользу потерпевшей взыскать с Минфина РФ денежную сумму в размере 20 000 руб., на возмещение морального вреда гражданки Л. А. О., а также компенсировать расходы в размере 18 000 руб., понесенные на оплату услуг адвоката. Таким образом, требование гражданки Л. А. О. полностью не было удовлетворено.

Судебная коллегия по гражданским делам ВС РФ рассмотрев дело Л. А. О. пришла к выводам о том, что при расчете компенсации морального вреда, суд первой инстанции проигнорировал конкретные обстоятельства дела, оказавшие воздействие на результат установленной суммы компенсации, которая не соответствовала требованиям гражданки Л. А. О.

В целом, суд первой инстанции, в процессе оценки установления размера морального ущерба, не обратил внимания на важнейшие обстоятельства, которые регламентируются на уровне уголовного законодательства РФ. Например, судьями не было принято во внимание следующее:

- продолжительность уголовного преследования потерпевшей, которая составила 1 год и 4 месяца;
- индивидуальные особенности личности потерпевшей;

- обстоятельства, по причине которых деловой репутации Л. А. О. был нанесен серьезный ущерб и т. п.

Суд первой инстанции выявленные нарушения не устранил, поэтому Судебная коллегия по гражданским делам ВС РФ приняла решение отменить их постановление и направить данное дело на рассмотрение в суд апелляционной инстанции [15].

Приведем еще один пример из судебной практики по уголовному делу № 4/17-1-19/2020 от 13 марта 2020 г. В Балашовский районный суд Саратовской области обратился гражданин С. О. С. с требованием признания права на реабилитацию, а также возмещения с Минфина РФ морального вреда и расходов на юридические услуги, в размере 95 000 руб. Гражданин мотивирует свои требования тем, что уголовное дело, действующее против его интересов, было закрыто 14 мая 2018 г. в соответствии с реабилитирующими основаниями по ч. 1 ст. 285 и ч. 1 ст. 286 УК РФ [16]. Но несмотря на это право на его реабилитацию так и не было признано, в том числе и не было отправлено извещение с разъяснением порядка возмещения морального вреда. С. О. С. передал заявление в зал суда Балашовского района, в котором подробно расписал все расходы, затраченные на услуги юристов, что потребовалось в процессе судебного разбирательства в период уголовного преследования. Также гражданин С. О. С. приложил соответствующие документы, доказывающие оплату юридических услуг. Среди таких документов находился договор об оказании юридических услуг от 12 февраля 2017 г. № 27/2, заключенный с ООО «АВН», а также квитанции об оплате.

Рассмотрев заявление С. О. С., Балашовский районный суд пришел к решению отказать в удовлетворении требования возмещения морального ущерба и расходов на юридические услуги, так как в соответствии со ст. 20 Федерального закона РФ от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», ООО «АВН» не является адвокатским образованием, а материалов о том, что в данной организации работают лица, оказывающие юридические услуги, С. О. С. не было предоставлено. В результате С. О. С., подверженному уголовному преследованию, не только отказали в возмещении вреда, но и не предоставили право на реабилитацию.

На основании проведенного анализа судебных производств, законодателю рекомендуется в гл. 18 Уголовно-процессуального кодекса РФ обозначить конкретный минимальный и максимальный размер выплат, назначаемых реабилитируемому, за причиненный ему моральный вред. Указанное позволит ограничить не только участника уголовного судопроизводства, который может требовать необоснованно большую компенсацию за причиненный ему мораль-

ный вред, так и суд, который может назначить реабилитируемому несоизмеримо малую сумму выплат.

Кроме того, несмотря на регламентирование УПК РФ норм, касающихся реабилитации, существует ряд проблем правовой регламентации и применения реабилитации, в том числе по делам о преступлениях в финансово-бюджетной сфере, которые подлежат устранению законодателем [17, с. 126].

В заключение необходимо отметить, что на основании выявленных проблем были разработаны авторские предложения, которые позволят усовершенствовать уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации.

Предлагаемые меры по совершенствованию уголовно-процессуального закона и практики его применения:

- внесение изменений, касающихся прямой обязанности суда, выраженной в том, что судья не может отказать обвиняемым/подсудимым, в дальнейшем имеющим право на реабилитацию, в принятии требований о реабилитации, и априори в рамках рассматриваемого уголовного дела, в частности по ст. 285 УК РФ, одновременно решать вопросы о реабилитации лица, без открытия нового производства;
- закрепление в УПК РФ конкретной суммы возмещения морального ущерба, что обеспечит исключение злоупотребления правом как реабилитированным, так и судом;
- пересмотр Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2011 г. № 17 и внесении в ст. 133 УПК РФ положения о том, что перекавалификация действий является главным основанием не только для возникновения права на реабилитацию лица, но и на компенсацию морального и материального ущерба, причиненного в результате уголовного преследования.

Список источников

1. Петрухина А. Н. Совершенствование порядка реализации института реабилитации в уголовном судопроизводстве // Вопросы российского и международного права. 2021. № 10-1. С. 79–83.
2. Дудорова Т. Д. Актуальные вопросы и современные аспекты уголовного судопроизводства: монография. Воронеж : Издательство «Ритм», 2021.
3. Декриминализация преступлений в сфере экономической деятельности : административная преюдиция в действии : монография / колл. авторов ; под ред. д-ра юрид. наук, проф. М. А. Лапиной. М. : ЮСТИЦИЯ, 2016.

4. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 29 ноября 2011 г. № 17 (ред. от 28.06.2022) «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 1.
5. Ермолович Я. Н. Должностные преступления в российском уголовном праве : монография. М. : Юрлитинформ, 2020.
6. Ветрова О. А., Меркулов С. В. К вопросу о проблемах реализации института реабилитации в уголовном процессе России // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2021. № 1. С. 37–43.
7. Яшин В. Н., Буслаева М. Н. Проблемы института реабилитации в уголовном процессе // Актуальные проблемы организации правоохранительной и правозащитной деятельности : сборник материалов международной научно-практической конференции. Тула, 2022.
8. Трунцевский Ю. В. Нормы международного права как источник российского уголовного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1995.
9. Правовые риски в системе публичного управления : монография / под науч. ред. В. И. Авдийского, М. А. Лапиной ; Финансовый университет при правительстве Российской Федерации. М. : ОТ и ДО, 2014.
10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч.1). Ст. 4921.
11. Осокин Р. Б. Уголовная политика по противодействию преступлениям против общественной нравственности : монография. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018.
12. Трунцевский Ю. В., Чесноков А. А. Некоторые проблемы использования источников информации о злоупотреблениях в процедурах банкротства // Алтайский юридический вестник. 2015. № 2 (10). С. 111–114.
13. Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 14 ноября 2017 г. по делу № 33-46165/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.
15. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2020 г. № 14-КГ20-7-К1 // СПС «КонсультантПлюс».
16. Бюллетень юридической службы Казначейства России // URL: <https://roskazna.gov.ru/upload/iblock/44f/byulleten-yus-23-za-1-kvartal.pdf>
17. Лясколо А. Н. Финансовые преступления в российском уголовном праве. Проблемы квалификации : монография. М. : Проспект, 2022.

References

1. Petrukhina A. N. Improving the order of implementation of the institute of rehabilitation in criminal proceedings // Issues of Russian and international law. 2021. № 10-1. P. 79–83.
2. Dudorova T. D. Actual issues and modern aspects of criminal proceedings : monograph. Voronezh : Ritm Publishing House. 2021.
3. Decriminalisation of crimes in the sphere of economic activity: administrative prejudice in action: a monograph / collective of authors ; ed. by Dr. of Law, Prof. M. A. Lapina. M. : JUSTICE, 2016.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 29, 2011 № 17 (ed. 28.06.2022) «On the practice of application by courts of the norms of Chapter 18 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, regulating rehabilitation in criminal proceedings» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2012. № 1.
5. Ermolovich Ya. N. Official offences in Russian criminal law : monograph. M. : Yurlitinform, 2020.
6. Vetrova O. A., Merkulov S. V. To the question about the problems of realisation of the institute of rehabilitation in the criminal process of Russia // Modern criminal procedural law — lessons of history and problems of further reforming. 2021. № 1. P. 37–43.
7. Yashin V. N., Buslaeva M. N. Problems of the institute of rehabilitation in the criminal process // Actual problems of the organization of law enforcement and human rights activities : collection of materials of the international scientific-practical conference. Tula, 2022.
8. Truntsevskiy Yu. V. Norms of the international law as a source of the Russian criminal law : autoref. dis. ... candidate of legal sciences. Ryazan, 1995.
9. Legal risks in the system of public administration :

- monograph / under the scientific editorship of V. I. Avdisky, M. A. Lapina ; Financial University under the Government of the Russian Federation. М. : OT&DO, 2014.
10. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 № 174-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. № 52 (part 1). Art. 4921.
 11. Osokin R. B. Criminal policy to counteract crimes against public morality : monograph. М. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2018.
 12. Truntsevskiy Yu. V., Chesnokov A. A. Some problems of using sources of information on abuse in bankruptcy procedures // Altai Legal Bulletin. 2015. № 2 (10). P. 111–114.
 13. Appellate determination of the IC on civil cases of the Moscow City Court of November 14, 2017 on the case № 33-46165/2017 // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=932847&ysclid=lorakthly8210567992#G14j7vTDvOUJsJ0pC>
 14. Civil Code of the Russian Federation (part two) of January 26, 1996 № 14-FZ (ed. from 01.07.2021, with amendments from 08.07.2021) (with amendments and additions, effective from 01.01.2022) // Collection of Legislation. 1996. № 5. Art. 410.
 15. Definition of the SC on civil cases of the Supreme Court of the Russian Federation of September 29, 2020 № 14-KG20-7-K1 // LRS «ConsultantPlus».
 16. Bulletin of the legal service of the Treasury of Russia // URL: <https://roskazna.gov.ru/upload/iblock/44f/byulleten-yus-23-za-1-kvartal.pdf>
 17. Lyaskalo A. N. Financial crimes in the Russian criminal law. Problems of qualification: a monograph. М. : Prospect, 2022.

Информация об авторе

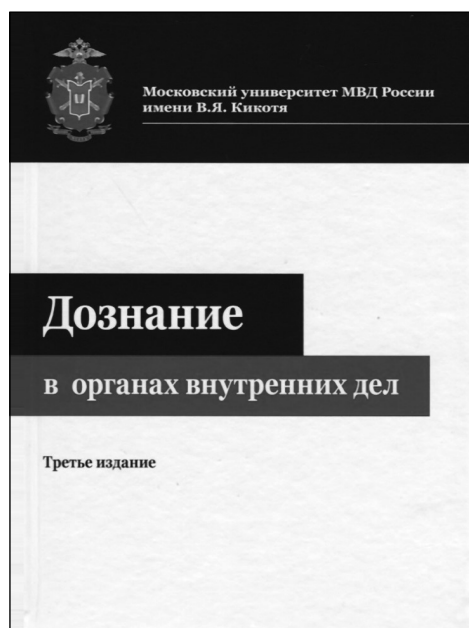
Ю. Г. Клещенко — доцент кафедры права Гуманитарно-социального института, кандидат экономических наук.

Information about the author

Yu. G. Kleshchenko — Associate Professor of the Legal Department of the Humanitarian Social Institute, Candidate of Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 14.02.2025; одобрена после рецензирования 22.02.2025; принята к публикации 03.03.2025.

The article was submitted 14.02.2025; approved after reviewing 22.02.2025; accepted for publication 03.03.2025.

Дознание в органах внутренних дел. 3-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Под ред. Ф. К. Зиннурова, А. С. Есиной. 495 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Определены понятие, роль и значение дознания в уголовном судопроизводстве России. Рассмотрены деятельность органа дознания по уголовным делам; особенности и общие условия производства дознания как формы предварительного следствия. Особое внимание уделяется процессуальному положению и полномочиям дознавателя ОВД и его взаимодействию с отдельными участниками уголовного судопроизводства. Раскрыты правовые основы и направления взаимодействия в данной сфере в аспекте международного сотрудничества.

Для студентов, курсантов и слушателей юридических учебных заведений МВД России, а также преподавателей и аспирантов (адъюнктов).

Научная статья

УДК 347.453

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-107-113>

EDN: <https://elibrary.ru/orrqne>

НИОН: 2003-0059-2/25-270

MOSURED: 77/27-003-2025-02-469

К вопросу о краткосрочном найме жилых помещений в многоквартирных домах

Мария Владимировна Короткова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, Maria_979@mail.ru

Аннотация. Рассматривается посуточная и даже почасовая сдача в наем квартир, которая в настоящее время представляет собой весьма распространенное явление. Это удобно для нанимателя, находящегося в командировке или посещающего определенный населенный пункт в туристических целях. Плата за проживание в этом случае может быть в разы ниже, чем в гостинице. Однако превращение обычной квартиры в многоквартирном доме в мини-отель напрямую затрагивает интересы соседей.

Внесение изменений в ст. 30 ЖК РФ не дало однозначного решения проблемы краткосрочного найма жилых помещений в многоквартирных домах. Запрет посуточного найма жилых помещений видится хоть и радикальной, но необходимой мерой. Высказывается предложение законодательно закрепить минимальную продолжительность краткосрочного найма в многоквартирных домах; отмечается нецелесообразность ограничения сроков найма подобных жилых помещений на территории курортных, туристических зон, где посуточная сдача жилья является обычной практикой и составляет порой основной заработок местного населения. В качестве альтернативы договорам краткосрочного найма жилых помещений в многоквартирных домах рассматривается найм жилья в наемных домах коммерческого использования или найм апартаментов.

Ключевые слова: краткосрочный найм, жилое помещение, многоквартирный дом, гостиничные услуги

Для цитирования: Короткова М. В. К вопросу о краткосрочном найме жилых помещений в многоквартирных домах // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 2. С. 107–113. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-107-113>. EDN: ORRQNE.

Original article

On the issue of short-term rental of residential premises in apartment buildings

Maria V. Korotkova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, Maria_979@mail.ru

Abstract. The daily and even hourly rental of apartments, which is a very common phenomenon today, is considered. The cost of accommodation in this case may be several times lower than in a hotel. However, the transformation of an ordinary apartment in an apartment building into a mini-hotel directly affects the interests of the neighbors.

An unambiguous solution to the problem of short-term rental of residential premises in apartment buildings has not been achieved by changing Article 30 of the Housing Code of the Russian Federation. The introduction of a ban on daily rental of residential premises seems to be a necessary measure. There is a proposal to legislate the minimum duration of short-term employment in apartment buildings; it is noted that it is inappropriate to limit the terms of hiring such residential premises in resort and tourist areas, where daily rental of housing is common practice and sometimes constitutes the main earnings of the local population. As an alternative to contracts for short-term rental of residential premises in apartment buildings, rental of housing in rented houses for commercial use or rental of apartments is considered.

Keywords: short-term employment, residential premises, apartment building, hotel services

For citation: Korotkova M. V. On the issue of short-term rental of residential premises in apartment buildings. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(2):107–113. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-107-113>. EDN: ORRQNE.

© Короткова М. В., 2025

Актуальность исследования проблемы краткосрочного найма жилых помещений в многоквартирных домах обусловлена значительным увеличением числа конфликтных ситуаций, возникающих на почве столкновения имущественных интересов собственников сдаваемых квартир и прав других жильцов многоквартирных домов (далее — МКД).

С одной стороны, собственники жилья, осуществляющие посуточную сдачу жилых помещений, реализуют предоставленное им законом право распоряжения своим имуществом и право на свободное предпринимательство. При этом краткосрочной найм жилья часто приобретает черты гостиничных услуг, что, однако, прямо не противоречит действующему законодательству и не требует обязательного перевода жилого помещения в нежилое. Не случайно противопоставление данного вида найма услугам гостиниц находит отражение в названии некоторых научных публикаций [1; 2].

С другой стороны, существенные неудобства, причиняемые остальным жителям МКД вследствие непрерывной смены нанимателей и повышенной нагрузки на инфраструктуру общедомового имущества, становятся причиной систематических конфликтов.

Проблема заключается в необходимости поиска оптимальной модели правового регулирования краткосрочного найма жилых помещений в МКД, обеспечивающей справедливое соотношение интересов между собственниками жилых помещений, выступающими наймодателями, нанимателями и постоянными жильцами МКД.

Несмотря на очевидную социальную и экономическую значимость вопроса, степень его научной проработки остается недостаточной. Вопросы баланса интересов собственника жилого помещения и остальных жильцов МКД неоднократно становились предметом рассмотрения в научных статьях. Некоторые из них посвящены сравнительному анализу посуточной сдачи квартиры в наем и гостиничных услуг [1; 2], другие — поиску вариантов решения посредством внесения изменений в действующее законодательство [3; 4].

В целом подходы могут существенно различаться: начиная с механизмов регламентации краткосрочного найма жилых помещений, например, через уточнение сроков договоров, согласование условий найма с соседями, заканчивая полным запретом краткосрочного найма в МКД.

Невзирая на ряд законодательных инициатив, направленных на регулирование данного вопроса, принципиально проблема остается неразрешенной и дополняется размытостью имеющегося в законодательстве понятийного аппарата, не разграничивающего четко

категории «проживание», «пребывание» и «временное размещение».

С учетом вышесказанного, актуальность рассматриваемой в рамках настоящей статьи тематики обусловлена необходимостью разработки эффективного механизма законодательного регулирования краткосрочного найма жилых помещений в МКД, устраняющего существующие правовые коллизии и снижающего уровень социальной напряженности, вызванной столкновением интересов участников данных правоотношений.

Обратимся к истории вопроса. Первая попытка ввести законодательный механизм защиты интересов жильцов МКД была связана с запретом на размещение в жилых помещениях гостиниц и оказания гостиничных услуг при условии отсутствия изолированного входа в соответствующие помещения. Данные положения появились в ч. 3 ст. 17 ЖК РФ в 2019 г. и были направлены, в первую очередь, на борьбу с мини-отелями, число которых постоянно увеличивалось.

Так, по сообщению Роспотребнадзора, в результате проведенных в г. Москве проверок за период 2016–2018 гг. было закрыто более 100 хостелов, находившихся в жилых многоквартирных домах и допускаявших грубые нарушения санитарного законодательства. Тем не менее, количество жалоб горожан сократилось незначительно и оставалось достаточно высоким. В 2016 г. в Управление Роспотребнадзора обратилось 359 граждан, в 2017 г. — 232, в 2018 г. — 254, за 9 месяцев 2019 г. — 169 [5].

Интересно отметить, что согласно действовавшему на тот период —ГОСТ Р 56184-2014 расположение хостелов в МКД допускалось. Он могли иметь вход через общий подъезд с соседями (собственниками или нанимателями других квартир, расположенных в том же подъезде). Поэтому прекращение деятельности таких средств размещения было возможно исключительно по причине нарушения требований санитарного законодательства.

Итак, предпосылки реакции со стороны законодателя, безусловно, были. Но насколько действенной оказалась предпринятая мера? За первый месяц работы закона по сообщениям СМИ по всей стране было закрыто чуть более 200 хостелов, из них в 133 — в Москве и Санкт-Петербурге. При этом, по данным справочника 2ГИС, количество мини-отелей в Москве за тот же месяц выросло с 755 до 804, 326 хостелов, из которых 14 вновь открывшихся, были расположены в МКД [6].

Рассматривая проблематику договоров краткосрочного найма жилых помещений, М. В. Бандо отмечает в целом нецелесообразность конкретизации

запретов, касающихся использования жилого помещения, так как они явным образом вытекают из закона [7].

Соглашаясь с позицией автора в части избыточности закрепленных ч. 3 ст. 17 ЖК РФ запретов, отметим следующее. Гостиница не является жилым помещением. Согласно Федеральному закону от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» гостиница — это разновидность средства размещения, то есть имущественный комплекс, в котором граждане могут временно размещаться и временно проживать. Жилые помещения и средства размещения трактуются в законе как взаимоисключающие понятия.

Под гостиничными услугами понимаются оказываемые индивидуальными предпринимателями и организациями предусмотренные Постановлением Правительства РФ от 18 ноября 2020 г. № 1853 услуги, связанные с предоставлением гражданам мест для их временного проживания в гостинице. Гостиница любого уровня (класса) обязана предоставлять номера для временного проживания в нем граждан и обеспечить ежедневную уборку помещений. По желанию потребителя ему безвозмездно предоставляются такие сопутствующие услуги, как: вызов скорой помощи и других специальных служб; пользование медицинской аптечкой; доставка в номер корреспонденции; побудка к определенному времени; предоставление кипятка, иголок, ниток, одного комплекта посуды и столовых приборов.

Совершенно очевидно, что краткосрочный найм жилых помещений может сопровождаться схожим набором услуг. Свидетельствует ли это о том, что наймодателем оказываются гостиничные услуги?

Именно этот вопрос в 2023 г. исследовал Конституционный Суд РФ в связи с обращением одного индивидуального предпринимателя, которому суды запретили сдавать жилье в МКД по причине фактического оказания там гостиничных услуг [8]. В ходе судебного разбирательства было установлено, что П. Е. Бахиров (ответчик) сдавал принадлежащую ему квартиру посуточно с мебелью и удобствами, обеспечивая постояльцам питание и напитки, трансфер до аэропорта и обратно. Имелась стойка регистрации и говорящий на русском и английском обслуживающий персонал. Квартира активно использовалась третьими лицами, в том числе для шумных увеселительных мероприятий. Жители дома неоднократно вызывали полицию по фактам противоправного поведения посетителей сдаваемой квартиры. Все это создавало неблагоприятный климат для проживания.

По итогам рассмотрения жалобы индивидуального предпринимателя П. Е. Бахирева Конституци-

онным Судом РФ была подтверждена правомерность сдачи в краткосрочный найм жилых помещений (включая посуточный формат), что следует из самого жилищного законодательства, поскольку иных ограничений оно не содержит. Тем самым суд подчеркнул допустимость предпринимательской деятельности по краткосрочному найму жилья в МКД.

При этом Конституционный Суд РФ, признавая нормы ч. 3 ст. 17 ЖК РФ соответствующими положениям Конституции РФ, акцентировал внимание на необходимости комплексного анализа судами реального характера деятельности владельца жилья. Было указано, что отдельные формальные признаки гостиничного обслуживания (например, реклама услуг, терминология, участие владельца при заселении) не могут автоматически квалифицировать сдачу квартиры как гостиничные услуги. Однако если деятельность собственника сопровождается существенным превышением уровня бытовых неудобств для соседей по сравнению с обычным жилым использованием квартиры или явно ведет к чрезмерной эксплуатации мест общего пользования, судебный орган вправе признать ее незаконной.

Кроме того, Конституционный Суд РФ предписал федеральному законодателю конкретизировать и детально урегулировать особенности предоставления жилых помещений гражданам в краткосрочное пользование. Целью данных изменений является установление оптимального баланса интересов между всеми участниками отношений: собственниками помещений, нанимателями и иными лицами, проживающими в доме.

Следуя этому предписанию, законодатель внес изменения в ч. 2 ст. 30 ЖК РФ Федеральным законом от 23 марта 2024 г. № 55-ФЗ. В текущей редакции указанной статьи собственник жилья получил четко выраженное право передавать его в пользование и/или владение иным гражданам посредством заключения договора краткосрочного найма. Однако такая деятельность должна сопровождаться строгим выполнением установленных законом общих требований к эксплуатации жилых помещений. Законодательно также закреплено, что в случае нарушения прав или законных интересов жильцов соседних квартир, последние вправе обратиться в суд за защитой своих прав.

Можно констатировать, что данные поправки вряд ли изменят существующее положение вещей. Сам по себе краткосрочный найм жилых помещений и так находится в рамках правового поля (Гл. 35 ГК РФ). Обращение же в суд с требованием о прекращении деятельности незаконно организованной гостиницы возможно согласно ст. 304 ГК РФ, а в связи с систе-

матическим нарушением прав соседей — в рамках ч. 1, 2 ст. 287.7 ГК РФ и ч. 4 ст. 30 ЖК РФ.

Исследуя тематику краткосрочного найма жилых помещений, ряд ученых обращает внимание на размытость в отечественном законодательстве понятий «проживание», «пребывание», «временное размещение» [3; 4; 7].

Наиболее подробно этот вопрос рассмотрен у О. В. Дмитриевой, которая пришла к выводу о несоответствии сути договоров посуточного найма жилых помещений назначению жилого помещения — проживанию граждан. В этой связи ею предложено законодательно разграничить понятия постоянного и временного проживания, применимые в первом случае к собственникам и членам их семей, ведущих в жилом помещении домашнее хозяйство, во втором — к лицам, проживающим по договорам найма жилого помещения сроком не менее одного месяца, а также к временным жильцам. Указывается также на необходимость отделения временного проживания от краткосрочного пребывания граждан в жилом помещении, характеризующегося нахождением в нем менее одного месяца без цели ведения домашнего хозяйства [3].

Выражая солидарность в высказанном О. В. Дмитриевой подходе, отметим лишь дискуссионность предложенного срока краткосрочного найма. По нашему мнению, максимальный срок такого договора должен составлять 90 дней. Во-первых, именно этот срок предусмотрен для регистрации российских граждан по месту их пребывания (ст. 5 Закона РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации»). Во-вторых, это согласуется с абз. 2 ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», где установлен максимальный лимит безвизового пребывания иностранцев на территории России. Принимая во внимание тесную связь норм о проживании граждан в жилых помещениях и их пребывания (временного размещения) в гостиницах с порядком регистрации и снятия российских граждан с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства, а также с порядком осуществления миграционного учета иностранцев в России, считаем необходимым обеспечить тождественность рассматриваемых понятий в гражданском, жилищном и административном законодательстве.

Следует отметить, что после вступления в силу поправок к ст. 30 ЖК РФ вопрос о том, когда оказываемые в рамках договора краткосрочного найма жилого помещения услуги являются гостиничными, так

и остался подвешенным в воздухе. Хотя как раз он, по мнению Конституционного Суда РФ, должен являться ключевым при разрешении соответствующих споров. Правда, в Постановлении от 23 марта 2023 г. № 9-П Конституционный Суд РФ провел некий водораздел, который может служить для судов ориентиром.

Судебная практика позволяет выделить ряд характерных признаков, свидетельствующих о возможном оказании гостиничных услуг под видом краткосрочного найма жилых помещений. Среди таких признаков выделяется ситуация, при которой один владелец одновременно предоставляет в краткосрочное пользование сразу несколько квартир в пределах одного МКД, тем самым фактически создавая объект гостиничной инфраструктуры без соответствующего изменения статуса жилого помещения. Также показательным признаком является специфическая планировка и оснащение жилья, когда помещение специально оборудовано таким образом, что количество проживающих значительно превосходит нормативную вместимость стандартной квартиры аналогичной площади. Кроме того, регулярное заселение подобного числа граждан может явно превышать разумный уровень бытовой нагрузки на инфраструктуру дома и создавать существенные неудобства соседям.

Следующим критерием, на основании которого можно идентифицировать гостиничную деятельность, является продолжительность пребывания, составляющая менее суток. Такой срок пребывания обычно характерен не для проживания, а для удовлетворения иных потребностей, таких как проведение мероприятий или оказание кратковременных услуг, что не соответствует целевому назначению жилого фонда. В данном аспекте следует учитывать выводы Конституционного Суда РФ, указавшего на важность оценки реального характера эксплуатации жилья, а не только на формальные признаки краткосрочности договора.

Таким образом, маркерами оказания гостиничных услуг под прикрытием краткосрочных договоров найма жилых помещений являются: краткосрочное предоставление гражданам нескольких помещений в одном МКД одним собственником; оборудование (оснащение) жилого помещения таким образом, который позволяет одновременно предоставлять его значительно большему числу граждан, чем размещаются в таком помещении при обычном проживании, либо регулярное его предоставление такому числу граждан; предоставление гражданам жилого помещения менее, чем на одни сутки, в том числе для удовлетворения потребностей, не связанных с проживанием в нем; длительное пребывание в МКД в местах, предназначенных для общего пользования, работающих на най-

модателя сотрудников сервиса [8].

И все же, наличие или отсутствие тех или иных признаков гостиничных услуг в краткосрочном найме жилья — не самый главный аспект. По сути, он имеет значение только в контексте государственного регулирования гостиничного бизнеса. Так, в пояснительной записке к «К проекту Федерального закона «О внесении изменения в статью 17 Жилищного кодекса Российской Федерации» указывалось, что оказание гостиничных услуг может осуществляться лишь после перевода жилого помещения в нежилое и его оснащения оборудованием, необходимым для оказания потребителям услуг надлежащего качества (обеспечение услуг охраны, пожарной безопасности, звукоизоляции, уборки номеров и пр.) [9].

Главное обстоятельство при краткосрочном найме жилых помещений — это нарушение покоя граждан, проживающих в МКД, которое, на наш взгляд, должно презюмироваться. В заключении Комитета Государственной Думы по строительству и жилищно-коммунальному хозяйству на проект федерального закона № 445620-8 «О внесении изменения в ч. 2 ст. 30 Жилищного кодекса Российской Федерации» от 26 октября 2023 г. прямо отмечалось, что сам факт постоянного появления незнакомых лиц в подъезде может создавать для соседей определенный дискомфорт. Они будут обеспокоены безопасностью своих детей, родных и близких. Частая смена находящихся в квартире лиц увеличивает риски появления среди них граждан, отличающихся неадекватным поведением [10]. Ранее в пояснительной записке к проекту федерального закона № 705681-8 «О внесении изменений в ст. 17 Жилищного кодекса Российской Федерации» указывалось, что размещение мест временного пребывания в МКД создает социальную напряженность и понижает качество жизни, уровень безопасности граждан [11]. Таким образом, дело не только в нагрузке на общую инфраструктуру МКД. Следует признать, что даже при отсутствии явных фактов нарушения правопорядка бесконечная смена жильцов в расположенной по соседству «квартире-отеле» создает жителям определенные помехи.

Конституционный Суд РФ отчасти коснулся этой темы, определив степень неблагоприятного воздействия на соседей: при предоставлении гостиничных услуг, сопоставимых с деятельностью гостиницы, уровень такого воздействия наиболее высок; самый низкий — при долгосрочном найме жилых помещений; средний — при сдаче квартир в наем на короткий срок. Также он указал на несправедливость ситуации, при которой наряду с общим допущением краткосрочного возмездного предоставления жилых помещений

в МКД в каждом конкретном случае запрет фактически зависит от взаимоотношений с соседями, которые либо обратятся в суд, либо нет [8].

Отдельного внимания заслуживает позиция С. А. Киракосян, которая подчеркивает необходимость достижения компромисса в регулировании соседских отношений при краткосрочном найме, что возможно путем заключения добровольных соглашений между жильцами конкретного МКД [4].

Идея о необходимости получения разрешения соседей на заключение краткосрочного договора найма жилого помещения в МКД высказывалась при обсуждении проекта федерального закона № 445620-8 «О внесении изменений в ч. 2 ст. 30 Жилищного кодекса Российской Федерации». В частности, депутатом Государственной Думы А. В. Куринным предлагалось получение предварительного согласия на заключение подобного соглашения на общем собрании собственников помещений в МКД и собственников смежных жилых помещений с учетом правил содержания общего имущества собственников помещений в МКД. Депутат Государственной Думы О. Г. Дмитриева выступила с еще более строгим вариантом, предусматривающим письменное подтверждение всеми собственниками жилых помещений, расположенных в том же подъезде МКД, а также собственниками всех помещений, примыкающих к помещению, передаваемому в пользование на условиях краткосрочного найма (аренды), расположенных в иных подъездах МКД, отсутствия для иных жильцов дома неудобств, существенно превышающих те, которые имеют место в ходе обычного использования жилого помещения. Обе поправки были отклонены Комитетом Государственной Думы по строительству и жилищно-коммунальному хозяйству [12].

Учитывая достаточно сложную практику взаимодействия собственников жилых помещений в рамках закрепленных жилищным законодательством форм управления МКД, сегодня реализация этих предложений была бы, как минимум, непростой. Несмотря на наличие положений о соседских правах и обязанностях в Концепции развития гражданского законодательства 2009 г., данный вопрос не нашел отражения в рамках крупномасштабной реформы гражданского законодательства, прошедшей за последние десять лет.

Таким образом, проведенный анализ показал, что правовое регулирование краткосрочного найма жилых помещений в МКД остается сложным и противоречивым вопросом, не получившим полного решения в законодательстве. Проблематика обусловлена соотношением интересов собственников, использующих жилье для коммерческой деятельности, и правами жи-

телей МКД, страдающих от частой смены нанимателей жилых помещений и сопутствующих негативных факторов.

Конституционный Суд РФ обратил внимание на необходимость баланса интересов, указав на законность краткосрочного найма жилых помещений, но при этом подчеркнув необходимость оценки каждой конкретной ситуации с позиции наличия признаков гостиничных услуг и уровня неудобств для соседей (Постановление от 23 марта 2023 г. №9-П). Вместе с тем законодательные поправки в ЖК РФ (Федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 55-ФЗ) пока не позволили достичь существенного прогресса в решении обозначенной проблемы, оставляя гражданам лишь право защищать свои интересы в суде, что представляется явно недостаточным.

На наш взгляд, запрет посуточного найма жилых помещений в МКД является хоть и радикальной, но необходимой мерой. В качестве решения проблемы можно предложить установление в законе минимального срока договора найма жилого помещения, расположенного в МКД, что хотя бы отчасти позволит оградить жильцов от калейдоскопа новых постояльцев. Считаем целесообразным ограничить этот срок 90 днями. Данная мера коррелирует с действующими административными сроками регистрации граждан по месту пребывания. Помещения в частных жилых домах могут по-прежнему предоставляться по договору коммерческого найма без ограничения периода сдачи. Лимит по срокам найма жилых помещений в МКД не следует устанавливать также на территории курортных, туристических зон, где посуточная сдача жилья является обычной практикой и составляет порой основной заработок местного населения. Перечень таких зон может быть установлен Правительством РФ.

С точки зрения развития рынка услуг по сдаче в наем жилья для временного размещения граждан альтернативной краткосрочному найму в МКД мог бы стать найм жилых помещений в наемных домах коммерческого использования либо найм апартаментов, что, в свою очередь, потребует, во-первых, увеличения количества наемных домов, во-вторых, решения вопроса о правовом статусе апартаментов.

Список источников

1. Кочанова Т. Сдача жилья посуточно = оказанию гостиничных услуг? // Жилищное право. 2023. № 6. С. 39–45.
2. Лимонникова А. С. Посуточная сдача квартиры = гостиничные услуги? // Туристические и гостиничные услуги: бухгалтерский учет и налогообложение. 2023. № 2. С. 32–34.
3. Дмитриева О. В. Проблемы правового регулирования краткосрочного найма жилого помещения в контексте его соответствия назначению жилого помещения // Российская юстиция. 2019. № 6. С.15–18.
4. Киракосян С. А. Краткосрочный найм жилых помещений: пределы правового регулирования // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2025. № 1. С. 91–104.
5. Информация Роспотребнадзора от 2 октября 2019 «Об осуществлении контроля за размещением хостелов в жилых многоквартирных домах» // URL: <https://docs.cntd.ru/document/563474979?ysclid=m85wgyhswg509682615>
6. Количество хостелов в Москве увеличилось после их частичного запрета // URL: <https://rossaprimavera.ru/news/30ce6970>
7. Бандо М. В. Пределы права собственности на жилые помещения и возможность заключения договоров краткосрочного найма жилых помещений // Закон. 2023. № 3. С. 78–89.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 марта 2023 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 17 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П. Е. Бахирева» // Российская газета. № 69. 31 марта 2023 г.
9. Законопроект № 323496-7 «О внесении изменений в статью 17 Жилищного кодекса Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/323496-7>
10. Заключение Комитета Государственной Думы по строительству и жилищно-коммунальному хозяйству на проект федерального закона № 445620-8 «О внесении изменения в часть 2 статьи 30 Жилищного кодекса Российской Федерации» (в части необходимости соблюдения прав соседей при предоставлении жилых помещений для размещения граждан), внесенный Правительством Российской Федерации // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/445620-8>
11. Пояснительная записка к проекту федерального закона № 705681-8 «О внесении изменений в статью 17 Жилищного кодекса Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/705681-8>.
12. Приложение 2 к проекту федерального закона № 445620-8 «О внесении изменения в часть 2 статьи 30 Жилищного кодекса Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/445620-8>

References

1. Kochanova T. Daily rental of housing = provision of hotel services? // Housing law. 2023. № 6. P. 39–45.
2. Limonnikova A. S. Daily rent of an apartment = hotel services? // Travel and hotel services: accounting and taxation. 2023. № 2. P. 32–34.
3. Dmitrieva O. V. Problems of legal regulation of short-term rental of residential premises in the context of its compliance with the purpose of residential premises // Russian justice. 2019. № 6. P. 15–18.
4. Kirakosyan S. A. Short-term rental of residential premises: limits of legal regulation // Property relations in the Russian Federation. 2025. № 1. P. 91–104.
5. Information from Rospotrebnadzor dated October 2, 2019 «On monitoring the placement of hostels in residential apartment buildings» // URL: <https://docs.cntd.ru/document/563474979?ysclid=m85wgyhswg509682615>
6. The number of hostels in Moscow has increased after their partial ban // URL :<https://rossaprimavera.ru/news/30ce6970>
7. Bando M. V. The limits of ownership of residential premises and the possibility of concluding short-term rental agreements for residential premises // Law. 2023. № 3. P. 78–89.
8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 23, 2023 № 9-P «In the case of checking the constitutionality of part 3 of Article 17 of the Housing Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen P. E. Bakhirev» // Rossiyskaya Gazeta, № 69, 31.03.2023.
9. Draft Law № 323496-7 «On Amendments to Article 17 of the Housing Code of the Russian Federation» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/323496-7>
10. Conclusion of the State Duma Committee on Construction and Housing and Communal Services on the draft Federal Law № 445620-8 «On Amendments to Part 2 of Article 30 of the Housing Code of the Russian Federation» (regarding the need to respect the rights of neighbors when providing residential premises for the accommodation of citizens), introduced by the Government of the Russian Federation // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/445620-8>
11. Explanatory Note to the draft Federal Law № 705681-8 «On Amendments to Article 17 of the Housing Code of the Russian Federation» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/705681-8>
12. Appendix 2 to the draft Federal Law № 445620-8 «On Amendments to Part 2 of Article 30 of the Housing Code of the Russian Federation» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/445620-8>

Информация об авторе

М. В. Короткова — кандидат юридических наук.

Information about the author

M. V. Korotkova — Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 18.01.2025; одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 10.03.2025.

The article was submitted 18.01.2025; approved after reviewing 20.01.2025; accepted for publication 10.03.2025.

Рецензия

УДК 340.114.5/14/12

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-114-119>

EDN: <https://elibrary.ru/oshghs>

НИОН: 2003-0059-2/25-271

MOSURED: 77/27-003-2025-02-470

**Мифологическое измерение правовой жизни: рецензия на монографию
В. А. Вострокнутова и А. И. Клименко «Мифологический компонент
в правосознании современного общества» (М. : Проспект, 2024)**

Игорь Игоревич Мазуров

Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия, igor_mazurov@tut.by

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на монографию В. А. Вострокнутова и А. И. Клименко «Мифологический компонент в правосознании современного общества» (М. : Проспект, 2024). Рассматриваются основные концепции и идеи, изложенные в монографии, а также методология проведенного исследования, дается их теоретико-правовая характеристика. Ряд тезисов и выводов монографии подвергнут критическому осмыслению. Авторы монографии на основании богатого комплекса источников междисциплинарного характера формируют понятие «правовой миф», справедливо артикулируя его как элемент правосознания и правовой идеологии, проводят исследование основных правовых мифов современного государственно организованного общества, показывая закономерности их генезиса и влияние на правотворчество и правореализацию. Представляется важным, что в монографии концептуализирована общетеоретическая методология анализа правосознания и, в частности, правовых мифов. Структура статьи в целом соответствует структуре монографии.

Ключевые слова: правосознание, правовой миф, правовая идеология, правовая культура, правовое мышление, миф, общественное сознание

Для цитирования: Мазуров И. И. Мифологическое измерение правовой жизни: рецензия на монографию В. А. Вострокнутова и А. И. Клименко «Мифологический компонент в правосознании современного общества» (М. : Проспект, 2024) // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 2. С. 114–119. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-114-119>. EDN: OSHGHS.

Review

**The mythological dimension of legal life: a review of the monograph by
V. A. Vostroknutov and A. I. Klimenko «The mythological component in the legal
consciousness of modern society» (Moscow : Prospekt, 2024)**

Igor I. Mazurov

Smolensk State University, Russia, Smolensk, igor_mazurov@tut.by

Abstract. The article is a review of the monograph by V. A. Vostroknutov and A. I. Klimenko «The mythological component in the legal consciousness of modern society» (Moscow : Prospekt, 2024). The main concepts and ideas outlined in the monograph are considered, as well as the methodology of the research, and their theoretical and legal characteristics are given. A number of theses and conclusions of the monograph are subjected to critical reflection. The authors of the monograph, based on a rich set of interdisciplinary sources, form the concept of «legal myth», rightly articulating it as an element of legal awareness and legal ideology, conduct a study of the main legal myths of modern state-organized society, showing the patterns of their genesis and influence on law-making and legal realization. It is important that the monograph conceptualizes a general theoretical methodology for analyzing legal awareness and, in particular, legal myths. The structure of the article fully corresponds to the structure of the monograph.

© Мазуров И. И., 2025

Keywords: legal awareness, legal myth, legal ideology, legal culture, legal thinking, myth, public consciousness

For citation: Mazurov I. I. The mythological dimension of legal life: a review of the monograph by V. A. Vostroknutov and A. I. Klimenko «The mythological component in the legal consciousness of modern society» (Moscow : Prospekt, 2024). Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(2):114–119. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-114-119>. EDN: OSHGHS.

Общественное правосознание представляет сегодня достаточно пестрое полотно, сотканное из разных идей, взглядов, чаяний и переживаний. Это обуславливает сложность его изучения. Конечно, в разных правовых исследованиях характеристикой «сложность» сегодня наделяется много разных явлений, но, как представляется, именно общественное правосознание может считаться поистине сложным. И дело даже не столько в затруднениях, связанных с использованием методики социологического анализа текущего правосознания (в этом смысле огромная часть людей вообще безразлична к праву), сколько в сложности современного общества, пронизанного сложнейшей системой социальных связей и отношений, способ существования которого соответствующим образом отражается на правосознании. Современное общество отлично от обществ прошлых эпох (т. н. премодерна и модерна): относительно немногочисленных и скованных единой религией/идеологией, основная часть населения которых не то, что не имеет доступа к письму, но и лишена навыка чтения (отсюда и высокий уровень воспроизводимости в общественном сознании единых идеологических систем). При атомизации, т. е. наличии «пропасти» как между отдельными индивидами, так и социальными группами, оно сильно дифференцировано, что определяется большим разнообразием способов существования. Отсюда и выраженная полярность правовых идей, как и вообще в целом идей, характерных для общественного сознания. И это при условии, что при технологическом прогрессе и развитости городов массы людей обладают недурным образованием, открывающим для них возможность переосмысления имеющихся идей и концептов и выработки новых. В свою очередь, углубление и расширение именно правосознания, как и динамика правовых идей, сегодня обусловлены возросшей ролью права в обеспечении жизни общества (прежде всего это характерно для стран ядра миросистемы). Действительно, правосознание опосредует большую часть актов правовой жизни, позволяет воспроизводить и развивать правовой дискурс. Итак, отталкиваясь от обозначенных характеристик современного общества, мы констатируем, что присущее ему правосознание отличается гораздо более разветвленной структурой и функциональностью, чем в предыдущие исторические эпохи, мозаичностью и полярностью,

что обуславливает необходимость анализа его функционирования. Поэтому исследования, посвященные тем или иным аспектам правосознания, сегодня представляются актуальными и востребованными.

В свою очередь, в отечественной науке о праве на сегодняшний день существует мало исследований, посвященных проблеме правового мифа, который, казалось бы, под влияние науки и технического прогресса должен кануть в лету или превратиться во что-то маргинальное. Однако мифы и, в частности, правовые мифы широко распространены, а последние и вовсе сегодня встречаются чаще, чем когда-либо. Ими руководствуются участники общественных отношений: правоприменители, правотворцы, правотолкователи и т. д., они встраиваются в те или иные научные и квазинаучные теоретические конструкции, становятся частью их методологии. Ввиду этого работа В. А. Вострокнутова и А. И. Клименко релевантна современному познавательному запросу.

Следует признать, что многие теоретико-правовые работы в области правосознания не обладают должной глубиной, ограничиваясь, по сути давно известным, «стандартным» набором выводов, обычно сводящихся констатации, что «хорошее» правосознание — это «хорошо», а «несформированное» правосознание, правосознание правонарушителя — это «плохо» [1], перечислению понимания правосознания разными авторами [2], повторению с небольшими поправками тезисов о структуре, уровнях и функциях правосознания. Кто-то из исследователей считает, что деформированное правосознание юристов необходимо устранять, а недеформированное — совершенствовать [3]; что необходимо защищать правосознание от «негативного влияния глобализации» [4] (в условиях деглобализирующегося мира) и т. д. Таким образом, среди множества работ, посвященных правосознанию, немногие из них могут похвастаться новизной и оригинальностью. На этом фоне работа В. А. Вострокнутова и А. И. Клименко выделяется в лучшую сторону.

Монографическое исследование В. А. Вострокнутова и А. И. Клименко посвящено содержанию современного общественного правосознания, а точнее одной из важнейших его частей — правовому мифу, позиционируемому авторами в качестве элемента правовой идеологии. Миф авторы понимают в классическом ключе, обращаясь к известной характери-

стике мифа, сформулированной английским философом Г. Райлем: «Миф, конечно, не волшебная сказка. Это представление фактов, принадлежащих к одной категории в идиомах, относящихся к другой». Правовой миф не лишен этой характеристики. Опираясь на нее, авторы справедливо отмечают, что правовой миф включает в себя правовую идею и механизм ее актуализации в правосознании, который открывает возможность задействовать иррациональные ресурсы человеческой мотивации [5, с. 9]. Такое понимание правового мифа может встраиваться в различные теории правосознания, что обуславливает его методологическую гибкость и выводит на общетеоретический уровень юридических наук. Оно также согласуется с теорией правовой идеологии, разрабатываемой А. И. Клименко.

Помимо раскрытия понятия «правовой миф» в **первой главе** монографии: «Выражение правовых идей и сюжетов в мифологических системах» — описывается методология исследования, проводится экспликация основных правовых идей (порядка, справедливости, свободы, ответственности и др.) в контексте античных мифических сюжетов. Применительно к анализируемой авторами проблематике представляется оправданным дистанцирование от антропологического подхода, применение которого требует особого внимания, ибо некорректность его применения рискует отобразить правовой миф в качестве чисто субъективного феномена, в то время как научный интерес представляет, прежде всего, общественное правосознание, его содержание и механизмы. Хотя вывод авторов о том, что полнота познания правового мифа может быть осуществлена только «изнутри», через погружение в этот миф [5, с. 17], является следствием анализа именно с антрополого-ориентированной позиции. Точечное применение антрополого-правового подхода встречается и в других местах монографии, что вполне оправданно, учитывая предмет и контекст исследования. В целом методология работы соответствует проблематике правового мифа. Корректность ее применения обусловила научную объективность и новизну выводов.

Во второй главе: «Правовое и мифологическое сознание: различия и сходства» — с одной стороны, проводится водораздел между правовым и мифологическим сознанием, а с другой стороны, раскрывается логика их взаимодействия и взаимопроникновения. Говоря про различия правового и мифологического сознания, сложно не согласиться с суждением, что первое синтетично, линейно, негативно, а второе — «симпатично», циклично, позитивно. Из общих черт правового и мифологического сознания авторы указывают символичность, формализованность, фиктивность, описательность, наличие нескольких смысло-

вых уровней. Причем в рамках правового мышления основное место отводится первому, внешнему смысловому уровню; в мифологическом же мышлении основное место занимает второй уровень — уровень «означающего» [5, с. 28].

Третья глава: «Структурно-функциональные характеристики правового мифа в правосознании современного общества» — посвящена выявлению и теоретической характеристике элементов правового мифа. Здесь авторы выделяют исторические (ретроспективные) и прогностические (перспективные) правовые мифы и обстоятельно раскрывают их функционирование посредством обращения не только к авторитетным научным источникам, но и к конкретным примерам¹, а также дают характеристику дисфункций правового мышления. Впрочем, практически на протяжении всего исследования авторы вскрывают те или иные моменты функционирования правовых мифов в общественном правосознании (например, см. о функционировании мифа о правовом государстве — гл. 4, стр. 61–64 и др.). Это отражает всесторонность и полноту исследовательского подхода авторов.

В четвертой главе: «Актуальные правовые мифы в содержании современной правовой идеологии» — подвергаются анализу правовые мифы о юридическом правопонимании, правовых ценностях, правовой культуре, развитии права, правовом государстве, гражданском обществе, правах человека, равенстве, свободе. Вместе с тем с точки зрения авторов «именно философия права, внедряясь в теорию, затрагивая ее основы, помогает ей не выродиться в идеологию полностью» [5, с. 55]. С этим сложно согласиться, учитывая, что теория права как научное направление является самодостаточной, она обладает развитым методологическим аппаратом, собственным предметом исследования и синтезирует знания, полученные в рамках других наук. Причем как такой синтез, так и формирование (переосмысление) понятий и категорий производится в рамках теории права на базе достаточно строгой методологической системы, что создает дополнительные препятствия на пути редукции теории права в идеологию. Поэтому у теории права есть все ресурсы, способные уберечь ее от «вырождения в идеологию». Более того, скорее теория права, положения которой верифицируются правовой практикой и которая тяготеет к строгим формам мышления, способна защищать философию права от ее вырождения в идеологию.

Пятая глава: «Мифологический элемент концеп-

¹ Миф о неполноценности правосознания народов развивающихся стран по сравнению с индустриально развитыми странами Запада, миф о неразвитости и ущербности правового сознания российских граждан, и миф о крайне неудовлетворительном уровне правовой культуры граждан, проживающих на территориях «постсоветского» пространства и др.

ций происхождения государства и права и концепций правопонимания» — посвящена выявлению и характеристике мифологических элементов основных теорий происхождения государства и права, а также концепций правопонимания (теорий права). В качестве таких элементов могут выступать как отдельные идеи, идеологемы, так и целые подходы, доктрины, играющие роль своеобразных идейно-теоретических «костылей». В целом солидаризируясь с характеристикой данных элементов, представленной авторами, следует подчеркнуть два момента. Во-первых, пятая глава рецензируемого монографического исследования особенно важна при преподавании теоретико-исторических дисциплин, в частности теории государства и права. Дело в том, что в учебниках по теории государства и права теории происхождения государства обычно рассматриваются последовательно друг за другом без необходимой научной критики, а ведь большая часть этих теорий давно стала историей юридической науки и сегодня не может считаться полностью научной (на это справедливо обращают внимание авторы). Во-вторых, авторы, ссылаясь на работы Я. М. Магазинера, констатируют, что «в настоящее время ни одна теория происхождения государства и права не базируется на исключительно научной основе. Таким образом, мифологический элемент необходим» [5, с. 82–83]. И здесь следует скорее не согласиться с авторами, если они имеют в виду сугубо теории происхождения государства, а не их позиционирование в общественном правосознании, поскольку собственно научная теория происхождения государства существует. Речь идет о материалистической теории происхождения государства, сформированной на базе диалектико-материалистической методологии во второй половине XIX в., перерабатываемой и дополняемой по мере развития науки новыми деталями.

Анализу мифологического элемента одной из влиятельнейших юридических концепций современности — концепции прав человека — посвящена **шестая глава**. Авторы верно определяют методологические основания мифологического элемента концепции права человека, коренящиеся в ряде классических либеральных доктрин, а также последствия его абсолютизации, что, к слову, хорошо видно на примере правовой практики наиболее развитых европейских стран (США, Канады, Великобритании, Франции и др.). Так, широко известны случаи защиты различных социальных меньшинств под эгидой защиты их прав как прав человека в ущерб другим, более многочисленным социальным группам.

Любопытно, что если министр иностранных дел СССР А. Я. Вышинский в своем выступлении на 3-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (9 декабря 1948 г.) провел обстоятельную критику ряда поло-

жений Всеобщей декларации прав человека за излишнюю абстрактность и идеологичность (в т. ч. элементов концепции прав человека), то работа В. А. Вострокнута и А. И. Клименко дополняет эту критику посредством экспликации архитектуры и логики мифологизации концепции прав человека.

В седьмой главе: «Мифологическая составляющая концепций правового государства и гражданского общества в их взаимосвязи» — выявляются мифологические элементы теории правового государства и гражданского общества в их взаимосвязи, а также приводится их характеристика. Авторы обращают внимание на различия в функциональности данных концепций в российском общественном правосознании, во многом связанные с юридическим закреплением концепта правового государства на уровне Основного закона России. Он встроен во многие юридические теории и хорошо воспринимается обыденным и профессиональным правосознанием, полагающим, что правовое государство есть как минимум некая система правового ограничения властных институтов классического государства, государства как аппарата насилия. В свою очередь, концепт гражданского общества не имеет юридического закрепления, и в отечественном (и не только) правосознании он выражен слабо. Однако правовое государство, как подчеркивают его апологеты, возможно только лишь при условии действительности гражданского общества. Таким образом, представление о гражданском обществе и правовом государстве как силах, ведущих борьбу, обладающих одинаковым потенциалом, существующих в равновесии и взаимно ограничивающих друг друга, является правовым мифом [5, с. 118–120]. Вместе с тем можно обратить внимание и на другой правовой миф, предполагающий совместимость правового и сильного государства. Он встречается не только в политической риторике и юридической литературе. В действительности, демифологизация данного мифа очень проста: если правовое государство предполагает ряд ограничений для властных институтов государства и наличие полноценного политического субъекта в виде гражданского общества (например, «желтые жилеты» во Франции), то сильное государство обладает обратной логикой — оно стремится сосредоточить все властные рычаги в центре (если мы говорим про усиление государства в строгом, а не переносном смысле), политические конкуренты и ограничения для него неприемлемы (Т. Гоббс).

Концепция взаимообусловленности законности и правопорядка рассматривается в **восьмой главе** монографии также в качестве правового мифа. Как справедливо отмечают авторы, мифологизация концепта правопорядка в общественном правосознании «связана, прежде всего, с пониманием порядка как внешне

предписанного неким авторитетом (богом, народом и т. д.) посредством закона» [5, с. 124]. В силу этого происходит отождествление правопорядка с законосообразным порядком и признание этого правопорядка единственно возможным, в то время как научный анализ вскрывает наличие серьезного водораздела между ними, даже если мы методологически придерживаемся позиций юридического позитивизма (по крайней мере, кельзеновская традиция юридического позитивизма предполагает разграничение законосообразного порядка и правопорядка, как и различные виды правопорядка). Однако в этой главе также встречается утверждение, заслуживающее критики. Так, авторы считают, что идея о социальном интересе как основании права, берущая свое начало в трудах Р. фон. Иеринга, является правовым мифом. Авторы, конечно, отдельно оговаривают, что «с социологической точки зрения категория интереса вполне адекватна», когда речь идет об индивидуальном или групповом праве, но когда «право начинает становиться политическим — а именно юридическим государственным правом, основанным на законе, его связь с интересом прерывается и нуждается в «идеологической реконструкции». Далее авторы пишут: «Юридическая норма, содержащаяся в законодательстве, не выражает интерес, она для этого слишком статична» [5, с. 125]. Считаю необходимым не согласиться с данным утверждением. Во-первых, рассмотрение общественного интереса (блага) в качестве основания права встречается задолго до Иеринга, например, у Платона и Аристотеля, видевшими в государстве-полисе организацию, призванную действовать в общих интересах (ради общего блага) в том числе при посредстве закона. Среди античных мыслителей особенно ярко эта мысль выражена в трудах Цицерона, понимавшего право как результат частных соглашений свободных граждан и их объединений, действующих в своих частных интересах, а не как порождение центральной власти (поэтому Цицерон считает, что восточные деспотии не обладают правом, ибо их законы есть веления деспотов, они не отражают момент социальной конвенции). Более того, в Дигестах Юстиниана проводится разграничение частного и публичного права именно на основании его связи с той или иной группой социальных интересов. Это разграничение используется и поныне. Идея о том, что социальный интерес есть основа или, по крайней мере, одна из основ права получила свое подтверждение и развитие в трудах мыслителей последующих эпох (Г. Гроций, Ж.-Ж. Руссо, Г. Бабеф, И. Бентам, А. Сен-Симон, К. Маркс, Ф. Энгельс и многие другие). Во-вторых, в общеправовой теории (абстрагируемся от учения марксизма и других философских течений, рассматривающих социальные интересы как основание права), даже без учета

юридической доктрины Иеринга, которая, следует признать, содержит ряд мифологем, сложился ряд отдельных научных теорий, вскрывающих обусловленность права («политического права» — в терминологии авторов) социальными интересами. В качестве примера здесь напрашивается концепция права Б. Леони («Свобода и закон») [6] и теория социального притязания М. Г. Смирновой [7]. Эти ученые убедительно показывают, в т.ч. на примере конкретных юридических норм, непосредственную связь между социальными интересами и правом как таковым, где первое есть основание второго. Тем не менее следует отметить, что невзирая на нашу критику, данная позиция В. А. Вострокнутова и А. И. Клименко представляется интересной, она обладает потенциалом для развития и заслуживает внимания научного сообщества.

Наконец, **девятая глава** монографии: «Мифологизация представления о правовой идеологии в современном теоретическом дискурсе» — посвящена экспликации основных мифологем о правовой идеологии, основаниях их возникновения, а также разграничению правовой идеологии и теории, ведь в качестве одного из наиболее распространенных правовых мифов, как отмечают авторы, выступает представление о том, что любая религия или философское учение является идеологией. Правовая идеология аргументированно представляется как механизм искажения и преобразования знания для создания практически значимой цельной системы правового мировоззрения с целью интеграции государственно-организованного общества.

Мифы выражают идеи, занимающие умы людей любой культуры и исторического периода. Они обладают идейным «острием», призванным поражать людей в самое сердце. В силу этого изучение правовых мифов позволяет выявлять закономерности развития общественного правового сознания, идеологии и, наконец, культуры.

Авторы не отбрасывают вульгарным образом рассматриваемые концепции и теории, содержащие мифологический элемент, как якобы как ненаучные, лживые, а показывают источник мифологизации, положительную функциональность и дисфункциональность правовых мифов, а также способы их демифологизации.

Порой отдельные правовые мифы отражают наиболее важные моменты, ценности, установки, идеи правосознания более рельефно, чем какие-либо теории или законы. Поэтому монографическое исследование под авторством В. А. Вострокнутова и А. И. Клименко способствует развитию методологии юридической науки, обогащает теорию и философию права и государства. Оно также предоставляет теоретико-методологический инструментарий для отраслевых юридических исследований и будет интересна не

только представителям юридического сообщества — ученым и юристам-практикам, но и широкому кругу читателей, интересующихся вопросами права.

Список источников

1. Моджина Н. В. Правовой нигилизм и правосознание россиян // Вестник Башкирского университета. 2010. Т. 15, № 2. С. 455–459.
2. Рубанцова Т. А., Шационок И. И. Концептуальные подходы к определению правосознания в современном обществе : социально-философский аспект // Идеи и идеалы. 2011. Т. 2, № 4. С. 66–73.
3. Грамматиков В. В. Деформация профессионального правосознания в современной России (на примере адвокатской деятельности) : автореф. дисс. ... к.ю.н. : 12.00.01. М., 2021.
4. Юнусов С. А., Кученев А. В. Состояние современного российского правосознания // Вестник экономической безопасности. 2017. № 1. С. 36–41.
5. Вострокнутов А. В., Клименко А. И. Мифологический компонент в правосознании современного общества : монография. М. : Проспект, 2024. 168 с.
6. Леони Б. Свобода и закон / пер. с англ. В. Кошкина под ред. А. Куряева. М. : ИРИСЭН, 2008. 308 с.
7. Смирнова М. Г. Социальные притязания в

праве : автореф. дисс. ... д.ю.н.: 12.00.01. СПб, 2011.

References

1. Modzhina N. V. Legal nihilism and legal awareness of Russians // Bulletin of the Bashkir University. 2010. Vol. 15, № 2. P. 455–459.
2. Rubantsova T. A., Shatsionok I. I. Conceptual approaches to the definition of legal awareness in modern society : a socio-philosophical aspect // Ideas and Ideals. 2011. Vol. 2, № 4. P. 66–73.
3. Grammatikov V. V. The deformation of professional legal awareness in modern Russia (on the example of advocacy) : the abstract diss. ... Candidate of Legal Sciences: 12.00.01. Moscow, 2021.
4. Yunusov S. A., Kuchenev A. V. The state of modern Russian legal awareness // Bulletin of Economic Security. 2017. № 1. P. 36–41.
5. Vostroknutov A. V., Klimenko A. I. The mythological component in the legal consciousness of modern society : monograph. Moscow : Prospekt, 2024. 168 p.
6. Leonie B. Freedom and the law / translated from English by V. Koshkin, edited by A. Kuryaev. Moscow : IRISSEN, 2008. 308 p.
7. Smirnova M. G. Social claims in law : abstract diss. ... Doctor of Legal Sciences: 12.00.01. St. Petersburg, 2011.

Информация об авторе

И. И. Мазуров — доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, заместитель декана факультета истории и права Смоленского государственного университета, кандидат юридических наук.

Information about the author

I. I. Mazurov — Associate Professor of the Department of Public Law, Deputy Dean of the Faculty of History and Law of the Smolensk State University, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 03.03.2025; одобрена после рецензирования 24.03.2025; принята к публикации 10.04.2025.

The article was submitted 03.03.2025; approved after reviewing 24.03.2025; accepted for publication 10.04.2025.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-120-126>

EDN: <https://elibrary.ru/ocedgs>

НИОН: 2003-0059-2/25-272

MOSURED: 77/27-003-2025-02-471

Законодательная терминология в механизме обоснованности уголовно-процессуальных решений

Надежда Георгиевна Муратова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия, muratowan@mail.ru

Аннотация. Анализируется законодательная терминология в механизме обоснованности уголовно-процессуальных решений. Делается вывод о том, что существует многоуровневый подход к требованию обоснованности уголовно-процессуальных решений: историко-правовой, конституционно-правовой, научно-исследовательский, сравнительно-правовой и правоприменительный. Резюмируется, что основание для определенного вида уголовно-процессуального решения должно быть выражено в законодательной терминологии; содержание обоснования принимаемого уголовно-процессуального решения должно соответствовать современному правопониманию и существующему конституционно-правовому смыслу принципов и назначения уголовного судопроизводства; уголовно-правовая терминология и уголовно-процессуальная терминология должны быть совместимы и исключать интерпретационное истолкование субъектом права слов и словосочетаний.

Ключевые слова: обоснованность, законность, уголовно-процессуальное решение, конституционно-правовой смысл, терминология

Для цитирования: Муратова Н. Г. Законодательная терминология в механизме обоснованности уголовно-процессуальных решений // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 2. С. 120–126. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-120-126>. EDN: OCEDGS.

Original article

Legislative terminology in the mechanism of validity of criminal procedural decisions

Nadezhda G. Muratova

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia, muratowan@mail.ru

Abstract. The legislative terminology in the mechanism of validity of criminal procedural decisions is analyzed. It is concluded that there is a multi-level approach to the requirement of validity of criminal procedural decisions: historical-legal, constitutional-legal, scientific-research, comparative-legal and law enforcement. It is summarized that the basis for a certain type of criminal procedure decision should be expressed in legislative terminology; the content of the justification of the adopted criminal procedure decision should correspond to the modern legal understanding and the existing constitutional and legal meaning of the principles and purpose of criminal proceedings; criminal law terminology and criminal procedure terminology should be compatible, excluding the interpretative interpretation by the subject of law of words and phrases.

Keywords: validity, legality, criminal procedure decision, constitutional and legal meaning, terminology

For citation: Muratova N. G. Legislative terminology in the mechanism of validity of criminal procedural decisions. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(2):120–126. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-120-126>. EDN: OCEDGS.

© Муратова Н. Г., 2025

Актуальность. Теоретико-прикладное исследование законодательной терминологии при обосновании процессуальных решений позволило сформулировать ряд акцентов в теории и практики принятия решений. О многофункциональности и межотраслевом характере сущности, значения и правовых последствиях уголовно-процессуальных решений неоднократно высказывался Конституционный Суд РФ. Истолкование системы норм права, реализующие тот или иной институт права, позволяющие правоприменителям понять законодательную терминологию с учетом правовых позиций Конституционного Суда РФ. В большинстве Постановлениях Конституционный Суд выявляет конституционно-правовой смысл нормы права или системы норм права, истолковывая смысл и значение правильного понимания данной нормы или системы норм. Показательна череда правовых позиций о потерпевшем, когда Конституционный Суд прямо говорит, что закон позволяет обосновать ту или иную правоприменительную ситуацию [1; 23]: при оценке последствий причинения физического вреда в виде психического расстройства, о возможности принимать процессуальное решение о признании потерпевшим несовершеннолетнего, вовлеченного в преступление по возбужденному уголовному делу о его вовлечении, приобретение статуса потерпевшего реабилитированного человека, пострадавшего от преступных действий следователя в виде фальсификации доказательств по его делу, проблемы потерпевших от домашнего насилия, о возможности конкретизации судом ограничений и запретов для обвиняемого посещать места, которые регулярно может находиться потерпевший и о применении компенсаторных механизмов, о конституционно-правовом смысле применения во взаимосвязи норм ст. 42 УПК РФ и ст. 290 УК РФ, предполагающий признание потерпевшим лица, которое отказалось от предложения о даче взятки и сообщило об этом в правоохранительные органы и содействовало изобличению виновных. Законодательная терминология в механизме обоснованности уголовно-процессуальных решений прослеживается в системе норм права, например, в наименованиях решений субъектов права: «постановление», «жалоба», «представление», «заявление», «ходатайство», «приговор». Также прослеживается законодательная логика определения структуры и содержания процессуального решения, в котором сформулирована процессуальная позиция участника уголовного судопроизводства (ст. 146 УПК РФ, ст. 235 УПК РФ, ст. 389.6 УПК РФ, ст.ст. 304–308 УПК РФ и др.). Универсальные термины и определения, используемые в уголовном процессе, являются традиционной законодательной основой для

научно-практических исследований. Редкая научно-квалификационная работа не содержит предложений о внесении в ст. 5 УПК РФ новое понятие по тематике исследования. Например, понятия «жилище», «имущество», «реабилитация», «стороны», «судебное решение» и другие применяются не только в уголовном судопроизводстве, но и в других судопроизводствах. Таким образом, современная актуальность исследования не может замыкаться в формально-логических конструкциях норм права и предполагает применение любой нормы в системе норм с применением выявленного конституционно-правового смысла.

Генезис проблематики. Теория права актуализирует ряд проблем о языке и стиле закона [2, с. 125]. Известный теоретик прав, основатель отечественной правовой лингвистики А. А. Ушаков говорил, что проблема законодательного стиля — это проблема не только языка правовых норм, но и всего делового официального языка в целом, так как язык закона лежит в основе всех правовых актов, и язык закона не может не оказать влияния на язык решения или приговора [3, с. 224]. В. В. Лазарев, говоря о значении словесных формулировок мотивов правоприменения, отмечал, «что иногда правовая норма настолько формально и жестко устанавливает прямую связь между внешней оценкой поведения и каким-нибудь средством деятельности субъекта, что какое-либо участие моральных суждений становится бессмысленным [4, с. 88, 111]. Т. В. Губаева в своих многочисленных исследованиях о словесности в юриспруденции пишет, что «язык правовых норм ориентирован на упорядоченное применение терминов, их определение и пояснение» [2, с. 38–40], а также утверждает что «для языка закона важны такие качества как точность, официальность, ясность, простота, логическая связность и последовательность, экономичность». П. А. Лупинская убедительно и концептуально доказала, что «в рамках единого предмета доказывания в зависимости от вида решения должны быть установлены фактические обстоятельства, составляющие основание решения данного правового вопроса» [6, с. 126–125]. Интересна законодательная стилистика относительно применения терминов «законность», «обоснованность» и «мотивированность». При рассмотрении жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ одно из решений суда: о признании действия (бездействия) или решения — «законным или необоснованным» (п. 1 ч. 5 ст. 125 УПК РФ), но существенные нарушения — это те, которые «повлияли или могли повлиять на вынесение законного и обоснованного судебного решения» (ч. 1 ст. 389.17 УПК РФ) Отдельное внимание законодатель уделит термину «мотивированность». Так, прокурор выносит

«мотивированное постановление» при возвращении дела следователю (ч. 3 ст. 221 УПК РФ), ознакомление с делом прокурору предоставляется по письменному «мотивированному запросу» (ч. 2.1 ст. 37 УПК РФ). Возникает логичный вопрос: если термины «законность» и «обоснованность» могут конкурировать с применением союза «или» и союза «и», то каковы критерии самостоятельные критерии законности и обоснованности процессуальных решений и можно ли признавать решения вместе («незаконные и необоснованные») или отдельно («незаконно», «необоснованно»? Таким образом, очевиден теоретико-правовой, нормотворческий и правоприменительный аспект при исследовании такой сложной и деликатной темы как взаимосвязь законодательной терминологии законодательная терминология в механизме обоснованности уголовно-процессуальных решений.

Реальность проблематики. Обоснованность уголовно-процессуальных решений как законодательное требование всегда привлекало пристальное внимание процессуалистов. Отмечалось, что, несмотря на единую природу процессуальных решений, закон не дает общего определения их основания, а связывает вынесение каждого из них с конкретными требованиями [7, с. 35–45; 24, 8–11]. Так, Ф. Н. Фаткуллин писал о значении «адекватного» толкования норма права: «...может обнаружиться некоторое несоответствие между подлинным содержанием права и ее внешним выражением в тексте нормативно-правового акта (или словесная формулировка нормы шире ее подлинного смысла или наоборот» [8, с. 251–252]. В своем фундаментальном труде — Концепция истории государства и права — профессор Всеволод Михайлович Курицын интересно высказывался об Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. «...законодательный романтизм и суровая действительность некоторых сторон судебной реформы...» [9, с. 569].

Объявленная тематика данного исследования нова, но вдохновляет на продолжение современной дискуссии о значении законодательной терминологии. Так, например, В. М. Савицкий, высказывая мнение о термине «подозреваемый», писал, что «...пока цитируемая формула закона будет иметь силу (надо надеяться, что эта сила эта прочна и незыблема), никому не удастся найти лазейку в ее словарно-композиционной структуре, чтобы выдать желаемое за действительное» [10, с. 82–83].

Действительно, этот термин даже имеет международно-правовое значение: при ратификации Европейской конвенции о передаче судопроизводства по уголовным делам сделано Заявление: «Российская Федерация исходит из понимания того, что положения

ст. 8 Конвенции будут применяться с учетом употребляемой в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации терминологии в отношении подозреваемого и обвиняемого лиц» [11]. Четкая формулировка лиц, которых признают подозреваемыми (ч. 1 ст. 46 УПК РФ) или обвиняемыми (ч. 1 ст. 47 УИК РФ) делают неуязвимыми аргументы в международном сотрудничестве для обоснования применения этих законодательных терминов.

Конституционный Суд РФ, анализируя однажды одну сложившуюся ситуацию, признал ряд норм УПК РФ не соответствующими ряду конституционных принципов и сформулировал правовую позицию о «необходимости учитывать не только формальное процессуальное, но и фактическое положение лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование (проведение в отношении него следственных действий: обыска, опознания, допроса и др.) и иными мерами, предпринимаемыми в целях его изблечения» [12]. Такое определение «фактического подозрения» нашло реальное воплощение в нормах УПК РФ: защитник участвует в уголовном деле, в том числе — с момента начала процессуальных действий, затрагивающие права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ (п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ) «Фактическое подозрение» просматривается и в ч. 2.1 ст. 144 УПК РФ, где применяется термин «лицо, участвующее в производстве процессуальных действий» Таким образом, проблематика обоснованности уголовно-процессуальных решений в соответствии с дифференцированными законодательными терминами, приобретает современное звучание и требует продолжение исследования влияния законодательного стиля при принятии процессуальных решений.

Компаративистский взгляд. Предметный обзор зарубежного законодательства применительно к целям данного исследования выявил интересную картину. Так, А. А. Трефилов, отмечая, что *УПК Швейцарии* «написан предельно простым и удивительно легким языком», в своих работах в разделе «Терминология, используемая в Кодексе» уточняет перевод языковых конструкций. Решение выносятся письменно и обосновываются (ч. 2 ст. 80) и структуре содержания решения существует «обосновывающая часть» (п. «с» ч. 1 ст. 81), которая должна содержать фактическую и юридическую оценку действий обвиняемого, обоснование санкций или основания для завершения производства [13, с. 6–7, 48–49; 25, с. 206–211]. В УПК ФРГ разъясняется право: прокуратура вправе и суд могут возложить на обвиняемого в порядке компенсации

потерпевшему от преступления кроме «заглаживания вреда» и другие обязанности: «внесения денежной суммы», «выполнение общественно полезной работы», «обязанности содержания потерпевшего» и этот перечень не является исчерпывающим. Так, потерпевший может знакомиться с доказательствами, которые находятся на «ведомственном хранении, если он убедительно изложит обоснованный интерес» [14, с. 77–78]. В УПК Азербайджанской Республики, так же, как и в УПК РФ (ст. 5), формулируется перечень основных понятий, применяемых, в уголовно-процессуальном законодательстве. Например, дополнены понятия: «процессуальный документ», «представитель юридического лица», «ребенок, ставший жертвой половой эксплуатации или полового насилия» и другие. Также усматривается интересная терминология о доказательствах: «признаются заслуживающие доверия улики (сведения, документы, вещи), полученные судом или сторонами» (ч. 124.1 ст. 124) [15]. В УПК Республики Беларусь в ст. 6 разъясняются некоторые понятия и наименования, например, «вред», «уголовное дело», «материалы», «ходатайство» и др. На орган уголовного преследования возлагается обязанность «по всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств» и это является основанием оценки доказательств по внутреннему убеждению». (ст. 18–19) [16, с. 45–55]. В УПК общественных и революционных судов Исламской Республики Иран к некоторым статьям имеются Примечания с разъяснением терминологии закона: «дискреционные наказания», «требования к обществу», «личные претензии» и др. [17, с. 92–94]. В УПК Китайской народной республики существует ст. 82, в соответствии с которой разъясняется значение содержащиеся в Кодексе термины. Интересному правовому регулированию подверглась процедура представления заявлений, жалоб, сообщений: составляется протокол, прочитывается вслух и при отсутствии ошибок — подписывается, и «ставится *фамильная* печать заявителя» (ст. 85) [18, с. 332].

Уголовное законодательство зарубежных стран также содержит систему норм о разъяснении понятий, определений и терминов. В *Уголовном кодексе Швейцарии* имеется ст. 110 «Объяснение терминов закона», устанавливающая «для понимания этого закона» ряд разъяснений: «родственники», «члены семьи», «чиновники», «официальные документы» и др. Интересно, что в данном уголовном законе дается сущностное разъяснение документов: «письменные материалы или знаки, которые определены для того, чтобы доказать факты, имеющих правовое значение» (ч. 5 ст. 110) [19]. Уголовном кодексе ФРГ существует гл. 2 «Объяснение терминов», где даются в параграфе 11 «По-

нятия лиц и вещей» интересные понятия, которые, по смыслу настоящего закона, должны способствовать правильному обоснованию процессуального решения; «родственники», «родные и свойственники по прямо линии», «помолвленный», «приемные родители и приемные дети», «письменные материалы — звукозапись, кинофильмы, носители информации, иллюстрации и другие изображения» [20, с. 123–124]. Интересны разъяснения терминов в *Законе об уголовном праве Израиля* в разделе «Действие уголовного права в пространстве»: преступления, совершенные «на территории Израиля», «вне пределов Израиля», «территория Израиля», «международные преступления» (ст. 7) и др. Кроме того, даются понятия: «преступный замысел», «намерение», «безразличие» «легкомыслие», «небрежность» (ст. 20), «строгая ответственность» (ст. 22), «объем уголовной ответственности корпорации» (ст. 23) [21, с. 26–27, 38–40] Интересен подход к законодательной терминологии, осуществленный в *Уголовном кодексе штата Техас США*, где нет единой уголовно-правовой системы: существует более двадцати статей под названием «Определения» практически к каждой главе или разделу о составах преступлений. Например, в гл. 33А «Преступления в сфере телекоммуникаций» существуют разъяснения терминов; «контрафактное устройство доступа к телекоммуникациям», «телекоммуникация», «телекоммуникационное устройство доступа», «телекоммуникационные услуги» и др. [22, с. 345–363]. Таким образом, модель законодательной терминологии в сравнительно-правовом аспекте показывает значение и явную взаимосвязь с возможным обоснованием фактических обстоятельств при принятии процессуальных решений.

Выводы. Обоснованность уголовно-процессуальных решений — законодательное требование, предъявляемое в соответствии с содержанием принципа законности (ч. 4 ст. 7 УПК РФ). Действительно в законе нет развернутого содержания понятия обоснованности, поэтому, как показано выше, существует многоуровневый подход требованию обоснованности уголовно-процессуальных решений: историко-правовой, конституционно-правовой, научно-исследовательский, сравнительно-правовой и правоприменительный. Можно обратиться к ряду законодательных формулировок для принятия решений, которые сформулированы следующим образом: «достаточные данные полагать...», «для обеспечения исполнения приговора или возможной выдачи лица..» — основания избрания меры пресечения (ч. 1 ст. 97 УПК РФ), «при наличии достаточных доказательств..» — основание для предъявления обвинения (ч. 1 ст. 171 УПК РФ), «наличие достаточных данных полагать ... могут на-

ходиться орудия, предметы, документы...» — основание для обыска (ч. 1 ст. 182 УПК РФ), «... в случае отказа производит выемку принудительно» (ч. 5 ст. 183 УПК РФ).

Действующий Уголовный кодекс РФ предлагает разъяснения ряда терминов в Приложениях к конкретным статьям: «финансирование диверсии» (ст. 281.1 УК РФ), «финансирование терроризма» (ст. 205.1 УК РФ), «публичное оправдание терроризма», «пропаганда терроризма», «террористическая деятельность» (ст. 205.2 УК РФ), «поддержка терроризма» (ст. 205.4 УК РФ), «социальная инфраструктура» при оценке заведомо ложном сообщении об акте терроризма (ст. 207 УК РФ), «обстоятельства, представляющие угрозу жизни и безопасности граждан» при публичном распространении заведомо ложной информации об угрозе жизни и здоровью (ст. 207.1 УК РФ), «проникновение на охраняемый объект» (ст. 215.1 УК РФ), «требования охраны труда — государственные нормативные требования охраны труда, содержащиеся в федеральных законах» (ст. 143 УК РФ).

Таким образом, можно предложить следующие выводы о дискуссионных аспектах заявленной тематике: 1) основание для определенного вида уголовно-процессуального решения должно быть выражено в законодательной терминологии; 2) содержание обоснования принимаемого уголовно-процессуального решения должно соответствовать современному правопониманию и существующему конституционно-правовому смыслу принципов и назначения уголовного судопроизводства; 3) уголовно-правовая терминология и уголовно-процессуальная терминология должна быть совместимой, исключаяющей интерпретационное истолкование субъектом права слов и словосочетаний; 4) информационные технологии при принятии уголовно-процессуальных решений должны соответствовать системе норм права в сфере правового регулирования электронного документа оборота, единых информационных государственных систем и цифровых процедур.

Список источников

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 мая 2023 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 150 Уголовного кодекса Российской Федерации и ряда положений статей 42, 45, 145, 146 и 222 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан М. В. Золотаревой и В. В. Фроловой» // URL: <https://rg.ru/documents/2023/06/02/postanovlenie-konstitucionnogo-suda-rf-doc.html>
2. Губаева Т. В. Язык и право. Искусство владе-

ния словом в профессиональной юридической деятельности. 2-е изд., пересмотр. М. : Норма : Инфра-М, 2010.

3. Ушаков А. А. Очерки советской законодательной стилистики : учебное пособие. Пермь, 1967 // из книги : Ушаков А. А. Избранное : очерки советской законодательной стилистики. Право и язык. М. : РАП, 2008.
4. Лазарев В. В. Социально-психологические аспекты применения права. Казань : издательство Казанского университета, 1982.
5. Губаева Т. В. Словесность в юриспруденции // под ред. действительного члена Международной академии наук высшей школы, доктора юридических наук профессора В. П. Малкова. Казань : Издательство Казанского университета, 1995.
6. Лупинская П. А. Решения в уголовном процессе: теория, законодательство и практика. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2010.
7. Карнеева Л. М. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. М. : Юридическая литература, 1971.
8. Фаткуллин Ф. Н. Проблемы теории государства и права. Казань : издательство Казанского университета, 1987.
9. Курицын В. М. Концепция истории государства и права : научное издание. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2008.
10. Савицкий В. М. Язык процессуального закона (вопросы терминологии). М. : Издательство «Наука», 1987.
11. Федеральный закон от 30 октября 2007 г. № 237-ФЗ «О ратификации Европейской конвенции о передаче судопроизводства по уголовным делам от 15 мая 1972 года» (последняя редакция) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72159/
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27705/
13. Трефилов А. А. Уголовный процесс Швейцарии от 5 октября 2007 года. М. : ООО «НИПКЦ Восход-А», 2012.
14. Барабанов П. К. Уголовный процесс ФРГ. М. : Издательство «Спутник+», 2014.

15. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (утв. Законом Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г. № 907-IQ) (с изм. и доп. по сост. на 29.03.2024) // URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420280#pos=6;-144
16. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь / Предисловие В. И. Рохлина, А. П. Стуконова ; обзорная статья А. А. Данилевича. СПб. : Из-во «Юридический центр Пресс», 2001.
17. Уголовно-процессуальный кодекса общественных и революционных судов Исламской Республики Иран / науч. ред. докт. юрид. наук, проф. Н. Г. Стойко; вступ. ст. и перевод П. А. Гусеновой. СПб. : Издательство «Юридический центр», 2016.
18. Современное законодательство Китайской Народной Республики. Сборник нормативных актов / Составитель, редактор и автор предисловия Л. М. Гудошников. М. : ИКД «Зерцало-М», 2004.
19. Уголовный кодекс Швейцарии / Вступ. ст. члена Совета Федерации Федерального собрания РФ Ю. Н. Волкова; научн. ред., предисл. и перевод с немецкого канд. юрид. наук А. В. Серебренниковой. СПб. : из-во «Юридический центр Пресс», 2002.
20. Уголовный кодекс ФРГ / науч. ред. и вступ. статья докт. юрид. наук, профессора Д. А. Шестакова; предисловие доктора права Г.-Г. Йешека ; перевод с немецкого Н. С. Рачковой. СПб. : из-во «Юридический центр Пресс», 2003.
21. Закон об уголовном праве Израиля / предисл., пер. с иврита: магистр права (LL.M) М. Дорфман; науч. ред. канд. юрид. наук Н. И. Мацнев. СПб. : Изд-во Р. Асланов «Юридический центр Пресс», 2005.
22. Уголовный кодекс штата Техас / научное редактирование и предисловие канд. юрид. наук, проф. И. Д. Козочкина. Перевод с английского Д. Г. Осипова, И. Д. Козочкина. СПб. : Изд-во Р. Асланов «Юридический центр Пресс», 2006.
23. Постановление Конституционного Суда РФ от 1 октября 2024 г. № 42-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с жалобой гражданина А. С. Ткаченко» // URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1679663/>
24. Смирнов А. В. Достаточные фактические основания уголовно-процессуальных решений. Стадия возбуждения уголовного дела и предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юр. наук. Ленинград, 1984.
25. Трефилов А. А. Уголовный процесс зарубежных стран. Т. 1. Уголовно-процессуальная компаративистика. Уголовный процесс Швейцарии. М. : ООО «НИПКЦ Восход-А», 2016.

References

1. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 26-P dated May 25, 2023 «On the case of checking the Constitutionality of Part Four of Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation and a number of Provisions of Articles 42, 45, 145, 146 and 222 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the complaint of citizens M. V. Zolotareva and V. V. Frolovoy» // URL: <https://rg.ru/documents/2023/06/02/postanovlenie-konstitucionnogo-suda-rf-doc.html>
2. Gubaeva T. V. Language and Law. The art of word mastery in professional legal activity. 2nd ed., revision. M. : Norm: Infra-M, 2010.
3. Ushakov A. A. Selected works : Essays on Soviet legislative stylistics. Law and Language. M. : RAP, 2008.
4. Lazarev V. V. Socio-psychological aspects of the application of law. Kazan: Kazan University Publishing House, 1982.
5. Gubaeva T. V. Literature in jurisprudence//edited by a full member of the International Academy of Sciences of Higher School, Doctor of Legal Sciences Professor V. P. Malkov. Kazan : Kazan University Press, 1995.
6. Lupinskaya P. A. Decisions in the criminal process: theory, legislation and practice. 2nd ed., reprint. and add. M. : Norm: Infra-M, 2010.
7. Karneeva L. M. Bringing to criminal responsibility. Legality and validity. M. : Yuridicheskaya literatura, 1971.
8. Fatkullin F. N. Problems of the theory of the state and law. Kazan : Kazan University Press, 1987.
9. Kuritsyn V. M. The concept of the history of state and law: a scientific publication. M. : UNITY-DANA, 2008.
10. Savitsky V. M. The language of procedural law (issues of terminology). M. : Nauka Publishing House, 1987.
11. Federal Law dated of October 30, 2007 № 237-FZ «On Ratification of the European Convention on the Transfer of Judicial Proceedings in Criminal Matters of May 15, 1972» (latest edition) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72159

12. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 27, 2000 № 11-П «In the case of checking the constitutionality of the provisions of Part one of Article 47 and part two of Article 51 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR in connection with the complaint of citizen V. I. Maslov» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27705/
13. Trefilov A. A. The Swiss Criminal Trial of October 5, 2007. М. : NIPCC Voskhod-A LLC, 2012.
14. Barabanov P. K. Criminal proceedings in Germany. М. : Publishing house «Sputnik+», 2014.
15. The Criminal Procedure Code of the Republic of Azerbaijan was approved by the Law of the Republic of Azerbaijan dated July 14, 2000 № 907-IQ) (with amendments and additions as of 29.03.2024) // URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420280#pos=6;-144
16. The Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus/Preface by V. I. Rokhlin, A. P. Stukonov; review article by A. A. Danilevich. St. Petersburg : Publishing house «Legal Center Press», 2001.
17. Criminal Procedure Code of Public and Revolutionary Courts of the Islamic Republic of Iran / scientific editor, Doctor of Legal Sciences, Prof. N. G. Stoyko; introductory article and translation by P. A. Gusenova. St. Petersburg : Publishing house «Legal Center», 2016.
18. Modern legislation of the People's Republic of China. Collection of regulations / Compiled, edited and authored by L. M. Gudoshnitkov. М. : IKD «Zertsalo-M», 2004.
19. The Criminal Code of Switzerland / Introductory article by Member of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation Yu. N. Volkov ; scientific editing, preface and translation from German by the Candidate of Law Sciences A. V. Serebrennikova. St. Petersburg : publishing house «Law Center Press», 2002.
20. Criminal Code of the Federal Republic of Germany / scientific ed. and introduction. The article is a Doctor of law. Doctor of Sciences, Professor D. A. Shestakov; preface by Doctor of Law G.-G. Yesek; translated from German by N. S. Rachkova. St. Petersburg: publishing house «Law Center Press», 2003.
21. Israeli Criminal Law Act / Preface, translated from Hebrew: Master of Law (LL.M.) M. Dorfman: scientific editor of the Candidate of Law science of N. I. Matsnev. St. Petersburg : Publishing house of R. Aslanov «Law Center Press», 2005.
22. Criminal Code of the State of Texas/ scientific editing and foreword by the Candidate of Law. Doctor of Sciences, Professor I. D. Kozochkina. Translated from English by D. G. Osipov and I. D. Kozochkin. St. Petersburg : Publishing house of R. Aslanov «Law Center Press», 2006.
23. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated of October 1, 2024 № 42-П «In the case of the review of the constitutionality of the first part of Article 42 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen A. S. Tkachenko» // URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1679663/>
24. Smirnov A. V. Sufficient factual grounds for criminal procedural decisions. The stage of initiation of a criminal case and preliminary investigation : abstract dis. ... candidate of legal sciences. Leningrad, 1984.
25. Trefilov A. A. Criminal procedure of foreign countries. Vol. 1. Criminal procedural comparative studies. The criminal procedure of Switzerland. М. : NIPCC Voskhod-A LLC, 2016.

Информация об авторе

Н. Г. Муратова — профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

N. G. Muratova — Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Kazan (Volga Region) Federal University, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 19.01.2025; одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 12.03.2025.

The article was submitted 19.01.2025; approved after reviewing 20.01.2025; accepted for publication 12.03.2025.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-127-136>

EDN: <https://elibrary.ru/plwxuu>

НИОН: 2003-0059-2/25-273

MOSURED: 77/27-003-2025-02-472

Этнокультура уголовного судопроизводства и ее влияние на уголовно-процессуальную политику

Павел Олегович Панфилов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, panfilov071@mail.ru

Аннотация. Прослеживается связь уголовно-процессуальной политики и этнокультуры уголовного судопроизводства на основе анализа отечественных и зарубежных исследований. На основе анализа зарубежного опыта (как негативного, так и позитивного) реформирования уголовно-процессуальных моделей демонстрируется недопустимость игнорирования этнокультурных особенностей при реализации уголовно-процессуальной политики. Делается вывод о том, что этническое разнообразие в пределах многонационального государства является существенным фактором, который усложняет построение эффективных правовых моделей в уголовном судопроизводстве, а также их реализацию на практике. Уголовно-процессуальная политика может быть эффективной только в случае, если уголовно-процессуальные модели обеспечивают необходимый и достаточный уровень правовой определенности, справедливости судебных решений с учетом этнокультурных традиций российского народа.

Предлагается корректировка программных документов, направленных на защиту российских духовно-нравственных ценностей.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная политика, этнокультура, уголовное судопроизводство, духовно-нравственные ценности, справедливость

Для цитирования: Панфилов П. О. Этнокультура уголовного судопроизводства и ее влияние на уголовно-процессуальную политику // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 2. С. 127–136. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-127-136>. EDN: PLWXUU.

Original article

Ethno culture of criminal justice and its impact on criminal procedure policy

Pavel O. Panfilov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, panfilov071@mail.ru

Abstract. The connection between criminal procedural policy and ethno culture of criminal procedure based on the analysis of domestic and foreign studies is being demonstrated. Based on the analysis of foreign experience (both negative and positive) of reforming criminal procedural models, it demonstrates the inadmissibility of ignoring ethno cultural peculiarities in the implementation of criminal procedural policy. It is concluded that ethnic diversity within a multinational state is a significant factor that complicates the construction of effective legal models in criminal proceedings, as well as their implementation in practice. Criminal procedural policy can be effective only if criminal procedural models provide the necessary and sufficient level of legal certainty, fairness of judicial decisions taking into account the ethno cultural traditions of the Russian people.

The adjustment of program documents aimed at the protection of Russian spiritual and moral values is being suggested.

Keywords: criminal procedure policy, ethno culture, criminal justice, spiritual and moral values, justice

For citation: Panfilov P. O. Ethno culture of criminal justice and its impact on criminal procedure policy. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(2):127–136. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-127-136>. EDN: PLWXUU.

© Панфилов П. О., 2025

Поиск правовых моделей, которые способствовали бы решению задач, стоящих перед обществом и государством, характерен для всех исторических этапов развития социума. Право и государственно-правовые институты в своем становлении впитывали в себя, подобно иным явлениям, определяющую ментальность общественного развития, «определенный характер, свойственный продукт определенной социокультурной среды, данному народу» [13, с. 26].

В связи с этим в теории права выделяют культурологический подход, который в исследованиях связывают с этнокультурными факторами, подлежащими учету как на уровне создания законов, так и на уровне применения норм права [24]. Роль культурологического и этнологического аспекта в уголовной политике в той или иной степени обосновывалась А. Э. Жалинским, А. А. Рёрихт [16, с. 46], А. В. Бриллиантовым [11, с. 36], О. Н. Бибиком [10, с. 49], и была точно концептуализирована В. В. Кулыгиным: «эффективность реализации уголовно-правовых запретов и предписаний зависит не столько от таких очевидных факторов, как численность работников правоохранительных органов, уровень их профессиональной подготовки и технической оснащенности, сколько от адекватности этих запретов и предписаний, имеющих архетипичную природу, стандартам поведения, формирующимся в определенной этнокультурной среде на протяжении исторически длительного периода времени» [23, с. 4].

Для правил поведения, которые регулируют уголовно-процессуальные отношения идея, обозначенная В. В. Кулыгиным также справедлива. Так, например, И. Е. Адаменко ставит вопрос о духовно-нравственном содержании уголовного процесса, которое определяется духовно-нравственными основами, заложенными в том или ином обществе, а также обосновывает позицию о том, что на ментальном уровне системообразующим основанием уголовно-процессуальной деятельности являются культура российского народа и дух уголовного судопроизводства, обусловленный духовно-нравственными основами российской общности [7, с. 16]. Масштабируя идею И. Е. Адаменко, следует обратить внимание на совершенно точное замечание Л. В. Головки о том, что наличие исторических, культурных сравнительно-правовых факторов предопределяет уникальность уголовно-процессуальной системы у каждого государства [14, с. 4]. При этом как Л. В. Головка, ссылаясь на Б. Матьё [25, с. 74], пишет о том, что единственным носителем легитимности выступает народ [14, с. 449], так и А. В. Победкин применительно к России обращает внимание на то, что уголовное судопроизводство должно в полной мере удовлетворять потребности российского народа [29, с. 32], и предлагает, ссылаясь на А. В. Агутина,

выстраивать общественные отношения и правовую систему на присущих именно России «ценностях», видя в этом единственный эффективный путь возрождения государства [5].

Таким образом, с учетом идей, обозначенных выше исследователей, целесообразна постановка вопроса об этнокультуре уголовного процесса и о ее влиянии на уголовно-процессуальную политику.

Этнокультурные особенности права того или иного государства в науке в целом никем не оспариваются. Как отмечает В. Д. Зорькин: «в каждой ценностной системе есть своя, исторически выстроенная и, как правило, базирующаяся на многовековом религиозном фундаменте (и укорененная в культуре) совокупность морально-нравственных норм. Эта совокупность норм принимается и поддерживается (через семейное и общественное воспитание, образование, общественную и государственную культурную политику) большинством граждан данного государства. А отклонения от этой совокупности норм воспринимаются и отторгаются массовым сознанием как «повреждение нравов. Всегда в человеческой истории правовые нормы по факту только юридически оформляли фундаментальные ценностные и морально-нравственные установки общества, для которого предназначалось законодательство» [17]. Не исключение и нормы уголовно-процессуального права, которые регулируют сферу применения наиболее строгих мер принуждения со стороны государства. В этой сфере «право и правоприменение может быть эффективным лишь в том случае, если закон и норма его юридического толкования созвучны общественным представлениям о справедливости» [18].

Обозначенные тезисы характерны не только для отечественного уголовного судопроизводства, в них отражены идеи свойственные для уголовного судопроизводства государств по всему миру.

Так, например, американский и хорватский исследователь Мирьян Дамашка, выделяя «иерархическую» (континентальную) и «координационную» (англо-американскую) модели уголовного процесса, отмечает в них некоторые особенности уголовно-процессуальной деятельности, обусловленные различными подходами граждан соответствующих государств к пониманию справедливости, правопорядку и закону. Так, исследователь пишет, что из-за различий в структуре органов государственной власти и особенностей организации судопроизводства в англо-американской и континентальной системах права, объективные ролевые ожидания от англо-американских государственных служащих со стороны населения и участников уголовного судопроизводства значительно отличаются от тех, которые сложились в континентальных системах [39, с. 521].

В связи с этим М. Дамашка выделяет некоторые поведенческие черты¹ уполномоченных должностных лиц при реализации функций, связанных с отправлением правосудия, в странах континентального права: принятие решения в рамках предусмотренных инструкций; отношение к правоприменению как к технической деятельности по выполнению строго определенного алгоритма; при необходимости действовать в условиях неопределенности решение должно быть принято или согласовано с руководителем как можно более высокого уровня и др. [39, с. 507–508]. В свою очередь в англо-американской системе, пишет М. Дамашка, идеальное должностное лицо — это не столько профессиональный эксперт, сколько «мудрый специалист по решению проблем, в соответствии с ценностями общества» [39, с. 532–539].

Нельзя не признать разное положение правоприменителя в англо-американской и континентальных системах, однако в тезисах исследователя читается некоторое принижение роли и статуса правоприменителя в континентальной системе: дескать англо-американский правоприменитель — «мудрец», а в континентальной системе — исполнитель, действующий по инструкции (и то не всегда способный ее исполнить). Действительно, применительно к российской юрисдикции о проблемах буквального толкования закона и негативных последствиях отрицания возможности применения уголовно-процессуального закона по аналогии пишет А. В. Победкин [28, с. 19], на перегруженность уголовно-процессуального закона «техническими правилами» указывает С. Б. Россинский [33, с. 44]. Вместе с тем обозначенные проблемы могут встречаться в любой правовой системе и не находятся в плоскости отличий одной системы права от другой.

Различие англо-американской и континентальной модели уголовного процесса М. Дамашка выстраивает и на идеологическом уровне. Исследователь обращает внимание на то, что в основе англо-американской модели лежит концепция классического английского либерализма, для которого характерны идеи о том, что общество лучше обходится без государства, которое может вмешиваться в общественные отношения исключительно в период кризисов. В континентальной системе власть распределялась по горизонтали (в уголовном процессе это суд, прокурор, следователь), а в англо-американской системе это децентрализация и распределение власти еще и по вертикали, возможность принятия значимых процессуальных решений обвиняемым (например, сделка с правосудием, воз-

можность защищать себя самого, принятие решение о суде присяжных и т. д.). Предполагается, что обвиняемый знает, что для него лучше, в связи с этим ни одно должностное лицо не имеет права навязывать ему свои взгляды [39, с. 532–539] (в том числе, например, назначить защитника, если обвиняемый от него отказался). Обозначенные различия на идеологическом уровне фактически предопределяют сложности, которые могут возникнуть при ассимиляции несвойственных национальным правовым традициям зарубежных процессуальных институтов. Так, о проблемах в отечественной юрисдикции, которые возникают при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, отказе обвиняемым от защитника и принятии решения о рассмотрении дела в суде присяжных, написан не один десяток исследований разного уровня.

На идеологическую полярность англо-американских и континентальных правовых моделей, обусловленную особенностями различных этнокультурных ценностей, в них заложенных, обращает внимание британский исследователь Р. Воглер, который не считает совпадением, что Англия как «первая индустриальная нация» стала первой, где появилась и начала развиваться состязательная модель уголовного процесса в период «коммерциализации» общественных отношений, в том числе в сфере уголовного судопроизводства [41, с. 144].

Идея о том, что правовые системы государств, в условиях различных способов организации системы государственного аппарата, политического устройства, а также господствующей идеологии, отличаются друг от друга, конечно, не нова. Так, в 1905 г. Адемар Эсмен предложил разделить «первоначальные правовые системы» на романскую (французскую), германскую, англосаксонскую, славянскую и исламские семьи [36]. Современные авторы на основе классификаций М. Мальмстрёма, К. Цвайгерта, Х. Кётца, Р. Давида выделяют романскую, германскую, скандинавскую правовые семьи, а также семью общего права, исламского права, индусского права, социалистического права и другие [26, с. 75].

Между тем, как верно отвечают и российские и зарубежные исследователи, основные недостатки большинства этих классификаций заключаются в том, что они основаны на анализе особенностей позитивного права, не учитывают реальную правоприменительную практику отправления правосудия, как правило, касаются исключительно частного права, а также имеют явную западоцентричность [41, с. 4] (например, все постсоветские государства «скопом» введены в романо-германский тип правовых семей без учета протекающих в них уже более 30 лет процессов [26, с. 76]). Не лишены тех же недостатков и попытки классифицировать типы национальных уголовно-процессуальных систем на французскую, германскую, английскую и шариатскую (мусульманскую) [21, с. 193; 34, с. 13–17].

¹ Эти черты, по его мнению, начинают формироваться при получении юридического образования и подготовке к занятию той или иной должности в сфере правосудия. М. Дамашка приводит в пример систему образования в США, где изучение системы и содержания различных отраслей права не осуществляется ввиду того, что такая деятельность признается не имеющей отношения к реальным практическим проблемам и имеет сомнительную ценность. Вместо этого обучающиеся в ходе занятий обсуждают политические вопросы, прилагая мысленные усилия для их решения под руководством специалиста [39, с. 521–523].

Нельзя не согласиться с Р. Воглером в суждении о том, что не существует универсального глобального шаблона для процедуры уголовного правосудия, а способы решения его задач настолько разнообразны и функционально отличаются друг от друга, что не поддаются универсальной классификации [41, с. 4]. Это разнообразие обусловлено не только политической целесообразностью, уровнем развития правовой науки или действующим политическим режимом, многое предопределено и этнокультурными особенностями сообщества, проживающего на территории того или иного государства.

Объективная реальность и общественно-политические процессы, происходящие в различных государствах, прямо демонстрируют, что игнорирование этнокультурных особенностей при реализации уголовно-процессуальной политики становится причиной невозможности обеспечить решение задач уголовно-процессуальной деятельности, что влечет недоверие граждан к органам государственной власти и, в свою очередь, выступает триггером государственных переворотов, революционной смены правительств и политических режимов.

Западноевропейские государства уже длительное время используют уголовный процесс и правосудие как инструмент внешней политики в Азии, на Ближнем Востоке, в Африке и Латинской Америке, однако не всегда успешно, что обусловлено игнорированием этнонациональных представлений об устройстве системы правосудия.

Так, например, Агентство США по международному развитию (USAID), деятельность которого в России запрещена с 1 октября 2012 г. [20], реализовывало проекты по продвижению американских ценностей на территории Латинской Америки. Результатом политики данного Агентства стали реформы по переходу к состязательному процессу в Чили, Венесуэле, Никарагуа и других государствах. Между тем, реализуемая в конце 90-ых гг. политика USAID по принятию и опубликованию нового УПК Сальвадора, который должен был обеспечить закрепление процессуальных гарантий прав и свобод граждан в рамках состязательного процесса, вызвала неприятие со стороны должностных лиц органов полиции и прокуратуры. В результате реформы уголовного процесса правоохранительные органы Сальвадора не могли принимать эффективные меры по предупреждению, выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, что привело к росту преступности [41, с. 172–174].

Как отмечают зарубежные исследователи, процесс реформ происходил в Латинской Америке слишком быстро, в результате не было уделено внимание глубоким культурным преобразованиям, которые требуются в условиях такого перехода для государств, где опыт состязательного правосудия отсутствовал. Это привело к тому, что население и должностные лица правоохранительных органов встречали новые правила враждебно, игнорировали их [41, с. 172–174].

Однако еще более серьезные сложности наблюдаются в соотношении уголовно-процессуальной политики западноевропейских государств и этнокультурных особенностей в странах шариата.

Особенность норм шариата состоит в регулировании им всех аспектов общественной жизни, в связи с этим реализация западноевропейских моделей в судопроизводстве, неизбежно влекла аксиологические конфликты. Как отмечается в зарубежной юридической литературе, период модернизационных реформ середины XIX века (период Танзимата) в Османской империи¹, вызывал глубокое недовольство среди мусульман, поскольку он шел вразрез с их ценностями и мировоззренческими установками, постулируемыми в нормах шариата [40, с. 279–291; 41, с. 116–117].

За более чем вековую историю реализации западными государствами уголовно-процессуальной политики на Ближнем Востоке некоторые зарубежные исследователи предсказывали исчезновение исламского права по всему миру [38, с. 1193]. Однако данный прогноз не оправдался, возрождение исламской оппозиции в 1970-ых гг. привело к развитию правосудия на основе норм шариата, которое на этнокультурном уровне представлялось населению символом свободы, процветания и приверженности истинному исламу [41, с. 120]. В данном случае векторы, которые столкнулись: политическая целесообразность (вытеснение положений закона в угоду экономическим интересам или политической ситуации) и этнокультура уголовного процесса (ценности и модели, принятые в обществе, нашедшие отражения в нормах шариата).

Таким образом, замещение этнокультурных традиций в уголовном процессе на инородные, не исключает возникновения тенденций, связанных с обратным процессом по борьбе за статус-кво соответствующих этнокультурных традиций, а в некотором роде является их триггером.

Особая роль использования этнокультурных особенностей уголовного судопроизводства при реализации политических целей в практической плоскости была продемонстрирована движением «Талибан»². Благодаря системе правосудия, основанной на традиционном укладе, продвигая «традиционные исламские ценности» и противопоставляя себя Западу [35],

¹ Был обусловлен развитием торгово-экономических связей Османской империи с европейскими государствами и включал в себя реформирование правосудия на началах «справедливого и публичного судебного разбирательства дел в отношении лиц, обвиняемых в преступлениях, а также равенства представителей всех религий в применении этих законов».

² Запрещенная в России террористическая организация. Между тем, официальный представитель МИД России заявил, что Россия собирается развивать сотрудничество с Афганистаном, где у власти находится признанное в России террористическим и запрещенное движение «Талибан», но для этого необходимо снять с движения соответствующий статус. Закон, который вводит механизм исключения организаций из списка террористических по состоянию на 17 декабря 2024 г. принят Государственной Думой, см. об этом [15].

движение с середины 90-ых годов прошлого века до 2021 г. прошло путь от группировки, не превышающей по численности двух тысяч человек, до установления контроля над всем Афганистаном [37, с. 11].

Как отмечает французский исследователь Адам Бачко, талибы использовали правосудие и закон в качестве ресурса в конфликте с превосходящими в военном и технологическом отношении странами Запада.

В части этнокультурных особенностей суды талибов опирались на законы шариата и правила взаимодействия в сельской общине, которые были распространены на процедурные правила судебного разбирательства (распределение мест в зале суда в соответствии со статусом, сидение на подушках, особенности речи, отсутствие юридического представительства) [37, с. 220].

Во-первых, в сельской местности большинство населения, получали базовое образование, учась в медресе¹ и, следовательно, имели некоторое представление об исламском праве.

Во-вторых, хотя правительственные судьи также выносили решения на основе исламского права, при рассмотрении дел и принятии процессуальных решений регулярно обращались к теоретико-правовым конструкциям ханафитской школы (ст. 130 Конституции Афганистана 2004 г.), однако особенности этого права были неясны населению, две трети которого были неграмотными. Осуществление правосудия на основе законов шариата сделало лояльными к талибам даже тех, кто был против данного движения [37, с. 218–220].

В-третьих, талибы учитывали мультинациональный состав населения Афганистана и обеспечили многонациональный состав судей, назначив в северные провинции узбекских, таджикских и туркменских судей, которые опирались при отправлении правосудия на религиозных лидеров из различных этнических групп [37, с. 230].

Таким образом, политика талибов в сфере правосудия была успешной, поскольку удалось обеспечить необходимый уровень правовой определенности и справедливости судебных решений с учетом этнокультурных традиций полиэтнического афганского народа.

Обозначенные примеры, позволяют констатировать, что этнокультура уголовного процесса создается не уголовно-процессуальной политикой, а теми ценностями и мировоззренческими установками, которые существуют в этносе.

Этнокультурные установки менее восприимчивы к изменениям, характеризуются повышенным уровнем неприятия к их нарушениям, а их закрепление происходит не на уровне закона, а на уровне общественного сознания. Ю. М. Антонян обращает внимание на то, что «...национальный характер связан с историческим,

в том числе бессознательным коллективным опытом, иногда тысячелетним ... Такой характер стабилен, более того, он весьма консервативен, не очень пластичен, плохо приспосабливается к новым условиям...» [9, с. 107]. В связи с этим уголовно-процессуальная политика должна выстраиваться с учетом этнокультурных представлений общества о формах и методах справедливого рассмотрения и разрешения уголовных дел, эффективного противодействия преступности.

Обозначенный тезис касается и уголовно-процессуальной политики реализуемой в Российской Федерации. Так, этнокультурный элемент уголовного процесса в структуре советской уголовно-процессуальной политики не назывался [8; 12, с. 19], но все же учитывался. Однако смена общественного строя в конце прошлого века в России, ориентация на западные ценности в идеологии, культуре, праве [31, с. 59] привели к тому, что в Концепции судебной реформы [4] ее авторы пренебрегли связью с этнокультурными особенностями народа, его духовно-нравственными ценностями, за что и подвергаются обоснованной критике [29, с. 30].

И. Е. Адаменко, обосновывая неэффективность действующего уголовно-процессуального регулирования, приводит следующий тезис: американская доктрина уголовно-процессуальной деятельности отдает предпочтение не правовым, а духовно-нравственным основаниям американского народа в рамках протестантской культуры. Они образуют фундамент доктрины прав личности. Именно доктрина прав личности представляет собой мировоззренческий уровень духовно-нравственных оснований уголовно-процессуальной деятельности в американском обществе. В этом смысле она является видимой (осознаваемой) частью социокультурной системы, а ее невидимой частью — менталитет американского народа [7, с. 16].

Таким образом, перенос в отечественную доктрину элементов зарубежных уголовно-процессуальных доктрин (а значит и зарубежных духовно-нравственных ценностей) приводит к неэффективности отечественной правовой модели.

Следует отметить, что данная проблема появилась в отечественном уголовном процессе «не сегодня и не вчера». Проблемы этнокультуры отечественного уголовного процесса поднимались в трудах А. Ф. Кони. Еще в 1924 г. он обращал внимание на то, что при заимствовании с Запада института государственных обвинителей составители Судебных уставов стояли перед трудной задачей создания должностного лица, действующего в обстановке публичного столкновения и обмена убежденных взглядов. При этом ни один из типов государственного обвинителя, существовавших на тот момент во Франции, Германии и Англии для русского уголовного судопроизводства, по обоснованному мнению А. Ф. Кони, не подходил: немецкий прокурор того времени был, в сущности, докладчиком тщательно составленной записки, в которой мертвая

¹ Учебное заведение, которое выполняет функцию средней общеобразовательной школы.

догматика часто занимала место красноречивого голоса жизни; речь английского обвинителя не подходила в силу особенностей процедуры, поскольку была разделена целым перекрестным допросом на две отдельные и независимые одна от другой части, причем в первой обвинитель говорил о том, что он будет доказывать, а во второй делал выводы из того, что он, по его мнению, доказал на судебном следствии; для французского прокурора была свойственна приподнятая фразеология и полемический задор, которые не подходили природе русского человека, участие же французского прокурора в судебных прениях зачастую превращалась в запальчивую травлю подсудимого [22, с. 7–8].

Между тем, составители Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (далее — Устав) в наставлении прокурору указывали, что в речи своей он не должен ни представлять дел в одностороннем виде, извлекая из дела только обстоятельства, уличающие подсудимого; ни преувеличивать значение доказательств и улики или важности преступления. Прокурор приглашался сказать свое слово даже в опровержение обстоятельств, казавшихся, при предании суду, сложившимися против подсудимого, причем в оценке и взвешивании доказательств он вовсе не был стеснен целями обвинения [22, с. 7–8].

Основные черты сложившегося русского типа обвинителя А. Ф. Кони резюмировал так: спокойствие, отсутствие личного озлобления против подсудимого, опрятность приемов обвинения, чуждая и возбуждению страстей, и искажению данных дела, и, наконец, что весьма важно, полное отсутствие лицедейства в голосе, в жесте и в способе держать себя на суде, а также простота языка, свободного от вычурности.

Современному законодателю в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств поступить в соответствии с положительным примером составителей Устава не удалось, в связи с этим на повестке — острая необходимость выработки форм насыщения уголовного судопроизводства традиционными отечественными духовно-нравственными ценностями [28, с. 19], которые составляют основу этнокультуры уголовного процесса.

Однако возникает обоснованный вопрос относительно системы этих ценностей [28, с. 19], сложности формирования которой обусловлены этнокультурным многообразием государства. Носителем суверенитета и единственным источником власти является многонациональный народ Российской Федерации (ч. 1 ст. 3 Конституции РФ). С учетом приведенных в начале данного исследования позиций Л. В. Головки, Б. Матё, А. В. Победкина, легитимность уголовного процесса может быть обеспечена только в случае воплощения в уголовном процессе ценностей, поддерживаемых всем *многонациональным* (курсив — авт.) народом. Этническое разнообразие в пределах многонационального

государства обуславливает определенную сложность построения правовых моделей, по которым должны жить граждане одной страны. Не является исключением уголовное судопроизводство, где возможности применения мер государственного принуждения, существенно ограничивающих базовые права и свободы, лишь обостряют проблемы вызываемые полиэтничностью.

С такими сложностями при построении правовых моделей в сфере уголовного судопроизводства не сталкиваются ни Великобритания, ни Франция, ни Германия, ни даже США. Президент Российской Федерации В. В. Путин еще в 2012 г. совершенно точно отмечал, что «Историческая Россия — не этническое государство и не американский «плавильный котел», где, в общем-то, все так или иначе — мигранты. Россия возникла и веками развивалась как многонациональное государство, в котором создавались условия и возможности для развития всех народов и этносов ... Стержень, скрепляющая ткань этой уникальной цивилизации — русский народ, русская культура ...» [32]. Проявлением слов Президента России в праве выступает, например, государственный язык Российской Федерации [1], которым на всей многонациональной территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации (ч. 1 ст. 68 Конституции РФ). В Стратегии государственной национальной политики [2] ставится знак равенства между многонациональным народом и российской нацией, традиционные духовно-нравственные ценности которой закреплены в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [3].

Среди этих ценностей есть и те, которые, безусловно, образуют этнокультуру уголовного процесса России, в том или ином виде, их пока еще можно найти в действующем уголовно-процессуальном законе: жизнь, достоинство, права и свободы человека, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений.

Так, например, легитимность уголовного судопроизводства, обеспечение которой в настоящее время приобретает особую значимость, определяется прежде всего ощущением жителями страны справедливости производства по уголовным делам [28, с. 23–24]. Именно к «дефициту демократической легитимности» [14, с. 454] может привести игнорирование данной ценности. Об опасности такого дефицита для существования государства прямо предостерегает Л. В. Головки [14, с. 454], а соответствующие жизненные примеры, подтверждающие эту опасность, приведены были выше.

А. В. Победкин верно пишет, что справедливость требует публичности — правильного установления обстоятельств по уголовному делу, выявления виновных, привлечения их к ответственности, обеспечения прав и законных интересов личности, а также указывает, что игнорирование публичности в уголовном процессе не может быть справедливым [28, с. 25]. В этой части следует отметить, что в условиях игнорирования публичности (а значит и справедливости), приоритета материального над духовным в уголовном судопроизводстве существуют такие фискальные процессуальные институты как прекращение уголовного дела в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ст. 25.1 УПК РФ), прекращение уголовного преследования в связи с возмещением вреда (ст. 28.1 УПК РФ) [27, с. 199].

В этой связи нельзя не согласиться с тезисом о том, что современный уголовный процесс страдает от концептуального противоречия между традиционными отечественными духовно-нравственными ценностями (среди которых справедливость, приоритет духовного над материальным, коллективизм и др.) и сущностной характеристикой общественных отношений в капиталистическом обществе (власть материального, индивидуализм, максимальное удешевление как самоцель, приоритет личного над общественным и т. д.) [28, с. 21–22].

Несмотря на наличие обозначенных проблем и закрепление в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей справедливости как составляющей традиционных ценностей, в числе направлений решения проблем в области сохранения и укрепления традиционных ценностей (п. 19 Основ) совершенствование системы правовых основ отправления правосудия не указывается, что, представляется, значительным упущением в контексте продемонстрированной значимости выстраивания уголовно-процессуальной политики с учетом этнокультурных особенностей уголовного судопроизводства. Здесь же важно оговориться, что речь идет не о попытке «сформулировать некое самобытное российское право», о чем предостерегает В. Д. Зорькин [19, с. 160], а о необходимости построения уголовно-процессуального права без отрыва от морально-нравственных ценностей, устоявшихся в обществе.

В качестве выводов обозначим следующее.

Этнокультура уголовного процесса определяется ценностями и мировоззренческими установками, которые формировались исторически в границах нации или этноса, закреплены в обычаях и традициях либо на уровне общественного сознания, характеризуются стабильностью, невосприимчивостью к попыткам их изменения, повышенным уровнем неприятия к их нарушению в обществе.

Идеологические отличия англо-американской и континентальной систем организации уголовного су-

допроизводства, обусловленные особенностями различных этнокультурных ценностей, предопределяют проблемы, которые могут возникнуть при переносе отдельных процессуальных механизмов между государствами, относящимися к различным системам.

Игнорирование этнокультурных особенностей при выработке и реализации уголовно-процессуальной политики приводит к невозможности правоохранительных органов обеспечить решение задач уголовно-процессуальной деятельности, формирует недоверие граждан к правосудию, способствует революционной смене правительств и политических режимов.

Замещение этнокультурных традиций в уголовном процессе на инородные не исключает возникновения тенденций, связанных с обратным процессом по борьбе за статус-кво соответствующих этнокультурных традиций, а в некотором роде является их триггером.

Этническое разнообразие в пределах многонационального государства является существенным фактором, который усложняет построение эффективных правовых моделей в уголовном судопроизводстве, а также их реализацию на практике.

Уголовно-процессуальная политика может быть эффективной только в случае, если уголовно-процессуальные модели обеспечивают необходимый и достаточный уровень правовой определенности, справедливости судебных решений с учетом этнокультурных традиций российского народа.

В число способов обеспечения российских духовно-нравственных ценностей необходимо включить совершенствование системы правовых основ отправления правосудия по уголовным делам, что и отразить в соответствующих программных документах.

Список источников

1. Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ (ред. от 28.02.2023) «О государственном языке Российской Федерации» // Российская газета. № 120. 7 июня 2005 г.
2. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 (ред. от 15.01.2024) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 24 декабря 2012 г. № 52. Ст. 7477.
3. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 14 ноября 2022 г. № 46. Ст. 7977.
4. Постановление ВС РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 31 октября 1991 г. № 44. Ст. 1435.

5. Агутин А. В. К вопросу о внешних условиях формирования мотивации при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 2. С. 71–76.
6. Агутин А. В. Ценностно-смысловое ядро и либеральное мировоззрение российского уголовного судопроизводства // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 46–52.
7. Адаменко И. Е. Уголовно-процессуальная деятельность: системообразующие основания и компоненты : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2018.
8. Алексеев Н. С., Даев В. Г. Уголовно-процессуальная политика Советского государства на современном этапе // Правоведение. 1977. № 5. С. 97–104.
9. Антонян Ю. М. Психология терроризма // Научный портал МВД России. 2012. № 3(19). С. 106–110.
10. Бибик О. Н. Культурологический подход к исследованию права и государства // Журнал российского права. 2009. № 5. С. 43–51.
11. Бриллиантов А. В. Изменения законодательства о наказании // Российская юстиция. 2004. № 5. С. 35–40.
12. Владимиров В. А., Ляпунов Ю. И. Советская уголовная политика и ее отражение в действующем законодательстве. М., 1979.
13. Володина Л. М. Проблемы организации и функционирования судебной власти // Администратор суда. 2006. № 1. С. 25–29.
14. Головкин Л. В. Государство и его уголовное судопроизводство: монография. М. : Издательский Дом «Городец», 2022.
15. Госдума приняла закон о возможности отмены запрета «Талибана» // URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6761652c9a794719c4886b26>
16. Жалинский А. Э., Рёрихт А. А. Введение в немецкое право. М., 2001.
17. Зорькин В. Д. Право против хаоса // URL: <https://ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=73>
18. Зорькин В. Д. Право силы и сила права // URL: <https://ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=71>
19. Зорькин В. Д. Лекции о праве и государстве. СПб. : Конституционный Суд Российской Федерации, 2024.
20. Комментарий официального представителя МИД России А. К. Лукашевича о прекращении деятельности в Российской Федерации Агентства США по международному развитию (USAID) // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1625294/
21. Козьявин А. А. Основы теории социального назначения и функций уголовного процесса: учебное пособие для студентов, обучающихся по направлению подготовки 03090068 «Юриспруденция». Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2013.
22. Кони А. Ф. Приемы и задачи прокуратуры (из воспоминаний судебного деятеля). Петроград, 1924.
23. Кулыгин В. В. Этнокультура уголовного права : автореферат дис. ... доктора юридических наук. Дальневост. гос. ун-т. Владивосток, 2003.
24. Куприянова А. В. К вопросу о культурологическом подходе к изучению права // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 10. С. 3–8.
25. Матё Б. Право против демократии? М., 2021.
26. Оксамытный В. В. Сравнительное правоведение: учебник. М. : КНОРУС, 2023.
27. Панфилов П. О., Шишов В. В. Взаимообеспечение и противостояние частных и публичных интересов при освобождении от уголовной ответственности // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 196–201.
28. Победкин А. В. Справедливость уголовного судопроизводства как условие его легитимности // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 1(69). С. 17–27.
29. Победкин А. В. Основные положения УПК России как система гарантий публичности уголовного судопроизводства: монография. М. : Юрлитинформ, 2024.
30. Победкин А. В. Уголовный процесс: состояние вне права: монография. М. : Юрлитинформ, 2013.
31. Победкин А. В. Принципиальная ошибка (почему при принятии Уголовно-процессуального кодекса не следовало игнорировать А.С. Пушкина) // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2021. Т. 2. № 1(3). С. 58–68.
32. Путин В. В. «Россия: Национальный вопрос» // URL: https://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html
33. Россинский С. Б. УПК Российской Федерации: воплощение «высокого» предназначения уголовно-процессуальной формы или «памятка» для безграмотных правоприменителей? // Законы России. 2021. № 6. С. 42–47.
34. Смирнов А. В. Состязательный процесс. СПб. : Альфа, 2001.
35. Что такое «Талибан»? История возникновения исламистской организации // URL: <https://www.rbc.ru/base/31/10/2024/672366c49a7947441edb5746>
36. Эсмен А. Основные начала государственного права / соч. А. Эсмена; пер. с фр. Н. Кончев-

- ской; под ред. и с предисл. М. М. Ковалевского. М. : К. Т. Солдатенков, 1898–1899.
37. Baczko Adam. *The Taliban Courts in Afghanistan: Waging War by Law* (Translated by Henry W. Randolph). Oxford, 2023.
 38. Bonderman D. *Modernization and Changing Perspectives in Islamic Law* // *Harvard Law Review*. № 81(6). 1968.
 39. Damaška Mirjan. *Structures of Authority and Comparative Criminal Procedure* // *The Yale Law Journal*. 1976. Vol. 84: 480.
 40. Mardin E. *The Development of the Shari'a under the Ottoman Empire*, in Khadduri M. and Liebesny H. (eds) *Law in the Middle East*. Washington, Middle East Institute, 1955.
 41. Vogler Richard. *A World View of Criminal Justice*. Ashgate, 2006.
- policy of the Soviet state at the present stage // *Jurisprudence*. 1977. № 5. P. 97–104.
9. Antonyan Yu. M. *Psychology of terrorism* // *Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2012. № 3(19). P. 106–110.
 10. Bibik O. N. *Cultural approach to the study of law and the state* // *Journal of Russian Law*. 2009. № 5. P. 43–51.
 11. Brilliantov A. V. *Changes in legislation on punishment* // *The Russian justice system*. 2004. № 5. P. 35–40.
 12. Vladimirov V. A., Lyapunov Yu. I. *Soviet criminal policy and its reflection in current legislation*. M., 1979.
 13. Volodina L. M. *Problems of the organization and functioning of judicial power* // *Court administrator*. 2006. № 1. P. 25–29.
 14. Golovko L. V. *The state and its criminal proceedings : monograph*. M. : Gorodets Publishing House, 2022.
 15. *The State Duma adopted a law on the possibility of lifting the ban on the Taliban* // URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6761652c9a794719c4886b26>
 16. Zhalinsky A. E., Roerich A. A. *Introduction to German law*. M., 2001.
 17. Zorkin V. D. *The right of ownership* // URL: <https://ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=73>
 18. Zorkin V. D. *The law of force and the force of law* // URL: <https://ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=71>
 19. Zorkin V. D. *Lectures on law and the state*. St. Petersburg : Constitutional Court of the Russian Federation, 2024.
 20. *Comment by the official representative of the Russian Foreign Ministry, A. K. Lukashevich, on the termination of the activities of the United States Agency for International Development (USAID) in the Russian Federation* // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1625294/
 21. Kozyavin A. A. *Fundamentals of the theory of social purpose and functions of the criminal process: a textbook for students studying in the field of training 03090068 «Jurisprudence»*. South-Western State University. Kursk, 2013.
 22. Koni A. F. *Techniques and tasks of the prosecutor's office (from the memoirs of a judicial figure)*. Petrograd, 1924.
 23. Kulygin V. V. *Ethnoculture of criminal law : abstract of the dis. ... doctor of legal sciences / Far Eastern State University. Vladivostok, 2003.*
 24. Kupriyanova A. V. *On the issue of a culturological approach to the study of law* // *State power and local self-government*. 2016. № 10. P. 3–8.
 25. Mathieu B. *Is law against democracy?* M., 2021.

References

1. Federal Law № 53-FZ of June 1, 2005 (as amended on 28.02.2023) «On the State Language of the Russian Federation» // *Rossiyskaya Gazeta*. № 120. June 7, 2005.
2. Decree of the President of the Russian Federation of December 19, 2012 (as amended on 15.01.2024) «On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2025» // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. December 24, 2012. № 52. Art. 7477.
3. Decree of the President of the Russian Federation dated November 9, 2022 № 809 «On approval of the Foundations of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values» // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. November 14, 2022. № 46. Article 7977.
4. Resolution of the Supreme Soviet of the RSFSR of October 24, 1991, № 1801-1 «On the Concept of judicial reform in the RSFSR» // *Vedomosti of the Council of People's Commissars and the Supreme Council of the RSFSR*. October 31, 1991. № 44. Art. 1435.
5. Agutin A. V. *On the issue of external conditions for the formation of motivation in the implementation of criminal procedural activities* // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2012. № 2. P. 71–76.
6. Agutin A. V. *The value-semantic core and the liberal worldview of Russian criminal justice* // *Bulletin of Economic Security*. 2019. № 1. P. 46–52.
7. Adamenko I. E. *Criminal procedural activity : system-forming foundations and components : abstract of the dis. ... doc. of legal sciences*. Nizhny Novgorod, 2018.
8. Alekseev N. S., Daev V. G. *Criminal procedural*

26. Oxamytny V. V. Comparative jurisprudence : textbook. Moscow: KNORUS, 2023.
27. Panfilov P. O., Shishov V. V. Mutual support and confrontation of private and public interests during release from criminal liability // Bulletin of Economic Security. 2021. № 2. P. 196–201.
28. Pobedkin A. V. Justice of criminal proceedings as a condition of its legitimacy // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 1(69). P. 17–27.
29. Pobedkin A. V. The main provisions of the Criminal Procedure Code of Russia as a system of guarantees for the publicity of criminal proceedings : monograph. M. : Yurlitinform, 2024.
30. Pobedkin A. V. Criminal procedure: a state outside the law: a monograph. M. : Yurlitinform, 2013.
31. Pobedkin A. V. A fundamental mistake (why A.S. Pushkin should not have been ignored when adopting the Code of Criminal Procedure) // Modern criminal procedure law — lessons from history and problems of further reform. 2021. Vol. 2. № 1(3). P. 58–68.
32. Putin V. V. «Russia: The National Question» // URL: https://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html
33. Rossinsky S. B. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: the embodiment of the «high» purpose of the criminal procedure form or a «memo» for illiterate law enforcement officers? // Laws of Russia. 2021. № 6. P. 42–47.
34. Smirnov A. V. The adversarial process. St. Petersburg: Alpha, 2001.
35. What is the Taliban? The history of the Islamist organization // URL: <https://www.rbc.ru/base/31/10/2024/672366c49a7947441edb5746>
36. Esmen A. The basic principles of state law / op. by A. Esmen ; translated from French by N. Konchevskaya ; ed. and with a preface by M. M. Kovalevsky. M. : K. T. Soldatenkov, 1898–1899.
37. Adam Bachko. Taliban trials in Afghanistan : Waging War according to the Law (translated by Henry W. Randolph). Oxford, 2023.
38. Bonderman D. Modernization and changing perspectives in Islamic law // Harvard Law Review. № 81(6). 1968.
39. Lady Miryan. Power structures and comparative criminal procedure // Yale Law Journal. 1976. Vol. 84: 480.
40. Mardin E. The development of Sharia in the Ottoman Empire, in the book by Khadduri M. and Libesni H. «Law in the Middle East» (ed.). Washington, Middle East Institute, 1955.
41. Vogler Richard. The worldview of criminal justice. Ashgate, 2006.

Информация об авторе

П. О. Панфилов — доцент кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

P. O. Panfilov — Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 15.02.2025; одобрена после рецензирования 22.02.2025; принята к публикации 03.03.2025.

The article was submitted 15.02.2025; approved after reviewing 22.02.2025; accepted for publication 03.03.2025.

Научная статья

УДК 343.8

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-137-141>

EDN: <https://elibrary.ru/ilsqga>

НИОН: 2003-0059-2/25-274

MOSURED: 77/27-003-2025-02-473

Борьба с побегами из исправительно-трудовых лагерей и колоний в начале 1950-х годов

Юрий Григорьевич Пилявец

Псковский филиал Университета ФСИН России, Псков, Россия, ypilyavec@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются причины, способствовавшие совершению побегов из исправительно-трудовых лагерей и колоний в 1950–1951 гг.; характеризуются правовые акты, принимавшиеся для их предупреждения; анализируются проводившиеся организационные и оперативные мероприятия по снижению побеговой активности заключенных, оцениваются результаты этой деятельности.

Ключевые слова: ГУЛАГ, побег, МВД СССР, исправительно-трудовые лагеря и колонии, динамика побегов, побеговая активность заключенных, военизированная охрана, оперативная работа

Для цитирования: Пилявец Ю. Г. Борьба с побегами из исправительно-трудовых лагерей и колоний в начале 1950-х годов // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 2. С. 137–141. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-137-141>. EDN: ILSQGA.

Original article

Combating escapes from correctional labor camps and colonies in the early 1950s

Yury G. Pilyavets

University of the Federal Penitentiary Service of Russia (Pskov branch), Pskov, Russia, ypilyavec@mail.ru

Abstract. The reasons contributing to the escapes from correctional labor camps and colonies in 1950–1951 are considered; the legal acts adopted for their prevention are characterized; the organizational and operational measures taken to reduce the escape activity of prisoners are analyzed, the results of this activity are evaluated.

Keywords: GULAG, escape, Ministry of Internal Affairs of the USSR, correctional labor camps and colonies, escape dynamics, escape activity of prisoners, paramilitary security, operational work

For citation: Pilyavets Yu. G. Combating escapes from correctional labor camps and colonies in the early 1950s. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(2):137–141. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-137-141>. EDN: ILSQGA.

Начало 1950-х гг. в отечественной пенитенциарной системе характеризуется постепенным снижением побеговой активности заключенных, пик которой пришелся на 1948 г., когда из исправительно-трудовых лагерей и колоний (далее — ИТЛ, ИТК) бежало 22 540 человек, в 1950 г. — 10 840 [1, с. 137].

Уменьшение количества беглецов стало результатом активной противопобеговой деятельности пени-

тенциарного персонала, в том числе по улучшению организации надзора за лицами, склонными к совершению побегов в соответствии с директивой МВД СССР № 113-50 г., а также перевод в тюрьмы злостных нарушителей режима и преступников, совершивших побег осуществлявшийся в соответствии с приказом МВД СССР № 00721-50 г. По состоянию на 10 февраля 1951 г. в тюрьмы был переведен 1041 преступник, а на

© Пилявец Ю. Г., 2025

1 сентября этого года уже 10 876 [2, л. 177].

Положительный эффект в достижение отрицательной динамики побегов дала активизация агентурно-осведомительской работы бригад содействия военизированной охране, созданных в 1948 г. с целью получения оперативной информации о побеговых настроях в среде заключенных, о маршрутах побегов и местах, где могли скрываться бежавшие. На основе полученных сведений было предотвращено 1843 побега, выявлено 658 подкопов [3, л. 143].

Усилилось уголовное преследование беглецов. В 1950 г. за совершение данного преступления было осуждено 7 484 человека [4, л. 35].

Вместе с тем, несмотря на определенные успехи, ситуация в целом оставалась очень напряженной. Наиболее неблагоприятными в 1950 г. являлись Севостлаг, где было допущено 576 побегов, не задержано 89 человек, Цимлянский ИТЛ — 205 побегов и 66 человек, Южкузбаслаг — 145 побегов и 16 человек, Ангарлаг — 142 побега и 16 человек, Калачевский ИТЛ — 74 побега и 22 человека, Кунеевский ИТЛ — 81 побег и 17 человек, Кизеллаг — 108 побегов и 7 человек, ИТЛ «Строительство» № 16 — 92 побега и 16 человек, Севкузбаслаг — 92 побега и 12 человек, УИТЛК МВД Грузинской ССР — 117 побегов и 35 человек, УИТЛК МВД Украинской ССР — 57 побегов и 15 человек [4, л. 30].

К числу наиболее неблагоприятных относился и Обский ИТЛ, из которого было совершено 32 побега, в том числе 9 групповых. Самый крупный из них произошел 4 октября 1950 г., когда из лагерного пункта строгого режима № 59, разоружив охрану, бежало 53 заключенных.

Как правило, пик побегов приходился на летние месяцы. Например, в Енисейском ИТЛ за первое полугодие 1950 г. было допущено всего 37 побегов, из них 18 — в июле. За 20 дней августа произошло еще 18 побегов, в том числе 2 групповых и один вооруженный.

Большим оставалось количество побегов из строгорегимных лагерей. За 1950 г. из особых лагерей, в которых содержались наиболее опасные государственные преступники, было совершено 50 побегов.

Основной причиной, способствовавшей совершению побегов, являлся человеческий фактор, проявлявшийся в нарушениях в организации службы, халатном отношении к исполнению должностных обязанностей со стороны личного состава охраны, надзорслужбы, оперативных подразделений. В циркуляре № 9/21-51 г., подписанном начальником ГУЛАГа генерал-лейтенантом И. И. Долгих, отмечалось, что основными причинами побегов являются небдительное несение службы, плохое взаимодействие оперативного состава

с негласным аппаратом, неудовлетворительная реализация полученной информации, отсутствие индивидуальной профилактической работы с лицами, склонными к побегу [5, л. 12].

Приведем несколько наиболее типичных примеров. В начале декабря 1950 г. в особом лагере № 2 (Горный ИТЛ с центром в г. Норильске), была выявлена группа особо опасных преступников, подготавливавших побег. В результате обысков были выявлены и изъяты пистолет иностранного производства с 49 патронами, гладкоствольное ружье и 450 зарядов к нему, взрывчатые вещества, карты Красноярского края, финские ножи, 40 кг продуктов питания [6, л. 299–300].

Очевидно, что созданию такого арсенала способствовали существенные недостатки в оперативной работе, отсутствие должного надзора со стороны надзирательского состава, неудовлетворительное проведение обысковых мероприятий.

В данном случае преступление было пресечено на стадии приготовления и обошлось без жертв. Однако так было далеко не всегда, и порой за допущенные нарушения приходилось расплачиваться кровью. Так, в марте 1951 г. трое преступников разоружили конвой, убили 3 человек и совершили побег из Ухтижемлага. В мае 1951 г. в этом же лагере при побеге 5 заключенных был убит лейтенант ВОХР. 10 июня 1951 г. 9 особо опасных преступников совершили вооруженный побег, во время которого, от их рук, погибли стрелок и офицер охраны [5, л. 92].

Во всех этих случаях, оперативники и надзиратели имели информацию о подготовке побегов, но упреждающих мер не приняли, что привело к человеческим жертвам.

В феврале 1951 г. из УИТЛК УМВД по Амурской области 4 особо опасных преступника, убив одного из охранников, совершили побег из необорудованной машины [5, л. 91]. В этом случае были нарушены ведомственные инструкции, запрещавшие перевозку заключенных на подобном автотранспорте.

11 апреля 1951 г. из центрального следственного изолятора Каргопольлага посредством подкопа бежали 6 заключенных. Побег был обнаружен только через 10 часов, поскольку дежурство надзорсостава в этом СИЗО организовано не было, камеры ежедневно не осматривались, наличие спецконтингента регулярно не проверялось. Совершению преступления способствовало и то, что забор вокруг СИЗО был очень ветхий и не ремонтировался на протяжении длительного времени [5, л. 93]. Таким образом, налицо ряд грубейших нарушений установленных требований.

В ИТЛ Омкстроя рецидивист Томасов организо-

вал группу из 6 человек для подготовки побега, однако благодаря информации, полученной оперативным путем, группа была выявлена и преступление предотвращено. Оперативному работнику было дано указание взять Томасова на особый контроль и постоянное агентурное наблюдение, что сделано не было. Через непродолжительное время указанный заключенный организовал новую группу и совершил побег [5, л. 95].

В ОЛП-1 УИТЛК УМВД по Амурской области 6 заключенных после отбоя произвели замыкание проводов и, лишив зону освещения, бежали. Несмотря на внезапное отключение освещения, ни командир дивизиона охраны, ни начальник лагерного пункта не организовали проверку наличия всех заключенных, и побег был выявлен лишь спустя 13 часов. В данном случае оперативным сотрудником информация о подготовке побега до соответствующих должностных лиц была доведена заблаговременно, однако необходимые меры приняты не были [5, л. 96].

Фактором, способствовавшим совершению побегов, являлись имевшие место в данный период массовые нарушения уставных правил несения службы лицами, осуществляющими охранно-конвойные функции. Например, в ИТЛ «Строительство № 16» только в первом отряде охраны (всего имелось три отряда) за первый квартал 1951 г. было допущено 145 снов на посту, 16 случаев самовольного оставления поста. В нарушение приказа МВД СССР № 0097-51 г. допускалось конвоирование заключенных колонной до 3 000 человек [7, л. 113]. В результате за 1950 г. и первый квартал 1951 г. из этого лагеря бежали 132 заключенных.

Руководство ГУЛАГа в распоряжении № 276-51 г. потребовало от министров внутренних дел республик, начальников УМВД по краям и областям, начальников ИТЛ принять решительные меры к улучшению агентурно-оперативной работы по предупреждению побегов и бандитизма.

23 апреля 1951 г. приказом № 0276 в целях усиления контроля со стороны ГУЛАГа за выполнением на местах приказов и директив МВД СССР при начальнике ГУЛАГа была создана инспекторская группа из 12 наиболее опытных сотрудников. За каждым из них закреплялись наиболее проблемные ИТЛ, работа которых проверялась с выездом на место. О выявленных проблемах и недостатках инспектора докладывали непосредственно начальнику Главного управления или его первому заместителю, непосредственно руководивших работой этой группы.

С целью изучения реального состояния дел и выработки конкретных мероприятий по улучшению деятельности в соответствии с распоряжением МВД

СССР от 8 мая 1951 г. № 490 «О проверке комиссиями МВД СССР состояния режима содержания и охраны заключенных в лагерях и колониях МВД» в 48 неблагополучных ИТЛ были отправлены инспекционные бригады [3, л. 142], которые должны были оценить:

состояние режима содержания и охраны заключенных, агентурно-оперативной работы по предупреждению побегов, бандитских проявлений, нарушений лагерного режима;

знание личным составом подразделений охраны, надзорслужбы и оперативных аппаратов положений основных нормативных актов, регламентирующих несение службы, своих должностные обязанности и действий в различных чрезвычайных ситуациях, наличие соответствующих планов и инструкций;

расстановку сотрудников отделов режима и оперативной работы, штабов, частей и подразделений охраны, а также состояние служебной дисциплины личного состава этих подразделений.

В результате проведенной работы комиссия выявила серьезные недостатки в проверенных лагерях. Так, в ряде ИТЛ не были разработаны планы ближнего и дальнего розыска, не создана система оповещения о побеге, не было организовано взаимодействие с местным населением, милицией. Посылаемые в розыск стрелки не знали методов этой работы и зачастую проваливали операции по поимке бежавших преступников. Например, комиссии, работавшие в 1951 г. в Усольском и Кизеловском ИТЛ, отмечали, что наиболее слабым местом в этих лагерях «является организация розыска бежавших преступников по горячим следам» [8, л. 7].

Офицерский состав штабов плохо знал функциональные обязанности, нормативные акты, регламентирующие службу. Должностные лица, ответственные за проведение инструктажей служебных нарядов и караулов, зачастую проводили их формально либо перепоручали сержантскому составу. Системный контроль за несением службы организован не был. Проверки проводились эпизодически, без детального разбора выявленных недостатков. В полной мере это касалось строгорегимных лагерей. Например, в особом лагере «Береговой» и Чаун-Чукотском ИТЛ Дальстроя в первом полугодии 1951 г. из 13 506 наряженных караулов начальниками отделов было проверено несение службы 7 караулами, заместителями начальника штаба — 2, командирами отрядов — 49, прочими офицерами — 77 [9, л. 142]. Таким образом, общее количество проверок составило менее 1 % от количества наряженных караулов.

Неудовлетворительно были организованы занятия с рядовым и сержантским составом. В обзоре о со-

стоянии боевой и оперативно-служебной подготовки личного состава ВОХР за 1952 г., составленной по материалам проверок, отмечалось, что инспектирование 65 % лагерей и колоний выявило, что плохо или посредством владеют оружием 67 % стрелков охраны [10, л. 4]. Это было закономерным итогом того, в ряде подразделений практические стрельбы не проводились годами, либо проводились крайне редко.

Комиссии, работавшие в лагерях, обратили внимание на плохую организацию оперативно-профилактической работы, особенно противобеговой. Из негласного аппарата в Кизеллаге работало не более 30 %, а из членов бригад содействия — еще меньше. Осведомление было некачественным, большая часть получаемой информации представляла собой мало-важные сведения, не имеющие оперативной ценности.

Причины такого положения, по мнению проверяющих, являлся количественный и качественный некомплект оперативных работников, неудовлетворительное руководство их работой.

В актах проверки обращалось внимание руководства ГУЛАГа на неукомплектованность ВОХР, особенно в отдаленных северных лагерях, что являлось одной из основных причин большого количества побегов из этих ИТЛ. Так, в лагерях Дальстроя из-за значительного кадрового некомплекта личного состава охраны зоны отдельных лагерных подразделений не охранялись вообще или охранялись одним постом и только в ночное время [11, л. 25].

Места работы спецконтингента часто не были ограждены. В нарушение установленных требований заключенные выводились на работу крупными партиями до 100 человек в сопровождении лишь нескольких конвоиров, порой в неблагоприятных погодных условиях (снег, пурга и тому подобное), не позволявших обеспечить надежную охрану.

В 1951 г. по мере обобщения результатов проведенных проверок МВД СССР и ГУЛАГом был издан ряд нормативных актов, направленных на устранение выявленных недостатков. Так, приказами МВД № 0097 и № 00235 были определены мероприятия по организационному укреплению охраны, режима и изоляции заключенных, усилению борьбы с побегами, приказом № 0316 — порядок содержания осужденных по групповым делам, приказом № 0218 — утверждена инструкция по организации конвоирования водным транспортом, а приказом № 0258 — инструкция о порядке перевозок заключенных транспортом исправительно-трудовых лагерей и колоний; приказ № 0113 — утвердил мероприятия по улучшению организации службы на вахтах и контрольных постах, обеспечивающих пропускной режим.

Вопросы улучшения оперативной работы рассматривались в циркуляре ГУЛАГа № 9/21 и распоряжении № 276, учета и розыска бежавших преступников — в циркуляре ГУЛАГа № 9/26, оборудования зон охраняемыми сооружениями — в циркуляре ГУЛАГа № 9/39. Распоряжение ГУЛАГ № 823 потребовало от режимно-оперативных отделений лагерей и колоний в месячный срок завести персональные учетно-наблюдательные дела на заключенных склонных к побегу и активный уголовно-бандитствующий элемент.

Во исполнение принятых решений в территориальных органах и учреждениях был реализован ряд организационных и практических мероприятий. В частности, разработана и внедрена двухлинейная система охраны жилых и производственных зон ночью; приняты меры для улучшения взаимодействия с местным населением, отделами внутренних дел, Главным управлением борьбы с бандитизмом. В большинстве лагерей и колоний на каждый охраняемый объект была разработана необходимая оперативно-служебная документация. Улучшилась работа с бригадами содействия. Были приняты меры по улучшению контроля несения службы, организации служебной подготовки рядового, сержантского и офицерского состава.

Работа по снижению побеговой активности заключенных, проведенная в 1950–1951 гг., дала положительные результаты. Количество лиц, совершивших побег в 1951 г. снизилось до 7 401 человека, уменьшившись по сравнению с 1950 г. более чем на 30 % и в 3 раза, чем в 1948 г.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что в начале 1950-х гг. шла интенсивная работа по выявлению и устранению причин, способствовавших совершению побегов из ИТЛ и ИТК. В результате чего удалось добиться значительного уменьшения побеговой активности заключенных. Вместе с тем в ряде исправительно-трудовых лагерей и колоний ситуация с побегами оставалась очень сложной.

Список источников

1. Уголовно-исполнительная система, 125 лет / под общ. ред. Ю. Я. Чайки. М. : Объединенная редакция УИС Минюста России, 2004.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2565.
3. Государственный архив РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 326.
4. Государственный архив РФ. Ф. 9414. Оп. 3. Д. 112.
5. Государственный архив РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 599.
6. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-

- х – первая половина 1950-х годов : собрание документов : в 7 т. Т. 4. Население ГУЛАГа: численность и условия содержания / отв. ред.: А. Б. Безбородов, В. М. Хрусталеv ; сост.: И. В. Безбородова (отв. сост.), В. М. Хрусталеv. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.
7. Государственный архив РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 490.
 8. Государственный архив РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 416.
 9. Государственный архив РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 492.
 10. Государственный архив РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 600.
 11. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 136. Д. 289.
- References**
1. Criminal-executive system, 125 years / under the general editorship of Yu. Ya. Chaika. Moscow : United editorial office of the UIS Ministry of Justice of Russia, 2004. 288 p.
 2. State Archives of the Russian Federation (GA RF). F. 9414. Op. 1. D. 2565.
 3. State Archive of the Russian Federation. F. 9414. Op. 1. D. 326.
 4. State Archive of the Russian Federation. F. 9414. Op. 3. D. 112.
 5. State Archive of the Russian Federation. F. 9414. Op. 1. D. 599.
 6. History of Stalin's GULAG. Late 1920s – first half of the 1950s : collection of documents : in 7 volumes. V. 4. Population of the GULAG: numbers and conditions of detention / Responsible editors: A. B. Bezborodov, V. M. Khrustalev; compiled by I. V. Bezborodova (responsible compiler), V. M. Khrustalev. Moscow : Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2004. 624 p.
 7. State Archive of the Russian Federation. F. 9414. Op. 1. D. 490.
 8. State Archive of the Russian Federation. F. 9414. Op. 1. D. 416.
 9. State Archive of the Russian Federation. F. 9414. Op. 1. D. 492.
 10. State Archive of the Russian Federation. F. 9414. Op. 1. D. 600.
 11. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). F. 17. Op. 136. D. 289.

Информация об авторе

Ю. Г. Пилявец — кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

Yu. G. Pilyavets — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 11.02.2025; одобрена после рецензирования 22.02.2025; принята к публикации 05.03.2025.

The article was submitted 11.02.2025; approved after reviewing 22.02.2025; accepted for publication 05.03.2025.

Научная статья

УДК 342

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-142-145>

EDN: <https://elibrary.ru/iemldo>

НИОН: 2003-0059-2/25-275

MOSURED: 77/27-003-2025-02-474

Особенности осуществления контроля за иностранными гражданами в сфере трудовых отношений в современной России

Анатолий Семенович Прудников

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, tanya_198307@mail.ru

Аннотация. Раскрываются вопросы контроля со стороны публичной власти за иностранными гражданами в рамках трудовых отношений занятости (работа на интернет-платформах, временная работа и т. д.), представляющие собой важнейшую сферу трудовых отношений. Рассмотрены механизмы контроля, предложены меры по его совершенствованию, а также проведен анализ действующего законодательства в области регулирования миграции и труда иностранных граждан на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: публичная власть, трудовая миграция, нестандартные формы занятости, контрольно-надзорная деятельность

Для цитирования: Прудников А. С. Особенности осуществления контроля за иностранными гражданами в сфере трудовых отношений в современной России // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 2. С. 142–145. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-142-145>. EDN: IEMLD0.

Original article

Peculiarities of control over foreign citizens in the sphere of labor relations in modern Russia

Anatoly S. Prudnikov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, tanya_198307@mail.ru

Abstract. The issues of control by public authorities over foreign citizens in the framework of labor employment relations (work on Internet platforms, temporary work, etc.) representing the most important sphere of labor relations are disclosed. The mechanisms of control are considered, measures to improve it are proposed, as well as the current legislation in the field of regulation of migration and labor of foreign citizens in the Russian Federation is analyzed.

Keywords: public authority, labor migration, forms of employment, control and supervisory activities

For citation: Prudnikov A. S. Peculiarities of control over foreign citizens in the sphere of labor relations in modern Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(2):142–145. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-142-145>. EDN: IEMLD0.

Технологическое обеспечение играет ключевую роль в совершенствовании системы учета и контроля за иностранными гражданами, занятыми в нестандартных формах занятости. Внедрение современных информационных систем и платформ позволит автоматизировать процессы регистрации, мониторинга и

ответности, что существенно повысит эффективность управления. Разработка и внедрение электронных систем учета создадут условия для простого и удобного процесса подачи уведомлений и отчетов как для работников, так и для работодателей.

Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ

© Прудников А. С., 2025

«О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» регулирует правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства, определяет порядок их въезда, пребывания и работы на территории Российской Федерации.

Согласно положениям ст. 13 Федерального закона № 115-ФЗ можно выделить следующие категории иностранных граждан, которые могут работать без разрешения на работу или патента:

- постоянно или временно проживающие в России иностранные граждане (временно пребывающие и проживающие иностранные граждане могут работать только в тех регионах, где им выдано разрешение);
- участники государственной программы по добровольному переселению соотечественников;
- аккредитованные при МИД РФ журналисты;
- студенты российских учебных заведений, работающие в период каникул или в свободное от учебы время;
- иностранцы, работающие в рамках межгосударственных соглашений;
- дипломаты и сотрудники международных организаций;
- члены экипажей морских, речных и воздушных судов;
- работники, приглашенные для ведения педагогической деятельности;
- лица, работающие в религиозных организациях.

Работодатели обязаны получать разрешение на привлечение иностранных работников, за исключением вышеупомянутых категорий, а также должны уведомлять подразделения по вопросам миграции о приеме и увольнении иностранных граждан. Особыми случаями выступают специальные правила для организаций, привлекающих иностранных граждан для выполнения работ, связанных с организацией крупных международных мероприятий, а также привлечение иностранных граждан в рамках межгосударственных соглашений и договоров.

Если обратиться к содержанию Трудового кодекса Российской Федерации, то он регулирует трудовые отношения между иностранными гражданами и российскими работодателями. В ст. 327.1 определены права и обязанности сторон трудового договора [2].

В Постановлении Правительства РФ от 23 августа 2021 г. № 1390 «О порядке принятия решения о нежелательности пребывания иностранных граждан в Российской Федерации» определен порядок принятия решений о нежелательности пребывания (проживания) иностранных граждан в Российской Федерации.

Решения принимаются уполномоченными органами в течение месяца с момента выявления обстоятельств, являющихся основанием для таких решений.

Основным предлагаемым изменением в данном контексте является разработка ст. 327.8: «Особенности трудового договора с иностранными гражданами, занятыми в нестандартных формах занятости»:

- 1) описание занятости. Ввести определение нестандартных форм занятости, включая фриланс и удаленную работу;
- 2) заключение трудового договора. Установить обязательные элементы трудового договора для иностранных граждан в нестандартных формах занятости. Это включает описание характера работы, сроков выполнения задач, режима рабочего времени и отдыха, а также ответственности сторон;
- 3) регистрация и отчетность. Обязать работодателей регистрировать иностранных работников, занятых в нестандартных формах занятости, в соответствующих государственных органах. Работодатели должны предоставлять регулярные отчеты о таких работниках, включая сведения о количестве работников, характере их занятости и продолжительности работы;
- 4) социальные гарантии и защита прав. Определить права иностранных работников на социальные гарантии, включая медицинское страхование, отпускные и больничные выплаты. Установить механизмы защиты прав таких работников, в том числе возможность обращения в суды и другие органы для разрешения трудовых споров;
- 5) контроль и ответственность работодателей. Необходимо определить набор санкций за несоблюдение таких норм, включая административные штрафы и другие воздействия.

Требуется также внесение корректив в существующее законодательство. Например, необходимо изменить ст. 327.1, чтобы ее положения распространялись и на иностранных граждан, работающих в гибких условиях. В ст. 327.2 следует указать обязательные требования к договорам с иностранными сотрудниками, занятыми удаленно или в качестве фрилансеров, включая уточнение о характере работы.

Для улучшения контроля и регулирования нестандартных форм занятости иностранных граждан, требуется внести изменения в текущие законы. Прежде всего, Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ должен содержать положения, обеспечивающие социальную защиту иностранных работников, особенно тех, кто работает дистанционно.

Важно разработать специальные образовательные

программы и информационные ресурсы. Такая инициатива поможет иностранным гражданам лучше ориентироваться в российском трудовом законодательстве. В эту программу стоит включить обязательные курсы по трудовому и налоговому законодательству, что повысит знание иностранных работников о их правах и обязанностях.

Необходимо также гарантировать доступ иностранцев к социальному страхованию и другим социальным услугам. Это достижимо через обязательные взносы в социальные фонды, что обеспечит им права и гарантии. Уплата этих взносов не только сделает их трудовую деятельность более прозрачной, но и повысит социальную защищенность, способствуя интеграции в общество и экономику России.

Дополнительно следует рассмотреть возможности упрощения процедур получения разрешений и документов, необходимых для работы и проживания в России. Это могло бы сделать страну более привлекательной для иностранных специалистов и стимулировать экономический рост. Разработка программ поддержки и адаптации для иностранных работников также сможет способствовать установлению более устойчивых социальных связей внутри сообщества.

Целесообразно также развивать информационные ресурсы и консультационные центры, которые будут служить поддержкой для иностранных работников. Такие центры могут включать в себя онлайн-платформы для получения информации, горячие линии для срочных вопросов и физические офисы для личных консультаций. В этих центрах иностранные работники смогут получить необходимые разъяснения по вопросам трудового законодательства, налогообложения и социального страхования. Предоставление такой поддержки не только способствует более быстрому и успешному привыканию к законодательным требованиям, но и повышает общий уровень социальной защищенности работников.

Дополнительно можно рассмотреть возможность проведения регулярных вебинаров и открытых лекций с участием экспертов в области трудового и миграционного законодательства. Такие мероприятия помогут не только в обучении, но и в формировании сообщества, где иностранные работники смогут обмениваться опытом и поддерживать друг друга.

В настоящее время в Трудовом кодексе Российской Федерации описаны основные права и обязанности работников, включая иностранных граждан, однако регулирование нестандартных форм занятости, как можно увидеть, не получает должного внимания. Введение специальных положений для иностранных работников

в нестандартных формах занятости поможет создать более прозрачную и управляемую правовую основу.

Поскольку существующая ситуация в экономическом секторе сопровождается процессом формирования теневой части экономики и уклонением от налогообложения со стороны работодателей, все чаще предпочитающих конвертную систему выплаты заработной платы и иные не предусмотренные законом способы снижения налоговой нагрузки, а также использования фирм-однодневок, формально обещающих, но фактически не выполняющих обязательства по легальному оформлению и трудоустройству трудовых мигрантов.

В связи с этим необходимо внести изменения в ст. 20 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», [3] в частности:

- включить положение о необходимости регистрации для иностранных граждан, занятых в удаленной работе или фрилансе;
- установить обязательства работодателей или заказчиков, нанимающих иностранных граждан, по предоставлению информации в миграционные органы об осуществляемой трудовой деятельности;
- включить в ст. 23 дополнительные требования для уведомления о прибытии иностранного гражданина, работающего удаленно. Уведомление должно содержать информацию о характере работы и местонахождении основного работодателя или заказчика.

В заключение следует отметить, что внесение указанных и иных изменений в действующее законодательство Российской Федерации позволит создать более прозрачную и управляемую систему регулирования труда иностранных граждан, занятых в нестандартных формах занятости, и обеспечит защиту их прав и социальных гарантий.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 7 января 2002. № 1 (часть I). Ст. 3.
3. Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-

- ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 109. Ст. 3285
4. Сорока Е. Аналитические материалы в сфере нетрадиционных форм занятости. Санкт-Петербург, 2024.

Bibliographic list

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 30.12.2008 № 6-FKZ, dated 30.12.2008 № 7-FKZ, dated 05.02.2014 № 2-FKZ, dated 21.07. 2014 № 11-FKZ) // LRS «ConsultantPlus».
2. Labor Code of the Russian Federation of December 30, 2001, № 197-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. January 7, 2002. № 1 (Part I). Art. 3.
3. Federal Law of July 18, 2006, № 109-FZ «On migration registration of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. № 109. Art. 3285.
4. Soroka E. Analytical materials in the sphere of non-traditional forms of employment. St. Petersburg, 2024.

Информация об авторе

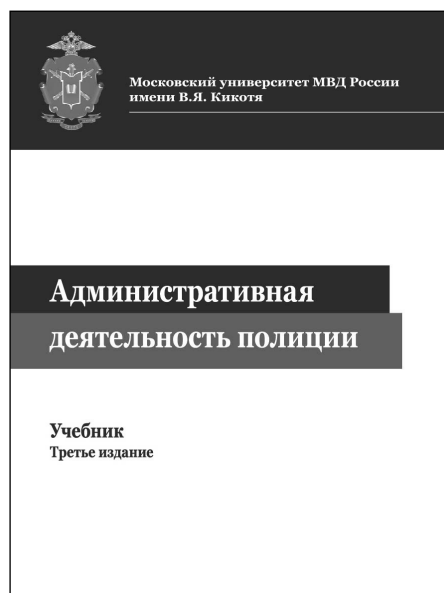
А. С. Прудников — профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России.

Information about the author

A. S. Prudnikov — Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Russia.

Статья поступила в редакцию 17.12.2024; одобрена после рецензирования 22.02.2025; принята к публикации 05.03.2025.

The article was submitted 17.12.2024; approved after reviewing 22.02.2025; accepted for publication 05.03.2025.

Административная деятельность полиции. Учебник. Под ред. О.В. Зиборова, В.В. Кардашевского. 3-е изд., перераб. и доп. 703 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Учебник подготовлен с учетом фундаментальных положений теории административного права на основе действующего законодательства.

Раскрываются понятие, содержание, принципы, формы и методы административной деятельности полиции по реализации целей и задач, возлагаемых на нее Федеральным законом «О полиции».

Особое внимание уделяется вопросам контрольно-надзорной и административно-юрисдикционной деятельности полиции. Рассматриваются основные аспекты деятельности служб и подразделений полиции по защите жизни, здоровья, прав и свобод человека, охране общественного порядка и общественной безопасности.

Для студентов, аспирантов (адъюнктов), курсантов и слушателей образовательных учреждений системы МВД России юридического профиля, преподавателей юридических вузов и факультетов, юристов-практиков.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-146-151>

EDN: <https://elibrary.ru/hyjtvh>

НИОН: 2003-0059-2/25-276

MOSURED: 77/27-003-2025-02-475

Обязательство в английском праве

Андрей Владимирович Рыжик^{1,2}

¹ Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Москва, Россия, aspirant8381@mail.ru

² Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Смоленск, Россия

Аннотация. Рассматривается понятие «обязательство», известное исключительно континентальному гражданскому праву. На примере гражданского права Англии анализируются особенности модели натурального обязательства (natural obligation), характерной для права стран англо-саксонской правовой системы. Детально прослеживается история развития института натуральных обязательств в английском праве.

Ключевые слова: обязательство, английское право, система, исполнение договоров, исследование, регулирование, взаимоотношение

Для цитирования: Рыжик А. В. Обязательство в английском праве // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 2. С. 146–151. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-146-151>. EDN: HYJTVH.

Original article

Obligation in English law

Andrey V. Ryzhik^{1,2}

¹ Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia, aspirant8381@mail.ru

² Smolensk branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Smolensk, Russia

Abstract. A concept of «obligation» known exclusively to continental civil law is being considered. Using the example of English civil law, the article analyzes the features of the natural obligation model, which is characteristic of the law of the countries of the Anglo-Saxon legal system. The issue of the history of the development of the institution of natural obligations in English law is discussed in detail.

Keywords: obligation, English law, system, contract execution, research, regulation, relationship

For citation: Ryzhik A. V. Obligation in English law. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(2):146–151. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-146-151>. EDN: HYJTVH.

Обязательство (obligation) в английском праве представляет собой юридическую связь между двумя или более лицами, в силу которой одна сторона (должник, obligor) обязана совершить в пользу другой стороны (кредитора, obligee) определенные действия или воздержаться от их совершения. Дж. Джонс отметил: «Основным источником обязательств в английском праве является контракт (contract), однако они могут возникать и из деликтов (torts), квазикон-

трактов (quasi-contracts) и справедливых обязательств (equitable obligations)» [10].

Обязательства занимают центральное место в английском праве и охватывают широкий спектр правовых отношений, включая договорные обязательства, возникающие из соглашений между сторонами; деликтные обязательства, возникающие вследствие причинения вреда; а также обязательства, основанные на принципах несправедливого обогащения, которые

требуют возврата неправомерно полученного имущества или компенсации за необоснованное обогащение за счет другого лица. Эти категории обязательств формируют основу частного права и обеспечивают баланс интересов участников гражданского оборота. Развитие института обязательств в английском праве является результатом многовековой эволюции юридической системы, обусловленной изменениями в обществе, экономике и государственном устройстве. Современные тенденции включают усиление защиты прав потребителей, регулирование электронной коммерции, а также внедрение новых правовых механизмов для разрешения споров, таких как альтернативные способы урегулирования (ADR — alternative dispute resolution).

Э. Джэнкс обозначил: «Английское право имеет долгую и сложную историю, начало которой можно отнести к нормандскому завоеванию в 1066 году, когда Вильгельм Завоеватель завоевал Англию» [2]. Это событие положило начало формированию норманнского права, которое существенно повлияло на систему обязательств.

В первые века существования англосаксонского правопорядка обязательства основывались на *customary law* (обычном праве), и основным источником обязательств было право собственности и защита личных интересов. Проблемы, связанные с долгами и недоимками, также находили отражение в этих ранних правовых нормах, но они носили в основном ограниченный и локальный характер.

Нормандский период и установление феодальной системы привели к кодификации норм и укреплению правопорядка. Система феодального обязательства, основанного на отношениях вассалитета, была важной частью средневекового английского права. Эти обязательства основывались на клятвах верности и поддержке между феодалом и вассалом.

Р. О. Халфина отметила: «В период Средневековья в Англии развивается система *common law* (общее право), основанная на судебных прецедентах» [6].

Важным этапом стало формирование судебных исков, таких как иск о нарушении обязательств, иск о долге, а также формирование обязательств по контрактам. В XIII–XIV вв. английские суды начали развивать свою практику на основе предыдущих судебных решений, создавая систему прецедентов. Это позволило обеспечить правовую стабильность и определенность, а также закрепить правовые обязательства, возникающие из различных ситуаций. Например, в тот период активно развивались обязательства, возникающие из нарушений соглашений, а также обязательства, связанные с деликтами (незаконными действиями). С развитием экономики в Средние века увеличивается число сделок, заключаемых на основе частных соглашений, что приводит к усилению значимости договорных обязательств. Английские суды начинают более активно рассматривать вопросы о нарушении догово-

ров, компенсации ущерба и исполнении обязательств.

«Период *Ренессанса и Реформации* значительно повлиял на развитие английского права. В это время происходит дальнейшее укрепление системы общего права и расширение числа дел, связанных с обязательствами» [12].

В частности, большое внимание уделяется обязательствам, возникающим на основе гражданских договоров, а также деликтным обязательствам, которые регулируют вопросы возмещения вреда. Гражданские договоры в этот период становятся основным инструментом регулирования имущественных отношений, что особенно заметно в сфере торговли и предпринимательской деятельности. Деликтные обязательства, в свою очередь, охватывают широкий спектр нарушений, связанных с причинением ущерба личности или имуществу, и играют важную роль в становлении системы правовой ответственности. В XVI–XVII вв. начинается активное использование права по защите интересов частных лиц, что способствует не только расширению практики договорных и внедоговорных обязательств, но и совершенствованию правоприменения. Судебные инстанции все чаще рассматривают дела, касающиеся исполнения обязательств, защиты имущественных прав и возмещения вреда, что ведет к формированию более четких правовых норм. Одновременно происходит развитие концепции добросовестности в исполнении договорных обязательств, что становится важным элементом правовой культуры. «Этот процесс тесно связан с активным развитием торговли, становлением современного рынка и появлением первых форм капитала» [5].

Рост объема торговых операций, увеличение числа предпринимателей и усложнение финансовых отношений приводят к появлению новых типов обязательств, связанных с займами, кредитами, страхованием и платежными обязательствами. Возникают механизмы обеспечения исполнения обязательств, такие как залог, поручительство и векселя, что способствует стабилизации экономического оборота. Таким образом, в XVI–XVII вв. английское право начинает активно адаптироваться к новым экономическим реалиям, создавая прочную основу для дальнейшего развития обязательственного права.

В исследованиях А. Уотсон отмечено: «На этом этапе английские суды начали разрабатывать принципы, регулирующие нарушение обязательств по договорам, и начали выделять различные виды обязательств: обязательства по сделкам с недвижимостью, обязательства по купле-продаже, обязательства по займам и другим финансовым операциям» [15].

С началом промышленной революции в XVIII в. английская правовая система претерпела значительные изменения. Развитие коммерции и промышленности привело к росту числа обязательств, связанных с бизнесом и финансовыми операциями. Появились новые формы обязательств, таких как долговые обя-

зательства, страхование, обязательства, возникающие из актов правительства. В XIX в. процесс стандартизации обязательств продолжается, появляются новые типы договоров, регулирующих торговые и коммерческие отношения, а также обязательства, связанные с трудовыми правами. Одним из значительных изменений стало расширение применения контрактов с участием компаний и организаций, что оказало значительное влияние на юридическую практику. В этот период большое внимание уделяется развитию правовых норм, регулирующих обязательства по займам и кредитам, а также обязательства в коммерческом праве, что способствует росту числа судебных дел, касающихся финансовых обязательств.

В XX в. английское право продолжало развиваться в направлении более детальной регламентации обязательств. Одним из важных этапов является принятие ряда законов, регулирующих коммерческие обязательства, права должников и кредиторов. Кроме того, началась работа по совершенствованию институтов *tort law* (деликтного права), которые касаются обязательств, возникающих в результате ненадлежащего поведения.

В работах Р. Циммерманна обозначено: «После Второй мировой войны в английском праве активно развиваются концепции обязательств, связанные с несправедливым обогащением (*unjust enrichment*)» [16]. Этот институт стал важной частью системы обязательств и ориентирован на компенсацию тех случаев, когда одна сторона незаконно получает выгоду за счет другой. Существенная роль в развитии этой концепции была отведена судебной практике и доктринам, разработанным в различных делах.

Кроме того, в XX в. активно развиваются нормы, касающиеся обязательств в контексте защиты прав потребителей, обязательств по трудовым договорам, а также обязательств, возникающих из интеллектуальной собственности.

Английское право в отличие от континентальной системы права не оперирует понятием общего института обязательств, а рассматривает их через призму конкретных категорий обязательств.

Представим виды обязательств в английском праве.

Договорные обязательства являются основным видом обязательств в английском праве. Они регулируются *Common Law* и законодательными актами, такими как *Law of Contract Act 1999* и *Sale of Goods Act 1979*.

Д. Шихан отметил: «Основные элементы договора: предложение (*Offer*) и акцепт (*Acceptance*), встречное удовлетворение (*Consideration*), юридическая сила намерений (*Intention to create legal relations*), способность заключать договор (*Capacity to contract*)» [13].

Законодательные акты: *Contracts (Rights of Third Parties) Act 1999* — устанавливает права третьих лиц

в договорных обязательствах, *Consumer Rights Act 2015* — защищает права потребителей в договорных обязательствах, *Sale of Goods Act 1979* — регулирует куплю-продажу товаров.

Английское право включает в себя широкий спектр деликтов, таких как небрежность (*negligence*), клевета (*defamation*), нарушение права собственности (*trespass*). Основным источником регулирования является *Tort Law*, который опирается на прецеденты.

Ключевые законодательные акты: *Defamation Act 2013* — регулирует вопросы защиты репутации, *Occupiers' Liability Act 1957* и *1984* — устанавливает ответственность владельцев недвижимости, *Consumer Protection Act 1987* — регулирует ответственность за вред, причиненный товарами.

А. А. С. Цукерман отметил: «*Квазиконтракты* возникают в ситуациях, когда обязательства налагаются судом на основании принципов справедливости (*equity*), даже если стороны не заключали формально-го договора» [17].

Основные случаи: *Unjust Enrichment* (необоснованное обогащение) — регулируется доктриной *restitution*, *Quantum Meruit* (оплата за фактически оказанные услуги) — применяется в отсутствие формального контракта.

Законодательная база: *Restitution Law* (развивается на основе прецедентного права), *Supreme Court Act 1981* — дает судам полномочия по вопросам реституции. Эти обязательства связаны с принципами справедливости и доверительного управления (*trusts*). Основным источником являются прецеденты и законодательные акты, регулирующие доверительное управление.

Основные принципы: *Fiduciary Duties* (фидуциарные обязанности) — применяются к доверительным управляющим, *Constructive Trusts* (конструктивные трасты) — создаются в интересах справедливости.

Законодательные акты: *Trustee Act 2000* — регулирует полномочия и обязанности доверительных управляющих, *Charities Act 2011* — регулирует деятельность благотворительных фондов.

Р. Биркс обозначил: «Исполнение обязательств в английском праве может происходить добровольно или быть обеспечено через судебное принуждение» [7]. В случае нарушения обязательств (*breach of obligations*) возможны следующие последствия:

Средства правовой защиты в английском праве играют ключевую роль в обеспечении справедливости и восстановлении прав сторон в случае нарушения обязательств. Среди них особое значение имеют уплата убытков (*damages*), исполнение в натуре (*specific performance*) и судебный запрет (*injunction*). Каждый из этих механизмов обладает своими особенностями, условиями применения и правовыми последствиями.

Уплата убытков (*Damages*) представляет собой основную вид санкции за нарушение договорных обяза-

тельств. Английское право рассматривает возмещение убытков как способ компенсировать потерпевшей стороне последствия нарушения, а не наказать виновного. Важнейший прецедент *Hadley v Baxendale* (1854) заложил основу принципа предсказуемости ущерба: суд постановил, что возмещению подлежат только те убытки, которые можно было разумно предвидеть как вероятные последствия нарушения договора. Это означает, что, если ущерб выходит за пределы стандартных ожиданий, пострадавшая сторона должна была заранее уведомить другую сторону о возможных рисках. Таким образом, система возмещения убытков в английском праве ориентирована на восстановление справедливого баланса между интересами сторон и предотвращение необоснованного обогащения пострадавшей стороны.

Исполнение в натуре (*Specific Performance*) представляет собой судебное предписание, обязывающее сторону выполнить свои обязательства по договору. Этот способ защиты применяется в тех случаях, когда денежная компенсация не является адекватной, например, при передаче уникального имущества, недвижимости или произведений искусства. В исследованиях А. А. Аракеяна отмечено «В деле *Veswick v Veswick* (1968) суд обязал исполнить договорное обязательство в натуре, несмотря на отсутствие личного интереса у истца в первоначальном соглашении» [18].

Решение в этом деле продемонстрировало, что исполнение в натуре может быть использовано для защиты прав третьих лиц, которым предоставлены выгоды по договору. Однако суды обычно осторожно применяют этот механизм и отказываются его использовать, если исполнение обязательства требует постоянного контроля или если его выполнение сопряжено с чрезмерными сложностями.

Судебный запрет (*Injunction*) является эффективным инструментом предотвращения или пресечения нарушений. Суд может вынести запрет на совершение определенных действий в ситуациях, когда денежное возмещение не способно защитить права пострадавшей стороны. Судебные запреты могут быть как временными (например, для предотвращения нарушения до рассмотрения дела по существу), так и постоянными. Их широко применяют в делах о нарушении интеллектуальной собственности, защите коммерческих тайн и недобросовестной конкуренции. Суд принимает во внимание баланс интересов сторон, и если запрет может причинить чрезмерный ущерб ответчику, суд может отказать в его применении.

Законодательные акты: «*Limitation Act 1980* — устанавливает сроки исковой давности, *Misrepresentation Act 1967* — регулирует ответственность за ложное представление информации» [9].

Представим примеры судебной практики.

Case 1: *Robinson v. Harman* (1848), Лондон. *Robinson v. Harman* — одно из знаковых дел, которое поставило

акцент на принципы обязательств в контексте нарушенных договоров. В этом деле суд постановил, что в случае нарушения договора ущерб должен быть оценен исходя из реальной стоимости того, что сторона потеряла, а не просто в денежном эквиваленте. Суд решил, что основной принцип обязательства в договорных отношениях заключается в компенсации ущерба, который стороной была понесена в результате нарушения соглашения. «Этот прецедент важен тем, что установил практическое применение компенсации ущерба и привел к более четкому пониманию принципов «damages» в английском праве» [14].

Case 2: *Poussard v. Spiers* (1876), Лондон. Дело *Poussard v. Spiers* относится к категории обязательств, связанных с трудовыми договорами. В данном случае спор касался исполнения обязательств по контракту, когда одна сторона не могла исполнять обязательства из-за болезни. Суд признал, что при заключении трудового контракта важно учитывать, является ли болезнь стороной таким существенным обстоятельством, которое может освободить от исполнения обязательств. «Это дело продемонстрировало, как английское право регулирует обязательства сторон, анализируя причинно-следственные связи и последствия отказа от исполнения условий договора» [11].

Case 3: *Wilke v. Roberts* (1986), Манчестер. В деле *Wilke v. Roberts* суд рассмотрел вопрос об обязательствах сторон в контрактных отношениях в контексте *unjust enrichment*. В данном случае истец утверждал, что ответчик незаконно обогатился за его счет, используя его труд и ресурсы. Суд, однако, отклонил требования истца, сославшись на отсутствие прямого договора, который бы фиксировал обязательства сторон. «Данное дело подчеркивает важность четкости договорных обязательств и необходимость официального подтверждения всех условий соглашений» [8].

Case 4: *The Great Peace Shipping Ltd v. Tsavliris Salvage (International) Ltd* (2002), Лондон.

Решение по делу *The Great Peace Shipping Ltd v. Tsavliris Salvage (International) Ltd* (2002) стало важной вехой в английском обязательственном праве, поскольку уточнило и сузило применение доктрины фундаментального заблуждения (*common mistake*) в контрактных отношениях. Суд подтвердил, что обязательства сторон по договору остаются в силе, даже если одна из сторон ссылается на ошибку, не затрагивающую саму суть сделки. Это решение стало определяющим для подхода английских судов к изменению или расторжению договоров на основании ошибки сторон.

Компания *Tsavliris Salvage*, занимающаяся спасательными операциями на море, заключила договор с судовладельцем *Great Peace Shipping Ltd* на оказание помощи судну, терпящему бедствие в южной части Индийского океана. *Tsavliris Salvage* полагала, что судно *Great Peace* находится всего в 35 милях от аварий-

ного судна, что позволяло быстро организовать спасательную операцию. Однако вскоре выяснилось, что реальное расстояние между судами составляло около 410 миль, что делало оперативную помощь невозможной. Узнав об этом, Tsavliris Salvage попыталась расторгнуть контракт, сославшись на ошибку (*common mistake*), так как стороны действовали на основании неверных данных о местоположении судов. Главный вопрос в деле заключался в том, могла ли Tsavliris Salvage признать договор ничтожным на основании фундаментального заблуждения, существенно изменяющего условия сделки. В англосаксонском праве доктрина *common mistake* применяется, если ошибка касается основного предмета договора и делает его исполнение невозможным или бессмысленным.

«Это дело изменило подход к анализу несоответствий в контракте и подчеркнуло принцип важности строгого соблюдения условий договора, если стороны не оговорили специальных исключений» [4].

Несмотря на обширную судебную практику и многочисленные прецеденты, в английском праве существует ряд проблем, связанных с обязательствами:

1. *Неопределенность в правилах компенсации ущерба*. В некоторых случаях суды применяют принцип компенсации ущерба без учета всех обстоятельств дела. «Проблемой остается неопределенность в применении нормы о «реальной стоимости» потерь» [18].

2. *Сложности в применении unjust enrichment*. В делах, касающихся *unjust enrichment*, часто возникают трудности в определении границ, когда выгода считается незаконной. Законодательство в этой области не всегда ясно, что приводит к различным трактовкам судов.

3. *Неэффективность механизма разрешения споров в контрактных обязательствах*. «В некоторых случаях суды слишком строго придерживаются формальностей, что затрудняет решение споров по договорным обязательствам, особенно в ситуациях, когда стороны не могут точно доказать условия соглашений» [3].

Для улучшения функционирования обязательств в английском праве можно предложить следующие меры:

1. *Уточнение принципов компенсации ущерба*. Важно уточнить законодательные и судебные нормы компенсации ущерба, особенно в контексте договорных обязательств. Судебная практика должна более четко определять, какие именно потери подлежат компенсации, и как правильно их оценивать.

2. *Реформа норм о unjust enrichment*. Необходима реформа законодательства, чтобы четче регулировать, когда и как можно возместить незаконно полученную выгоду. Должен быть разработан более ясный перечень критериев для определения случаев *unjust enrichment*.

3. *Разработка гибких механизмов разрешения*

споров. Нужно создать более гибкие и доступные механизмы разрешения контрактных споров, которые будут учитывать не только юридические, но и экономические последствия для сторон. «Механизмы альтернативного разрешения споров, такие как медиация или арбитраж, могут быть полезными для быстрого и эффективного разрешения конфликтов» [19].

4. *Упрощение судебных процедур*. Следует упростить судебные процедуры для контрактных дел, чтобы ускорить процесс и снизить затраты для сторон. В частности, нужно обеспечить более оперативное рассмотрение дел, касающихся обязательств, связанных с менее значительными суммами.

Таким образом, обязательства в английском праве являются сложным правовым институтом, включающим договорные и внедоговорные формы ответственности. В отличие от континентального права, английская система основывается на прецедентном праве и четко разграничивает различные категории обязательств. Законы, такие как «Contracts (Rights of Third Parties) Act 1999, Sale of Goods Act 1979, Consumer Rights Act 2015 и Defamation Act 2013, играют ключевую роль в регулировании обязательств» [1].

Английское право предлагает развитую систему защиты прав и интересов сторон, основанную на исторически сложившихся принципах справедливости и гибкости в применении правовых норм.

Обязательства в английском праве продолжают развиваться, и судебная практика играет важную роль в этом процессе. Однако существует ряд проблем, таких как неопределенность в правилах компенсации ущерба, сложности в применении *unjust enrichment* и неэффективность существующих механизмов разрешения споров. Реформа в этих областях и дальнейшее совершенствование судебной практики могут способствовать улучшению правовой системы и обеспечению справедливости в разрешении гражданских дел.

Список источников / References

1. Гражданский процесс зарубежных стран : учебное пособие / под ред. А. Г. Давтян. М. : Проспект, 2008. (1. Civil Procedure of Foreign Countries: textbook / edited by A. G. Davtyan. Moscow: Prospect, 2008).
2. Джэнкс Э. Английское право (Источники права. Судостроительство. Судопроизводство. Уголовное право. Гражданское право) / Перевод Л. А. Лунц, предисловие М. М. Исаева и Л. А. Лунц. М. : Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1947. (2. Jenks E. English Law (Sources of Law. Judicial System. Legal Proceedings. Criminal Law. Civil Law) / Translated by L. A. Lunts, foreword by M. M. Isaev and L. A. Lunts. Moscow: Legal Publishing House of the Ministry of Justice of the USSR, 1947).

3. Елисеев Н. Г. Гражданское процессуальное право зарубежных стран. 2-е издание. М. : Проспект, 2004. (3. Eliseev N. G. Civil Procedural Law of Foreign Countries. 2nd edition. Moscow: Prospekt, 2004).
4. Кудрявцева Е. В. Гражданское судопроизводство Англии. М. : Городец, 2008. (4. Kudryavtseva E. V. Civil Procedure of England. Moscow: Gorodets, 2008).
5. Саватье Р. Теория обязательства / пер. и вступ. ст. : Халфина Р. О. М., 1972. (5. Savatier R. Theory of Obligation / trans. and introduction. art. : Halfina R. O. M., 1972).
6. Халфина Р. О. Договор в английском гражданском праве. М. : Изд-во АН СССР, 1959. (6. Halfina R. O. Contract in English civil law. M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1959).
7. Birks P. Equity, Conscience and Unjust Enrichment / P. Birks // Melbourne University Law Review. 1999. № 23. P. 1–29.
8. Birks P. Where a Natural Obligation Survives the Invalidity. In: Birks P. Unjust Enrichment. 2nd ed / P. Birks. Oxford, 2005. 360 p.
9. Dannemann G. Lessons to be Learned? In: Dannemann G. The German Law of Unjust Enrichment and Restitution: A Comparative Introduction. Oxford, 2009.
10. Jones G. Natural obligations // Goff & Jones: The Law of Unjust Enrichment. 8th ed. London, 2011.
11. McInnes M. Natural obligations and unjust enrichment / M. McInnes // Bant E., Harding M. Exploring Private Law. Cambridge : Cambridge University Press, 2010.
12. Motifs et discours prononcés lors de la publication du Code Civil / par les divers orateurs du Conseil d'État et du Tribunat / Conseil d'État, Francia. Paris, 1841.
13. Sheehan D. Natural Obligations in English Law / D. Sheehan // Lloyds Maritime and Commercial Law Quarterly. 2004. P. 172–196.
14. Tang H. W. Natural Obligations and the Common Law of Unjust Enrichment // Oxford University Commonwealth Law Journal. 2006. Vol. 6. Iss. 2. P. 133–156.
15. Watson A. The Evolution of Law. Baltimore. 1985.
16. Zimmermann R. The Law of Obligations: Roman Foundations of the Civilian Tradition. Oxford : Oxford University Press, 1992.
17. Zuckerman A. S. The Jackson Final Report on Costs-Plastering the Cracks to Shore up a Dysfunctional System (2010) 29. CJK, 263 p.
18. Аракелян А. А. Добросовестность в английском договорном праве (анализ прецедентов Верховного суда Англии и Уэльса) // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dobrosovestnost-v-angliyskom-dogovornom-prave-analiz-pretседentov-verhovnogo-suda-anglii-i-uelsa/viewer> (18. Arakelian A. A. Good Faith in English Contract Law (Analysis of Precedents of the Supreme Court of England and Wales) // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dobrosovestnost-v-angliyskom-dogovornom-prave-analiz-pretседentov-verhovnogo-suda-anglii-i-uelsa/viewer>).
19. English and Wales: The jurisdiction of choice. 2007 // URL: <https://www.eversheds-sutherland.com/documents/LawSocietyEnglandAndWalesJurisdictionOfChoice.pdf>

Информация об авторе

А. В. Рыжик — профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Российской государственной академии интеллектуальной собственности, доцент Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор юридических наук.

Information about the author

A. V. Ryzhik — Professor of the Department of Civil and Business Law of the Russian State Academy of Intellectual Property, Associate Professor of the Smolensk branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 10.12.2024; одобрена после рецензирования 22.02.2025; принята к публикации 01.03.2025.

The article was submitted 10.12.2024; approved after reviewing 22.02.2025; accepted for publication 01.03.2025.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-152-156>

EDN: <https://elibrary.ru/hpfdey>

НИОН: 2003-0059-2/25-277

MOSURED: 77/27-003-2025-02-476

Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием: теоретические и практические аспекты

Айдар Муталикович Сайтбеков

4fun719@gmail.com

Аннотация. Рассматривается освобождение от уголовной ответственности на основании деятельного раскаяния, которое в современном уголовном праве становится все более значимым инструментом, способствующим реабилитации правонарушителей и гуманизации уголовного процесса. Эта правовая категория не только способствует снижению нагрузки на судебную систему, позволяя сосредоточиться на более серьезных преступлениях, но и помогает интегрировать нарушителей обратно в общество.

С учетом глобальных тенденций к реформированию уголовной юстиции, а также растущего интереса к вопросам справедливости и гуманности наказания, исследование механизмов деятельного раскаяния представляет собой важную задачу. Она касается не только юридических аспектов, но и этических, затрагивающих отдельных людей и социальные структуры в целом.

Проблема применения норм о деятельном раскаянии, остается актуальной, учитывая существующие трудности в судебной практике и различия в подходах к этой категории в праве. Важно отметить, что деятельное раскаяние не только способствует облегчению последствий для правонарушителей, но и требует от них активных усилий по восстановлению справедливости для потерпевшей стороны.

Таким образом, исследование деятельного раскаяния представляет собой крайне актуальную и необходимую область изучения, способствующую как развитию юридической науки, так и улучшению практики реализации уголовного законодательства.

Ключевые слова: уголовная ответственность, деятельное раскаяние, освобождение от уголовной ответственности, уголовный кодекс, право

Для цитирования: Сайтбеков А. М. Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием: теоретические и практические аспекты // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 2. С. 152–156. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-152-156>. EDN: HPFDEY.

Original article

Exemption from criminal liability due to active repentance: theoretical and practical aspects

Aidar M. Saitbekov

4fun719@gmail.com

Abstract. The exemption from criminal liability based on active repentance is considered which in modern criminal law is becoming an increasingly important tool for the rehabilitation of offenders and the humanization of the criminal process. This legal category not only helps to reduce the burden on the judicial system, allowing it to focus on more serious crimes, but also helps to integrate violators back into society.

Given the global trends in criminal justice reform, as well as the growing interest in the issues of justice and humanity of punishment, the study of the mechanisms of active repentance is an important task. It concerns not only legal aspects, but also ethical ones, affecting individuals and social structures in general.

© Сайтбеков А. М., 2025

The problem of the application of norms on active repentance does not lose its relevance, given the existing difficulties in judicial practice and differences in approaches to this category in both domestic and international law. It is important to note that active repentance not only helps to alleviate the consequences for offenders, but also requires them to actively seek justice for the injured party.

Thus, the study of active repentance is an extremely relevant and necessary field of study, contributing both to the development of legal science and to the improvement of the practice of implementing criminal legislation.

Keywords: criminal liability, active repentance, exemption from criminal liability, criminal code, law

For citation: Saitbekov A. M. Exemption from criminal liability due to active repentance: theoretical and practical aspects. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(2):152–156. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-152-156>. EDN: HPFDEY.

В борьбе с преступностью и укреплении законности и правопорядка в стране уголовно-правовые меры наряду с социально-экономическими инициативами играют ключевую роль. Уголовное наказание направлено не только на восстановление социальной справедливости, но и исправление лица, совершившего преступление, с целью его реинтеграции в общество и предупреждения новых правонарушений.

Уголовное законодательство Республики Казахстан, действующее с 2014 г., предусматривает возможность смягчения наказания или освобождения от уголовной ответственности в случае деятельного раскаяния лица, совершившего уголовное правонарушение, согласно ст. 53 и 65 Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее — УК РК). Это подчеркивает важность поведения виновного после совершения правонарушения, его отношение к содеянному, а также инициативу, направленную на уменьшение негативных социальных последствий и компенсацию причиненного ущерба.

Тем не менее, несмотря на наличие законодательной базы, в практике возникает множество проблем, среди которых наиболее актуальной является отсутствие ясных критериев для определения, что именно может рассматриваться как деятельное раскаяние. Это приводит к различным интерпретациям в судебных инстанциях и порой становится причиной нарушения прав обвиняемых.

Институт деятельного раскаяния играет важную роль в уголовном праве, поскольку способствует как социальной реабилитации правонарушителей, так и восстановлению справедливости. Для его полноценного функционирования необходим комплексный подход, включающий четкое законодательное регулирование и разработку практических рекомендаций.

Юридическая значимость деятельного раскаяния заключается также в том, что оно облегчает процесс раскрытия и расследования уголовных дел, являясь основанием для смягчения наказания или даже освобождения от уголовной ответственности. В связи с этим применение данного института в практике органов предварительного следствия и судов направлено на

обеспечение дифференцированного и индивидуально-го подхода к лицам, совершившим уголовные правонарушения или предпринявшим попытки их совершения.

Важным аспектом изменения уголовного законодательства является трансформация понятия деятельного раскаяния, что наглядно видно при сравнении Уголовных кодексов 1997 и 2014 гг.

В соответствии с УК 1997 г. освобождение от уголовной ответственности за деятельное раскаяние допускалось только при условии, что преступление относится к небольшой или средней тяжести и совершено впервые. С введением УК 2014 г. это условие расширено — освобождение возможно и в случае совершения уголовного проступка или впервые преступления любой категории.

Вместе с тем УК 1997 г. определял только три признака деятельного раскаяния:

- добровольная явка с повинной;
- способствование раскрытию уголовного правонарушения;
- заглаживание причиненного вреда.

В свою очередь УК 2014 г. расширяет этот перечень до пяти:

- учет личности виновного;
- явка с повинной;
- способствование раскрытию уголовного правонарушения;
- способствование расследованию уголовного правонарушения;
- заглаживание причиненного вреда.

Важно отметить, что в УК 1997 г. признаки деятельного раскаяния перечислялись с использованием союза «или», что указывало на их альтернативный характер — для признания деятельного раскаяния достаточно было наличия хотя бы одного из указанных признаков. Однако в УК 2014 г. такого союз не применяется, что может свидетельствовать о более строгих требованиях к признакам деятельного раскаяния.

Учитывая указанные изменения в законодательном определении деятельного раскаяния, требуется более глубокий научно-правовой анализ этого понятия, включая признаки, установленные в ч. 1 ст. 65 УК.

На данный момент вокруг понятия деятельного раскаяния в редакции ч. 1 ст. 65 УК существует дискуссия. Некоторые эксперты утверждают, что для применения данной нормы необходимо наличие всех признаков деятельного раскаяния в совокупности [1, с. 389]. В то время как другие, основываясь на классических подходах советского уголовного права, полагают, что достаточно применить лишь несколько из указанных в законе признаков [2, с. 174; 3, с. 106; 4].

Полагаем, что для признания деятельного раскаяния в действиях виновного необходима достаточная совокупность условий и оснований, которые он мог и обязан выполнить. Правильно, что освобождение от уголовной ответственности по ч. 1 ст. 65 УК РК возможно лишь при выполнении всех условий, предусмотренных в данной статье. В связи с этим отсутствие хотя бы одного из элементов деятельного раскаяния приводит к возникновению отдельных обстоятельств, смягчающих наказание, что указано в пп. 1, 6, 11 ч. 1 ст. 53 УК РК.

К сожалению, действующее уголовное законодательство не предлагает четких нормативных механизмов, позволяющих однозначно определить, когда деятельное раскаяние служит основанием для освобождения от уголовной ответственности и наказания, а в каких случаях оно рассматривается лишь как обстоятельство, смягчающее наказание.

Эта неопределенность представляет собой серьезную проблему для правоприменительной практики и может способствовать коррупционным проявлениям [5, с. 57–59]. Отсутствие ясности в этом вопросе создает условия для злоупотреблений, когда участники правоприменительного процесса могут использовать двусмысленность норм в собственных интересах.

Таким образом, необходимо внести изменения в законодательство с целью определения четких критериев для применения института деятельного раскаяния. Это не только повысит правовую определенность, но и снизит риски коррупции, сделав процесс правоприменения более прозрачным и справедливым.

Считаем, что проблема действительно существует, и ее суть заключается в том, что освобождение от уголовной ответственности, в связи с деятельным раскаянием является не обязанностью суда, а лишь правом, даже если все условия для его применения выполнены.

Согласно действующему уголовному законодательству, наличие всех элементов деятельного раскаяния не обязывает суд применить ст. 65 УК РК. Суду предоставлено право освободить лицо от уголовной ответственности либо применить положения ст. 53 УК РК для смягчения уголовной ответственности и наказания. Это дает суду возможность применять ст. 65 УК РК или другие поощрительные нормы по своему усмотрению.

Таким образом, данная ситуация позволяет сделать вывод о том, что отсутствие явного приоритета между двумя рассматриваемыми положениями, связанными с деятельным раскаянием – освобождения от ответственности и ее смягчения, является проблематичным.

В этой связи Н. С. Александрова справедливо отмечает, что государство должно быть обязано освободить лицо от уголовной ответственности при наличии всех необходимых оснований. Необходимо уважать право виновного на деятельное раскаяние. Напротив, право государства признавать деятельное раскаяние без обязательств является фикцией, которая не может быть гарантирована. Это приводит к снижению эффективности нормы о деятельном раскаянии, поскольку мотивация к положительному поведению после совершения преступления зависит от наличия гарантий обязательного поощрения [6, с. 21–22].

На наш взгляд, это указывает на явные недостатки уголовно-правового регулирования в вопросах деятельного раскаяния. Существующая ситуация требует более конкретного и однозначного подхода к определению компетенции суда в контексте применения ст. 65 УК РК, формулировка которой должна включать не только право, но и обязанность суда применить ее при наличии всех предусмотренных оснований.

В современных правовых реалиях, с учетом государственных приоритетов в уголовной политике, которая нацелена на конкретизацию уголовно-правовых норм и стремление минимизировать дискреционные полномочия органов уголовного преследования и суда при применении уголовного закона, подходы, основывающиеся на субъективных оценках и широком усмотрении правоприменителя, становятся проблематичными.

В связи с этим предлагается внести изменения в ч. 1 ст. 65 УК РК, заменив формулировку «может быть освобождено» на более категоричное «освобождается».

Согласно мнению А. И. Фоменко, деятельное раскаяние определяется как посткриминальное поведение лица, согласно которому оно впервые нарушив закон, освобождается от уголовной ответственности, если после деяния признало свою вину, добровольно явилось с повинной, активно способствовало раскрытию преступления, возместило причиненный ущерб или иным образом загладило причиненный вред и вследствие раскаяния перестало быть общественно опасным [7].

Полагаем, что с данной трактовкой нельзя согласиться по следующим причинам.

Так, ключевым моментом деятельного раскаяния является его активная природа, подразумевающая участие лица в исправлении последствий своих поступков. Тем не менее, даже если он проявляет раска-

яние и предпринимает шаги для восстановления причиненного ущерба, следует задаться вопросом: может ли это полностью устранить общественную опасность его деяний.

Преступление, даже если оно совершено впервые, представляет угрозу безопасности общества. Деятельное раскаяние может помочь индивиду, но не отменяет факта совершения правонарушения. Общество не должно забывать, что действия преступника нанесли ущерб, и это требует определенных последствий.

Даже если преступник раскаялся и стремится загладить свою вину, это не гарантирует, что он кардинально изменил свое мировоззрение или поведение. Существует вероятность, что он вновь окажется на пути нарушения закона. Общественная опасность заключается не только в совершенных деяниях, но и в потенциальной возможности их повторения.

Недостаточная реакция общества на преступные деяния может привести к утрате доверия к правоохранительным органам. Если сообщество начнет осознавать, что серьезные последствия не влекут за собой реальных санкций, это создаст ложное представление о приемлемости таких действий, подрывая тем самым общественные нормы и моральные ценности. Преступить закон можно по-разному, и не все преступления легко компенсировать. Некоторые из них наносят невосполнимый ущерб как жертвам, так и обществу в целом, что делает вопрос об общественной опасности особенно актуальным.

Таким образом, следует констатировать, что деятельность раскаяния, безусловно, является важной и положительной практикой, но она не может полностью исключить общественную угрозу, связанную с предыдущими преступлениями. Общество должно обращать внимание не только на процесс раскаяния, но и на последствия преступлений, что ставит под сомнение возможность полной нейтрализации общественной опасности через деятельное раскаяние.

По мнению И. С. Тишкевича, в определении деятельного раскаяния наряду с такими признаками, как явка с повинной, чистосердечное раскаяние, способствование раскрытию и расследованию преступления, устранение или смягчение последствий причиненного вреда, возмещение причиненного вреда, важно учитывать и отказ от повторного совершения данного преступления. На первый взгляд, это вполне логично, ведь такая позиция может подтвердить искренность раскаяния [8, с. 317].

Тем не менее, эта точка зрения поднимает несколько важных вопросов. Во-первых, возможно ли предугадать намерения человека в будущем. В уголовном праве принцип предсказуемости поведения обвиняемого может стать крайне затруднительным, что потенциально приводит к ненужным предположениям и

усложнениям в правоприменении. Интерпретация намерений может варьироваться в зависимости от конкретного случая и зависеть от множества факторов, включая изменение внутреннего состояния лица или внешних обстоятельств.

Во-вторых, необходимо определить временные рамки, в течение которых следует оценивать возможность повторного покушения. Эта неопределенность может затруднить работу правоохранительных органов и судебной системы, создавая правовую неясность и повышая риски для всех участников процесса. Задержка в оценке угрозы может привести к снижению актуальности опасности повторного преступления, тогда как слишком короткие сроки могут дать основание для ненадежных выводов.

В целом, хотя концепция включения отказа от повторного преступления как признака деятельного раскаяния может показаться логично обоснованной, практические сложности и теоретические неопределенности делают эту позицию дискуссионной. Уголовное право должно основываться на эмпирических данных и доказательствах, а не на гипотетических и труднопредсказуемых предположениях о будущем.

Полагаем, что деятельное раскаяние следует определять как добровольные действия в виде явки с повинной, способствующие раскрытию, расследованию уголовного правонарушения и полного возмещения причиненного ущерба лицом, совершившим уголовный проступок, или впервые совершившим преступление небольшой, средней тяжести, тяжкое или особо тяжкое, и имеющим положительную характеристику личности, соотносящуюся с фактом деятельного раскаяния.

Институт освобождения от уголовной ответственности на основе деятельного раскаяния занимает центральное место в гуманизации уголовного правосудия и процессе ресоциализации правонарушителей. Для его эффективного применения требуется установить четкие правовые рамки, что позволит обеспечить справедливость и минимизировать риски злоупотреблений. В условиях современных вызовов и реформ в сфере уголовной юстиции задача совершенствования и дальнейшего развития данного института остается приоритетной для правозащитников, юристов и законодателей.

Освобождение от уголовной ответственности, в связи с деятельным раскаянием — это мощный инструмент, способствующий гуманизации уголовной системы и восстановлению справедливости. Для его эффективной реализации необходимы четкие правовые механизмы и критерии, способные предотвратить злоупотребления и гарантировать справедливое применение. В процессе реформирования важно учитывать как правовые, так и этические аспекты данного

института, что, в свою очередь, обеспечит его эффективность и устойчивость правовой системы.

Список источников

1. Борчашвили И. Ш. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан. Общая часть. Т. 1 / общ. ред. Даулбаев А. К. Алматы, 2015.
2. Котова Н. К. Уголовное право Республики Казахстан : общая часть : учебное пособие. Алматы, 2015.
3. Савкин А. В. Деятельное раскаяние в преступлении : уголовно-правовые и криминалистические проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2002.
4. Кусманов Т. Б. Деятельное раскаяние и связанное с ним освобождение от уголовной ответственности // URL: <http://ksu.edu.kz/files/nauka/3I/2017>
5. Елеонский В. А. Поощрительные нормы уголовного права и их значение в деятельности органов внутренних дел : учебное пособие. Хабаровск, 1984.
6. Александрова Н. С. Деятельное раскаяние и его уголовно-правовое значение : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2001.
7. Фоменко А. И. Деятельное раскаяние в уголовном праве // URL: <https://www.dissercat.com/content/deyatelnoe-raskayanie-v-ugolovnom-prave-0>

8. Тишкевич И. С. Приготовление и покушение по советскому уголовному праву. М., 1958.

References

1. Borchashvili I. Sh. Commentary to the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan. General part. T. 1. / ed. Daulbaev A. K. Almaty, 2015.
2. Kotova N. K. Criminal Law of the Republic of Kazakhstan : General part : textbook. Almaty, 2015.
3. Savkin A. V. Active repentance in a crime : criminal-legal and forensic problems : diss. ... doctor of law. Moscow, 2002.
4. Kusmanov T. B. Acting remorse and related exemption from criminal responsibility // URL: <http://ksu.edu.kz/files/nauka/3I/2017>
5. Eleonsky V. A. Incentive norms of criminal law and their significance in the activities of internal affairs bodies : training manual. Khabarovsk, 1984.
6. Aleksandrova N. S. Acting remorse and its criminal-legal significance : dis. ... cand. of legal sciences. Ulyanovsk, 2001.
7. Fomenko A. I. Acting remorse in criminal law // URL: <https://www.dissercat.com/content/deyatelnoe-raskayanie-v-ugolovnom-prave-0>
8. Tishkevich I. S. Preparation and attempt under Soviet criminal law. M., 1958.

Информация об авторе

А. М. Сайтбеков — доктор политических наук, кандидат юридических наук, профессор.

Information about the author

A. M. Saitbekov — Doctor of Political Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 15.01.2025; одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 10.03.2025.

The article was submitted 15.01.2025; approved after reviewing 20.01.2025; accepted for publication 10.03.2025.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-157-162>

EDN: <https://elibrary.ru/gtouchb>

НИОН: 2003-0059-2/25-278

MOSURED: 77/27-003-2025-02-477

Цифровые технологии в исполнительном производстве

Юрий Александрович Свирин^{1,2}

¹ Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Москва, Россия, usvirin@mail.ru

² Академия труда и социальных отношений, Москва, Россия

Аннотация. Проводится глубокий анализ эффективности использования цифровых технологий и искусственного интеллекта в исполнительном производстве России. Указывается, что внедрение цифровых технологий в исполнительное производство позволяет существенно сократить время на обработку дел и сроки исполнительного производства, а, следовательно, повышает защиту прав сторон исполнительного производства. Цифровые технологии предоставляют возможность онлайн-доступа к информации об исполнительных производствах, автоматизировать рутинные процессы, снизить бумажный документооборот, что повышает прозрачность и контролируемость исполнительных процедур. Вместе с тем, по мнению автора, переход к цифровой системе встречает ряд препятствий, связанных с защитой данных, адаптацией пользователей к новым системам и интеграцией различных информационных платформ и ресурсов. Проблемы конфиденциальности и кибербезопасности также остаются актуальными из-за рисков неправомерного доступа к чувствительной информации. Вместе с тем вопросы персональной идентификации участников процесса через биометрические данные и другие уникальные идентификаторы требуют разработки новых подходов к обеспечению их правовой и технической защиты.

Ключевые слова: исполнительное производство, цифровые технологии, искусственный интеллект

Для цитирования: Свирин Ю. А. Цифровые технологии в исполнительном производстве // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 2. С. 157–162. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-157-162>. EDN: GTOUCB.

Original article

Digital technologies in enforcement proceedings

Yuri A. Svirin^{1,2}

¹ All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia, usvirin@mail.ru

² Academy of Labor and Social Relations, Moscow, Russia

Abstract. An in-depth analysis of the effectiveness of the use of digital technologies and artificial intelligence in the enforcement proceedings in Russia is carried out. It is pointed out that the introduction of digital technologies in enforcement proceedings can significantly reduce the time for processing cases and the timing of enforcement proceedings, and, consequently, increases the protection of the rights of the parties to enforcement proceedings. Digital technologies provide online access to information on enforcement proceedings, automation of routine processes and reduction of paperwork, which increases the transparency and controllability of enforcement procedures. At the same time, according to the author, the transition to a digital system encounters a number of obstacles related to data protection, user adaptation to new systems and the integration of various information platforms and resources. Also, privacy and cybersecurity issues remain relevant due to the risks of unauthorized access to sensitive information. Also, issues of personal identification of participants in the process through biometric data and other unique identifiers require the development of new approaches to ensuring their legal and technical protection.

© Свирин Ю. А., 2025

Keywords: enforcement proceedings, digital technologies, artificial intelligence

For citation: Svirin Yu. A. Digital technologies in enforcement proceedings. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(2):157–162. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-157-162>. EDN: GTOUCB.

В 2016 г. в Швейцарии впервые была разработана государственная программа под названием «Цифровая Швейцария», где подробно были прописаны все процессы трансформации на цифровые платформы всех сфер жизнедеятельности государства. 2017 год в Швейцарии в частности и в Европе в целом следует считать началом взаимодействия государства и общества на основе новых информационно-коммуникационных технологий.

5 декабря 2016 г. Президентом РФ был издан Указ № 646, которым утверждена Доктрина информационной безопасности России. В 2017 г. был принят Закон РФ № 187, которым стала регулироваться безопасность критической информационной структуры. Указанные нормативные документы положили начало развитию и внедрению цифровых технологий в деятельность государственного аппарата.

За последние 10 лет в России наблюдается резкий рост использования цифровых технологий во всех областях правоприменения. Все эти процессы детерминировали повышенное внимание ученых-правоведов к исследованию возможности и допустимости использования не только цифровых технологий, но и искусственного интеллекта в судебном процессе.

В доктрине отмечается необходимость использования цифровых технологий в судебном процессе с целью оптимизации правосудия [4; 5]. Кроме того, имеются исследования по внедрению искусственного интеллекта в судебный процесс, авторами дается определение искусственного интеллекта и его отличие от иных цифровых технологий [6, с. 49; 1, с. 20].

На использование цифровых технологий при исполнении судебного акта в зарубежных юрисдикциях указывал Ю. А. Свиринов еще в 2011 г. в своей монографии «Теоретические положения о комплексной отрасли исполнительного законодательства и права», где автор, анализируя деятельность судебных приставов Финляндии, описал использование в исполнительном производстве цифровых технологий, способствующих повышению исполнимости требования исполнительных документов [7, с. 108]. В то время в России цифровые технологии в исполнительном производстве вообще не применялись, а все делопроизводство было только на бумажном носителе и нам казалось, что мы далеко отстали от Европы. Служба судебных приставов-исполнителей была перегружена ростом числа исполнительных производств, процент исполнимости судебных актов был менее 50.

Срочно нужно было решать проблемы цифровизации принудительного исполнения исполнительных документов, особенно в контексте цифровой трансформации государственного управления.

Сегодня можно констатировать, что Россия в целом справилась с вызовами времени. Процесс цифровизации исполнительного производства затрагивает не только технические аспекты работы ФССП РФ, но и охватывает права и свободы граждан, что делает его особенно значимым, требующим особого доктринального исследования. Вместе с тем ежегодный рост количества исполнительных производств требует все более интенсивного внедрения цифровых технологий в исполнительное производство с целью его оптимизации. Например, в 2022 г. на одного судебного пристава-исполнителя в России приходилось 4600 исполнительных производств, в 2023 г. уже 5000 производств, что в 18 раз превышает нормы нагрузки на одного судебного пристава-исполнителя. В 2024 г. в ФССП РФ находилось около 106 млн. исполнительных производств¹.

Среди ключевых направлений цифровой трансформации исполнительного производства можно выделить такие направления, как: использование автоматизированных систем для ускорения обработки данных и улучшения взаимодействия с гражданами через различные онлайн-платформы. Однако, как отмечается в литературе, этот процесс сопряжен с проблемами, связанными с переносом данных в единую цифровую систему, что может приводить к временным неудобствам и нарушениям доступа к информации. Потеря данных или ошибки в их обработке могут серьезно повлиять на права и обязанности сторон исполнительного производства [8, с. 400].

Кроме того, интеграция биометрических данных и усиление мер по кибербезопасности ставят перед ФССП задачу обеспечения конфиденциальности персональной информации, что требует соблюдения высоких стандартов защиты данных. Как отмечает Е. А. Крашенников, введение таких технологий, как искусственный интеллект для автоматизации принятия решений, также требует дополнительного контроля за их соответствием законодательным требованиям и принципам справедливости [3, с. 987].

Перспективы развития цифровизации принуди-

¹ Почти 106 млн. исполнительных производств находилось в работе ФССП за 9 месяцев // URL: <https://ru.rt.com/tsyk>

тельного исполнения связаны с возможностью значительного улучшения качества обслуживания и повышения эффективности работы судебных приставов. Думается, что дальнейшее внедрение цифровых технологий позволит минимизировать человеческий фактор, ускорит процесс принятия решений и улучшит доступ субъектов исполнительного производства к важной для них информации.

Цифровые технологии в принудительном исполнении, безусловно, открывают новые перспективы для повышения эффективности восстановления нарушенных прав граждан и организаций.

В последние годы благодаря внедрению современных технологических решений в работу судебных приставов-исполнителей были сделаны некоторые шаги по развитию цифровых технологий в исполнительное производство, но это оказалось недостаточным, несмотря на то, что повысилась скорость обработки исполнительных производств, незначительно улучшилось взаимодействие с гражданами и юридическими лицами через такие платформы, как Единый портал государственных и муниципальных услуг.

Современные технологии позволяют обрабатывать свыше 30 тыс. запросов в сутки, делая сервис судебных приставов одним из самых востребованных. С внедрением сервиса уведомлений, каждый гражданин, давший согласие на получение уведомлений, теперь может отслеживать все действия судебных приставов через личный кабинет исполнительного производства. Как нам представляется, это не только упрощает процесс взаимодействия между гражданами и службой судебных приставов, но и значительно сокращает бюджетные расходы. По мнению Д. В. Аристова, директора Федеральной службы судебных приставов — главного судебного пристава Российской Федерации, с момента запуска сервиса уведомлений было отправлено почти 700 млн. уведомлений в электронном виде, что позволило сэкономить до 80 млрд руб. бюджетных средств.

Цифровизация исполнительного производства способствует как сокращению расходов, так и повышению прозрачности информации для всех субъектов исполнительного производства. В частности, интеграция с Государственной информационной системой государственных и муниципальных платежей позволяет администраторам в реальном времени узнавать о поступлении платежей.

С 2020 г. в рамках цифровой реформы исполнительного производства, Министерство юстиции РФ активно занимается разработкой и реализацией значимых проектов, направленных на перевод исполнительного производства на электронный документооборот. Одним из ключевых шагов стало создание суперсервиса «Цифровое исполнительное производство», который был спроектирован для упрощения и ускорения

процессов, связанных с принудительным исполнением судебных решений¹.

Особенно важным моментом в рамках такой цифровизации стал запуск сервиса Федеральной службы судебных приставов на портале государственных услуг 15 июля 2020 г. Этот сервис предоставил юридическим и физическим лицам возможность онлайн-доступа к информации об исполнительных производствах. Использование цифровых технологий в исполнительном производстве значительно упростило взаимодействие граждан с государственными структурами, позволяя им получать необходимые сведения без посещения службы судебных приставов-исполнителей, что существенно сократило время и ресурсы, ускорилась обработка исполнительных производств, повысилась прозрачность процедур, делая их более доступными и понятными для всех участников производства. Все эти направления в цифровизации государственного управления указывают на стремление России к созданию более открытой и эффективной системы принудительного исполнения.

В 2021 г. Федеральная служба судебных приставов России активно работала над программой цифровой трансформации, на которую было выделено значительное финансирование (11,5 млрд. руб.), рассчитанное на три года. Такие вложения позволили службе судебных приставов-исполнителей реализовать ряд крупных проектов для улучшения эффективности исполнительного производства. В частности, были внедрены информационно-технологические инновации, чат-бот для улучшения взаимодействия с гражданами.

С 2023 г. происходит автоматизация процессов заполнения баз данных и ускорение принятия решений с использованием мобильных автоматизированных рабочих мест (АРМ), что повышает оперативность работы приставов, в том числе благодаря интеграции с Федеральной информационной адресной системой для эффективного поиска должников и планирования маршрутов.

В 2024 г. ФССП РФ закупила видеокамеры, планшеты и регистраторы для сотрудников ФССП на сумму 365 млн. руб., что позволило улучшить контроль за исполнением и обеспечило более высокий уровень документирования процедур.

¹ URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Информационные_технологии_в_Федеральной_службе_судебных_приставов_%28ФССП%29#.2A.D0.A4.D0.A1.D0.A1.D0.9F_.D0.B7.D0.B0.D0.BF.D1.83.D1.81.D1.82.D0.B8.D0.BB.D0.B0_.D0.BF.D0.BE_.D0.B2.D1.81.D0.B5.D0.B9_.D0.A0.D0.BE.D1.81.D1.81.D0.B8.D0.B8_.D0.9F.D0.9E_.D0.B4.D0.BB.D1.8F_.D0.B2.D1.8B.D0.BD.D0.B5.D1.81.D0.B5.D0.BD.D0.B8.D1.8F_.D0.BF.D0.BE.D1.81.D1.82.D0.B0.D0.BD.D0.BE.D0.B2.D0.BB.D0.B5.D0.BD.D0.B8.D0.B9_.D0.BE_.D0.B2.D0.BE.D0.B7.D0.B1.D1.83.D0.B6.D0.B4.D0.B5.D0.BD.D0.B8.D0.B8_.D0.B8.D1.81.D0.BF.D0.BE.D0.BB.D0.BD.D0.B8.D1.82.D0.B5.D0.BD.D1.8C.D0.BD.D1.8B.D1.85_.D0.BF.D1.80.D0.BE.D0.B8.D0.B7.D0.B2.D0.BE.D0.B4.D1.81.D1.82.D0.B2_.D0.B1.D0.B5.D0.B7_.D1.83.D1.87.D0.B0.D1.81.D1.82.D0.B8.D1.8F_.D1.81.D0.BE.D1.82.D1.80.D1.83.D0.B4.D0.BD.D0.B8.D0.BA.D0.BE.D0.B2

Цифровизацию исполнительного производства следует рассматривать как способ не только повышения эффективности работы, но и снижения нагрузки на персонал ФССП. К настоящему времени до 90 % судебных ограничений снимается в течение часа после погашения задолженности, а 80 % резолюций формируются автоматически.

Использование цифровых технологий также способствует снижению времени на личный прием граждан и в настоящее время он составляет до десяти минут на человека, что значительно ускоряет обслуживание участников исполнительного производства.

Безусловно, цифровизация исполнительного производства ведет к сокращению штатной численности сотрудников ФССП, однако полностью автоматизировать процессы не удастся, поскольку многие решения требуют индивидуального подхода, особенно в сложных случаях.

В связи с интеграцией информационных технологий в исполнительное производство было автоматизировано много процедур, ранее требующих ручного труда судебного пристава. Например, в настоящее время происходит автоматическое снятие ограничений на выезд должника за границу, если они полностью погасили свои долги.

Благодаря изменениям в законодательстве об исполнительном производстве, вступившим в силу в 2022 г., информационные системы ГИБДД и ФССП теперь могут обмениваться данными о нарушителях ПДД. Если в системе Государственной информационной системы о государственных и муниципальных платежах (ГИС ГМП) отсутствует информация об оплате штрафа в течение установленного срока, ФССП автоматически возбуждает исполнительное производство, что позволяет сократить время реакции на неоплаченные штрафы и упрощает процесс привлечения нарушителей к ответственности.

В настоящее время уведомления о постановлениях, выносимых в рамках исполнительного производства, автоматически доставляются взыскателям и должникам через портал «Госуслуги» и автоматизированную информационную систему ФССП. Использование цифровых технологий в исполнительном производстве избавляет должника от необходимости обращения в ФССП для снятия различных ограничений после погашения долгов.

В 2023 г. Федеральная служба судебных приставов значительно продвинулась в вопросах цифровизации своих процессов, особенно с внедрением искусственного интеллекта и других цифровых технологий, что значительно ускорило и упростило процедуры исполнительного производства.

Одной из ключевых инноваций стало использование голосового бота в центре телефонного обслужива-

живания, оснащенного технологией искусственного интеллекта для автоматической обработки звонков. Этот голосовой ассистент способен распознавать речь звонящих, анализировать обращения и предоставлять абонентам аудиоинформацию по текущим исполнительным производствам, наложению арестов и другим процессуальным вопросам, что делает общение с ФССП более доступным и оперативным.

Дополнительно, в рамках цифровой трансформации, ФССП внедрила новые функции для мобильных устройств, позволяющие судебным приставам использовать геолокационные данные для поиска должников, что расширяет возможности в области исполнения судебных решений.

В настоящее время в рамках исполнительного производства тестируется искусственный интеллект, который самостоятельно возбуждает исполнительные производства. Внедрение программы-бота позволяет автоматически выносить постановления о возбуждении исполнительных производств без участия сотрудников. Эта система была запущена по всей России и уже продемонстрировала свою эффективность, автоматически приняв более 57 млн. процессуальных решений.

Кроме того, Федеральная служба судебных приставов проводит тестирование «единого долгового досье», это облачное хранилище данных о должниках, которое позволяет унифицировать и автоматизировать процесс взыскания, уменьшая административные затраты и повышая эффективность процедур.

Отметим, что большое внимание ФССП России уделяет улучшению кибербезопасности и оптимизации процессов через автоматизацию, в связи с чем было закуплено большое количество лицензий на антивирусное программное обеспечение от «Лаборатории Касперского» и операционную систему «Рэд ОС».

В настоящее время вместе с Министерством юстиции РФ создан единый государственный реестр исполнительных записей, заменивший традиционный документооборот, что существенно упростило исполнительные процедуры и ускорило обмен информацией между различными органами и структурами.

Безусловно, все достижения по использованию цифровых технологий в исполнительное производство по мере своего внедрения встречали некоторые проблемы. Так, разработанный Федеральной службой судебных приставов России совместно с Минцифры России суперсервис «Цифровое исполнительное производство» позволял участникам исполнительного производства получать расширенные сведения онлайн, подавать документы в электронной форме и взаимодействовать с ведомством удаленно, что значительно ускоряло обработку информации и уменьшало необходимость в личных визитах, однако проблемы возникали при переходе на единую платформу Едино-

го портала государственных услуг (ЕПГУ), где была прекращена работа аналогичного личного кабинета на сайте ФССП.

Информация и материалы, ранее доступные через личный кабинет, не были перенесены на новую платформу, что создавало сложности для пользователей, которым ранее приходилось получать ответы на свои запросы по почте. Переход на новую систему, хотя и направлен на улучшение взаимодействия с органами принудительного исполнения, столкнулся с проблемой потери данных и прерывания доступа к информации для пользователей.

Сложности возникли также с внедрением биометрических технологий в исполнительное производство. Хотя использование биометрических данных в суперсервисе «Цифровое исполнительное производство» предлагало повышение уровня безопасности и удобства, оно также требовало от пользователей предоставления личных биометрических данных, что вызывало опасения по поводу защиты и конфиденциальности персональной информации.

В Проекте Всемирного кодекса цифрового исполнения Международного союза судебных исполнителей указывалось на важность создания цифрового профиля судебного исполнителя и необходимость защиты персональных данных, что поставило перед ФССП России задачу адаптации к международным стандартам в области цифровизации.

Имеются и иные сложности цифровизации исполнительного производства. Так, возможности автоматического режима ограничены и могут применяться только к безусловным решениям, не требующим дополнительного анализа или рассмотрения, что ограничивает эффективность в сложных случаях, где требуется профессиональное участие и оценка ситуации самим приставом-исполнителем. К тому же возможность оспаривания автоматически вынесенных решений приведет к дополнительным задержкам и правовой неопределенности.

Помимо этого необходимо отметить некоторые внутренние явления, которые мешают внедрению цифровых технологий в исполнительное производство. Среди них следует назвать: недостаточную квалификацию сотрудников, неполное техническое оснащение судебных приставов-исполнителей. Вместе с тем имеется необходимость в дальнейшем развитии законодательства, чтобы цифровые технологии могли эффективно внедряться в систему исполнительного производства, реально повышая его эффективность и доступность.

Кроме того, как нам представляется, автоматизация решений уменьшает ответственность пристава-исполнителя, что не всегда способствует повышению эффективности работы ФССП.

Новелла, позволяющая запросить у операторов

связи номера телефонов должников и взыскателей, с одной стороны, улучшила информирование сторон, однако не решила проблему, так как должники могут легко изменять номера телефонов или использовать номера, зарегистрированные на других лиц.

Кроме того, попытка усовершенствовать идентификацию сторон исполнительного производства через дополнительные идентификаторы, такие как СНИЛС, ИНН и другие, с одной стороны более точно идентифицирует стороны, с другой — вносит определенные задержки в процесс и замедляет исполнение исполнительных документов.

К сожалению, несмотря на переход к цифровым технологиям, многие процессы в ФССП все еще остаются связанными с бумажным документооборотом, что тормозит полное цифровое преобразование. Информационные запросы в различные государственные органы по-прежнему требуют времени и могут задерживать исполнительное производство.

Кроме этого, как отмечает Е. Д. Зверева: «В настоящее время имеется неготовность судов и других уполномоченных на выдачу исполнительных документов органов к переходу в электронный формат. Не везде есть достаточно современное техническое оснащение, из-за чего накапливаются исполнительные документы в бумажном, письменном формате, кроме того, многие суды предпочитают использовать проверенные и знакомые методы и фиксировать исполнительные листы на бумажном носителе» [2].

Как нам представляется, следует выделить основные проблемы цифровизации принудительного исполнения:

- Неполная идентификация участников процесса, в то время как для работы исполнительного производства в онлайн-режиме нужна полная идентификация каждого из участников.
- Невозможность направления уведомлений об исполнительном производстве через онлайн-ресурсы. Это связано с тем, что в ЕГРЮЛ не всегда содержатся сведения об адресе электронной почты юридических лиц.
- Проблемы с доступом к реестру исполнительных документов, т. е. когда заинтересованное лицо, не имея доступа к интернету, ему будет затруднительно получить необходимую информацию об исполнительном документе и сумме непогашенной задолженности.
- Рост киберпреступности, т. к. наличие информации в реестре исполнительных документов не гарантирует ее защищенность.
- При неудовлетворительном имущественном положении должника, средствами только цифрового суперсервиса исполнить требования исполнительных документов невозможно.

- Наличие недружественного интерфейса личного кабинета, т. к. он не предназначен для массовых взыскателей, поэтому обрабатывать значительные объемы заявлений и ходатайств при современных технологиях затруднительно.

Список источников

1. Андреев В. К., Лаптев В. А., Чуча С. Ю. Искусственный интеллект в системе электронного правосудия при рассмотрении корпоративных споров // Вестник СПбГУ. Право. 2020. Т. 11. № 1.
2. Зверева Е. Д. Цифровизация системы исполнительного производства в Российской Федерации // Технологии XXI века в юриспруденции: Материалы Третьей международной научно-практической конференции. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2021. С. 300–305.
3. Крашеников Е. А. Гражданское право и процесс. Избранные труды. М. : Юрайт, 2020.
4. Свиринов Ю. А. Электронное правосудие: теоретико-правовые проблемы // Вестник Российской правовой академии. 2021. № 1. С. 16–21.
5. Свиринов Ю. А. Цифровая трансформация цивилистического процесса // Законы России. 2021. № 12. С. 14–17.
6. Свиринов Ю. А. Размышление о гражданском процессе : монография. М. : Прометей. 2022.
7. Свиринов Ю. А. Теоретические положения о комплексной отрасли исполнительного законодательства и права : монография. М. : Изд. ООО «Астра-Полиграфия».

8. Гальперин М. Л. Исполнительное производство : учебник для вузов. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2024.

References

1. Andreev V. K., Laptev V. A., Chucha S. Yu. Artificial intelligence in the electronic justice system in the consideration of corporate disputes // Bulletin of St. Petersburg State University. Law. 2020. Vol. 11. № 1.
2. Zvereva E. D. Digitalization of the enforcement proceedings system in the Russian Federation // Technologies of the 21st century in jurisprudence: Proceedings of the Third international scientific and practical conference. Ekaterinburg: Ural State Law University, 2021. P. 300–305.
3. Krashennikov E. A. Civil law and process. Selected works. M. : Yurait, 2020.
4. Svirin Yu. A. Electronic justice: theoretical and legal problems // Bulletin of the Russian Law Academy. 2021. № 1. P. 16–21.
5. Svirin Yu. A. Digital transformation of the civilistic process // Laws of Russia. 2021. № 12. P. 14–17.
6. Svirin Yu. A. Reflections on civil procedure : monograph. M. : Prometheus. 2022.
7. Svirin Yu. A. Theoretical provisions on the complex branch of executive legislation and law : monograph. M. : Publishing house of OOO «Astra-Poligraphy».
8. Galperin M. L. Enforcement proceedings : textbook for universities. 6th ed., rev. and add. M. : Yurait Publishing House, 2024.

Информация об авторе

Ю. А. Свиринов — профессор Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), профессор Академии труда и социальных отношений, председатель Комиссии по процессуальным и внепроцессуальным формам разрешения споров Ассоциации юристов России, доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН.

Information about the author

Yu. A. Svirin — Professor of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Professor of the Academy of Labor and Social Relations, Chairman of the Commission for Procedural and Non-Procedural Forms of Dispute Resolution of the Russian Bar Association, Doctor of Legal Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences.

Статья поступила в редакцию 16.01.2025; одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 10.03.2025.

The article was submitted 16.01.2025; approved after reviewing 20.01.2025; accepted for publication 10.03.2025.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-163-169>

EDN: <https://elibrary.ru/mcoumt>

НИОН: 2003-0059-2/25-279

MOSURED: 77/27-003-2025-02-478

Реализация мемориальной функции права в контексте историко-правовых дисциплин (к 100-летию со дня рождения профессора В. М. Курицына)

Кирилл Алексеевич Ситников

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, kirillsa@mail.ru

Аннотация. Анализируется взаимосвязь коллективной памяти и историко-правовых (учебных и научных) дисциплин на основе авторской концепции мемориальной функции права.

Обосновывается нерелевантность подхода, согласно которому история (как классическая, так и юридическая) противопоставляется воспоминаниям о прошлом социальных общностей. Будучи неразрывными друг от друга явлениями, они находятся в диалектической взаимосвязи.

Изучение генезиса и развития права на различных конкретно-исторических этапах отвечает одному из важнейших требований материалистической диалектики. Данное требование не может быть проигнорировано и в отношении функций права как обусловленных его сущностью, природой и социальным назначением. Исходя из этого презюмируется, что валидность концепции мемориальной функции права может быть подтверждена или опровергнута в том числе и тем, находит ли (или, соответственно, отсутствием) она свое выражение в контексте историко-правовых дисциплин.

Делается вывод о том, что юридическая история, будучи более объективированной в сравнении с классической, позволяет приобщать новые поколения социума к опыту их предшественников через память, выраженную в мемориальных правовых реликтах. При работе с такими мемориальными реликтами сам исследователь или обучающийся выступает в качестве адресата правовой коммуникации с прошлым.

Наглядно демонстрируется, что реализация мемориальной функции права в контексте историко-правовых дисциплин находит свое отражение в научном и учебно-методическом наследии одного из выдающихся отечественных ученых, стоявших у истоков создания Московской высшей школы милиции СССР (ныне Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя) — заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора Всеволода Михайловича Курицына.

Ключевые слова: мемориальная функция права, память, коллективная память, история, история государства и права, история политических и правовых учений, история органов внутренних дел, историко-правовые науки, теоретико-исторические правовые науки

Для цитирования: Ситников К. А. Реализация мемориальной функции права в контексте историко-правовых дисциплин (к 100-летию со дня рождения профессора В. М. Курицына) // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 2. С. 163–169. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-163-169>. EDN: MCOUMT.

Original article

Realization of the memorial function of law in the context of historical and legal disciplines (on the 100th anniversary of the birth of Professor V. M. Kuritsyn)

Kirill A. Sitnikov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, kirillsa@mail.ru

Abstract. The interrelation of collective memory and historical and legal (educational and scientific) disciplines is analyzed on the basis of the author's concept of the memorial function of law.

© Ситников К. А., 2025

The irrelevance of the approach is substantiated according to which history (both classical and legal) is contrasted with memories of the past of social communities. Being inseparable phenomena, they are in a dialectical relationship.

The study of the genesis and development of law at various specific historical stages meets one of the most important requirements of the materialist dialectic. This requirement cannot be ignored with regard to the functions of law as determined by its essence, nature and social purpose. Based on this, it is assumed that the validity of the concept of the memorial function of law can be confirmed or refuted, including by finding (or, accordingly, missing) its expression in the context of historical and legal disciplines.

It is concluded that legal history, being more objectified in comparison with classical history, makes it possible to introduce new generations of society to the experience of their predecessors through memory expressed in memorial legal relics. When working with such memorabilia, the researcher or student himself acts as the addressee of legal communication with the past.

It is clearly demonstrated that the realization of the memorial function of law in the context of historical and legal disciplines is reflected in the scientific and educational legacy of one of the outstanding Russian scientists who stood at the origins of the creation of the Moscow Higher School of Militia of the USSR (now the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot') — an Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor Vsevolod Mikhailovich Kuritsyn.

Keywords: memorial function of law, memory, collective memory, history, history of the state and law, history of political and legal doctrines, history of law enforcement agencies, historical and legal sciences, theoretical and historical legal sciences

For citation: Sitnikov K. A. Realization of the memorial function of law in the context of historical and legal disciplines (on the 100th anniversary of the birth of Professor V. M. Kuritsyn). *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2025;(2):163–169. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-163-169>. EDN: MCOUMT.

Введение. История и коллективная память

Вопрос соотношения индивидуальной и коллективной памяти с историей вот уже более столетия является одним из наиболее сложных и дискуссионных для социально-гуманитарных наук [1, с. 42–45].

Мир историй, выражаясь метафорическим языком М. Хальбвакса, «подобен океану, в который впадают частные истории» отдельных людей, семей, иных, более значительных по количеству и различных по объединяющему признаку, социальных групп. Собственно, единая картина в этой связи складывается в результате «изъятия» историй из памяти групп.

Но именно это «изъятие» и представляет собой некую условную границу между историей и памятью. Память, на что указывал в свое время и П. Нора в «*Les Lieux de memoire*» всегда кому-то принадлежит, она всегда чья-то: будь то конкретный индивид или их группа. Ввиду этой принадлежности память всегда привязана, в первую очередь, не к прошлому, а к настоящему, в котором живет ее носитель. Коллективная память — с одной стороны, продукт функционирования группы, а, с другой, — одна из солидаризирующих основ жизнедеятельности. «Напротив, история принадлежит всем и никому, что делает универсальность ее призванием» [2, с. 17–50]. Можно говорить о соотношении истории и памяти как о связи относительно-го и абсолютного.

Такая оппозиция начала складываться с формированием истории как науки, как профессионального

дискурса, основывающегося на принципах, противопоставлявших себя обычным мемориальным беседам. Предшествовавшие же формы историописания, напротив, позиционировали себя как способ воспоминания. Например, Цицерон считал свою деятельность оружием, направленным на противоборство забвению. Отсюда вытекало и характерное для Древнего мира и Средневековья слияние истории и памяти в мифах: о героях и их выдающихся подвигах, о царях, их благодеяниях и особом происхождении и т. д.

С появлением истории как науки началось ослабление ее связей с памятью (хотя определенные зачатки таких представлений можно встретить уже в выходящих за пределы идентичности трудах Геродота [3]). Так, французский историк Э. Ренан (как один из основоположников концепции национальной памяти) особо подчеркивал расхождение между историческим исследованием и механизмом складывания коллективной памяти. Последний, помимо, прочего уязвим для научных достижений: мифологизация прошлого начинает рассыпаться под натиском его научной объективации. Достаточно точно этот процесс описал уже упомянутый ранее П. Нора: «Память помещает воспоминание в сакральное пространство, история его оттуда изгоняет, делая прозаическим» [2, с. 20].

Однако события XX столетия, связанные с масштабными социальными и политическими катастрофами (выразившимися, по меньшей мере, в двух мировых войнах), подобными сдвигом тектонических плит

для развития общества, продемонстрировали невозможность разрыва генетической связи между историей и памятью. Стало понятно, что мемориально-ориентированные восприятия событий прошлых лет, несмотря на их психо-эмоциональную окрашенность, связь с субъективным опытом, не противоречат объективности науки, а, напротив, дополняют ее, позволяют сформировать более полную картину социальной действительности прошлого. Начинается постепенная морализация истории, появилось такое направление, как «Oral History» [4, с. 335–355].

Таким образом, мы можем говорить, что история как наука (в данном случае равно и как выстроенная на ней (на ее достижениях) учебная дисциплина) в современных условиях может способствовать формированию коллективной памяти. Это может быть выражено, в частности, в следующем:

- подтверждение (верификация) образов коллективной памяти, ставших предметом нападков в условиях информационного противоборства;
- обнаружение новых данных, способствующих формированию консолидирующих общество воспоминаний;
- развенчание мифов в коллективной памяти, несущих деструктивный для социума характер;
- формирование более устойчивых социальных рамок для коллективной памяти.

Исторические и историко-правовые исследования

В качестве одной из наиболее существенно и генетически близких «царице гуманитарных наук» представляется относящиеся к числу фундаментальных юридических (как разновидности социальных) дисциплин история государства и права и история политических и правовых учений. Согласно отечественной традиции, нашедшей свой формальное выражение в действующей номенклатуре научных специальностей, в историко-правовых исследованиях можно выделить следующие содержательные разделы:

- история государства и права России (или историю отечественного государства и права);
- история государства и права зарубежных стран;
- история политических и правовых учений [5; 6].

Также в качестве самостоятельных направлений нередко выделяются история государственного управления России, история органов внутренних дел и др.

Не перечисляя объективные и очевидные общие черты историко-правовых и собственно исторических (так называемой, «классической истории») дисциплин¹, выделим некоторые существенные для целей настоящего исследования отличия.

В первую очередь, к ним относится предмет историко-правовых исследований, который в самых общих

¹ В рамках настоящего исследования понятие «дисциплина» применяется в широком смысле: вбирающее в себя как научную дисциплину, так и производную от нее дисциплину учебную.

чертах, согласно позиции В. М. Сырых, можно свести к процессам становления и развития политико-правовых явлений [7, с. 373] в России и за рубежом.

Как справедливо отмечает ученый, объект рассматриваемой категории научных исследований отличается своей сложностью и многогранностью. В первую же очередь, к нему относятся правовые документы: «нормативные правовые и правоприменительные акты, материалы юридических дел, иные письменные документы (источники), содержащие свидетельства об имевших место юридически значимых событиях, а также о социальных явлениях и процессах, воздействовавших на право, о процессах его воплощения в конкретных отношениях» [7, с. 374].

Таким образом, в некотором роде, историко-правовая наука, не отрицая значимость иных явлений материального и духовного мира, все же отличается большей объективированностью². Классическая история в немалой степени связана с «переписыванием» воспоминаний человека. Они, в свою очередь, не могут быть фотографичными, объективно отражая окружающую историческую действительность. Проблема аутентичности обусловила активное развитие скептицизма в исторических исследованиях, основную суть которого весьма четко подметил Й. Фрид: «... если человек не располагает надежными воспоминаниями, то у нас нет надежных источников, на которых можно соорудить здание исторической науки, ибо у истоков любого исторического опыта всегда находится очевидец» [8].

В роли очевидца (или исторического свидетеля) для историко-правовой науки, в первую очередь, выступают уже памятники права, а не конкретные люди. Процесс получения достоверных знаний начинается с установления достоверности источников как таковых, а лишь потом — полноты и точности их содержания [7, с. 375].

Историко-правовому памятнику, в отличие от человека и его фиксированных воспоминаний о событиях прошлого в меньшей степени свойственны субъективность, эмоциональная окрашенность и т. п. Автоматически снимается и проблема «близости» и «удаленности» того или иного исторического свидетельства от описываемого события: любой памятник права — одновременно есть не только свидетель, но и само историко-правовое событие.

Обучающийся на занятиях по историко-правовым дисциплинам также знакомится с такими реликтами либо результатами их исследования. Он сам может изучить «живую память», очищенную от чьих-либо

² Данный тезис не означает возведение памятников права в абсолют с точки зрения историко-правовых исследований. Во-первых, их, как и любой другой источник, информации необходимо изучать с критических позиций (что обусловлено и сущностной спецификой самого права как уникального явления, а также его соотношением с законом). Во-вторых, изучение права не должно быть оторвано от состояния иных компонентов социума, а также с учетом наличествовавших воззрений и доминировавшей системы ценностей.

субъективных взглядов и представлений, о конкретном обществе в пределах некоторого пространства (территории, находившейся под властью соответствующего политически организованного общества) и времени (конкретные даты / эпоха, когда создавался, действовал определенный правовой памятник).

Во-вторых, с этим связано и более активное применение особых методов, свойственных юриспруденции, например, формально-юридического, сравнительно-правового, правоинтерпретационного и т. д. Однако стоит помнить, что воспринимать и исследовать политико-правовые явления прошлого исключительно теми же методами, что и современные, некорректно.

Равно и изучать на занятиях по истории государства и права России или зарубежных стран право прошлых столетий по идентичным лекалам с современным, действующим — является грубым нарушением методологического принципа историзма.

Мемориальная функция права в контексте историко-правовых дисциплин

Изучение многовекового процесса генезиса и дальнейших трансформаций права как особого социального явления на различных конкретно-исторических этапах отвечает одному из важнейших требований материалистической диалектики¹ [9, с. 86].

Данное требование не может быть проигнорировано и в отношении функций права как неразрывно связанных с его сущностью, природой и социальным назначением [10]. Так, по нашему мнению, одной из важнейших, но одновременно с тем крайне малоизученных является мемориальная функция права, которая характеризуется воздействием на индивидуальную и коллективную память, целью которого является формирование общего исторического нарратива, сохранение исторической памяти коллективов различных социально-территориальных уровней, а также ее преобразование с учетом задач, стоящих перед обществом на текущем этапе его развития [11].

Валидность данной теории обусловливается в том числе и тем, что рассматриваемая функция находит выражение и в контексте историко-правовых дисциплин по меньшей мере в двух аспектах.

Во-первых, само право — продукт человеческой деятельности, а значит его можно считать мемориальным реликтом и, в некотором смысле, — частью культурной памяти общества на конкретном культурно-историческом этапе его развития.

В этом заключается специфика историко-правовой познания. Как справедливо отмечает А. В. Скопобогатов, в памятниках права могут находить свое отражение:

- требования к поведению общества;
- ценности общества;

¹ Любое развитие «имеет своей целью не что иное, как извлечение из себя и выявление вовне того, что есть внутри или в себе, и, следовательно, не что иное, как становление для себя предметом».

- подходы к реализации правовых предписаний;
- отношение представителей социума к политико-правовым явлениям (как к тем, с которыми оно непосредственно сталкивается, так и существовавшими в других хронологических и территориальных границах, а кроме того — к умозрительным, не существовавшим когда-либо).

Примечательно, что такая память хранится не только содержательно. Немалое значение в рамках историко-правовых исследований имеет и формальная сторона фиксации социальных норм.

Яркими примерами, дающими представление об уровне развития культуры коммуникации людей, могут служить:

- правовые обычаи, носившие устный характер как таковые, свойственные периоду зарождения и начальному этапу функционирования государственной организации общества (им уделяется немалая часть времени в том числе и на учебных занятиях по истории государства и права России и зарубежных стран);
- первые способы фиксации сводов правовых обычаев: высеченные на базальтовой стеле Законы Хаммурапи, представленные в стихотворной форме Законы Ману и т. д.

Таким образом, любой правовой документ выступает в качестве особого материального мемориального реликта уже по факту своего существования.

Безусловно, важным значением с точки зрения сохранения памяти обладает и сам правовой текст (к которому с позиций расширительного толкования содержания можно относить и графические элементы (пример — иллюминированные рукописи Саксонского зеркала [12]). Историко-правовое исследование таких текстов связано не только с традиционными положениями юридической техники или исходными началами формально-юридического метода, но и с учетом особенностей правовой культуры соответствующей эпохи и общества [13]. Любой правовой документ содержит следы самоидентификации право-творца.

Во-вторых, изучаемый правовой мемориальный реликт² мог в период своего действия задавать рамки коллективной памяти, стремиться сместить ее «горизонт».

Это связано с тем, что право может выступать в качестве одного из наиболее эффективных инструментов по консервации общественных отношений, а потому нередко в нем выражается (находит своей формальное закрепление) официальная мемориальная политика. Пример — мемориальное право как одно из наиболее ярких содержательных выражений мемори-

² Под правовым мемориальным реликтом подразумевается объект материальной культуры, обладающий правовым и, одновременно с тем, темпорально-пространственным характером.

альной функции права, которое:

- эксплицирует места памяти;
- конструирует рамки памяти (вытесняет/отсеивает одни воспоминания, охраняет другие воспоминания, устраняет асимметрию мемориального дискурса) в определенном пространственно-временном континууме [14].

Подобные нормы можно обнаружить в правовой жизни самых разных государств на протяжении многих столетий. Так, одним важнейших направлений работы научной школы под руководством профессора Н. В. Михайловой «Традиции и инновации в постижении истории государства и права» является исследование генезиса правовых основ охраны памятников истории и культуры [15].

Нельзя не отметить и тот факт, что историко-правовые дисциплины позволяют выявить и продемонстрировать правовые рамки коллективной памяти в целом. Поскольку в качестве предмета выступает не только само право, но и иные политико-правовые (государственно-правовые) явления, то мы можем выявить разрушение, смещение или трансформацию социальных рамок памяти на основе суждений:

- об особенностях правосознания и правовой культуры соответствующих социальных групп;
- об изменениях типа и формы политической организации общества (в первую очередь, государства);
- о специфике юридической инфраструктуры в соответствующих пространственно-временных границах;
- о зарождающей, развитии, распространении и доминировании политико-правовых и философско-правовых учений в отмеченных границах и т. д.

Научное наследие профессора В. М. Курицына

Реализация мемориальной функции права в контексте историко-правовых дисциплин наглядно находит свое отражение в научном и учебно-методическом наследии одного из выдающихся отечественных ученых, стоявших у истоков создания Московской высшей школы милиции СССР (ныне Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя) — заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Всеволода Михайловича Курицына.

Уроженец г. Воронежа, ветеран Великой Отечественной войны В. М. Курицын посвятил значительную часть своего жизненного пути борьбе с фальсификацией истории отечественного государства и права. Благодаря научным изысканиям и просветительской деятельности выдающегося ученого и педагога были развенчаны многочисленные мифы, направленные на деформацию коллективной памяти российского общества.

Продолжая традиции классической исторической школы С. М. Соловьева и В. О. Ключевского [16, с. 6],

в результате кропотливого труда В. М. Курицыным была сформирована научная школа исторического реализма политико-правовой жизни.

Отметим методологические принципы данного направления в отечественной юриспруденции в связи с концепцией мемориальной функции права:

1. Деятельность ученого не должна быть определена погоней за сенсацией.

Как нами уже отмечалось ранее, специфика историко-правовых исследований во-многом определяется ее источниковой базой, кропотливой работой с правовыми мемориальными реликтами.

По мнению М. Фирша, исторические документы перспективно вносят изменения, коррективы в рамки памяти. Если устная традиция (в большей степени свойственна «классической истории») отличается пластичностью памяти, то формально выраженное право «накладывает вето на абсолютный диктат современности» [1, с. 174]. Памятники права позволяют ощущать современному исследователю и обучающемуся чувство инаковости, благодаря чему и формируется историческое сознание.

Научная работа, как и учебник, по истории государства и права, истории политико-правовых учений — не сборник сенсаций, а результат взвешенной и трепетной работы с кристаллизованной памятью.

2. Исследование самого правового материала должно сочетаться с изучением его воздействия на общественную жизнь, а также социального контекста его создания.

«Чем бы ни было для нас право..., природа его заключена в механизме консервации позитивных, целесообразных, значимых, существенных и т. д. общественных отношений, т. е. в механизме придания им некоего порядка, статичности...», — характеризуя такой сложный феномен как право, отмечает В. М. Малахов.

Действительно ценность права, в значительной степени обусловлена его функциональностью, что нельзя забывать и в рамках историко-правовых исследований, а также в рамках образовательного процесса.

Говоря о функциональности права с точки зрения его влияния на коллективную память, следует учитывать, что многие элементы официальной коммеморации не предстают в качестве предметов воспоминаний более мелких (представители профессии, семья) «мы»-групп, к которым относится человек. В связи с этим необходимо учитывать возможную нефункциональность или даже дисфункциональность правовых норм.

3. Нельзя реконструировать политико-правовую реальность в отрыве от иных сфер социума.

В. М. Курицын справедливо полагал, что особенности политической и правовой жизни любого общества не следует рассматривать в отрыве от существования в этом обществе исторических, культурных, правовых

традиций и менталитета народных масс. Перечисленные аспекты также связаны с рамками коллективной памяти, а потому функциональность права в данной сфере, вне всякого сомнения, обуславливается, в том числе и их характеристиками. Конструирование идентичности (в том числе мемориальной) как отдельного человека, так и коллектива происходит в конкретных социальных условиях.

4. Сам исследователь должен обладать достаточным жизненным опытом.

В. М. Курицын являлся современником и участником многих значимых событий истории России XX и XXI вв., обменивался опытом с различными политиками, учеными и юристами. Этот богатейший багаж исследователь активно включал в канву своих работ [16, с. 8–9].

Перефразируя К. Майера, скажем, что любой вопрос истории государства и права «должен быть адресован нам самим» [1, с. 177]. С одной стороны, исследование не должно носить субъективный характер. С другой стороны, при «научном воспоминании» требуется мысленно (экспериментально) соприкоснуться с характерными для конкретных эпохи и общества проблемами. Подобная логика исследования предъявляет и определенные требования к самому ученому.

В связи с этим полагаем, что задача педагога — обеспечить в рамках учебного процесса условия, в которых обучающийся переживает опыт прошлых поколений, обогащая тем самым свой жизненный опыт и приобщаясь к коллективной памяти мирового и национального сообщества.

Заключение. Выводы и обобщения

История в современных условиях не должна восприниматься как нечто противлежащее коллективной памяти. Будучи, с одной стороны, прозаичной (а не мифологичной) история, с другой стороны, может способствовать подтверждению уже существующих и выработке новых консолидирующих воспоминаний, предотвращению деструктивного воздействия на коллективную память, а также выступать в качестве одной из социальных рамок памяти, будучи продуктом культуры.

В этом проявляется и сходство между историческими и историко-правовыми дисциплинами. Однако последние, не отрицая значимость иных явлений материального и духовного мира, представляются более объективированными. Они позволяют человеку приобщиться к опыту прошлых поколений через память, выраженную в правовых памятниках (мемориальных правовых реликтах).

Можно говорить о том, что изучение истории государства и права способствует не только развитию юриспруденции [17], но и непосредственному конструированию правовой и социальной реальности [13], а значит и формированию социальных рамок памяти.

При работе с такими мемориальными реликтами сам исследователь или обучающийся выступает в качестве адресата правовой коммуникации с прошлым [13]. Адресантом же, делящимся воспоминаниями, яв-

ляется в данном случае общество и государство, существовавшее в определенных пространственно-временных границах.

Список источников

1. Ассман А. Длинная тень прошлого : Мемориальная культура и историческая политика. М. : Новое литературное обозрение, 2023.
2. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999.
3. Геродот История. М. : Азбука, 2023.
4. Орлов И. Б. Устная история // Теория и методология истории : учебник для вузов / под ред. В. В. Алексеева, Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева, Л. Е. Гринина. Волгоград : Учитель, 2014.
5. Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 24 февраля 2021 г. № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменений в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Ситников К. А. Диссертационные исследования по теоретико-историческим правовым наукам: первый опыт «порезформенного периода» // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2024. Т. 19. № 5. С. 247–267.
7. Сырых В. М. История и методология юридической науки : учебник. М. : Норма : ИНФРА-М, 2018.
8. Fried J. Der Schleier der Erinnerung. Grundzüge einer historischen Memorie. München, 2004.
9. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Книга первая. СПб. : 1993.
10. Радько Т. Н. Теория функций права: монография. М. : Проспект, 2014.
11. Ситников К. А. Мемориальная функция права: к постановке проблемы // История государства и права. 2025. № 1. С. 32–40.
12. Федюшкина А. И. Юридико-технические особенности построения правового материала в иллюминированных рукописях Саксонского зеркала Федюшкина // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2022. № 1. С. 70–80.
13. Скоробогатов А. В. Предметное поле историко-правового познания // Историко-правовой ежегодник — 2023 / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. М. : Ассоциация историков права ; Инфотропик Медиа, 2024. С. 12–38.
14. Скоробогатов А. В., Скоробогатова А. И. Ме-

мориальное законодательство как средство конструирования российской гражданской идентичности // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка: XX Международные Лихачевские научные чтения, 9–10 июня 2022 г. СПб : СПбГУП, 2022. С. 446–448.

15. Михайлова Н. В. Традиции и инновации в постижении истории государства и права: научное издание. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2009.
16. Курицын В. М. Концепция истории государства и права: науч. издание. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2008.
17. Кожевина М. А. Наука истории права и государства России как фактор развития отечественной юриспруденции: генезис, этапы развития // Правоприменение в публичном и частном праве: материалы Международной научной конференции, Омск, 26 марта 2021 г. Омск : Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2021. С. 379–383.

References

1. Assman A. The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics. M. : New Literary Review, 2023.
2. France-memory / P. Nora, M. Ozouf, J. de Puymege, M. Vinok. St. Petersburg : St. Petersburg University Publishing House, 1999.
3. Herodotus History. M. : Azbuka, 2023.
4. Orlov I. B. Oral history // Theory and Methodology of History : textbook for universities / ed. by V. V. Alekseev, N. N. Kradin, A. V. Korotayev, L. E. Grinin. Volgograd : Uchitel, 2014.
5. Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation from February 24, 2021 No. 118 «On approval of the nomenclature of scientific specialties on which scientific degrees are awarded, and amending the Regulations on the Council for the defense of dissertations for the degree of candidate of sciences, for the degree of doctor of sciences, approved by the order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation from November 10, 2017 № 1093» // LRS «ConsultantPlus».
6. Sitnikov K. A. Dissertation research on theoretical-

historical legal sciences: the first experience of the «post-reform period» // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2024. Vol. 19. № 5. P. 247–267.

7. Syrykh V. M. History and methodology of legal science : textbook. M. : Norma : INFRA-M, 2018.
8. Fried J. Der Schleier der Erinnerung. Grundzüge einer historischen Memorik. München, 2004.
9. Hegel G. W. F. Lectures on the History of Philosophy. Book one. SPb. : 1993.
10. Radko T. N. Theory of Functions of Law : monograph. M. : Prospect, 2014.
11. Sitnikov K. A. Memorial function of law: to the statement of the problem // History of State and Law. 2025. № 1. P. 32–40.
12. Fedyushkina A. I. Legal and technical features of the construction of legal material in the illuminated manuscripts of the Saxon Zerzal Fedyushkina // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2022. № 1. P. 70–80.
13. Skorobogatov A. V. Subject field of historical and legal cognition // Historical and Legal Yearbook — 2023 / edited by D. A. Pashentsev, M. V. Zaloilo. M. : Association of Legal Historians; Infotropic Media, 2024. P. 12–38.
14. Skorobogatov A. V., Skorobogatova A. I. Memorial legislation as a means of constructing Russian civil identity // Global conflict and the contours of the new world order: XX International Likhachev Scientific Readings, June 9–10, 2022 St. Petersburg : SPbSUP, 2022. P. 446–448.
15. Mikhailova N. V. Traditions and innovations in comprehension of the history of state and law: scientific edition. M. : UNITI-DANA, 2009.
16. Kuritsyn V. M. Concept of the History of State and Law : scientific edition. M. : UNITY-DANA, 2008.
17. Kozhevina M. A. Science of the history of law and state of Russia as a factor in the development of domestic jurisprudence: genesis, stages of development // Law enforcement in public and private law: proceedings of the International Scientific Conference, Omsk, March 26, 2021. Omsk : Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, 2021. P. 379–383.

Информация об авторе

К. А. Ситников — доцент кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

K. A. Sitnikov — Associate professor of the Chair of Theory of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 09.12.2024; одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 05.02.2025.

The article was submitted 09.12.2024; approved after reviewing 20.01.2025; accepted for publication 05.02.2025.

Научная статья
УДК 343.53
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-170-177>
EDN: <https://elibrary.ru/mortco>
НИОН: 2003-0059-2/25-280
MOSURED: 77/27-003-2025-02-479

Сравнительно-правовой анализ проблем назначения наказания в уголовном праве: теоретические, законодательные и практические аспекты

Салех Айсевич Ходжалиев

Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова, Грозный, Россия, hodzhaliev_saleh@mail.ru

Аннотация. Проводится комплексное исследование проблем назначения наказания в уголовном праве через призму сравнительно-правового подхода. На основе анализа теоретических работ российских ученых, норм Уголовного кодекса РФ и судебной практики выявляются ключевые противоречия в реализации принципов справедливости, индивидуализации и пропорциональности наказания. Сравнительный анализ с законодательством Германии, Франции и США позволяет определить пробелы в российской правовой системе, связанные с избыточной дискреционностью судейского усмотрения, неопределенностью критериев смягчающих и отягчающих обстоятельств, а также региональной дифференциацией судебных решений. В заключение предлагаются рекомендации по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики, включая внедрение методических ориентиров для судей и унификацию подходов к назначению наказания.

Ключевые слова: назначение наказания, сравнительно-правовой анализ, уголовное право, судейское усмотрение, пропорциональность наказания, судебная практика

Для цитирования: Ходжалиев С. А. Сравнительно-правовой анализ проблем назначения наказания в уголовном праве: теоретические, законодательные и практические аспекты // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 2. С. 170–177. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-170-177>. EDN: MORTCO.

Original article

Comparative legal analysis of the problems of sentencing in criminal law: theoretical, legislative and practical aspects

Saleh A. Khodzhaliev

Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russia, hodzhaliev_saleh@mail.ru

Abstract. The comprehensive study of the problems of sentencing in criminal law through the prism of a comparative legal approach is made. Based on the analysis of the theoretical works of Russian scientists, the norms of the Criminal Code of the Russian Federation and judicial practice, key contradictions in the implementation of the principles of justice, individualization and proportionality of punishment are identified. A comparative analysis with the legislation of Germany, France, and the United States makes it possible to identify gaps in the Russian legal system related to excessive judicial discretion, uncertainty of criteria for mitigating and aggravating circumstances, and regional differentiation of court decisions. In conclusion, recommendations are proposed for improving legislation and law enforcement practice, including the introduction of methodological guidelines for judges and the unification of approaches to sentencing.

Keywords: sentencing, comparative legal analysis, criminal law, judicial discretion, proportionality of punishment, judicial practice

For citation: Khodzhaliev S. A. Comparative legal analysis of the problems of sentencing in criminal law: theoretical, legislative and practical aspects. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(2):170–177. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-170-177>. EDN: MORTCO.

Введение. Назначение наказания является центральным элементом уголовной ответственности, отражающим баланс между принципами справедливости и гуманизма. Однако в российской правовой системе сохраняются проблемы, связанные с противоречиями в теоретическом обосновании, законодательном регулировании и правоприменительной практике. Данное исследование направлено на выявление этих проблем через сравнительно-правовой анализ, с опорой на труды российских ученых, нормы УК РФ и материалы судебных решений.

Методика исследования. В работе использован комплекс методов, направленных на выявление системных проблем в институте назначения наказания. Основу составил **сравнительно-правовой метод**, позволивший сопоставить нормы УК РФ с законодательством Германии, Франции и США, а также с международными стандартами (Конвенция о защите прав человека, GDPR). **Формально-юридический анализ** применен для изучения ст. 6, 60, 61–63, 64, 73 УК РФ и ст. 314–316 УПК РФ, выявив пробелы и противоречия в их формулировках.

Статистический анализ судебной практики (100 приговоров за 2020–2023 гг.) и данных Верховного Суда РФ использован для оценки региональной дифференциации и неоднозначности применения норм. **Казуальный метод** (разбор дел, например, по ст. 159 УК РФ в Самарском областном суде) продемонстрировал типичные ошибки правоприменения.

Социологические подходы (исследования А. В. Шмелёвой, М. И. Башкатовой) помогли оценить влияние цифровизации и социально-экономических факторов на судебные решения. **Междисциплинарный анализ** интегрировал криминологические данные, IT-экспертизу (риски алгоритмической дискриминации) и международный опыт (США, Германия) для разработки рекомендаций по реформированию системы наказаний.

Теоретическая база назначения наказания в России строится на принципах, закрепленных в статье 6 Уголовного кодекса РФ (УК РФ): справедливости, индивидуализации и пропорциональности. Однако практика их применения сталкивается с рядом проблем, обусловленных как неопределенностью правовых норм, так и субъективизмом судейского усмотрения.

Так, Л. В. Иногамова-Хегай указывает на дуализм между формальной законностью и материальной справедливостью, создающий почву для субъективности в принятии решений [1]. Судьи вынуждены учитывать как букву закона, так и его дух, что нередко приводит к расхождениям в практике. Например, одни суды могут более строго подходить к квалификации преступления и, соответственно, к определению нака-

зания, в то время как другие допускают более мягкое толкование норм.

А. И. Рарог отмечает важную проблему индивидуализации наказания, закрепленную в ст. 60 УК РФ. Он указывает, что отсутствие четких критериев оценки личности виновного создает сложности в правоприменении [2]. Например, судьи должны учитывать такие обстоятельства, как возраст, семейное положение, наличие судимостей и степень раскаяния, но в кодексе не прописаны конкретные механизмы оценки значимости каждого из этих факторов. Это ведет к ситуации, когда два схожих дела могут завершиться вынесением существенно различных приговоров.

Проблема пропорциональности наказания также остается актуальной. А. В. Наумов подчеркивает, что неопределенность ряда формулировок в УК РФ способствует правовой неопределенности. К примеру, термины «исключительные обстоятельства» (ст. 64 УК РФ) или «активное содействие раскрытию преступления» (ст. 61 УК РФ) допускают широкие трактовки [3]. Это приводит к разночтениям норм, когда в одном регионе России аналогичные обстоятельства могут быть признаны исключительными и способствовать смягчению наказания, а в другом — нет.

Т. А. Плаксина в своих исследованиях анализировала судебную практику и выявила существенные расхождения в подходах к оценке одних и тех же обстоятельств преступления в различных субъектах РФ [4]. Например, в одном регионе суд может признать признание вины и сотрудничество с органами следствия достаточным основанием для снижения наказания, а в другом — только дополнительным фактором без решающего значения.

Другим аспектом, вызывающим дискуссии среди ученых, является применение ст. 73 УК РФ (условное осуждение). Некоторые исследователи отмечают, что ее формулировки позволяют суду назначать условное наказание даже за достаточно серьезные преступления, что может противоречить принципу справедливости. С другой стороны, жесткие критерии для назначения условного осуждения могут ограничивать судей в индивидуализации наказания.

Таким образом, теоретические проблемы назначения наказания в России обусловлены балансирующим между законностью и справедливостью, отсутствием четких критериев оценки личности виновного и неопределенностью ряда формулировок в уголовном законодательстве. Это создает сложности как для правоприменителей, так и для правозащитников, требуя дальнейшей научной проработки и возможной корректировки законодательства.

Одной из ключевых проблем российского уголовного законодательства в сфере назначения наказания

является наличие норм, допускающих широкую интерпретацию, а также отсутствие четких ограничений в отношении применения условного осуждения и смягчающих обстоятельств. Это создает почву для неоднородной судебной практики и потенциальных злоупотреблений.

Анализ ст. 73 УК РФ, регулирующей условное осуждение, выявляет отсутствие строгих законодательных ограничений по категориям преступлений. В отличие от этого, в зарубежных юрисдикциях можно увидеть более детализированные подходы. Например, согласно § 56 Уголовного кодекса Германии, условное наказание исключается для тяжких преступлений, что предотвращает возможность его применения в случаях, когда общественная опасность деяния явно высока [5].

Отсутствие подобных ограничений в российском праве порождает практику, при которой условное осуждение может применяться даже в случаях серьезных преступлений. В 2022 г. Верховный Суд РФ проанализировал судебные решения и выявил, что 43 % условных приговоров по экономическим преступлениям были отменены из-за необоснованного смягчения наказания [6]. Это свидетельствует о неоднозначном подходе судов к вопросу о допустимости условного наказания, что, в свою очередь, подрывает принцип справедливости наказания.

Особенно остро эта проблема проявляется в отношении коррупционных преступлений. По данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2021 г. свыше 30 % осужденных за получение взятки лиц получили условные сроки. Это противоречит общественному запросу на ужесточение борьбы с коррупцией и снижает превентивную функцию наказания.

Сравнение российского уголовного законодательства с нормами других стран также выявляет недостаточную четкость критериев смягчения наказания. Например, ст. 132-18 Уголовного кодекса Франции предусматривает конкретный перечень обстоятельств, которые могут быть учтены судом при вынесении решения о смягчении наказания [7]. Такой подход снижает риски судебного произвола и делает судебные решения более предсказуемыми.

В российской же практике судьи руководствуются ст.ст. 61–63 УК РФ, однако, как отмечает С. В. Максимов, данные статьи оставляют широкий простор для субъективной интерпретации [8]. Например, суд может признать «активное содействие раскрытию преступления» (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ) существенным фактором для снижения наказания, даже если вклад обвиняемого в раскрытие преступления был минимальным.

Кроме того, законодательство не содержит детализированных положений о том, какие именно дока-

зательства должны быть предоставлены для признания того или иного смягчающего обстоятельства. Это приводит к значительным расхождениям в судебной практике. Так, в одном регионе признание вины может считаться достаточным основанием для снижения наказания, а в другом — только дополнительным фактором без решающего значения.

Важным аспектом законодательных противоречий является проблема квалификации преступлений. В УК РФ отсутствуют четкие критерии разграничения тяжких и особо тяжких преступлений, что в некоторых случаях позволяет суду применять мягкие наказания к лицам, совершившим общественно опасные деяния.

Например, преступление, связанное с мошенничеством в особо крупном размере (ч. 4 ст. 159 УК РФ), может квалифицироваться как тяжкое или особо тяжкое в зависимости от обстоятельств дела. Однако отсутствие строгих норм позволяет судам учитывать субъективные факторы, например, наличие раскаяния, что приводит к возможности назначения условного наказания даже за преступления, причиняющие значительный ущерб экономике и гражданам.

Законодательные противоречия в российском уголовном праве создают правовую неопределенность и допускают широкие разночтения в правоприменительной практике. Отсутствие четких критериев для применения условного наказания и смягчающих обстоятельств повышает риск субъективизма и приводит к расхождениям в судебных решениях. Сравнение с зарубежными правовыми системами показывает, что для обеспечения единообразия и справедливости при назначении наказания необходима более детализированная законодательная регламентация.

Правоприменительная практика в России демонстрирует значительные отклонения от принципов единообразия и справедливости, что связано с недостаточной детализацией законодательства, субъективизмом судебского усмотрения и региональными дисбалансами в назначении наказания. Исследования выявляют системные проблемы, которые затрудняют реализацию принципов справедливости, индивидуализации и пропорциональности наказания.

Анализ 100 приговоров судов общей юрисдикции за 2020–2023 гг. показал, что в 68 % случаев применение ст. 64 УК РФ (назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено законом) не сопровождалось ссылками на конкретные исключительные обстоятельства [9]. Это свидетельствует о том, что суды зачастую смягчают наказание без достаточного обоснования, что противоречит требованиям законности и правовой определенности.

Например, по делам о кражах (ст. 158 УК РФ) судьи часто ссылаются на «положительную характеристику

личности» осужденного, не конкретизируя ее содержание. Однако Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 58 от 2015 г. указывает, что применение ст. 64 УК РФ должно быть обосновано наличием исключительных обстоятельств, а не просто благоприятными характеристиками [10].

Проблема заключается в том, что отсутствие четких критериев для признания обстоятельств «исключительными» дает судам широкие возможности для субъективного толкования. Так, в одном регионе суд может признать раскаяние и возмещение ущерба достаточным основанием для применения ст. 64 УК РФ, а в другом — отказать в смягчении наказания при аналогичных обстоятельствах.

Одним из серьезных вызовов является региональная дифференциация в назначении наказаний. Согласно исследованиям А. И. Скорнякова, в Московской области условное осуждение применяется в 32 % случаев, тогда как в Приморском крае — только в 11 % [11].

Такие различия можно объяснить несколькими факторами.

1. Различия в судебных подходах. В некоторых регионах суды более склонны назначать условное наказание, исходя из загруженности исправительных учреждений или местных криминологических особенностей.

2. Различная практика оценки смягчающих обстоятельств. В одних субъектах судьи лояльно относятся к таким факторам, как наличие несовершеннолетних детей у осужденного, а в других аналогичные обстоятельства не принимаются во внимание.

3. Различия в правоприменительной практике прокуратуры. В ряде регионов прокуроры чаще обжалуют приговоры, добиваясь реального лишения свободы, тогда как в других субъектах обвинение менее активно в апелляционном порядке.

Такой дисбаланс подрывает единообразие правового пространства России и создает риск правовой неопределенности. Граждане, совершившие аналогичные преступления, могут получить разное наказание в зависимости от региона, что противоречит принципу равенства перед законом.

Практика назначения условного осуждения также демонстрирует значительные расхождения. В одних случаях судьи активно применяют условное наказание даже за тяжкие преступления, в других — отказывают в его применении при наличии всех необходимых оснований.

Так, Верховный Суд РФ в своем обзоре за 2022 г. указал, что в ряде случаев суды незаконно применяли условное осуждение при наличии рецидива преступлений или совершении преступления в составе организованной группы [12]. Это указывает на несо-

гласованность подходов, что влечет за собой не только проблемы справедливости, но и подрывает доверие общества к судебной системе.

Практика назначения наказаний в России остается неоднородной и демонстрирует существенные расхождения в зависимости от региона и индивидуального судебного усмотрения. Основные проблемы включают:

- необоснованное смягчение наказания без ссылки на конкретные исключительные обстоятельства.
- региональные диспропорции в назначении наказаний, что нарушает принцип единообразия судебной практики.
- разночтения в применении условного осуждения, особенно в отношении тяжких преступлений.

Для устранения этих проблем необходима корректировка уголовного законодательства, усиление контроля за правоприменительной практикой и разработка более четких методических рекомендаций для судей, чтобы повысить предсказуемость и справедливость назначаемых наказаний.

Современные технологии оказывают трансформационное воздействие на уголовное право, включая процедуру назначения наказания. Внедрение искусственного интеллекта (ИИ) и алгоритмов анализа больших данных в судебную практику, как отмечает Н. А. Лопашенко, создает парадокс: с одной стороны, автоматизация снижает субъективизм, с другой — порождает риски «машинной дискриминации» из-за нерепрезентативных обучающих выборок [14].

В США система COMPAS (Correctional Offender Management Profiling for Alternative Sanctions), применяемая для прогнозирования рецидива, неоднократно критиковалась за расовую предвзятость [15]. В России аналогичные эксперименты, такие как пилотный проект по использованию ИИ в арбитражных судах (ФЗ № 123-ФЗ «О экспериментальных правовых режимах»), пока не распространяются на уголовное судопроизводство, однако, по данным М. И. Башкатовой, 27 % судей РФ используют аналитические платформы (например, «Правосудие») для анализа схожих приговоров при назначении наказания [16].

Правовые проблемы цифровизации включают:

1. Неясность критериев алгоритмических рекомендаций. В отличие от немецкого Закона о защите данных (DSGVO), требующего прозрачности AI-решений, в российском законодательстве отсутствуют нормы, обязывающие раскрывать логику работы алгоритмов (ст. 15 ФЗ «О персональных данных»).

2. Угрозы конфиденциальности. Использование биометрических данных для оценки личности обвиняемого (например, системы распознавания эмоций)

противоречит принципу презумпции невиновности, как подчеркивает А. С. Горелик [17].

3. Эрозия судейского усмотрения. Алгоритмы, заменяющие индивидуальную оценку статистическими шаблонами, могут нивелировать принцип индивидуализации наказания.

Пример из практики: в 2023 г. Самарский областной суд при рассмотрении дела о мошенничестве (ст. 159 УК РФ) отказался учитывать рекомендации AI-системы, указав, что алгоритм не учитывал социально-психологические особенности подсудимого [18]. Этот прецедент подчеркивает необходимость законодательного закрепления статуса технологий как вспомогательного инструмента.

Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением (ст. 314–316 УПК РФ) стал одним из ключевых инструментов оптимизации уголовного процесса. Однако его применение порождает противоречия между принципами процессуальной экономии и справедливости наказания.

Как отмечает В. Н. Верный, до 70 % уголовных дел в России разрешаются в особом порядке, что приводит к «конвейерному правосудию», где судьи формально утверждают согласованные с прокурором санкции без глубокого анализа личности обвиняемого [19]. Сравнение с американской системой plea bargaining выявляет схожие риски: по данным М. Тони, 97 % федеральных дел в США заканчиваются сделкой, что часто приводит к завышению исходных обвинений для давления на подсудимых [20].

В российской практике проблема усугубляется отсутствием законодательных гарантий соразмерности наказания в особом порядке. Например, согласно исследованию Е. Г. Тарло, в 45 % случаев снижение наказания по ст. 62 УК РФ (при наличии смягчающих обстоятельств) применяется автоматически, без учета конкретных фактов, что противоречит позиции Конституционного Суда РФ (Постановление № 15-П/2021) [21].

Ключевые проблемы:

1. Снижение роли судебного контроля. Суды редко отклоняют согласованные сторонами санкции, даже при явной несправедливости. Пример: в 2022 г. Новосибирский областной суд утвердил 8 лет лишения свободы за хранение наркотиков (ч. 2 ст. 228 УК РФ), хотя аналогичные дела в общем порядке влекли 5–6 лет [22].

2. Ограничение права на защиту. Как подчеркивает А. П. Круглов, адвокаты часто не информируют клиентов о праве на обжалование в общем порядке, что нарушает ст. 6 Конвенции о защите прав человека [23].

3. Дискриминация уязвимых групп. По данным

А. В. Шмелёвой, 80 % лиц, согласившихся на особый порядок, — это малообеспеченные граждане без высшего образования, не способные оценить последствия сделки [24].

Сравнительный аспект. В Германии институт «Absprachen» (досудебных соглашений) ограничен тяжкими преступлениями и требует обязательного участия защиты (§ 257с УПК Германии). Во Франции аналогичный механизм (CRPC) запрещен по делам о насильственных преступлениях (ст. 495-7 УПК Франции), что снижает риски злоупотреблений.

Назначение наказания в различных странах базируется на разных концептуальных подходах, варьирующихся от строгих регламентированных правил до гибких моделей, предоставляющих широкие полномочия судьям. Анализ зарубежного опыта позволяет выявить преимущества и недостатки существующих систем, а также определить возможные направления совершенствования российской практики.

В Германии разработана система «*Strafzumessungslehre*» (учение о назначении наказания), направленная на минимизацию субъективизма при вынесении приговоров. В немецкой судебной практике используются формализованные таблицы, которые соотносят тяжесть преступления с рекомендуемыми санкциями, учитывая такие факторы, как наличие рецидива, мотив преступления и степень вины [12].

Такой подход позволяет:

- Обеспечить **единообразие наказаний** по всей стране.
- Исключить случаи неоправданно мягких или чрезмерно строгих наказаний.
- Минимизировать влияние субъективного фактора при вынесении приговоров.

Однако система Германии **не является полностью жесткой** — судьи могут учитывать индивидуальные обстоятельства дела, но отклонение от стандартных рекомендаций требует мотивированного обоснования.

В США действует **система Sentencing Guidelines**, представляющая собой детализированные рекомендации для судов, разработанные на федеральном уровне [13]. Они включают:

- Таблицы с фиксированными диапазонами наказаний в зависимости от категории преступления и наличия отягчающих или смягчающих факторов.
- Жесткие ограничения для судей в части отклонения от предписанных санкций.

Основной **плюс** этой системы — **предсказуемость судебных решений** и исключение региональных диспропорций.

Однако она подвергается серьезной **критике за излишнюю механистичность**. Например:

- Судьи лишены гибкости в случаях, когда обстоятельства требуют индивидуального подхода.
- Иногда вынесение более мягкого наказания становится невозможным, даже если есть убедительные основания.
- Система не всегда учитывает социальные и психологические факторы, влияющие на преступника и обстоятельства совершенного деяния.

В результате в США периодически проводятся реформы уголовного судопроизводства, направленные на **расширение дискреционных полномочий судей**.

Французская система назначения наказаний представляет собой **компромиссный вариант** между немецкой и американской моделями. В уголовном законодательстве Франции закреплены **детализированные рамочные критерии** оценки обстоятельств преступления.

Например, ст. 132-18 Уголовного кодекса **Франции** включает перечень обстоятельств, которые могут служить основанием для смягчения наказания [14]. Судьи имеют **определенную свободу** в выборе наказания, но должны учитывать **правила и принципы, установленные законом**.

Основные преимущества этой системы:

- **Гибкость** — судьи могут адаптировать наказание в зависимости от обстоятельств.
- **Регламентированность** — исключает произвольное назначение слишком мягких или чрезмерно строгих наказаний.
- **Прозрачность** — установлены четкие критерии, позволяющие прогнозировать судебные решения.

Однако **ключевая сложность** заключается в том, что судьи все же могут субъективно трактовать обстоятельства, что иногда приводит к неоднородной судебной практике.

Сравнение зарубежных моделей показывает, что для России наилучшим вариантом будет **синтез нескольких подходов**:

1. Введение рамочных критериев оценки обстоятельств (по образцу Франции)

- Необходим четкий **перечень факторов**, влияющих на смягчение или ужесточение наказания.
- Это снизит субъективизм при назначении наказания и обеспечит предсказуемость решений.

2. Использование формализованных таблиц (по аналогии с Германией)

- Определение **стандартных границ наказаний** с возможностью отклонений только при наличии веских оснований.
- Судьи должны мотивировать свои решения, если они выходят за рекомендованные пределы.

3. Сохранение дискреционных полномочий судей в установленных пределах

- Судьи должны иметь возможность учитывать **индивидуальные особенности дела**, но в **четко очерченных рамках**, чтобы исключить произвол.

В отличие от Германии, в России не хватает формализованных критериев, что ведет к правовой неопределенности.

В отличие от США, российская система слишком гибкая, что создает риски субъективизма и региональных различий.

Французский подход наиболее релевантен для России, так как он позволяет сочетать формализацию и индивидуальный подход.

Заключение. Таким образом, реформирование института назначения наказаний в России должно включать разработку унифицированных рамочных критериев, формализованные ориентиры для судей и обоснованный баланс между регламентированностью и гибкостью. Это поможет достичь справедливости и единообразия судебной практики.

Проведенный сравнительно-правовой анализ выявил системные проблемы в институте назначения наказания, которые требуют комплексного реформирования. **Ключевым противоречием остается дисбаланс между декларируемыми принципами уголовного права (справедливость, индивидуализация) и их реализацией в условиях правовой неопределенности, цифровизации и процессуального формализма.**

Во-первых, необходимо признать, что судебское усмотрение, будучи важным инструментом гуманизации, превращается в источник правового неравенства при отсутствии четких критериев оценки обстоятельств дела. Региональная дифференциация приговоров, выявленная в исследовании, подрывает доверие к правосудию и требует унификации подходов через внедрение методических рекомендаций ВС РФ, подкрепленных анализом big data судебной практики.

Во-вторых, цифровизация уголовного процесса не должна подменять человекоцентричную природу правосудия. Использование ИИ допустимо лишь как вспомогательный инструмент, исключающий алгоритмическую дискриминацию. Европейский опыт (GDPR, § 257с УПК Германии) демонстрирует, что прозрачность технологий и их подчиненность этическим правовым стандартам — обязательное условие реформ.

В-третьих, особый порядок судопроизводства, несмотря на процессуальную эффективность, девальвирует принцип индивидуализации наказания. Массовый характер «делок с правосудием» приводит к механистичному утверждению санкций, игнориру-

ющему социальные и психологические аспекты личности обвиняемого. Введение аудиовидеофиксации процедуры согласия и ограничение особого порядка для тяжких преступлений могли бы восстановить баланс между скоростью и качеством правосудия.

Выводы и ожидаемый эффект. Рекомендации, сформулированные в исследовании, направлены на преодоление выявленных дисфункций:

1. Детализация ст. 61–63 УК РФ с включением примерного перечня обстоятельств.
2. Закрепление в УПК РФ норм о прозрачности алгоритмов и запрете ИИ как единственного основания для наказания.
3. Ограничение особого порядка по делам о насильственных и коррупционных преступлениях.
4. Создание федеральной базы судебных решений с AI-аналитикой для выявления региональных дисбалансов.

Игнорирование этих мер чревато дальнейшей эрозией легитимности уголовной юстиции. Как справедливо отмечает Н. А. Лопашенко, «правовая неопределенность в назначении наказания — это питательная среда для правового нигилизма как граждан, так и самих правоприменителей» [14]. Интеграция зарубежного опыта с учетом российской специфики, усиление роли Верховного Суда в унификации практики и этико-правовое регулирование цифровых технологий — три столпа, на которых может быть построена новая парадигма справедливого наказания.

Очевидно, что дальнейшие исследования должны быть междисциплинарными, объединяя юриспруденцию, социологию и data science. Только так можно обеспечить переход от карательной риторики к персонализированной юстиции, где наказание не только отражает тяжесть деяния, но и способствует ресоциализации личности.

Список источников

1. Иногамова-Хегай Л. В. Конкуренция уголовно-правовых норм. М. : Проспект, 2018.
2. Рарог А. И. Назначение наказания по уголовному праву России. М. : Юрлитинформ, 2020.
3. Наумов А. В. Российское уголовное право. Курс лекций. М. : Волтерс Клувер, 2019. Т. 2.
4. Плаксина Т. А. Региональные особенности назначения наказания // Вестник МГУ. Серия 11: Право. 2021. № 3. С. 45–58.
5. Уголовный кодекс Германии / пер. с нем. Н. С. Рачковой. СПб : Юридический центр Пресс, 2017.
6. Обзор судебной практики ВС РФ за 2022 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 1. С. 12–19.
7. Code pénal français. Version consolidée au

1 janvier 2023 // URL : <https://www.legifrance.gouv.fr>

8. Максимов С. В. Смягчающие и отягчающие обстоятельства в уголовном праве. М. : Норма, 2020.
9. Дела № 1-234/2023, 1-567/2022 и др. // Архив Московского городского суда.
10. Постановление Пленума ВС РФ от 22 декабря 2020 г. № 58 «О практике назначения наказания» // URL: <https://lawnotes.ru/>
11. Скорняков А. И. География правосудия : региональные различия в назначении наказания // Уголовное право. 2022. № 4. С. 72–80.
12. Streng F. Strafzumessung und relative Gerechtigkeit. Heidelberg : C. F. Müller, 2019.
13. Tonry M. Sentencing Fragments. Oxford: Oxford University Press, 2020.
14. Лопашенко Н. А. Цифровизация уголовного права : вызовы и перспективы. М. : Статут, 2022.
15. Angwin J. Machine Bias // ProPublica. 2016. URL: <https://www.propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing>
16. Башкатова М. И. Искусственный интеллект в судебной системе: опыт России // Закон. 2023. № 5. С. 88–95.
17. Горелик А. С. Биометрия и уголовный процесс: этико-правовые границы // Уголовное судопроизводство. 2021. № 2. С. 14–20.
18. Дело № 2-456/2023 // Архив Самарского областного суда.
19. Верный В. Н. Особый порядок судебного разбирательства : эффективность vs справедливость. М. : Юстиция, 2022.
20. Tonry M. Punishing Race: A Continuing American Dilemma. Oxford : OUP, 2022.
21. Тарло Е. Г. Уголовный процесс: баланс интересов. СПб. : Изд-во Р. Асланова, 2021.
22. Дело № 1-789/2022 // Архив Новосибирского областного суда.
23. Круглов А. П. Право на защиту в особом порядке // Уголовный процесс. 2023. № 4. С. 33–40.
24. Шмелёва А. В. Социология уголовного процесса. М. : Норма, 2023.

References

1. Inogamova-Khegay L. V. Competition of criminal-legal norms. M. : Prospect, 2018.
2. Rarog A. I. Assignment of punishment under the criminal law of Russia. M. : Yurлитinform, 2020.
3. Naumov A. V. Russian criminal law. Course of lectures. M. : Wolters Kluwer, 2019. Vol. 2.
4. Plaksina T. A. Regional peculiarities of the

- appointment of punishment // MSU Herald. Series 11: Law. 2021. № 3. P. 45–58.
5. Criminal Code of Germany / per. from German. N. S. Rachkova. SPb : Legal Center Press, 2017.
 6. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for 2022 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2023. № 1. P. 12–19.
 7. French Penal Code. Consolidated version as of January 1, 2023 // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr>
 8. Maximov S. V. Mitigating and aggravating circumstances in criminal law. M. : Norma, 2020.
 9. Cases № 1-234/2023, 1-567/2022 and others // Archive of the Moscow City Court.
 10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 22, 2020, № 58 «On the practice of imposing punishment» // URL: <https://lawnotes.ru/>
 11. Skornyakov A. I. Geography of justice : regional differences in the assignment of punishment // Criminal Law. 2022. № 4. P. 72–80.
 12. Streng F. Sentencing and relative justice. Heidelberg : C. F. Muller, 2019.
 13. Tonry M. Sentencing Fragments. Oxford : Oxford University Press, 2020.
 14. Lopashenko N. A. Digitalization of criminal law : challenges and prospects. Moscow : Statute, 2022.
 15. Angwin J. Machine Bias // ProPublica. 2016. URL: <https://www.propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing>
 16. Bashkatova M. I. Artificial intelligence in the judicial system : the experience of Russia // Law. 2023. № 5. P. 88–95.
 17. Gorelik A. S. Biometrics and criminal procedure : ethico-legal boundaries // Criminal Procedure. 2021. № 2. P. 14–20.
 18. Case № 2-456/2023 // Archive of the Samara Regional Court.
 19. Verny V. N. Special order of judicial proceedings: efficiency vs justice. M. : Justice, 2022.
 20. Tonry M. Punishing Race: A Continuing American Dilemma. Oxford : OUP, 2022.
 21. Tarlo E. G. Criminal Procedure: Balance of Interests. SPb : Izd. R. Aslanov, 2021.
 22. Case № 1-789/2022 // Archive of the Novosibirsk Regional Court.
 23. Kruglov A. P. The right to defense in special procedure // Criminal Process. 2023. № 4. P. 33–40.
 24. Shmeleva A. V. Sociology of criminal procedure. M. : Norma, 2023.

Информация об авторе

С. А. Ходжалиев — доцент кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности юридического факультета Чеченского государственного университета имени А.А. Кадырова, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

S. A. Khodzhaliev — Associate Professor of the Department of Criminal Law, Procedure and National Security of the Faculty of Law of the Kadyrov Chechen State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 13.12.2024; одобрена после рецензирования 22.02.2025; принята к публикации 01.03.2025.

The article was submitted 13.12.2024; approved after reviewing 22.02.2025; accepted for publication 01.03.2025.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-178-182>

EDN: <https://elibrary.ru/lffbhb>

НИОН: 2003-0059-2/25-281

MOSURED: 77/27-003-2025-02-480

Судебное право в структурной организации права: поиск новой парадигмы

Владимир Иванович Червонюк

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, v.chervonyuk@yandex.ru

Аннотация. Современное понимание судебного права — как совокупности судебных актов — позволяет точнее определить его связь с концептом судебной практики, феноменом судейского (судебного) активизма, отображающем погружение высших судов в сферу правообразования, и создание, таким образом, условий как для эффективного судебного правоприменения, так и разрешения сложных дел, в том числе посредством использования судьями механизма *ratio decidendi*. В этой же связи представлено обоснование «геолокации» судебного права в структуре процессуального права — крупного структурного образования в составе права, однопорядкового материальным отраслям и общностям права и не выступающего по отношению к ним своего рода вторичным образованием.

Ключевые слова: месторасположение процессуального права в структурной организации права, процедурное начало в праве, единство судебного процесса, единение процессуальных ветвей права, комплексы разноотраслевых (внеотраслевых) установлений, состав судебного права, судебные акты

Для цитирования: Червонюк В. И. Судебное право в структурной организации права: поиск новой парадигмы // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 2. С. 178–182. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-178-182>. EDN: LFFBHB.

Original article

Judicial law in the structural organization of law: the search for a new paradigm

Vladimir I. Chervonyuk

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, v.chervonyuk@yandex.ru

Abstract. The modern understanding of judicial law — as a set of judicial acts — allows us to more accurately determine its connection with the concept of judicial practice, the phenomenon of judicial (judicial) activism, reflecting the immersion of higher courts in the field of legal education and thus creating conditions for both effective judicial law enforcement and the resolution of complex cases, including through the use of the *ratio decidendi* mechanism by judges. In the same connection, the substantiation of the «geolocation» of judicial law in the structure of procedural law is presented — a large structural entity within the law, one-dimensional to the material branches and communities of law and not acting in relation to them as a kind of secondary education.

Keywords: location of procedural law in the structural organization of law, procedural principle in law, unity of the judicial process, unity of the procedural branches of law, complexes of diversified (non-sectoral) institutions, composition of judicial law, judicial acts

For citation: Chervonyuk V. I. Judicial law in the structural organization of law: the search for a new paradigm. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(2):178–182. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-178-182>. EDN: LFFBHB.

© Червонюк В. И., 2025

Если не оставаться в плену устаревших догм, то судебное право можно квалифицировать правом, вырабатываемым судами и образующим некую совокупность судебных актов. Такое понимание судебного права позволяет по-иному оценивать правовую систему страны, традиционно воспринимаемую сквозь призму выстроенных в «стройную систему права» отраслей права. Как известно, устоявшиеся в отечественной юриспруденции традиционные подходы понимания природы процессуального права — «узкий» и «широкий» — определяют и состав процессуального права, и одновременно определяют пределы его действия. В то же время, если не ограничиваться сферой отраслевого деления права, применительно к которому предельность действия процессуальной ветви права обозначается тезисом «процессуальность — есть свойство каждой материальной отрасли права» (В. Н. Протасов; вариации на эту тему можно было бы продолжить, презюмируя, к примеру, что «материальность» — есть свойство всякой процессуальной отрасли), то следовало бы определять как состав процессуального права, так и сферы его действия с учетом его действительного предназначения в правовом инструментарии, равно как и функциональных связей в праве, присущих ему (праву) структурных закономерностей. В этой связи особое значение имеет переосмысление необходимости переоценки месторасположения процессуального права в структурной организации права, его связей с материальным правом, асимметрия которых и в новейших условиях остается достаточно заметной. Применительно к изменяющемуся характеру социально-правовой среды общества процессуальное право приобретает существенно иное целеполагание, раздвигаются сферы и пределы его применения, расширяется круг субъектов процессуально-правовых связей. Соответственно, позиция так называемого «широкого» подхода становится узкой для этих условий и не вполне отвечающей действительным потребностям развивающейся практики и коммуницирующих субъектов права.

Утверждение нового понимания процессуального права основывается на тех постулатах, что действие процессуального права, во-первых, несводимо как к сфере правоохраны, так и к управленческой деятельности, т. е. правоприменению; во-вторых, процедуры в одинаковой мере сопровождают поведение каждого, хотя их действие принципиально иное в отношении носителей властных полномочий и непосредственных правопользователей; основанный на демократических принципах права процедурный правовой режим придает поведению граждан рационально осмысленный характер, способствуя максимальному достижению ими различных целей допустимыми средствами, или средствами права; в-третьих, процедурное начало в праве имеет более широкий контекст: оно характеризует применение (понимаемое в специально-юридическом значении) непосредственными правополь-

зователями процессуально-правовых средств как в неюрисдикционном процессе¹, так и непосредственно в сфере осуществления правосудия посредством привлечения в судопроизводство разных и альтернативных друг другу процедур защиты права, разработанных в связи с потребностями индивида и общества в урегулировании и разрешении правовых конфликтов (В. Н. Аргунов)². Это в особенности становится очевидным при оценке всевозрастающей нагрузки на судебный корпус страны, проблематичности в этих условиях разрешать споры в разумные сроки³.

Применительно к новым правовым реалиям, как показывает анализ, принципиально иное значение приобретает *идея судебного права*, получившая широкое распространение в отечественной юриспруденции дореволюционного и советского периодов. Уже в начале XX в. предлагается рассматривать гражданский, административный и уголовный процесс как ветви единой науки, как своего рода составляющие основного вида — общего судебного права (И. В. Михайловский и Н. Н. Розин) [3; 4]. Идея единства судебного процесса и соответствующего ему судебного права обоснована в отечественной литературе советского периода В. А. Рязановским в работе, опубликованной в 1920 г. Концептуализируя взгляды на проблему, автор приходит к выводу о том, что общими критериями объединения гражданского, уголовного и административного процессов можно считать, во-первых, единую правовую природу права на иск; во-вторых, единую задачу суда (установление материальной истины); в-третьих, основные принципы судостройства [8, с. 37–38]. Отмеченный подход к оценке природы судебного права, думается, заслуживает высокой оценки, при том, что в определенных оговорках он (подход) все же нуждается.

В последующем — в конце 1930-х годов — к идее понимания гражданского процесса как части судебного права активно обращается ряд отечественных юристов. В публикациях того времени констатировалось,

¹ Как, в частности, справедливо обратили внимание исследователи трудового права, охрана и защита трудовых прав «не может быть только процессуальной (судебной), должна быть несудебной (процедурной), состоящей из процессуальных и процедурных норм и правоотношений. Трудовое право в значительной мере само по себе процедура» [13, с. 101].

² Специальный анализ проблемы представлен в работе [11, с. 566 и сл.].

³ Как отмечает вновь утвержденный в должности Председатель Верховного Суда РФ И. Подносова, в 2023 г. суды рассмотрели 39 млн дел, притом что мировые судьи рассматривают по 500 дел в месяц, судьи районных судов — по 60 дел и по 170 дел в месяц рассматривают арбитражные судьи (см.: ria.ru «Новости»; mk.ru «Общество»...-sudey-zaryat-let...).

Принимая отмеченное во внимание, тем не менее не представляется единственно возможным и наиболее действенным предложение судебного сообщества относительно «увеличения порога дел, которые рассматриваются в упрощенных процедурах» (www.zakonia.ru/blog/predsedatel-verkhovnogo-s.). Решение задачи следует искать в том числе в рассмотрении обращений граждан, количество которых действительно из года в год растет, на другой (другие) уровни юрисдикций.

что «складывается устойчивый позитивный взгляд на советское социалистическое процессуальное право, первоначально планируемое к научной разработке в рамках единого «судебного права»¹, предполагалось, что «в совместном изучении вопросов уголовного и гражданского процессов виделось будущее советской процессуальной науки»². В изданной в начале 1980-х гг. монографии «Проблемы судебного права» М. С. Строгович, Н. Н. Полянский и А. В. Мельников формулируют ряд выводов, утверждая, что «процессуальное право — это судебное процессуальное право», что «юридический процесс — это судебный процесс, судопроизводство»; соответственно, в духе укоренившихся взглядов на систему права также однозначно утвердительно постулируется: «судебное право — это комплексная отрасль права, объединяющая судебное производство по гражданским и уголовным делам». При этом «основу теории судебного права» авторы усматривают в «общности процессуальных конструкций сторон, иска, принципов осуществления процессов, доказательственного права». Одновременно сделан вывод и о том, что «к судебному праву относятся и судоустройство» [7]. В принципе, отмеченные положения лишь отчасти развивают те мысли, которые ранее были изложены их предшественниками, в частности, в публикациях В. А. Рязановского.

Как показывает анализ проблемы, идею судебного (судопроизводственного) права разделяют многие современные исследователи [5]. Отмечается, что «судопроизводственное право как суперотрасль права составляет совокупность норм, регулирующих судоустройство всех ветвей судебной власти, а также нормы судопроизводственных отраслей (конституционного, гражданского, административного, уголовного процессуального права), имеющих однородное регулирование вопросов предмета, метода, принципов, институтов, стадий, целей и задач реализации функций судебной власти» [6]. В. В. Лазарев и Х. И. Гаджиев в уже упоминавшейся публикации приходят к тому выводу, что «имеются основания для рассмотрения судебного права в качестве особой отрасли права», при том, что судебное право есть «оформленные особым образом совокупности правовых актов», которые «общеобязательны и нормативны, даже если и вынесены в связи с конкретными обстоятельствами» [2]. Напротив, противники означенной идеи исходят из иного убеждения, заявляя о том, что «предложение о создании единого процесса теоретически необоснованно и практически вредно» [1, с. 217]. При этом было бы неправильно думать так, что сформулированная в 80-е гг. XX в. такая позиция не имеет своих сторонников и в новейшее время в среде юридической общественности.

Как представляется, если исходить из базовых положений междисциплинарного подхода к оценке процессуальной формы в праве, то для реализации идеи судебного права есть все основания³. Что особо значимо: отмеченное единение процессуальных ветвей права существует независимо от того, признает ли официальная (господствующая) доктрина наличие этой крупной нормативной общности или же сохраняет молчание по данному вопросу. В этой же связи активно формирующееся конституционно-процессуальное право, обслуживающее осуществление конституционного правосудия, придает новый импульс развитию крупной нормативно-правовой общности в сфере отправления правосудия, одновременно получающей логическую и юридическую завершенность. При этом сформулированные в конституционном праве принципы судебного процесса, интегрируют отраслевые установления (нормы, принципы и др.) в единую ветвь национального права, которые в своем единстве эти процессуальные нормативные комплексы (нормативные правовые общности) объединяются в судебное право — обособившуюся в структуре охранительного права многоуровневую правовую общность, объединяющую под своим началом все процессуальные ветви (отрасли) права, межотраслевые процессуальные институты и право судоустройственное. Одновременно получает новый импульс развития и собственно идея конституционно-судебного права и процесса — той части национального права, посредством которой осуществляется регулирование организации судебных органов конституционной юстиции и порядок осуществления ими конституционного судопроизводства. Соответственно, по-иному выглядит «геолокация» судебного права, встроенного в структуру процессуального права — крупного структурного образования в составе права, однопорядкового материальным отраслям и общностям права и не выступающего по отношению к ним своего рода вторичным образованием.

Обращая внимание на возможность интеграции процессуальных ветвей права под эгидой судебного права, принципиально важно в то же время учитывать то обстоятельство, что за пределами судебного права остается значительный массив норм (установлений), назначением которых является определение порядка правоосуществления вне судебной деятельности. Следовательно, судебное право не поглощает собой всей совокупности нормативных комплексов, устанавливающих процессуально-правовые и процедурно-право-

¹ Советское государство и право. 1938. № 4. С. 4–55.

² Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2016. № 6. С. 39.

³ Примечательно, что в некоторых странах, к примеру, в Швеции, действует кодифицированный законодательный акт — Кодекс судебного процесса. Кодекс включает нормативные комплексы об организации судов, о регулировании гражданского и уголовного процессов, о доказательствах, процессах в Апелляционном и Верховном судах, об экстраординарных средствах правовой защиты (Granstrom M., Broman C. Sweden // International Civil Procedure / Ed. S.R. Grubbs. Hague, Kluwer Law International. 2003. P. 706).

вые режимы в сфере действия права. Отсюда следует, что судебное право является компонентом более общего образования, именуемого процессуальным правом. Процессуальное право в своем единстве как раз и объединяет консолидированные судебным правом все процессуальные комплексы, или процессуальные отрасли права, а также нормативные комплексы внеотраслевого характера, которые в своем единстве весьма условно могут быть объединены в процедурно-процессуальное право. Обе эти составляющие — судебное право и процедурно-процессуальное право, — интегрированные в крупную процессуальную ветвь права, представляют собой значительный и весьма самобытный пласт в структуре права.

Методологически значимым является то обстоятельство, что каждая из составляющих процессуального права сохраняет свои особенности. Так, судебное право следует за материальными отраслями права, в значительной мере относится к охранительной ветви права, имеет особенный механизм и процессуальную форму реализации. Что касается процедурно-процессуального права, то оно менее структурировано, часто, будучи представлено отдельными блоками норм, образующих соответствующий институт права; как правило, не следует за материальными нормами, не относится к охранительному праву.

Таким образом, конституционно заданные цели развития правовой государственности, постоянно возрастающие потребности современного правового развития определяют необходимость консолидации всех процессуальных институтов, норм и принципов под эгидой единого нормативного образования. Основываясь на ранее проведенных исследованиях, в составе процессуального права обобщенно можно обособить комплексы процессуальных правоустановлений, структурно представленные тремя составляющими. Это, во-первых, комплекс разноотраслевых и внеотраслевых процедурно-процессуальных установлений (процессуально-правовых средств), опосредующих реализацию отдельных материально-правовых норм, а также осуществление правомерных действий, обусловленных правосубъектностью лица; при этом применение такого рода процедур не образует отдельных юридических производств, т. е., собственного говоря, не предполагает осуществление специализированными учреждениями и полномочными лицами судебно-процессуальной деятельности. Во-вторых, в рассматриваемом контексте процессуальное право охватывает комплексы разноотраслевых и внеотраслевых установлений, опосредующих осуществление в несудебном порядке соответствующих юридических производств (налоговый, земельный, бюджетный, законодательный, избирательный, трудовой, миграционный процессы, или производства, и др.). В-третьих, предполагаемая нормативно-правовая общность — процессуальное право — представлена комплексами однородных по отраслевой принадлежности процессуальных установлений, опосредующих осуществление юридических производств в судебном порядке.

Перечень таких видов судопроизводств исчерпывающе перечислен в Конституции РФ (ч. 2 ст. 118).

Следовательно, процессуальное право — это обобщившаяся в структуре права многоуровневая правовая общность, объединяющая под своим началом все процессуальные ветви (отрасли) права, внеотраслевые процессуальные институты, отдельные группы процедурных правил и иных установлений [12; 10, с. 417–435; 11, с. 644–662]. Ценность такого понимания процессуального права, как представляется, очевидна, при том, что интегрированность процессуальных норм в единую нормативную общность — процессуальное право — предопределена факторами объективно-субъективного свойства как специально-юридического, так и метаюридического характера. В данном случае имеет место то, что в современной доктрине характеризуется происходящими в недрах правового строя процессами конвергенции [11, с. 83–96, 694–703]. Соответственно, отмеченный процесс — инкорпорирование процессуальных комплексов в единую процессуально-правовую ветвь права — вызван к жизни объективно существующей, имеющей закономерный характер, зависимостью структуры права от «предписанных» ему функций, обусловленной этим обстоятельством специализацией права (правовых средств), «встроенностью» процессуальных правовых средств в структуру каждого из методов правового регулирования и через эту особенность — вхождение их в правовую ткань, интегрируясь в различные формирования права сообразно их функциональному назначению.

Перестройка правового инструментария подобным образом перестраивает и механизмы функционирования государства, задавая ему и всей системе публичной власти, особый правовой режим коммуникации как собственно внутри властных институтов, так и в интеракциях с населением, институтами гражданского общества, отдельной личностью вне зависимости от сфер его (государства) управляющего воздействия — будь то сфера законодательства, государственного управления (в его узком понимании) или правоохраны [концептуальный анализ проблемы представлен в 9; 10, с. 716–736].

Список источников

1. Боннер А. Т. Избранные труды : в 7 т. Т. I. История гражданского процессуального права. Специфика гражданских процессуальных отношений. Москва : Проспект, 2017.
2. Лазарев В. В., Гаджиев Х. И. Основные источники (формы) судебного права // Журнал рос. права. 2022. № 9. С. 3–8.
3. Михайловский И. В. Судебное право как самостоятельная юридическая наука. М. : Право, 1908. № 32.
4. Розин Н. Н. Процесс как юридическая наука. Ж. М. Ю., 1910.
5. Плотников Д. А. О научных взглядах на систему современного гражданского процессуаль-

- ного права России // Вестник гражданского процесса. 2021. № 6. С. 112–139.
6. Попова Ю. А. Теория процессуальных (судопроизводственных) форм реализации судебной властью функций правосудия (ретроспективный аспект) // Вестник гражданского процесса. 2012. № 2. С. 35.
 7. Проблемы судебного права : монография / М. С. Строгович, А. А. Мельников, Н. Н. Полянский ; под ред. В. М. Савицкого. М. : Академия наук [АН] СССР. Институт государства и права, 1983.
 8. Рязановский В. А. Единство процесса : учебное пособие. М. : Городец, 2005.
 9. Червонюк В. И. Современное полицейское право в контексте правовой государственности (в 3 вып.). Вып. 3. Правозащитная полицейская функция современного государства : юридические формы и конституционные учреждения ее реализации // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 5. С. 110–116.
 10. Червонюк В. И. Идея права и право в идеях : в 2-х т. Т. I. Теория, философия и методология права : монография. М. : Юстицинформ, 2021. 868 с.
 11. Червонюк В. И. Структура права : теория, методология, технологии и практики формирования : монография. М. : Юстицинформ, 2024. 1048 с.
 12. Червонюк В. И. Процессуальное право в структуре национального права // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 6. С. 7–10.
 13. Чуча С. Ю. Обеспечение и защита социально-трудовых прав в условиях трансформации сферы труда и занятости : монография. Москва : Проспект, 2024. 448 с.
 2. Lazarev V. V., Gadzhiev Kh. I. The main sources (forms) of judicial law // Journal ross. rights. 2022. № 9. P. 3–8.
 3. Mikhailovsky I. V. Judicial law as an independent legal science. Moscow : Pravo, 1908. № 32.
 4. Rozin N. N. Process as a legal science. Zh. M. Yu., 1910.
 5. Plotnikov D. A. On scientific views on the system of modern civil procedural law in Russia // Bulletin of Civil Procedure. 2021. № 6. P. 112–139.
 6. Popova Yu. A. Theory of procedural (judicial) forms of implementation of judicial functions by the judiciary (retrospective aspect) // Bulletin of the Civil Procedure. 2012. № 2. P. 35.
 7. Problems of judicial law: a monograph / M. S. Strogovich, A. A. Melnikov, N. N. Polyansky ; edited by V. M. Savitsky. Moscow : Academy of Sciences of the USSR. Institute of State and Law, 1983.
 8. Ryazanovsky V. A. Unity of the process: a textbook. Moscow : Gorodets, 2005.
 9. Chervonyuk V. I. Modern police law in the context of legal statehood (in 3 vols.). Issue 3. Human rights police function of the modern state: legal forms and constitutional institutions of its implementation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 5. P. 110–116.
 10. Chervonyuk V. I. The idea of law and law in ideas : in 2 volumes. I. Theory, philosophy and methodology of law : monograph. M. : Justicinform, 2021. 868 p.
 11. Chervonyuk V. I. Structure of law : theory, methodology, technologies and practices of formation : monograph. Moscow : Justicinform, 2024. 1048 p.
 12. Chervonyuk V. I. Procedural law in the structure of national law // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. № 6. P. 7–10.
 13. Chucha S. Yu. Ensuring and protecting social and labor rights in the context of the transformation of the sphere of labor and employment : monograph. Moscow : Prospekt, 2024. 448 p.

References

Информация об авторе

В. И. Червонюк — профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

V. I. Chervonyuk — Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 03.12.2024; одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 05.02.2025.

The article was submitted 03.12.2024; approved after reviewing 20.01.2025; accepted for publication 05.02.2025.

Научная статья
УДК 342.72/73
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-183-187>
EDN: <https://elibrary.ru/euuzwn>
НИОН: 2003-0059-2/25-282
MOSURED: 77/27-003-2025-02-481

Системное единство и непротиворечивость принципов конституционного строя Российской Федерации

Борис Сафарович Эбзеев

Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, Москва, Россия, ebzeev_bs@mail.ru

Аннотация. Продемонстрирована значимость принципов конституционного строя как системных, целостных, согласованных и непротиворечивых правовых явлений. В работе предпринята попытка анализа проблематики регулятивно-охранительного потенциала основ конституционного строя Российской Федерации. Автор затронул вопрос о ценностной иерархии принципов конституционного строя и защищенности их от доктринального переосмысления. Особое внимание уделено изучению принципов конституционного строя как юридических сегментов системы высшего нормативного порядка, предопределяющих цели конституционно-правового регулирования.

Ключевые слова: Конституция, принципы конституционного строя, демократизм, права, обязанности и свободы индивида, государственное принуждение, легитимация, правопорядок

Для цитирования: Эбзеев Б. С. Системное единство и непротиворечивость принципов конституционного строя Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 2. С. 183–187. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-183-187>. EDN: EUUZWN.

Original article

Systemic unity, coherence and consistency of the principles of the constitutional system of the Russian Federation

Boris S. Ebzeev

Central Election Commission of the Russian Federation, Moscow, Russia, ebzeev_bs@mail.ru

Abstract. The importance of the principles of the constitutional system as systemic, integral, consistent and consistent legal phenomena is demonstrated. The paper attempts to analyze the problems of the regulatory and protective potential of the foundations of the constitutional system of the Russian Federation. The author raised the issue of the value hierarchy of the principles of the constitutional system and their protection from doctrinal reinterpretation. The special attention is paid to the study of the principles of the constitutional system as legal segments of the system of the highest normative order, which determine the goals of constitutional and legal regulation.

Keywords: Constitution, principles of the constitutional system, democracy, rights, duties and freedoms of the individual, state coercion, legitimation, law and order

For citation: Ebzeev B. S. Systemic unity, coherence and consistency of the principles of the constitutional system of the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(2):183–187. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-183-187>. EDN: EUUZWN.

Актуальность заявленной темы не вызывает сомнений, поскольку такая категория как «принцип» охватывает все отрасли права, и конституционно-правовое регулирование здесь не является исключением. Принципы конституционного права выступают фундаментом правопорядка, очерчивая правотворческое и правоприменительное воздействие государства в его фундаментальных основаниях. Через принципы

отечественного Основного Закона реализуется воля многонационального народа России, а с юридической точки зрения они демонстрируют тот кластер социальных ценностей, который поддерживает стабильность социальных связей и единство общества. В этой связи анализ системного единства, согласованности и непротиворечивости принципов конституционного строя Российской Федерации способствует наполне-

нию отечественной конституционной доктрины необходимы знания об отрасли конституционного права, ее регулятивном потенциале и перспективах развития в целом.

Итак, категория «принцип» (*principium*) имеет латинские корни и обозначает некую основу, фундамент, исток, первопричину. Указанное понятие можно часто встретить в трудах по философии, логике и иных отраслях гуманитарного знания. Не является здесь исключением и юридическая наука, которая с этимологических позиций видит в указанной конструкции фундамент, исток, основу.

Конституционное право, как ведущая отрасль отечественного правового регулирования, прямо либо в имплицитном формате также широко использует термин «принцип». Так, отечественный Основной Закон содержит указанную категорию в ст. 15, 17, 69, 72, 75, 77 [4, с. 195].

Заостряя аналитический взгляд на Конституции и целостности ее принципов, можно сказать, что в ней отражаются положения, закрепляющие основы конституционного строя государства. Указанные нормы занимают особое место в механизме конституционно-правового регулирования, детерминируя содержательную сущность всего правопорядка. Не являются исключением и правовые спецификации других принципиальных положений Основного Закона страны и отраслей права, имеющих место в настоящее время в российской правовой системе. В связи с этим основы конституционного строя представляют собой фундаментальные нормы-принципы, отражающие содержательную сущность Конституции, охватывая все ее положения. Конституционные нормы-принципы выступают связующим звеном между всеми нормативными сегментами Основного Закона, структурируя процесс его взаимодействия с механизмом правового регулирования отечественного правопорядка. Нормы-принципы отечественной Конституции охватывают и регулятивные характеристики зарубежных правопорядков, равно как и принципы международного права в процессе их взаимодействия с текущими нормами, являющимися частью российской правовой системы.

Однако место и роль основ конституционного строя нельзя сводить сугубо к конституционным принципам или фундаменту правопорядка. Так, принципы конституционного строя государства — это внешнее выражение механизма правового регулирования, а также форма фиксации важнейших ценностей многонационального народа Российской Федерации, как субъекта, обладающего цивилизационной идентичностью. Иными словами, принципы конституционного строя представляют собой алгоритм социального взаимодействия, так как они опосредованы Основным Законом, обеспечены всей силой государственного принуждения и легитимированы обществом.

Из вышесказанного следует, что принципы конституционного строя по своей юридической природе несут в себе концептуальный дуализм, обладая онтологическими и регулятивно-охранительными харак-

теристиками. Так, с онтологических позиций принципы конституционного строя выступают фундаментом конституционно-правового бытия. Подобное указывает на то, что их адекватный анализ невозможен вне контекста текущей социальной действительности, которую отражают и формируют принципы конституционного строя. С другой стороны, с точки зрения регулятивно-охранительного аспекта, принципы конституционного строя выступают стержнем правотворческой и правоприменительной деятельности органов государства. Обычно именно в регулятивно-охранительном аспекте основы конституционного строя доктринально совпадают с конституционными принципами его выражающими, которые отражаются в конституционно-правовой реальности как идеи, фундамент, базовая детерминанта правового регулирования и особый социальный регулятор. Место и роль основ конституционного строя во многом обусловлены идеей гуманизма, пронизывающей конституционный строй. При этом основы конституционного строя гарантируют защиту от излишнего огосударствления общественных отношений, выступая препятствием на пути формирования тоталитарных и авторитарных тенденций. Принципы функционирования и организации публичных институтов отражаются в конституционных основах в достаточно общем виде и лишены конкретики, так как находят свою детализацию в последующих главах Основного Закона. Вместе с тем основы конституционного строя формируют принципы как публичных, так и общественных институтов, пронизывая экономическую, социальную, духовную, культурную и политическую сферы жизни общества.

В аспекте нашего исследования небезынтересны и решения Конституционного Суда Российской Федерации, смысл которых сводится к тому, что принципы конституционного строя означают единство различных правовых явлений, телеологически направленных на реализацию сегментов механизма правового регулирования, интерпретацию правовых норм, определение пределов субъективного права, формирование спектра нормативных долженствований, установление целей правопорядка и пр. Подобный нормативный алгоритм указывает на то, что принципы конституционного строя обладают универсальными свойствами, охватывая деятельность субъектов и все отрасли правовой регуляции, функционируя как на территории Российской Федерации, так и в контексте межгосударственных отношений.

Содержательная сущность принципов конституционного строя достаточно амбивалентна, так как они подвержены динамике, обладая при этом и качествами стабильности. Подобное указывает на диалектические спецификации конституционного права, которые характерны для стран, относительно поздно воспринявших западноевропейские конституционные стандарты.

Стабильность принципов конституционного строя выражается в том, что они отражают цели конституционно-правового регулирования и не зависят от текущей политической конъюнктуры, идеологических

преобразований и социально-экономических факторов. Так, в соответствии со ст. 135 Конституции Российской Федерации положения гл. 1 «Основы конституционного строя», гл. 2 «Права и свободы человека и гражданина», а также гл. 9 «Конституционные поправки и пересмотр Конституции» не подлежат пересмотру со стороны Федерального Собрания [6]. Подобный нормативный алгоритм играет важную роль, так как в случае частых изменений конституционных положений согласно ст. 136 Конституции Российской Федерации, предусматривающей возможность внесения поправок к гл. 3–8 Основного Закона, возможно наличие негативного влияния на стабильность принципов конституционного строя, систему конституционно-правового регулирования и регулятивно-охранительный потенциал положений Конституции [2, с. 136].

Если затрагивать проблематику динамичности принципов конституционного строя, то она проистекает из телеологии Основного Закона, который призван выстраивать идеальную модель общественных отношений, своего рода опережая текущую социальную реальность. По сути, основы конституционного строя не просто отражают реальную жизнь, но выстраивают перспективы ее развития, интегрируя свои смысловые характеристики в практику общественных отношений. Таким образом, Основной Закон — это идеальная модель социальной реальности, которой должна соответствовать деятельности публичных и общественных институтов. Отсюда следует, что Конституцию можно понимать как эталон поведения всех граждан, их ассоциаций, органов государства и должностных лиц. При этом в плоскости реализации принципа прямого действия Основной Закон не является юридической абстракцией или сугубо идеологическим документом, оторванным от реальности, поскольку это именно главный закон страны, обладающий высшей юридической силой на всем пространстве, где простирается юрисдикционная сила государства.

Основы конституционного строя несут в себе системообразующие качества, охватывающие объективную правовую реальность, делаю ее универсальным и целостным регулятором общественных отношений. Принципы конституционного строя — это фундаментальные, императивно абсолютные, безусловные и легитимные по своей юридической сути правила поведения, синтезирующие в единое целое естественное и позитивное право [1, с. 22–23]. Более того, само развитие Конституции, ее динамический формат воплощается через нормативный алгоритм, установленный указанными принципами. Системообразующие спецификации принципов конституционного строя проявляют себя в разрешении споров о праве в судебных инстанциях и, прежде всего, в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, в рамках которой содержательная сущность конституционных основ максимально реализует свой регулятивно-охранительный и политико-идеологический потенциал.

Указанные выше обстоятельства позволяют рас-

сматривать принципы конституционного строя как универсальные критерии законности во всех направлениях нормативной регуляции. Так, конституционные основы составляют фундамент национальной правовой системы, предопределяя ее модель. При этом текущий правовой порядок во многом детерминирован процессом восприятия и имплементацией отдельными индивидами, обществом и государством принципов конституционного строя. Освоение конституционных принципов субъектами правоотношений важно еще и тем, что указанные основополагающие начала являются не просто регуляторами общественных отношений, но и формируют фундаментальные ценности общества и государства, параллельно играя роль критериев правотворческой и правоприменительной деятельности. Принципы конституционного строя оказывают воздействие и на правосознание субъектов конституционно-правовых отношений, что сказывается на их поведении, реализуемом сообразно нравственным и политико-правовым ориентирам, отраженным в Основном Законе страны. Здесь важно подчеркнуть, что основы конституционного строя, воспринимаемые сквозь призму правосознания отдельных граждан и всего общества, выступают в образе критерия оценки действующего и желаемого правового регулирования [4, с. 198].

Анализируя принципы конституционного строя, нетрудно увидеть, что они лишены конкретизации и достаточно абстрактны. Подобное вызвано спецификой конституционно-правового регулирования и порождает определенные особенности нормативного характера в процессе претворения в жизнь указанных принципов. Тем не менее, нормы, опосредующие конституционный строй, обладают качеством прямого действия, не нуждаясь в глубокой детализации со стороны правотворческих органов, так как это не предусмотрено самим Основным Законом. Именно такой позиции в отношении юридической сущности принципов конституционного строя придерживается Конституционный Суд Российской Федерации, реализуя функцию конституционного правосудия и опираясь, прежде всего, на нормы, отраженные в гл. 1 Конституции Российской Федерации. Вместе с тем реализация конституционных положений демонстрирует еще и то, что принципы конституционного строя нередко регулируют общественные отношения в синтезе с иными конституционными нормами. Имеют место случаи, когда имплементация принципов конституционного строя осуществляется через иные нормативно-правовые акты, принимаемые законодателем в пределах конституционного допущения. Здесь важно, что Конституционный Суд Российской Федерации контролирует соблюдение законодателем указанных правотворческих границ. В сущности, принципы конституционного строя могут компенсировать правовые пробелы, вызванные лаконичностью и абстрактностью текста Основного Закона, реализуя рамочную модель правовой регуляции [3, с. 18].

Здесь важно подчеркнуть фундаментальность кон-

ституционных основ, так как все положения Основного Закона должны соответствовать последним. К примеру, нормы Конституции Российской Федерации не должны нарушать принципы социального государства, политической солидарности, императивности прав и свобод индивида и пр. Подобное сигнализирует о том, что в аспекте интерпретации конституционных правоположений не должна нуллифицироваться идея построения в России социального государства, искажаться принцип политической солидарности, либо наноситься ущерб человеку, его правам и свободам как высшей ценности. Таким образом, любая норма Конституции Российской Федерации выступает системным сегментом, детерминированным принципами конституционного строя. При этом понимание любого правоположения Основного Закона должно четко коррелироваться с конституционными основами и не допускать с ними концептуальных противоречий.

И действительно, принципы конституционного строя составляют кластер системно связанных положений, которые играют в механизме конституционно-правового регулирования ключевую роль в качестве нормативного стержня. Конституционные основы находятся в постоянном взаимодействии не только между собой, но и с иными нормами Основного Закона, рамочно регулируя все общественные отношения, структурируя отраслевые нормативные кластеры, приводя в соответствие не только правотворчество, но и правоприменительную практику национальной правовой системы.

Небезынтересно то, что Конституция обладает качествами защищенности от доктринального воздействия, реализуемого в целях нормативного принижения принципов конституционного строя по причине того, что они обладают высшей юридической силой не только в отношении отраслевого нормативного инструментария, но и в отношении иных правоположений Основного Закона. Тем не менее, среди принципов конституционного строя имеет место ценностная иерархия и концептуальное соподчинение.

Ведя речь об иных принципах конституционного строя, следует отметить, что они концептуально очерчены идеей демократии и играют роль механизма, который детализирует все направления конституционно-правовой регуляции. В этой связи подобный нормативный алгоритм демонстрирует конституционные основы в качестве нормативного воплощения демократии и народовластия, обеспеченных Основным Законом государства.

В то же время ценностная иерархия и концептуальная взаимосвязь принципов конституционного строя не является отражением их конкуренции и противоречивости. Так, в том случае, когда сегменты конституционного строя будут вступать между собой в правовые коллизии, подобное может стать предпосылкой энтропии ценностного фундамента общественных отношений, закрепленного в Конституции, а это нарушит баланс интересов и вызовет нестабильность в социуме. Принципы конституционного строя — это

целостная система взаимосвязанных между собой компонентов фундаментального характера, в имплицитной форме отраженных в преамбуле Конституции, которая телеологически выражает ценностные устремления общества. При этом принципы конституционного строя, являясь как самостоятельными нормативными инструментами, так и компонентами единого регулятивно-охранительного комплекса, реализуют единую цель, суть которой заключается в достижении общего блага.

Принципы конституционного строя тесно взаимодействуют с теми целями, которые наметил многонациональный народ России, являющийся первичным субъектом права [5, с. 271]. Именно телеология Основного Закона закладывает концептуальный стержень принципам конституционного строя, определяет функционал Конституции, направление и характер развития конституционно-правового регулирования как ведущей отрасли национального правопорядка. Принципы конституционного строя гарантируют не только имплементацию правоположений Основного Закона, но и форму воплощения идей и принципов международного права в национальной правовой системе. Именно это демонстрирует фундаментальность принципов конституционного строя, которые обладают качеством нормативной органичности, синтезируя в себе передовые достижения естественно-правовой концепции и нормативизма. Принципы конституционного строя закладывают содержательную сущность в правотворческую и правоприменительную деятельность публичной власти, легитимируют конституционные обязанности, выстраивая парадигму развития общества, обеспечивая фактическую свободу и справедливость для каждого субъекта общественных отношений.

В заключение статьи необходимо сделать ряд выводов и обобщений, подведя некоторый итог отраженным выше научным изысканиям. Так, основы конституционного строя представляют собой фундаментальные нормы-принципы, отражающие содержательную сущность Конституции, охватывая все ее положения. Нормы-принципы отечественной Конституции затрагивают и регулятивные характеристики зарубежных правопорядков, равно как и принципы международного права в процессе их взаимодействия с текущими нормами российской правовой системы.

Принципы конституционного строя государства — это внешнее выражение механизма правового регулирования, а также форма фиксации важнейших ценностей многонационального народа Российской Федерации, как субъекта, обладающего цивилизационной идентичностью. С онтологических позиций принципы конституционного строя выступают фундаментом конституционно-правового бытия. В свою очередь, с точки зрения регулятивно-охранительного аспекта, принципы конституционного строя выступают фундаментом правотворческой и правоприменительной деятельности органов государства.

Основы конституционного строя формируют

принципы функционирования как публичных, так и общественных институтов, пронизывая экономическую, социальную, духовную, культурную и политическую сферы жизни общества. Принципы конституционного строя создают предпосылку к тому, что Конституция обладает высшей юридической силой на всем пространстве, где простирается юрисдикционная сила государства.

Принципы конституционного строя — это фундаментальные, императивно абсолютные, безусловные и легитимные по своей юридической сути правила поведения, синтезирующие в единое целое естественное и позитивное право. Они формируют фундаментальные ценности общества и государства, параллельно играя роль критериев правотворческой и правоприменительной деятельности публичной власти. Таким образом, норма Основного Закона выступает системным сегментом, детерминированным принципами конституционного строя.

Принципы конституционного строя — это целостная система взаимосвязанных между собой компонентов фундаментального характера, в имплицитной форме отраженных в преамбуле Конституции, которая телеологически выражает ценностные устремления общества. При этом принципы конституционного строя, являясь как самостоятельными нормативными инструментами, так и компонентами единого регулятивно-охранительного комплекса, реализуют единую цель, суть которой заключается в достижении общего блага многонационального народа Российской Федерации.

Список источников

1. Грошев С. Н., Саудаханов М. В. Конвергенция естественно-правовой концепции и нормативизма через призму метода историзма // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 21–24.
2. Зиньков Е. Н., Тулиев И. И. Эволюция порядка пересмотра Конституции РФ и внесения в нее поправок : значение и актуальные проблемы // Вестник Самарского юридического института. 2021. №3 (44). С. 134–138.
3. Пресняков М. В. Стабильность и абстракт-

ность Конституции российской Федерации : конституционный дуализм юридической (формальной) и фактической Конституции // Вестник СГЮА. 2018. № 5 (124). С. 15–22.

4. Эбзеев Б. С. Конституционное право России : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2024. 832 с.
5. Эбзеев Б. С. Философия российского конституционализма : очерки. М. : Проспект, 2024. 496 с.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

References

1. Groshev S. N., Saudakhanov M. V. Convergence of the natural law concept and normativism through the prism of the method of historicism // Bulletin of economic security. 2021. № 2. P. 21–24.
2. Zinkov E. N., Tuliev I. I. Evolution of the procedure for revising the Constitution of the Russian Federation and amending it : significance and current problems // Bulletin of the Samara Law Institute. 2021. № 3 (44). P. 134–138.
3. Presnyakov M. V. Stability and abstractness of the Constitution of the Russian Federation : constitutional dualism of the legal (formal) and actual Constitution // Bulletin of the SSYA. 2018. № 5 (124). P. 15–22.
4. Ebzeev B. S. Constitutional law of Russia : textbook. 2nd ed., reprint. and add. M. : Prospect, 2024. 832 p.
5. Ebzeev B. S. Philosophy of Russian constitutionalism : essay. M. : Prospect, 2024. 496 p.
6. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

Информация об авторе

Б. С. Эбзеев — член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Information about the author

B. S. Ebzeev — Member of the Central Election Commission of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 03.03.2025; одобрена после рецензирования 24.03.2025; принята к публикации 10.04.2025.

The article was submitted 03.03.2025; approved after reviewing 24.03.2025; accepted for publication 10.04.2025.

Научная статья

УДК 338

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-188-196>

EDN: <https://elibrary.ru/xoziyd>

НИОН: 2003-0059-2/25-283

MOSURED: 77/27-003-2025-02-482

Экономический кризис и политическая турбулентность: американские корни международного экстремизма

Сергей Рифатович Аблеев¹, Рамиль Хакимович Мирзязянов²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, asr028@yandex.ru

² Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, ramilhakimovich@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются некоторые скрытые причины международного экстремизма и геополитических столкновений первой четверти XXI века. Авторы полагают, что многие из них имеют тесную связь с нарастающими политическими и экономическими проблемами американского государства (США), которое теряет свое доминирующее положение и авторитет на международной арене. Стратегия глобального лидерства Америки вступает в противоречие с ее реальными ресурсами и возможностями. Экстремистские попытки подавления России со стороны США и коллективного Запада обусловлены последовательным курсом РФ на защиту своего цивилизационного суверенитета и формирование многополярного мира.

Ключевые слова: геополитика, международный экстремизм, экономический кризис, политическое противостояние, специальная военная операция, российская цивилизация, цивилизационный суверенитет, Большая Евразия, многополярный мир

Для цитирования: Аблеев С. Р., Мирзязянов Р. Х. Экономический кризис и политическая турбулентность: американские корни международного экстремизма // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 2. С. 188–196. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-188-196>. EDN: XOZIYD.

Original article

Economic crisis and political turbulence: the American roots of international extremism

Sergey R. Ableev¹, Ramil' Kh. Mirzazyanov²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, asr028@yandex.ru

² Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ramilhakimovich@mail.ru

Abstract. Some certain underlying causes of international extremism and geopolitical conflicts in the first quarter of the 21st century are examined. The authors argue that many of these causes are closely linked to the growing political and economic challenges faced by the United States, which is gradually losing its dominant position and authority on the international stage. The strategy of global leadership pursued by the U.S. increasingly contradicts its actual resources and capabilities. The extremist efforts of the United States and the collective West to suppress Russia are driven by Russia's consistent policy of defending its civilizational sovereignty and promoting the formation of a multipolar world.

Keywords: geopolitics, international extremism, economic crisis, political confrontation, special military operation, Russian civilization, civilizational sovereignty, Greater Eurasia, multipolar world

For citation: Ableev S. R., Mirzazyanov R. Kh. Economic crisis and political turbulence: the American roots of international extremism. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(2):188–196. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-188-196>. EDN: XOZIYD.

© Аблеев С. Р., Мирзязянов Р. Х., 2025

В начале XXI века стало очевидно, что краткий исторический период абсолютного геополитического доминирования США подходит к своему логическому завершению. Монополярный мир, в центре которого находилась Северная Америка со своими союзниками и сателлитами, оказался политически неустойчивым, этически несправедливым, экономически зыбким, аксиологически негуманным и даже взрывоопасным по причине постоянных локальных военных конфликтов и угрозы мировой ядерной войны.

В конце XX века Америка получила уникальный исторический шанс возглавить развитие земной цивилизации и вывести ее на новый эволюционный этап социально гармоничного и технологически обустроенного сообщества различных стран и народов. Однако американские элиты не смогли использовать этот шанс и привели цивилизацию на край глубочайшей пропасти, осуществляя самый мрачный эсхатологический прогноз.

Таким образом, мы вошли в турбулентную историческую ситуацию глобального кризиса человечества, в общественном сознании которого на протяжении нескольких столетий доминировали идеалы и ценности Западной (Евро-Атлантической) цивилизации. В категориях синергетики такая ситуация представляет собой точку глобальной бифуркации, в которой мировая цивилизация получает возможности дальнейшего развития по альтернативным эволюционным сценариям [1, с. 64]. Надо откровенно признать, что далеко не все из них для человечества являются благоприятными, прогрессивными и безопасными.

В чем причина этой ситуации? В чем состоит главная проблема Атлантического полюса силы, основанием которого являются американские, британские, европейские финансово-промышленные группы и политические элиты? Ведь в течение нескольких столетий именно Европа, а позже Американские Штаты, несмотря на некоторые негативные обстоятельства, действительно являлись локомотивами социально-политического, экономического и культурного развития земной цивилизации.

Прогрессивный период так называемой «пуританской Америки», боровшейся за свою независимость от Британского владычества, отвергшей монархическое управление, высоко ценившей свободный труд, стремившейся к духовному возрождению и социальному процветанию, заканчивается примерно в середине XIX века. Именно тогда в крови американской элиты вдруг проснулись латентные гены европейского великодержавия и неограниченной финансовой наживы, и она начинает активно участвовать в колониальных экспансиях наряду с Британией и Францией на просторах азиатского географического пространства.

Милитаристские авантюры Американского государства вопреки всем основам международного права теперь хорошо известны. Во второй половине XX века

США развязали несколько десятков локальных войн и вооруженных конфликтов по всему земному шару (Корея, Лаос, Куба, Вьетнам, Иран, Гренада, Панама, Ливан, Ирак, Югославия, Ливия, Афганистан, Сирия, Украина и многие др.). Количество прямых жертв этих кампаний исчисляется несколькими миллионами, а реально (с учетом гражданского населения), по оценкам некоторых западных экспертов, от десяти до двадцати миллионов человек (Дж. Лукас) [2].

Принимая во внимание не только военный аспект американской мощи, но и другие немаловажные аспекты (технологический, финансовый, дипломатический, информационный) становится вполне понятно, почему эта держава является гегемоном современного мира, гигантской геополитической и экономической империей, которая, по мнению некоторых авторов, контролирует все важнейшие процессы нашей планеты (А. Г. Дугин) [3]. Трудно не заметить, что с некоторых пор Америка представляет собой не только *глобальную государственную машину*, но и *глобальную идеологическую модель*, формирующую политическое мышление, экономические тенденции и аксиологические доминанты по всему земному шару.

Данная идеологическая модель опирается на две базовые мировоззренческие константы. Первая из них: *светский политический и экономический либерализм*, выросший на почве европейских философских доктрин и экономических учений Нового времени. Вторая константа: *религиозный эсхатологический фундаментализм* протестантской ориентации. Среди политологов существует убеждение, что фундаментализм — это вовсе не про Америку. Это скорее про страны Востока: Индию (индуистский фундаментализм) и Арабский мир (исламский фундаментализм). Однако здесь мы вполне солидарны с А. Г. Дугиным в том, что американская идеологическая система имеет более глубокие основания, чем принято обычно полагать. Во всяком случае, шаблонное низведение ее до либеральной рыночной экономики и либеральной демократии было бы существенным упрощением.

Многие военные конфликты и практически все государственные перевороты как явления внеправового политического экстремизма на международной арене были устроены Американским государством под лозунгом борьбы за демократические ценности. Вполне очевидно, что этот лозунг является идеологической ширмой, которой американская элита пытается прикрыть свои геополитические и экономические интересы в далеких регионах за тысячи километров от Вашингтона.

Реальные причины военных авантур США и так называемых *цветных революций* выглядят следующим образом. Первая причина: смена неуютного политического режима в конкретной стране в геополитических целях. Вторая причина: контроль над страной или регионом для осуществления своих бизнес-про-

ектов (выкачивание нефти, добыча иных природных ресурсов, управление транспортными коридорами и др.). Третья причина: создание ситуации «управляемого хаоса» для перенаправления финансовых потоков и формирования зоны постоянной нестабильности в регионе, которая позволяет ослаблять неудобные страны, экспортировать продукцию ВПК, а при необходимости — навязывать размещение американских военных баз.

Все отмеченные явления свидетельствуют о том, что американская демократия как правовая система стремительно вырождается, а экспансивное американское общество приближается к масштабному кризису. Важный сигнал общего системного сбоя американского государственного механизма — нарастающий конфликт политических элит, который выходит за рамки простой демократической конкуренции альтернативных программ развития общества.

После первого прихода к власти несистемного для политического пространства Америки президента Дональда Трампа конфликт становится все более ожесточенным и непримиримым. Верхний эшелон американских демократов, стоящие за ними теневые субъекты так называемого «глубинного государства» и политический клан неоконеров впервые в новой истории пошли на агрессивную дискредитацию легитимно избранного лидера с применением широкого арсенала всевозможных медийных средств и политических технологий. Это свидетельствует о радикальном нежелании части американских элит смириться с результатами демократических выборов вплоть до открытой дестабилизации американского общества. Почетная роль геополитического пугала в этом внутреннем конфликте американского истеблишмента отводилась России, которой приписывали даже манипуляции политическим процессом в Америке.

Однако реальные причины внутреннего конфликта американских элит оказались далеки от каких-либо воздействий иностранных держав. Они отражают общие тревожные настроения как демократов, так и республиканцев от нарастающей *экономической стагнации*, которая усугубляется *геополитическими провалами США* в начале XXI века. На глазах всего мира Америка стремительно теряет свою былую гегемонию, что вполне коррелирует известному тезису теоретической социологии: «любая монополия рано или поздно ликвидируется» (И. Валлерстайн) [4]. Историческую миссию ликвидаторов американской монополии, по всей видимости, будут осуществлять Россия и Китай, представляющие собой в настоящее время два краеугольных политических основания активно формирующейся *Большой евразийской цивилизации*.

В условиях кризиса, как полагают некоторые аналитики, американская политическая система потенциально может выбрать один из трех реально возможных стратегических вариантов своего дальнейшего разви-

тия: *реформу*, *крах* или *консервацию* (Р. В. Ищенко) [5]. Так или иначе, один из них должен привести к новому балансу состояние системы и состояние ресурсов. Ведь условия кризиса в отвлеченном смысле были сформированы острыми противоречиями между реальными возможностями американского общества (ресурсами) и его горячим желанием поддерживать свой высокий политический, идеологический и экономический статус (статус-кво системы).

Первый вариант предполагает комплексное *болезненное реформирование* Американского государства, которое должно умерить свои геополитические амбиции и привести в соответствие уровень жизни населения с уровнем реального экономического продукта. Принимая во внимание огромный внешний долг США, высокую инфляцию, надутые котировки акций и острую мировую конкуренцию этот сценарий в глазах политического истеблишмента выглядит крайне рискованным и нежелательным.

Второй вариант предполагает *неуправляемое крушение* американской системы, которая вопреки политической воле номинальных элит и «глубинного государства» сваливается в экономический штопор или в политическую деструкцию единого федерального пространства. Это может выглядеть как Великая депрессия 2.0. Но, по всей видимости, более острая, затяжная и разрушительная как для самой Америки, так и для всей мировой экономики. Обвал доллара, акций, долгового рынка, снижение нефтяных котировок и промышленного производства, резкий рост безработицы и социального напряжения в обществе есть неизбежные аспекты такого варианта развития событий.

Третий вариант предполагает *сохранение системы* в существующем виде (консервацию) с помощью *жесткого контроля* всех угрожающих тенденций в политической, социально-экономической и культурной сферах жизни общества. Нечто подобное на фоне глобальных трансформаций и внутренних проблем пыталась осуществить советская партийная элита в поздний период развития СССР. Эта попытка, как известно, не увенчалась успехом и привела к полному крушению советского союзного государства.

Однако вопреки негативному опыту, который имели и другие государства при осуществлении стратегии консервации, американские элиты, по всей видимости, выбирают именно этот вариант развития событий. Российские политические эксперты давно подметили, что настроения в пользу «*закрытости и изоляционизма всегда составляли немаловажную часть американской политической культуры*» [6].

В таком случае острый конфликт американских политических элит для внешнего мира парадоксально может и не иметь существенного значения. Республиканцы и демократы, по всей видимости, следуют одному и тому же идейному мейнстриму системной консервации накопившихся проблем. Даже острые

внешнеполитические разногласия условного республиканца Трампа и условного демократа Байдена не отменяют, например, общего американского *экономического протекционизма* и традиционного курса на *глобальное геополитическое лидерство*. Только осуществляется этот стратегический курс разными тактическими средствами.

Что означает выбор стратегии консервации для самой Америки и для всего внешнего мира? Во-первых, это детерминирует нарастание жесткого контроля над политическим и массовым сознанием в Америке любыми доступными средствами. Здесь на первый план выходят: идеологический диктат, технологии медийных манипуляций и усиление роли специальных служб по надзору за информационными потоками под предлогом борьбы с терроризмом. Эти процессы уже активно развиваются после подрыва башен Всемирного торгового центра в 2001 году.

Во-вторых, это усиливает политику национально-го изоляционизма и экономического протекционизма, стимулирует попытки стягивания финансовых ресурсов и промышленных мощностей из других стран (Европа и Азия) в США, выводит режим запрета (санкций) на распространение американских высоких технологий на новый уровень. Главные объекты санкционной политики — это главные цивилизационные антиподы Америки: Россия и Китай. Индия пока остается в стороне.

В-третьих, необходимо отметить форсирование радикального международного экстремизма, то есть дальнейшее применение геополитической стратегии *«управляемого хаоса»* в различных регионах планеты для создания новых зон политической и экономической нестабильности. Среди финансовых магнатов существует убеждение, что *деньги любят тишину*. Предполагается, что режим финансовой тишины теперь будет только в Америке. Западные и южные границы России, Ближний Восток, Центральная и Юго-Восточная Азия рассматриваются как потенциальные регионы политической нестабильности и локальных военных конфликтов. В некоторых из них процесс распространения хаоса уже успешно осуществляется [7].

В-четвертых, стратегия консервации предполагает подавление основных стратегических конкурентов Америки: России, Китая и Европы. Например, Европа — это не только важный военный союзник (НАТО) и политический вассал США, но и серьезный экономический конкурент. В новых условиях, по убеждениям американской элиты, такое соперничество в бизнесе со стороны Старого Света совершенно недопустимо. Экс-президент Байден и действующий президент Трамп тут вполне солидарны: Европа должна быть слаба, зависима и послушна власти американского гегемона.

Втянув безвольные европейские страны в опасную авантюру по осуществлению Украинского анти-

российского проекта, США добились реализации трех важных целей: создали очаг военного хаоса на восточных рубежах Евразии, во многих смыслах ослабили Россию, подорвали экономический потенциал Европы [8]. Стареющая Европа теперь отрезана от дешевых российских природных ресурсов, американский бизнес успешно зарабатывает на европейских проблемах, а европейский бизнес начинает уплывать в Америку под сладкие обещания экономических преференций.

Эту важную партию американские геополитические гроссмейстеры разыграли почти виртуозно. Однако талантливые последователи Маккиндера, Киссинджера и Бжезинского в своей большой геополитической игре не смогли просчитать одно важное диалектическое обстоятельство: российской политической элите и массовому сознанию по исторической традиции не хватало некоторого внешнего импульса для давно необходимой *коррекции стратегического курса* развития страны.

Теперь этот импульс начинает кардинально менять всю диспозицию сил как внутри самой России, так и за ее пределами. Украинский кризис парадоксально запустил процесс резкого исторического разворота: начала возрождения российского национального самосознания, раскрытия враждебной сущности Западного мира и обращения в сторону построения принципиально новой, независимой, социально гармоничной и духовно созидательной *Евразийской цивилизации* третьего тысячелетия.

Американский политический бомонд собственными руками подвел жирную черту под тридцатилетним прозападным курсом развития России после крушения Советского Союза и невольно подтолкнул ее к долгожданному мировоззренческому катарсису, политическому пробуждению, экономическому возрождению и нарастающему технологическому суверенитету.

Прямое вооруженное столкновение Америки с крупными евразийскими державами (Россией или Китаем) представляет собой крайнюю форму международного экстремизма и совсем другой уровень военного конфликта, по возможной интенсивности и масштабу на несколько порядков превышающий уровни всех иных локальных войн, которые разжигали США. Принципиально новым в таком конфликте является относительный паритет военных потенциалов участников вероятного противостояния. Кардинальное отличие от других конфликтов — стратегический ядерный арсенал этих евразийских держав и принципиальная готовность нанести сокрушительный удар по странам НАТО и военным базам враждебных государств.

Если степень решительности Китая некоторыми наблюдателями ставится под сомнение, то возможная реакция России адекватными западными политическими и военными экспертами, как правило, оценивается вполне однозначно. Гипотетическая

полномасштабная война с Россией для Американского государства предстает событием действительно апокалиптическим. Ядерная война — это всеобщая катастрофа, которая не должна быть допущена разумным человеком. Развивающееся человечество должно найти оптимальные решения своих противоречий без разрушения цивилизации и угрозы уничтожения всей планетарной экосистемы.

Однако проблема состоит в том, что в Америке существуют радикальные идеологические концепции и экстремистски настроенные политические силы, которые в принципе допускают полномасштабный военный конфликт или надеются под угрозой такого конфликта продавить для себя наибольшие геополитические и экономические дивиденды в условиях внутреннего и глобального кризиса. Мы имеем в виду американских неоконсерваторов (неоконов) и сообщество протестантских фундаменталистов, которые рассматривают глобальную геополитику в категориях мрачных библейских эсхатологических перспектив. Они полагают, что на фоне всеобщей апокалиптической катастрофы им будет даровано особое или исключительное спасение.

В этой связи необходимо отметить, что современный американский политический класс (действующие политики, идеологи, эксперты, теоретики) незаметно распадается на два неформальных альтернативных течения: на умеренных сторонников нового *политического реализма* и ультралиберальных сторонников *традиционного глобального лидерства* Америки вопреки всем нарастающим кризисным явлениям.

В качестве условных символов первого течения в начале XXI века можно отметить известного политолога, одного из патриархов американской геополитики Збигнева Бжезинского и не менее известного политического деятеля, идеолога фракции палеоконсерваторов (палеоконов) в Республиканской партии Америки Патрика Бьюкенена.

Далеко не секрет, что Бжезинский в период советской истории был одним из самых ярких политических ястребов и радикальных идеологов Холодной войны. Как советник президента Джимми Картера по национальной безопасности он явился последовательным сторонником жесткого курса США по отношению к СССР. Однако в начале XXI века после неуспешного осуществления американской геополитической стратегии в Евразии, он неожиданно меняет свои убеждения.

В 2012 году Бжезинский был вынужден констатировать, что политическое влияние США стремительно падает, а многополярный мир становится совершенно неизбежным. Более того, он приходит к довольно парадоксальному для американского политического мышления выводу: выживание Запада в многополярном мире теперь напрямую зависит от интеграции России в формат Западного мира («*Стратегический взгляд*») [9].

Этот неординарный вывод у него основан на све-

жей мировоззренческой рефлексии объективных мировых процессов. Во-первых, глобальное лидерство США или иного отдельного государства в новых условиях уже совершенно невозможно. Во-вторых, возникновение многополярного мира подводит финальную черту под пятисотлетней эпохой широкого доминирования Атлантической цивилизации (Европа и Америка) на всех континентах земного шара.

Патрик Бьюкенен обращает внимание на другой — моральный аспект общего кризиса европейской и американской цивилизации. «*Америка швырнула за борт этический компас*», который указывал ей путь в течение двухсот лет, и теперь «*плывет наугад*» — писал он в своей известной книге «*Смерть Запада*» (2002) [10]. Глубинные причины кризиса он связывает с отходом Америки от христианской религии и религиозных ценностей, распадом общества на национальные, религиозные и иные группы, которые находятся в постоянном конфликте друг с другом, нарастанием демографических проблем.

В начале XXI столетия палеоконы оказались на периферии политического процесса Америки и уступили лидерство неоконам в реальной политике и идеологическом воздействии на массовое сознание. Однако запрос на транслируемые палеоконами ценности в американском обществе явно существует и, возможно, даже будет нарастать. В этой связи внезапное появление на политическом олимпе неформатной для вашингтонского бомонда фигуры бизнесмена и политика Дональда Трампа вовсе не случайно, так как основные тезисы его консервативной политической программы оказались довольно созвучны идеям палеоконов.

Другое отмеченное выше неформальное политическое течение в США объединяет сторонников мирового лидерства Америки, глобального либерального рынка под управлением американских транснациональных корпораций, идеологов экспансивного и даже милитаристского продвижения американских ценностей и интересов по всему земному шару. Основу их политического менталитета составляет *идеология исключительности Америки*, которая приобретает философские, политические, экономические и даже религиозные обоснования.

Самыми радикальными субъектами этих воззрений сейчас выступают американские *неоконсерваторы*, идейно дрейфовавшие в течение XX века от радикального левого троцкизма с его мировой революцией, до радикального правого либерализма с его глобальной гегемонией США в постиндустриальном демократическом обществе «конца традиционной истории».

Почти за всеми лидерами Америки первого и второго политического эшелона, выдвинутыми Демократической партией США на рубеже столетий (Клинтон, Обама, Байден и др.), так или иначе, стояли глобалистские финансовые и промышленные элиты, а также политическое сообщество неоконов. Они не приняли

вполне разумные предложения по коррекции американского стратегического курса развития со стороны таких идеологов, как Бжезинский и Бьюкенен и продолжали нагнетать разрушительную американскую гегемонию по всему миру до крайне высокого геополитического напряжения, которое мы ощущаем в течение всей первой четверти XXI века.

В частности, все фазы Украинского кризиса: первая в 2014 г. (государственный переворот), вторая в период с 2014 по 2021 гг. (геноцид русского этноса, милитаризация украинского неонацизма) и третья в 2022 г. и позже (локальный военный конфликт, балансирующий на грани Третьей мировой войны) были инициированы и спровоцированы последователями американских неоконков и ставленниками влиятельных представителей так называемого «глубинного государства» Америки.

Стратегическая линия неоконков в конечном счете разрушила надежды американских политических реалистов на включение России (а позже и Китая) в орбиту Западной цивилизации. В конечном счете, вся геополитическая игра Вашингтона в начале XXI века пошла совсем не так, как это предполагалось основными американскими идеологическими доктринами.

Во-первых, почти полностью провалились планы США по контролю трансконтинентальных евразийских транспортных коридоров и стратегических ресурсов, что сделало бы Америку влиятельным наместником или даже господином Евразийского мира. Во-вторых, вместо дальновидного сближения интересов Запада и России, глобалистские элиты оттолкнули Россию от Европы и Америки в сторону самостоятельного курса развития и сближения с другими евразийскими державами.

Все вместе это привело к нарастанию новой мировой геополитической поляризации: с одной стороны — *Западная цивилизация* (Америка, Европа, Британия и др.); с другой стороны — формирующаяся Евразийская цивилизация (Россия, Китай, Иран, Турция, Индия и др.). Между ними — страны Африки, Латинской Америки, Юго-Восточной Азии, Арабские монархии, многие из которых, так или иначе, симпатизировали некоторым евразийским державам или даже стремились в их политические и экономические форматы.

В этом контексте российские и китайские политические лидеры, а также культурные элиты этих двух стран должны ясно осознать необходимость независимого курса развития своих держав от Атлантического центра силы. Россия и Китай, как основные политические и культурные опоры формирующегося общего Евразийского пространства, не должны интегрироваться в структуру Западного мира, как бы того ни хотели американские политические реалисты. Это будет бесперспективно и губительно для наших стран в политическом, экономическом и ценностном смыслах. Наша ближайшая цель — укрепление *Евразийского полюса силы* для установления геополитического баланса с Западным (Атлантическим) сообществом и формирования социальных и экономических условий

развития широкого *Евразийского содружества государств* и народов.

В таком случае крайне важно обратить внимание на экономические и аксиологические аспекты противоречивого взаимодействия Западной и Евразийской цивилизаций. Прежде всего, стоит отметить, что до сих пор в российском академическом сообществе и массовом сознании недостаточно отрефлексирована проблема эффективности и перспективности в новых условиях западной *либерально-экономической модели* развития общества как таковой.

Не погружаясь в глубокие теоретические дискуссии о преимуществах или недостатках рыночного капитализма, можно констатировать вполне объективный исторический факт: рыночный капитализм циклически проваливается в состояние стагнации, депрессии или даже явного кризиса, глубина которого в новых условиях только нарастает. Самая мощная либеральная экономика во всем мире (США) в достаточно комфортных условиях своего развития парадоксально теряет темпы роста, погружается в бездонную долговую яму, с трудом удерживает инфляцию, уступает своим конкурентам, не может обеспечить высокий уровень жизни всему населению Америки.

Мировое сообщество с немалым удивлением начинает осознавать, что бескризисная неолиберальная модель экономики оказалась не более чем навязанным мифом (А. К. Пушкив). Политические лидеры России и Китая данное обстоятельство начали дипломатично отмечать еще на Всемирном экономическом форуме в Давосе в 2009 г.: высокомерная самоуверенность коллективного Запада в абсолютной непогрешимости и неуязвимости западной экономической модели на самом деле не выдерживает проверку практикой [11, с. 74].

Теперь, спустя десять-пятнадцать лет, уже трудно найти западного экономиста или известного инвестора, который бы с тревогой не ожидал скорой *экономической катастрофы* американского либерального рынка. К подобным выводам приходят и многие российские эксперты. Так, в частности, в ежегодном докладе Международного дискуссионного клуба «Валдай» (2021) констатируется *«глубокий кризис рыночной капиталистической экономики и мирового порядка»* [12, с. 21].

На этом фоне неубедительно выглядит позиция группы российских либеральных экономистов, упорно не замечавших тревожные тенденции как американской, так и всей глобальной экономики. Разумеется, среди отечественных экспертов в сфере экономической политики присутствует и другая точка зрения (С. Ю. Глазьев, М. Г. Делягин, М. Л. Хазин), которая, однако, пока не находит последовательной поддержки со стороны руководства РФ.

Все чаще среди представителей экспертного сообщества появляются сомнения в общих перспективах всей существующей западной социально-экономической модели. По крайней мере, в том виде, в каком она представлена в настоящий исторический момент. *«Западная модель теряет свою привлекательность»*. И

если в России у нее еще есть немало поклонников, то в мире их становится все меньше (В. А. Никонов) [13]. Относительно недавно казалось, что все в мире движется к единой модели, суть которой составляли демократия с либеральной экономикой и социальной системой. Теперь оказалось, что это вовсе не так: влиятельные страны, которые олицетворяли эту модель, начали терпеть глобальное поражение, и вовсе не исключено, что «сама модель проигрывает» (С. А. Караганов) [14].

Применительно к российским условиям это есть важная, но вовсе не единственная проблема. Оказалось, что курс на тесную экономическую интеграцию России с либеральной Европой и попытки встроиться в международное разделение труда (которое в значительной мере контролируется Америкой), в конечном счете, закончились для российского бизнеса стратегическим провалом и немалыми финансовыми потерями. Такие же проблемы возникли и у тех российских компаний, которые пытались осваивать некоторые сферы американского рынка. В период охлаждения отношений РФ и Западного мира, неожиданно выяснилось, что либеральные правовые нормы и классические идеалы незыблемости частной собственности для современной Америки и Европы уже не имеют существенного значения. С таким экстремизмом и дикостью никто не сталкивался даже в разгар Холодной войны в XX веке.

Здоровые общие экономические интересы как в Европе, так и в Америке доминирующими западными политическими элитами были принесены в жертву большой геополитике. Ее главной целью оказалось уже даже не банальное «сдерживание России», но жесткая стратегия «всестороннего подавления России», которую из категории «младших партнеров» довольно быстро перевели в категорию «стратегических противников» Западной цивилизации.

На очереди теперь находится Китай, к которому тоже накопилось немало различных претензий от ограничений свободы и демократии до нежелательных технологических достижений. Сейчас уже никто не сомневается, что Китай для Запада есть намного более серьезный экономический конкурент, чем Россия. Идеологическая доктрина геополитической гегемонии США и нарастающий там экономический кризис не оставляют Китаю почти никаких шансов на спокойное развитие и гармоничное международное сотрудничество в сфере бизнеса и технологий. В этом вопросе подавляющее большинство республиканской и демократической элиты США, по всей видимости, имеет довольно высокий консенсус.

Однако это только часть проблемы. Следует привлечь во внимание и кардинальную трансформацию глобальной политики США, которые фактически отказались от осуществления концепции «золотого миллиарда», негласно продвигавшейся во второй половине XX века. Теперь у Америки нет никаких равноправных союзников. Есть только экономические сателлиты и политические вассалы. Интересы Америки превыше всего. Весь мир с точки зрения такой идеологической доктрины становится политической резерва-

цией и экономической квази-колонией для транснационального капитала США.

В таком случае бизнес-интересы американских финансовых и промышленных магнатов неизбежно становятся одной из важнейших причин локальных военных конфликтов и других острых международных противоречий. Трудно теперь не заметить, что идеологический принцип «интересы Америки превыше всего» подрывает положение даже ее близких союзников. Не нужно думать, что в США подзабыли, например, демарш президента Франции Де Голля в 1965 г. по обмену американского бумажного доллара на твердое золото. Равно как не следует полагать, что в Вашингтоне и Нью-Йорке весь политический и финансовый бомонд восторгался от стабильного развития немецкого бизнеса на дешевых российских энергетических ресурсах.

Теперь мы видим, чего на самом деле стоит пресловутое Евро-Атлантическое партнерство: в результате осуществления *Украинского проекта* американские неоконки цинично и без всякого сожаления подорвали экономическую независимость Европы. Подорвали во всех смыслах этого понятия. Вплоть до реального подрыва магистрального газопровода «Северный поток» в 2022 г.

В этом контексте надежды некоторых представителей (прозападной) китайской и российской политической и экономической элиты на долговременные, равноправные, партнерские отношения с американским либеральным бизнесом выглядят как минимум необоснованно.

Новый *Евразийский полюс силы* должен, наконец, нивелировать опасное напряжение, порождаемое *Атлантическим полюсом* Западной цивилизации. В политическом, экономическом и ценностном смысле он не может позволить подмять все иные страны и народы под Западную цивилизационную модель, лишенную гуманистического образа человека будущего и базового этического принципа Общего Блага.

Западная модель онтологически закрывает человечеству светлое будущее и ведет его к новой тоталитарной сегрегации. Реальные контуры такого мрачного будущего под флагом Американского лидерства выглядят примерно так: одинокий Остров технологически развитой, но совершенно аморальной цивилизации потребления для избранных на фоне глобальной экономической разрухи и политического беспорядка иных стран и народов.

На текущем этапе правящие элиты США продолжают следовать своей традиционной идеологической парадигме непреходящей и непогрешимой исключительности, которая предопределяет ставку на глобальную геополитическую и экономическую гегемонию во всем мире вопреки меняющейся социальной реальности. В этой связи нам трудно не согласиться с некоторыми политическими аналитиками, которые отмечают, что главным средством обеспечения гегемонии Америки теперь становятся усилия по тотальному подавлению процессов формирования альтернативных центров силы, способных бросить геополитический

вызов американскому доминированию (В. А. Никонов) [13].

Поэтому устойчивый во всех смыслах *Евразийский полюс силы* теперь совершенно необходим для формирования и защиты геополитических контуров альтернативной цивилизации нового типа, которая сможет выйти из-под контроля Западного мира и обеспечить свой политический, духовный и технологический суверенитет.

Список источников

1. Аблеев С. Р. Евразийская Россия : философские смыслы метаистории и геополитики. М., 2023.
2. Джеймс А. Лукас // Проект Global Research // URL: www.globalresearch.ca
3. Дугин А. Г. Они не остановятся пока не уничтожат нас всех до последнего // Интернет-портал «Колокол России». 10.04.18 // URL: www.kolokolrussia.ru
4. Валлерстайн И. Динамика глобального кризиса : тридцать лет спустя // Эксперт. 02.09.19 // URL: www.expert.ru
5. Ищенко Р. В. Спасение США окно возможностей // РИА Новости. 06.11.15 // URL: www.ria.ru
6. Лукьянов Ф. А., Миллер А. И. Отстраненность вместо конфронтации : постевропейская Россия в поисках самодостаточности // Россия в глобальной политике. 2016. № 6.
7. Бельский В. Ю., Бороздин А. Н., Гусев Н. Н. Терроризм в исторической ретроспективе и современных условиях. М., 2017.
8. Мирзаянов Р. Х. Социально-экономические основы идеологического содержания политики современной Украины // Информационные войны. 2024. № 4 (72).
9. Бжезинский З. Стратегический взгляд : Америка и глобальный кризис / Пер. с англ. М. : АСТ, 2013.
10. Бьюкенен П. Смерть Запада / Пер. с англ. М. : АСТ; СПб : Terra Fantastica, 2003.
11. Пушкин А. К. Глобальные шахматы. Русская партия. М. : Эксмо, 2018.
12. Эпоха пандемии : год второй. Возвращение будущего // Ежегодный доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» / Барabanov O., Bordachev T., Lisovolik Ya., Lukyanov F., Sushentsov A., Timofeev I. M., 2021.
13. Никонов В. А. Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего? М. : Издательство «Э», 2015.
14. Сергей Караганов о приоритетах внешнеполитической стратегии развития России // Новостное интернет-издание Лента.ру. 30.05.16 // URL: www.lenta.ru

References

1. Ableev S. R. Eurasian Russia: philosophical

meanings of meta-history and geopolitics. Moscow, 2023.

2. James A. Lucas // Global Research Project // URL: www.globalresearch.ca
3. Dugin A. G. They will not stop until they destroy us all to the last // Internet portal «Bell of Russia». 10.04.18 // URL: www.kolokolrussia.ru
4. Wallerstein I. Dynamics of the global crisis : thirty years later // The expert. 02.09.19 // URL: www.expert.ru
5. Ishchenko R. V. Saving the USA is a window of opportunity // RIA Novosti. 06.11.15 // URL: www.ria.ru
6. Lukyanov F. A., Miller A. I. Detachment instead of confrontation: post-European Russia in search of self-sufficiency // Russia in global politics. 2016. № 6.
7. Belsky V. Yu., Borozdin A. N., Gusev N. N. Terrorism in historical retrospect and modern conditions. Moscow, 2017.
8. Mirzazyanov R. H. Socio-economic foundations of the ideological content of the policy of modern Ukraine // Information wars. 2024. № 4 (72).
9. Brzezinski Z. Strategic view: America and the Global Crisis / Translated from English M. : AST, 2013.
10. Buchanan P. Death of the West / Translated from English. Moscow: AST; St. Petersburg : Terra Fantastica, 2003.
11. Pushkov A. K. Global chess. The Russian Party. Moscow : Eksmo, 2018.
12. The era of the pandemic : the second year. Return of the Future // Annual report of the Valdai International Discussion Club / Barabanov O., Bordachev T., Lisovolik Ya., Lukyanov F., Sushentsov A., Timofeev I. M., 2021.
13. Nikonov V. A. The Code of Civilization. What awaits Russia in the world of the future? M. : Publishing house «E», 2015.
14. Sergey Karaganov on the priorities of Russia's foreign policy development strategy // Online news outlet <url>. 05/30/16 // URL: www.lenta.ru

Библиографический список

1. Аблеев С. Р. Русская идея и евразийские идеалы // Философские исследования и современность: выпуск 11. М., 2022.
2. Аблеев С. Р., Золкин А. Л., Кузьминская С. И., Марченя П. П. Цивилизационный суверенитет России : проблемы и дискуссии. Изд. 2-ое, перераб. и доп. М., 2018.
3. Бжезинский З. Великая шахматная доска : господство Америки и ее геостратегические императивы / Пер. с англ. М., 2021.
4. Гринин Л. Е. Исторические и геополитические причины социально-политического кризиса на Украине // История и современность. 2015. № 2.
5. Золкин А. Л. Цивилизационный суверенитет,

- культурная идентичность и этическая позиция. М., 2021.
6. Мирзязанов Р. Х. Международный терроризм и экстремизм как глобальный феномен : тенденции развития и опыт противодействия. М., 2024.
 7. Стиглиц Дж. Е. Крутое пике : Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса / Пер. с англ. М., 2011.
 8. Анисимов А. Л., Зинятова М. Н. Деятельность американского консульства в Гуанчжоу в период первой «опиумной» войны (1839–1842 гг.) // Общество: философия, история, культура. 2018. № 12.
 9. Курьлев К. П. Украина в западных геополитических концепциях // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2013. № 4.
 10. Маккиндер Х. Дж. Географическая ось истории // Полис. Политические исследования 1995. № 4.
3. Brzezinski z. the great chessboard : American dominance and its Geostrategic Imperatives / Translated from English, Moscow, 2021.
 4. Grinin L. E. Historical and geopolitical causes of the socio-political crisis in Ukraine // History and Modernity. 2015. № 2.
 5. Zolkin A. L. Civilizational sovereignty, cultural identity and ethical position. Moscow, 2021.
 6. Mirzazyanov R. H. International terrorism and extremism as a global phenomenon: development trends and counteraction experience. Moscow, 2024.
 7. Stiglitz J. E. Steep peak: America and the new economic order after the global crisis / Trans Moscow, 2011.
 8. Anisimov A. L., Zinyatova M. N. The activities of the American Consulate in Guangzhou during the first «Opium» War (1839–1842) // Society: philosophy, history, culture. 2018. № 12.
 9. Kurylev K. P. Ukraine in Western geopolitical concepts // Bulletin of the RUDN University. Series: International Relations. 2013. № 4.
 10. Mackinder X. J. Geographical axis of history // Polis. Political Studies, 1995. №. 4.

Bibliographic list

1. Ableev S. R. The Russian idea and Eurasian ideals // Philosophical research and modernity: issue 11. Moscow, 2022.
2. Ableev S. R., Zolkin A. L., Kuzminskaya S. I., Marchenya P. P. The civilizational sovereignty of

Информация об авторах

С. Р. Аблеев — начальник кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор философских наук, доцент, член Российского философского общества;

Р. Х. Мирзязанов — начальник кафедры специальных дисциплин Военно-учебного центра Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, кандидат политических наук.

Information about the authors

S. R. Ableev — Head of the Department of Philosophy of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, member of the Russian Philosophical Society;

R. Kh. Mirzazyanov — Head of the Department of Special Disciplines of the Military Training Center of the Lomonosov Moscow State University, Candidate of Political Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 27.12.2024; одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 14.02.2025.

The article was submitted 27.12.2024; approved after reviewing 20.01.2025; accepted for publication 14.02.2025.

Научная статья

УДК 316.422

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-197-207>

EDN: <https://elibrary.ru/vrmqpz>

NION: 2003-0059-2/25-284

MOSURED: 77/27-003-2025-02-483

Социальный капитал малых форм хозяйствования в развитии социального предпринимательства и формировании инклюзивности экономики

Галина Ивановна Грицаенко¹, Сергей Владимирович Кальченко²

^{1,2} Мелитопольский государственный университет, Мелитополь Россия

¹ hrytsaienkogi@mail.ru

² swk14336@mail.ru

Аннотация. Исследуются современные особенности использования социального капитала в малых формах хозяйственной деятельности. Указывается на то, что одним из индикаторов эффективного функционирования экономических отношений является инклюзивность. Отмечается важность социального предпринимательства как инновационного института, призванного решать социальные проблемы на уровне региона. Обоснована целесообразность изучения современных форм использования социального капитала как одного из факторов обеспечения инновационного развития малых форм хозяйствования. В процессе исследования в качестве теоретико-методологической базы выступали положения теории устойчивого инклюзивного экономического развития. Был изучен практический опыт стимулирования социального предпринимательства в Российской Федерации и за рубежом. В процессе исследования была обоснована причинно-следственная связь социального капитала малых форм хозяйствования с устойчивым развитием и инклюзивной экономикой. Была сформулирована гипотеза о том, что необходимым условием распространения социального предпринимательства, как одного из инструментов достижения инклюзивного развития экономики, является наличие социального капитала. Для определения влияния социального капитала — существующих норм, доверия и социальных связей — на развитие социального предпринимательства в Российской Федерации был проведен анкетный опрос руководителей социальных предприятий. Доказано, что распространение и развитие социального предпринимательства требуют институциональных преобразований, которые должны касаться его базовых институтов. Обоснована необходимость создания региональных центров поддержки социального предпринимательства.

Ключевые слова: социальный капитал, региональная экономика, малый бизнес, эффективность, социальное предпринимательство, институт

Благодарности: статья опубликована в рамках научной темы № FRRS-2023-0033 «Формирование социально-экономических условий эффективного развития малых форм хозяйственной деятельности региона», финансируемой за счет федерального бюджета. Учредитель: Министерство высшего образования и науки Российской Федерации.

Для цитирования: Грицаенко Г. И., Кальченко С. В. Социальный капитал малых форм хозяйствования в развитии социального предпринимательства и формировании инклюзивности экономики // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 2. С. 197–207. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-197-207>. EDN: VRMQPZ.

Original article

The social capital of small businesses in the development of social entrepreneurship and the formation of an inclusive economy

Halyna I. Hrytsaienko¹, Sergey V. Kalchenko²

^{1,2} Melitopol State University, Melitopol, Russia

¹ hrytsaienkogi@mail.ru

² swk14336@mail.ru

Abstract. Modern features of using social capital in small businesses are studied. It is noted that one of the indicators of effective functioning of economic relations is inclusiveness. The importance of social entrepreneurship as an innovative institution designed to solve social problems at the regional level is noted. The expediency of studying modern forms of using social capital as one of the factors ensuring innovative development of small businesses is substantiated. In the course of the study, the provisions of the theory of sustainable inclusive economic development

© Грицаенко Г. И., Кальченко С. В., 2025

served as a theoretical and methodological basis. Practical experience of stimulating social entrepreneurship in the Russian Federation and abroad was studied. In the course of the study, a cause-and-effect relationship between the social capital of small businesses and sustainable development and an inclusive economy was substantiated. A hypothesis was formulated that a necessary condition for the spread of social entrepreneurship, as one of the tools for achieving inclusive economic development, is the presence of social capital. To determine the influence of social capital — existing norms, trust and social connections — on the development of social entrepreneurship in the Russian Federation, a questionnaire survey of heads of social enterprises was conducted. It has been proven that the dissemination and development of social entrepreneurship require institutional transformations that should concern its basic institutions. The need to create regional centers for supporting social entrepreneurship has been substantiated.

Keywords: social capital, regional economy, small business, efficiency, social entrepreneurship, institute

Acknowledgements: the article was published as part of the scientific topic № FRRS-2023-0033 «Formation of socio-economic conditions for the effective development of small forms of economic activity in the region», funded by the federal budget. Founder: Ministry of Higher Education and Science of the Russian Federation.

For citation: Hrytsaienko H. I., Kalchenko S. V. The social capital of small businesses in the development of social entrepreneurship and the formation of an inclusive economy. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(2):197–207. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-197-207>. EDN: VRMQPZ.

Введение. Признаком современности является то, что общества во всем мире сталкиваются с серьезными социальными проблемами, решение которых требует неотложных эффективных и долгосрочных решений. Традиционные подходы, к которым можно отнести увеличение расходов общественных фондов потребления, рост социальной ответственности бизнеса, оживление работы благотворительных организаций, не способны самостоятельно решить проблемы массовой безработицы, социального отчуждения, низкого уровня благосостояния, доступности образования и здравоохранения отдельных уязвимых категорий населения и тому подобное. В этом контексте одним из ключевых параметров развития экономики становится инклюзивность, которая ориентирована на улучшение качества жизни населения. Инклюзивная модель экономики предусматривает введение новых институциональных образований, которые находят поддержку социума и местного самоуправления. Инновационным институтом с предпринимательской природой, целью которого является решение сложных социальных проблем, является социальное предпринимательство.

Считаем, что на развитие социального предпринимательства влияет социальный капитал, который предлагаем рассматривать как «... совокупность способных обеспечивать доход связей и социально-экономических отношений, которые возникают в определенной социальной сети на основе существующих норм и доверия» (Hrytsaienko et al., 2019, p. 430). Необходимость исследования современных форм использования социального капитала как одного из факторов обеспечения инновационного развития малых форм хозяйствования обусловила актуальность темы, формулировку цели и задач исследования.

Материалы и методы. Предпосылкой имплементации основ социальной ответственности на всех иерархических уровнях национальной экономики, а также формирования и распространения социального

предпринимательства в стране является социальный капитал, который объединяет людей в социальные сети благодаря существующим нормам и доверию, и эти взаимосвязи способны приносить дополнительный доход. Для проведения исследования была сформулирована гипотеза о том, что необходимым условием распространения социального предпринимательства, как одного из инструментов достижения инклюзивного развития экономики, является наличие социального капитала. Для подтверждения гипотезы определены следующие этапы проведения исследования:

1) изучение теоретической сущности понятий «инклюзивное развитие» «инклюзивный рост», «социальное предпринимательство» и «социальное предприятие»;

2) оценка зависимости Индексов инклюзивного развития стран мира от экономических (ВВП на душу населения по паритету покупательной способности, индекс Джини) и социального (субиндекс социального капитала) факторов;

3) определение состояния и динамики ранга Российской Федерации во Всемирном индексе благотворительности;

4) построение и анализ зависимостей доли населения с благотворительным поведением от экономического (ВВП на душу населения по паритету покупательной способности) и социального (оценка социального капитала) факторов;

5) анализ влияния социального капитала малых форм хозяйствования — существующих норм, доверия и социальных связей — на развитие социального предпринимательства в Российской Федерации на основе анкетного опроса руководителей 150-ти социальных предприятий различных федеральных округов;

6) определение роли институциональных преобразований в сфере реализации социального предпринимательства в формировании и эффективном использовании социального капитала.

В процессе исследования были использованы диалектические методы познания процессов и явле-

ний: монографический метод (генезис научных достижений отечественных и зарубежных ученых по проблемам инклюзивного развития экономики и социального предпринимательства); статистические методы (построение зависимостей Индексов инклюзивного развития стран мира, а также доли населения с благотворительным поведением в странах мира от экономических и социальных факторов); сравнительный анализ (определение состояния и динамики ранга Российской Федерации во Всемирном индексе благотворительности); анкетный опрос (оценка влияния социального капитала – доверия, норм и социальных сетей — на развитие социального предпринимательства на основе опроса руководителей социальных предприятий Российской Федерации); абстрактно-логический (теоретические обобщения и формулировки выводов).

Информационной основой этого исследования послужили ресурсы международных аналитических организаций и базы статистической информации по развитию стран мира (The Inclusive Development Index — Индекс инклюзивного развития (World Economic..., 2018); The World Giving Index — Всемирный индекс благотворительности (CAF, 2024); World Bank Group — валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения по паритету покупательной способности, Индекс Джини (World Bank..., 2024); The Legatum Prosperity Index™ — Индекс процветания (The Legatum..., 2023); Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства (Единый реестр..., 2024), а также данные проведенного анкетного опроса руководителей социальных предприятий в федеральных округах Российской Федерации.

При изучении влияния фундаментальных структурных трансформаций в производственной, социальной и институциональной областях на конкурентоспособность стран особое внимание уделялось концепциям устойчивого и инклюзивного развития экономики (Курнышева, 2019). Рассмотрение зависимости национальных и мировой экономик от функционирования Банков развития дало возможность обосновать важность и объективную необходимость имплементации в их деятельность понятия «инклюзивный экономический рост», обеспечивающего устойчивый рост и расширение экономических возможностей, более широкий доступ к этим возможностям всех членов общества, а также социальную защиту (Матвеевский, 2021).

Опираясь на теорию заинтересованных сторон (стейкхолдеров), на примере Дальневосточного федерального округа Российской Федерации была проанализирована зависимость устойчивого развития экономики страны от института свободных экономических зон, подчеркнуты его инклюзивные признаки, повышающие общественное благосостояние (Ниязова, 2022). В контексте инновационной парадигмы подчеркнута доминантное положение институциональ-

ной среды в успешности социально-экономического развития национальной экономики и акцентировано внимание на необходимости рационального соотношения инклюзивных и экстрактивных экономических и политических институтов (Романова, 2017).

Были проанализированы теоретико-методологические основы социального предпринимательства, оценены статус отечественных социально ориентированных некоммерческих организаций и обоснована правомерность получения ими государственных преференций (Васюнина, 2020). На примере стран Евразийского экономического союза было проанализировано функционально-деятельностное развитие социального предпринимательства, выделена его целевая группа, сформулированы основные проблемы функционирования (Кадол, 2021). На основе изучения социального предпринимательства в агропромышленном секторе экономики, как элемента механизма оптимизации соотношения рыночных и государственных регуляторов, были предложены и обоснованы направления его дальнейшего развития (Курдюмов и др., 2022).

По результатам изучения специфики указанных процессов, сущности социальной предпринимательской ориентации, особенностей масштабирования, создания предприятий, формирования источников дохода, предложен инклюзивный подход к социальному предпринимательству, который представляет собой концептуальную основу для дальнейшего стратегического развития данного направления в рамках отрасли. (Morris M. H. et al., 2021). На примере чешского социального предпринимательства обосновано показатели оценки эффективности социальных предприятий с особым акцентом на те, которые можно было бы применить без выдвигания высоких требований к каждому социальному предприятию. Предложен методический инструментарий, включающий двенадцать показателей, охватывающих социальную, экономическую, экологическую и локальную сферы (Taušl Procházková P. et al., 2021).

Результаты. В ходе исследования была обоснована причинно-следственная связь социального капитала малых форм хозяйствования с устойчивым развитием и инклюзивной экономикой. Считаем, что для достижения основного результата деятельности экономики, которым является устойчивое развитие и инклюзивность, необходимо применение особого механизма — социальной ответственности, инструментом которой выступает социальное предпринимательство. В рамках исследования была проведена оценка зависимости Индексов инклюзивного развития 103 стран мира (World Economic..., 2018) от экономических (ВВП на душу населения по паритету покупательной способности, Индекс Джини (World Bank..., 2024)) и социального (социального капитала — субиндекса Индекса процветания (The Legatum..., 2023)) факторов (табл. 1).

Зависимость индекса инклюзивного развития экономик стран мира от экономических и социальных факторов

Зависимая переменная (y)	Независимая переменная (x)	Уравнение регрессии	Коэффициенты корреляции (R) и детерминации (D)
Индекс инклюзивного развития	ВВП на душу населения (ППС), дол. США	$y = 3E-05x + 3,308$	R = 0,8801 D = 0,7746
	Социальный капитал (субиндекс Индекса процветания)	$y = 0,0563x + 1,1683$	R = 0,6232 D = 0,3884
	Индекс Джини	$y = -0,0563x + 6,2155$	R = 0,5 D = 0,25

Источник: рассчитано на основе данных (World Economic..., 2018; World Bank..., 2024; The Legatum..., 2023)

На основе проведенного статистического анализа выявлены следующие зависимости. Вариация Индекса инклюзивного развития стран на 77,5 % зависит от ВВП на душу населения по паритету покупательной способности, связь прямо пропорциональная, сильная, близкая к функциональной зависимости (коэффициент корреляции R = 0,8801). Колебания Индекса инклюзивного развития стран на 38,8 % зависят от субиндекса социального капитала, связь прямо пропорциональная, средняя (коэффициент корреляции R = 0,6232). Изменения Индекса Джини обуславливают 25 % вариации Индекса инклюзивного развития стран, связь обратно пропорциональная, средняя. На основе данных (World Economic..., 2018; World Bank..., 2024; The Legatum..., 2023) была построена многофакторная степенная зависимость Индекса инклюзивного развития (Y) от экономических и социальных факторов:

$$y = 0,8817x_1^{0,1307} \times x_2^{0,1852} \times x_3^{-0,1285};$$

где x_1 — ВВП на душу населения по паритету покупательной способности, тыс. долл. США;

x_2 — субиндекс социального капитала в Индексе процветания;

x_3 — Индекс Джини.

На основе построенной модели можно сделать вывод о том, что увеличение ВВП на душу населения по паритету покупательной способности на 1 тыс. долл. США будет способствовать росту Индекса инклюзивного развития на 0,1307 единиц, субиндекса социального капитала — соответственно на 0,1852 единицы. С увеличением на 1 единицу коэффициента Джини, который характеризует отклонение фактического распределения доходов отдельных лиц или домашних хозяйств в определенной стране от абсолютного равенства, наоборот, Индекс инклюзивного развития уменьшается на 0,1285. Обращаем внимание, что среди выбранных факторов наибольшее влияние

на индекс инклюзивного развития стран мира имеет именно субиндекс социального капитала. На рис. 1 приведены графики фактических и рассчитанных по построенной модели данных Индекса инклюзивного развития стран мира.

Рассчитанный F-критерий Фишера равен 135,55, что значительно превышает табличное значение ($F_{\text{табл}} = 2,698$). Это свидетельствует о том, что с вероятностью 95 % построенная степенная зависимость соответствует исходным данным, то есть ее целесообразно использовать в дальнейших исследованиях.

Считаем, что мотивы, побуждающие людей к созданию и развитию социального предпринимательства, являются благотворительными, поэтому в рамках исследования социально-экономического феномена — социального предпринимательства — целесообразно рассмотреть склонность людей к благотворительности, иллюстрацией которой является Всемирный индекс благотворительности (The World Giving Index) — комбинированный интегральный показатель, который рассчитывается по итогам опросов населения и учитывает денежные пожертвования, волонтерскую деятельность и помощь незнакомому человеку (CAF, 2024). В таблице 2 приведена динамика ранга и оценки Российской Федерации во Всемирном индексе благотворительности.

В 2010-м году (начало определения рейтинга) Российская Федерация во Всемирном индексе благотворительности занимала 138-е место среди 153-х стран, население которых участвовало в опросах, между Монтенегро (138-е место, 18 % населения с благотворительным поведением) и Болгарией (141-е место, 17 % населения с благотворительным поведением). В Российской Федерации общая доля населения с благотворительным поведением в 2010-м году составила 18 %, в том числе 29 % опрошиваемых в прошлом месяце помогали незнакомому человеку, 6 % — жертвовали деньги на благотворительность, 20 % осуществляли волонтерскую деятельность.

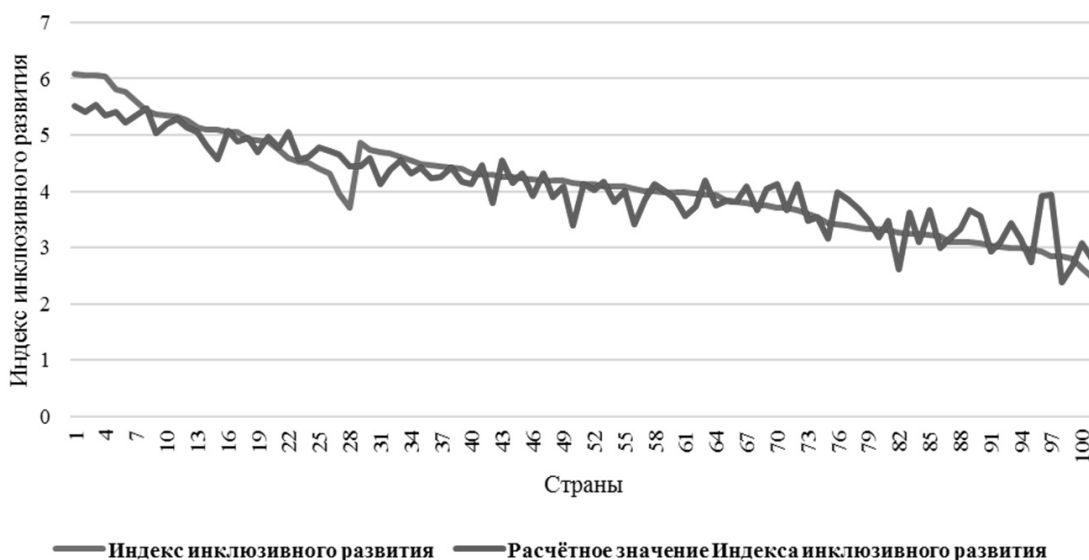

Рис. 1. Графики фактических и расчетных данных Индекса инклюзивного развития стран мира

Источник: построен по данным расчетов

Таблица 2

Российская Федерация во Всемирном индексе благотворительности

Года	Количество стран, которые участвовали в исследовании	Всемирный индекс благотворительности России		Помощь незнакомому человеку, %	Пожертвование денег на благотворительность, %	Волонтерская деятельность, %
		ранг	оценка, %			
2010	153	138	18	29	6	20
2011	153	130	21	36	5	23
2012	146	127	18	29	7	17
2013	135	123	19	33	6	17
2014	135	126	19	34	6	18
2015	145	129	20	32	9	19
2016	140	126	22	35	18	12
2017	139	124	20	30	17	12
2018	144	110	25	44	21	11
2019	126	117	21	35	12	16
2021	114	67	33	57	28	14
2022	119	30	46	71	42	24
2023	142	102	34	57	29	16
2024	142	35	45	71	42	23
2024 к 2010, (+, -)	X	↑103	+27	+42	+36	+3

Источник: сформировано по данным (CAF, 2024)

В 2024-м году по сравнению с 2010-м годом Российская Федерация поднялась на 103-и позиции – до 35-го места во Всемирном индексе благотворительности, между Ганой (34-е место, 46 % населения с благотворительным поведением) и Данией (36 место, 45 % населения с благотворительным поведением). Первое место во Всемирном индексе благотворительности в 2024-м году заняла Индонезия (74 % населения с бла-

готворительным поведением), последнее — Польша (142-е место, 15 % населения с благотворительным поведением).

Доля населения с благотворительным поведением в Российской Федерации в 2024-м году по сравнению с 2010-м годом выросла на 27 п.п. и составила 45 %, при этом доля населения, которая помогала незнакомому человеку, увеличилась на 42 п.п. и составила 71 %;

население, которое делало благотворительные пожертвования — на 36 п.п., до 42 %; доля волонтеров увеличилась на 3 п.п., до 23 %. Нами была установлена прямая связь между долей населения с благотворительным поведением в Российской Федерации, % (y) и ВВП на душу населения по паритету покупательной способности, тыс. долл. США (x) (World Bank..., 2024) за 2010–2023-е годы:

$$y = 4,6821x - 145,49; R = 0,8064; D = 0,6519.$$

Так, с увеличением ВВП на душу населения по паритету покупательной способности на 1 тыс. долл. США, доля населения с благотворительным поведением в Российской Федерации соответственно растет на 4,7 п.п. При этом коэффициент корреляции (R) свидетельствует о наличии сильной связи, а коэффициент детерминации (D) — о вариации зависимой переменной (y), которая на 65,2 % обусловлена колебаниями независимой переменной (x), при этом 34,8 % — влияние факторов, не включенных в модель. По данным 142 стран, которые были включены в расчет Всемирного индекса благотворительности в 2024-м году, была определена зависимость доли населения с благотворительным поведением, % (y) от ВВП на душу населения по паритету покупательной способности, тыс. долл. США (x) (World Bank..., 2024) по однофакторной параболической производственной функции:

$$y = 0,0051x^2 - 0,4294x + 40,42.$$

Уравнение дополнительного продукта фактора при этом имеет следующий вид:

$$\frac{dy}{dx} = 0,0102x - 0,4294.$$

Коэффициент 0,0102 свидетельствует о том, что с увеличением ВВП на душу населения по паритету покупательной способности на 1 тыс. долл. США дополнительный продукт увеличивается на 0,0102. Приравняв уравнение дополнительного продукта фактора к нулю и решив это уравнение, нашли значение ВВП на душу населения по паритету покупательной способности, которое максимизирует долю населения с благотворительным поведением — 42,1 тыс. долл. США. Однофакторная параболическая производственная функция зависимости доли населения с благотворительным поведением, % (y), от субиндекса социального капитала (x), расчёт которого осуществляет британский аналитический центр The Legatum Institute (The Legatum..., 2023), имеет следующий вид:

$$y = 0,0108x^2 - 1,5299x + 15,534.$$

Дополнительный продукт фактора:

$$\frac{dy}{dx} = 0,0216x - 1,5299.$$

То есть, с увеличением субиндекса социального капитала на 1 единицу доля населения с благотворительным поведением в странах росла на 0,0216 п.п., при этом максимизация зависимой переменной происходит при субиндексе социального капитала, равном 70,83. Можно сделать вывод, что благотворительность в странах в том числе зависит от уровня социального капитала (y), на которой, в свою очередь, влияет уровень экономического благополучия, который можно характеризовать уровнем ВВП на душу населения по паритету покупательной способности, тыс. долл. США (x):

$$y = 0,2649x + 47,839; R = 0,6134; D = 0,3763.$$

То есть, с увеличением ВВП на душу населения по паритету покупательной способности на 1 тыс. долл. США субиндекс социального капитала соответствующих стран рос на 0,2649 единиц. При этом коэффициент корреляции свидетельствует о наличии средней связи, коэффициент детерминации — о вариации зависимой переменной, которая на 37,63% обусловлена колебаниями фактора, включённого в модель. На основании проведенных исследований можно сделать вывод о решающей роли социального капитала в развитии социального предпринимательства.

Для определения влияния социального капитала — существующих норм, доверия и социальных связей — на развитие социального предпринимательства в Российской Федерации был проведен анкетный опрос руководителей социальных предприятий. По данным Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства (Единый реестр..., 2024), в Российской Федерации на 10.11.2024 г. насчитывается 11898 социальных предприятий. Анкетным опросом было охвачено 150 социальных предприятий различных федеральных округов Российской Федерации (1,28 % генеральной совокупности), что не подтверждает репрезентативность исследования, однако позволяет сделать определённые выводы.

Для проведения опроса была создана и размещена на Yandex Forms анкета для руководителей социальных предприятий, которая состояла из 5-ти частей: общая информация о социальном предприятии; влияние социального предприятия на устойчивое развитие в регионе; зависимость функционирования социального предприятия от социального капитала; факторы, мешающие распространению социального предпринимательства; перспективы институциональных преобразований в отношении социального предпринимательства. Предоставляя ответ на вопрос анкеты «Работа Вашего социального предприятия помогает в достижении в регионе (при необходимости выберите несколько ответов)» 90 % респондентов указали «эко-

номического благосостояния», 80 % — «социального прогресса», 20 % — «экологического баланса». То есть, можно утверждать о безусловной ориентации социального предпринимательства на устойчивое развитие.

В создании социальных предприятий большую роль играли средства массовой информации — 40 % респондентов в ответе на вопрос анкеты «Каким образом вы узнали о существовании социального предпринимательства?» указали именно этот источник. При этом 20 % респондентов ответили «от сотрудников на предыдущем месте работы», что подчеркивает роль социального капитала, а конкретнее — его составляющих, доверия и социальных сетей — в распространении необходимой информации и создании положительного имиджа социального феномена – социального предпринимательства. Анализ ответов респондентов предоставляет возможность сделать выводы о влиянии социального капитала на поиск клиентов, поставщиков и подбор персонала (табл. 3).

Так, в поиске клиентов социальным предприятиям помогают преимущественно мессенджеры и социальные сети (указали 91,3 % респондентов), реклама (указали 77,3 % респондентов) и знакомые (указали 50 % респондентов). В поиске необходимых ресурсов (сырья, материалов, энергоносителей и т. п.) аналогичная ситуация — мессенджеры и социальные сети указали 84 % респондентов, рекламу — 80 % респондентов, знакомых — соответственно 31,3 % респондентов. В подборе персонала 50 % ответов респондентов приходилось на мессенджеры и социальные сети, а также на знакомых, 40 % — соответственно на рекламу, 30 % — на сотрудничество с государственными центрами занятости, 10 % персонала социальных предприятий по ответам их руководителей было найдено через родственников и соседей. То есть, можно сделать вывод о том, что социальный капитал (доверие, связи) имеют существенное значение в обеспечении главных условий функционирования социальных предприятий.

Таблица 3

Влияние социального капитала социальных предприятий на поиск потребителей, поставщиков и набор персонала

Вопросы анкеты	Ответы респондентов на предложенные варианты, %*				
	через родственников и соседей	через знакомых	через мессенджеры и социальные сети	через рекламу	другое
Каким образом Ваше социальное предприятие находит клиентов?	2,0	50,0	91,3	77,3	2,0**
Каким образом Ваше социальное предприятие находит поставщиков необходимых ресурсов – сырья, материалов, энергоносителей и т.д.?	3,3	31,3	84,0	80,0	5,3***
Каким образом Ваше социальное предприятие подбирает персонал?	10,0	50,0	50,0	40,0	30,0****

* возможность выбрать несколько ответов

** в качестве источника информации респонденты указали hh.ru (HeadHunter)

*** в качестве источника информации респонденты указали общественные организации

**** в качестве источника информации респонденты указали сотрудничество с государственными центрами занятости

Источник: составлено по итогам анкетного опроса

В ответах на вопрос «Какие ограничения мешают работе вашего социального предприятия? (при необходимости выберите несколько ответов)» 60 % респондентов выбрали правовые, 80 % — экономиче-

ские ограничения. Среди правовых ограничений при возможности выбрать несколько вариантов ответов 90 % респондентов назвали отсутствие закона «О социальных предприятиях», 30 % — несовершенства

в Налоговом кодексе Российской Федерации. В качестве экономических ограничений (при возможности выбрать несколько вариантов ответов) 60 % респондентов указали на недостаточность государственной поддержки, 50 % — на сложности с получением кредитов, по 20 % — на отсутствие субсидий и налоговую нагрузку. При этом 10 % респондентов представили собственный вариант ответа — сложности в получении средств по действующим грантовым программам для развития уже существующего бизнеса.

Ни один респондент не отметил социальные ограничения как проблему работы социального предприятия. В то же время на вопрос «Если работе Вашего социального предприятия мешают социальные ограничения, укажите, какие (при необходимости выберите несколько ответов)», треть респондентов выбрала ответ «отсутствие доверия и поддержки со стороны общества», что, несмотря на важность политических и экономических факторов, подчеркивает значимость социального капитала общества в развитии социального предпринимательства.

Лишь 10 % респондентов (при возможности выбрать несколько вариантов ответов) указали на существование организационных ограничений в работе собственного социального предприятия. В то же время на вопрос «Если работе Вашего социального предприятия мешают организационные ограничения, укажите, какие (при необходимости выберите несколько ответов)» 30 % респондентов ответили «доступность услуг по профессиональному развитию и обучению», по 20 % — «доступность услуг по бизнес-консультированию» и «доступность юридических услуг», 10 % — «доступность услуг по созданию сайта, использование социальных сетей для продвижения продукции или поиска партнеров». 10 % респондентов в качестве собственного варианта ответа жаловались на отсутствие услуг по поиску инвесторов и работе с ними.

70 % руководителей социальных предприятий, принявших участие в анкетном опросе, считают целесообразным создание структур, обеспечивающих согласование экономических интересов субъектов социального предпринимательства, органов власти и муниципальных образований, а также человека как личности. При этом 90 % из них отметили необходимость помощи в финансировании и рефинансировании социального предприятия, 40 % — в предоставлении информационно-консультационных услуг, по 30 % — в предоставлении экспертных услуг, открытии телефонной «горячей линии», выпуске СМИ, создании сайта.

Распространение и развитие социального предпринимательства требуют институциональных преобразований, которые должны касаться его главных институтов — институтов-функций, институтов-правил и институтов — организационных единиц. Совершенствование институтов-функций требует четкого

определения сущности и разграничения понятий «социальное предпринимательство» и «социальное предприятие», которые в обществе часто отождествляются с благотворительностью, социальными инвестициями или социальными услугами. Считаем, что этот шаг в дальнейшем будет служить определению прав и обязанностей субъектов социального предпринимательства, а также упорядочению отношений между ними. Кроме этого, это укрепит доверие — главное требование существования социального капитала.

Обсуждение. Трансформации институтов-правил должны быть направлены на совершенствование законодательной и нормативно-правовой баз социального предпринимательства. К сожалению, до сих пор остается недостаточно определенным правовой статус социального предприятия, что мешает решению многих проблем, в том числе получению государственной помощи. Считаем, что разработка и принятие Федерального Закона «О социальном предпринимательстве» позволит решить эти вопросы. Кроме этого, это положительно повлияет на формирование социального капитала соответствующего региона, потому что нормирует взаимоотношения между субъектами социального предпринимательства и сделает вклад в развитие так называемых «норм» — одной из главных составляющих социального капитала.

В качестве мероприятия по преобразованиям институтов — организационных единиц рекомендуем создание региональных центров поддержки социального предпринимательства. На рисунке 2 приведены его основные функции, а также главные стейкхолдеры — то есть лица, заинтересованные в деятельности как центра, так и социальных предприятий.

Безусловно, создание региональных центров поддержки социального предпринимательства также будет способствовать развитию социального капитала региона через налаживание новых связей между его субъектами — то есть, формирование новых социальных сетей — также составляющих социального капитала.

Заключение. Представленное научное исследование посвящено решению важной проблемы определения влияния социального капитала малых форм хозяйствования на развитие инклюзивной экономики путем становления и развития социального предпринимательства. Исходя из этого, были сделаны следующие выводы.

1. Обобщены понятия «инклюзивное развитие», «инклюзивный рост», «социальное предпринимательство», «социальное предприятие» в контексте современных реалий, которыми эти институты обуславливаются. Сделан вывод, что социальный капитал малых форм хозяйствования является предпосылкой распространения социального предпринимательства, которое, в свою очередь, является инструментом становления инклюзивной экономики.

Рис. 2. Основные функции и стейкхолдеры регионального центра поддержки социального предпринимательства

Источник: разработано на основе исследований

2. Использование методов статистического анализа и моделирования предоставило возможность оценить зависимость Индексов инклюзивного развития стран мира от экономических (ВВП на душу населения по паритету покупательной способности, Индекс Джини) и социального (субиндекс социального капитала) факторов. Было подтверждено существенное влияние социального капитала на инклюзивное развитие стран.

3. В связи с благотворительной природой социального предпринимательства проанализированы состояние и динамика ранга Российской Федерации во Всемирном индексе благотворительности. Была установлена прямо пропорциональная связь между долей населения с благотворительным поведением в Российской Федерации и ВВП на душу населения по паритету покупательной способности.

4. На основе построения и анализа производственных функций по данным стран мира определены зависимости доли населения с благотворительным поведением от экономического (ВВП на душу населения по паритету покупательной способности) и социального (субиндекс социального капитала) факторов. Было установлено, что ВВП на душу населения по паритету покупательной способности в объеме 42,1 тыс. долл. США, а также субиндекс социального капитала в раз-

мере 70,83 максимизируют долю населения с благотворительным поведением.

5. На основе анкетного опроса руководителей 150-ти социальных предприятий различных федеральных округов проведен анализ влияния социального капитала малых форм хозяйствования — существующих норм, доверия и социальных связей — на развитие социального предпринимательства в Российской Федерации. На основе опроса было выявлено определяющее место социального капитала в распространении необходимой информации и создании положительного имиджа социальных предприятий, в поиске клиентов, поставщиков и подборе персонала.

6. Используя абстрактно-логический метод исследования, была обобщена роль институциональных преобразований в сфере реализации социального предпринимательства в формировании и эффективном использовании социального капитала малых форм хозяйствования.

Результаты научного исследования можно использовать для формирования благоприятных условий развития социального предпринимательства как инструмента развития инклюзивной экономики путем накопления и эффективного использования социального капитала малых форм хозяйствования.

Библиографический список

1. Алиев Т. М. Развитие человеческого капитала как фактор инклюзивного роста в регионе АТЭС // Российский экономический журнал. 2018. № 3. С.93–100.
2. Бузгалин А. В., Манахова И. В., Молчанов И. Н., Павлов М. Ю. & Рассадина А. К. Человек как экономический актор : потенциал диалога поведенческой экономики и современной марксистской политэкономии // Вестник Московского университета. 2022. Серия 6. Экономика, № 2. С. 26–44.
3. Васюнина М. Л. К вопросу о признаках социального предпринимательства : научная дискуссия и правовое регулирование. // Вестник Московского университета. 2020. Серия 6: Экономика. № 3. С. 182–199.
4. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства // URL: <https://rmsp.nalog.ru/index.html>
5. Кадол Н. Ф. Опыт развития социального предпринимательства в странах Евразийского экономического союза // Регион: Экономика и Социология. 2021. № 2 (110). С. 135–161.
6. Курдюмов А. В., Савоськин А. В. & Мещерягина В. А. Соотношение рыночных и государственных регуляторов социального предпринимательства в аграрном секторе экономики // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2022. № 11. С.14–19.
7. Курнышева И. Р. Конкурентоспособность российской экономики : эволюция, структура и перспективы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. № 4. С. 36–53.
8. Матвеевский С. С. Азиатский банк развития и его влияние на экономический рост // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 6. С. 51–66.
9. Ниязова М. В. Сравнительный анализ интересов стейкхолдеров свободных экономических зон // Вестник Московского университета. 2022 Серия 6: Экономика. № 1. С.115–132.
10. Романова О. А. Инновационная парадигма новой индустриализации в условиях формирования интегрального мирохозяйственного уклада // Экономика региона. 2017. Т. 13 (1). С. 276–289.
11. Adeosun O. A., Olomola P. A., Adedokun A. & Ayodele O. S. (2020). Public investment and inclusive growth in Africa. *International Journal of Social Economics*. 47(12). 1669–1691.
12. Barba-Sánchez V., Salinero Y. & Estévez P. J. (2021). Monetising the social value of inclusive entrepreneurship: the case of the Abono Café social economy enterprise. *CIRIEC-Espana Revista de Economía Publica, Social y Cooperativa*. 101. 115–141.
13. Charities Aid Foundation (CAF). (2024 August 21) The World Giving Index // URL: www.cafonline.org
14. German L. A., Bonanno A. M., Foster L. C. & Cotula L. (2020). «Inclusive business» in agriculture: Evidence from the evolution of agricultural value chains. *World Development*. 134 (105018).
15. Hrytsaienko M., Hrytsaienko H., Andriieva L. & Boltianska L. (Eds.). (2019). The Role of Social Capital in Development of Agricultural Entrepreneurship. In *Modern development paths of agricultural production: trends and innovations* (p. 427–440). Springer International Publishing.
16. Morris M. H., Santos S. C. & Kuratko D. F. (2021). The great divides in social entrepreneurship and where they lead us. *Small Business Economics*. 57(3). 1089–1106.
17. Schoneveld G. C. (2020). Sustainable business models for inclusive growth: Towards a conceptual foundation of inclusive business. *Journal of Cleaner Production*. 277(124062).
18. Taušl Procházková P., Nosková M., Machová K. & Velísková V. (2021). Development of performance evaluation indicators for social enterprises: The use of delphi technique. *Journal of Business Economics and Management*. 2021. 22(6). 1396–1415.
19. The Legatum Prosperity Index™ 2023 // URL: <https://prosperity.com/>
20. World Bank Group // URL: <https://data.worldbank.org/indicator/>
21. World Economic Forum (2018 January 22). The Inclusive Development Index // URL: <https://www.weforum.org/publications/the-inclusive-development-index-2018/>
22. Yunus M., Weber, K. (2007). *Creating a world without poverty: social business and the future of capitalism*. Public Affairs.

Bibliographic list

1. Aliyev T. M. Human capital development as a factor of inclusive growth in the APEC region // *Russian Economic Journal*. 2018. № 3. P. 93–100.
2. Buzgalin A. V., Manakhova I. V., Molchanov I. N., Pavlov M. Yu. & Rassadina A. K. Man as an economic actor: the potential for dialogue between behavioral economics and modern Marxist political economy // *Bulletin of Moscow University*. 2022. Series 6. Economics, № 2. P. 26–44.
3. Vasyunina M. L. On the issue of social entrepreneurship features : scientific discussion and legal regulation // *Bulletin of Moscow University*. 2020. Series 6: Economics. № 3. P. 182–199.
4. Unified register of small and medium-sized businesses // URL: <https://rmsp.nalog.ru/index.html>
5. Kadol N. F. Experience of development of social

- entrepreneurship in the countries of the Eurasian Economic Union // *Region: Economics and Sociology*. 2021. № 2 (110). P. 135–161.
6. Kurdyumov A. V., Savoskin A. V. & Meshcheryagina V. A. The ratio of market and state regulators of social entrepreneurship in the agricultural sector of the economy // *Economics of agricultural and processing enterprises*. 2022. № 11. P. 14–19.
 7. Kurnysheva I. R. Competitiveness of the Russian economy : evolution, structure and prospects // *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2019. № 4. P. 36–53.
 8. Matveevsky S. S. Asian Development Bank and its impact on economic growth // *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2021. № 6. P. 51–66.
 9. Niyazova M. V. Comparative analysis of the interests of stakeholders in free economic zones // *Bulletin of Moscow University*. 2022 Series 6: Economy. № 1. P. 115–132.
 10. Romanova O. A. Innovative Paradigm of the New Industrialization in the Context of the Formation of an Integral World Economic Order // *Economy of the Region*. 2017. Vol. 13 (1). P. 276–289.
 11. Adeosun O. A., Olomola P. A., Adedokun A. & Ayodele O. S. (2020). Public investment and inclusive growth in Africa. *International Journal of Social Economics*. 47(12). 1669–1691.
 12. Barba-Sánchez V., Salinero Y. & Estévez P. J. (2021). Monetising the social value of inclusive entrepreneurship: the case of the Abono Café social economy enterprise. *CIRIEC-Espana Revista de Economía Publica, Social y Cooperativa*. 101. 115–141.
 13. German L. A., Bonanno A. M., Foster L. C. & Cotula L. (2020). «Inclusive business» in agriculture: Evidence from the evolution of agricultural value chains. *World Development*. 134 (105018).
 14. Hrytsaienko M., Hrytsaienko H., Andrieieva L. & Boltianska L. (Eds.). (2019). *The Role of Social Capital in Development of Agricultural Entrepreneurship*. In *Modern development paths of agricultural production: trends and innovations* (p. 427–440). Springer International Publishing.
 15. Morris M. H., Santos S. C. & Kuratko D. F. (2021). The great divides in social entrepreneurship and where they lead us. *Small Business Economics*. 57(3). 1089–1106.
 16. Schoneveld G. C. (2020). Sustainable business models for inclusive growth: Towards a conceptual foundation of inclusive business. *Journal of Cleaner Production*. 277(124062).
 17. Taušl Procházková P., Nosková M., Machová K. & Velíšková V. (2021). Development of performance evaluation indicators for social enterprises: The use of delphi technique. *Journal of Business Economics and Management*. 2021. 22(6). 1396–1415.
 18. World Economic Forum. (2018 January 22). *The Inclusive Development Index* // URL: <https://www.weforum.org/publications/the-inclusive-development-index-2018/>
 19. *The Legatum Prosperity Index™ 2023* // URL: <https://prosperity.com/>
 20. Charities Aid Foundation (CAF) (2024 August 21) *The World Giving Index* // URL: www.cafonline.org
 21. World Bank Group // URL: <https://data.worldbank.org/indicator/>
 22. Yunus, M., Weber, K. (2007). *Creating a world without poverty: social business and the future of capitalism*. Public Affairs.

Информация об авторах

Г. И. Грицаенко — доцент кафедры экономики Мелитопольского государственного университета, кандидат экономических наук, доцент;

С. В. Кальченко — профессор кафедры экономики Мелитопольского государственного университета, доктор экономических наук, профессор.

Information about the authors

H. I. Hrytsaienko — Associate Professor of the Department of Economics of the Melitopol State University, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor;

S. V. Kalchenko — Professor of the Department of Economics of the Melitopol State University, Doctor of Economic Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.12.2024; одобрена после рецензирования 22.02.2025; принята к публикации 01.03.2025.

The article was submitted 13.12.2024; approved after reviewing 22.02.2025; accepted for publication 01.03.2025.

Научная статья
УДК 657.1.012
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-208-214>
EDN: <https://elibrary.ru/lvxupy>
НИОН: 2003-0059-2/25-285
MOSURED: 77/27-003-2025-02-484

Методические аспекты ведения бухгалтерского учета токенов

Елена Николаевна Колесникова

Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Рязань, Россия,
e.kolesnikova_rfm@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются цифровые технологии, которые в современном мире становятся все более популярными и актуальными. Одним из ключевых элементов в этой сфере выступают токены — цифровые активы, которые используются для проведения транзакций и представляют собой особую, виртуальную форму активов хозяйствующих субъектов. Раскрываются методические подходы к учетному оформлению операций с токенами в российских организациях, с учетом специфики их правового статуса и экономических особенностей выпуска и оборота на цифровом финансовом рынке. Обосновываются факторы, влияющие на признание токенов тем или иным объектом бухгалтерского учета; описывается документальное оформление и ведение бухгалтерских записей в соответствии с признанием токенов запасами, финансовыми вложениями или нематериальными активами. Научная новизна исследования, результаты которого представлены в статье, состоит в выработке комплексного подхода к осуществлению документирования операций с токенами и оформлению учетных записей, отражающих их движение как у профессиональных участников цифрового финансового рынка, так и экономических субъектов, осуществляющих нерегулярные или единичные сделки по купле-продаже рассматриваемой категории ценностей. Предложены обоснованные приемы и способы документирования операций с токенами, а также представлен исчерпывающий перечень счетов синтетического учета и субсчетов, которые могут быть использованы для учета токенов, в соответствии с их видом и характером использования в финансово-хозяйственной деятельности организации-владельца. Практическую значимость имеют материалы статьи, раскрывающие примеры бухгалтерских записей для разных операций с токенами, что позволит организациям в дальнейшем корректно отражать движение токенов в формах бухгалтерской (финансовой) отчетности. Токены являются важным элементом современной экономики и требуют особого подхода к реализации способов и приемов их учетного оформления.

Ключевые слова: токены, цифровые финансовые активы, бухгалтерский учет, первичный учет, синтетический учет, бухгалтерские записи

Для цитирования: Колесникова Е. Н. Методические аспекты ведения бухгалтерского учета токенов // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 2. С. 208–214. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-208-214>. EDN: LVXUPY.

Original article

Methodological aspects of accounting for tokens

Elena N. Kolesnikova

Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot',
Ryazan, Russia, e.kolesnikova_rfm@mail.ru

Abstract. Digital technologies that are becoming increasingly popular and relevant in the modern world are being considered. One of the key elements in this area are tokens — digital assets that are used for transactions and represent a special, virtual form of assets of business entities. Methodological approaches to accounting for token transactions in Russian organizations are disclosed, taking into account the specifics of their legal status and the economic characteristics of issuance and turnover in the digital financial market. The factors influencing the recognition of tokens by a particular accounting object are substantiated; documentation and accounting records are described in accordance with the recognition of tokens by stocks, financial investments or intangible assets. The scientific novelty of the research,

© Колесникова Е. Н., 2025

the results of which are presented in the article, consists in developing an integrated approach to documenting token transactions and creating accounts reflecting their movement among both professional participants in the digital financial market and economic entities engaged in irregular or single transactions for the purchase and sale of the category of values in question. Reasonable techniques and methods for documenting operations with tokens are proposed, as well as an exhaustive list of synthetic accounting accounts and subaccounts that can be used to account for tokens, in accordance with their type and nature of use in the financial and economic activities of the owner organization. The materials of the article are of practical importance, revealing examples of accounting records for various operations with tokens, which will allow organizations to correctly reflect the movement of tokens in accounting (financial) reporting forms in the future. Tokens are an important element of the modern economy and require a special approach to the implementation of methods and techniques for their registration.

Keywords: tokens, digital financial assets, accounting, primary accounting, synthetic accounting, accounting transactions

For citation: Kolesnikova E. N. Methodological aspects of accounting for tokens. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(2):208–214. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-208-214>. EDN: LVXUPY.

Развитие информационных технологий является одной из главных задач обеспечения цифровой трансформации экономики. Все большее значение и развитие в экономике приобретают виртуальные активы, к числу которых относятся и токены.

С развитием цифровых технологий и блокчейн-индустрии токены стали неотъемлемой частью хозяйственного оборота многих организаций. Эти цифровые активы, в зависимости от своей функциональной направленности, могут выполнять роли платежных инструментов, удостоверений прав, обязательств или даже заменять традиционные ценные бумаги. Однако их интеграция в бухгалтерский учет требует глубокого понимания правовой природы, классификации и методов отражения в финансовой отчетности.

В соответствии с проектом Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах», в редакции, принятой Государственной Думой РФ в первом чтении 22 мая 2018 г., токен идентифицируется как разновидность цифрового финансового актива, выпуск которого осуществляется хозяйствующим субъектом с целью привлечения финансирования и для учета которых предусмотрен специализированный реестр цифровых записей.

В интерпретации Банка России токен отождествляется с цифровым кодом, который выпускается и обращается в информационной системе (блокчейне) в соответствии с правилами (алгоритмами) платформы [2, с. 4]. Данное определение также закреплено в Основных направлениях развития финансовых технологий на период 2025–2027 годов, которые одобрены Советом директоров Банка России.

В тексте утвержденных Минфином России «Основных направлений бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов» токены отождествляются с цифровыми финансовыми активами.

Отличительными особенностями токенов являются:

- преимущественно удостоверяют права на цифровые (виртуальные) активы;
- не имеют собственного и используются на базе существующих блокчейнов;
- майнинг токенов не возможен;
- могут быть централизованными (выпуск и транзакции управляются только конкретным субъектом) или децентрализованными (управляются несколькими субъектами);
- могут быть инвестиционным инструментом.

Все вышеизложенное позволяет интерпретировать токены как специфичный, не имеющий материально-вещественной формы вид активов экономического субъекта, в отношении которых могут и должны приниматься все процедуры учетного оформления операций с ними [3, с. 260; 7, с. 4].

Экономическая сущность, а также специфика создания и обращения токенов влияют на формирование информации об их наличии, движении и стоимости, которая создается в информационной системе хозяйствующего субъекта с помощью инструментария бухгалтерского учета [1, с. 220; 6, с. 12].

Исходя из требований ст. 9 Федерального закона № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» от 6 декабря 2011 г. (в ред. от 12 декабря 2023 г.), каждый факт хозяйственной жизни подлежит оформлению соответствующим первичным документом. А значит, любая операция с токенами должна сопровождаться оформлением в бухгалтерском учете первичной учетной документации.

Организация и методика ведения первичного учета токенов напрямую зависит от их отнесения к конкретному объекту бухгалтерского учета [5, с. 74]. В соответствии с совокупностью требований, закрепленных российским законодательством, и рекомендациями регуляторов (например, Федеральным зако-

ном от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (ред. от 25 октября 2024 г.) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», приказом Минфина России от 6 октября 2008 г. № 106н (ред. от 7 февраля 2020 г.), утверждающим ПБУ 1/2008 «Учетная политика организации»), токены могут классифицироваться как нематериальные активы, финансовые вложения, товары или обязательства.

Отнесение токенов к той или иной категории объектов бухгалтерского учета требует специфического подхода к отражению операций с ними в бухгалтерских документах.

Полагаем, что в соответствии с базовыми принципами ведения бухгалтерского учета, независимо от вида токена, являющегося предметом учетного оформления, в первичном учете должны использоваться следующие группы документов:

- документы бухгалтерского оформления;
- организационно-распорядительные документы;
- оправдательные документы.

Так, бухгалтерские справки позволяют обеспечить учетное оформление операций с токенами в бухгалтерском учете. Счета на оплату и договоры о купле-продаже токенов, приказы и распоряжения руководителей хозяйствующих субъектов, формирующие базис организационно-распорядительных документов, обеспечивают закрепление намерений сторон совершить сделки с рассматриваемым видом цифровых финансовых активов. Акты приема-передачи, накладные и платежные документы позволят подтвердить переход права собственности на токены от продавца к покупателю, а также исполнение обязательств по их оплате. Так, при приобретении токенов как нематериальных активов, без цели перепродажи, целесообразно составление акта приема-передачи, аналогичного используемому для программного обеспечения или патентов.

Для ведения сводного первичного учета целесообразно использовать следующие виды учетных документов:

- выписки по движению средств на банковских счетах — для отслеживания движения денежных средств, используемых в расчетах для токенов;
- выписки по движению средств на электронных кошельках — в целях контроля движения токенов;
- реестры токенов — в целях учета выпуска и погашения токенов в количественно-суммовых единицах.

Применение вышеуказанной совокупности первичной учетной документации обеспечивает соответствие документального оформления операций с токенами требованиям ст. 9 Федерального закона от 6

декабря 2011 г. №402-ФЗ (ред. от 12 декабря 2023 г.) «О бухгалтерском учете».

Ведение синтетического и аналитического учета токенов, по нашему мнению, также как и ведение первичного учета, находится в прямой и непосредственной зависимости от признания их тем или иным объектом учетного оформления.

Рекомендуемая номенклатура синтетических счетов для ведения токенов, по нашему мнению, может выглядеть следующим образом:

- счет 04 «Нематериальные активы» — для токенов, не предназначенных для перепродажи (например, управленческие токены DAO);
- счет 10 «Материалы» — для сырьевых токенов (криптозолота), если они не являются товаром;
- счет 41 «Товары» — для токенов у профессиональных участников рынка (биржи, обменники);
- счет 58 «Финансовые вложения» — для стейблкойнов с фиксированной доходностью (например, USDT с процентами);
- счет 76 «Расчеты с дебиторами и кредиторами» — для утилитарных токенов (например, дисконтных купонов или купонов, используемых для доступа к некоторым функциям (DApps)).

В отличие от российских стандартов, МСФО (IAS 38 «Нематериальные активы») допускают признание токенов как нематериальных активов только при соблюдении таких критериев, как контроль над ресурсами, возможность получения экономических выгод.

Для отдельных видов токенов (например, с указанным, заранее предоплаченным, номиналом) предпочтительна модель учета, аналогичная предоплатам (IFRS 15 «Выручка по договорам с клиентами»), в том числе и предусматривающая использование забалансовых счетов.

Ведение аналитического учета токенов рекомендуется организовывать по видам токенов (NFT, utility, security), криптокошелькам — отдельно для каждого адреса, контрагентам — эмитентам и покупателям.

Например, в рабочий план счетов хозяйствующего субъекта может введен счет 58.2.3 «Стейблкойны», где субконто первого порядка будет указывать на эмитента, а субконто второго порядка — отражать принадлежность к определенному виду токенов.

В бухгалтерском учете при покупке токенов с целью дальнейшей перепродажи у организаций — «профессиональных» участников рынка цифровых финансовых активов целесообразно делать следующие бухгалтерские записи:

- дебет 41 «Товары» субсчет «Токены» кредит 76 «Расчеты с разными дебиторами и кредиторами»

ми» (60 «Расчеты с поставщиками и подрядчиками», 71 «Расчеты с подотчетными лицами», в разрезе субсчетов, закрепленных рабочим планом счетов организации) — при приобретении токенов в целях последующей перепродажи;

- дебет 76 «Расчеты с разными дебиторами и кредиторами» (60 «Расчеты с поставщиками и подрядчиками», 71 «Расчеты с подотчетными лицами», в разрезе соответствующих субсчетов) кредит 51 «Расчетные счета» (55 «Специальные счета в банках») — при оплате приобретенных токенов;
- дебет 90 «Продажи» субсчет 2 «Себестоимость продаж» кредит 41 «Товары» субсчет «Токены» — при продаже приобретенных токенов.

В бухгалтерском учете у продавца токенов, в ситуации, когда он является «профессиональным» участником рынка цифровых финансовых активов, должны быть сделаны бухгалтерские записи:

- дебет 76 «Расчеты с разными дебиторами и кредиторами», (счет 62 «Расчеты с покупателями и заказчиками», в разрезе соответствующих субсчетов) кредит 90 «Продажи» субсчет 1 «Выручка» — в момент признания выручки от реализации токенов;
- дебет 51 «Расчетные счета» (52 «Валютные счета», 55 «Специальные счета в банках», кредит 76 «Расчеты с разными дебиторами и кредиторами» (счет 62 «Расчеты с покупателями и заказчиками», в разрезе соответствующих субсчетов) — при поступлении выручки от продажи токенов.

Для организаций — «непрофессиональных» участников рынка цифровых финансовых активов при покупке токенов, без цели перепродажи (за исключением утилитарных токенов, стейблкоинов и сырьевых токенов с объявленной доходностью), рекомендуется составлять следующие бухгалтерские записи:

- дебет 08 «Вложения во внеоборотные активы» субсчет 5 «Приобретение нематериальных активов» кредит 76 «Расчеты с разными дебиторами и кредиторами», счет 60 «Расчеты с поставщиками и подрядчиками», счет 71 «Расчеты с подотчетными лицами», в разрезе соответствующих субсчетов) — в момент оприходования токенов;
- дебет 04 «Нематериальные активы» субсчет «Токены» кредит 08 «Вложения во внеоборотные активы» субсчет 5 «Приобретение нематериальных активов» — при принятии токенов к бухгалтерскому учету в качестве объекта — нематериальные активы;
- дебет 76 «Расчеты с разными дебиторами и кредиторами» (60 «Расчеты с поставщиками и

подрядчиками», 71 «Расчеты с подотчетными лицами», в разрезе соответствующих субсчетов) кредит 51 «Расчетные счета» (счет 55 «Специальные счета в банках») — при осуществлении платежа за приобретенные токены.

Для организаций — «непрофессиональных» участников рынка цифровых финансовых активов при продаже токенов, купленных ранее без намерений дальнейшей перепродажи (за исключением утилитарных токенов, стейблкоинов и сырьевых токенов с объявленной доходностью), целесообразно отражать операции с помощью бухгалтерских записей:

- дебет 76 «Расчеты с разными дебиторами и кредиторами» (62 «Расчеты с покупателями и заказчиками», в разрезе соответствующих субсчетов) кредит 90 «Продажи» субсчет 1 «Выручка» — при признании выручки от реализации токенов;
- дебет 51 «Расчетные счета» (52 «Валютные счета», 55 «Специальные счета в банках») кредит 76 «Расчеты с разными дебиторами и кредиторами» (62 «Расчеты с покупателями и заказчиками», в разрезе соответствующих субсчетов) — при фактическом поступлении выручки от продажи токенов в виде фиатных денежных средств.

Ведение бухгалтерских записей по учету движения стейблкоинов и сырьевых токенов с объявленной доходностью, купленных без цели дальнейшей перепродажи целесообразно осуществлять следующим образом:

- дебет 58 «Финансовые вложения» субсчет «Токены» кредит 76 «Расчеты с разными дебиторами и кредиторами» (счет 60 «Расчеты с поставщиками и подрядчиками», счет 71 «Расчеты с подотчетными лицами», в разрезе соответствующих субсчетов) — при отражении операций по приобретению токенов;
- дебет 76 «Расчеты с разными дебиторами и кредиторами» (счет 60 «Расчеты с поставщиками и подрядчиками», счет 71 «Расчеты с подотчетными лицами», в разрезе соответствующих субсчетов) кредит 51 «Расчетные счета» (счет 52 «Валютные счета», счет 55 «Специальные счета в банках») — при оплате ранее приобретенных токенов;
- дебет 76 «Расчеты с разными дебиторами и кредиторами», субсчет (аналитический счет, соответствующей компании, выпустившей токен) кредит 91 «Прочие доходы и расходы» субсчет 1 «Прочие доходы» — при начислении величины дохода (процентов) по токенам, находящимся в собственности;
- дебет 51 «Расчетные счета» (52 «Валютные

счета», 55 «Специальные счета в банках») кредит 76 «Расчеты с разными дебиторами и кредиторами» субсчет (аналитический счет, соответствующей компании, выпустившей токен) — при зачислении объявленного дохода по токену.

Необходимо отметить, что для некоторых видов токенов, в соответствии с их экономической сущностью, спецификой оборота и особенностями использования хозяйствующими субъектами, необходимо предусмотреть особый порядок учетного оформления.

Так, утилитарные токены представляют собой электронные записи, удостоверяющие право владельца на получение товаров, услуг или иных благ от эмитента. В соответствии с Рекомендацией Р-129/2021-КпР «Цифровые инструменты» они не являются ни средством платежа, ни ценной бумагой (если не обладают признаками инвестиционного инструмента).

Ключевая характеристика утилитарных токенов — номинальная оценка в фиатной валюте, что позволяет квалифицировать их как авансовые обязательства. Исходя из совокупности положений Федерального закона № 259-ФЗ обязательство по цифровым активам может возникать при получении аванса, п. 6 ПБУ 1/2008 «Учетная политика организации» закрепляет требование полноты учета всех хозяйственных операций и п. 14 ПБУ 8/2010 «Оценочные обязательства, условные обязательства и условные активы» не позволяет признать условные активы/обязательства в балансе. Таким образом, объектом учета становится не сам токен, а право требования (для держателя) и обязанность по исполнению (для эмитента).

В этой связи в учете у держателя токена его приобретение должно отражаться как аванс, выданный в счет будущих услуг, то есть по дебету счета 60 «Расчеты с поставщиками и подрядчиками» (субсчет «Авансы выданные») и кредиту счета 51 «Расчетные счета» в момент перечисления средств аванса эмитенту. Одновременно по дебету счета 008 «Обеспечения обязательств полученные» отражается забалансовое поступление токена (на сумму номинала).

После предъявления токена в учете его держателя должна быть сделана бухгалтерская запись по дебету счета 26 «Общехозяйственные расходы» и кредиту счета 60 «Расчеты с поставщиками и подрядчиками» и осуществлено списание токена с забалансового учета по кредиту счета 008 «Обеспечения обязательств полученные».

В бухгалтерском учете эмитента в момент получение аванса от покупателя должна быть сделана запись по дебету счета 51 «Расчетные счета» и кредиту счета 62 «Расчеты с покупателями и заказчиками» (субсчет «Авансы полученные»). Отражение обязательства у эмитента должно быть отражено по дебету забалансо-

вого счета 009 «Обеспечения обязательств и платежей выданные».

По мере исполнения обязательств перед держателем токена у эмитента должна быть сделана бухгалтерская запись по дебету счета 62 «Расчеты с покупателями и заказчиками» и кредиту счета 90 «Продажи» (субсчет «Выручка»). Уменьшение условного обязательства перед держателем токена должно быть отражено по кредиту счета 009 «Обеспечения обязательств и платежей выданные».

В данном виде содержание бухгалтерских записей по учету токенов в полной мере будет соответствовать требованиям п. 12 ПБУ 9/99 «Доходы организации» и п. 16 ПБУ 10/99 «Расходы организации».

Несмотря на отсутствие прямого указания в российской нормативной базе по бухгалтерскому учету на необходимость использования забалансовых счетов для учета токенов, тем не менее, считаем это оправданным.

Использование предложенных нами подходов к ведению учета токенов на забалансовых счетах обеспечивает, во-первых, соблюдение принципа существенности, предусмотренного п. 6 ПБУ 1/2008 «Учетная политика организации», а во-вторых, позволяет снизить риски неисполнения обязательств эмитентами токенов на основании организации внутреннего контроля за их движением.

Имеет ряд особенностей и методика бухгалтерского учета сырьевых токенов. Ряд авторов [4, с. 11] предлагают учитывать сырьевые токены (например, обеспеченные золотом) на счете 10 «Материалы». Однако п. 3 ФСБУ 5/2019 «Запасы» требует, чтобы материальные запасы имели физическую форму, которой токены не обладают. Более обоснованно их отражение либо на синтетическом счете 04 «Нематериальные активы» — если токен не предназначен для продажи, либо на счете 41 «Товары» — для профессиональных участников рынка (биржи, обменники).

В том случае, если организация, не являющаяся участником рынка цифровых финансовых активов на постоянной основе (то есть сделки осуществляются нерегулярно), в дальнейшем продает токены (или использует их по прямому назначению, то это должно быть отражено в бухгалтерском учете следующим образом:

- дебет 91 «Прочие доходы и расходы» субсчет 2 «Прочие расходы» кредит 04 «Нематериальные активы» субсчет «Токены» (58 «Финансовые вложения» субсчет «Токены») — на сумму списания фактической (переоцененной, в зависимости от объекта учета к отнесены токены) стоимости;
- дебет 76 «Расчеты с разными дебиторами и кредиторами» (62 «Расчеты с покупателями

- и заказчиками») кредит 91 «Прочие доходы и расходы субсчет «Прочие доходы» — на сумму дохода, вырученного при продаже токенов;
- дебет 51 «Расчетные счета» (52 «Валютные счета», 55 «Специальные счета в банках») кредит 76 «Расчеты с разными дебиторами и кредиторами» (62 «Расчеты с покупателями и заказчиками») — на сумму поступившей оплаты за токены от покупателей.

Имеет определенные особенности и методика бухгалтерского учета стейблкоинов и сырьевых токенов. Их правовой статус и условия выпуска становятся ключевым фактором для организации бухгалтерского учета. В отличие от «классических» криптоактивов, курс таких токенов привязан к материальным активам (золото, нефть) или фиатным валютам (доллар, евро), что обуславливает потенциальную возможность их использования в расчетах между субъектами хозяйствования. Однако отсутствие единой регуляторной базы и противоречия в трактовке их экономической сущности создают методологические сложности для бухгалтерского отражения.

Стейблкоины и сырьевые токены формально относятся к категории цифровых финансовых активов в терминологии Федерального закона № 259-ФЗ. Однако их правовая природа варьируется в зависимости от юрисдикции. Так, например, в странах ЕС стейблкоины признаются как электронные деньги, а в США — как ценные бумаги, если они обеспечены определенными активами. В соответствии с российским законодательством они не признаются законным платежным средством, но могут рассматриваться как имущественные права (письмо Минфина № 03-12-11/2/12564 от 2023 г.).

Стейблкоины, по техническим характеристикам, являются токенами, однако используются и воспринимаются как криптомонеты. Ключевыми характеристиками стейблкоинов, влияющими на организацию их учета является то, что обеспечением данного вида токенов являются фиатные валюты (USDT, BUSD), товарные активы (XAUT — золото, OIL — нефть) и криптовалюты (DAI, обеспеченный ETH), а в качестве эмитентов выступают централизованные организации (Tether Limited) или децентрализованные протоколы (MakerDAO).

Данные параметры определяют выбор счетов и методов оценки. Например, стейблкоин, обеспеченный долларами, может отражаться как финансовое вложение, тогда как токенизированное золото требует учета в составе запасов или нематериальных активов.

Стейблкоины, привязанные к товарам (золото, нефть), требуют учета в соответствии с природой базового актива. Так, если они предназначены для перепродажи, то необходимым будет использование

счета 41 «Товары», если же они обеспечивает доступ к активам компании, то — счет 04 «Нематериальные активы» (сходя из требований п. 4 ФСБУ 14/2022 «Нематериальные активы»). В дальнейшем их учет рекомендуем вести в описанном нами выше порядке.

Стандарт IFRS 9 «Финансовые инструменты» предписывает оценивать стейблкоины по справедливой стоимости через прибыль/убыток, если они не являются частью хеджирования. Сырьевые токены, обеспеченные физическими активами, могут учитываться по модели IAS 16 «Основные средства» при долгосрочном владении.

Таким образом, ведение учета токенов определяется их экономической сущностью, особенностями выпуска и оборота. Не все токены, функционирующие на современном виртуальном рынке цифровых активов можно отнести к цифровым валютам, в том виде как эта категория определяется положениями Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ. Тем не менее, в настоящем подпункте нами представлен максимально полное описание порядка организации и ведения бухгалтерского учета разных видов токенов, с учетом особенностей формирования информации о них как компаниями осуществляющими сделки на рынке цифровых валют на постоянной основе (криптовиржи и криптообменниками), так и организациями, приобретающими токены в единичном порядке. Некоторые виды токенов не могут быть отражены в российском учете в силу отнесения их, с учетом требований российского бухгалтерского законодательства, к условным активам и обязательствам, что не отменяет необходимость их учета за балансом и раскрытия соответствующей информации в формах бухгалтерской (финансовой) отчетности.

Список источников

1. Бухгалтерский учет : учебник для студентов вузов, обучающихся по экономическим специальностям / А. Ф. Дятлова, Е. Н. Колесникова, В. А. Бородин [и др.]. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2021.
2. Дьяконова М. О. Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: научно-практическое пособие. М. : ИЗ-иСП, НОРМА, 2022.
3. Копылова Е. К., Копылова Т. И. Бухгалтерский учет : направления развития в условиях цифровой экономики. Часть II // Международный бухгалтерский учет. 2022. № 3. С. 260–281.
4. Мамаев М. И. Выявление и пресечение преступлений экономической направленности, связанных с использованием криптовалюты : аналитический обзор с предложениями. М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2020.

5. Методология использования данных бухгалтерского учета в целях выявления и документирования противоправных деяний с использованием электронных денег и цифровых валют : методические рекомендации / Р. А. Корнилович, Е. Н. Колесникова, С. А. Коноваленко [и др.]. Москва, 2024.
6. Морсакова Ю. В. Экономико-математические методы. Рязань : Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, 2021.
7. Понкратова С. Бухгалтерский учет операций с приобретенными и выпущенными ЦФА // Налогообложение, учет и отчетность в коммерческом банке. 2024. № 2. С. 4–13.
3. Kopylova E. K., Kopylova T. I. Accounting: directions of development in the digital economy. Part II // International accounting. 2022. № 3. P. 260–281.
4. Mamaev M. I. Identification and suppression of economic consequences associated with the use of cryptocurrencies : analytical review with proposals. M. : FGKU «VNII MIA of Russia», 2020.
5. Methodology of using accounting data for the purpose of detecting and documenting illegal acts using electronic money and digital currencies: methodological recommendations / R. A. Kornilovich, E. N. Kolesnikova, S. A. Konovalenko [et al.]. M., 2024.
6. Morsakova Yu. V. Economic and mathematical methods. Ryazan : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2021.
7. Ponkratova S. Accounting for transactions with acquired and issued CFAs // Taxation, accounting and reporting in a commercial bank. 2024. No. 2. P. 4–13.

References

1. Accounting : textbook for university students studying in economic specialties / A. F. Dyatlova, E. N. Kolesnikova, V. A. Borodin [et al.]. M. : UNITY-DANA, 2021.
2. Dyakonova M. O. Digital economy: current directions of legal regulation: scientific and practical manual. M. : IZiSP, NORMA, 2022.

Информация об авторе

Е. Н. Колесникова — профессор кафедры экономической безопасности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, доцент.

Information about the author

E. N. Kolesnikova — Professor of the Department of Economic Security of the Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 11.01.2025; одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 10.03.2025.

The article was submitted 11.01.2025; approved after reviewing 20.01.2025; accepted for publication 10.03.2025.

Научная статья

УДК 332.13

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-215-218>

EDN: <https://elibrary.ru/dhhgta>

ИИОН: 2003-0059-2/25-286

MOSURED: 77/27-003-2025-02-485

Основные вызовы и угрозы экономической безопасности регионов России, порождаемые рынком труда

Николай Пиманович Купрещенко

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, kuper52@mail.ru

Аннотация. Рассматривается проблема развития российских регионов, которая обусловлена рядом ключевых обстоятельств, порождаемых рынком труда. Через призму функционирования рынка труда проявляются структурные особенности экономики, демографические тенденции и эффективность государственной политики. Динамика рынка труда определяется ключевым соотношением: спросом на рабочую силу и ее предложением. Эффективное функционирование рынка труда требует комплексного подхода с участием государства, бизнеса и общественных организаций.

Ключевые слова: экономика региона, вызовы, угрозы, безопасность региона, рынок труда, трудовые ресурсы, человеческий капитал, миграция, демографическая ситуация

Для цитирования: Купрещенко Н. П. Основные вызовы и угрозы экономической безопасности регионов России, порождаемые рынком труда // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 2. С. 215–218. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-215-218>. EDN: DHHGTA.

Original article

The main challenges and threats to the economic security of Russian regions generated by the labor market

Nikolay P. Kupreschenko

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, kuper52@mail.ru

Abstract. The problem of the development of Russian regions is caused by a number of key circumstances generated by the labor market. Through the prism of the functioning of the labor market, the structural features of the economy, demographic trends and the effectiveness of government policy are revealed. The dynamics of the labor market is determined by a key relationship: the demand for labor and its supply. The effective functioning of the labor market requires an integrated approach involving the government, business and public organizations.

Keywords: regional economy, challenges, threats, regional security, labor market, labor resources, human capital, migration, demographic situation

For citation: Kupreschenko N. P. The main challenges and threats to the economic security of Russian regions generated by the labor market. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(2):215–218. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-215-218>. EDN: DHHGTA.

В системе современных социально-экономических отношений рынок труда играет одну из ключевых ролей, выступая сложным механизмом взаимодействия между спросом на рабочую силу со стороны работодателей и ее предложением со стороны трудоспособного населения. Отношения, возникающие на этом рынке, носят многогранный характер и оказывают непосредственное влияние не только на уровень занятости и

доходов граждан, но и на общую экономическую безопасность государства.

Динамика рынка труда определяется ключевым соотношением: спросом на рабочую силу и ее предложением. С одной стороны, субъекты, нуждающиеся в сотрудниках для реализации своих производственных или сервисных задач — будь то крупные корпорации, государственные организации, представители мало-

© Купрещенко Н. П., 2025

го и среднего бизнеса или частные наниматели — формируют спрос на труд. С другой стороны, предложение на рынке труда создается непосредственно людьми, которые обладают трудоспособностью и мотивацией к работе. Эти индивиды выходят на рынок, предлагая свои профессиональные компетенции — накопленные знания, практические умения, опыт работы, а также свое время и усилия — в ожидании получения адекватного вознаграждения и других форм компенсации, соответствующих их квалификации и вкладу. Именно точка пересечения этих двух фундаментальных сил, спроса и предложения, формирующаяся в результате сложных переговорных процессов и рыночных механизмов, в конечном счете, определяет преобладающий уровень заработной платы в различных секторах и профессиях, а также влияет на общую численность занятого населения в экономике страны.

В самом сердце рынка труда находится человеческий потенциал, воплощенный в рабочей силе. Это понятие охватывает гораздо больше, чем просто физическую способность выполнять работу; оно включает весь спектр знаний, практических навыков, накопленного опыта, уровень образования и профессиональной квалификации. Именно поэтому инвестиции в развитие этого человеческого капитала — через образование, профессиональную подготовку, создание условий для непрерывного обучения — признаются сегодня ключевыми драйверами не только экономического роста, но и социального прогресса в целом, закладывая фундамент для будущего процветания.

Сам механизм рынка труда выполняет несколько взаимосвязанных и критически важных ролей в экономике и обществе. Прежде всего, он выступает как сложная система распределения, направляя имеющиеся трудовые ресурсы — людей с их уникальными наборами компетенций — в те отрасли, сектора и компании, где их вклад будет наиболее продуктивным и востребованным в данный момент.

Рынок труда играет критически важную роль в обеспечении экономической безопасности страны. Его состояние напрямую влияет на устойчивость экономики, социальную стабильность и политическую ситуацию. Эффективно функционирующий рынок труда, характеризующийся высоким уровнем занятости, достойной заработной платой и развитой системой социальной защиты, является фундаментом для экономического роста, повышения благосостояния населения и укрепления национальной безопасности. Напротив, дисбалансы на рынке труда, такие как высокая безработица, низкая заработная плата, неформальная занятость и дефицит квалифицированных кадров, могут создать серьезные угрозы экономической безопасности, приводя к социальной напряженности, экономической стагнации и политической нестабильности.

Для комплексной оценки состояния рынка труда и

его влияния на экономическую безопасность государства используется ряд ключевых индикаторов, позволяющих диагностировать его «здоровье». Уровень и структура занятости населения служат важнейшими показателями того, насколько эффективно используются имеющиеся трудовые ресурсы. Анализ структуры занятости, то есть распределения работников по отраслям, профессиям и формам собственности, позволяет понять, насколько эффективно трудовые ресурсы распределены, соответствует ли их квалификационный состав текущим и перспективным потребностям экономики, и каковы тенденции структурных сдвигов [1].

Существенные дисбалансы, возникающие на рынке труда, способны порождать серьезные угрозы для экономической безопасности государства. Широкое распространение неформальной занятости, хотя и предоставляет определенные возможности для заработка части населения, сопряжено с целым рядом негативных последствий. Работники в неформальном секторе часто лишены элементарных социальных гарантий (оплачиваемый отпуск, больничный, пенсионные накопления), а их трудовые права никак не защищены. Кроме того, уклонение от уплаты налогов и социальных взносов в неформальном секторе приводит к значительным потерям для государственного бюджета и подрывает финансовую устойчивость систем социального страхования.

Низкий уровень профессиональной подготовки препятствует внедрению передовых технологий, сдерживает рост производительности труда и ослабляет конкурентные позиции страны на глобальном рынке. Дефицит специалистов в ключевых, особенно высокотехнологичных, отраслях может стать критическим тормозом для экономического развития и даже привести к технологической зависимости от других стран или необходимости привлечения иностранной рабочей силы, что также несет в себе определенные риски.

Для обеспечения экономической безопасности государство должно проводить активную политику в сфере занятости, направленную на регулирование рынка труда и устранение дисбалансов.

Рынок труда находится под сильным влиянием множества внешних сил, которые тесно переплетены и постоянно меняются.

Экономическое положение. Глобальные и локальные экономические тренды (экономический рост, рецессии, кризисные явления, колебания валютных курсов, динамика международной торговли) напрямую влияют на рынок труда. В периоды экономического роста наблюдается увеличение количества вакансий и рост заработных плат. Напротив, во время экономических спадов и кризисов компании вынуждены сокращать персонал и уменьшать расходы на оплату труда.

Рынок труда постоянно трансформируется под влиянием комплекса взаимосвязанных факторов,

действующих на глобальном, национальном и локальном уровнях. Одним из ключевых драйверов этих изменений является технологический прогресс, проявляющийся в автоматизации производственных и управленческих процессов, а также во внедрении принципиально новых технологий.

Политика и законодательство играют решающую роль в формировании структуры рынка труда. Действия государства в области занятости (программы поддержки безработных, стимулирование создания рабочих мест), трудовое законодательство (регулирование трудовых отношений, установление минимальной заработной платы, охрана труда), налоговое законодательство (налоговые льготы для бизнеса, налогообложение доходов физических лиц) и социальные программы (пенсионное обеспечение, пособия по безработице) напрямую влияют на количество рабочих мест, уровень занятости и структуру рынка труда [2].

Социальные и культурные тенденции формируют ландшафт рынка труда. Изменения в демографической структуре населения, такие как старение населения (увеличение доли пожилых людей и сокращение доли молодежи), влияют на предложение рабочей силы и требуют адаптации системы пенсионного обеспечения и здравоохранения.

Природные и климатические факторы могут оказывать существенное, хотя и часто локализованное, влияние на рынок труда. Стихийные бедствия (наводнения, землетрясения, ураганы) могут приводить к разрушению инфраструктуры, остановке предприятий и, как следствие, к потере рабочих мест в пострадавших регионах, особенно в секторах, сильно зависящих от природных условий, таких как сельское хозяйство и туризм.

Одним из наиболее острых вызовов является высокий уровень структурной безработицы. Это явление, при котором предложение рабочей силы не соответствует спросу на нее по квалификационным, отраслевым и территориальным характеристикам.

Особенно уязвимой группой в этом контексте является молодежь, которая делает первые шаги на рынке труда. Недостаток опыта, практических навыков, а порой и несоответствие полученного образования запросам работодателей становятся причиной высокой безработицы среди молодых людей.

Особенно уязвимой группой в этом контексте является молодежь, которая делает первые шаги на рынке труда. Недостаток опыта, практических навыков, а порой и несоответствие полученного образования запросам работодателей становятся причиной высокой безработицы среди молодых людей. Уровень безработицы среди молодежи (15–25 лет) ожидается в диапазоне 14–16 %, что по-прежнему значительно выше среднего показателя по стране, который, по предварительным оценкам, может составить 3,5–4,5 % в 2024 году [3].

В депрессивных регионах, где экономика харак-

теризуется устаревшей структурой, низкой инвестиционной привлекательностью и оттоком населения, структурная безработица может принимать угрожающие масштабы и становится очагом социальной напряженности.

Тесно связан с проблемой структурной безработицы и другой вызов — дисбаланс между спросом и предложением на рынке труда по квалификационному признаку. Российская экономика, подобно многим другим, сталкивается с парадоксом: на фоне общей тенденции к снижению безработицы (в силу демографических факторов и оттока мигрантов) в ряде отраслей наблюдается острый дефицит квалифицированных кадров. Прежде всего, это касается высокотехнологичных секторов, таких как ИТ, биотехнологии и нанотехнологии, а также ряда инженерных специальностей и рабочих профессий, требующих высокой квалификации.

В то же время, рынок труда по-прежнему перенасыщен специалистами с высшим образованием в области гуманитарных и экономических наук, которые не всегда могут найти достойное применение своим знаниям. Это ведет к определенной «девальвации» высшего образования, разочарованию молодежи и к утечке ценных кадров за рубеж, хотя этот процесс несколько замедлился.

Низкая производительность труда и ее медленный рост — еще один серьезный вызов. Этот показатель является ключевым индикатором эффективности использования трудовых ресурсов и важнейшим фактором экономического роста. Медленный рост производительности труда сдерживает повышение заработной платы, снижает конкурентоспособность российских товаров на мировом рынке и тормозит общее экономическое развитие.

Значительной проблемой остается неформальная занятость, которая несет в себе целый комплекс рисков. Трудовые отношения, не оформленные в соответствии с законом, лишают работников социальных гарантий, таких как оплачиваемый отпуск, больничный лист и пенсионное обеспечение, а также делают их уязвимыми перед произволом работодателей. Государство, в свою очередь, недополучает существенные налоговые поступления, что ограничивает финансирование социальных программ и развитие инфраструктуры.

Росстат зафиксировал рост числа занятых в неформальном секторе экономики России до 15,837 млн человек в третьем квартале 2024 года. Наибольший прирост неформальной занятости по сравнению с третьим кварталом 2023 года зафиксирован в Москве (+156 %), Чукотском автономном округе (+108 %), Севастополе (+45 %), Санкт-Петербурге (+44 %) и Забайкальском крае (+36 %). Снижение наблюдалось в Хакасии (-32 %), Пензенской области (-23 %) и Хабаровском крае (-21 %) [4].

Углубление социального неравенства, в том чис-

ле в сфере оплаты труда, подрывает социальную стабильность и создает угрозу экономической безопасности. Значительный разрыв в доходах различных групп населения сдерживает совокупный спрос, препятствует развитию человеческого капитала и провоцирует социальную напряженность.

Государство предпринимает шаги по решению обозначенных проблем и реализует различные меры: программы субсидирования занятости; переобучения; поддержки самозанятости; развития профессионального образования; совершенствования трудового законодательства и др.

Однако эффективность этих мер пока не достигла желаемого уровня и требует дальнейшего совершенствования. Система профессионального образования постепенно адаптируется к меняющимся требованиям рынка труда. Как подчеркнул Председатель Правительства Российской Федерации Михаил Мишустин: «Нам нужна система образования, которая готовит не просто исполнителей, а творцов, способных решать нестандартные задачи и адаптироваться к быстро меняющимся условиям» [5].

Важно продолжать стимулировать создание новых рабочих мест. Это требует комплекса мер: налоговых льгот; субсидий; государственных гарантий; развития инфраструктуры; создания особых экономических зон и технопарков; поддержки импортозамещения и развития отечественного производства.

В условиях стремительно меняющегося мира ключевое значение приобретает образование. Необходимо и дальше создавать условия, при которых каждый гражданин сможет на протяжении всей жизни повышать квалификацию, приобретать новые знания и навыки. Это предполагает развитие системы дополнительного профессионального образования, создание и поддержку онлайн-платформ для обучения, внедрение механизмов признания неформального образования и развитие системы профессиональных стандартов.

В борьбе с неформальной занятостью необходимо сочетать стимулирующие и ограничительные меры и

делать акцент на создании привлекательных условий для легальной деятельности. Стимулирующие меры могут включать упрощение регистрации самозанятых и малых предприятий, налоговые льготы и доступ к социальным услугам. Ограничительные меры должны быть направлены на усиление контроля за соблюдением трудового законодательства и повышение ответственности работодателей, но при этом не должны создавать избыточного давления на бизнес. Необходимо уделять особое внимание развитию региональных рынков труда и повышению межрегиональной трудовой мобильности.

Следовательно, реализация этих и других мер позволит повысить эффективность государственной политики, снизить безработицу, увеличить производительность труда, сократить неформальную занятость, уменьшить социальное неравенство и укрепить экономическую безопасность России.

Список источников / References

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // СПС «КонсультантПлюс». (1. Labor Code of the Russian Federation № 197-FZ dated December 30, 2001 (as amended on 04/07/2025) // LRS «ConsultantPlus»).
2. Федеральный закон «О занятости населения в Российской Федерации» от 12 декабря 2023 г. № 565-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». (2. Federal Law «On Employment of the Population in the Russian Federation» dated December 12, 2023 № 565-FZ (latest edition) // LRS «ConsultantPlus»).
3. URL: <https://ria.ru/20241028/putin-1980502133.html>
4. URL: https://altksp-22.ru/press-center/glavnyenovosti/neformalnaja-zanjatost-v-rossii-dostigla-maksimuma-s-2016-goda/?sphrase_id=193050
5. URL: <https://rg.ru/2024/10/29/spros-na-inzhenerov.html>

Информация об авторе

Н. П. Купрещенко — профессор кафедры экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, профессор.

Information about the author

N. P. Kupreschenko — Professor of the Department of Economics and Accounting of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 03.03.2025; одобрена после рецензирования 24.03.2025; принята к публикации 10.04.2025.

The article was submitted 03.03.2025; approved after reviewing 24.03.2025; accepted for publication 10.04.2025.

Научная статья

УДК 336

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-219-223>

EDN: <https://elibrary.ru/knlsbq>

НИОН: 2003-0059-2/25-287

MOSURED: 77/27-003-2025-02-486

Сравнительная характеристика систем бюджетного федерализма в федеративных государствах

Ольга Валентиновна Староверова

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия,
staroverova05@mail.ru, ORCID: 0000-0001-9095-3865

Аннотация. Рассматриваются системы бюджетного федерализма в различных федеративных государствах с целью выявления их особенностей, преимуществ и недостатков. Проводится сравнительный анализ бюджетных систем в таких странах, как США, Германия, Россия и Канада, на основе таких параметров, как распределение налоговых доходов, финансовая децентрализация, роль межбюджетных трансфертов и механизмы выравнивания. На основе анализа предложены рекомендации по улучшению системы бюджетного федерализма в странах, стремящихся к повышению экономической устойчивости и снижению региональных диспропорций.

Ключевые слова: бюджетный федерализм, федеративные государства, межбюджетные трансферты, финансовая децентрализация, налоговые доходы, межрегиональные диспропорции

Для цитирования: Староверова О. В. Сравнительная характеристика систем бюджетного федерализма в федеративных государствах // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 2. С. 219–223. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-219-223>. EDN: KNLSBQ.

Original article

Comparative characterization of fiscal federalism systems in federal states

Olga V. Staroverova

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, staroverova05@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-9095-3865

Abstract. The systems of fiscal federalism in different federal states are examined in order to identify their peculiarities, advantages and disadvantages. The comparative analysis of budgetary systems in such countries as the United States, Germany, Russia and Canada is carried out on the basis of such parameters as the distribution of tax revenues, fiscal decentralization, the role of inter-budget transfers and equalization mechanisms. Based on the analysis, recommendations are offered to improve the system of fiscal federalism in countries seeking to improve economic sustainability and reduce regional disparities.

Keywords: fiscal federalism, federal states, inter-budgetary transfers, financial decentralization, tax revenues, inter-regional imbalances

For citation: Staroverova O. V. Comparative characterization of fiscal federalism systems in federal states. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(2):219–223. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-219-223>. EDN: KNLSBQ.

В настоящее время бюджетный федерализм является важной составляющей государственного устройства в федеративных государствах, определяя распределение финансовых ресурсов и полномочий между различными уровнями власти. Это особенно актуаль-

но в странах с высокой степенью экономической и географической неоднородности, где различия в уровне доходов и потребностей регионов требуют специфических подходов к бюджетному распределению.

Системы бюджетного федерализма различных

© Староверова О. В., 2025

стран давно являются предметом научных исследований, поскольку они оказывают значительное влияние на экономическое развитие и социальную стабильность. Теоретические основы бюджетного федерализма были заложены такими учеными, как Уильям Оутс и Чарльз Тибу. Они предложили концепцию фискального федерализма, включающую распределение налоговых функций и полномочий, а также межбюджетные трансферты и механизмы выравнивания. Различные исследователи отмечают, что подходы к бюджетному федерализму могут значительно варьироваться в зависимости от экономической структуры, политической организации и исторических особенностей стран. В США, например, наблюдается значительная фискальная автономия штатов, тогда как в Германии система характеризуется более централизованным подходом с сильными механизмами выравнивания. В России бюджетный федерализм сталкивается с проблемами значительной финансовой зависимости регионов от федерального бюджета [1; 2; 3; 4].

Федерализм — это не просто некий итог «реализации федеративной гражданской идеи и федерации», как утверждает А. К. Родионова [5, с. 133–135]. Системы бюджетного федерализма в разных странах имеют свои особенности, которые зависят от исторических, экономических и политических факторов. В литературе выделяются две основные модели бюджетного федерализма: децентрализованная и централизованная.

Децентрализованная модель (характерна для США, Швейцарии и Канады). В этой модели регионы обладают широкой автономией в вопросах налогообложения и расходования бюджетных средств. Государство в меньшей степени вмешивается в распределение финансовых ресурсов, предоставляя регионам больше возможностей для самостоятельного регулирования экономических процессов.

Централизованная модель (присуща Германии, России). Здесь централизованные органы власти играют более важную роль в распределении бюджетных ресурсов. Фискальные трансферты из центра в регионы используются для выравнивания межрегиональных различий в доходах и развитии инфраструктуры [6; 5; 7].

В рамках бюджетного федерализма одним из ключевых механизмов являются межбюджетные трансферты — денежные переводы из федерального бюджета в бюджеты регионов и муниципальные образования. В литературе подробно рассматриваются три основные формы трансфертов:

- дотации на выравнивание. Исследователи отмечают, что они предназначены для поддержки регионов с низкими бюджетными доходами. Согласно исследованию Г. Барро, дотации играют важную роль в обеспечении равенства бюджетных возможностей между регионами;
- целевые субвенции. Эти трансферты направ-

ляются на финансирование конкретных проектов или программ. Стивен Бэйли отмечает, что субвенции могут улучшать координацию между центральными и региональными властями, однако их чрезмерное использование ограничивает фискальную автономию регионов;

- субсидии. Эти средства выделяются на основе участия регионов в софинансировании проектов, что стимулирует регионы к экономической активности.

Однако, несмотря на положительные стороны бюджетного федерализма, можно выделить и его слабые места. Основной проблемой является неравенство регионов по уровню доходов, что требует применения механизмов выравнивания. В этой связи ключевыми вопросами остаются эффективность трансфертов и зависимость регионов от федерального финансирования. В России, как отмечают Л. А. Веденева и С. Н. Синелин, проблема региональной зависимости от центра обостряется из-за недостаточной фискальной автономии регионов, а централизованное распределение средств нередко не учитывает местные потребности.

Согласимся с мнением Гарольд Мартин, который в своей работе по бюджетному федерализму в странах с развивающейся экономикой выделяет проблему коррупции и неэффективного использования бюджетных средств на местах, что негативно сказывается на устойчивости финансовой системы в целом [8].

В связи с этим уместно напомнить, что современные исследования все больше фокусируются на влиянии глобализации и новых технологий на систему бюджетного федерализма. В работе Уильяма Уолласа отмечается, что цифровизация государственных услуг и развитие «умных городов» требуют пересмотра традиционных подходов к распределению финансов. Кроме того, важным направлением является устойчивое развитие, где государственные бюджеты должны включать финансирование экологических и социальных проектов на уровне регионов.

В настоящее время одним из современных вызовов является поиск баланса между централизованным контролем и децентрализованной автономией. В этой связи исследования показывают, что внедрение цифровых платформ для отслеживания распределения бюджетных средств может повысить прозрачность и эффективность управления.

В США система бюджетного федерализма характеризуется значительной финансовой децентрализацией. Штаты обладают высокой степенью фискальной автономии и могут самостоятельно определять уровень налогов и направлять средства на приоритетные нужды. Большая часть доходов поступает от собственных налогов (налог на прибыль, подоходный налог, налог с продаж), а межбюджетные трансферты составляют около 30 % от доходов штатов. Существует система субсидий и грантов, направленных на фи-

нансирование социальных программ и образовательных учреждений.

В Германии бюджетный федерализм отличается сильными механизмами выравнивания. Федеральное правительство активно перераспределяет доходы, обеспечивая равномерное финансирование земель. Основные доходы регионов формируются за счет налогов, распределяемых на основе конституционных соглашений между федеральным и земельным уровнями власти. Действуют многочисленные механизмы горизонтального и вертикального выравнивания, что позволяет снизить межрегиональные различия в уровне доходов.

В России наблюдается высокий уровень централизации бюджетных ресурсов. Значительная часть доходов регионов поступает из федерального бюджета в виде субсидий и дотаций. Налоговые поступления в регионах, особенно в малых и экономически слабых субъектах, недостаточны для обеспечения самостоятельного финансирования. Это делает многие регионы зависимыми от финансовой поддержки из центра. Межбюджетные трансферты в России выполняют функции выравнивания, однако их распределение не всегда учитывает реальные потребности регионов [9].

Канадская система бюджетного федерализма характеризуется высокой степенью финансовой децентрализации. Провинции обладают широкой автономией в вопросах налогообложения и расходования бюджетных средств. Основными источниками доходов являются собственные налоги и трансферты из федерального бюджета, которые служат для выравнивания бюджетных возможностей между провинциями. Канадская система ориентирована на обеспечение справедливости в предоставлении государственных услуг на всей территории страны.

Так, системы бюджетного федерализма в различных странах могут существенно различаться в зависимости от степени фискальной децентрализации и механизмов бюджетного выравнивания. В США и Канаде наблюдается более выраженная децентрализация, что обеспечивает высокий уровень финансовой самостоятельности регионов, однако также приводит к значительным различиям в уровне бюджетного обеспечения. В Германии действует одна из самых сложных и эффективных систем выравнивания, позволяющая сгладить различия между более и менее развитыми регионами. В России же сохраняется высокая степень централизации, что создает зависимость регионов от федерального бюджета и ограничивает их финансовую автономию.

Преимущества и недостатки различных систем:

- децентрализованные системы (США, Канада) позволяют регионам эффективно реагировать на местные потребности, но могут увеличивать разрыв в уровне бюджетного обеспечения;
- централизованные системы (Россия) обеспечи-

вают единообразие в распределении бюджетных средств, но снижают стимулы регионов к самостоятельному экономическому развитию;

- гибридные системы (Германия) сочетают в себе элементы децентрализации и активного перераспределения, что способствует как финансовой самостоятельности, так и сглаживанию региональных различий.

Надо ли доказывать, что вытекающие отсюда модели бюджетного федерализма имеют свои особенности, которые заключаются в следующем:

1. Степень децентрализации. В разных странах модели бюджетного федерализма могут существенно различаться по уровню децентрализации финансовых полномочий. Например, в США и Швейцарии наблюдается высокая фискальная автономия регионов, где местные власти имеют значительные права на сбор налогов и самостоятельное распределение бюджетов. В то же время в таких странах, как Россия или Германия, значительная часть доходов и финансовых ресурсов централизована на уровне федерального правительства, которое затем перераспределяет средства регионам через трансферты.
2. Межбюджетные трансферты. Важной составляющей бюджетного федерализма являются механизмы межбюджетных трансфертов, которые применяются для выравнивания уровня доходов между регионами и обеспечения одинакового уровня доступа к государственным услугам. Эти трансферты могут принимать форму дотаций, субвенций или субсидий, и различаются по степени контроля со стороны центрального правительства. В странах с более централизованной моделью федерализма доля межбюджетных трансфертов выше, тогда как в децентрализованных системах регионы больше полагаются на собственные доходы.
3. Фискальная автономия регионов. Различия между моделями бюджетного федерализма также проявляются в степени самостоятельности региональных органов власти в вопросах налогообложения и расходования средств. Например, в Канаде провинции имеют широкие полномочия в установлении налоговых ставок и распределении бюджетов, тогда как в России регионы более зависимы от решений федерального центра в плане финансовой политики и распределения налоговых доходов.
4. Выравнивание региональных различий. В странах с различным уровнем социально-экономического развития регионов важным аспектом бюджетного федерализма является выравнивание этих различий. В зависимости от модели федерализма, механизмы вы-

равнивания могут быть либо жестко централизованными, как в России, где федеральное правительство направляет средства на поддержку менее развитых регионов, либо более децентрализованными, где ответственность за улучшение экономической ситуации в регионах частично возлагается на местные власти.

5. Эффективность и прозрачность. В различных моделях бюджетного федерализма роль центрального правительства в мониторинге расходов средств также различна. Более централизованные модели, как правило, требуют большего контроля со стороны федеральных властей за распределением средств, тогда как децентрализованные системы полагаются на местные органы власти и их ответственность за эффективное использование ресурсов.

Следовательно, ключевые нюансы бюджетного федерализма сводятся к различиям в уровнях децентрализации, механизмах межбюджетных трансфертов, степени фискальной автономии и подходах к выравниванию социально-экономических условий в регионах. На сегодняшний день Соединенные Штаты Америки считаются одним из самых развитых государств на планете с самой мощной и крупной экономикой. Доходы федерального бюджета в основном складываются из прямых налогов: налога на прибыль корпораций, социальных налогов и подоходного налога с населения. Незначительную часть бюджета составляют косвенные налоги такие, как таможенные пошлины и акцизы.

Таким образом, сравнительный анализ систем бюджетного федерализма в федеративных государствах показывает, что ни одна из них не является универсальной. Успех той или иной модели зависит от множества факторов, включая экономическую структуру, политическую организацию и исторический контекст. Странам с высокой степенью экономической неоднородности следует стремиться к балансу между децентрализацией и механизмами выравнивания, чтобы обеспечить справедливое распределение ресурсов и стимулировать экономическое развитие регионов.

Для России важно усилить стимулы для регионов к увеличению собственной налоговой базы, что позволит снизить их зависимость от централизованных трансфертов. В то же время необходимо совершенствовать механизмы распределения межбюджетных трансфертов, чтобы они учитывали реальные потребности и специфику каждого региона. Решение проблем социально-экономического развития регионов для обеспечения равенства субъектов РФ. Более широкое применение принципа формального равенства субъектов РФ, учет реальной асимметричности федерации наиболее актуально для решения проблем социально-экономического развития регионов.

Вместе с этим и как следствие этого можно в пер-

спективе видеть основную идею решения этих вопросов состоит в том, как обеспечить разумный баланс элементов симметрии и асимметрии во всей системе государственной власти. Для осуществления идеи равного социально-экономического развития субъектов РФ предлагается несколько подходов. Первый — направлен на передачу субъектам РФ различных значимых полномочий (инвестиции, инновации, наука, образование и пр.), подкрепленных достаточным объемом бюджетного финансирования субъектов РФ. Второй нацелен на передачу субъектам РФ полномочий и ресурсов, что во многом определяется уровнем их социально-экономического развития.

К сожалению, ст. 73 Конституции РФ в ходе конституционной реформы 2020 г. не была дополнена положением об ответственности субъектов РФ за социально-экономическое положение в своих регионах, а также положением о том, что собственность обязывает (в том числе находящаяся в ведении республиканских, краевых, областных властей) заботиться о ней.

Таким образом, сложившаяся асимметричность субъектов РФ отражает их конституционно-правовое положение и реальный уровень социально-экономического развития. Федеральному центру необходимо не только заботиться о выравнивании российских регионов в их экономическом, социальном развитии, но и активно содействовать субъектам РФ, которые нацелены на опережающий социально-экономический рост, что, в свою очередь, станет реальным воплощением в жизнь положений ст. 75.1 Конституции РФ.

Список источников

1. Белостоцкий А. А. Модели бюджетного федерализма зарубежных стран // Актуальные проблемы международных отношений в условиях формирования мультиполярного мира : сборник научных статей 8-й Международной научно-практической конференции, Курск, 14 декабря 2019 года. Курск : Юго-Западный государственный университет, 2019. С. 56–59.
2. Гуляков А. Д. Федерализм : механизм возникновения и основные направления развития : историко-государствоведческое исследование. М. : RIOR, 2019. 388 с. (Advances in Law Studies).
3. Пензева С. А., Храмченко А. А., Болотнова Е. А. проблемы современного состояния бюджетного устройства // Проблемы и перспективы развития теории и практики финансов : сборник статей Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и преподавателей, в преддверии 25-летия факультета «Финансы и кредит» Кубанского государственного аграрного университета. 2019. С. 108–114.

4. Jahrbuch des Föderalismus 2021 / Föderalismus, Subsidiarität und Regionen in Europa // Herausgegeben von Europäisches Zentrum für Föderalismus-Forschung Tübingen (EZFF) 2021. 506 p.
5. Родионова А. К. Институциональные основы федерализма. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2021.
6. Малько А. В., Саломатин А. Ю. Государственно-правовая жизнь общества в условиях глобализации // Государство и право. 2019. № 3. С. 85–96.
7. Saito-Jensen M. (2015). Theories and methods for the study of multilevel environmental governance. Guideline. Bogor, Indonesia : CIFOR.
8. Sharma, Chanchal Kumar & Alice Valdesalici. 2020. «FISCAL FEDERALISM» in Grote, R, Lachenmann, F, and Wolfrum, R, (eds), Max Planck Encyclopaedia of Comparative Constitutional Law, Oxford University Press.
9. Староверова О. В., Леонова О. А. Низкая эффективность межбюджетных трансфертов в Российской Федерации // Экономика и управление: проблемы решения. 2024. № 3. Т. 5. С. 140–150.
3. Penzeva S. A., Khranchenko A. A., Bolotnova E. A. problems of the current state of the budget system // Problems and prospects for the development of theory and practice of finance : collection of articles of the International scientific and practical conference of students, postgraduates and teachers, on the eve of the 25th anniversary of the Faculty of Finance and Credit of Kuban State Agrarian University. 2019. P. 108–114.
4. Jahrbuch des Föderalismus 2021 / Föderalismus, Subsidiarität und Regionen in Europa // Herausgegeben von Europäisches Zentrum für Föderalismus-Forschung Tübingen (EZFF) 2021. 506 p.
5. Rodionova A. K. Institutional foundations of federalism. Irkutsk : Publishing house of BSUEP, 2021.
6. Malko A. V., Salomatin A. Y. State and legal life of society in the context of globalization // State and law. 2019. № 3. P. 85–96.
7. Saito-Jensen M. (2015). Theories and methods for the study of multilevel environmental governance. Guideline. Bogor, Indonesia : CIFOR.
8. Sharma, Chanchal Kumar & Alice Valdesalici. 2020. «FISCAL FEDERALISM» in Grote, R, Lachenmann, F, and Wolfrum, R, (eds), Max Planck Encyclopedia of Comparative Constitutional Law, Oxford University Press.
9. Staroverova O. V., Leonova O. A. Low efficiency of inter-budget transfers in the Russian Federation // Economics and management: problems of solution. 2024. № 3. Vol. 5. P. 140–150.

References

1. Belostotsky A.A. Models of budget federalism of foreign countries // Actual problems of international relations in the context of the formation of a multipolar world: collection of scientific articles of the 8th International Scientific and Practical Conference, Kursk, December 14, 2019. Kursk : Southwestern State University, 2019. P. 56–59.
2. Gulyakov A. D. Federalism : the mechanism of origin and the main directions of development: historical and state studies. M. : RIOR, 2019. 388 p. (Advances in Law Studies).

Информация об авторе

О. В. Староверова — профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доктор юридических наук, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

O. V. Staroverova — Professor of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Legal Sciences, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 25.12.2024; одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 14.02.2025.

The article was submitted 25.12.2024; approved after reviewing 20.01.2025; accepted for publication 14.02.2025.

Научная статья

УДК 33.01

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-224-231>

EDN: <https://elibrary.ru/awddfc>

НИОН: 2003-0059-2/25-288

MOSURED: 77/27-003-2025-02-487

Дистанционная занятость в России: преимущества, недостатки и перспективы развития

Нелли Викторовна Цхададзе

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, nelly-vic@mail.ru

Аннотация. Рассмотрено современное состояние рынка труда дистанционной занятости в РФ. Проведен анализ экономической ситуации на рынке труда, изменяющегося в связи с появлением новейших цифровых технологий. Удаленная работа и ее влияние на рынок в современном обществе имеет огромное значение для работодателей и работников, а также для улучшения уровня жизни. Успешное решение проблемы требует комплексного подхода, который учитывает различные аспекты цифровых технологий и человеческих возможностей. Дана оценка преимуществ данного вида занятости.

Ключевые слова: цифровая экономика, рынок труда, дистанционная занятость, правовое регулирование, обеспечение безопасности, защита личных данных

Для цитирования: Цхададзе Н. В. Дистанционная занятость в России: преимущества, недостатки и перспективы развития // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 2. С. 224–231. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-224-231>. EDN: AWDDFC.

Original article

Remote employment in Russia: advantages, disadvantages and development prospects

Nelli V. Tskhadadze

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, nelly-vic@mail.ru

Abstract. The current state of the remote employment labor market in the Russian Federation is examined. An analysis of the economic situation in the labor market, changing due to the emergence of the latest digital technologies, is conducted. Remote work and its impact on the market in modern society is of great importance for employers and employees, as well as for improving the standard of living. A successful solution to the problem requires an integrated approach that takes into account various aspects of digital technology and human capabilities. The author assessed the advantages of this type of employment.

Keywords: digital economy, labor market, remote employment, legal regulation, security, personal data protection

For citation: Tskhadadze N. V. Remote employment in Russia: advantages, disadvantages and development prospects. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(2):224–231. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-224-231>. EDN: AWDDFC.

Динамичные процессы глобализации, технологические изменения и мировые экономические трансформации оказывают значительное воздействие на экономические отношения и формы занятости. В свете этих изменений вопросы того, как осуществлять удаленную форму занятости, которая появилась совсем недавно и какие риски будут с этим сопряжены. Эти проблемы остаются актуальными и важными по ряду

причин, которые требуют внимательного изучения и разработки соответствующих стратегий решения.

Во-первых, дистанционная форма работы с каждым годом становится все больше привлекательной за счет развития цифровых технологий как в России, так и по всему миру. Нарастание интереса к дистанционному формату, во многом, связано с необходимостью адаптироваться к быстро меняющимся условиям жиз-

ни, что требует новых подходов и инструментов для эффективного выполнения поставленных задач.

Во-вторых, проведение систематических исследований рисков и недостатков данного вопроса позволит выявить не только существующие проблемные зоны, но и предложить пути их решения. Такие исследования могут способствовать усовершенствованию систем удаленной работы, что в свою очередь приведет к облегчению трудовой жизни людей и повышению качества выполняемой работы.

В-третьих, совершенствование законодательства в этой сфере помогает лучше регулировать другие процессы. Введение актуальных изменений помогает выявить и устранить ранее неочевидные проблемы, связанные с правами работников, обеспечением их безопасности и защитой личных данных. Реформы в этой области не только способствуют более эффективному регулированию новых форм занятости, но и создают условия для устойчивого развития рынка труда в эпоху цифровых технологий.

Удаленная работа и ее влияние на рынок в современном обществе имеет огромное значение для работодателей и работников, а также для улучшения уровня жизни. Успешное решение проблемы требует комплексного подхода, который учитывает различные аспекты цифровых технологий и человеческих возможностей.

Рассматриваемая проблема не является достаточно популярной как среди российских исследователей и экономистов, так и среди западных. Этому способствует то, что такой термин как удаленная занятость получил свое распространение относительно недавно в период пандемии COVID-19. Ранее исследования в этой области зачастую ограничивались более узкими аспектами, касающимися гибкого рабочего времени или частичной занятости, не охватывая всех многообразных нюансов, связанных с удаленной формой работы. Таким образом, можно утверждать, что исследование дистанционной занятости в России находится на начальной стадии своего развития.

Цель исследования заключается в анализе текущего состояния удаленной занятости в России, ее перспектив. В статье рассматриваются преимущества и недостатки данной формы, а также проводится ее анализ со стороны законодательства. Цель исследования определила необходимость постановки и решения следующих задач: провести анализ текущего состояния дистанционной занятости в России, выявить преимущества и недостатки данной формы работы, исследовать перспективы развития дистанционной занятости в стране, предложить рекомендации для улучшения условий дистанционной занятости и ее распространения.

Согласно трудовому кодексу Российской Федерации под дистанционной работой подразумевается выполнение определенной трудовым договором трудовой функции вне места нахождения работодателя,

его филиала, представительства, иного обособленного структурного подразделения, вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя, при условии использования для выполнения данной трудовой функции и для осуществления взаимодействия между работодателем и работником по вопросам, связанным с ее выполнением, информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, и сетей связи общего пользования.

Резюмируя выше данное определение, выделим, что от обычной, традиционной работы по трудовому договору удаленная работа отличается только тем, что происходит не по месту нахождения работодателя и осуществляется через интернет сервисов.

Разделяют несколько форм дистанционной работы по времени:

- постоянная, непрерывная в течение 6 месяцев;
- периодическая;
- экстренная.

Если с первыми двумя формами все понятно, то под экстренной формой заключается та работа, которую работник должен выполнить без предварительной договоренности. Например, перевод на экстренную дистанционную работу в связи с угрозой жизненным условиям: пожар, эпидемия, ураган и тому подобное.

Для выхода на дистанционную работу заключается трудовой договор — если сотрудник только пришел на работу, дополнительное соглашение к уже существующему договору для сотрудников, уже работающих в данной компании, и при экстренной ситуации заключается локальный нормативный акт.

В условиях трудового договора для удаленной работы должно быть прописано:

- режим рабочего времени;
- условие о выполнении трудовой функции;
- условие об обеспечении сотрудника оборудованием;
- условия и порядок вызова работника в офис;
- порядок предоставления отпуска;
- порядок предоставления отчета о проделанной работе;
- основания для увольнения.

Все это регулируется соответствующими статьями Трудового кодекса РФ, в данном случае это статьи главы 49.1 и ст. 57. Данные статьи будут рассмотрены ниже.

Также многие путают понятие дистанционной работы, фриланса и смарт воркинга. Все эти определения чем-то схожи, так что посмотрим, в чем же их ключевые отличия.

Фриланс — это когда свободный работник, берет за разные заказы и сам организывает свое время, он может работать как дистанционно, так и очно. Основной отличительной черной фриланса является работа без трудового договора. Также фрилансеры не входят в группу удаленной занятости за счет того, что

не всегда работают дистанционно. Например, многие строители — фрилансеры, но при этом они не могут осуществлять свою деятельность без прямого присутствия. А как мы помним, частью определения дистанционной занятости является работа с помощью сервисов интернета.

Смарт воркинг, в свою очередь, является организацией труда и основывается на четырех ключевых аспектах: пространство, время, технологии и люди.

Пространство. Современная работа перестает быть привязанной к физическим границам работодателя, традиционным рабочим местам или определенной географии. Разнообразные задачи требуют разнообразных пространств и взаимодействия с коллегами, включая удаленных сотрудников, что, в свою очередь, диктует необходимость гибкости в организационных структурах.

Время. Переосмысленный подход к организации и автоматизации рабочих процессов позволяет сосредоточить усилия на ключевых проектах и целях, независимо от места и времени реализации. Это приводит к увеличению гибкости выполнения индивидуальных задач и рациональному использованию времени совместной работы, которое теперь проще ориентировать на творческие и инновационные решения.

Технологии. Цифровые инструменты произвели кардинальные изменения в рабочих процессах, предлагая более эффективные способы совместной работы, оптимизации операций и управления проектами.

Люди. В современных методах работы центральное место занимает человек. Упор делается на доверие и ответственность, возлагаемые на команды, что снижает значимость физического места и времени выполнения задач в пользу творческого подхода и конечных результатов. Это становится особенно критичным в условиях высокой конкуренции за таланты, когда привлечение и удержание квалифицированных специалистов выходят на первый план.

Таким образом, смарт воркинг хоть и очень похож на дистанционную работу, но все же не является ею за счет того, что это больше философия или форма для работодателей как осуществлять рабочий процесс.

Дистанционная работа, как и любая другая работа, будет регулироваться Трудовым кодексом Российской Федерации. Для нее выделены ст. с 312.1 по 312.9 в главе 49.1. Все они регулируют то, каким образом должен быть заключен договор, что в нем должно быть прописано, какие гарантии имеет работник, и как будет охраняться его труд. Ниже данные аспекты будут рассмотрены подробнее.

Переход на удаленную работу возможен при следующих условиях: предоставление работодателю письменного заявления о переходе или путем обмена электронными документами.

Также немаловажным фактом перехода сотрудника на удаленную работу является гарантия того, что его заработная плата не может быть снижена в связи с жим обстоятельством.

Регулирование режима рабочего времени лежит на плечах самого работника, если это не предусмотрено другими правовыми актами.

Коллективным договором, локальным нормативным актом могут быть определены условия и порядок вызова работодателем дистанционного работника, выполняющего дистанционную работу временно, для выполнения им трудовой функции на стационарном рабочем месте. Под стационарным местом подразумевается рабочее место, предоставленное работодателем. Этими же актами устанавливается его отпуск и форма предоставления отчета о произведенной работе.

Работодатель обязан обеспечивать дистанционного работника необходимыми для выполнения им трудовой функции оборудованием, программно-техническими средствами, средствами защиты информации и иными средствами, а также если работник использует свои средства для работы, то ему должны компенсировать данные затраты.

Если перевод на работу на дому был выполнен экстренно, и работодатель не может обеспечить работника нужным оборудованием, а также в случае, если работа не подразумевает переход на удаленку, то такое будет считаться простым, и будет регулироваться и оплачиваться в соответствии со ст. 157 трудового кодекса.

Также удаленная работа может быть направлена в какую-либо сферу с помощью распоряжений правительства российской федерации. Например, с помощью стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2023 года. В ней описано, что дистанционная занятость должна быть развита в сфере социальных услуг. Это продолжит давать стимул к внедрению информационных технологий дальше в нашу повседневную жизнь.

Разобравшись с теоретическим обоснованием возникновения дистанционной занятости и ее регулированием с помощью законодательства, переходим к основной проблеме данного исследования: какие преимущества она имеет перед привычной нам формой работы и почему некоторые несмотря на всю привлекательность удаленной работы по-прежнему предпочитают обычную.

Сначала рассмотрим все **преимущества**, которые нам дает дистанционная работа в целом:

1. Возможность работать из любой точки мира, где есть соединение с компьютерной сетью интернет.

Эта особенность кардинально меняет представление о традиционном рабочем месте и стирает географические границы. Работая удаленно, сотрудники становятся более мобильными: даже находясь за пределами своей страны, они способны оперативно взаимодействовать с коллегами и принимать участие в решении неотложных профессиональных задач. Как следствие, у людей появляется реальная возможность осуществить свою давнюю мечту о путешествиях, оставаясь при этом вовлеченными в рабочий про-

цесс, что избавляет от необходимости привязываться к одному месту жительства. Данная тенденция способствует децентрализации населения, которое ранее было вынуждено сосредотачиваться в крупных городах в поисках высокооплачиваемых рабочих мест. В условиях удаленной работы, люди освобождаются от ограничений, связанных с местом проживания, что способствует более равномерному распределению населения по территории.

2. Меньше затрат времени на дорогу.

Нельзя не упомянуть о значительном сокращении временных затрат на дорогу до места работы. Как известно, работа, расположенная в непосредственной близости от жилья, является крайне удобной. Однако, если расстояние между домом и офисом велико, тогда каждый день на дорогу уходит много усилий, времени и средств. Особенно это заметно в условиях плохо развитой инфраструктуры, когда работник может зависеть от ограниченного расписания общественного транспорта. Например, если в вашем районе курсирует лишь один автобус, который делает всего пару рейсов в день, тогда любое опоздание может привести к потере времени и денег на альтернативные способы для прибытия на работу. В этом контексте дистанционная работа становится решением проблемы, позволяя минимизировать затраты на дорогу и, соответственно, высвободить значительное количество времени. Это время в дальнейшем, может быть, с пользой потрачено на занятия хобби, уделение внимания семье, занятия спортом или даже на самообразование. Таким образом, внедрение принципов тайм-менеджмента становится более реалистичным и доступным, что, в свою

очередь, может привести к повышению общей удовлетворенности жизнью и улучшению баланса между работой и личной жизнью.

3. Возможность работать, не выходя из дома.

В каком-то смысле это может относиться к первому пункту, но тут я есть и другой аспект. Аспект выдачи трудового листка нетрудоспособности. Если травма не связана с повреждением преобладающей руки, плохим самочувствием, и диспансерном наблюдением, то в целом человек может работать. Таким образом, если он выйдет с помощью дистанционных технологий на работу, то он повысит свою продуктивность и сможет заработать больше, чем, если бы ему выписали лист нетрудоспособности. Хотя это и не относится к работникам имеющим стаж более 8 лет, которым согласно Федеральному закону от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» будет выплачено 100 % от их среднего заработка, но в случае перелома ноги, например, для них наилучшим вариантом будет выйти на удаленную работу.

4. Работа в декрете.

По статистике в семье женщины приносят доход больше, чем мужчины, поэтому теперь многие молодые мамы имеют тенденцию выходить из декретного отпуска раньше для того, чтобы не потерять компетенции на работе, и чтобы прокормить семью. Также никто не отменяет желание построить карьеру. Это показывает статистика, из которой видно, что женщины не сидят весь положенный им декретный отпуск с малышом (рис. 1).

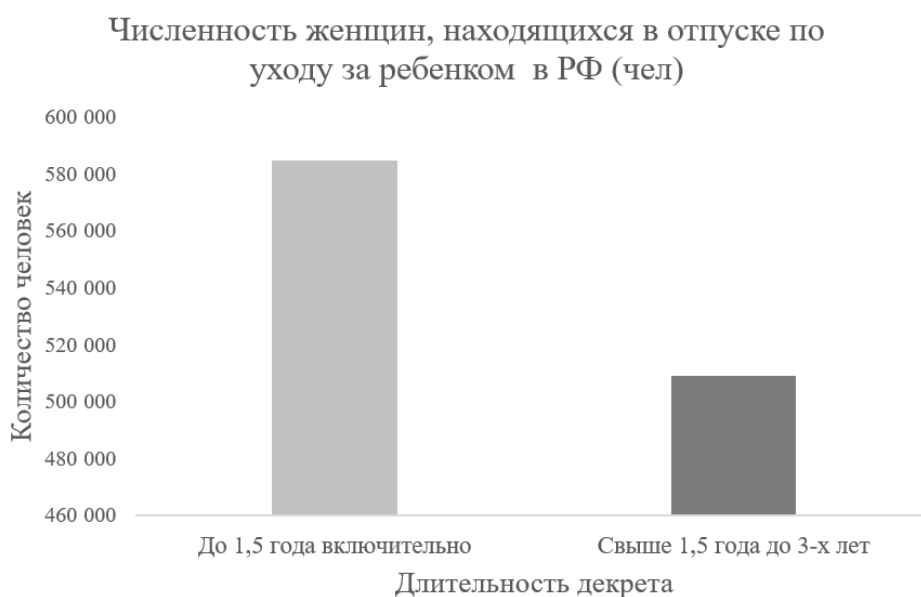

Рис. 1. Численность женщин, находящихся в декретном отпуске по Российской Федерации за 1 квартал 2024 года.

Источник: составлено автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики // URL: <https://fedstat.ru/indicator/59531>

Это может отрицательно сказаться как на матери, так и на ребенке: молодая мама не успевает отдохнуть и выходит на работу, чтобы обеспечивать малыша, а ребенок не получает материнской любви и внимания. Но теперь с распространением удаленной работы им не стоит об этом волноваться. Ведь можно работать из дома в удобный для себя график и уделять достаточное внимание и себе и своему ребенку.

5. Люди с ограниченными возможностями.

Дистанционная занятость предоставляет людям с ограниченными возможностями шанс работать из комфортной для них обстановки, что значительно снижает физическое и эмоциональное напряжение. Анализ текущей ситуации показывает, что в России уровень безработицы среди людей с инвалидностью остается высоким. Основными факторами этого явления являются предвзятость работодателей, недостаток специальных программ и мер поддержки, а также физические барьеры, мешающие таким гражданам получить трудовую занятость. Удаленная работа может стать эффективным решением для преодоления этих преград.

6. Развитие кибербезопасности, специальных программ и востребованность специалистов в сфере информационных технологий.

Благодаря тому, что мы пользуемся информационными технологиями для того, чтобы осуществлять дистанционную деятельность, соответственно развиваются различные приложения, сайты и вспомогательные устройства для осуществления данной деятельности. Таким образом, специалисты IT-сферы получают работу по усовершенствованию и созданию новых процессов. Но другая проблема заключается в том, что не все сервисы безопасны или имеют достаточную защиту против кибератак. Хакеры или в простонародье пираты наживаются за счет взлома сетей, учетных данных, документов, курсирующих во всемирной сети интернет. Так что если компания пользуется каким-либо сервисом по редактированию, отправке и доставке данных в интернете она должна осознавать то, что берет на себя риск по утечке данных, ведь так или иначе он существует. Разница лишь в том защищен ли сервис и имеется ли специальные программы антивируса на устройствах сотрудников, работающих в компании. Но, как и все на свете хакеры, вирусы, трояны совершенствуются. Так что специалисты по информационным данным и безопасности никогда не останутся без работы.

7. Психологические процессы.

Дистанционная работа предоставляет уникальную возможность индивидуального регулирования рабочего графика, что, в свою очередь, способствует значительному повышению гибкости в профессиональной деятельности. Эта форма занятости позволяет работникам находиться в привычной и комфортной обстановке, что минимизирует необходимость адаптации к новым условиям и, следовательно, способствует

сохранению уровня продуктивности. Анализируя влияние удаленной работы на психологические аспекты деятельности, следует отметить, что нахождение в «зоне комфорта» создает условия для повышения самодисциплины и улучшения концентрации. Исследования показывают, что работа в привычной среде способствует повышению уверенности в собственных силах, а также росту уровня энергии и общей работоспособности. Эти изменения можно объяснить тем, что удаленная работа дает возможность работнику лучше организовывать свое время, что приводит к более эффективным способам выполнения задач. Кроме того, необходимо рассмотреть и положительное воздействие удаленного формата на уровень стресса. Удаленная работа, как правило, сопровождается меньшими стрессовыми факторами, связанными с обычной офисной средой, такими как шум или необходимость соблюдать жесткий распорядок. Как следствие, снижение стресса может способствовать более гармоничному состоянию работника и улучшению его психоэмоционального фона. Таким образом, дистанционная работа не только предоставляет возможность для самоорганизации, но и может существенно улучшить качество жизни работника, способствуя его профессиональному и личностному росту.

8. Доступность.

Любой человек с условием того, что он умеет пользоваться компьютером и интернетом может осуществлять дистанционную работу. Именно это, в свою очередь, помогло нам в период пандемии COVID-19, когда все находились на самоизоляции и обучались, работали на удаленке.

Далее обратимся к **недостаткам** данной формы работы.

1. Необходимость включенности в сеть интернет.

На данный момент вся дистанционная занятость, завязанная на всемирной паутине. Практически все выполняется через интернет: созвоны, конференции, отправка сообщений и документов, создание и работа в нужных сервисах и приложениях. Так что, в случае отсутствия подключения к интернету невозможно будет осуществить удаленную деятельность. Максимум что можно будет сделать, это позвонить кому-либо из сотрудников твоей же компании и объяснить, что надо сделать за тебя.

2. Нужны специальные приложения.

Доступа в интернет мало для того, чтобы работать удаленно. Надо также уметь работать с сетью и приложениями. Зачастую при дистанционном режиме используются такие приложения как: ZOOM, Microsoft Teams, Skype, Moodle, Discord, Miro, Google Диск, Мой офис, Яндекс.Диск. Все они хоть и интуитивно понятны, но также требуют времени чтобы разобраться какие сервисы они предоставляют и какие особенности у них. Например Skype, ZOOM и Teams используются для созвоном и конференций. Google Диск, Мой офис,

Яндекс.Диск для работы с документами в онлайн режиме и с возможность совместного доступа в этот документ. Moodle и Miro используются для обучения

сотрудников. Конечно же, все эти программы начали набирать свою популярность во время пандемии 2020-х годов, это подтверждает статистика (рис. 2).

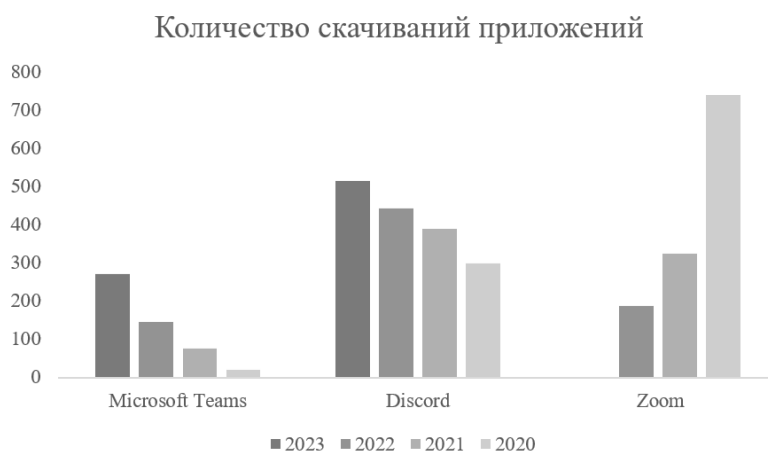

Рис. 2. Статистика скачиваний приложений ZOOM, Microsoft Teams, Discord за 2020–2023 гг.

Источник: составлено автором на основе данных с сайта URL: <https://www.demandsage>

Таким образом, многие компании и организации адаптировались к новым условиям работы, организовав доступ к дистанционным системам, что позволяет им эффективно проводить рабочие видео звонки и поддерживать продуктивное взаимодействие в условиях удаленного труда.

3. Безопасность данных.

В условиях дистанционной занятости сотрудники часто используют личные устройства и домашние сети для выполнения своих рабочих задач. Это создает определенные уязвимости, так как личные устройства не всегда обеспечивают необходимый уровень безопасности, а домашние сети, как правило, менее защищены по сравнению с корпоративными. Киберпреступники могут активно использовать такие слабые места для доступа к конфиденциальной информации, в том числе к финансовым данным, личным данным работников и сведениям о бизнес-процессах. Также стоит отметить, что использование облачных сервисов для хранения и обмена данными связано с рисками. Несмотря на удобство и доступность облачных решений, недостаточная защита данных может привести к их утечкам и компрометации. В этой связи крайне важно применять современные средства защиты информации, такие как антивирусные программы, системы обнаружения вторжений и многофакторная аутентификация. Эти меры позволяют существенно снизить риски, связанные с несанкционированным доступом к корпоративным данным. Кроме того, работодатели должны активно обновлять программное обеспечение и системы, применяемые для дистанционной работы, а также регулярно проводить проверки безопасности. Это дает возможность выявить существующие уязвимости и своевременно реагировать на

новые угрозы. В итоге, кибербезопасность в условиях дистанционной занятости является жизненно важной областью, требующей внимания как со стороны работников, так и со стороны работодателей. Обеспечение безопасной рабочей среды должно быть приоритетом для всех участников процесса.

4. Переработки.

Несмотря на очевидные преимущества работы из дома, которые заключаются в гибкости и комфорте, необходимо признать, что данный формат труда также сопряжен с множеством стрессовых факторов. В первую очередь, отсутствие четко структурированного рабочего графика зачастую приводит к значительному увеличению времени, затрачиваемого на выполнение рабочих задач. В условиях офисной среды, как правило, существует более строгая регламентация рабочего времени: начало и окончание рабочего дня, перерывы на обед и кофе. Напротив, работа в домашних условиях создает иллюзию непрерывности рабочего процесса, размывая границы между трудовой деятельностью и личным временем.

Это отсутствие четкого разграничения между рабочими и личными обязанностями может приводить к состояниям перманентной усталости и апатии, когда человек начинает испытывать трудности с концентрацией и мотивацией. Для некоторых это приводит к потере способности организовывать свое время, их день становится похожим на «день сурка», что вызывает сбой в режиме и негативно сказывается на психоэмоциональном состоянии.

5. Социальная изоляция.

Следует учитывать, что удаленная работа привнесла новую проблему — социальную изоляцию. Ранее многие сотрудники имели возможность регу-

лярно взаимодействовать с коллегами на неформальном уровне: обмениваться мнениями во время обеда, обсуждать рабочие вопросы за чашкой кофе или просто вести неформальные разговоры. Все эти моменты общения существенно сократились, что в свою очередь приводит к резкому снижению уровня социальной поддержки на рабочем месте. В результате, растет потребность в общении, однако возможности для ее удовлетворения становятся все более ограниченными. Социальная изоляция может приводить к ухудшению психического здоровья.

6. Проблемы со здоровьем.

У нас и так сидячий образ жизни из-за того, что мы в основном сидим в офисе, но дистанционка это усугубляет. В результате постоянного взаимодействия с компьютерным экраном, которое сопровождается длительными периодами неподвижности, мы сталкиваемся с отсутствием необходимой мышечной активности и привычных перерывов. Работа в офисе, несмотря на свой сидячий характер, все же требует определенной физической активности: необходимость добраться до места работы, подняться на соответствующий этаж офиса или перемещаться по территории компании в течение рабочего дня, а также выходить на улицу во время перерыва для обеда. Эти незначительные, на первый взгляд, действия все же способствуют поддержанию определенного уровня физической активности. Напротив, удаленная работа минимизирует необходимость в таких перемещениях, что приводит к более длительным периодам статической нагрузки на опорно-двигательный аппарат.

Исследования показывают, что отсутствие регулярных физических упражнений может немедленно отразиться на состоянии здоровья, приводя к возникновению различных заболеваний: от болезней сердечно-сосудистой системы до расстройств опорно-двигательного аппарата, а также психоэмоциональных расстройств. Важно также отметить, что, оставшись наедине с самим собой в условиях удаленной работы, многие люди теряют мотивацию к контролю за своим физическим состоянием, что сказывается на общем уровне жизнедеятельности. Таким образом, в контексте работы из дома крайне важно осознание необходимости заботы о собственном здоровье.

7. Доступность.

Многие хотят работать удаленно, но не у всех есть такая возможность. Какие-то профессии в принципе невозможно осуществлять дистанционно. Например, все, что связано с медициной, строительством, транспортом и логистикой, промышленным производством, общественным питанием, наукой и тому подобное. В другом случае неспособность выйти на удаленку заключается в отсутствии нужных устройств и возможностей. Например, компьютер недостаточной мощности для исполнения должностных обязанностей, отсутствие хорошего и интернета и или роутера, не

понимание как пользоваться той или иной программой, или отсутствие места для работы дома.

В заключение хочется отметить, что дистанционная занятость в России имеет как значительные преимущества, так и явные недостатки. Таким образом, для эффективной реализации дистанционной занятости в России важно находить оптимальный баланс между ними, адаптируя подходы к управлению трудовыми процессами и активным образом поддерживая рабочую культуру. Только так можно создать продуктивную и безопасную рабочую среду, способствующую развитию как сотрудников, так и организаций в целом.

С учетом ожидаемого внедрения искусственного интеллекта и автоматизации процессов можно с уверенностью прогнозировать, что многие рутинные задачи будут значительно упрощены, что повысит общую эффективность труда. Важно заметить, что современные работники все более ценят гибкость, которую предоставляет дистанционная занятость. Это особенно актуально для молодого поколения, стремящегося к независимости, комфорту и лучшим условиям для совмещения личной жизни с профессиональной деятельностью.

Работодатели, осознавая значимость этих трендов, начали адаптировать свои корпоративные культуры, предлагая гибкие графики и возможность работы из любых мест. Учитывая стремительное развитие технологий и изменяющиеся потребности работников, можно уверенно утверждать, что удаленная работа займет значимое место на отечественном рынке труда, рассматривая это как одна из основных тенденций, внедряющихся в российскую экономическую и социальную структуру на ближайшие годы.

Библиографический список

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64871/fede6ebc5e9965515a02fb87947ceaa1f8f38d83/?ysclid=m8ag726ixh522578123
3. Закалюжная Н. В. Дистанционная работа : эволюция, современное состояние, перспективы. Монография. М. : Прогресс, 2023. С 37–107.
4. Янков К. В. Подходы к измерению и прогнозированию удаленной занятости // Проблемы прогнозирования. 2021. № 4(187). С. 89–99.
5. Овакимян Т. М. Дистанционная занятость и ее особенности // URL: <https://cyberleninka>.

- ru/article/n/distsionnaya-zanyatost-i-ee-osobennosti/viewer
6. Прокудина А. В. Влияние удаленной формы работы на эмоциональное состояние // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-udalennoy-formy-raboty-na-emotsionalnoe-sostoyanie?ysclid=m8a7vrsj7c798955251>
 7. Парнышков Г. К. Дистанционная занятость в России : преимущества, недостатки и перспективы развития // URL: https://busines-society.ru/2023/2-38/68_parnyshkov.pdf?ysclid=m6xxr2hcg1479302672
 8. Удаленная работа в России : тренды перспективы // URL: <https://gb.ru/blog/udalennaya-rabota-v-rossii/?ysclid=m6zjqe574a288589305>
 9. Удаленная работа : суть, плюсы и минусы работы в удаленном доступе // URL: <https://media.foxford.ru/articles/udalenka?ysclid=m8a77a4d2168773813>
 10. Как работа на удаленке влияет на нашу психику? // URL: <https://epiona.clinic/blog/rabota-na-udalenske>
 11. ЕМИСС // URL: <https://fedstat.ru/indicator/59531>
 12. Что такое фриланс и как на нем заработать // URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/625fa909a794776b07fcc6a>
- URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64871/fede6ebc5e9965515a02fb87947ceaa1f8f38d83/?ysclid=m8ag726ixh522578123
3. Zakalyuzhnaya N. V. Remote work : evolution, current state, prospects. Monograph. Moscow : Progress, 2023. Pp. 37–107.
 4. Yankov K. V. Approaches to measuring and forecasting remote employment // Forecasting problems. 2021. № 4(187). P. 89–99.
 5. Ovakimyan T. M. Remote employment and its features // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/distsionnaya-zanyatost-i-ee-osobennosti/viewer>
 6. Prokudina A.V. The influence of remote work on the emotional state // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-udalennoy-formy-raboty-na-emotsionalnoe-sostoyanie?ysclid=m8a7vrsj7c798955251>
 7. Parnyshkov G. K. Remote employment in Russia: advantages, disadvantages and development prospects // URL: https://busines-society.ru/2023/2-38/68_parnyshkov.pdf?ysclid=m6xxr2hcg1479302672
 8. Remote work in Russia : trends and prospects // URL: <https://gb.ru/blog/udalennaya-rabota-v-rossii/?ysclid=m6zjqe574a288589305>
 9. Remote work : the essence, pros and cons of working remotely // URL: <https://media.foxford.ru/articles/udalenka?ysclid=m8a77a4d2168773813>
 10. How does working remotely affect our psyche? // URL: <https://epiona.clinic/blog/rabota-na-udalenske>
 11. EMISS // URL: <https://fedstat.ru/indicator/59531>
 12. What is freelancing and how to make money on it // URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/625fa909a794776b07fcc6a>

Bibliographic list

Информация об авторе

Н. В. Цхададзе — профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор.

Information about the author

N. V. Tskhadadze — Professor of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Economic Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 03.03.2025; одобрена после рецензирования 24.03.2025; принята к публикации 10.04.2025.

The article was submitted 03.03.2025; approved after reviewing 24.03.2025; accepted for publication 10.04.2025.

Научная статья

УДК 159.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-232-236>

EDN: <https://elibrary.ru/jwelru>

НИОН: 2003-0059-2/25-289

MOSURED: 77/27-003-2025-02-488

Психологический потенциал профессиональной подготовленности курсантов

Вера Алексеевна Балашова¹, Надежда Владимировна Ефимкина²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ VeraKasatka2014@yandex.ru

² e_n_v@inbox.ru

Аннотация. Рассматривается адаптивность, мотивация и удовлетворенность потребностей как психологический потенциал профессиональной подготовленности курсантов к служебной деятельности на этапе обучения в образовательной организации МВД России.

Ключевые слова: служебная деятельность, мотивация, профессиональная мотивация, профессиональная подготовленность, психологическая подготовленность, психологический потенциал, психологический ресурс, профессиональная подготовка

Для цитирования: Балашова В. А., Ефимкина Н. В. Психологический потенциал профессиональной подготовленности курсантов // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 2. С. 232–236. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-232-236>. EDN: JWELRU.

Original article

Psychological potential of professional training of cadets

Vera A. Balashova¹, Nadezhda V. Efimkina²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ VeraKasatka2014@yandex.ru

² e_n_v@inbox.ru

Abstract. Considered the adaptability, motivation and satisfaction of needs as a psychological potential of professional readiness of cadets for professional activity at the stage of training in an educational organization of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords: professional activity, motivation, professional motivation, professional preparedness, psychological preparedness, psychological potential, psychological resource, professional training

For citation: Balashova V. A., Efimkina N. V. Psychological potential of professional training of cadets. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(2):232–236. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-232-236>. EDN: JWELRU.

Служебная деятельность органов внутренних дел представляет собой особый вид деятельности, в которой сотрудник задействует имеющиеся у него ресурсы для выполнения поставленной задачи. В этом ему помогает психологический ресурс, который отражает его психологические возможности.

В современных условиях человеку доступны многие возможности, благодаря развитию различных технологий, что способствовало сокращению многих физических нагрузок, при этом существенно увеличив психологические.

По мнению В. А. Бодрова, мобилизация физических и духовных возможностей человека способствует выполнению такой программы поведения, которая купирует стресс [2], представляя, тем самым, ресурсы человека.

С точки зрения К. Муздыбаева, ресурсы — это средства к существованию, возможности людей и общества; все то, что человек использует, чтобы удовлетворить требования среды. Н. Е. Водопьянова отмечает, что ресурсы представляют собой «внутренние и внешние переменные, способствующие психологи-

ческой устойчивости в стрессогенных ситуациях; это эмоциональные, мотивационно-волевые, когнитивные и поведенческие конструкты, которые человек актуализирует для адаптации к стрессогенным/стрессовым трудовым и жизненным ситуациям», это «средства (инструменты), используемые им для трансформации взаимодействия со стрессогенной ситуацией.

Различают два класса ресурсов: личностные (психологические) и средовые (социальные):

- личностные ресурсы (психологические, профессиональные, физические) представляют собой навыки и способности человека;
- средовые ресурсы выявляют доступность личности помощи (инструментальной, моральной, эмоциональной) в социальной среде (со стороны членов семьи, друзей, сослуживцев) и материальное благополучие жизнедеятельности людей, переживших или испытывающих стресс.

Все перечисленные выше виды ресурсов взаимосвязаны и зависят от наличия у индивида «психологического потенциала», который, в свою очередь, основывается на высоком (либо в случае его недостаточности на низком) уровне профессиональной компетентности сотрудника органов внутренних дел. С. Мадди также считает, что психические ресурсы индивида не что иное, как его «личностный потенциал».

Личностный (психологический) потенциал аккумулирует в себе большие возможности.

В психологическом обеспечении служебной деятельности органов внутренних дел особую роль играет создание и поддержание психологического ресурса сотрудников. Этому способствует психологическая подготовка, которая учитывает условия и особенности служебной деятельности и ориентируется на выработку необходимых профессиональных и психологических качеств.

Психологическая подготовка помогает сотрудникам органов внутренних дел более эффективно справляться с трудностями служебной деятельности, сохранять психологическую устойчивость и принимать правильные решения в стрессовых и экстремальных ситуациях, а также способствует эффективному выполнению должностных обязанностей как самостоятельно, так и совместно. Психологическая подготовка позволяет сотрудникам научиться эффективно управлять своим психическим состоянием под влиянием негативных факторов служебной деятельности, преодолевать сложности службы, сохраняя высокую профессиональную мотивацию.

Психологическая подготовка сотрудников органов внутренних дел — это процесс, направленный на формирование навыков, знаний и умений, необходимых для эффективного выполнения служебных обязанностей в ситуациях повышенного психологического напряжения [1]. Она включает в себя ряд методов

и приемов, направленных на укрепление здоровья, повышение стрессоустойчивости, совершенствование профессиональных и психологических качеств.

Психологическая подготовка сотрудников органов внутренних дел имеет ряд особенностей, учитывающих психологические особенности служебной деятельности. Содержание психологической подготовки включает обучение сотрудников преодолению стресса, тревоги, других негативных состояний с использованием методов релаксации, медитации, дыхательных и экспресс-техник и др.; владению навыкам эффективного общения, включая коммуникативные; оперативной оценке условий и обстоятельств, потенциальных рисков, а также принятию решений в экстремальных ситуациях; способности к совместному выполнению служебных задач.

Стоит отметить, что психологическая подготовка, направленная на развитие профессиональных и психологических качеств, должна учитывать не только психологические особенности служебной деятельности, но и индивидуально-психологические особенности личности сотрудников, актуализируя, тем самым, их психологические ресурсы.

Эффективность психологической подготовки зависит, в том числе, от регулярного характера ее проведения, включающего теоретические и практические занятия. Такой подход позволяет сформировать не только систему знаний, но и выработать практические умения у сотрудников за счет моделирования повседневных и нетипичных профессиональных ситуаций. Апробации возможных алгоритмов действий в стрессовых и экстремальных ситуациях служебной деятельности способствует развитию у сотрудников профессионально-психологической подготовленности, что минимизирует вероятность допущения ошибок в аналогичных условиях реальной профессиональной ситуации.

Основной целью психологической подготовки является формирование и повышение морально-психологической готовности, обеспечивающей успешное преодоление психологических трудностей и эффективное выполнение оперативно-служебных задач в различных условиях.

В ходе учебно-служебной деятельности курсанты тоже проходят определенную профессионально-психологическую подготовку, овладевая знаниями, умениями и навыками, необходимыми для профессиональной деятельности. Для успешного овладения будущей профессией необходима целенаправленная деятельность по формированию и развитию профессиональных и личностно-значимых качеств, обеспечивающих успешность будущей деятельности. В этом отношении одним из ключевых является вопрос мотивации. Мотивация может быть сформирована как внутренними, так и внешними факторами. Внутренняя мотивация может основываться на личных ценностях,

убеждениях, интересах и потребностях, в то время как внешние факторы могут включать в себя систему поощрений, карьерные возможности и воздействие коллектива.

Показатели мотивации курсантов позволяют спрогнозировать эффективность прохождения ими процесса профессионально-психологической подготовки.

Для определения профессиональной подготовленности с учетом развития мотивации курсантов было проведено исследование, эмпирическую базу которого составили курсанты 1-го и 3-го курсов образовательной организации МВД России в количестве 68-ти человек.

Со всеми респондентами на 1-м курсе были проведено исследование показателей их адаптивности к новой учебной среде с применением многоуровневого личностного опросника (МЛО) «Адаптивность», разработанного А. Г. Маклаковым и С. В. Чермяниным. Это позволило определить основные факторы, влияющие на процесс их адаптации (рис. 1).

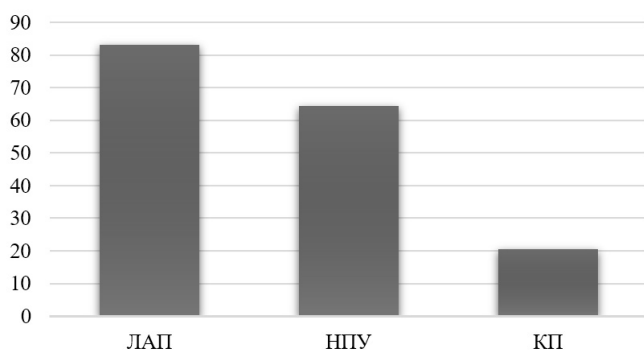

Рис. 1. Показатели адаптивности на 1-м курсе (ср. знач.)

Примечание:

ЛАП — лично-адаптационный потенциал (81,15);

НПУ — нервно-психическая устойчивость (64,36);

КП — коммуникативный потенциал (19,55).

Из представленных на рисунке 1 эмпирических данных видно, что у курсантов средний уровень развития показателей адаптивности. Другими словами, у них на 1-м курсе существует определенный психологический потенциал, позволяющий достаточно эффективно приспособиться к новой учебной среде, а именно: преодолевать конфликтные ситуации, корректно выстраивать межличностные отношения, проявлять психическую саморегуляцию поведения в условиях стресса и психического напряжения.

С помощью методики «Мотивация достижения успеха» Э. Элерса удалось выявить, что большинство испытуемых (52,2 %) обладают умеренно высоким уровнем мотивации. При этом слишком высокий показатель мотивации продемонстрировали 23,9 %,

средний уровень мотивации — 17,4 %. Остальные 6,5 % испытуемых показали низкую мотивацию.

Согласно результатам, полученным по методике «Опросник ценностных портретов Ш. Шварца», так как данная методика позволяет проанализировать динамику изменения ценностей в новой, для курсанта первого курса, группе и в связи с новыми жизненными проблемами, которые возникают в процессе профессиональной подготовки.

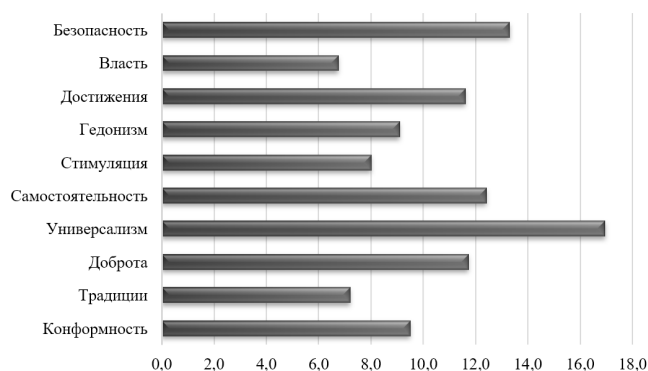

Рис. 2. Выраженность ценностных портретов у испытуемых

Согласно рисунку 2, у курсантов в большей степени выражены такие ценностные портреты, как: универсализм, безопасность, самостоятельность и доброта. Менее выражены: власть, традиции и стимуляция.

То есть, у курсантов мотивационная цель представляет собой сохранение благополучия и гармонии в новых социальных контактах, взаимопомощь в трудных ситуациях, стабильность взаимоотношений. При этом им важно чувствовать защищенность со стороны, но в то же время сохранять самоконтроль и автономность, что может быть связано с механизмом психологической защиты.

При этом испытуемые не демонстрируют следование традициям.

Изучение особенностей учебной мотивации было осуществлено с помощью Методики для диагностики учебной мотивации А. А. Реана и В. А. Якунина.

Рис. 3. Особенности учебной мотивации курсантов (в %)

В данном случае были выявлены такие преобладающие мотивы учебной деятельности, как: «Стать высококвалифицированным специалистом» (54,9 %); «Получать интеллектуальное удовлетворение» (34,9 %); «Приобрести глубокие и прочные знания» (35,8 %) и «Получить диплом» (33,8 %).

Однако были определены и мотивы, имеющие низкие значения: «Не отставать от сокурсников» (4,5 %); «Быть примером для сокурсников» (7,8 %) и «Выполнять педагогические требования» (0,11 %).

Можно сделать вывод о том, что ведущими мотивами являются «прагматические» (получить диплом о высшем образовании) и «личностного престижа», позволяющие самоутвердиться за счет приобретения определенного статуса и функций в обществе.

Далее рассмотрим показатели удовлетворенности потребностей у испытуемых, согласно результатам, полученным с помощью методики «Оценка удовлетворения потребностей»:

- *удовлетворенность физиологических потребностей*: полностью удовлетворены почти у четверти испытуемых (24,2 %); частично удовлетворены — 66,9 %; полностью не удовлетворены — 8,9 %;
- *удовлетворенность потребности в безопасности*: полностью удовлетворены только 8,7 % испытуемых; частично удовлетворены — 75,7 %; полностью не удовлетворены — 15,6 %;
- *удовлетворенность социальных потребностей*: полностью удовлетворены только у 8,4 % испытуемых; частично удовлетворены — 80,2 %; полностью не удовлетворены — 21,4 %;
- *удовлетворенность потребности в признании*: полная удовлетворенность данной потребности отсутствует; частично удовлетворены — 70,8 %; полностью не удовлетворены — 29,2 %;
- *удовлетворенность потребности в самореализации*: полностью удовлетворены только 4,3 % испытуемых; частично удовлетворены — 80,4 %; полностью не удовлетворены — 15,3 %.

Таким образом, у большинства испытуемых потребности удовлетворены лишь частично.

На основании результатов проведенного исследования, можно отметить следующее:

- более половины курсантов (52,2 %) обладают умеренно высоким уровнем мотивации, а почти четверть (23,9 %) имеют слишком высокий показатель мотивации. При этом, преобладающими мотивами учебной деятельности являются стремление стать высококвалифици-

рованным специалистом, интеллектуальную составляющую, желание приобрести специальность и квалификацию;

- нервно-психическая устойчивость и личностный потенциал позволяют в первые годы обучения в образовательной организации МВД России приспособиться к новой учебной среде;
- ценностные ориентиры направлены на сохранение благополучия и гармонии в новых социальных контактах, взаимопомощь в трудных ситуациях, стабильность взаимоотношений. Однако, ориентир следовать традициям пока не сформирован;
- представлена частичная удовлетворенность потребностей у большинства испытуемых. Однако, почти у трети (29,2 %) полностью не удовлетворены потребности в признании. Учитывая этап профессиональной подготовки, такой результат является вполне «естественным», так как практического опыта подтверждения или отрицания признания пока не был получен.

В целом, большинство испытуемых склонны положительно оценивать собственный потенциал, позитивно оценивать результаты деятельности (в том числе, и совместной), проявляют достаточный уровень мотивации к приобретению профессиональных знаний и развития личностных качеств, необходимых сотруднику органов внутренних дел.

Следовательно, выявленные эмпирические результаты позволяют отметить мотивацию, ценностные ориентиры, адекватную субъективную оценку в удовлетворенности потребностей наряду с нервно-психической устойчивостью как психологический потенциал профессиональной подготовленности курсантов к служебной деятельности.

Список источников

1. Коблов Ф. Ч., Тадтаева Л. Х. Совершенствование обучения рядового и младшего начальствующего состава в системе служебно-боевой подготовки. Сборник статей и тезисов / Выпуск 10, в 2-х частях / Сост. Л. В. Газаев. Часть 2. Владикавказ : Издательство СОГПИ, 2010. 278 с.
2. Кравченко Ю. Е., Кравцов О. Г., Щепанская А. А. Особенности регуляции негативных эмоций и стресса, сопутствующие выбору профессии следователя // Психология и право. 2023. Т. 13. № 1. С. 1–26.

References

1. Koblov F. Ch., Tadtava L. H. Improving the training of enlisted and junior commanders in the

system of service and combat training. Collection of articles and abstracts / Issue 10, in 2 parts / Comp. L. V. Gazaev. Part 2. Vladikavkaz : SOGPI Publishing House, 2010. 278 p.

2. Kravchenko Yu. E., Kravtsov O. G., Shchepanskaya A. A. Features of the regulation of negative emotions and stress associated with choosing the profession of an investigator // Psychology and Law. 2023. Vol. 13. № 1. P. 1–26.

Библиографический список

1. Коблов Ф. Ч. Пути совершенствования профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел. Современный ВУЗ, образование, наука : материалы региональной научно-практической конференции / Под ред. докт. пед. наук, проф. Б. А. Тахохова ; Сев.-Осет. гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова. Владикавказ : Изд-во СОГУ, 2011. 304 с.
2. Психологическая подготовка сотрудников полиции : учебное пособие / [В. Л. Цветков, А. Ю. Федотов, Т. А. Хрусталева и др.] ; Москов-

ский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя. Москва : Московский ун-т МВД России им. В. Я. Кикотя, 2018. 55 с.

Bibliographic list

1. Koblov F. Ch. Ways to improve the professional training of law enforcement officers. Modern university, education, science : Materials of a regional scientific and practical conference / Edited by Doctor of Pedagogical Sciences, Professor B. A. Takhokhov ; North-Ossetian State University named after K.L. Khetagurov. Vladikavkaz : SOGU Publishing House, 2011. 304 p.
2. Psychological training of police officers: textbook / [V. L. Tsvetkov, A. Yu. Fedotov, T. A. Khrustaleva, etc.] ; Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot'. Moscow : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot', 2018. 55 p.

Информация об авторах

В. А. Балашова — заместитель начальника кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук;

Н. В. Ефимкина — доцент кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук.

Information about the authors

V. A. Balashova — Deputy Head of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Official Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences;

N. V. Efimkina — Associate Professor of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Official Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.03.2025; одобрена после рецензирования 24.03.2025; принята к публикации 10.04.2025.

The article was submitted 03.03.2025; approved after reviewing 24.03.2025; accepted for publication 10.04.2025.

Научная статья

УДК 159.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-237-241>

EDN: <https://elibrary.ru/fwujtu>

НИОН: 2003-0059-2/25-290

MOSURED: 77/27-003-2025-02-489

Психологическая травма развития как предиктор наркозависимого поведения

Анна Александровна Зуйкова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, ania.zyikova@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается проблема наркозависимого поведения, которая не теряет своей актуальности уже на протяжении многих десятилетий. Среди поиска причин данного негативного социального явления исследователи выделяют множество факторов, таких как: генетическая предрасположенность, неблагоприятная социально-экономическая ситуация в обществе, личностные особенности, проблемы в семье и др. Уделено внимание изучению поиска взаимосвязи между детской психологической травмой и формированием наркозависимости во взрослом возрасте. Наличие пережитой в детстве психологической травмы во взрослом возрасте может проявляться в таких негативных реакциях, как: повышенный уровень тревожности, ощущение неуверенности в себе и своих силах, постоянное чувство напряженности, апатия или гнев и др. Именно данные негативные реакции зачастую выступают причинами различных форм зависимого поведения, включая и наркозависимость. Понимание взаимосвязи между детскими травмами и зависимостью имеет решающее значение для разработки эффективных стратегий вмешательства и лечения людей с зависимостью. Представлен анализ проблемы психологической травмы, полученной в ходе развития личности, а также механизмы влияния различных видов психотравм на формирование наркозависимого поведения.

Ключевые слова: психологическая травма, наркозависимое поведение, аддикция, стресс, реабилитация

Для цитирования: Зуйкова А. А. Психологическая травма развития как предиктор наркозависимого поведения // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 2. С. 237–241. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-237-241>. EDN: FWUJTU.

Original article

Psychological developmental trauma as a predictor of drug-dependent behavior

Anna A. Zuikova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, ania.zyikova@yandex.ru

Abstract. The problem of drug-dependent behavior has not lost its relevance for many decades. Among the search for the causes of this negative social phenomenon, researchers identify many factors, such as: genetic predisposition, unfavorable socio-economic situation in society, personality traits, problems in the family, etc. Some attention is paid to the study of the relationship between childhood psychological trauma and the formation of drug addiction in adulthood. The presence of psychological trauma experienced in childhood in adulthood can manifest itself in such negative reactions as: increased anxiety, a feeling of self-doubt, a constant feeling of tension, apathy or anger, etc. It is these negative reactions that often cause various forms of addictive behavior, including drug addiction. Understanding the relationship between childhood trauma and addiction is crucial for developing effective intervention and treatment strategies for people with addiction. The analysis of the problem of psychological trauma received during personality

© Зуйкова А. А., 2025

development is shown, as well as the mechanisms of influence of various types of psychotrauma on the formation of drug-dependent behavior.

Keywords: psychological trauma, drug-dependent behavior, addiction, stress, rehabilitation

For citation: Zuikova A. A. Psychological developmental trauma as a predictor of drug-dependent behavior. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(2):237–241. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-237-241>. EDN: FWUJTU.

Введение

На протяжении многих лет исследователи в области медицины, психологии, педагогики, социологии ведут споры и осуществляют поиск причин формирования наркозависимого поведения личности. Пытаясь найти связь между биологическими, социальными и психологическими причинами, которые привели человека к той или иной форме зависимости, все больше авторов уделяют внимание изучению наличия психологической травмы, пережитой человеком в детстве. Детская психика уязвима и подвержена воздействию различных негативных влияний, которые впоследствии закладывают крепкий фундамент для психотравмы. К данным негативным влияниям относят: пережитое насилие (физическое, психологическое, сексуальное), потеря близкого человека, переживание событий, связанных с угрозой жизни (болезнь, стихийное бедствие, военные действия и пр.), принятие социумом и другие. Переживание указанных событий в детстве, не может не наложить отпечаток на развитие личности во взрослом возрасте, вызывая такие последствия как: хронические проблемы со здоровьем, рискованное поведение по отношению к жизни и здоровью (вредные привычки, экстремальные увлечения и пр.), проблемы с психическим здоровьем, суицидальные наклонности и пр. Все перечисленное зачастую приводит человека к употреблению психоактивных веществ, и приводит к формированию зависимого поведения, что в свою очередь обуславливает необходимость разработки новых методов по психопрофилактике, психодиагностике и психокоррекции детских психологических травм и осуществление их учета в процессе психологической реабилитации наркозависимых лиц.

Основная часть

Термин психологической травмы подразумевает тот или иной вред, который оказывает влияние на общее психологическое состояние личности в результате факторов, условий или общей среды, содержащих в себе признаки и свойства стрессового воздействия на психику личности. З. Фрейд был основоположником теории о психоаналитической травме, в которой предложил рассматривать само явление травмы, как динамично развивающийся бессознательный процесс, оказывающий такое влияние на общую психику человека, который способен внести фундаментальные измене-

ния в основу психики человека и стать источником невротического расстройства [1]. Следует отметить, что понятия психологической и психической травмы имеют отличия по степени глубины и первичных условий возникновения, где второй случай исследуется более в клинической психологии, невропатологии и медицине в целом. Причинами психологической травмы могли выступать, по мнению З. Фрейда, не сами явление, событие или процесс, повлиявший на личность, а непосредственно сама психика и Эго, которые воспринимают внешние процессы, как тревожные, но такое представление выстраивается на бессознательных фантазиях и образах, которыми личность наделяет и присваивает этим процессам. В последующем изучении психологической травмы К. Юнг продолжил развитие теории о бессознательных фантазиях и их влиянии на психику личности. Он основывался на выводах в своих исследованиях, которые были направлены на блокирование аффектов с включениями диссоциированных состояний, и заключил, что фантазии, комплексы и личностные представления делают саму травму множественной [2, с. 496]. Позднее, в середине и в конце XX в. психологическая травма стала рассматриваться в совокупности со стрессом, как форма его источника или как следствие стресса. Согласно этой концепции, если стрессогенный фактор или условия, повлекшие возникновение стресса, продолжают сохранять воздействие длительный период, психоэмоциональная адаптация подвергается нагрузкам, вызывающих в свою очередь психологическую тревогу, и становятся причинами изменения физиологических процессов в организме, а именно изменений в метаболизме, гормональной системе и других систем, которые также вынуждены адаптироваться под условия стресса для сохранения максимальной работоспособности и полноценного функционирования систем организма [3, с. 311]. Стрессовые условия при их возникновении и условий, стимулирующих их развитие, становятся причиной для мобилизации организма и психологического состояния с целью преодоления фактической или условной угрозы для личности, но длительное воздействие стрессовых факторов или явлений истощает такие мобилизационные возможности и создает реакции, призванные адаптировать организм к стрессу для его преодоления, источником дополнительной нагрузки.

Современные представления о стрессе и психологической травме сопряжены с физиологическим пониманием процессов от реакций испуга и страха, которые основываются на представлениях личности об угрозе представляющих реальную или мнимую опасность, о событиях, которые связаны с этой угрозой, и при столкновении с которой личность не способна действовать эффективно, согласно ее психоэмоциональным особенностям, где в отличие от непредставляющей угрозы, среде, когда состояние организма вполне стабильно [1]. П. Левин утверждает, что травма становится методом проникновения в систему защиты личности, и влияет не только на психологические и физиологические процессы, но и на нейропсихологические, изменяющие в совокупности поведения человека, заставляя чувствовать свою беспомощность перед угрозой, и подавляет способность личности к противостоянию, активации и восстановлению конструкции защиты перед опасностью. Чувство беспомощности, которое сопровождает психологическую травму, порождает стабильное подавление чувства безопасности, которое необходимо, согласно А. Маслоу, для личности для удовлетворения иных потребностей, более высокого уровня, обеспечивающих жизнедеятельность. С точки зрения П. Левина, психологическая травма получает свое развитие и усиливает влияние ввиду недостаточности ресурсов организма и психологии человека, которые могли бы противостоять таковому воздействию в полной мере, и уровень психологической травмы обуславливается в том числе степенью его готовности адаптационных механизмов к таким воздействиям [4, с. 102]. Г. Селье полагал, что источник психологической травмы поддается идентификации с трудом, ввиду широкой вариативности причин возникновения стресса и реального психологического состояния личности в конкретный момент, когда происходящее стало восприниматься с отрицательным значением, и, в таком случае, источником стресса и последующей травмы, становится любое требование внешнего мира, выдвигаемое по отношению к личности, вне зависимости от того, какой это тип требования — предполагающий негативное или положительное воздействие на личность [5]. Исходя из этого, П. Левиным было определено три вида психологических травм:

- шоковые психоэмоциональные травмы, связанные с физическим источником стресса, представляющим реальную угрозу для жизни;
- эмоциональные психологические травмы, основанные на пережитых эмоциях, чувствах и невозможности психики человека адекватного восприятия таковых, или последующего переосмысления произошедшего в ином ключе, которые связаны с глубоким переживанием утраты, конфликта и т. д., и не представляю-

щими реальную физическую опасность для человека в момент возникновения;

- психологический травмы развития, обусловленные событиями, процессами или явлениями в детском возрасте, тогда как организм ребенка развит в недостаточной мере для адекватного или мобилизованного реагирования, как и механизмы психологической защиты недостаточно развиты в данном периоде.

Автор В. Ф. Василук выделил следующие типы критических ситуаций, влияющих на последующее проявление психологической травмы:

1. Стресс — как невозможность проявления привычных поведенческих и эмоциональных реакций в текущих условиях.
2. Фрустрация — как невозможность разрешить трудность ситуации ввиду отсутствия соответствующих мотивов.
3. Конфликт — как невозможность преодоления критической ситуации в виду внутреннего конфликта мотивов, целей и ценностей.
4. Кризис — невозможность реализовать поставленные цели и задачи ввиду влияния внешних обстоятельств.

Перечисленные выше проявления, в свою очередь могут вызывать нарушения копинг-функции — механизмов совладения со стрессом, что может проявляться в таких негативных реакциях как: повышенный уровень тревожности, ощущение неуверенности в себе и своих силах, постоянное чувство напряженности, апатия или гнев и др. Именно данные негативные реакции зачастую выступают причинами различных форм зависимого поведения.

Эффективность психологической помощи человеку, страдающему наркозависимостью, в случае психологической травмы, полученной в процессе воспитания, выстраивается на процессах осознания стрессового состояния и его переживании. Согласно большинству современных исследователей в этой области, лишь незначительное количество взрослых людей в состоянии справиться с психотравмирующими ситуациями и ее последствиями, детальная проработка психической травмы выступает важным условием качественного устранения ее последствий, а также повышения эффективности реабилитации лиц, страдающих наркозависимостью.

Психотерапевтические методы работы в случае оказания помощи в преодолении последствий психологической травмы выстраиваются на способности сознательно оценить стрессовые условия и их последствия [10, р. 32]. Это дает возможность пациенту в последующем исключить возвращение в травмирующие условия, как паттерны нормы, сформированный травмой; или снизить потенциал возможного переживания

своего стрессового состояния в последующем, когда когнитивное, интеллектуальное и психологическое развитие позволит перейти на этап осмысления произошедшего, а следовательно, прожить последствия травмирующих условий в контексте возможной переоценки [8; 9].

На сегодняшний день существует широкий спектр методик для работы с последствиями психологических травм, которые выбираются в зависимости от ряда факторов:

- период обращения за помощью. Учет этого фактора позволяет выбрать соответствующую методику, опираясь на текущее интеллектуальное и психоэмоциональное развитие личности наркозависимого, а также учесть ряд второстепенных факторов, которые уже оказали свое воздействие и позволят определить степень и глубину причиненного вреда травмой;
- обращение за помощью с учетом вовлеченности в процесс устранения последствий психологической травмы других членов семьи. Так, например, обращение за помощью может произойти по инициативе одного из родителей наркозависимого, а терапевтический процесс выстраиваться с участием или без участия родителя или других членов семьи, которые могли стать источником психологической травмы;
- вовлеченность других членов семьи в разрешение проблематики психологической травмы также влияет на выбор методик, если родители принимают активное участие в устранении таковых последствий и заинтересованы в качественном результате, не являясь источниками и причинами психологической травмы [4].

Следует подчеркнуть, что разнообразие методов психотерапевтической помощи наркозависимым лицам, оказавшимся под воздействием психологических травм, требует наиболее тщательно выверенного подхода со стороны специалиста для рационального и результативного эффекта помощи, которая не только требуется, но и необходима пациенту, т. к. последствия травмы имеют разную направленность и напрямую оказывают влияние на эффективность процесса психологической реабилитации наркозависимых лиц.

Заключение

Проведенное теоретическое исследование позволило установить, что психологическая травма развития, пережитая человеком в детстве, всегда сопряжена с такими проявлениями, как: фрустрация, конфликт, кризис которые, в свою очередь могут вызывать нарушения копинг-функции — механизмов совладения со стрессом, и проявляться в таких негативных реакциях как: повышенный уровень тревожности, ощущение неуверенности в себе и своих силах, постоянное

чувство напряженности, апатия или гнев и др. Именно данные негативные реакции зачастую выступают причинами различных форм зависимого поведения, включая наркозависимость. Углубленное изучение данного феномена будет способствовать разработке новых методов и подходов к проблеме профилактики, диагностики и коррекции наркозависимого поведения личности.

Библиографический список

1. Ахмерова Э. З., Сорокоумова С. Н. Влияние детской психологической травмы на формирование высокозначимых отношений в зрелом возрасте // *Семья и личность: проблемы взаимодействия*. 2022. № 22. С. 29–40.
2. Ван дер Харт. Призраки прошлого. Структурная диссоциация и терапия последствий хронической психической травмы. М. : Когито-Центр, 2013.
3. Гурина М. И., Кошенова Е. С. Работа психолога с детской травмой : учебное пособие. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2020.
4. Гуткевич Е. В. Клинико-генеалогический метод в психиатрической практике / под научной и консультативной редакцией В. Я. Семке, В. Ф. Лебедевой. Томск : Иван Федоров, 2011.
5. Дозорцева Е. Г. Психологическая травма у подростков с проблемами в поведении, диагностика и коррекция. М. : Генезис, 2006.
6. Зенцова Н. И. Системная модель психологического этапа реабилитации больных наркомагией : дис. ... докт. психол. наук. М., 2015.
7. Сафронов А. И., Зуйкова А. А. Применение методов оценки функционального состояния респондентов групп аддиктивного риска в интересах ранней диагностики употребления ПАВ // *Интернет-журнал «Мир науки»*. 2017. Т. 6. № 5/09PSMN517.pdf.
8. Траутманн Ф., Валентик Ю. В., Мельникова В. Ф. Амбулаторная реабилитация больных с зависимостью от наркотиков. Методическое руководство. М. : Добро, 2002.
9. Шайдукова Л. К. Современные подходы к реабилитации // *Казанский медицинский журнал*. 2013. Т. 94. № 3. С. 402–405.
10. Selye H. A Syndrome Produced by Diverse Nocuous Agents. *Nature*. Vol. 138. July 4 (1936).

Bibliographic list

1. Akhmerova E. Z., Sorokoumova S. N. The influence of childhood psychological trauma on the formation of highly meaningful relationships in adulthood // *Family and personality: problems of interaction*. 2022. № 22. P. 29–40.

2. Van der Hart. Ghosts of the past. Structural dissociation and therapy of the consequences of chronic mental trauma. M. : Kogito-Center, 2013.
3. Gurina M. I., Koshenova E. S. The work of a psychologist with childhood trauma : textbook. Novosibirsk : Publishing House of NGPU, 2020.
4. Gutkevich E. V. Clinical and genealogical method in psychiatric practice / under the scientific and advisory editorship of V. Ya. Semke, V. F. Lebedeva. Tomsk : Ivan Fedorov, 2011.
5. Dozortseva E. G. Psychological trauma in adolescents with behavioral problems, diagnosis and correction. M. : Genesis, 2006.
6. Zentsova N. I. A systematic model of the psychological stage of drug addiction rehabilitation : dis. ... doctors of psychological sciences. M., 2015.
7. Sharonov A. I., Zuikova A. A. Application of the method of management of the republican group of an addictive nature in Russia. Leaders of the PAVN Opposition // Mir Nauki Online Magazine. 2017. Vol. 6. № 5 /09PSMN517.pdf.
8. Trautmann F., Valentik Yu. V., Melnikova V. F. Outpatient rehabilitation of patients with drug addiction. Methodical manual. M. : Dobro, 2002.
9. Shaidukova L. K. Modern approaches to rehabilitation // Kazan Medical Journal. 2013. Vol. 94. № 3. P. 402–405.
10. Selye H. A syndrome caused by various harmful substances. Nature. Vol. 138. July 4 (1936).

Информация об авторе

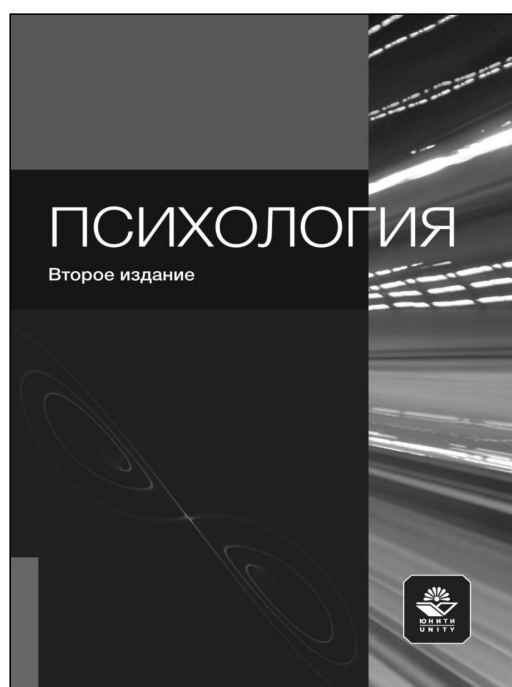
А. А. Зуйкова — доцент кафедры педагогики учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук.

Information about the author

A. A. Zuikova — Associate Professor of the Department of Pedagogy of the Training and Research Complex of Performance Psychology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences.

Статья поступила в редакцию 16.01.2025; одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 10.03.2025.

The article was submitted 16.01.2025; approved after reviewing 20.01.2025; accepted for publication 10.03.2025.

Психология. Учеб. пособие. Под ред. И. В. Грошева, В. Л. Цветкова; под общ. ред. В. Ф. Родина, И. Б. Лебедева. 2-е изд., перераб. и доп. 311 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Учебное пособие разработано в соответствии с требованиями Федерального государственного стандарта по специальностям «Правовое обеспечение национальной безопасности» и «Правоохранительная деятельность».

Рассмотрены основы психологии для сотрудников правоохранительных органов.

Для курсантов, студентов, адъюнктов, аспирантов вузов, а также всех тех, кто интересуется проблемами психологического обеспечения правоохранительной деятельности.

Научная статья
УДК 159.923.2
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-242-248>
EDN: <https://elibrary.ru/fmpayq>
НИОН: 2003-0059-2/25-291
MOSURED: 77/27-003-2025-02-490

Развитие рефлексивных способностей и профессиональной идентичности у будущих психологов органов внутренних дел Российской Федерации

Игорь Александрович Калинин¹, Любовь Николаевна Костина²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ support_mosu@mvd.ru

² kostin62@mail.ru

Аннотация. Раскрыты особенности развития рефлексивных способностей и профессиональной идентичности у обучающихся по специальности 37.05.02 «Психология служебной деятельности», что служит условием их дальнейшего профессионально-личностного развития. Отмечается роль развивающей среды, созданной в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя в виде оборудованных классов кафедр психологии и юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности и «рабочих мест психолога». Охарактеризован комплекс и последовательность методов (видеокейсы, игровой метод, рефлексивные практики), используемых на практических занятиях для достижения развивающих целей. Указана специфика подготовки слушателей к демонстрации на занятиях профессиональных компетенций; применения видеозаписи для фиксации этой демонстрации; самоанализа и самооценки зафиксированных профессиональных действий, способностей и личностных качеств; разработки планов дальнейшего профессионально-личностного развития. Представлен развивающий эффект проводимой работы с будущими психологами органов внутренних дел Российской Федерации.

Ключевые слова: рефлексивные способности, рефлексия, рефлексивные практики, профессиональная идентичность, слушатели, профессионально-личностное развитие, профессиональные компетенции, профессиональные способности, качества личности, психолог органов внутренних дел Российской Федерации

Для цитирования: Калинин И. А., Костина Л. Н. Развитие рефлексивных способностей и профессиональной идентичности у будущих психологов органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 2. С. 242–248. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-242-248>. EDN: FMPAYQ.

Original article

Development of reflexive abilities and professional identity in future psychologists of the internal affairs bodies of the Russian Federation

Igor A. Kalinichenko¹, Lyubov N. Kostina²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ support_mosu@mvd.ru

² kostin62@mail.ru

Abstract. The article reveals the features of development of reflexive abilities and professional identity in students majoring in 37.05.02 «Psychology of service activities», which serves as a condition for their further professional and personal development. The role of the developing environment created at the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' in the form of equipped classrooms of the psychology and legal psychology departments of the educational and scientific complex of psychology of service activities and «psychologist's workplaces» is noted. The complex and sequence of methods (video cases, game method, reflective practices) used in practical classes to achieve developmental goals are characterized. The specifics of preparing students for demonstrating professional competencies in classes are indicated; using video recording to record this demonstration; self-analysis

and self-assessment of recorded professional actions, abilities and personal qualities; development of plans for further professional and personal development. The developmental effect of the work carried out with future psychologists of the internal affairs bodies of the Russian Federation is presented.

Keywords: reflective abilities, reflection, reflective practices, professional identity, students, professional and personal development, professional competencies, professional abilities, personal qualities, psychologist of the internal affairs bodies of the Russian Federation

For citation: Kalinichenko I. A., Kostina L. N. Development of reflective abilities and professional identity in future psychologists of the internal affairs bodies of the Russian Federation. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2025;(2):242–248. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-242-248>. EDN: FMPAYQ.

Введение.

Решение проблемы рефлексивных способностей и профессиональной идентичности обучающихся по специальности 37.05.02 «Психология служебной деятельности» является одной из наиболее значимых на этапе профессионального обучения. Ее решение возложено на преподавателей Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, выступающих организаторами процессов развития и саморазвития обучающихся. Актуальность темы научной статьи связана с использованием рефлексивных практик в образовательной организации высшего образования МВД России, что вызвано доказанными в психологии и педагогике идеями о том, что деятельность преподавателя включает развивающую функцию наряду с обучающей и воспитательной. Достижению развивающих целей профессионального обучения способствует создание в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя соответствующей среды с «рабочими местами психолога» в специально оборудованных классах кафедр психологии и юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности.

Текст статьи.

Цель проводимого исследования заключается в развитии у слушателей (обучающихся по специальности 37.05.02 «Психология служебной деятельности») рефлексивных способностей и профессиональной идентичности, навыков самонаправленности и критического мышления, что выступает в качестве фактора их дальнейшего профессионально-личностного развития. Задачи: организация на практических занятиях учебной деятельности, направленной на осмысление и решение слушателями выпускного курса типичных проблемных ситуаций; подготовка к видеосъемке профессиональных компетенций на «рабочих местах психолога»; самоанализ и самооценку зафиксированных на видеокамеру профессиональных действий и способностей, личностных качеств; подготовка планов профессионально-личностного развития.

Материалы и методы. В качестве материалов и методов развития выступили: 1) видеорекомендации с типичными проблемными ситуациями, требующими решения психологом органов внутренних дел

Российской Федерации; 2) методы психологического анализа проблемных ситуаций, игрового обучения, рефлексивные практики. Методы для проведения исследования: включенное наблюдение, психологический анализ программ профессионально-личностного развития, подготовленных слушателями в 2024/2025 уч. гг.

Результаты.

Многokrатное выполнение определенных профессиональных действий будущими психологами органов внутренних дел Российской Федерации является обязательным условием проведения практических занятий. Речь идет, безусловно, о квазипрофессиональных действиях, которые необходимо продемонстрировать обучающимся в ролевых играх. Применение игрового метода обучения как ведущего на выпускном курсе является очевидным, поскольку именно в игре можно зафиксировать, оценить и проанализировать уровень сформированности профессиональных компетенций обучающихся, определить перспективы дальнейшего их формирования и совершенствования, развития личности и субъектности.

Для приближенности ролевых игр к предстоящей психологической работе, применяемых на занятиях по учебной дисциплине «Интегративный практикум психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел», используются видеорекомендации. Они представляют собой видеосюжеты, в которых отражен комплекс типичных современных проблем, требующих решения психологом органов внутренних дел. Видеосюжеты и отраженные в них проблемы, были условно классифицированы на четыре вида. На практических занятиях слушатели предлагаются к решению: 1) профессионально-психологические проблемы (снижение эффективности профессиональной служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел или отдельных видов/сторон этой деятельности в повседневных и особых условиях, экстремальных ситуациях, в связи с назначением на другую должность, переводом в другое подразделение; переживаемые сотрудниками профессиональные кризисы; профессиональная деформация личности, профессиональное выгорание сотрудников; несоответствие результатов тестирования результатам бесе-

ды и анкетным данным кандидата на службу в органы внутренних дел; нарушение психологических приемов при установлении датчиков на теле обследуемого лица для проведения психофизиологического исследования с применением полиграфа и др.); 2) организационно-психологические проблемы (неоптимальный стиль руководства в служебном коллективе; явление фаворитизма; вертикальные конфликты; конфликты между руководителем и лидером в служебном коллективе и др.); 3) социально-психологические проблемы (социально-психологическая адаптация/дезадаптация сотрудников в служебном коллективе; неблагоприятный социально-психологический климат в коллективе; жалобы со стороны сослуживцев, граждан на неконструктивное общение и поведение сотрудников; конфликтное, агрессивное, провокационное поведение сотрудника в межличностных взаимодействиях и взаимоотношениях в служебном коллективе, семье; проявления остракизма, моббинга в служебных коллективах, семье и т. д.); 4) индивидуально-психологические проблемы (затяжные кризисы личностного развития; шаблонность мышления и стереотипность поведения; снижение познавательных функций (восприятия, внимания, памяти, воображения и др.) и способностей (организаторских, интеллектуальных, коммуникативных и др.); снижение эмоционально-волевого контроля, волевой регуляции и стрессоустойчивости; острые стрессовые реакции, переживания горя членами семьи в связи с гибелью сотрудника; неадаптивное копинг-поведение, девиантное поведение сотрудников и т. д.).

Использование ролевой игры начинается с момента просмотра видеосюжета. Каждый обучающийся выступает в роли психолога, который с опорой на полученные теоретические знания смотрит и анализирует видеосюжет, а затем выполняет задания: 1) определяет вид ситуации, 2) формулирует фабулу и проблему/проблемы, которые требуется решить, 3) готовит план работы психолога для решения этой проблемы/проблем. Подчеркнем, что такие планы слушатели под руководством преподавателей готовят сначала в составе групп, а затем индивидуально с использованием нормативных правовых документов, регламентирующих деятельность психологов органов внутренних дел Российской Федерации. Использование групповой формы работы (в составе микрогрупп по 2–3 человека) на первоначальном этапе изучения указанной учебной дисциплины обусловлена сложностью как сложностью и многоэтапностью практических заданий, так и необходимостью выполнения рефлексивных практик. По мере приобретения слушателями рефлексивных способностей, осуществляется переход на индивидуальную форму работы.

Уже на этом этапе при планировании психологических мероприятий будущие психологи используют рефлексивную практику, которая опирается на идентичность, поскольку в задании указывается: «Будучи на месте пси-

холога органов внутренних дел Российской Федерации подготовьте обоснованный план работы, направленный на решение выявленной/выявленных Вами проблемы/проблем». В этой связи стоит отметить, что мы придерживаемся мнения о том, что идентичность есть не только способность осознавать свою «особость», но и способность поддержать свою целостность [2]; «...она постоянно генерируется и трансформируется через включение в межличностные процессы» [1, с. 13]. В указанном контексте профессиональная идентичность слушателя с предстоящей психологической работой выступает основой для применения рефлексивных практик. Слушатель вынужден перейти от одной психологической позиции субъекта – деятеля (который анализировал видеосюжет, формулировал фабулу, определял психологическую проблему/проблемы и ее вид) к позиции рефлексивного. В рамках системно-мыследеятельностного подхода Г. П. Щедровицкого такой переход из одной позиции к другой называется «рефлексивным выходом». Он утверждал: чтобы осуществить рефлексивную практику, человек должен «...выйти из своей прежней позиции деятеля и перейти в новую позицию внешнюю по отношению к прежним, уже выполненным деятельности, так и по отношению к будущей проектируемой деятельности. Это и будет то, что мы называем рефлексивным выходом...» [8, с. 23]. Мы называем это «первым рефлексивным выходом» благодаря использованию первой рефлексивной практики, который позволяет слушателю подготовить и озвучить обоснованный план предстоящей психологической работы для решения проблемы, осознавая и примеряя этот план к себе, как бы «он это сделал», будучи психологом. Такое объединение проанализированного видеосюжета с ролью психолога для решения выявленной проблемы и разработки обоснованного плана работы выступает в качестве основы для «второго рефлексивного выхода», связанного с подготовкой слушателей к демонстрации профессиональных компетенций. Речь идет о профессиональных способностях и навыках выполнения основных направлений психологической работы, закрепленных приказом МВД России от 27 августа 2024 г. № 500 «Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации».

Этап работы для «второго рефлексивного выхода» имеет следующие отличительные черты. Во-первых, каждый слушатель как субъект не только готовится выполнить определенное направление психологической работы или отдельное психологическое мероприятие (указанное в задании), но и должен подготовиться к видеосъемке собственной демонстрации профессиональных навыков. Именно использование видеосъемки позволяет зафиксировать действия каждого обучающегося в роли психолога для того, чтобы по окончании видеозаписи слушатели могли выполнить

еще одну рефлексивную практику. Во-вторых, создание развивающей среды способствует усилению у слушателей профессиональной идентичности за счет: а) проведения учебных занятий в специально оборудованных классах кафедры психологии и кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности — классе психодиагностики (где имеются рабочие места психолога, оборудованные АППДК «Мультиспихометр»); классе психологического консультирования (оборудованном рабочими зонами для психологического консультирования и психологической коррекции), учебном классе для проведения психологических тренингов, классе психофизиологических исследований с применением полиграфа (где установлены полиграфы «Диана-7», и имеются оборудованные места для работы полиграфолога); классе социально-психологического тренинга профессионального общения; б) произнесения первого предложения, обязательного для видеозаписи, которое начинается с фразы: «Я, ФИО, психолог органов внутренних дел Российской Федерации, провожу (беседу/претестовую беседу с кандидатом на службу; психологический тренинг с использованием методики Х. Алиева; занятие в системе морально-психологической подготовки личного состава по теме «...») и т. д.); 3) выполнения психологической работы с кандидатами на службу, сотрудниками, членами их семей, роли которых исполняют слушатели этой же учебной группы.

«Третий рефлексивный выход» осуществляется с помощью рефлексивной практики, суть которой заключается в том, что каждый слушатель должен: а) просмотреть видеозапись, где зафиксированы его профессиональные компетенции, б) проанализировать и оценить эффективность собственных профессионально-психологических действий, личностных качеств и способностей психолога; в) озвучить результаты рефлексии и дополнить ее взаимными оценками (по необходимости/запросу). Отметим, что нами используется праксиологический и личностный типы рефлексии [3, с. 222], первый из которых направлен на анализ и оценку слушателями выполняемых действий/психологической работы, а второй — на личностных качеств и способностей.

Подчеркнем значимость развития у слушателей рефлексивных способностей и профессиональной идентичности на выпускном курсе в условиях, максимально приближенных к реальным условиям предстоящей психологической работы. Мы поддерживаем позицию, согласно которой «идентичность рассматривается как результат взаимодействия личности с контекстом, результат ее интеракций с микро- и макро- (социальный, культурный, политический и исторический) контекстуальными уровнями» [4]. В качестве микро-контекстуального уровня выступают оборудованные классы Московского университе-

та МВД России имени В.Я. Кикотя МВД России, где проводятся практические занятия, и «рабочие места психолога», где осуществляются видеозаписи выполняемой слушателями психологических мероприятий с последующей ее рефлексией.

Для анализа и оценки эффективности действий мы используем следующие критерии: 1) целостная работа психолога, направленная на решение проблемы; 2) отдельные профессионально-психологические действия и мероприятия, входящие в состав выполненной психологической работы; и согласованность и эффективность; 3) коммуникативные навыки; речь, мимика и пантомимика, их конструктивность и конгруэнтность; 4) профессиональные способности психолога (интеллектуальные, гностические, конструктивные, организаторские, коммуникативные, прогностические); 5) качества личности (общая культура, наблюдательность, грамотность, эмпатия, уверенность, ответственность и т. д.). Результаты рефлексии слушатели фиксируют в тетради после просмотра видеозаписей: сначала раскрывают позитивные стороны продемонстрированной психологической работы (сформированные навыки, профессиональные способности, качества личности), а затем негативные стороны, которые требуют корректировки или целенаправленного саморазвития и саморазвития. Собственный анализ и оценка продемонстрированных компетенций, профессиональных способностей и качеств дополняется по необходимости взаимными оценками. «Третий рефлексивный выход» является наиболее сложным для слушателей, поэтому в случае затруднений преподаватели оказывают помощь, а также организуют работу в группе так, чтобы обучающиеся оказывали подобную помощь друг другу. Кроме того, слушателям рекомендуется после занятий повторно просмотреть видеозапись для осуществления более глубокого «рефлексивного погружения» (термин Г. П. Щедровицкого), что, как правило, дополняет результаты работы, выполненной непосредственно на учебном занятии.

Логическим завершением рефлексивных практик является подготовка плана дальнейшего профессионально-личностного развития. Слушателям предлагается подготовить план с опорой на продемонстрированные сформированные компетенции, развитые способности и качества личности с указанием сроков и методов саморазвития. В этой связи подчеркнем роль рефлексии в предстоящей работе по профессионально-личностному развитию. Трехкратно использованная слушателями праксиологическая и личностная рефлексии выступают механизмом развития учебной и предстоящей профессиональной деятельности, что согласуется с мнением Г. П. Щедровицкого о том, что именно рефлексия «... обеспечивает возможность «выхода» из деятельностного процесса и направляется на дальнейшее осмысление деятельности, ее преобразование и развитие» [9].

Таким образом, для развития рефлексивных способностей и профессиональной идентичности мы создаем развивающую среду, в которой происходит интеграция активности слушателей как мыслящих и рефлексивных деятелей. Размышления слушателей (о выборе необходимых профессиональных знаний для выполнения заданий, подготовке к видеосъемке и демонстрации психологических действий или мероприятий; мысленная деятельность по подготовке к демонстрации превращения этих знаний в профессиональные навыки, средства (инструменты) для решения задач; демонстрация на видеокамеру профессиональных компетенций) сочетаются с самоанализом и самооценкой грамотности, конструктивности, эффективности профессиональных компетенций, что выступает основой для подготовки плана профессионально-личностного развития, а также к выходу на преддипломную практику в отделах (отделениях, группах, направлениях) психологической работы) территориальных органов МВД России.

Обсуждение.

В ходе проведения исследования были проанализированы подготовленные слушателями планы профессионально-личностного развития с указанием сроков и методов развития (самоубеждение, самопример, упражнений, тренировки, оценки авторитетных лиц, видео- и аудиозаписи действий/общения/выступления с последующим самоанализом и самооценкой). О развивающем эффекте созданных условий и применения на учебных занятиях видеокейса, методов игрового обучения и рефлексивных практик свидетельствует результаты.

Во-первых, указание в планах пунктов, в которых отмечается необходимость дальнейшего совершенствования профессиональных компетенций и способностей:

- все обучающиеся (100 %) считают необходимым саморазвитие профессиональных навыков: интерпретации данных психодиагностики и социально-психологических исследований, подготовки соответствующих заключений и рекомендаций; психологического консультирования по вопросам выполнения оперативно-служебных задач в особых условиях; профилактики суицидальных происшествий; психологической работы с сотрудниками, нуждающимися в повышенном психолого-педагогическом внимании; психологической реабилитации личного состава;
- все слушатели (100 %) отметили, что продолжают саморазвитие гностических и конструктивных способностей: постоянно читать психологическую и художественную литературу, обогащать словарный запас; углубляться в позиции, теоретических подходах ученых в области психологии, психологической кор-

рекции, реабилитации, консультирования, профилактики, психотерапии, ораторского искусства; обсуждать прочитанное с преподавателями и психологами, знать нормативные правовые документы; обращаться к проверенным источникам научной информации; выучить последовательность упражнений и формулировок для проведения аутогенной тренировки методом И. Шульца и др.;

- значительная часть слушателей (86 %) планируют саморазвитие коммуникативных и прогностических способностей: речи, ее грамотности, четкости и убедительности; добиваться размеренности темпа речи; учиться подстраивать темп речи под темп речи собеседника работать над артикуляцией; варьировать темпом, четкостью и громкостью при проведении тренинговых занятий по саморегуляции; совершенствовать навыки визуальной диагностики людей, развитие профессиональной наблюдательности для использования этой информации в профессиональном общении; совершенствовать навыки общения с различными категориями сотрудников (по полу, возрасту, занимаемой должности), в нестандартных ситуациях; аргументации собственной позиции в профессиональном общении/при проведении занятия; поддерживать зрительный контакт с аудиторией/сотрудниками, разнообразить/уменьшить/контролировать жестикуляцию во время проведения занятий по морально-психологической подготовке, тренироваться в использовании двух рук для конструктивной жестикуляции; добиваться конгруэнтности жестикуляции и речи; сформировать привычку создания и поддержания комфортной обстановки для беседы или общения с сотрудниками/кандидатами на службу;
- половина слушателей (47 %) считают необходимым совершенствование организаторских способностей (тщательно готовиться к беседам с кандидатами на службу, претендующими в кадровый резерв, сотрудниками; заранее готовить основной и дополнительный материал, цитаты, высказывания, мудрость, презентацию для занятий к проведению занятий в системе морально-психологической подготовки; уверенно владеть материалом, быть готовым принимать от сотрудников вопросы и отвечать на них; тренировать навыки публичного выступления, в т.ч. перед зеркалом, при помощи аудио- и видеозаписи и пр. с последующей рефлексией записей).

Во-вторых, наличие в планах пунктов, в которых указана целесообразность саморазвития собственной личности:

- значительная часть слушателей (81 %) продолжают саморазвитие эмоционально-психологической устойчивости, стрессоустойчивости, адаптивных копинг-стратегий, в т. ч. проактивного совладающего поведения, а также работу по сохранению собственного здоровья за счет использования методов аутогенной тренировки И. Шульца, прогрессивной мышечной релаксации Э. Джекобсона, управляемой саморегуляции Х.М. Алиева, медитации, дыхательных упражнений; занятий спортом, творчеством; ведением дневников успехов и пр.;
- чуть больше половины слушателей (53 %) считают необходимым продолжить саморазвитие черт характера: целеустремленности, ответственности, пунктуальности; тактичности, вежливости; наблюдательности, сообразительности, уверенности.

В-третьих, в планах профессионально-личностного развития слушатели указали не только конкретные действия (читать, добиваться, поддерживать, анализировать, размышлять, тренировать и т. д.). Более половины слушателей (67 %) отметили необходимость использования рефлексии собственной деятельности и дальнейшего развития рефлексивных способностей: рефлексировать свои поступки, результаты учебной и служебной деятельности, а во время преддипломной практики — профессиональной деятельности; анализировать свой вклад и роль в коллективных делах и психологических мероприятиях; отмечать улучшение/ухудшение, повышение/снижение эффективности деятельности и корректировать при необходимости процесс и результаты деятельности и др. С одной стороны, речь идет об индивидуальной деятельности, за которую они несут персональную ответственности, с другой стороны - о деятельности, выступающей частью коллективной деятельности. Это указывает на проявления социальной ответственности, что является закономерным процессом в связи с расширением рамок ответственности слушателей, которые как сотрудники органов внутренних дел вступают во взаимодействия при выполнении профессиональных ролей в рамках служебной деятельности, прохождении учебных практик в подразделениях территориальных органов внутренних дел Российской Федерации.

В-четвертых, в планах слушателей имеется указание на развитие проактивного совладающего поведения — преднамеренные и адаптивные усилия для предотвращения, управления или уменьшения потенциальных стрессоров или негативных событий в будущем [7], что является показателем их развивающейся личности [6].

В-пятых, результаты преддипломной практики слушателей и отзывы руководителей этой практики. В 2025 году в отзывах на выпускников содержатся положительные оценки с указанием проявления ими

инициативности, ответственности, целенаправленности; активности в подготовке и проведении социально-психологических исследований, обработке полученных данных профессионального психологического отбора, подготовке заключений и т. д.

Выводы.

Подводя итоги, следует отметить, что развитие рефлексивных способностей и профессиональной идентичности происходит в созданной в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя развивающей среде с помощью методов обучения (видеокейсов, игровых методов, рефлексивных практик) и направлено на объединение у будущих психологов органов внутренних дел позиции деятеля с позицией рефлексирующего. При такой организации и проведении практических занятий демонстрируемые каждым слушателем профессиональные компетенции предстают перед ним в интегрированной связи: 1) прошлого (на этапе подготовки к демонстрации компетенций и в непосредственной видеозаписи выполненных им заданий); 2) настоящего (в виде критического рефлексивного анализа проведенных психологических мероприятий, профессиональных способностей психолога, качеств личности); 3) будущего (предвосхищаемыми образами будущей психологической работы, подготовкой планов дальнейшего профессионально-личностного развития). Доказательством развивающего эффекта служат развернутое содержание подготовленных слушателями планов саморазвития профессиональных компетенций, способностей и собственной личности, а также положительные отзывы руководителей преддипломной практики, которую выпускники проводили в отделах (отделениях, группах, направлениях) психологической работы) территориальных органов МВД России. Отметим еще один развивающий эффект, подмеченный нами и другими учеными: рефлексия выступает условием оптимизации развития и саморазвития обучающихся и преподавателей [5].

Список источников

1. Агапов В. С., Яшин Д. Н. Профессиональная идентичность сотрудников полиции в работах европейских исследователей // Психология и педагогика служебной деятельности. 2024. № 4. С. 12–16.
2. Андреева Г. М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2011. № 6(20).
3. Василев В. К. Рефлексия как прикладная проблема психологии // Культурно-историческая психология. 2016. № 12(3). С. 217–225.
4. Гришина Н. В. Идентичность как проявление целостности личности // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 4.
5. Кашлев С. С. Современные технологии педа-

- гогического процесса : пособие для педагогов. Минск : Университетское, 2000.
6. Лебедев И. Б. Копинг-поведение сотрудников ОВД, особенности его проявления в условиях СВО // Вестник Московского университета МВД России. № 1. 2024.
 7. Старченкова Е. С. Концепция проактивного совладающего поведения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика, 2009. № 2-1. С. 198–205.
 8. Щедровицкий Г. П. Коммуникация, деятельность, рефлексия // Исследование речемыслительной деятельности. Алма-Ата, 1974. С. 12–28.
 9. Щедровицкой Г. П. Схема мыследеятельности — системно-структурное строение, смысл и содержание // Системные исследования. Методологические проблемы. М. : Наука, 1987.
- ### References
1. Agapov V. S., Yashin D. N. Professional identity of police officers in the works of European researchers // Psychology and pedagogy of service activity. 2024. № 4. P. 12–16.
 2. Andreeva G. M. On the issue of identity crisis in the context of social transformations // Psychological research: electronic scientific journal. 2011. № 6 (20).
 3. Vasilev V. K. Reflection as an applied problem of psychology // Cultural and historical psychology. 2016. № 12 (3). P. 217–225.
 4. Grishina N. V. Identity as a manifestation of personality integrity // Social Psychology and Society. 2024. Vol. 15. № 4.
 5. Kashlev S. S. Modern technologies of the pedagogical process : manual for teachers. Minsk : University, 2000.
 6. Lebedev I. B. Coping behavior of police officers, features of its manifestation in the conditions of the SVO // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. № 1. 2024.
 7. Starchenkova E. S. The concept of proactive coping behavior // Bulletin of the St. Petersburg University. Series 12: Psychology. Sociology. Pedagogy, 2009. № 2-1. P. 198–205.
 8. Shchedrovitsky G. P. Communication, activity, reflection // Study of speech-thought activity. Alma-Ata, 1974. P. 12–28.
 9. Shchedrovitskoy G.P. Scheme of mental activity — systemic-structural structure, meaning and content // Systemic research. Methodological problems. M.: Nauka, 1987.

Информация об авторах

И. А. Калининченко — начальник Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат педагогических наук;

Л. Н. Костина — начальник кафедры психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор психологических наук, профессор.

Information about the authors

I. A. Kalinichenko — Head of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Pedagogical Sciences;

L. N. Kostina — Head of the Department of Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Service Activities of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Psychological Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.03.2025; одобрена после рецензирования 24.03.2025; принята к публикации 10.04.2025.

The article was submitted 03.03.2025; approved after reviewing 24.03.2025; accepted for publication 10.04.2025.

Научная статья

УДК 159

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-249-254>

EDN: <https://elibrary.ru/ezwlrt>

НИОН: 2003-0059-2/25-292

MOSURED: 77/27-003-2025-02-491

Психологические особенности профессиональной Я-концепции курсантов образовательных организаций МВД России

Вячеслав Лазаревич Цветков¹, Светлана Рудольфовна Новосельская²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ czvetkov_slava@inbox.ru, ORCID: 0000-0003-4619-6494

² s.nov6505@mail.ru, ORCID: 0000-0003-3114-1570

Аннотация. Рассматривается становление профессиональной Я-концепции у курсантов образовательных организаций МВД России как ключевого компонента их профессионализации. Подчеркивается значимость рефлексивной ответственности, самопонимания и самооценивания в формировании успешного образа сотрудника правоохранительных органов. Представлены результаты сравнительного эмпирического исследования курсантов и действующих сотрудников органов внутренних дел, проведенного с применением методик В. В. Столина и С. Р. Пантилеева, а также шкалы самоуважения М. Розенберга. Установлено, что курсанты в меньшей степени обладают зрелой профессиональной Я-концепцией, характеризуются низкими показателями самопонимания, самоуверенности и притязаний. Выделены психологические особенности формирования профессионального «Я», дана интерпретация полученных данных и предложены рекомендации по развитию рефлексивных и самооценочных навыков курсантов как основ успешной адаптации к будущей службе.

Ключевые слова: Я-концепция, курсанты, образовательные организации МВД России, образ профессии курсантов, профессиональный имидж сотрудника полиции, профессиональное самосознание

Для цитирования: Цветков В. Л., Новосельская С. Р. Психологические особенности профессиональной Я-концепции курсантов образовательных организаций МВД России // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 2. С. 249–254. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-249-254>. EDN: EZWLRT.

Original article

Psychological characteristics of the professional self-concept of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Vyacheslav L. Tsvetkov¹, Svetlana R. Novoselskaya²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ czvetkov_slava@inbox.ru, ORCID: 0000-0003-4619-6494

² s.nov6505@mail.ru, ORCID: 0000-0003-3114-1570

Abstract. The formation of the professional self-concept of cadets of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia as a key component of their professionalization is examined. The importance of reflexive responsibility, self-understanding and self-esteem in the formation of a successful image of a law enforcement officer is emphasized. It presents the results of a comparative empirical study of cadets and current employees of internal affairs bodies, conducted using the methods of V. V. Stolin and S. R. Pantileev, as well as the self-esteem scale of M. Rosenberg. It was found that cadets have a less mature professional self-concept, are characterized by low rates of self-understanding, self-confidence and aspirations. The article highlights the psychological features of the formation of the professional «I», provides an interpretation of the data obtained and offers recommendations for the development of reflexive and self-assessment skills of cadets as the basis for successful adaptation to future service.

© Цветков В. Л., Новосельская С. Р., 2025

Keywords: self-concept, cadets, educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, image of the profession of cadets, professional image of a police officer, professional self-awareness

For citation: Tsvetkov V. L., Novoselskaya S. R. Psychological characteristics of the professional self-concept of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(2):249–254. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-2-249-254>. EDN: EZWLRT.

Быстротечность социального прогресса, динамические изменения общества вызывают необходимость постоянной работы молодых поколений над развитием своей профессиональной Я-концепции.

Сотрудник органов внутренних дел в своей деятельности регулярно моделирует имидж за счет формирования рефлексивной профессиональной ответственности за свои действия. Каждодневное усиление ответственности за свое будущее увеличивает возможность достижения успеха, полную реализацию своего внутреннего потенциала. В свою очередь, во время несения службы, нарядов, охраны общественного порядка происходит осознание курсантами собственных профессиональных качеств, которые влияют на успешность выполнения служебных задач.

Курсант еще в период обучения должен понимать, какова специфика его деятельности. Для эффективности его работы профессиональная Я-концепция должна проходить своевременно на каждом этапе становления. В свою очередь он должен опираться на определенную базу изучения в виде своих наставников или руководителей.

Проблема профессиональной Я-концепции является ключевой проблемой взаимодействия личности и общества, акцент которой подчеркивает основные моменты этого взаимодействия: во-первых, социальная детерминация индивидуального сознания, а также роль собственной деятельности субъекта в этом определении. Это взаимодействие на разных уровнях имеет свои специфические характеристики, которые свое отражение нашли в психологических различных теориях, касающихся проблемы Я-концепции. Особую значимость приобретает структура профессиональной Я-концепции на этапе профессионализации.

Получая различные новые знания и умения в процессе обучения в образовательной организации МВД России, курсанты получают четкое представление о своем профессиональном долге, о различных нормах в поведенческой сфере, определяют для себя образ жизни и ценности, с помощью которых они будут находиться в своей профессиональной деятельности развиваться в выбранной профиле.

Методы исследования: теоретические (анализ психологической и методической литературы); диагностические (наблюдение, анкетирование, тестирование, ранжирование); статистические (обработка результатов исследования).

Для решения поставленных задач и эмпирической проверки выдвинутой гипотезы нами были использованы следующие психодиагностические методики:

опросник самоотношения В. В. Столин, С. Р. Пантилев; методика «Шкала самоуважения» М. Розенберга.

Эмпирической базой исследования стали 60 человек: курсанты образовательных организаций МВД России 50 человек; сотрудники органов внутренних дел: личный состав подразделений УМВД России по юго-западному административному округу г. Москвы — 25 человек.

В качестве исследовательской гипотезы мы брали предположение, что профессиональная Я-концепция у курсанта и сотрудника различная. Курсанты видят себя как специалиста с низкими показателями психологических особенностей профессионального «Я», а сотрудники уже являются сформированными специалистами, тем самым будут менее критично относиться к своим профессиональным качествам.

Основными критериями, позволяющими судить о достижении *положительной* профессиональной идентичности, являются: позитивное самоотношение, самопонимание и саморуководство; профессиональная направленность; наличие профессиональных целевых ориентиров; знание требований профессии; внутренний контроль результатов поведения и деятельности; высокие результаты учебной и служебной деятельности.

Образ «Я» сотрудников изучался с помощью методики: Методика «Исследование самоотношения» В. В. Столина помогла нам определить сущность профессиональной Я-концепции, выделить психологические особенности данной проблемы [1]. Для изучения оценки сотрудников и курсантов самих себя и выявления уровня профессионализации, а именно его профессиональной Я-концепции мы обратились к тесту самоуважение, методике шкала М. Розенберга.

Методика «Исследование самоотношения» В. В. Столина, С. Р. Пантелеева для изучения эмоционального показателя отношения к себе с точки зрения профессиональной Я-концепции показали, что у курсантов и сотрудников имеют существенные различия (табл. 1). Ниже приведены показатели с исследуемыми параметрами.

Одним из самых высоких различий в показателях между курсантами и сотрудниками мы наблюдаем в шкале I сотрудники — 13,00, а курсанты — 11,47, что говорит нам о то, что сотрудники характеризуются открытым отношением к себе, более глубоким, по сравнению с курсантами, осознанием своего «Я», проникновением в свой внутренний мир. Для них характерна внутренняя честность перед собой, признание своих как положительных качеств.

Таблица 1

**Средние показатели по методике
«Опросник самооотношения» В. В. Столина,
С. Р. Панталева**

Шкалы	Баллы	
	Сотрудники	Курсанты
S (интегральная)	21,03	21,13
I (самоуважения)	13,00	11,47
II (аутосимпатии)	10,93	10,30
III (ожидание положительного отношения от других)	10,70	10,67
IV (самоинтереса)	7,17	7,00
1 (самоуверенности)	6,23	5,90
2 (ожидания отношения от других)	6,20	6,30
3 (самопринятия)	6,13	6,00
4 (самопоследовательности (саморуководства)	4,83	4,20
5 (самообвинения)	3,57	3,17
6 (самоинтереса)	6,50	6,17
7 (самопонимания)	4,40	3,97

Курсанты являются более конформными, сосредотачиваясь на том, чтобы отразить только те характеристики, которые одобряются в своем коллективе и соответственно руководителями. Следовательно, курсанты хуже разбираются в своем образе «Я» и своей я концепции. При этом интегральная шкала у курсантов выше, чем у сотрудников.

Следующий важный для нас показатель — самоуверенность. Данные позволяют говорить о большей самоуверенности опытных сотрудников по сравнению с курсантами. Подкрепляя показателями по шкале самопоследовательности (саморуководство), мы можем говорить, что сотрудники органов внутренних дел характеризуются своим отношением к себе как к

уверенному, независимому, волевому и надежному человеку. Ощущение силы «своего Я» у сотрудников значительно выше, чем у курсантов. Мы наблюдаем, что интерес к «своему Я», его развитию и изменению у действующих сотрудников выше, чем показатели у курсантов.

Еще одним важным критерием отмечается ожидание положительного отношения от других. Данные показывают нам о том, что уровень у обеих групп держится в пределах нормы. Объективная оценка данного показателя указывает нам, что сотрудник при взаимодействии с другими людьми стремится к определенным нормам, заложенным в нем, и при этом ожидает объективной отдачи от людей. Этот показатель напрямую связан с профессиональной Я-концепцией.

Одним из важных показателей является шкала самопонимания, где курсанты показали низкий уровень, что говорит о том, что у курсантов нет точной идентичности себя как личности. Они не могут объективно отразить происходящее в их жизни, тем самым, он вполне вероятно уходит в бессознательное и замещается психологическими механизмами. Тем самым, в дальнейшем курсант не может объективно оценить схожую ситуацию, в связи с нерешенной предыдущей.

Данная шкала у сотрудников находится в пределах нормы, однако, стремится к низкому, что указывает и на низкую самостоятельность рефлексивности сотрудников, но держится в пределах нормы из-за сопутствующего возраста.

Показатели по критерию самообвинения — низкий в обеих группах, что показывает нам объективное оценивание себя, без негативной формулировки. Так, у испытуемых группы сотрудников отмечается разница показателя «Самообвинения» у сотрудников — 3,57 стенов, а у курсантов — 3,17 стенов.

В математическом анализе данных по исследованию методики «ИСО» за группу 1 принято считать курсантов, за группу 2 — сотрудников (табл. 2).

Таблица 2

**Статистический анализ результатов по методике
«Опросник самооотношения» В. В. Столина, С. Р. Панталева**

Результаты курсантов												
	I	II	III	IV	1	2	3	4	5	6	7	8
Ср. знач.	21,13	11,47	10,30	10,67	7,00	5,90	6,30	6,00	4,20	3,17	6,17	3,97
Ст. откл.	3,15	2,33	2,78	1,54	1,11	1,21	1,18	1,34	1,19	1,51	1,39	1,52
Результаты сотрудников												
	I	II	III	IV	1	2	3	4	5	6	7	8
Ср. знач.	21,03	13,00	10,93	10,70	7,17	6,23	6,20	6,13	4,83	3,57	6,50	4,40
Ст. откл.	4,77	3,16	2,32	1,21	0,91	1,22	1,27	1,07	1,09	1,65	2,56	1,61

Мы провели тестирование по «шкале самоуважения» для определения непосредственно уровня самооценивания человека себя. Нами были получены следующие данные (табл. 3).

Таблица 3
Соотношение уровня самоуважения курсантов и сотрудников (%)

Уровень	Курсанты	Сотрудники
Высокий 35–40	0	16
Средний 23–34	47	77
Ниже среднего 18–22	33	7
Низкий 10–18	20	0

Мы наблюдаем, что показатели у сотрудников по уровню самоуважения выше, чем у курсантов. Так, разница в процентном соотношении между высоким уровнем у сотрудников и курсантов составляет 16 %, что говорит нам о том, что в группе сотрудников существуют респонденты, которые ставят себя как уже сформированную личность и делают все для поддержания их уважения, развивается и совершенствуется в деятельности. Тем самым мы можем сделать вывод, что в профессиональной Я-концепции они уже полностью сформированы.

Так же мы наблюдаем значимую разницу в показателях на среднем уровне у курсантов это 14 человек, что составляет меньше половины от всех респондентов, а у сотрудников 23 человека, что составляет 77 % от всех обследуемых в этой группе. Это говорит о том, что сотрудники в целом представляют свою деятельность, но все же они должны совершенствоваться в профессиональном развитии, реагировать на свои недостатки и корректировать, где есть на это возможность.

Результаты у курсантов по шкале ниже среднего и низкий составляют 16 человек, что в процентном соотношении указывает на то, что больше половины респондентов имеют отрицательный уровень самоуважения. Тем самым, это нам показывает, что большинство курсантов еще не сформировали свою профессиональную Я-концепцию, не видят свои достижения и успехи и во всем винят только себя. Разница в показателях определяется спецификой работы, ответственностью за свою деятельность.

У курсантов еще не сформировано представление, каким должен быть сотрудник как нечто «идеальное», они не решаются брать ответственность за свое пове-

дение и стараются быть во всем конформными, либо при стремлении к развитию стараются придерживаться определенной нормы и не выходить за рамки.

Это, в свою очередь, не позволяет ставить и достигать определенные цели и заставляет человека «плыть по течению», что в свою очередь приведет к несформированности профессиональной деятельности, а в дальнейшем к ее неэффективности.

Рассматривая средние значения между сотрудниками и курсантами, мы наблюдаем, что значения по показателям сотрудников варьируется в пределах среднего уровня, а у курсантов — ниже среднего (табл. 3). При этом нормальность распределения в норме, что говорит о достоверности в данных показателях. Коэффициент корреляции показывает нам взаимосвязь самооценки с некоторыми показателями по шкалам методики «ИСО». У нас наблюдаются положительные сдвиги по показателям шкал: самоуважения, ожидание положительного отношения от других, самоинтереса, самоуверенности, саморукводства, самопонимания.

Тем самым, указывая на то, что чем выше уровень самоуважения, тем выше показатели по данным шкалам у респондентов. Коэффициенты корреляции между данными психологическими показателями говорит о взаимосвязи между различными психологическими особенностями, входящими в структуру профессиональной Я-концепции.

Таким же образом мы можем выделить и отрицательные сдвиги, что указывает нам на то, что чем выше уровень оценивания себя, тем ниже показатели по шкалам: аутосимпатии, ожидания отношения от других, самопринятия, самообвинения. Указанные коэффициенты корреляции раскрывают особенности влияния самооценки на данные шкалы.

Показатели по данным шкалам являются одним из важных в выделении психологических особенностей профессиональной Я-концепции. Они заключаются во влиянии данных определяющих шкал на изменение эффективности профессиональной деятельности.

Тем самым, мы можем выделить следующие психологические особенности *Я-концепции курсанта*:

- чем выше будет уровень притязания у курсанта, тем эффективней будет его деятельность;
- стремление к развитию у курсанта на выходе создаст высококлассного специалиста;
- важным компонентом в становлении Я-концепции будет играть принятие себя как личность курсантом, что позволит ему легче адаптироваться к условиям службы;
- курсант в процессе формирования профессиональной Я-концепции будет опираться на окружающую среду, на то, с кем он взаимодействует, поэтому необходимо обеспечивать общение с профессионалами в его развивающейся сфере.

Выявленные психологические особенности корректны именно для курсантов. Сравнительный анализ параметров профессионального «Я-образа», полученных с помощью методики позволяет отметить следующее:

1. Курсанты в сравнении с действующими сотрудниками характеризуется незрелостью, которая проявляется в поверхностном отношении к собственному «Я», в ощущении слабости своего «Я»; в недостаточной способности к саморуководству.
2. Наличие внутренних противоречий, меньшая ригидность я концепции, положительная самооценка у курсантов составляют основу для улучшения навыков рефлексии и оптимизации формирования профессиональной я-концепции в процессе дальнейшей профессионализации.
3. Выявлена значимая положительная зависимость между показателями по шкалам у курсантов и сотрудников. Низкие показатели в группе курсантов. Тем самым, ориентируясь на показатели опытных сотрудников, мы можем выделить в практических рекомендациях, то, что является положительным фактором в профессиональной я концепции.
4. Уровень притязания напрямую оказывает влияние на компоненты профессиональной я концепции. Тем самым, курсантам особое внимание следует уделять своему самооцениванию.

При этом сравнительный анализ параметров профессиональной «Я-концепции», полученные при помощи методики «Методика самоуважения» Розенцвейга позволяет отметить следующее:

1. Курсантам необходимо стремиться к высоким показателям объективного самооценивания, развивая свои навыки в профессиональной деятельности, осваивать новые поставленные цели в профессии.
2. Сотрудники, в целом, адекватно оценивают себя и стремятся к развитию себя как личности в профессиональной сфере, а именно к получению нового навыка, карьерному росту, уважению себя как профессионала.
3. Были определены достаточно разный уровень притязания у каждого курсанта, в основном были определены низкие показатели, что указывает нам на недостаточное развитие профессиональной я концепции.

Таким образом, проведенное исследование позволило установить, что профессиональная Я-концепция курсантов образовательных организаций МВД России существенно отличается от аналогичных показателей у действующих сотрудников органов внутренних дел. Курсанты в процессе обучения лишь формируют представление о себе как будущих профессионалах,

что проявляется в более низких уровнях самоуважения, самопонимания, самоуверенности и притязаний. В то же время у сотрудников, прошедших этап профессионализации, наблюдается более стабильная, интегрированная Я-концепция, основанная на адекватной самооценке, внутренней уверенности и высокой степени осознания профессионального долга.

Полученные данные свидетельствуют о необходимости целенаправленного психолого-педагогического сопровождения курсантов, направленного на развитие у них навыков саморефлексии, позитивного самоотношения, ответственности за личностное и профессиональное развитие. Особую роль в этом процессе играют наставники и командиры, являющиеся носителями профессиональных ценностей и поведенческих образцов.

Формирование зрелой профессиональной Я-концепции у курсантов должно происходить на всех этапах обучения и включать осмысление своего «Я» в контексте профессиональной деятельности, принятие себя как личности и будущего сотрудника органов внутренних дел. Только в этом случае возможно развитие конкурентоспособного, устойчивого к профессиональным рискам специалиста, способного эффективно выполнять служебные задачи и нести ответственность за принятые решения.

Список источников

1. Агапов В. С. Становление Я-концепции руководителей : дис. ... доктора психол. наук. М. : РАГС, 2000.

References

1. Agapov V. S. Formation of the self-concept of managers : vis. ... Doctor of Psycholog. Sciences. M. : RAGS, 2000.

Библиографический список

1. Бадаев А. Г., Усачева И. В., Аникеева Н. В. Динамика профессионального Я-образа курсантов-психологов высшего образовательного учреждения МВД России // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 5.
2. Бодров В. А. Психологические исследования проблемы профессионализации личности // Психологические исследования проблемы формирования личности профессионала. М. : МГУ, 1991.
3. Дружинина В. Н. Специфика представлений об образе профессии в структуре профессиональной я-концепции сотрудников полиции // Прикладная психология и педагогика. 2019. Т. 4. № 4.
4. Подпорин И. В. Профессионально-ориентированная методика обучения в образовательных организациях МВД России как ресурс оценки

мотивации и подготовленности будущих сотрудников полиции // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 60-2.

5. Цветков В. Л., Новосельская С. Р. Особенности формирования образа профессии у курсантов образовательных организаций МВД России // Психология и педагогика служебной деятельности. 2021. № 2. С. 88–92.

Bibliographic list

1. Badaev A. G., Usacheva I. V., Anikeeva N. V. Dynamics of the professional self-image of psychology cadets of the higher educational institution of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 5.
2. Bodrov V.A. Psychological studies of the problem of personality professionalization // Psychological studies of the problem of formation of the

personality of a professional. М. : Moscow State University, 1991.

3. Druzhinina V. N. Specificity of ideas about the image of the profession in the structure of the professional self-concept of police officers // Applied psychology and pedagogy. 2019. Vol. 4. № 4.
4. Podporin I. V. Professionally-oriented teaching methods in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia as a resource for assessing the motivation and preparedness of future police officers // Problems of modern pedagogical education. 2018. № 60-2.
5. Tsvetkov V. L., Novoselskaya S. R. Features of the formation of the image of the profession among cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Psychology and pedagogy of service activities. 2021. № 2. P. 88–92.

Информация об авторах

В. Л. Цветков — начальник кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор психологических наук, профессор;

С. Р. Новосельская — преподаватель кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук.

Information about the authors

V. L. Tsvetkov — Head of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Official Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Psychological Sciences, Professor;

S. R. Novoselskaya — Lecturer of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Official Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.03.2025; одобрена после рецензирования 24.03.2025; принята к публикации 10.04.2025.

The article was submitted 03.03.2025; approved after reviewing 24.03.2025; accepted for publication 10.04.2025.